

ACADEMY OF SCIENCES, U.S.S.R. ● ACADEMY OF SCIENCES, GEORGIAN S.S.R.

TSERETELI INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
THE INSTITUTE FOR SLAVIC AND BALKAN STUDIES

INDO-EUROPEAN AND THE INDO-EUROPEANS

A RECONSTRUCTION
AND
HISTORICAL TYPOLOGICAL ANALYSIS
OF A PROTOLANGUAGE
AND
A PROTO-CULTURE

By
THOMAS V. GAMKRELIDZE
&
VJACHESLAV V. IVANOV

WITH A PREFACE
By
ROMAN JAKOBSON†

PART ONE

PUBLISHING HOUSE
OF THE TBILISI STATE UNIVERSITY
TBILISI * 1984

Т. В. ГАМКРЕЛИДЗЕ, Вяч. Вс. ИВАНОВ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ЯЗЫК И ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

РЕКОНСТРУКЦИЯ
И
ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ПРАЯЗЫКА
И
ПРОТОКУЛЬТУРЫ

С предисловием **Р. О. ЯКОБСОНА**

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТБИЛИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ТБИЛИСИ * 1984

მონოგრაფიაში განხილულია შედარებით-ისტორიული (დიაქრონიული) ენათმეცნიერების თეორიული პრობლემები ტიპოლოგიურ და უნივერსალიათა ლინგვისტიკასთან შეპირისპირებით.

ლინგვისტური საკითხების კვლევა წარმოებს ინდო-ევროპულ ხალხთა (ინდოევროპულ დიალექტებზე მეტყველ ტომთა) ეთნოგენეზის პრობლემათა ფართო ტიპოლოგიურ ფონზე. ამასთან გათვალისწინებულია მათი კულტურულ-ისტორიული ურთიერთობანი ევრაზიის კონტინენტზე მომიჯნავე რეგიონებში მოსახლე სხვა ტომებთან და ხალხებთან.

წიგნი საინტერესო იქნება ფართო პროფილის ფილოლოგებისა და ისტორიკოსებისათვის, ლინგვისტთეორეტიკოსების, არქეოლოგების, ეთნოლოგებისა და კულტურის ისტორიკოსთათვის.

სსრკ მეცნიერებათა აკადემია • საქ. სსრ მეცნიერებათა აკადემია

აკად. ვ. წერეთლის სახ. აღმოსავლეთმცოდნეობის ინსტიტუტი
სლავთმცოდნეობისა და ბალკანისტიკის ინსტიტუტი

თ. გამყრალიძე, ვ. ივანოვი

ინდოევროპული ენა და ინდოევროპელები

წინარეებისა

და

წინარეკულტურის

რეკონსტრუქცია

და

ისტორიულ-ტიპოლოგიური

ანალიზი

რომან იაკობსონის

წინასიტყვაობით

თბილისის უნივერსიტეტის

გ ა მ ც ე მ ლ ო ბ ა

თბილისი • 1984

В монографии исследуются теоретические проблемы сравнительно-исторического (диахронического) языкознания в сопоставлении с типологической лингвистикой и лингвистикой универсалий.

Исследование лингвистических вопросов проводится на широком типологическом фоне проблематики этногенеза индоевропейских народов (племен-носителей индоевропейских диалектов) и их культурно-исторических взаимоотношений в древности с другими племенами и народами сопредельных ареалов на континенте Евразии.

Книга представит интерес для филологов и историков широкого профиля, лингвистов-теоретиков, археологов, этнологов и историков культуры.

© Издательство Тбилисского Университета, 1984

Г $\frac{46020\ 10000}{M\ 608\ (06) - 84}$

**ПАМЯТИ
НАШИХ УЧИТЕЛЕЙ:**

*Петерсона Михаила Николаевича
(1885 — 1962)*

*Ахведиани Георгия Саридановича
(1887 — 1973)*

*Церетели Георгия Васильевича
(1904 — 1973)*

ОТ АВТОРОВ

Вторая половина XX столетия ознаменовалась в развитии языкознания возрастанием интереса к проблемам диахронической лингвистики, что было мотивировано общим развитием лингвистической мысли последних десятилетий. Преодолевая сосюрровскую антиномию диахронической и синхронной лингвистики, наука о языке стремится к построению такой лингвистической теории, которая обладала бы большей объяснительной силой по сравнению с чисто таксономическими построениями синхронной грамматики.

Возрастание интереса к диахронической лингвистике обуславливает в известной мере возврат к обсуждению проблем, возникших в классическом индоевропейском сравнительно-историческом языкознании, и к освещению их с применением новых методов языкового описания, разработанных различными направлениями синхронной лингвистики и языковой типологии.

Этот последний аспект языкового анализа приобретает особое значение в современной лингвистике, поскольку он позволяет выявить универсальные языковые категории, характеризующие глубинные структуры языка, и определить степени различия между многообразными историческими языковыми системами.

Вместе с тем, язык как общественное явление и как феномен человеческой культуры тесно связан с другими проявлениями культуры. Поэтому язык как в синхронии, так и диахронии должен изучаться в тесной связи со всеми аспектами человеческой культуры, исследование которых и составляет предмет современной культурной антропологии.

Настоящая книга излагает результаты наших сравнительных исследований по индоевропейским языкам и реконструкции праиндоевропейского языкового состояния, из которого и выводятся исторические индоевропейские языки. При этом праиндоевропейская система рассматривается в типологическом сопоставлении с другими языковыми системами, в особенности с системами смежных географических ареалов, с которыми праиндоевропейская система должна была находиться в определенных отношениях в течение длительного периода.

В соответствии с этим первая часть книги содержит изложение результатов лингвистического — фонологического, морфологического, синтаксического и ареально-диалектологического — анализа индоевропейского праязыка. Тем не менее, настоящее исследование не следует рассматривать как систематическое изложение по отдельным раз-

делам сравнительной грамматики индоевропейских языков, как это дается в стандартных руководствах. Первая часть настоящей работы представляет собой скорее исследование ключевых вопросов структуры индоевропейского праязыка, охватывающее широкий круг фактов и дающее достаточно полное представление о характере этого языка в его динамическом развитии и его типологическом соотношении с другими языковыми системами.

Во второй части исследуется с достаточной степенью полноты праиндоевропейская лексика, представленная по семантическим группам, и фрагменты индоевропейской культуры, реконструированной на ее основе, а также культурно-исторические связи индоевропейской лексики с широким кругом языков древней Евразии. Это, собственно говоря, словарь общеиндоевропейских лексем, расположенный не в алфавитном порядке (такой порядок расположения слов дается в прилагаемом индексе общеиндоевропейских форм), а по смысловым группам, объединяющим слова общей семантики. В отличие от известного индоевропейского словаря Покорного, каждая словарная статья *Семантического словаря* рассматривает не только формальные соответствия между родственными словами индоевропейских диалектов, которые позволяют реконструировать индоевропейский архетип, но и разбирает все явления материальной и духовной культуры, которые в отдельных традициях связываются со словами данного корня. На этом основании дается затем соответствующая реконструкция и для общеиндоевропейского уровня.

Работа завершается особым разделом, в котором излагаются результаты исследования лингвистических и культурно-исторических данных в связи с проблемой индоевропейской прародины и путей миграций индоевропейских племен на континенте Евразии в исторические места их обитания.

Широкий круг излагаемых в работе вопросов может представить интерес как для лингвистов, так и для историков, археологов, этнологов и историков культуры.

Учитывая специальный характер отдельных разделов книги (в особенности ее лингвистической части), можно было бы рекомендовать особую последовательность чтения глав в зависимости от интересов читателя. В частности, вторую часть книги, в которой излагаются культурно-исторические проблемы в лингвистическом освещении, а также последний раздел об индоевропейских миграциях можно читать без предварительного ознакомления со всей первой частью (ограничиваясь обращением лишь к тем местам первой части, к которым есть специальные отсылки в тексте). В свою очередь этот последний раздел представляет собой в сущности независимую часть книги и может быть прочтен без обязательного ознакомления с предыдущими частями. Тем не менее желательнее время от времени обращаться

ся при его чтении к предшествующей словарной части для более детального ознакомления с аргументацией, касающейся истории отдельных слов, которые в этом разделе приводятся для освещения собственно исторической проблематики.

С другой стороны, читатель-лингвист при желании может ограничиться чтением первой части, не вдаваясь в детали второй.

Однако органическая связь обеих частей совершенно очевидна, что и обусловило их включение в единую книгу с едиными сквозными «Указателями», которые могут служить справочником или словником для читателя, интересующегося конкретной частной проблемой, обсуждаемой в различных частях работы.

Настоящая работа представляет собой результат совместных исследований, которые велись авторами начиная с 1970 г. Книга возникла при этом не путем механического соединения отдельных частей, написанных авторами порознь, а в итоге последовательного изложения выводов и результатов многолетних совместных исследований, полученных при детальном обсуждении возникавших в процессе работы научных проблем и выработке согласованных формулировок.

Следует заметить, что в процессе написания и подготовки книги к печати появлялись вплоть до самого последнего времени работы, перекликающиеся с положениями авторов. Мы постарались по возможности учесть эти работы в основном тексте и представить их в «Библиографии» в уверенности, что многочисленность подобных совпадений является лучшим подтверждением правильности выдвигаемых положений. Литература последних лет (особенно 1983 г.) частично могла быть учтена лишь в «Послесловии» ко всей монографии, в котором рассматриваются и работы, непосредственно касающиеся выдвигаемых авторами положений и представляющие первый отклик на них (см. также «Дополнения и Исправления», стр. 1317 и след.).

Авторы считают своим приятным долгом выразить благодарность всем лицам, принявшим участие в той или иной форме в обсуждении и критике отдельных положений работы, которые излагались авторами на протяжении этого времени в специальных сообщениях и докладах. Здесь следует упомянуть в первую очередь наших учителей, ныне покойных ученых Г. С. Ахвледиани и Г. В. Церетели, проявлявших постоянный интерес к нашей работе на начальных ее этапах, а также В. И. Абасва, А. А. Зализняка, В. Н. Топорова, Т. Е. Гудава, И. М. Дьяконова, И. М. Стеблина-Каменского, С. Д. Кацнельсона, Г. В. Степанова; зарубежных ученых — J. H. Greenberg, M. Maurohofer, O. Szemerényi, C. Watkins, J. Catford, W. Ph. Lehmann, E. Polomé, E. Hamp, H. Pilch, W. Winter, E. Risch, R. Schmitt-Brandt, A. H. Kuipers, H. Hoenigswald, A. Kammenhuber, A. Morpurgo Davis, M. Gimbutas, W. Cowgill, H. Birnbaum, R. Anttila, R. Austerlitz, K. Strunk, R. Schmitt, K. H. Schmidt, H. Aronson, J. Greppin, J. Nichols и др.

Особо следует отметить то, в какой мере авторы книги обязаны Р. О. Якобсону — недавно скончавшемуся крупнейшему ученому современности, одному из основателей современной лингвистики, многие лингвистические идеи которого легли в основу настоящей книги. На всем протяжении работы над книгой авторы обсуждали с ним возникавшие проблемы и получаемые результаты, что во многом способствовало выработке и изложению основных положений монографии. Постоянное его участие в этой совместной работе и отразилось в «Предисловии» Р. О. Якобсона к книге, написанном по завершении авторами текста настоящего исследования. Это «Предисловие» является, очевидно, одной из последних работ, оставленных покойным ученым.

ТБИЛИСИ~ЦАВКИСИ~ПЕРЕДЕЛКИНО~МОСКВА

1970 — 1983

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

К любимым темам и главным задачам языкознания с прошлого столетия до начальных лет века нынешнего принадлежали вопросы реконструкции индоевропейского праязыка, и в международном университетском обиходе основная, а зачастую единственная лингвистическая кафедра была и обычно именовалась кафедрой сравнительного индоевропейского языкознания. Именно названная эпоха подытожила в классических руководствах результаты своих настойчивых усилий, направленных к обнаружению разнообразных особенностей того общего праязыка, к которому восходят генетически сродные члены т. н. индоевропейской языковой семьи.

В разгаре двадцатого века смена очередных языковедческих задач сказалась, с одной стороны, в участившихся опытах приложения технических приемов и навыков, выработанных индоевропеистикой, к другим языковым семействам Старого, а также Нового света, с другой же стороны, наступило увлечение методами строго описательного подхода к отдельным языкам на данном этапе их развития безотносительно к вопросам исторического сравнения с иными этапами и с родственными языками. Эти оба круга очередных разысканий неизбежно вели к проверке и критическому пересмотру унаследованной методологии.

С одной стороны, применение сравнительно-исторических розысков к вопросу о предках и родственных узлах различных и разнородных семейств углубляло и обогащало проблематику языковой реконструкции, с другой стороны, именно описательная лингвистика выдвинула основоположные вопросы языковой системы и ее закономерной структуры и, в частности, положила начало планомерному исследованию взаимоотношений звуковой формы и значения.

Между вышеотмеченным расширением сравнительно-исторической проблематики и явной установкой описательной лингвистики на вскрытие системной структуры естественно возникает процесс интеграции: отпадает принудительность ограничения задач сравнительного языкознания одним лишь генетическим сравнением, и одновременно вопросы системной структуры выходят наконец за пределы описательной лингвистики и находят себе благодарное приложение к историческому прошлому изучаемых и реконструируемых языков.

Впервые осознается неразрывность идей закономерной системы и ее изменений, в свою очередь закономерных. Пределы лингвистического сравнения существенно раздвигаются: к изучению общего наследия языковых семейств присоединяются новые задания. Во-первых, подлежат выяснению общности, приобретенные звуковым и грамматическим строем языков пространственно смежных и вступающих таким образом в своего рода союзные отношения. Во-вторых, определена возможность и даже необходимость сопоставления разнообразных языковых (и прежде всего, звуковых) систем безотносительно к вопросу о наличии либо отсутствии генетического родства или географической близости.

В результате сравнительного анализа всех этих систем встала на очередь их последовательная типологическая классификация и ее умозрительное обоснование. При таких предпосылках показания живых языков, поддержанные документацией языков исторических, позволяют проверить вероятность реконструируемых сравнительным методом праязыковых систем и убедительно подсказывают наиболее правдоподобное решение трудных реконструктивных задач. Словом, типологическое сравнение оказывает благотворную помощь сравнительно-историческим операциям.

Все эти новооткрытые или, по меньшей мере, заново продуманные общелингвистические принципы предъявляют теперь каждой конкретной исследовательской работе неизбывные и неотложные требования. Издаваемый труд Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова — **Индоевропейский язык и индоевропейцы** — всецело выполняет свое, подсказанное в подзаголовке, назначение: “Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры”. Те глубокие сдвиги и преобразования, которые характеризуют достигнутый этап в развитии науки о языке и в которых немалая творческая роль выпала на долю обоих авторов книги, легли в ее методологическую основу. Здесь взяты на учет подступы международных искателей ко всем частным вопросам праиндоевропейской лингвистической древности, и дана увлекательная реплика на тезисы, вошедшие в длительный научный обиход на рубеже двух столетий. Нынешний труд выделяется не только своими непривычными ответами на давние вопросы, но и самой постановкой вопросов и небывало широким тематическим горизонтом.

В соответствии с диалектическим снятием дихотомии временного хода и разреза (диахронии и синхронии) и с параллельным включением пространственной диффузии в число внутренне-языковых факторов книга естественно претворяет заветами ученой старины статическую и единообразную во времени и пространстве схему общеиндоевропейского языка и создает образец динамической синхронии с ее целостным охватом устоев праязыка, его эволюционных сдвигов, его же внутренней, областной дифференциации и его поочередных скрещиваний с соседними языковыми ареалами. Именно в свете вопросов о взаимных отношениях диалектов индоевропейского праязыка и о его соотношении со смежными праязыками возникает многообещающая работа авторов над географическим определением индоевропейской (видимо, переднеазиатской) прародины и над предполагаемыми путями

исходных миграций, пережитых различными отрогками общинно-европейского ареала.

Расширительная трактовка двух понятий — сравнение и система — в современном языкознании сопряжена с неуклонно прогрессирующей релятивизацией всего языкового состава и все более последовательным преобразованием лингвистики в науку о внутриязыковых отношениях, причем вниманием языковедов, особенно Иванова и Гамкрелидзе, в первую очередь владеет неразрывная взаимосвязь между частями и целым, а главное — узловой пункт всей этой сложной проблематики — соотношение инварианта и вариации, насыщенная тема всего современного научного мышления. Зависимость вариации от многообразия контекстов становится все более ясна в ладу с развитием тезиса лингвистики наших дней, противопоставляющего языкам, независимым от изменчивого контекста (*context-free*), т. е. искусственным, формализованным системам, природный язык, прилаживающийся к контексту (*context-sensitive*). Здесь, конечно, вариация формы и значения играет существенную роль: как в плане звуковом, так и на разных уровнях грамматических значений систематическое извлечение инвариантов вырастает в центральную лингвистическую задачу.

На примере реконструкции индоевропейского языка вся эта методологическая программа широко развернута. С разложением фонемы на минимальные смысловоразличительные компоненты понятие контекста, ранее ограничивавшееся временной последовательностью фонемосочетания, распространилось на сочетание одновременных компонентов, и двойное измерение фонологических сочетаний шаг за шагом открывает новые, необследованные типологические закономерности в соотношении между обоими классами сочетаний и внутри таковых. Примечательны типологические работы авторов над предпочитаемыми или же, напротив, избегаемыми сочетаниями дифференциальных компонентов “на оси одновременности” (ср. тезисы Т. В. Гамкрелидзе в сборнике Института Языкознания АН СССР, *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка, 1977*) и над разновидностями симметрических отношений, лежащими, как показывает В. В. Иванов, в основе языкового строя. В особенности картина индоевропейского консонантизма приобретает в продуманном труде обоих авторов разительные новые, внутренне убедительные очертания.

С развитием проблематики контекста упрощенческая трактовка стилистических вариантов как вариантов “свободных” уступает место пониманию **стиля** как своеобразного контекста, и условия, предъявляемые языку различными речевыми функциями, входят явственно в круг общих понятий контекста. Мы обязаны справедливой инициативе авторов включением индоевропейской поэтики, в частности метрики и поднятых Соссюром вопросов **интертекстуальной** традиции, в число задач праязыковой реконструкции.

Вопросы реконструкции праязыка и протокультуры недаром поставлены **системно** как связанные части единого целого; последовательно целостный подход **приводит** расположения реконструируемой праязыковой лексики по семантическим гнездам и восстановления соответствующих доисторических

реалий через призму общеиндоевропейского словаря. Идея лексики как структурной системы, обычно отстававшая в разработке по сравнению с звуковым и грамматическим планом, приобретает надежное основание, и в таких областях, как, например, мифология и ритуалы, она открывает дорогу к систематическому приложению сравнительного метода.

По числу и масштабу заданных вопросов и предложенных ответов новое исследование занимает исключительное место. Доподлинно соответствуя вершинным предпосылкам современной теоретической мысли, книга в свою очередь, без сомнения, даст многоценные импульсы не только различного склада исследователям языка и языков, но и работникам смежных дисциплин, в частности этнологам, историкам культуры и археологам. Немало плодотворных дискуссий вырастет в международной науке из этого знаменательного труда.

Р. Якобсон

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРОВ	ix
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	xiii
ОБЗОР ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ГРУППАМ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ И НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ ИСТОРИЧЕСКИ <u>СМЕЖНЫХ</u> АРЕАЛОВ	В-К-У <i>решило</i> xlvi
СИСТЕМА ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ЯЗЫКОВ С ПИСЬМЕННОСТЯМИ НА НЕЛАТИНСКОЙ ОСНОВЕ	lvii
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	
А. Языки и диалекты	Lxiv
В. Грамматическая терминология	Lxviii
С. Источники	Lxx
ВВЕДЕНИЕ	
<u>ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА И ПРЕДПОСЫЛКИ</u> ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ	+ <i>Синхронизм.</i>
1. Языковая система знаков	Lxxiii
2. Истолкование формально-смыслового сходства между знаками различных языков и понятие родственных языков	Lxxv
3. Проблема общей языковой системы и методы ее реконструкции. Типологическая верификация реконструируемых моделей	Lxxx
4. Реконструкция звуковых единиц языка как пучков или сочетаний дистинктивных и фонетических признаков и их иерархические соотношения в системе	Lxxxv
5. Принципы семантической реконструкции	xc
6. Реконструируемая языковая система в пространстве и времени	xcı
7. Определение первоначальной территории распространения общего языка и путей миграций носителей его диалектов. Проблема соотнесения комплексов культуры, восстанавливаемых по лингвистическим и археологическим данным	xciv
И. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов	

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**СТРУКТУРА ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА****РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ****ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И МОРФОНОЛОГИЯ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА****ГЛАВА ПЕРВАЯ****ТРИ СЕРИИ ИНДООЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ. ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА**

1. Три серии смычных фонем в индоевропейском и проблема дефектности лабиального ряда
  - 1.1. Традиционная система общеиндоевропейских смычных 5
  - 1.2. Реинтерпретация традиционной системы Х. Педерсеном 7
2. Типологическая интерпретация трех серий индоевропейских смычных
  - 2.1. Несоответствие «классической» индоевропейской системы смычных данным фонологической типологии 9
  - 2.2. Реинтерпретация системы индоевропейских смычных. Глоттализация как естественный признак дефективной серии смычных 12
  - 2.3. Фонологическая характеристика постулируемой системы индоевропейских смычных 16
3. Фонотактика и правила сочетаемости фонем различных серий в индоевропейском
  - 3.1. Основные структурные модели индоевропейского корня 17
4. Дистрибуция аллофонов фонем звонкой и глухой серий
  - 4.1. Распределение придыхательных аллофонов фонем и их отражение в древнеиндийском и греческом. «Закон Грассмана» как индоевропейское правило выбора аллофонов фонем серии II 21
  - 4.2. Рефлексы распределения придыхательных аллофонов в итальянском 25
  - 4.3. Распределение придыхательных аллофонов глухих индоевропейских фонем в контактной и дистантной последовательности 27
  - 4.4. Контактная последовательность индоевропейских фонем и «закон Бартоломэ» 32
5. Диахроническая выводимость постулированной фонологической системы и траектории фонемных переходов в исторических индоевропейских диалектах
  - 5.1. Диахроническая выводимость германской системы и «закон Гримма» 35
  - 5.2. Диахроническая выводимость армянской системы 41
  - 5.3. Диахроническая выводимость анатолийской системы 45
  - 5.4. Диахроническая выводимость тохарской системы 49
  - 5.5. Диахроническая выводимость системы с озвонченной серией индоевропейских глоттализированных 49
  - 5.6. Диахроническая выводимость индо-иранской системы 52
  - 5.7. Диахроническая выводимость греческой системы 58
  - 5.8. Диахроническая выводимость итальянской системы 64

5.9. Диахроническая выводимость систем со слиянием фонемных серий I и II. Кельтская и балто-славянская системы	74
5.10. Классификация исторических диалектов по характеру отражения в них трех серий индоевропейских смычных. Архаичность германского консонантизма и переосмысление «закона Гримма»	78

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛОКАЛЬНЫЕ РЯДЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ СМЫЧНЫХ И КЛАСС СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ. ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА

1. Фонологическая характеристика локальных рядов согласных	
1.1. «Фонетически естественные» ряды смычных: антериорные и постериорные	81
1.2. Типология модификаций основных рядов смычных	82
2. Локальные ряды индоевропейских «гуттуральных»	
2.1. Велярный ряд	85
2.2. Лабиевелярный ряд	85
2.3. Изменения лабиевелярных в исторических диалектах. Следы лабиализации заднеязычных в индо-иранском	90
2.4. Реконструкция палатализованного ряда заднеязычных в индоевропейском	94
2.5. Структура индоевропейского корня и палатализованный ряд велярных	95
3. Проблема языков <i>centum</i> и <i>satəm</i>	
3.1. Классификация индоевропейских диалектов по отражению рядов «гуттуральных»	98
3.2. Индоевропейские диалекты с переходом (слиянием) палатализованного ряда в велярный (диалекты группы <i>centum</i>). Позиционные ограничения такого перехода	99
3.3. Индоевропейские диалекты с переходом палатализованного ряда в соответствующие аффрикаты и спиранты (диалекты группы <i>satəm</i>). Диахроническая типология изменений палатализованных	103
3.4. Позиционные ограничения перехода палатализованных в аффрикаты и спиранты в диалектах группы <i>satəm</i> как следствие нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный	109
3.5. Индоевропейские диалекты <i>centum</i> и <i>satəm</i> как результат «движения» палатализованного ряда «гуттуральных» соответственно в различных фонетических направлениях	114
4. Система индоевропейских сибилантных спирантов	
4.1. Сибилантная фрикативная фонема / <i>*s</i> /	116
4.2. Сравнительно-исторические данные для постулирования особого класса сибилантных спирантов. Компактная фрикативная фонема / <i>*ʃ</i> /	119
4.3. Лабиялизованная фрикативная фонема / <i>*ʃ⁰</i> /	122
4.4. Фонологическая характеристика системы индоевропейских сибилантных спирантов	126
4.5. Фонологическое взаимодействие и перераспределение в системе рефлексов индоевропейских сибилантных спирантов и палатализованных в диалектах группы <i>satəm</i>	127
4.6. Следы возможных индоевропейских фонем поствелярного и лабиодентального рядов	129

5. Индоевропейская система шумных фонем (смычных, спирантов) в структурном сопоставлении с типологически близкими системами: картвельской (южнокавказской), абхазско-адыгской, семитской 134
6. Принципы сочетаемости локальных рядов смычных в корне и структура индоевропейских консонантных комплексов
  - 6.1. Правила совместности в корне смычных фонем различных рядов и серий 139
  - 6.2. Варьирование смычных в пределах корня 143
  - 6.3. Ограничения, накладываемые на допустимые в корне сочетания смычных по локальным рядам. Акцессивные и децессивные последовательности согласных (дистантные и контактные) 144
  - 6.4. Суперация акцессивных комплексов и «спиранты Бругмана» 147

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ И ТЕОРИЯ МОРФОНОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ. СОНАНТЫ И «ЛАРИНГАЛЬНЫЕ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

1. Система гласных и возникновение механизма аблаутных чередований в индоевропейском
  - 1.1. Условия появления нулевой ступени огласовки 152
  - 1.2. «Слабая» и «сильная» ступени огласовки и первоначальный треугольник индоевропейских гласных $i \sim a \sim u$. Система «ларингальных» фонем в раннем индоевропейском 157
  - 1.3. Возникновение слоговых сонорных звуков и образование системы сонантов в индоевропейском. Первоначальные гласные $*i$ и $*u$ как члены сонантического класса фонем 161
  - 1.4. Индоевропейские «ларингальные» как фонемы сонантического типа 165
  - 1.5. Формы полиогласного восстановления редуцированной ступени огласовки и возникновение треугольной системы гласных « $e \sim a \sim o$ » 167
  - 1.6. Дефонологизация «ларингальных» фонем и слияние их в единую «ларингальную» фонему. Влияние «ларингальной» на вокалическое количество 170
  - 1.7. Огласовка « o » как первоначальная разновидность слабой ступени и становление « o » как особого звена в системе позднеиндоевропейских чередований по аблауту 172
  - 1.8. Возникновение ступени растяжения в системе индоевропейского аблаута 181
  - 1.9. Долгие гласные в именных формах среднего рода. Расширители именных основ как маркеры имен инактивного класса 186
  - 1.10. Динамика возникновения и развития индоевропейских чередований по аблауту 191
  - 1.11. Позднеобщиндоевропейская система акцентуации 194
2. Позднеиндоевропейская система сонантов и «ларингальной» фонемы
  - 2.1. Позиционное распределение аллофонов сонантических фонем. Три позиционных аллофона сонантов. Варьирование неслоговых аллофонов 195
  - 2.2. Дистрибутивные особенности «ларингальной» фонемы 197
  - 2.3. Рефлексы аллофонов сонантов в исторических индоевропейских диалектах 198

- 2.4. Аллофоны «ларингальной» фонемы и их рефлексы в исторических индоевропейских диалектах 202
- 2.5. Типология преобразования «ларингальных» в сочетании с гласными звуками 211
- 2.6. Подсистема индоевропейских фонем с троячными противопоставлениями и ее преобразования 213

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СТРУКТУРА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ

- ① Канонические формы корневых морфем
- 1.1. Структурные типы индоевропейских морфем: корень, суффикс 215
- 1.2. Корни с начальным сибилантизм спирантом 219
- 1.3. Структурные типы редупликации корня 219
- ② Структурные типы сопряженных основ
- 2.1. Основные аблаутные ступени корневых морфем и их структурные особенности 222
- 2.2. Два аблаутных состояния сопряженных основ и биомы Бенвениста 225
- 2.3. Индоевропейские основы с «ларингальным» суффиксом, представляющие в одном из двух возможных аблаутных состояний 230
- 2.4. Индоевропейские «трехконсонантные» корни с *Schwebeablaut*'ом 232
- 2.5. Индоевропейские «трехконсонантные» корни с *Schwebeablaut*'ом и проблема их морфологической членности 237
- 2.6. Корневые структуры с исходом на *-i- и *-u- и более поздним аблаутным состоянием I и проблема древних неапофоничных *-i- и *-u- 241
- 2.7. Структурные типы индоевропейских корневых морфем с начальной или конечной гласной : VC⁰-, C⁰V- 244
- 2.8. Внутренняя реконструкция древнейших синтагматических сочетаний морфологических элементов и правила их порождения 247
- 2.9. Динамика развития архаичных индоевропейских морфемных структур 251
- ③ Типология реконструируемой общиндоевропейской морфологической структуры
- 3.1. Канонические формы и структура корневых морфем в общекартвельском в сопоставлении с индоевропейским 252
- 3.2. Структурные следы «веляризованных» и «лабиализованных» согласных в пракартвельском и их типологические аналоги в праиндоевропейском 255
- 3.3. Типы редупликации корня в картвельском в сопоставлении с индоевропейской редупликацией 257
- 3.4. Механизм морфологических чередований в картвельском и два аблаутных состояния сопряженных основ 259
- 3.5. Система сонантов в картвельском в ее сопоставлении с индоевропейскими сонантами. Вариативность сонантов в картвельском и индоевропейском. «Ларингальные» фонемы как отличительный признак индоевропейской фонемной системы 262

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКИЙ КАК ЯЗЫК АКТИВНОЙ ТИПОЛОГИИ

1. Бинаризм общиндоевропейской грамматической структуры.
Бинарная структура именных категорий
  - 1.1. Образования генитива на **-os* и **-om* в индоевропейском и их соотношение с бинарной классификацией имен: актив ~ инактив 267
  - 1.2. Показатели иоминатива **-os* и аккузатива **-om* как первоначальные маркеры соответственно активного и инактивного классов именных образований 271
  - 1.3. Маркеры имен инактивного класса и основные семантические принципы бинарной классификации имен на активные и инактивные 273
  - 1.4. Класс семантически инактивных имен и структурно-синтаксический инактив. Происхождение родительного падежа в индоевропейском 275
  - 1.5. Атрибутивные конструкции на **-os* и **-om* 277
  - 1.6. Возникновение в индоевропейском адъективных образований из определительных конструкций и первоначальная двоичная (бинарная) структура родовых образований 279
2. Происхождение индоевропейской именной парадигмы
  - 2.1. Возникновение форм множественного числа в индоевропейском. Собирательные формы на **-aH* древнего инактивного класса 281
  - 2.2. Собирательные формы на **-iH* древнего инактивного класса и развитие форм генитива на **-ī* 284
  - 2.3. Развитие дательного падежа и локатива в индоевропейском и становление именной парадигмы 285
3. Способы выражения принадлежности в индоевропейском
  - 3.1. Глагольные формы выражения принадлежности как отражение древнеиндоевропейской активной структуры. Глагол «быть» в посессивном значении 288
  - 3.2. Выражение «отчуждаемой» и «неотчуждаемой» принадлежности 289
4. Бинарная структура индоевропейской прономинальной системы
  - 4.1. Инклюзив-эксклюзив 291
5. Бинарная структура глагольных категорий
  - 5.1. Дублетные глагольные лексемы как отражение бинарной семантической классификации имен по активу — инактиву 293
  - 5.2. Два ряда глагольных показателей: **-mi* и **-Ha*, соотносимых с активной и инактивной актантами. Отражение этих рядов в хеттском и других индоевропейских диалектах 296
  - 5.3. Историческое соотношение индоевропейского перфекта и медиума 300
  - 5.4. Суффикс **-ni^[h]* как показатель соотношенности именного образования с активным классом и происхождение причастной формы на **-ni^[h]* в индоевропейском 302

5.5. Глагольные окончания *-ni ^[h] - и *-r- и оформленные парадигмы множественного числа глагола	304
5.6. Словообразовательные способы выражения множественности актант в глагольной форме. Редупликация, суффикс *-sk ^[h] -	306
6. Активная типология праиндоевропейского языка	
6.1. Структурные импликация активности в индоевропейском	308
6.2. Общая типологическая характеристика языков активного строя	309
6.3. Преобразование праиндоевропейского активного строя в номинативный (аккузативный) как результат сдвигов в глубинной структуре языка	311
6.4. Эргативность и номинативность (аккузативность) как грамматические разновидности проявления в поверхностной структуре языка тождественных глубинных соотношений. Транзитивность — нитранзитивность как семантическая доминанта языков эргативного и номинативного (аккузативного) строя	313
6.5. Типология структурных преобразований языка активного строя	314

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ТИПОЛОГИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИНТАГМАТИКИ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Синтаксическая структура ядра предложения в индоевропейском	
1.1. Реконструкция модели SOV и ее отражение в исторических индоевропейских диалектах	320
1.2. Структура сложных слов в исторических диалектах как отражение синтаксического порядка OV	324
2. Структурные импликация языка с моделью предложения SOV в строении индоевропейского глагола	
2.1. Типология языков структуры SVO и SOV. Взаиморасположение элементов синтагмы OV как один из факторов, определяющих грамматическую синтагматику языка	325
2.2. Агглютинативная структура «первичных» и «вторичных» окончаний глагола в индоевропейском	327
2.3. Агглютинативное строение медиальных глагольных окончаний в индоевропейском	330
3. Типология «версионных» отношений и индоевропейский медиум	
3.1. Индоевропейский «медиум» как способ выражения версионных отношений	333
3.2. Преобразование медиума в индоевропейском в связи с категорией транзитивности ~ нитранзитивности и появление аналитических способов выражения версионных отношений. Медиум и пассив	336
3.3. «Центростремительные» глагольные формы в индоевропейском и «гипотетичность» выражаемого перфектом значения	338
4. Ранговая структура индоевропейской глагольной словоформы	
4.1. Взаиморасположение суффиксов в глагольных словоформах ряда *-mi	339
4.2. Взаиморасположение суффиксов в глагольной основе	344
5. Структурные импликация языка с моделью предложения SOV в строении индоевропейских именных конструкций	
5.1. Препозитивные адъективные конструкции в индоевропейском и их отражение в словосочетаниях и сложных словах исторических диалектов	348

- 5.2. Препозитивные генитивные конструкции в индоевропейском 350
- 5.3. Препозиция релятивной конструкции в индоевропейском. Относительные частицы в функции определителей 352
- 5.4. Структура древней синтаксической сравнительной конструкции в индоевропейском 354
6. Внутренние синтаксические отношения в синтагме структуры OV и VO
- 6.1. Проблема происхождения адвербов, послелогов и предлогов в индоевропейском 355
7. Структура простого предложения в индоевропейском
- 7.1. «Правая» и «левая» синтаксические компоненты предложения и ранговая структура левой компоненты 358
- 7.2. Составляющие компоненты простого предложения в индоевропейском и взаимозависимость синтаксических ячеек 362
- 7.3. Структурные взаимоотношения синтаксических ячеек-компонент простого предложения и трансформация переноса членов правой компоненты в левую 364

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

АРЕАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЧЛЕНЕНИЕ ИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ

1. Формирование исторических индоевропейских диалектов
- 1.1. Принципы выделения изоглосс разных уровней для определения диалектного членения языка. Диалектное членение общиндоевропейского языка 371
2. Грамматические изоглоссы как способ группировки индоевропейских диалектов
- 2.1. Именительный падеж единственного числа и система трех родов в индоевропейских диалектах 374
- 2.2. Родительный падеж единственного числа 375
- 2.3. Формы творительного падежа единственного и множественного числа. Падежи с показателями **-b(h)-* и **-m-* 379
- 2.4. Форма местного падежа множественного числа 382
- 2.5. Формы двойственного числа. Парадигма личного местоимения 1 л. ед. ч. 383
- 2.6. Формы деиктических местоимений. Энклитические местоимения в аналитическом как архаическое соответствие денкису в остальных индоевропейских диалектах 384
- 2.7. Формы относительного местоимения в индоевропейских диалектах 387
- 2.8. Образование степеней сравнения прилагательных 387
- 2.9. Образование категории аориста и трансформация общиндоевропейской бинарной системы глагола 388

2.10. Образование двух типов меднальных форм на *-(H)oi, *-moi и *-r в индоевропейском. Группировка диалектов по этим типам	390
2.11. Конъюнктив на долгий гласный	392
2.12. Модальные образования на *-l-. Медиопассивные причастия на *-to-	393
3. Хронологическая последовательность этапов расчленения диалектных групп индоевропейского языка	
3.1. Соотнесение грамматических изоглосс с этапами диалектного членения индоевропейского языка	393
3.2. Деривационно-пространственная модель хронологической последовательности индоевропейских диалектных групп	398
4. Фонологические изоглоссы в соотнесении с грамматическими изоглоссами как отражение членения индоевропейских диалектов	
4.1. Соотнесение фонологических изоглосс с хронологическими уровнями, устанавливаемыми по морфологическим изоглоссам	400
4.2. Релятивная хронология преобразований в диалектных группах трех серий индоевропейских смычных	400
4.3. Модель распределения смычных фонем в синтагматической последовательности. Диалектная и хронологическая соотнесенность этих моделей	403
4.4. Релятивная хронология преобразований трех рядов постериорных смычных. Хронологическая соотнесенность образования диалектов группы satəm	407
4.5. Хронология «движения» палатализованного ряда в диалектах классификационной группы centum и преобразования лабиовелярных	408
4.6. Хронология «движения» палатализованного ряда в диалектах классификационной группы satəm. Возникновение аффрикат и преобразование системы фрикативных	410
4.7. Отражение нейтрализации противопоставления палатализованного ряда велярных в диалектах группы satəm	411
4.8. Хронология преобразования лабиовелярного ряда в языках классификационной группы satəm	412
4.9. Рефлексы слоговых сонантов в различных диалектных группах и хронологическая соотнесенность процесса вокализации сонантов	414
4.10. Выделение этапов формирования исторических индоевропейских диалектов как конечных хронологических уровней пространственно-деривационной модели членения общиндоевропейской языковой области	416
<i>Т.М. Гарипов</i>	
5. Лексические изоглоссы как отражение членения индоевропейской языковой общности	
5.1. Хронологическая последовательность диалектных ареалов по лексическим изоглоссам в соотнесении с грамматическими и фонологическими изоглоссами	416
5.2. Лексические изоглоссы в пределах диалектной общности satəm-ных языков. Арийско-балто-славянские лексические изоглоссы	417
5.3. Арийско-греко-армянские лексические изоглоссы	417
5.4. Балто-славяно-германские лексические изоглоссы	418
5.5. Итало-кельтские лексические изоглоссы	419
5.6. Лексические изоглоссы, соотносимые с основными диалектными группами хронологического уровня 5	420
5.7. Межареальные взаимоотношения между диалектными группами, выделяемыми на хронологическом уровне 5	421

5.8. Балто-славяно-германо-итало-кельтские лексические изоглоссы	422
5.9. Тохаро-кельто-итало-германо-балто-славянские изоглоссы	423
5.10. Лексические изоглоссы, отражающие диалектное взаимодействие на хронологическом уровне 3. Лексические изоглоссы, объединяющие тохарский с диалектами арийско-греко-армянского и балто-славяно-германского ареалов	423
5.11. Тохаро-греко-индо-ирано-германо-балто-славянские лексические изоглоссы	423
5.12. Лексические изоглоссы, отражающие диалектное взаимодействие в пределах общендоевропейской диалектной области на хронологическом уровне 2	425
5.13. Грамматические, фонологические и лексические изоглоссы как отражение начального этапа членения индоевропейской языковой области	426
5.14. Географические соотношения индоевропейских и неиндоевропейских языков Евразии	428

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОТОКУЛЬТУРЫ

СОДЕРЖАНИЕ 439

ВСТУПЛЕНИЕ

МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПРАЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАЛЕОНТОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

1. Диалектная и общезыковая лексика как основа для реконструкции семантического словаря праязыка	457
2. Соотнесение семантики реконструируемых лексем с «миром вещей»	457
3. Семантический словарь и реконструкция культуры	460
4. Реконструкция ритуальных и мифологических мотивов и фрагментов текста	460
5. Индоевропейский семантический словарь как отражение картины протокультуры	461

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

МИР «ЖИВОГО». БОГИ, ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНЫЕ

1. Классификация «мира живого» в представлениях древних индоевропейцев. Различительные признаки классификации	465
1.1. Обозначение класса «живого»	465
1.2. Признаки «одушевленный»—«неодушевленный». Два класса одушевленности	465
1.3. «Животный» и «растительный» мир и их обозначения	467

2. Класс «одушевленных существ»	
2.1. Противопоставление «дикий»—«недикий»	468
2.2. «Люди» и «домашние животные» как класс «недиких» существ	469
2.3. Противопоставление «людей» миру «животных». Признак «говорящий»—«неговорящий»	471
2.4. Противопоставление «двуногий»—«четвероногий»	473
2.5. Классификация «разумных» существ по признакам «смертный» — «бессмертный», «земной»—«небесный»	474
2.6. «Язык богов»—«Язык людей»	476
2.7. Противопоставление «земных» людей по признаку «свободный»—«несвободный»	476
2.8. Соотношение между классом «несвободных людей» и «домашними животными»	477
2.9. Диалектные обозначения «несвободных»	478
2.10. Проецирование отношений между «свободными» и «несвободными» в мир «богов». «Человек» как «несвободный» по отношению к «богу»	480
2.11. Классификация «одушевленных недиких существ»	480
3. Иерархическое членение класса «домашних животных»	
3.1. Группы «домашних животных»	481
3.2. «Конь» и «лошадь» как животные, особо близкие к «человеку». Главенствующее положение «лошади» среди домашних животных	482
3.3. Классификация всей группы «домашних животных»	483
4. «Дикие животные»	
4.1. Классификация групп «диких животных»	485
4.2. Животные «Среднего мира»	485
4.3. «Животные богов» в древнехеттской традиции	486
4.4. Параллели «животным богов» в других индоевропейских традициях	487
4.5. Животные «Нижнего мира»	488
4.6. Животные «Верхнего мира»	489
4.7. Общая классификация мира «диких животных»	489
4.8. Типология индоевропейской классификации «живых существ»	490

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ДИКИХ ЖИВОТНЫХ» И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ

I Животные «Среднего мира»

1. «Волк»

1.1. Первичные индоевропейские названия «волка»	492
1.2. Ритуальная роль «волка» в древних индоевропейских традициях	493
1.3. Ритуальная функция «волка» и его диалектные обозначения	494
1.4. Этнонимы и топонимы, связанные с названием «волка»	495
1.5. Типологические и ареальные параллели к функции «волка» у древних индоевропейцев	496

2 «Медведь»

2.1. Индоевропейское название «медведя»	497
2.2. Культурная роль «медведя» в хеттской и других древних индоевропейских традициях	497
2.3. Табуирование названия «медведя» и его эвфемистические обозначения	498
2.4. Типология индоевропейского культа «медведя»	499

3. «Леопард», «барс», «пантера»	
3.1. «Леопард» в древнехеттской традиции	500
3.2. Обозначение «леопарда»-«барса» в хеттском и индо-иранском	500
3.3. Роль «пантеры»-«барса» в древнегреческой традиции	501
3.4. «Барс» в древнеармянской легенде	502
3.5. «Леопард»-«пантера» в средневековых европейских традициях	503
3.6. «Леопард»-«барс» и его обозначения в индоевропейском	504
3.7. Связь индоевропейского обозначения «барса» с древнемалоазийским	505
3.8. Замены названия «барса» в древних индоевропейских диалектах	506
3.9. Типология культа «леопарда»-«барса» в Передней Азии	506
4. «Лев»	
4.1. Проблема обозначения «льва» в исторических индоевропейских диалектах	507
4.2. Культурная роль «льва» в древних индоевропейских традициях	508
4.3. Общенноевропейское обозначение «льва» и его отношение к африазийским и другим переднеазиатским названиям	510
4.4. Следы индоевропейского слова, обозначающего «рычание льва»	511
4.5. Типология культа «льва» на Ближнем Востоке	511
5. «Рысь»	
5.1. Обозначение «рыси» в индоевропейских диалектах	511
5.2. Роль «рыси» в индоевропейских мифологических и ритуальных традициях	512
6. «Шакал», «лиса»	
6.1. Индоевропейское обозначение «шакала», «лисы» и его первоначальное значение	513
6.2. Роль «шакала», «лисы» в древней индоевропейской традиции	514
7. «Дикий кабан», «вепрь»	
7.1. Индоевропейское обозначение «дикого кабана», «вепря» и его преобразования в исторических диалектах	514
7.2. Культурная значимость «дикого кабана» в древних индоевропейских традициях	516
8. «Олень», «лось», «антилопа»	
8.1. Индоевропейские названия животного	517
8.2. Табуирование древнего названия «оленья» и его мифологическое значение	518
9. «Дикий бык», «тур», «зубр»	
9.1. Индоевропейское название «дикого быка» и его связь с семитским	519
9.2. Культурная роль «тура», «дикого быка» в отдельных традициях	520
9.3. Производные от названия «дикого быка» в индоевропейских диалектах и их кавказские параллели	520
10. «Заяц»	
10.1. Индоевропейское название «зайца» и его замены в отдельных диалектах	521
11. «Белка», «хорек», «горноста́й»	
11.1. Обозначение «белки» в индоевропейских диалектах	522
12. «Обезьяна»	
12.1. Реконструкция общенноевропейского названия «обезьяны» и его связи с переднеазиатскими терминами	523

13. «Слон», «слоновая кость»

- 13.1. Реконструкция древних диалектных названий для «слона» и их связь с миграционными переднеазиатскими терминами 524

■ Животные «Нижнего мира»

1. «Змей», «змея», «червь»

- 1.1. Индоевропейские обозначения «змеи», их варианты и замены в отдельных диалектах 525
1.2. Основной мотив, связанный со «змеем», в индоевропейской мифологии 527

2. «Выдра», «бобер», «водяное животное»

- 2.1. Индоевропейские диалектные названия «водяного животного», «выдры», «бобра» 529
2.2. Ритуальная и культовая роль «бобра» в отдельных индоевропейских традициях 530

3. «Мышь», «крот»

- 3.1. Общеиндоевропейское название «мыши» 531
3.2. Мифологическая и обрядовая роль «мыши», «землеройки», «крота» в древних индоевропейских традициях 531

4. «Черепаша»

- 4.1. Диалектные названия «черепаша» 533

5. «Краб»

- 5.1. Индоевропейское название «краба» 533

6. «Жаба», «лягушка»

- 6.1. Описательное название «жабы», «лягушки» и роль животного в индоевропейской мифологии 534

7. «Муха», «овод»

- 7.1. Общеиндоевропейское название «мухи» 534

8. «Оса», «шершень»

- 8.1. Диалектные названия «осы», «шершня» 535

9. «Гнида», «вошь»

- 9.1. Общеиндоевропейские названия «гниды» и «вши» 535

10. «Рыба», «лосось»

- 10.1. Индоевропейские диалектные названия «рыбы» как животного «водяного мира» 535
10.2. Проблема названия «лосося» в индоевропейском 536

■ Животные «Верхнего мира»

I. «Птица», «орел»

- I.1. Индоевропейские названия «птицы» 537
I.2. Индоевропейское название «орла» 538
I.3. Мифологическая роль орла в древней индоевропейской традиции. Связь «орла» с «морем» 538
I.4. Табуистические замены названия «орла» в отдельных индоевропейских диалектах 539

2. «Журавль»	
2.1. Индоевропейское название «журавля»	540
3. «Ворон», «ворона»	
3.1. Индоевропейское название «ворона» как обозначение звукоподражательного характера	540
4. «Дрозд», «скворец», «воробей»	
4.1. Диалектные обозначения птиц в индоевропейском	541
5. «Тетерев», «глухарь»	
5.1. Индоевропейское название «тетерева»	541
6. «Дятел», «маленькая птичка», «зяблик»	
6.1. Индоевропейское название «дятла»	541
6.2. Индоевропейские названия «маленькой птички», «зяблнка»	542
7. «Гусь», «водяная птица», «лебедь», «утка»	
7.1. Индоевропейское название «гуся»-«лебедя»	542
7.2. Индоевропейское диалектное название «утки»	543

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ». ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ЖИВОТНЫХ И ИХ РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВАЯ РОЛЬ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

1. «Животные», ритуально близкие к «человеку»

1. «Конь», «лошадь»

1.1. Общепиндоевропейское название «коня», «лошади»	544
1.2. Роль «лошади» у древних индоевропейцев. «Лошадь» в древнехеттской традиции. Ее военно-транспортная, культовая и мифологическая роль	545
1.3. Коневодство и митаннийские арийцы	546
1.4. «Конь», «лошадь» в древнеиндийской традиции. Культ коня в «Ригведе» и «Ашвны»	548
1.5. «Конь», «лошадь» в древнеиранской традиции и ее ритуальная значимость	550
1.6. «Конь», «лошадь» в древнегреческой традиции. Ритуальная и мифологическая роль «лошади»	550
1.7. Следы культа «лошади» в римской традиции	552
1.8. «Лошадь» в кельтской традиции	552
1.9. Культ «лошади» в германской традиции	553
1.10. Древние германские названия «коня» и «лошади»	553
1.11. Кельто-германское название «лошади» и его <u>азиатские источники</u>	554
1.12. Культ «лошади» у древних балтов	555
1.13. «Лошадь» в славянской традиции. Славянские названия «лошади»	555
1.14. Древнебалканские названия «лошади»	556
1.15. Роль «лошади» у древних индоевропейцев	556
1.16. Проблема доместикации «лошади» и ее диких предков	557

1.17. Проблема первоначального ареала доместикации «лошади»	558
1.18. Связь индоевропейского названия «лошади» с переднеазиатскими	560
1.19. Проблема древнего влияния индоевропейского коневодства на Восточную Азию (Китай)	561
2. «Осел»	
2.1. Индоевропейские названия «осла» и проблема их переднеазиатского происхождения	562
2.2. «Осел» как культовое животное у древних индоевропейцев	563
2.3. Типология ритуально-культовой роли «осла» в Передней Азии. Связь названий «осла» и «лошади»	563
3. «Бык», «корова», «крупный рогатый скот»	
3.1. Общенидоевропейское название «быка», «коровы»	565
3.2. Диалектная дифференциация названий «быка» и «коровы»	566
3.3. Хозяйственная функция «коровы» по данным индоевропейских диалектов и проблема молочного хозяйства у древних индоевропейцев. Диалектные слова для «молока»	567
3.4. «Корова» как культово-ритуальное животное у древних индоевропейцев	571
3.5. Хозяйственно-экономическая значимость «коровы» и «быка» в древних индоевропейских традициях	572
3.6. Проблема доместикации «быка» и связь индоевропейского обозначения «быка», «коровы» с переднеазиатскими и центральноазиатскими миграционными терминами	573
3.7. Культовая роль «быка» у древних индоевропейцев	575
4. «Овца», «баран», «ягненок»	
4.1. Общенидоевропейское название «овцы», «барана» и «скота»	577
4.2. Индоевропейское название «шерсти» и терминология обработки «шерсти»	578
4.3. «Овца» и «овцеводство» у древних индоевропейцев и исторические связи с переднеазиатским овцеводческим хозяйством	580
4.4. Культовая значимость «овцы», «шерсти», «пряжи» в древних индоевропейских традициях	581
4.5. Лексико-семантическое поле слов в индоевропейском, образованных от корня в значении «ткать», «овечья шерсть»	583
4.6. Разновидности «овцы», «барана» и их диалектные обозначения в индоевропейском	583
5. «Козел», «коза»	
5.1. Ареальные индоевропейские названия «козла»-«козы»	585
5.2. Ритуально-мифологическая роль «козла» в древних индоевропейских традициях	586
5.3. «Коза» и «козье хозяйство» у древних индоевропейцев	587
5.4. Появление «козы» в Передней Азии как домашнего животного и ее движение на восток	588
5.5. Миграция индоевропейских названий «козы» в восточном и северо-восточном направлениях	588
II. «Человек», ритуально отдаленные от «человека». «Четвероногие» и «нечетвероногие»	
I. «Собака»	
1.1. Общенидоевропейское название «собаки»	589
1.2. Смещение названий «волка» и «собаки» в отдельных индоевропейских традициях. Отождествление «собаки» и «волка» и ритуально-мифологическая роль «собаки»	590

1.3. Влияние индоевропейских представлений о «собаке» на Восточную Азию (Китай)	591
2. «Свинья», «поросенок»	
2.1. Общенидоевропейские названия «свинья», «поросенок»	593
2.2. «Свинья» и свиноводство в древних индоевропейских традициях	594
2.3. История доместикации «свиньи» и распространение свиноводства в Евразии	595
2.4. Культурно-ритуальная роль «свиньи» как символа плодородия у древних индоевропейцев	596
2.5. Диалектные названия «свиньи» и их связь с восточноазиатскими	598
3. «Кошка»	
3.1. Миграционный термин для обозначения «кошки» в индоевропейских диалектах	599
3.2. Культурная значимость «кошки» в отдельных индоевропейских традициях	600
3.3. Фонетические варианты названия «кошки» и его связь с переднеазиатскими терминами	600
4. «Домашняя птица», «петух», «курица»	
4.1. Ареальные названия «петуха»-«курицы» как ономастические образования	601
5. «Пчела» и «пчеловодство»	
5.1. Проблема общенидоевропейского названия «пчелы» и его табуирование	602
5.2. Индоевропейские названия «меда» как свидетельство древности пчеловодства у индоевропейцев	603
5.3. Пчеловодство и его культурная роль по данным древних индоевропейских традиций	605
5.4. Типология добычи «меда» и виды пчеловодства у древних индоевропейцев	607
5.5. Индоевропейские названия «улья» и «воска»	609
5.6. Направление распространения пчеловодческого хозяйства и связь индоевропейских терминов пчеловодства с евразийскими	610

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ «РАСТЕНИЙ». ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАСТЕНИЙ И ИХ РИТУАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ У ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

1. Растительный мир. Деревья

1. «Дерево», «дуб»	
1.1. «Дерево» внутри «растительного мира»	612
1.2. Общенидоевропейское название «дерева», «дуба»	612
1.3. Семантика индоевропейской лексики *t ^h e/oru-, *t ^h re/oц- и ее отражение в значениях соответствующих слов в отдельных исторических диалектах	613
1.4. Индоевропейское название «дуба», «скалы»	613
1.5. Связь названия «божества» с названием «дуба»	614

1.6. Разновидности «дуба» и «горного дуба» в Евразии	615
1.7. Культурная роль «дуба» в культурных традициях Передней Азии	616
1.8. Хозяйственная роль «дуба» у древних индоевропейцев и индоевропейские названия «желудя»	617
1.9. Табуистические замены названия «дуба» в отдельных индоевропейских диалектах	618
2. «Береза»	
2.1. Общеиндоевропейское название «березы»	619
2.2. Происхождение индоевропейского названия «березы» от основы в значении «блестеть»	620
2.3. Хозяйственное и ритуальное использование «березы» у древних индоевропейцев	620
2.4. Территориальное распространение разновидностей «березы»	621
3. «Бук»	
3.1. Общеиндоевропейское название «бука»	621
3.2. Ритуальная роль «бука» в древних индоевропейских традициях	622
3.3. Территориальное распространение «бука» и «аргумент бука» в связи с проблемой «индоевропейской прародины»	623
4. «Граб»	
4.1. Индоевропейские названия «граба»	624
4.2. Проблема происхождения названия «граба» в индоевропейском	624
4.3. Связь названий «деревьев» с терминами для наисесия «знаков» на дерево	624
5. «Ясень»	
5.1. Индоевропейское название «ясеня»	625
5.2. Территориальное распространение «ясеня»	625
5.3. Смещение значений в семантическом поле названий «деревьев» в индоевропейском	625
6. «Осина», «тополь»	
6.1. Диалектные названия «осины», «тополя»	626
6.2. Индоевропейские слова для «осины», «тополя» в тюркских языках	627
6.3. Территориальное распространение «осины»	627
7. «Ива», «ветла»	
7.1. Индоевропейское название «ивы», «ветлы» и его позднейшие замены	628
8. «Тис»	
8.1. Индоевропейские названия «тиса»	628
8.2. К проблеме этимологии хеттского <i>Gišeja-</i> . Ритуально-мифологическая роль «тиса» в отдельных индоевропейских традициях	629
8.3. Территориальное распространение «тиса» в Евразии	630
9. «Пихта», «ель», «сосна»	
9.1. Диалектные названия «вечнозеленых деревьев» в индоевропейском	631
9.2. Происхождение индоевропейских названий «вечнозеленых деревьев» и этимологическая связь этих названий с обозначением «смолы» и «расок»	632
03 Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов	

- 9.3. Территориальное распространение «сосны», «пихты» в Евразии 633
- 9.4. Индоевропейские названия «ели» 633
- 9.5. Иранские названия «хвойных деревьев» и их картвельские параллели 634
10. «Ольха»
- 10.1. Индоевропейские названия «ольхи» 635
11. «Ореховое дерево», «орех»
- 11.1. Индоевропейское название «ореха» 635
- 11.2. Территория исторического распространения «грецкого ореха» 637
12. «Яблоня», «яблоко»
- 12.1. Древнеевропейские названия «яблока» 637
- 12.2. Хозяйственная и культовая значимость «яблока» в древней Европе 638
- 12.3. Название «яблока» как общеиндоевропейская лексема 639
- 12.4. Параллели индоевропейскому названию «яблока» в неиндоевропейских языках Ближнего Востока 641
- 12.5. Другое древнее диалектное название «яблока» и хет. *maḫla*- «лоза» 641
- 12.6. Мифологическая роль «яблока» в древних индоевропейских традициях 642
13. «Кизил», «вишня»
- 13.1. Индоевропейские названия «кизила», «вишни» 643
- 13.2. Распространение, хозяйственное назначение и мифологическая роль «кизила» и «вишни» 644
14. «Тутовое дерево», «шелковица»
- 14.1. Индоевропейские названия «тутового дерева» 645
- 14.2. Распространение и хозяйственное назначение «тутового дерева» 646
- II. Растительный мир. Культурные растения и злаки**
1. «Виноград», «вино»
- 1.1. Название «вина» в древних индоевропейских диалектах 647
- 1.2. Связь индоевропейского обозначения «вина» с переднеазиатскими названиями 648
- 1.3. Название «вина» как древний переднеазиатский миграционный термин. Миграционный переднеазиатский термин для «вина» как исконно индоевропейское слово и его этимологические связи 649
- 1.4. Древнейший переднеазиатский очаг виноградарства 651
- 1.5. «Виноград», «вино» в древних индоевропейских традициях 651
- 1.6. Индоевропейский термин для «жертвенного возлияния вина» 652
- 1.7. Отсутствие индоевропейского термина для «вина», «винограда» в индо-иранском и культ «божественного» напитка «сомы-хаомы» 653
- 1.8. Следы древней терминологии, относящейся к виноградарству в иранском. Название «лозы» 654
2. «Зерно», «ячмень»
- 2.1. Индоевропейские названия «зерна», «ячменя» 655
- 2.2. Ареал древнейшего распространения «ячменя» 656

3. «Пшеница»
- 3.1. Индоевропейские названия «пшеницы» 657
- 3.2. Ареал древнейшего распространения «пшеницы». Связь индоевропейского названия «пшеницы» с евразийскими 658
4. «Просо», «рожь», «овес»
- 4.1. Диалектные названия «проса», «ржи», «овса» 658
- 4.2. Культурно-исторические данные о распространении «ржи» и «овса» 659
5. «Лен», «конопля»
- 5.1. Индоевропейское название «льна» 659
- 5.2. Территория распространения «льна»; хозяйственная и мифологическая роль «льна» у древних индоевропейцев 659
- 5.3. Замена названия «льна». Миграционные термины для «конопли» 660

III. Растительный мир. Кустарники, травы

1. «Вереск»
- 1.1. Индоевропейское название «вереска» 662
- 1.2. Территория распространения «вечнозеленого кустарника», «вереска» 662
2. «Роза», «шиповник»
- 2.1. Индоевропейское название «розы», «шиповника» 663
3. «Мох»
- 3.1. Индоевропейское название «мха» 663

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОКРУЖАЮЩАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СРЕДА, КЛИМАТ. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ

1. Обозначение явлений «неживой» природы
- 1.1. Реконструкция картины географической среды обитания по лингвистическим данным 665
2. Обозначения ландшафта
- 2.1. Индоевропейские названия «горы» 665
- 2.2. Представления о «высоких горах» у древних индоевропейцев 667
- 2.3. Связь «горы» с «тучами», «облаками» в представлениях древних индоевропейцев 667
- 2.4. Обозначение «горы» как «высокой» 668
- 2.5. Обозначения «горы», «возвышенности» 669
- 2.6. Разветвленная терминология, обозначающая «горы» в индоевропейском 669
3. Обозначения «водных бассейнов»
- 3.1. Индоевропейские названия «реки», «потока» 670
- 3.2. Обозначение «реки» как «быстротекущей» 670
- 3.3. Общие обозначения «воды» в индоевропейском 671
- 3.4. Индоевропейские названия «моря», «озера» 671

3.5. Обозначение «моря», «озера», «болота» в индоевропейском	672
3.6. Диалектные названия «моря»	673
3.7. Обозначение «моря» как «соленого»	674
3.8. Судходство и терминология судходства у древних индоевропейцев	674
3.9. Представления о «море» у древних индоевропейцев. Мифологическая роль «моря» в древней индоевропейской традиции	675

4. Метеорологические явления: «ветер», «буря», «дождь», «снег», «лед»

4.1. Индоевропейские названия «ветра» и «бури»	677
4.2. «Ветер», «буря» в индоевропейской мифологии	677
4.3. «Ветры четырех сторон света»	678
4.4. Индоевропейское обозначение «дождя»	679
4.5. «Дождь» как проявление силы божества. Табуирование названия «дождя»	679
4.6. Ритуалы вызывания «дождя»	680
4.7. Индоевропейские названия «снега»	681
4.8. Обозначения «холода», «льда» в индоевропейском	681
4.9. Индоевропейские обозначения «тепла», «жары»	683

5. Небесные тела: «солнце», «луна», «звезда», «созвездия»

5.1. Индоевропейское название «солнца»	684
5.2. Индоевропейские названия «луны», «месяца»	684
5.3. Мифологические представления о Луне и Солнце у индоевропейцев	685
5.4. Индоевропейское название «звезды» и его связь с семитским	685
5.5. Диалектные названия «звезд» и «созвездий»	686

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ. РЕМЕСЛА И ТРАНСПОРТ

1. Реконструкция хозяйственной деятельности древних индоевропейцев по лингвистическим данным

1.1. Терминология хозяйственной деятельности	687
--	-----

2. Терминология земледелия

2.1. Индоевропейские названия «пахоты» и «плуга»	687
2.2. Индоевропейское обозначение «посева»	688
2.3. Диалектные обозначения «борозды»	689
2.4. Диалектные обозначения «плуга», «частей плуга» и «сохи»	689
2.5. Культурно-исторические данные о распространении плуга	690
2.6. Индоевропейские обозначения времен года по сельскохозяйственным циклам	690
2.7. Индоевропейские названия «серпа»	691
2.8. Индоевропейские термины для «размалывания зерна» и для «ступок»	692
2.9. Индоевропейские обозначения «мельницы», «жернова»	693
2.10. Диалектные термины для «зерна»	694

3. Терминология скотоводства и охоты

3.1. Термины для «пастьбы» и охраны «стада»	694
3.2. Древнее название «пастуха»	695
3.3. Индоевропейские термины, относящиеся к охоте	695

4. Элементы материального быта древних индоевропейцев	
4.1. Общие термины для «еды» и «приема пищи»	697
4.2. Противопоставление «сырая пища» — «вареная пища»	698
4.3. Обработка пищи на «огне»	699
4.4. Индоевропейские обозначения «огня» и «очага»	699
4.5. Обрядовая роль «огня» и «очага» в древних индоевропейских традициях	700
4.6. Ритуальная пища, преподносимая божеству	701
4.7. «Обмен» пищей между людьми и богами и обозначение «голода»	701
4.8. Другие термины для «приема пищи»	702
4.9. Индоевропейское обозначение «питья», «поглощения жидкости»	702
4.10. Индоевропейские обозначения «пищи, приготовленной на огне»	703
4.11. Индоевропейское обозначение «соли»	703
4.12. Индоевропейские обозначения «масел»	703
5. Терминология ремесел и ремесленного производства	
5.1. Термины «прядения» и «ткачества», «шитья»	704
5.2. Индоевропейские обозначения «одежды» и «одевания»	705
5.3. Общий термин для «ремесленного производства» в индоевропейском	705
5.4. Диалектные термины для ремесленного производства	706
5.5. Термины для обработки дерева	706
5.6. Индоевропейская терминология гончарного дела	707
5.7. Терминология металлургии. Названия «меди»	709
5.8. Индоевропейские названия «металлов» и цветовые признаки	710
5.9. Связь индоевропейского названия «меди» с древнемесопотамским	712
5.10. Индоевропейские названия «серебра» и связь с признаками «белый», «блестящий»	713
5.11. Индоевропейские обозначения «золота»	713
5.12. Соотношения между названиями металлов и цветов	714
5.13. Термины кузнечного дела	714
5.14. Названия металлических орудий в индоевропейском: «топор», «секира»	716
6. Терминология, относящаяся к средствам передвижения и транспорту	
6.1. Наличие металлургии как предпосылка для изготовления колесных повозок	717
6.2. Индоевропейское обозначение «колеса» и «колесной повозки»	718
6.3. Слова, обозначающие «вращение»	719
6.4. Ритуальная роль «колеса» в древних индоевропейских традициях	720
6.5. Индоевропейское название «упряжи» и ее частей: «дышло», «ярмо», «ось»	721
6.6. Ритуальная роль «ярма» в древних индоевропейских традициях	722
6.7. Другие индоевропейские термины для «ярма» и частей упряжи: «ремень», «узdechка», «крючок»	723
6.8. Индоевропейские глаголы, означающие «езду в повозке»	723
6.9. Культурно-исторические данные о распространении колесных повозок у древних индоевропейцев. Повозки у хеттов	724
6.10. Колесная повозка в переднеазиатском погребальном обряде	726
6.11. «Колесо», «колесничий», «колесная повозка» в индо-иранской традиции	727
6.12. «Крытые повозки» у индо-иранцев	729
6.13. «Колесная повозка» и «колесница» в древнегреческой традиции	730
6.14. Ритуальная роль «колесницы» в древних европейских традициях	731

6.15. «Всадничество» и «верховая езда»	732
6.16. Передняя Азия как древнейший ареал распространения «колесных повозок». Пути распространения колесницы в Евразии	733
6.17. Древние индоевропейцы как обладатели «колесных повозок»	737

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, ЭКОНОМИКА И СИСТЕМА РОДСТВА ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН

1. Война как занятие и индоевропейские обозначения боевого оружия	
1.1. Реконструкция названий боевого оружия и глагола, означающего «преследование, уничтожение противника»	739
1.2. Индоевропейские обозначения «захвата военной добычи»	740
1.3. Индоевропейские обозначения «войска», «народа», «военной защиты, обороны»	740
2. «Жилище» и «поселение» как единицы социальной структуры древних индоевропейцев	
2.1. Индоевропейское обозначение «дома», «жилища»	741
2.2. Индоевропейское «поселение» как «объединение домов»	742
2.3. «Дверь» как «выход из дома» и оппозиция «дома» — «вне дома», «в поселении» — «вне поселения»	743
2.4. «Ограда» как граница «дома» или «поселения»	743
2.5. «Укрепленные поселения», «крепости»	744
2.6. «Укрепление», «крепость» в отдельных древних индоевропейских традициях	745
3. Общие экономические понятия по данным индоевропейского языка	
3.1. Индоевропейские слова в значении «имущество», «собственность», «богатство»	746
3.2. Индоевропейские термины «купли» — «продажи»	747
3.3. Индоевропейские социально-экономические термины «обездоленный», «неимущий», «вор»	747
4. Термины, обозначающие социальные объединения и их предводителей	
4.1. Индоевропейское название «рода»	748
4.2. Индоевропейские слова в значении «племя, народ»	749
4.3. Древнее индоевропейское название «рода» и «предводителя рода»	750
4.4. Индоевропейское название «священного царя»	751
4.5. Диалектные обозначения «царя», «повелителя»	752
5. Индоевропейская терминология «обмена»	
5.1. Общий термин «обмена» *t'oH-	752
5.2. Другие индоевропейские термины для «обмена»	754
5.3. «Гостеприимство» и «угощение»	754
6. Система брачных отношений и система «свойства» у древних индоевропейцев	
6.1. «Брак» как «обмен» женщинами и древнейшая индоевропейская терминология брачных отношений	755

6.2. Практика «умыкания женщин» как древнейший вид брака	756
6.3. Различные виды «брака» у древних индоевропейцев	757
6.4. Индоевропейские обозначения «мужчины» и «женщины» как супругов	758
6.5. Индоевропейское название «вдовы»	759
6.6. Индоевропейские термины «свойства»	760
6.7. Термины «свойства», отражающие отношения между нулевым поколением Ego и поколением родителей (поколением —1)	760
6.8. Общая структура отношений «свойства» и их обозначения	761
6.9. Патрилокальный характер индоевропейской «большой семьи»	762
7. Система «кровного родства» у древних индоевропейцев	
7.1. Термины кровного родства нулевого поколения	763
7.2. Термины кровного родства поколения родителей (поколения —1)	765
7.3. Термины кровного родства поколения +1	765
7.4. Термины кровного родства поколения —2	766
7.5. Семантика и соотношение терминов * <i>Naunō-</i> и * <i>nep[h]ot[h]</i> - и проблема кросс-кузенных браков у древних индоевропейцев	767
7.6. Общая система и терминология брачно-родственных отношений	769
7.7. Древние брачно-родственные отношения как дуально-экзогамная система	772
7.8. Отношения между «племянником» и «дядей по матери» в дуально-экзогамной системе и следы их в древних индоевропейских традициях	772
7.9. Преобразование древней системы брачно-родственных отношений и нарушение принципа патрилокальности в отдельных исторических традициях	774

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СВЯЗЬ ДРЕВНЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СО СТРУКТУРОЙ ДУХОВНЫХ ПОНЯТИЙ И МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНОЙ МИРА

1. Дуалистический принцип индоевропейской социальной организации и его преломление в ритуалах и мифологии	
1.1. Двойность религиозных и мифологических представлений	776
1.2. Древние индоевропейские представления о «двух предводителях племени»	776
1.3. Индоевропейский близнецный культ	777
1.4. Индоевропейский миф об инице близнецов	777
1.5. Дуалистические ритуалы в отдельных индоевропейских традициях	779
1.6. Индоевропейское обозначение «половины»	779
1.7. Пары лексических антонимов в индоевропейском	780
1.8. Символика «правого» и «левого» в индоевропейском	784
1.9. Обозначение парных частей тела в индоевропейском	786
2. Преобразование древней индоевропейской социальной организации и формирование структуры с тремя и четырьмя рангами. Отражение такой организации в духовных представлениях и мифологии	
2.1. Преобразование древней дуальной социальной организации	787
2.2. Формирование трех или четырех социальных рангов в отдельных исторических индоевропейских обществах	787
2.3. Вопрос о хронологии формирования трех социальных рангов в отдельных исторических обществах и проблема тернарной структуры индоевропейского общества и мифологии	789

2.4. Перестройка древних брачно-родственных отношений и возникновение эндогамии в отдельных исторических обществах	789
3. Структура древнего индоевропейского пантеона	
3.1. Соотношение между социальными структурами и структурой пантеона	790
3.2. Дуальный характер древнего индоевропейского пантеона	791
3.3. Верховное индоевропейское божество «Небо-Отец»	791
3.4. Индоевропейское божество «грома» и «боевой дружины»	792
3.5. Соотношение между верховными божествами индоевропейского пантеона	793
3.6. Преобразование древней индоевропейской системы пантеона в аنا-толийской традиции	794
3.7. Преобразование индоевропейского пантеона в древнеиндийской традиции	795
3.8. Отражение древнего индоевропейского пантеона в греческой мифологии	796
3.9. Преобразование древнего индоевропейского пантеона в итальянском	797
3.10. Следы древней системы индоевропейского пантеона в других «древнеевропейских» традициях	798

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ РИТУАЛОВ. ПРАВОВЫЕ, МЕДИЦИНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ. ИДЕЯ ЗАГРОБНОГО МИРА И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

1. Индоевропейские общие духовные понятия и ритуалы	
1.1. Ритуальная деятельность как практика ранга «жрецов»	800
1.2. Индоевропейские обозначения основных религиозных понятий	800
1.3. Индоевропейские обозначения религиозных обрядов	802
1.4. Индоевропейская терминология обрядов гадания	805
1.5. Индоевропейская ритуально-правовая терминология	805
1.6. Особенности распределения ритуально-правовых терминов по диалектным ареалам	807
1.7. Индоевропейское обозначение «кровной мести»	809
1.8. Ритуально-правовые формулы, включающие корни с общим значением	810
2. Индоевропейская медицинская терминология. Медицинские представления как часть ритуальной системы	
2.1. Общее обозначение ритуального врачевания в индоевропейском	811
2.2. Структура ритуалов врачевания болезней	811
2.3. Индоевропейские названия «частей тела»	812
2.4. Отождествление в ритуале частей тела человека и животных и практика заклинаний	818
2.5. Соответствие частей тела частям мироздания в представлениях древних индоевропейцев	820
2.6. Представление о «человеке» как «происходящем из земли»	821
3. Представления о загробной жизни и погребальные обряды	
3.1. Индоевропейское обозначение «смерти» как неотвратимого «рока»	822
3.2. «Напиток богов, преодолевающий смерть»	822

Содержание **xli**

3.3. Загробный мир как «пастбище»	823
3.4. Индоевропейское обозначение «мира мертвых»	824
3.5. «Вода» как граница между «миром живых» и «миром мертвых»	825
3.6. Индоевропейские погребальные обряды. Древнехеттская традиция кремации трупов	826
3.7. Древнегреческая традиция трупосожжения	827
3.8. Обряд кремации в древнеиндийской традиции	828
3.9. Погребальные обряды и практика трупосожжения в древней Европе	829
3.10. Два способа захоронения у древних индоевропейцев и представления о разных видах смерти	830
3.11. Общеиндоевропейский характер практики трупосожжения и культ огня у древних индоевропейцев	831

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФРАГМЕНТОВ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ТЕКСТА. ФРАГМЕНТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ МЕТРИЧЕСКИЕ СХЕМЫ. СИСТЕМА СЧЕТА И ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА

1. Фрагменты мифо- и ритуально-поэтических текстов	
1.1. Реконструкция фрагментов речи, больших, чем слово	832
1.2. Некоторые словосочетания индоевропейской поэтической речи	833
1.3. Металингвистические обозначения поэтической речи	835
2. Звуковая организация индоевропейской поэтической речи	
2.1. Звуковые повторы, аллитерация, анаграммы	837
2.2. Реконструкция архаических индоевропейских метрических схем. Типология индоевропейской метрики	839
3. Числительные и система счета	
3.1. Принципы реконструкции системы числительных. Десятичная система счета в индоевропейском	842
3.2. Числительные «один» и «первый» и их типология	842
3.3. Числительные первого «десятка»	844
3.4. Десятичность индоевропейской системы счета. Названия «ста» и «десятков»	846
3.5. Следы архаичной индоевропейской системы счета по пальцам руки	849
4. Символика чисел и следы архаичного индоевропейского календаря	
4.1. Основные числа с символическим значением в индоевропейском	851
4.2. Символика числа «три». Троищность индоевропейской мифологической модели мира	851
4.3. Символика числа «четыре» и индоевропейская система времен года	852
4.4. Символика числа «семь» и следы лунной недели	854
4.5. Символика числа «двенадцать»	854

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ХРОНОЛОГИЯ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА. ПРОБЛЕМА ИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ «ПРАРОДИНЫ» И ПУТИ МИГРАЦИЙ ИНДООЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН В ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ РАССЕЛЕНИЯ

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВРЕМЕННЫЕ И АРЕАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИМ ДАННЫМ

1. Хронология общеиндоевропейского языка

1.1. Время и пространство как обязательные категории реальности праязыковой системы	859
1.2. Хронология индоевропейского праязыка в свете данных об анатолийской языковой системе. Древнейшая анатолийская ономастика и гидронимика	859
1.3. Хронология индоевропейского праязыка в свете данных о времени распада «греко-армяно-арийской» диалектной общности. Микенский греческий в его диалектном приурочении. Общеиндоевропейский язык как языковая общность, соотносимая с периодом V — IV тысячелетий до н. э.	863

2. Ареал распространения общеиндоевропейского языка и проблема индоевропейской «прародины»

2.1. Вопрос о «первоначальности» праязыковой территории	865
2.2. Индоевропейская «прародина» как географическая область с горным ландшафтом	865
2.3. Общеиндоевропейская флора и фауна как палеоботанические и палеозоологические указатели на соотношенность индоевропейской экологической среды с зоной Средиземноморья — Передней Азии	866
2.4. Характер развитого скотоводства и земледелия в общеиндоевропейскую эпоху как аргументы против отнесения индоевропейской «прародины» к областям Центральной и Восточной Европы	868
2.5. Индоевропейский колесный транспорт и металлургия бронзы как свидетельство локализации первоначальной индоевропейской территории в Передней Азии	869

3. Контакты общеиндоевропейского языка с языками Древней Передней Азии

3.1. Ареальные связи праиндоевропейского языка с общесемитской и общекартвельской системами в пределах древней территориальной общности	870
3.2. Семитские и шумерские лексические заимствования в праиндоевропейском	871
3.3. Картвельско-индоевропейские лексические связи на праязыковом уровне	877

- 3.4. Хронологическая и ареальная соотнесенность праиндоевропейской, прасемитской и пракартвельской языковых систем 880
- 3.5. Лексические связи общиндоевропейского языка с древними языками Передней Азии (хаттским, эламским, хуррито-урартским) 881
4. Типология индоевропейской культуры в сопоставлении с древне-восточными цивилизациями
- 4.1. Уровень индоевропейской материальной и духовной культуры как признак близости к древним ближневосточным центрам цивилизации 883
- 4.2. Проблема древнеиндоевропейского письма. Хронология и истоки хетто-лувийской иероглифики 887
5. Соотнесение индоевропейской «прародины» на Ближнем Востоке с археологическими культурами Древней Передней Азии
- 5.1. Проблема установления в пределах Передней Азии археологической культуры, соотносимой с общиндоевропейской 890
- 5.2. Признаки халафской культуры Верхней Месопотамии V — IV тысячелетий до н. э., сопоставимые с индоевропейскими 891
- 5.3. Энеолитическая археологическая культура Южного Кавказа V—IV тысячелетий. Куро-араксская культура III тысячелетия до н. э. и проблема ее этнического соотнесения 892

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН — НОСИТЕЛЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ С ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕСТА ИХ ОБИТАНИЯ В ЕВРАЗИИ

1. Выделение анатолийской языковой общности из праиндоевропейского и миграции племен — носителей анатолийских диалектов
- 1.1. Соотнесение ареалов распространения древнейших исторических индоевропейских диалектов с первоначальной территорией локализации общиндоевропейского языка 895
- 1.2. Направленность исторических смещений племен — носителей анатолийских диалектов в пределах Малой Азии с Востока на Запад 895
- 1.3. Анатолийские лексические заимствования в языках древнего Южного Кавказа (картвельский, урартский) 897
2. Распад греко-армяно-арийского диалектного единства и миграции носителей греческих диалектов
- 2.1. «Греко-армяно-арийская» диалектная общность и ее распад. Раннее выделение индо-иранского 898
- 2.2. Миграции протоэллинов в материковую Грецию и на острова Эгейского моря через Малую Азию. Вопрос о догреческом субстрате 900
- 2.3. Древнегреческие области Западной Анатолии (Милет, Аххиява) как свидетельство исторических миграций протоэллинов через Малую Азию 901
- 2.4. Греческо-анатолийские связи как свидетельство исторического обитания носителей греческих диалектов в Малой Азии 902
- 2.5. Приход греков в материковую Грецию с Востока. Греческо-картвельские лексические связи и «Миф об аргонавтах» 904

3. Древние балканские языки и их диалектная и ареальная соотнесенность. Проблема индоевропейских миграций через Балканы
- 3.1. Фригийский язык и его соотнесенность с греко-армяно-арийской диалектной общностью 909
- 3.2. Протоалбанский и его первоначальные диалектные связи 911
- 3.3. Древнейший культурный очаг на Балканах V—IV тысячелетий до н. э. и его связь с малоазиатским (Чатал-Хююк) 911
4. Протоармянский диалект и пути его первоначального распространения
- 4.1. Контакты протоармянского с хетто-лувийскими языками. Вопрос об определении языка страны Хайаса 912
5. Распад индо-иранской диалектной общности и пространственно-временное соотнесение различных миграционных волн носителей индо-иранских диалектов
- 5.1. Ранние арийские диалекты: митаннийский арийский, кафирский, индо-арийский. Хронология заселения Афганистана и северо-западной Индии 914
- 5.2. Следы арийского диалекта в Северном Причерноморье и проблема индоевропейских миграций через Кавказ 916
- 5.3. Выделение иранских диалектов из арийской диалектной общности. Следы расселения восточных иранцев в Средней Азии и Афганистане 920
- 5.4. Ранние свидетельства миграций ираноязычных племен в Среднюю Азию и древнейшие иранские заимствования в финно-угорском 921
- 5.5. Миграции восточноиранских племен и раннеиранские заимствования в финно-угорских языках 929
- 5.6. Миграционные термины в древних центральноазиатских языках 931
- 5.7. Семантика раннеиранских заимствований в финно-угорском. Характер занятий раннеиранских переселенцев 933
6. Выделение тохарского из общеиндоевропейского языка и миграции носителей тохарских диалектов
- 6.1. Тохарские миграции на Восток и индоевропейские заимствования в китайском 935
- 6.2. Тохарские заимствования в финно-угорском 936
7. Выделение «древнеевропейских» диалектов из общеиндоевропейского языка и проблема миграций индоевропейских племен через Центральную Азию
- 7.1. Совместные миграции племен—носителей тохарского и «древнеевропейских» диалектов 938
- 7.2. Лексические связи «древнеевропейских» диалектов с языками центральной Азии как свидетельство миграций индоевропейских племен в Восточную Европу через Среднюю Азию 939
- 7.3. Лексические изоглоссы как свидетельство совместного развития «древнеевропейских» диалектов 943
- 7.4. Северное Причерноморье и Приволжье как области совместного обитания носителей «древнеевропейских» диалектов. Проблема «вторичной индоевропейской прародины» 944
- 7.5. Следы совместного пребывания носителей «древнеевропейских» диалектов на «вторичной прародине» в древнейшей гидронимике Северного Причерноморья 945

7.6. «Вторичная прародина» как ареал формирования древнеевропейско-восточноиранских лексических связей. «Скифо-европейские» изоглоссы	946
7.7. «Вторичная прародина» и проблема балто-славяно-арийских лексических изоглосс	947
7.8. Пространственно-временное соотнесение «вторичной индоевропейской прародины» с курганной (древнеямной) археологической культурой Приурало-волжских степей III тысячелетия до н. э.	947
7.9. Продвижение носителей «древнеевропейских» диалектов в центральную Европу и образование центральноевропейской гидронимики. Формирование отдельных индоевропейских языков Древней Европы	952
8. Диффузия антропологических типов в Евразии в соотнесении с картиной миграций индоевропейских племен	
8.1. Диффузия древнего переднеазиатского антропологического типа в Западной Азии и Европе как отражение процессов этнического смешения	955
8.2. Конечные этапы индоевропейских миграций в II—I тысячелетиях до н. э.	956
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	959
БИБЛИОГРАФИЯ	971
УКАЗАТЕЛИ	1115
ИНДЕКС К «УКАЗАТЕЛЯМ»	1313
ДОПОЛНЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ	1317

ОБЗОР ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ГРУППАМ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ И НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ ИСТОРИЧЕСКИ СМЕЖНЫХ АРЕАЛОВ

1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

1.1. АНАТОЛИЙСКИЕ (ХЕТТО-ЛУВИЙСКИЕ) ЯЗЫКИ

Древнеанатолийские языки Малой Азии — клинописный хеттский, клинописный и иероглифический лувийский, палайский — известны по памятникам Богазкёйского архива II тысячелетия до н. э. Древнейшие клинописные хеттские тексты, определяемые по палеографическим особенностям (древний дуктус) как составленные в эпоху Древнехеттского Царства (1-я половина II тысячелетия до н. э.), включают царские надписи — древнейшую хеттскую надпись царя Анитты (XVIII в. до н. э., *Neu 1974*), “Анналы царя Хаттусили” (XVII в. до н. э., *Imparati 1965*) и “Завещание царя Хаттусили I” (*Sommer/Falkenstein 1938*); древнехеттские надписи исторического содержания (надпись *Zukraši*, *Otten 1953*) и ряд других из KUB и KBo, см. *Laroche 1971*. В древнехеттский период составлен также ранний вариант “Хеттских Законов” (*Friedrich 1959; Imparati 1964*). Архаичным языком, близким к древнехеттскому, характеризуются многие ритуальные и мифологические тексты: “Миф о Телепину” (KUB XVII 10; XXXIII), метрические тексты о боге Пирве (*Bo 6483, Otten 1951*) и погребальная песня (KBo III 46), гимны Солнцу (KUB XXI 127 — 134; XIV 74), строительный ритуал KUB XXIX 1, царские погребальные ритуалы (*Otten 1958*), “Молитвы Мурсили II во время чумы” (*Goetze 1929*) и др. Архаические черты еще сохраняются в среднехеттских текстах (“Текст Маддуватты”, *Otten 1969*), см. *Heinhold-Krahmer/Hoffmann/Kammenhuber/Mauer 1979*. В новохеттский период (XIV—XIII вв. до н. э.) в хеттских текстах обнаруживается значительное влияние разговорного лувийского языка (см. лувийские слова, помеченные глоссовым клином).

Лувийский язык известен по клинописным текстам, преимущественно ритуальным, времени Хеттского Царства и по более поздним иероглифическим надписям юга Малой Азии и Северной Сирии, выполненным особым иероглифическим письмом (*Laroche 1960, I; Meriggi 1966—1975*).

Палайский язык известен по фрагментам преимущественно ми-

фологических и ритуальных текстов в составе хеттских клинописных надписей (Kamtenhuber 1969a).

К позднеанатолийским языкам запада Малой Азии, являющимся продолжением хеттского и лувийского языков, относятся лидийский и ликийский языки, известные по алфавитным памятникам античного времени (Houwink ten Cate 1961; Gusmani 1964; Heubeck 1969; Neumann 1969; Laroche 1974; ср. также Zgusta 1964a).

1.2. ИНДО-ИРАНСКИЕ (АРИЙСКИЕ) ЯЗЫКИ

Самое раннее свидетельство об одном из архаичных индо-иранских диалектов — митаннийском арийском — можно видеть в отдельных арийских словах и названиях божеств, дошедших в составе хеттских клинописных текстов, главным образом текстов по коневодству (Kamtenhuber 1961; Mayrhofer 1966).

Древнейшим памятником на архаичном языке этой группы — древнеиндийском — является “Ригведа” (*Rgveda*), записанная индийским слоговым письмом лишь в I тысячелетии до н. э., но составленная значительно ранее, как предполагают, во II тысячелетии до н. э. Древнейшие гимны “Ригведы” сложены, возможно, еще до прихода индо-арийских племен в северо-западную Индию (Aufrecht 1955; Елизаренкова 1972; 1982). На архаическом ведийском языке, представляющем собой раннюю форму древнеиндийского, составлена также “Атхарваведа” (*Atharvaveda*), Bloomfield M. 1899; Елизаренкова 1976. Более поздняя форма литературного древнеиндийского языка известна под названием санскрита (др.-инд. *samskṛta* — “искусственно отработанный”).

К санскритской литературе в широком смысле примыкают архаические прозаические тексты религиозно-философского содержания, более поздние, чем ведийские: Брахманы и Упанишады (ср. Van Buitenen 1962; Satya Shrava 1977). Древняя юридическая традиция отражена в многочисленных текстах, наиболее известные из которых — “Законы Ману” (*Mānava Dharma Śāstra*), ср. Nārāyaṇ Rām Āchārya 1946.

Санскрит продолжает употребляться в качестве литературного языка параллельно с (разговорными) среднеиндийскими (пракритами), из которых позднее развиваются современные индо-арийские языки: хинди, бенгали; панджаби, синдхи и др. (Bloch 1934).

Особую группу индо-иранских языков составляют кафирские или нуристанские языки, расположенные в Нуристане (более раннее название — Кафиристан) — горной области Афганистана. В эту группу входят бесписьменные языки: кати, ашкун, вайгали, прасун (Strand 1973; Грюнберг 1971; 1980); см. по отдельным языкам Morgenstierne 1929; 1949; 1954; Fussman 1972.

К группе кафирских языков примыкают так называемые дардские языки, которые объединяются в особые подгруппы центральнодардских (языки дамели, пашаи, гавар-бати, шумашти и др.) и восточнодардских (или собственно дардских) языков (языки пхалура, кашмири, шинна, гарви и др.), Эдельман 1965.

Другую группу индо-иранских языков представляют собственно иранские, засвидетельствованные древними памятниками авестийского и древнеперсидского языков. Гимны “Авесты”, написанной на авестийском языке (с восточноиранскими диалектными чертами), составлены во II—I тысячелетиях до н. э., но дошли до нас в значительно более поздней алфавитной письменной передаче I тысячелетия н. э. Основные сохранившиеся части “Авесты” — Ясна, в которую входят “Гаты” — гимны, приписываемые Заратуштре (*Humbach 1959*), Висперед, Видевдат, Яшты и фрагменты (*Geldner 1886—1895*); древнеперсидский язык, представляющий западноиранский диалектный тип, известен по клинописным памятникам ахеменидского времени (VI — IV вв. до н. э.) исторического содержания (*Herzfeld 1938; Cameron 1951; Brandenstein/Mayrhofer 1964*); мидийский язык — язык мидийских племен (VIII — VI вв. до н. э.) восстанавливается по отдельным словам (именам собственным и племенным названиям), встречающимся в ассирийских и греческих источниках, а также в древнеперсидских надписях (*ср. Mayrhofer 1968*).

Среднеиранские языки делятся на восточноиранские — хотаносакский (тексты I тысячелетия н. э. из Центральной Азии, *Bailey 1945—1956; 1951*), согдийский (*Benveniste 1940; Henning 1940; Mackenzie 1976; Лившиц/Хромов 1981 : 347—514*), хорезмийский (*Фрейман 1951*), бактрийский (*Humbach 1966—1967; Стеблин-Каменский 1981 : 314—316*) — и западноиранские — среднеперсидский (именуемый также пехлевийским — многочисленные тексты из Ирана сасанидского времени, *Henning 1955*) и парфянский (тексты из Центральной Азии, *Дьяконов/Лившиц 1960; Gignoux 1972; Diakonoff/Livshits 1976*).

Новоиранские языки делятся на восточноиранские — осетинский (на Кавказе, с двумя диалектами: восточным, иронским, и западным, дигорским; считается продолжением скифского, который известен по отдельным словам и собственным именам в передаче античных авторов, *Абаев 1949*); агнобский (в Средней Азии, прямое продолжение согдийского); афганский (пашто), мунджанский (с диалектом йидга); памирские [шугнано-рушанская группа: шугнанский, рушанский (с хуфским диалектом, *Соколова 1959*), бартангский, орошорский; сарыкольский; язгулямский, ишкашимский (с диалектом сангечи), ваханский, см. *Пахалина 1959; Грюнберг/Стеблин-Каменский 1976*] — и западноиранские языки (новоперсидский, таджикский, курдский, белуджский, татский, талышский, ормури, парачи и некоторые диалекты Центрального Ирана), *ср. Morgenstierne 1929 — 1938*.

1.3. АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК

(Древне)армянский язык (грабар) известен по многочисленным текстам начиная с V в. н. э.: древнеармянские переводы Библии и оригинальные армянские тексты типа “Истории Армении” Мо-

всея Хоренского, включающие в себя фрагменты наиболее ранних текстов, восходящих еще к дописьменному периоду развития армянского языка (ср. *Schmitt 1981 : 215 и след.*).

Выделяются две основные группы диалектов: восточноармянские диалекты (на территории Закавказья) и западноармянские диалекты (*Meillet 1936*).

1.4. ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Ранняя форма одного из диалектов древнегреческого известна по крито-микенским памятникам крито-микенского линейного письма В (XV — XIII вв. до н. э.), *Morpurgo 1963; Ventris/Chadwick 1973*. Наиболее архаические памятники следующего периода истории языка представлены поэмами Гомера “Илиада” и “Одиссея”. Основными диалектами древнегреческого языка являются ионийско-аттический, включающий малоазийский ионийский, ионийский диалект Кикладских островов, эвбейский и аттический; ахейский, внутри которого различается эолийско-северноахейский (малоазийско-эолийский с диалектом острова Лесбос, фессалийский, беотийский) и южноахейский (аркадский на Пелопоннесе, памфилийский и кипрский на острове Кипр; к этому диалекту близок язык крито-микенских текстов); дорийско-северозападногреческий (в историческое время дорийский диалект распространен в Лаконии, Мессении, Арголиде и на острове Эгина, в Коринфе и Мегаре, на острове Крит и многочисленных островах Эгейского моря), *Buck 1910; Bechtel 1921 — 1924; Schmitt 1977; ср. также Risch 1979a*.

1.5. ФРИГИЙСКИЙ ЯЗЫК

Известен по надписям первой половины I тысячелетия до н. э. из северо-западной Малой Азии. Различаются немногочисленные древнефригийские надписи начиная с VII в. до н. э., выполненные архаическим письмом, близким к раннему греческому алфавиту, и существенно более поздние новофригийские надписи римского периода, выполненные обычным греческим письмом того времени (*Gusmani 1958; Haas O. 1966; Дьяконов/Нерознак 1977; Нерознак 1978*).

1.6. ТОХАРСКИЕ ЯЗЫКИ

Известны по письменным памятникам второй половины I тысячелетия н. э. в крайне восточной полосе распространения индоевропейских языков в Евразии — Восточном Туркестане. Различаются два языка, условно называемые “тохарским А” (восточнотохарский) и “тохарским В” (западнотохарский). Большинство текстов представляет собой перевод буддийских (санскритских) памятников; сохранилось некоторое число оригинальных текстов — деловые письма, монастырские ведомости, хозяйственные отчеты (*Sieg/Siegling 1921; 1949 — 1953; Thomas W. 1964*).

1.7. АЛБАНСКИЙ ЯЗЫК

Известен на западе Балкан по текстам начиная с XVI в. н. э. Выделяются два основных диалекта— *гегский* (североалбанский—на территории Албании и Югославии) и *тоскский* (южноалбанский), ср. *Десницкая 1968; Solta 1980*.

1.8. «ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИЕ» ЯЗЫКИ

Под условным наименованием “древнеевропейских” языков объединяются по ареально-диалектологическим признакам языки Европы периода конца II—начала I тысячелетий до н. э. (*Krahe 1951; 1954; 1959; 1962*).

1.8.1. ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ. Группа древних языков Аппенинского полуострова, включающая латино-фалискскую и оскско-умбрскую подгруппы, известные по памятникам I тысячелетия до н. э. (*Vetter 1953; Solta 1974*):

Латинский язык (первоначально язык области Лациума и города Рима) и близко родственный фалискский язык (диалект Фалерий—Южной Этрурии) известны по надписям начиная с VI в. до н. э., выполненным алфавитным письмом, восходящим к греческой письменности. Архаический старолатинский язык известен по ранним надписям (*Эрну 1950: 274 и след.*)¹, образцам сатурнического стиха и произведениям ранних римских авторов (Плавт, Теренций).

Оскско-умбрская группа включает диалекты осков (известны по надписям в Самнии и Кампании), вольсков, умбров (в Умбрии) и других “сабельских” племен. Важнейший памятник умбрского языка— бронзовые таблицы из древнего Игувиия (так называемые “Игувинские таблицы”), *Poultney 1959; Vetter 1955; Ernout 1961*. В начале н. э. оскско-умбрские языки были вытеснены латинским.

Венетский язык. Особый индоевропейский диалект “древнеевропейской” группы, известный по коротким надписям V—I вв. до н. э. в северо-восточной Италии (*Beeler 1949; Krahe 1950; Untermann 1961*).

Иллирийский язык. Известен по кратким мессапским надписям из Калабрии и Апулии (Южная Италия). Помимо надписей известен по ономастике Италии, северо-западных Балкан и прилегающих областей (*Krahe 1955; Mayer 1957—1959; ср. Тронский 1953: 57—59*).

1.8.2. КЕЛЬТСКИЕ ЯЗЫКИ. Кельтские языки распадаются на две основные группы— *континентальный кельтский* и *островной кельтский*. Носители континентальных кельтских диалектов по данным кельто-иберийских надписей обитали в Иберии начиная с первой половины I тысячелетия до н. э. (*Lejeune 1955a; Tovar 1961; Untermann 1961a*), в Галлии (современная Франция)— в римское время, к которому относится ряд коротких надписей на галльском языке; сохранились отдельные груп-

¹ Считавшаяся древнейшей надписью на латинском языке т. н. Пренестинская фибула (примерно 600 г. до н. э., надпись на золотой застежке из Пренесте—Палестины) оказывается контрафакцией, подделкой, сфабрикованной в прошлом веке (см. *Guarducci 1980; ср. Pfister 1983*).

пы кельтов в Центральной Европе — в Южной и Западной Германии, альпийских областях, Паннонии, Италии и на Балканском полуострове.

К островным кельтским языкам на Британских островах относятся гойдельская и бриттская диалектные группы. В гойдельскую группу входят древнеирландский, известный в Ирландии по памятникам огамского письма с IV в. н. э. и более поздним текстам, выполненным письмом на латинской основе; шотландский и мэнский языки. В бриттскую группу входят валлийский язык (древневаллийский язык известен по глоссам и по письменным памятникам с XI в. н. э.), корнский и бретонский в Бретани, куда переселяются из Британии в V в. н. э. (глоссы на древнебретонском языке начинаются с VIII—XI вв. н. э., *Jackson 1953*).

1.8.3. **ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ.** Обычно делят на три основные группы — скандинавскую (северную), восточногерманскую (готскую), объединяемые некоторыми исследователями в готско-скандинавскую, и западногерманскую. Наиболее ранний представитель скандинавской группы — язык старших северных рунических надписей — близок еще к общегерманскому (*Макаев 1965*). Наиболее архаические тексты на древнеисландском (древнесеверном) языке собраны в “Старшей Эдде” (*Neckel 1962*) — рукописном сборнике древних песен на пергаменте, составленном в XIII в. в Исландии, но восходящем к гораздо более раннему времени. На древнеисландском языке существует и обширная прозаическая литература и скальдическая поэзия. В дальнейшем (примерно начиная с середины II тысячелетия до н. э.) происходит распад древнеисландского (древнескандинавского) на *западноскандинавский* (норвежский и исландский) и *восточноскандинавский* (шведский и датский), ср. *Стеблин-Каменский М. 1953*.

Основным представителем восточногерманских диалектов является готский язык, древнейший памятник которого представлен в переводе Библии, выполненном епископом Вульфилом в IV в. н. э. Готский язык был распространен в Восточной и Юго-Восточной Европе на территориях, находившихся в сфере влияния Византии. Следы пребывания готов известны как в самой Византии, так и в Крыму (ср. список слов крымских готов), *Жирмунский 1964: 85—102*.

К западногерманским (или “южногерманским”) языкам относят древнеанглийский (англосаксонский, тексты с VII в. н. э.), древнефризский, древневерхне немецкий (тексты с VIII в. н. э.) и древнесаксонский (тексты с IX в. н. э.), являющийся ранним представителем нижне немецких диалектов. Английский и фризский языки объединяются в *англо-фризскую группу*, противостоящую *верхне немецкой группе* диалектов, тогда как нижне немецкие говоры занимают промежуточное положение между этими двумя группами. К ранним поэтическим эпическим текстам на древних западногерманских языках относятся древнеанглийский эпос

“Беовульф” (Irving 1968; 1969; Wrenn 1973), древневерхненемецкая “Песнь о Нибелунгах” (Körner 1921), древнесаксонский эпос “Хелианд” (Behagel 1933) и другие.

Последующие этапы развития этих германских языков представлены в современных английском, немецком, фламандском и голландском (из нижненемецких диалектов) языках.

1.8.4. БАЛТИЙСКИЕ ЯЗЫКИ. Делятся на две основные группы — *западнобалтийскую*, представленную прусским языком (в Пруссии, в XIV—XVIII вв. по данным письменных текстов [Mažiulis 1966—1981]; позднее язык был ассимилирован немецким), и *восточнобалтийскую*, включающую литовский и латышский (тексты начинаются с XVI в. н. э., ср. Zinkevičius 1980, I: 15—18).

1.8.5. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ. Делятся на три группы: *восточнославянскую* (русский, украинский, белорусский с древними памятниками начиная с XI в. н. э.), *западнославянскую* (польский, словинско-кашубский, чешский, словацкий, лужицкий, мертвый полабский), *южнославянскую* (болгарский, сербо-хорватский, словенский и др.) с ранними памятниками старославянского языка (переводы греческих текстов с XI в. н. э.; глаголические рукописи евангелия — Зографского и Марининского, и кириллические — Саввина книга евангельских чтений, Остромирово евангелие с вкраплениями древнерусских элементов; Синайская псалтырь, Супрасльская рукопись, представляющая собой сборник проповедей и житий святых и др.).

2. НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ ИСТОРИЧЕСКИ СМЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЕВРАЗИИ

2.1. ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Хаттский. Неиндоевропейский язык автохтонного населения северо-восточных областей Малой Азии, известный по отрывкам в составе хеттских клинописных текстов. Вымер к началу II тысячелетия до н. э. (Kammenhuber 1969);

Шумерский. Неиндоевропейский язык древнейших пиктографических и клинописных текстов IV—III тысячелетий до н. э. из Месопотамии, вытесненный позднее аккадским языком. Сохранились свидетельства различия нескольких эпох в истории шумерского языка, показывающие разницу в фонетической и грамматической структуре языка;

Эламский. Неиндоевропейский язык северо-западной части Ирана (горная долина восточнее Тигра, современный Хузистан), засвидетельствованный иероглифическими и клинописными текстами с начала II тысячелетия до н. э. К I тысячелетию вытесняется древнеперсидским языком (Дьяконов 1967; Reiner 1969);

Хуррито-урартский. Группа неиндоевропейских языков, засвидетельствованная в III—I тысячелетиях до н. э. в разных областях Передней Азии — Верхней Месопотамии, Северной Сирии, Малой Азии, Южном Закавказье, Северо-западном Иране.

Самое раннее историческое появление хурритов на Ближнем Востоке (в частности Северной Сирии) следует отнести к середине III тысячелетия до н. э., когда в области древней Эблы (современный Телль-Мардих) процветало мощное семитоязычное государство, один из этнических компонентов которого представляли хурриты. Наиболее ранние тексты на хурритском языке выполнены староаккадским клинописным письмом во второй половине III тысячелетия до н. э. (надпись из Навара в долине р. Диялы, восточный приток Тигра, и надпись из Уркиша в северной Месопотамии); во II тысячелетии до н. э. составлено большое число хурритских текстов из Мари, Богазкёя и Угарита (в последнем использовались две системы письма — логографическо-силлабического типа и консонантно-силлабическая старосемитского типа). Хурритский язык был основным языком государства Митанни в северной Месопотамии в середине II тысячелетия до н. э. В архиве Эль-Амарны был обнаружен пространный текст письма правителя Тушратты египетскому фараону Аменхотепу III, начало XIV в. до н. э. (Speiser 1941; Laroche 1978).

Один из поздних хурритских диалектов — урартский язык Ванского царства в Южном Закавказье записан ассирийской клинописью. Тексты датируются первой половиной I тысячелетия до н. э. (Меликишвили 1960; Diakonoff 1971).

2.2. СЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

Семья языков Передней Азии, засвидетельствованная письменными текстами начиная со II тысячелетия до н. э.:

Востоносемитские языки, в которые входит аккадский с его диалектами — вавилонским и ассирийским, распространенный в Месопотамии и прилежащих областях. Различаются следующие основные этапы в истории аккадского языка: *староаккадский* язык (XXIV — XXII вв. до н. э.), *старовавилонский* (в Южном Двуречье) и *староассирийский* (среднее течение Тигра и Малая Азия — каппадокийские таблички) — диалекты начала II тысячелетия до н. э.; *средневавилонский* и *среднеассирийский* — диалекты XVI—XI вв. до н. э.; *поздневавилонский* и *новоассирийский* — диалекты периода X—VIII вв. до н. э. Для записи аккадских текстов использовалась шумерская по происхождению клинопись, преобразованная в дальнейшем в применении к диалектам аккадского языка;

Западносемитские языки, распространенные в областях восточнее Средиземного моря (историческая Палестина, Сирия). К ним относятся языки ханаанейской подгруппы: *палеоханаанейский* язык (распространенный в Северной Сирии и засвидетельствованный вновь обнаруженными клинописными памятниками из древней Эблы, датируемыми серединой III тысячелетия до н. э., Pettinato 1975; Gelb 1977); *моавитский* язык, представленный одной пространной надписью царя Меша (XI в. до н. э.); *финикийский* язык, известный по надписям начиная со второй половины II тысячелетия до н. э.; *древнееврейский* язык, известный по памятникам, древнейшие из которых относятся

к концу II тысячелетия до н. э.; арамейский язык, засвидетельствованный многочисленными надписями начиная с I тысячелетия до н. э. Древнейшие надписи на этих языках выполнены линейной письменностью “консонантно-силлабического” типа, восходящей к старосемитскому письму. Различают западноарамейские (набатейский, пальмирский, иудейско-палестинский, самаританский и др.) и восточноарамейские (сирийский, мандейский и др.) диалекты.

Особую подгруппу в группе западносемитских языков составляет угаритский язык (в древнем Угарите, Рас-Шамра, Сирия), тексты на котором, датируемые серединой II тысячелетия до н. э., выполнены особым клинообразным письмом “консонантно-силлабического” типа.

В южную группу семитских языков включаются южноаравийские диалекты (тексты с I тысячелетия до н. э.) и их современные формы в виде языков мехри, шхаури, сокотри, а также классический арабский язык, геез (староэфиопский язык) и современные эфиопские языки амхарский, тигре, тигринья, харари и др.

2.3. ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЙ ЯЗЫК

Язык древнего Египта, известный по иероглифическим памятникам начиная с конца IV тысячелетия до н. э. Различаются староегипетский, среднеегипетский и новоегипетский (с середины II тысячелетия до н. э.). Продолжением египетского является коптский — язык египетских христиан-коптов, записанный письмом, заимствованным из греческого унциального письма (мертвый язык, сохраняющийся только как язык богослужения). Вместе с семитским, а также рядом языков Африки — берберским, кушитскими и чадскими языками — египетский относят к “афразийской” семье языков (ср. Cohen M. 1947; Дьяконов 1965; Diakonoff 1975).

2.4. КАВКАЗСКИЕ («ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИЕ» ИЛИ «ПАЛЕОКАВКАЗСКИЕ») ЯЗЫКИ

Картвельские языки. Семья южнокавказских языков, включающая близкородственные диалекты: грузинский (тексты начиная с V в. н. э.), мегрельский, лазский (чанский) и сванский;

Абхазско-адыгские языки. Языки Северо-Западного Кавказа, включающие абхазский (и абазинский), адыгейский, кабардинский, убыхский языки;

1 Нахско-дагестанские языки. Языки Северо-Восточного Кавказа, включающие группы дагестанскую (аваро-андо-цезские языки): аварский, андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндинский, чамалинский, цезский, хваршинский,

гинухский, бежитинский, гунзибский; 2) лезгинские языки: лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, арчинский, крызский, будухский, хиналугский, удинский; лакский, даргинский, и Звайнахскую (чеченский, ингушский, бацбийский [цова-тушинский]).

2.5. ДРАВИДСКИЕ ЯЗЫКИ

Языковая семья, состоящая из 23 языков, распространенных главным образом в южной части Индостанского полуострова. Выделяются семь основных дравидских языков, представленных в Индии: телугу, тамильский, каннада, малаялам, гонди, курук и тулу. Языки тамильский, телугу, каннада и малаялам обладают древней письменной традицией, восходящей к периоду до начала н.э. До прихода индо-ариев в Индостан дравидские языки занимали значительно более обширную территорию индостанского полуострова, включая и ее северо-западную часть, но были позднее оттеснены древнеиндийским языком, с которым дравидские языки контактировали в течение длительного периода (ср. *Burrow/Emeneau 1961*).

2.6. ЯЗЫКИ МУНДА

Группа языков, распространенных в Индии (главным образом в центральной ее части) и относящихся к австро-азиатским языкам — многочисленной языковой группе, представленной преимущественно языками Юго-восточной Азии.

2.7. УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Состоят из *финно-угорской* и *самодийской* групп. Финно-угорские языки делятся на *угорские* (венгерский в Центральной Европе, хантыйский и мансийский в Западной Сибири), *финские* (в свою очередь делящиеся на *финно-пермские* языки: коми-пермяцкий, коми-зырянский, удмуртский, и *прибалтийско-финские*: финский, вепсский, водский, эстонский, ливский и ряд других языков Северо-Восточной Европы), *волжские* (мокша-мордовский, эрзя-мордовский, горномарийский, восточно-луговомарийский) и *саамский* языки, ср. *Найдú 1975*.

2.8. АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКИ

В эту группу многие ученые объединяют *тюркские*, *монгольские* и *тунгусо-маньчжурские* языки.

Тюркские языки представлены письменными текстами в Западной Сибири (енисейско-орхонские надписи) и Средней Азии с VII в. н. э. (тюркское руническое письмо, возводимое к согдийскому, ср. *Кононов 1980*), сос-

тавленными на древнетюркском (древнеуйгурском) языке. Различаются *чувашская группа*, *юго-западная* (огузская), *северо-западная* (кыпчакская), *киргизо-алтайская* (киргизо-кыпчакская), *юго-восточная и северо-восточная* (уйгурская) подгруппы тюркских языков.

Монгольские языки представлены собственно монгольским языком, а также бурятским и калмыцким языками; сюда же входят ойратский, дагурский, монгорский и ряд других языков.

Тунгусо-маньчжурские языки представлены языками маньчжурским, чжурчженьским (маньчжурская ветвь) и эвенкийским, эвенским, негидальским, солонским, а также языками амурской подгруппы (тунгусская ветвь).

2.9. ПАЛЕОАЗИАТСКИЕ («ПАЛЕОСИБИРСКИЕ») ЯЗЫКИ

Группа генетически несвязанных между собой языков малых народностей Сибири. В состав палеоазиатских языков входят четыре языковые группы: чукотско-камчатская, эскимосско-алеутская, юкагирско-чуванская и кетско-асанская. Последняя группа, называемая также «енисейской», включает ряд вымерших к XVII-XIX вв. н. э. языков Западной Сибири (коттский, аринский, асанский и др.), а также кетский (енисейско-остяцкий) язык на среднем и верхнем течении Енисея.

К «палеосибирским» языкам относят также генетически изолированный нивхский (*гиляцкий*) язык.

2.10. КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Известен по письменным текстам иероглифического типа со II тысячелетия до н. э. Древнейшие тексты составлены на территории Северного и Центрального Китая. Фонетический облик архаических китайских форм реконструируется на основе сравнительного анализа диалектов китайского языка и передачи китайских заимствований в других языках Восточной Азии и Дальнего Востока — японском, корейском, вьетнамском и др. (ср. Karlgren 1940).

Территория исторического распространения китайского языка составляет крайне восточную границу неиндоевропейских языков, соприкасавшихся с историческими индоевропейскими диалектами в процессе миграций носителей этих диалектов.

СИСТЕМА ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ЯЗЫКОВ С ПИСЬМЕННОСТЯМИ НА НЕЛАТИНСКОЙ ОСНОВЕ

В настоящем исследовании примеры из языков с древнеписьменной традицией приводятся обычно не в фонетической транскрипции (введение которой каждый раз особо оговаривается), а в транслитерации на латинской основе, где каждому символу письменности на определенном языке соответствует некоторый знак латинского алфавита (при внесении в него необходимых дополнительных диакритических знаков). При этом используются, как правило, системы транслитерации, применяемые в известных стандартных руководствах по соответствующим языкам¹.

Предполагаемое для каждого такого знака фонетическое содержание особо оговаривается в случае необходимости при сопоставлении друг с другом передаваемых ими фонем и оценке их реального фонетико-фонологического статуса.

Вследствие этого, например, звуки некоторого языка, передаваемые в традиционной транслитерации символами *p*, *t*, *k*, при их фонетико-фонологической интерпретации могут быть представлены символами *ph*, *th*, *kh*. В таком случае эти символы будут приводиться обычно в фонологических (наклонных) или фонетических (квадратных) скобках: *[ph]*, *[th]*, *[kh]* или *p^h*, *t^h*, *k^h*.

Ниже приводятся системы транслитерации некоторых языков, чаще всего привлекаемых в настоящей работе.

ХЕТТСКИЙ И ДРУГИЕ АНАТОЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Система транслитерации хеттского и других анатолийских языков (лувийского, палайского) основывается на передаче каждого слогового знака клинообразной письменности (а также лувийской иероглифической письменности) соответствующим сочетанием латинских букв в согласии с общепринятой системой ассириологической транскрипции (ср. для хеттского *Friedrich 1960*). При этом, однако, в настоящей работе часто используется и слитная транслитерация без разделения на слоги, которая в стандартной

¹ Формы языков, использующих кириллическую письменность, передаются в целях унификации сравниваемого лексического материала в латинской транслитерации (за исключением форм русского, а также украинского, белорусского и болгарского языков).

транслитерации клинообразного письма указывает на границы между клинописными знаками. Например, написание *ak-ka-an-te-eš* или *ku-en-zi* в хеттском в слитной транслитерации будет передаваться соответственно *akkan-teš* и *kuenzi*. Такое слитное написание хеттских слов, представляющее в принципе транслитерацию, а не транскрипцию оригинального написания, не претендует на фонетико-фонологическую характеристику отображаемых слов. Оно должно служить скорее цели более экономной и удобной записи сочетаний клинописных знаков, сохраняющей определенную связь с орфографией оригинала¹.

Так, например, знаки для *š* и *z* в хеттской клинописи, передающие соответственно звуки [s] и [ts], будут представлены неизменно в слитном написании символами *š* и *z*.

Реальная фонетическая характеристика звуков, предполагаемая для хеттских фонем, обосновывается особо в соответствующих разделах работы и выражается символами в фонетических или фонемных скобках в отличие от простых транслитерационных знаков.

МИКЕНСКИЙ ГРЕЧЕСКИЙ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ

Микенские греческие написания как в отдельной слоговой, так и в слитной транслитерации, даются в соответствии со стандартной транслитерацией линейного письма (см. *Morpurgo 1963; Ventris/Chadwick 1973*). Древнегреческие примеры приводятся в настоящей работе в оригинальном написании.

ДРЕВНЕИНДИЙСКИЙ

Ведийские и санскритские формы приводятся в наиболее распространенной стандартной транслитерации (ср. *Renou 1930; Mayrhofer 1953*). Древнеиндийская система письма (типа д е в а н а г а р и) в местной традиции была организована по фонетическому и морфологическому принципу, отраженному в парадигматике письма, в расположении знаков силлабических письменностей:

Слоговые краткие: *a, i, u, ṛ, (ḷ)*

Слоговые долгие: *ā, ī, ū, ṝ, ḹ*

Гласные: *e, o* (функциональные дифтонги с кратким первым элементом **ai, *au*)

Дифтонги с первым долгим элементом: *āi, āu* (функционально **āi, *āu*)

Неслоговые сонорные: *y, v, r, (l)*

¹ В последнее время были установлены особенности передачи акцентуации в хеттском с помощью так называемого *plene*-написания или повторного обозначения символа для гласного в формах типа *e-eš-zi, a-ša-a-an-zi, pa-ta-a-na* и др., интерпретируемых фонетически не как долготы, а именно как формы с ударными гласными *éšzi, ásánsi, patán* (ср. *Hart 1980; Carruba 1981*). В слитной транслитерации в подобных случаях акценты в хеттских формах не обозначаются за исключением случаев, особо оговариваемых; не передается, как правило, с помощью надстрочной черты (*ēšzi, asānzi, patāna*) и факт повторного написания соответствующего гласного.

Смычные:

	Глухие	Глухие придыха- тельные	Звонкие	Звонкие придыха- тельные	Носовые
Палатальные	<i>c</i>	<i>ch</i>	<i>j</i>	<i>jh</i>	<i>ñ</i>
Велярные	<i>k</i>	<i>kh</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>	<i>ṅ</i>
Церебральные (ретрофлексные)	<i>ʈ</i>	<i>ʈh</i>	<i>ɖ</i>	<i>ɖh</i>	<i>ṇ</i>
Зубные	<i>t</i>	<i>th</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>	<i>n</i>
Губные	<i>p</i>	<i>ph</i>	<i>b</i>	<i>bh</i>	<i>m</i>

Сибиллянтные спиранты: *s*, *ṣ* (церебральный), *ś* (палатальный);

Придыхание: звонкий спирант *h* [и соответствующий глухой спирант *ḥ* (*visarga*) как позиционный вариант сибиллянтного спиранта *s* в конце изолированного слова]. Носовой гласный *anusvāra* обозначается особым знаком назализации *m̃*;

Палатальные аффрикаты: *c*, *ch*, *j*, *jh* отражают шипящие (компактные) звуки, передаваемые в фонетической транскрипции соответственно знаками *č* (= *tʃ*), *ǰ* (= *dʒ*) и соответствующими знаками для придыхательных.

ТОХАРСКИЙ

Тохарские тексты, написанные индийским письмом, транслитерируются аналогично индийскому; отличие составляет знак *ā*, обозначающий особый гласный переднего ряда, и соединение знаков для передачи звука [ts].

АВЕСТИЙСКИЙ, ДРЕВНЕПЕРСИДСКИЙ И ДРУГИЕ ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Авестийские формы, записанные письмом, основывающимся на арамейско-пехлевийской письменности со значительным числом позднейших дополнений и модификаций, приводятся в некоторой нормализованной транслитерации в соответствии со стандартной системой (см. Reichelt 1909; Morgenstierne 1942):

Гласные: *a*, *ā*, *i*, *ī*, *u*, *ū*, *e*, *ē*, *o*, *ō*, *ā*, *ā̃*,

Редуцированные гласные: *a*, *ə*

Носовой гласный: *ą*

Смычные:

губные: *p*, *b*;

зубные: *t* (*ʈ* в определенных позициях в конце слогов), *d*;

велярные: *k*, *g*;

Спиранты:

губные: *f*, *w*; зубные: *ʃ*, *ḍ*; велярные: *x*, *x⁰*, *γ*

Сибиллянтные спиранты — свистящие: *s, z*; шипящие (компактные): *š¹, ž, ç*;

Придыхание: *h* (передаваемое несколькими знаками)²;

Аффрикаты — шипящие (компактные): *č* и *ǰ*;

Сонорные:

Носовые: *m, n, ŋ, (ŋ)*

Ротовые: *y, u, r*

Более простая система принимается для транслитерации знаков древнеперсидского слогового клинообразного письма со знаками структуры CV- (ср. Kent 1953; Brandenstein/Mayrhofer 1964):

Гласные: *a ā, i ī, u ū*

Смычные: *b d g*

p t k

Аффрикаты: *č ǰ*

Спиранты: *v f*

h

z s

š ç

h

Придыхание: *h*

Сонорные: *m n y r*

Формы среднеиранских диалектов типа согдийского с консонантным письмом арамейского происхождения приводятся соответственно без вокализации.

ДРЕВНЕАРМЯНСКИЙ ЯЗЫК

Применяемая ниже латинская транслитерация классического армянского алфавита основывается на системе, представленной в Meillet 1936 и 1937; Meje 1938: 45; с некоторыми позднейшими поправками в обозначении придыхательных аффрикат (Schmitt 1972; 1981).

Согласно этой традиции, знаки армянского алфавита, обозначающие смычные и аффрикаты, передаются следующими латинскими символами:

Смычные:

глухие: *p, t, k*; глухие придыхательные: *p̄, t̄, k̄*;

звонкие: *b, d, g*

Аффрикаты:

глухие: *c, č*; глухие придыхательные: *c' č'*; звонкие: *j (= [dz]), ĵ (= [dž])*.

¹ Этим символом передается несколько знаков авестийского письма. Согласно Моргенстjerne, они соответствуют трем разным фонемам: */š/, /š'/, /ř/*.

² Кроме знака для *h* существует знак для палатализованного варианта *h'*.

Фонологически противопоставление глухих непридыхательных и придыхательных аффрикат можно скорее всего представить не как оппозицию типа индийского $\check{c}$ — $\check{ch}$, а как противопоставление глоттализованных (глухие) — неглоттализованным (глухие придыхательные); ср. аналогичное противопоставление аффрикат c' — c , $\check{c}'$ — $\check{c}$ в кавказских языках.

Существуют особые знаки для обозначения двух видов плавных сонорных: l и $l̃$ (веляризованное [$l̃$]), r и $r̃$ (раскатистое $r̃$, которое можно интерпретировать как долгое или геминированное rr , ср. *Bolognesi 1962; Schmitt 1972 : 303*). Символом $\bar{e}$ транслитерируется особая армянская закрытая гласная, отражающая древний дифтонг и встречающаяся только в ударном слоге, тогда как символ $\bar{a}$ соответствует букве $\bar{a}$ армянского алфавита, выражающей закрытую краткую гласную в безударном слоге.

ГОТСКИЙ И ДРУГИЕ ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Система готской письменности, основанная на позднегреческом унциальном письме, транслитерируется латинскими символами с некоторыми дополнениями. Специфическими транслитерационными знаками для готского являются β — глухой зубной (интердентальный) спирант (типа англ. [θ]) и знаки для лабиализованных согласных — [k^o], передаваемого латинским символом q , и [h^o], передаваемого обычно специфическим символом hw (или сочетанием знаков hw). Транслитерационные знаки w и j обозначают соответственно полугласные [w] и [j]. Те же латинские символы использованы для обозначения рунических знаков, передающих соответствующие звуки; знак R при транслитерации германских слов в рунической записи обозначает особый звонкий спирант, близкий к вибранту.

В исландском письме, основанном на латинском, знак ударения над гласным обозначает долготу, например, $\acute{u}$ с ударением означает [$\bar{u}$]. Спиранты [β] и [δ] (а в древнеанглийском и [θ]) обозначаются перечеркнутыми буквами $\check{b}$ и $\check{d}$.

В древневерхненемецком символ z передает свистящую (диффузную) аффрикату [ts].

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ

В латинской транслитерации обеих старославянских письменностей — “глаголицы” и “кириллицы”, восходящих к греческому письму с добавлением ряда знаков, используются следующие особые символы, передающие звуки, специфичные для старославянского языка: y для передачи гласного среднего ряда высокого подъема (типа рус. y); $\check{e}$ для передачи открытого гласного переднего ряда, $\check{i}$ и $\check{y}$ для редуцированных гласных (соответственно e и y в свехкраткие), o и e для передачи носовых гласных [$\bar{o}$] и [$\bar{e}$], c и $\check{c}$ для передачи собственно аффрикат [ts] и [tʃ], ch для обозначения глухого велярного спиранта [x].

ИТАЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Слова италийских языков: фалисского, оскского, умбского (а также некоторых других древних языков Италии — мессапского и венецкого), транслитерируются обычным латинским письмом (с символом *c*, обозначающим глухую велярную смычную [k], и символом *i* в начале слова и между гласными, обозначающим [v]). Знаки ударения над *í* и *í* в оскском передают соответственно гласные *e* и *o*.

ДРЕВНЕИРЛАНДСКИЙ ЯЗЫК

Ирландские формы, записанные латинским письмом, приводятся в оригинальном написании. При этом сочетание *th* обозначает глухой зубной спирант [θ], сочетание *ch* выражает глухой велярный спирант [x]. Долготы гласных выражаются знаком ударения на соответствующих символах: *é*→[ē] *ó*→[ō] и др.

КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Слова картвельских языков в соответствии с принятой в кавказоведении системой транслитерации передаются латинскими транскрипционными знаками с некоторыми добавлениями. Три серии картвельских смычных и аффрикат — звонкие ~ глухие (придыхательные) ~ глоттализированные — обозначаются соответствующими латинскими знаками (с апострофом для выражения глоттализированных):

Смычные и аффрикаты:

	звонкие	глухие (придыхательные)	глоттализированные
губные	<i>b</i>	<i>pʰl</i>	<i>p'</i>
зубные	<i>d</i>	<i>tʰl</i>	<i>t'</i>
велярные	<i>g</i>	<i>kʰl</i>	<i>k'</i>
поствелярные	—	<i>qʰl</i>	<i>q'</i>
свистящие	<i>z</i>	<i>s</i>	<i>s'</i>
шипящие	<i>ž</i>	<i>š</i>	<i>š'</i>

Спиранты:

свистящие	<i>z</i>	<i>s</i>
шипящие	<i>ž</i>	<i>š</i>
велярные	<i>γ</i>	<i>x</i>

СЕМИТСКИЕ ЯЗЫКИ

Система консонантизма и вокализма исторических семитских языков дается в обычной семитологической транскрипции с добавлением некоторых знаков международного фонетического алфавита.

Ларингальные и фарингальные: ' ʿ h ħ

Смычные
(со спирантизованными вариантами):

	звонкие	глухие (придыхательные)	эмфатические
губные	b/ḅ	p/p̄	— (p̄)
зубные	d/ḏ	t/t̄	ḏ ṭ
велярные	g/ġ	k/k̄	ḳ

Спиранты:

сIBILЯнтные	z	ś š	z š
интердентальные	ḏ	ṭ	ḏ ṭ
велярные	ɣ (ġ)	x (ħ)	
лабиальные	v	f	
сонорные	r l m n		
полугласные	w j		

Аффрикаты:

ǧ ħ

Гласные:

краткие

a e i o u

долгие

ā(ā) ē ī(i) ō ū(u)

сверхкраткие

ʾ ɛ ʾ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

А. Языки и диалекты

абх.	абхазский	баск.	баскский
авар(ск).	аварский	бацб.	бацбийский
авест.	авестийский	башк.	башкирский
авест. (дэв.)	дэвовская лексика в авестийском	белорус.	белорусский
агул.	агульский	белудж.	белуджский
адыг.	адыгейский	бенг.	бенгали
азерб.	азербайджанский	беот.	беотийский
айн(ск).	айнский	бирм.	бирманский
аккад.	аккадский	болг.	болгарский
алан.	аланский	брет.	бретонский
алб.	албанский	буруш.	бурушаски
алт.	алтайский	вав.	вавилонский
анат.	анатолийский	вайг.	вайгали
англ.	английский	валл.	валлийский
анд.	индийский	вахан.	ваханский
анудх.	анудха	вед.	ведийский
араб.	арабский	венг.	венгерский
араг.	арага	вен(ет).	венетский
арам.	арамейский	веп(с).	вепсский
арийск.	арийский	в(ерхне)-луж.	верхнелужицкий
арин.	аринский	вест.-гот.	вестготский
арк.-кипр.	аркадо-кипрский	вод.	водский
арм.	армянский	волжск.-перм.	волжско-пермский
арч.	арчинский	вольск.	вольский
асан.	асанский	вост.-кавк.	восточнокавказский
ассир.	ассирийский	вост.-лит.	восточнолитовский
атт(ич).	аттический	га.	галла
афган.	афганский	гав.-бат.	гавар-баты
ахв(ах).	ахвахский	галл.	галльский
ашк.	ашкун	гег.	гегский
балк.	балкарский	геракл. дельф.	гераклский, дельфский
балт.	балтийский	герм.	германский
бартауг.	бартаугский		

голл.	голландский	др.-сев.	древнесеверный
гом.	гомеровский	др.-тиб.	древнетибетский
греч.	гомеровский	др.-тюрк.	древнетюркский
	греческий	др.-фриз.	древнефризский
крымск.	крымско-готский	др.-хет.	древнехеттский
	греческий	др.-чеш.	древнечешский
гом.	греческий	др.-швед.	древнешведский
	гомеровский	егип.	египетский
груз.	грузинский	енис.	енисейский
груз.-зан.	грузинско-занский	зан.	занский
гунз.	гунзибский	зап.-греч.	западногреческий
дак.-фрак.	дако-фракийский	зап.-кавк.	западнокавказский
дам(ел).	дамели	зап.-монг.	западномонгольский
дарг.	даргинский	зап.-осет.	западноосетинский
дард.	дардские	зап.-сем.	западносемитский
дат.	датский	и.-е.	индоевропейский
дигор.	дигорский	иер. лув.	иероглифический
дид.	дидойский		лувийский
доб.	добу	йидг.	йидга
доперм.	допермский	иллир.	иллирийский
дор.	дорийский	инг.	ингушский
др.-англ.	древнеанглийский	инд.	индийский
др.-арм.	древнеармянский	индо-иран.	индо-иранский
др.-бирм.	древнебирманский	ион.	ионийский
др.-брет.	древнебретонский	иран.	иранский
др.-валл.	древневаллийский	ирл.	ирландский
др.-в.-нем.	древневерхне- немецкий	иронск.	иронский
др.-герм.	древнегерманский	исл.	исландский
др.-груз.	древнегрузинский	италийск.	италийский
др.-евр.	древнееврейский	ишк(аш).	ишкашимский
др.-европ.	древнеевропейский	кабард.	кабардинский
др.-егип.	древнеегипетский	казах.	казахский
др.-инд.	древнеиндийский	каппад.	каппадокийский
др.-ирл.	древнеирландский	карач.	карачаевский
др.-исл.	древнеисландский	картв.	картвельский
др.-кит.	древнекитайский	кассит.	касситский
др.-корн.	древнекорнский	кат.	кати
др.-макед.	древнемакедонский	кафир.	кафирский
др.-н.-нем.	древненижнемец- кий	кашм.	кашмири
др.-норв.	древненорвежский	кашуб.	кашубский
др.-перс.	древнеперсидский	кашуб.- словин.	кашубско-сло- винский
др.-прус.	древнепруский	кел(аб).	келабит
др.-рус.	древнерусский	кельт.	кельтский
др.-сакс.	древнесаксонский	кет.	кетский

кипр.	кипрский	мидийск.	мидийский
кирг.	киргизский	мик(ен).	микенский
кит.	китайский		греческий
клин.-лув.	клинописный лувийский	мит(ан).	митаннийский
коми-зыр(ян).	коми-зырянский	арийск.	арийский
коми-перм.	коми-пермяцкий	мокш.	мокша
копт.	коптский	монг.	монгольский
кор.	корейский	морав.	моравский
корн.	корнский	морд(ов).	мордовский
коттск.	коттский	мундж(ан).	мунджанский
крит.	критский	нав.	навахо
крым.-гот.	крымско-готский	народ. лат.	народнолатинский
курд.	курдский	нем.	немецкий
лаз.	лазский	ненецк.	ненецкий
лак.	лакский	ниж(н).-нем.	нижненемецкий
лакон.	лакониийский	н.-луж(ицк).	нижнелужицкий
лангобард.	лангобардский	ново-егип.	новоегипетский
лат.	латинский	ново-ирл.	новоирландский
латыш.	латышский	ново-перс.	новоперсидский
лах.	лаху	ново-хет.	новохеттский
лезг.	лезгинский	норв.	норвежский
лесб.	лесбосский	нубийск.	нубийский
лив.	ливский	обск.-угор.	обско-угорский
лигур.	лигурийский	общеперм.	общепермский
лид.	лидийский	общетюрк.	общетюркский
лик.	ликийский	общефин.	общефинский
лит.	литовский	общ.-иран.	общейранский
лиф.	лифу	общ.-слав.	общеславянский
лув.	лувийский	осет.	осетинский
лув. иерогл.	лувийский иероглифический	оск.	оскский
лув. клин.	лувийский клинописный	па.	пали
мал.	малаялам	пал.	палайский
манд.	мандейский	памир.	памирские
маних. согд.	манихейский согдийский	памфил.	памфилийский
манс.	мансийский	пандж.	панджаби
маньчж.	маньчжурский	парач.	парачи
марийск.	марийский	парф.	парфянский
мегр.	мегрельский	паш.	пашаи
мегр.-лаз.	мегрело-лазский	пашт.	пашто
мессап.	мессапский	перм.	пермский
мехр.	мехри	перс.	персидский
		пехл(ев).	пехлевийский
		полаб.	полабский
		полес.	полесский
		пол(ьск).	польский

пракрит.	пакриты	ср.-брет.	среднебретонский
праманс.	прамансийский	ср.-валл.	средневаллийский
прамордов.	прамордовский	ср.-голл.	среднеголландский
прас.	прасун	ср.-ирл.	среднеирландский
прасаам.	прасаамский	ср.-кит.	среднекитайский
прауральск.	прауральский	ср.-корн.	среднекорнский
прибалт.-фин.	прибалтийско- финский	ср.-н.-нем.	средненижне- немецкий
прус.	пруский	ср.-перс.	среднеперсидский
пумпокольск.	пумпокольский	ст.-ассир.	староассирийский
пунич.	пунический	ст.-валл.	староваллийский
пхал.	пхалура	ст.-лат.	старолатинский
пшав.	пшавский	ст.-лит.	старолитовский
рум.	румынский	ст.-монг.	старомонгольский
рун.	рунический	ст.-осет.	староосетинский
рун. др.-сев.	рунический древнесеверный	ст.-польск.	старопольский
рус.	русский	ст.-слав.	старославянский
рус. ц.-слав.	русско-церковно- славянский	ст.-укр.	староукраинский
рут(ул).	рутульский	ст.-франц.	старофранцузский
рушан.	рушанский	табас(ар).	табасаранский
саам(ск).	саамский	тадж.	таджикский
сабин.	сабинский	талыш.	талышский
сак.	сакаи	тамил.	тамильский
сакск.	сакский	<u>татар.</u>	татарский
сангл.	санглечи	телуг.	телугу
санскр.	санскрит	тирольск.	тирольский
сармат.	сарматский	тобольск.	тобольский
сарык(ол).	сарыкольский	тоск.	тоскский
сван.	сванский	тох.	тохарский
сем.	семитский	тох. А	тохарский А
серб.-хорв.	сербо-хорватский	тох. В	тохарский В
сир.	сирийский	тох. А, В	тохарский А и тохарский В
сирак.	сиракузский	тунг.-маньчж.	тунгусо-мань- чжурский
скиф.	скифский	турецк.	турецкий
скуом.	скуомиш	турк.	туркменский
слав.	славянский	туш.	тушинский
словац(к).	словацкий	тюрк.	тюрский
словен.	словенский	убых.	убыхский
словин.	словинский	угар.	угаритский
согд.	согдийский	угор.	угорский
согд. будд.	согдийский буддийский	удин.	удинский
сокотр.	сокотри	удм.	удмуртский
ср.-англ.	среднеанглийский		

узб(ек).	узбекский
укр.	украинский
умбр.	умбрский
урал.	уральский
урар(т).	урартский
фалиск.	фалисский
фесс.	фессалийский
фидж.	фиджи, фиджийский язык
фин.	финский
фин.-волж.	финско-волжский
фин.-волж.-перм.	финско-волжско-пермский
финик.	финикийский
фин.-перм.	финско-пермский
фин.-угор.	финно-угорский
фрак.	фракийский
франк.	франкский
франц.	французский
фриг.	фригийский
хак.	хакасский
хант.	хантыйский
хат.	хаттский
хет.	хеттский
хин.	хиналугский
хинд.	хинди
хотано-сакск.	хотаносакский
хур.	хурритский
хур.-урарт.	хурро-урартский

хуф.	хуфский
цах(ур).	цахурский
цезск.	цезский
ц.-слав.	церковнославянский
чагат.	чагатайский
чан.	чанский
чеч.	чеченский
чжурчжен.	чжурчженьский
чув(аш).	чувашский
швед.	шведский
шин.	шина
шугн(ан).	шугнанский
шум.	шумерский
шусв.	шусвоп
эвенк.	эвенкийский
элам.	эламский
эол.	эолийский
эрз.	эрзя
эрзя-мордов.	эрзя-мордовский
эст.	эстонский
этрус.	этрусский
южн.-арав.	южноаравийский
южн.-кавк.	южнокавказский
юкагир.	юкагирский
ягноб.	ягнобский
язг(ул).	язгулямский
якут.	якутский
япон(ск).	японский

В. Грамматическая терминология

акт. п.	активный падеж
аор.	аорист
арх.	архаический
аспир	аспирированность
буд. вр.	будущее время
вар.	вариант
веляр	велярность
взрыв рекур	взрывная рекурсия
вин. п(ад).	винительный падеж
глоттал	глоттализованность
дат. пад.	дательный падеж
дв. ч.	двойственное число
диал.	диалект; диалектный

дифференц.	дифференциальный
ед. ч.	единственное число
ж(ен). р.	женский род
зват. п(ад).	звательный падеж
зв(ат). ф.	звательная форма
звонк	звонкость
им. п(ад).	именительный падеж
им.-вин. п.	именительный-винительный падеж
импер.	императив
имперф.	имперфект
инкл.	инклюзив

<i>кауз.</i>	каузатив	<i>страдат. з.</i>	страдательный залог
<i>компакт</i>	компактность	<i>структ.-</i>	
<i>л.</i>	лицо	<i>инакт. п.</i>	структурно-инактивный падеж
<i>лабиал</i>	лабиальность	<i>суфф.</i>	суффикс
<i>лабиализ</i>	лабиализованность	<i>твор. п(ад).</i>	творительный падеж
<i>лок.</i>	локатив	<i>уменьшит.</i>	уменьшительная форма
<i>мед.</i>	медиум	<i>част.</i>	частица
<i>медиопас.</i>	медиопассив	<i>экскл.</i>	эксклюзив
<i>местоим.</i>	местоимение	<i>эпич.</i>	эпический
<i>мест. п(ад).</i>	местный падеж	<i>этимол.</i>	этимологически
<i>мн. ч.</i>	множественное число	<i>А</i>	актив
<i>м(уж). р.</i>	мужской род	<i>А</i>	атрибут
<i>напр. п(ад).</i>	направительный падеж	<i>А^{In}</i>	структурно-синтаксический инактив
<i>наст. вр.</i>	настоящее время	<i>abl.</i>	аблатив
<i>неср. р.</i>	несредний род	<i>Ad</i>	адресат
<i>общ. р.</i>	общий род	<i>Ad</i>	адъектив
<i>оконч.</i>	окончание	<i>Adv</i>	адverb
<i>опт(ат).</i>	оптатив	<i>С</i>	согласный
<i>отл. п(ад).</i>	отложительный падеж	<i>Д</i>	десигнат
<i>п(ад).</i>	падеж	<i>Gen. Pl.</i>	genetivus pluralis
<i>палатал</i>	палатальность	<i>'id.'</i>	'idem' (то же значение)
<i>палатализ</i>	палатализованность	<i>In</i>	инактив
<i>пасс.</i>	пассив	<i>intr.</i>	непереходный
<i>перф.</i>	перфект	<i>N</i>	имя существительное
<i>письм.</i>	письменный	<i>NP</i>	именная фраза
<i>пов. накл.</i>	повелительное наклонение	<i>Ng</i>	имя существительное в родительном падеже
<i>порядк.</i>	порядковое числительное	<i>О</i>	объект
<i>поэт.</i>	поэтический	<i>P</i>	предикат
<i>прев. ст.</i>	превосходная степень	<i>-р-</i>	реляционный элемент
<i>прет.</i>	претерит	<i>Pa</i>	начальная группа частиц
<i>прич.</i>	причастие	<i>pl. tantum</i>	plurale tantum
<i>прич. пр. вр.</i>	причастие прошедшего времени	<i>Pred.</i>	предикат
<i>прич. страд.</i>	причастие страдательного залога	<i>R</i>	корень
<i>пр(ош). вр.</i>	прошедшее время	<i>Rs.</i>	Rückseite
<i>р(од). п(ад).</i>	родительный падеж	<i>S</i>	субъект
<i>род.-отлож.</i>	родительно-отложительный падеж	<i>Sn</i>	предложение
<i>пад.</i>	родительно-отложительный падеж	<i>St</i>	(глагольная) основа
<i>слогов</i>	слоговость	<i>st. constr.</i>	status constructus
<i>смычн</i>	смычность	<i>T_{pass.}</i>	пассивная трансформация
<i>сосл. накл.</i>	сослагательное наклонение	<i>tr.</i>	переходный
<i>сравн. ст.</i>	сравнительная степень	<i>V</i>	глагол
<i>ср. р.</i>	средний род	<i>V</i>	гласный
		<i>VP</i>	глагольная фраза
		<i>Vs.</i>	Vorderseite

С. Источники

- Ассур   Лувийская иероглифическая надпись из Ассура (ср. *Laroche 1960 : XXX*)
- Геродот,   Herodoti Historiae
История
- Гесихий   Hesychii Alexandrini Lexicon
- Гиппонакт   Les fragments du poète Hipponax («Études et Commentaires», 43), éd. O. Masson, Paris 1962
- Каратепе   Финикийско-иероглифическая билингва из Каратепе (Издания текста см. *Laroche 1960 : XXV*)
- Кархемыш   Лувийская иероглифическая надпись из Кархемыша (ср. *Laroche 1960 : XXV—XXVI*)
- Павзаний   Pausaniae Graeciae descriptio
- Плавт, Трис. Plauti Truculentus («*The Loeb Classical Library*», V, Cambridge, Mass., 1938 : Harvard University Press)
- Супр.   Супрасльская рукопись, изд. С. Северьянова, Петербург 1904 («*Памятники Старославянского Языка*», т. 2, № 1)
- УКН   «Урартские Клинообразные Надписи» (*Меликишвили 1960*)
- ХЗ   «Хеттские Законы» (*Friedrich 1959*)
- Эсхил, Пром. Aeschyli Prometheus
- АВот   Ankara Arkeoloji Müzesinde bulunan Boğazköy Tabletleri, Istanbul 1948
- Al.   Der Vertrag des Muwatalliš mit Alakšanduš von Wiluša (*J. Friedrich, «Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft», 34, 1, Leipzig, 1930*)
- AM   Die Annalen des Muršiliš (*Goetze 1933*)
- AV   *Atharvavedasamhitā* (*Bloomfield 1899*)
- Bo   Unveröffentlichte Texte aus Boğazköy. 1. Bo + Nr = Funde von 1906—1912, Istanbul; 2. Bo + Jahr + Nr = neue Funde, beginnend mit Bo 68/1, Ankara
- BoSt   Boghazköi-Studien, Leipzig 1916—1924
- BoTU   Die Boghazköi-Texte in Umschrift (*E. Forrer, «Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orientalgesellschaft», Leipzig 1922, 1926*)
- C. A.   Cippus Abellanus (*Buck 1905 : 126 u. след.*)

- Cic. Sen.** Cicero. Post reditum in Senatu (*Cicero. The Speeches. «The Loeb Classical Library»*, Cambridge, Mass. 1935. Harvard University Press : 48—99)
- Festus** S.P. Festi De verborum significato quae supersunt
- Н.** Haḏōxt Nask («Авеста»)
- НAB** Die hethitisch-akkadische Bilingue des Ḫattušili I (Labarna II), *Sommer/Falkenstein 1938*
- Ha(t).** Ḫattušiliš. Der Bericht über seine Thronbesteigung nebst Paralleltexten (*A. Goetze, «Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft»*, 29.3, Leipzig 1925)
- HT** Hittite Texts in the Cuneiform Characters from Tablets in the British Museum, London 1920
- IBoT** Istanbul Arkeoloji Müzelerinde bulunan Boğazköy Tabletleri(nden Seçme Metinler), I—III, Istanbul 1944, 1947, 1954
- KBo** Keilschrifttexte aus Boghazköi I—VI («Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orientgesellschaft», 30,36, Leipzig 1916—1923; VII-, Berlin 1954-)
- KUB** Keilschrifturkunden aus Boghazköi, Berlin 1921-)
- Madd.** Madduwattaš (*A. Goetze, «Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft»*, 32. 1, Leipzig, 1928)
- MS** Muršilis Sprachlähmung (*Goetze/Pedersen 1934*)
- Pestgebete** Die Pestgebete des Muršiliš (*A. Goetze, «Kleinasiatische Forschungen»*, 1929, I: 161—251)
- Pud.** La vœu de Puduḫepa (*E. Laroche, «Revue d'Assyriologie et d'Archéologie Orientale»*, 1949, 43 : 55—78)
- PY** Пилосские таблички (*Bennett 1955*)
- RV** Ṛgvedasamhitā (*Aufrecht 1955*)
- T.B.** Tabula Bantina (*Buck 1905:130 и след.*)
- Tel.** «Миф о Телепину» (KUB XVII 10; KUB XXXIII 1—10); «Указ царя Телепину» (BoTU 23 A, B, C = KBo III 1 + KBo XII 5 + KBoIII 68 + KBo XII 7)
- T.I.** Tabulae Iguvinae (*Poultney 1959*)
- Tun(n).** The Hittite Ritual of Tunyaw (A. Goetze, «American Oriental Series», 14, New Haven, 1938)
- Ull.** *The Song of Ullikummi. Revised Text of the Hittite Version of a Hurrian Myth (Güterbock 1951—1952)*
- VBoT** Verstreute Boghazköi - Texte, hrsg. von A.Goetze, Marburg 1930
- Vd** Vidēvdāt («Авеста»)
- Verg. Aen.** Vergilii Aeneis
- Y** Yasna («Авеста»)
- Yt** Yašt («Авеста»)

Sans cesse l'ineptie absolue de la terminologie courante, la nécessité de la réforme, et de montrer pour cela quelle espèce d'objet est la langue en général, vient gâter mon plaisir historique, quoique je n'aie pas de plus cher vœu que de n'avoir pas à m'occuper de la langue en général.

“Полнейшее несовершенство современной терминологии, необходимость ее реформы и показа того, что в общем представляет собой язык как таковой, постоянно портят мне удовольствие, которое я получал бы от занятий историей языка, хотя у меня не было бы большего желания, чем быть свободным от занятий общими вопросами языка”.

**Ferdinand de Saussure, *Lettre à Antoine Meillet*
(4 janvier, 1894)**

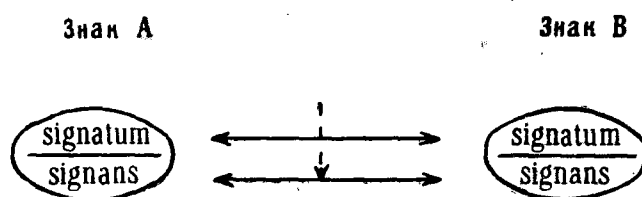
ВВЕДЕНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА И ПРЕДПОСЫЛКИ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1. ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА ЗНАКОВ

Язык как система знаков различает два структурных плана — план выражения и план содержания. В соответствии с этим каждый языковой знак характеризуется единством двух сторон — “означающего” (signans) и “означаемого” (signatum), соотносимых с двумя планами языка. Отношения между означающим и означаемым в знаках языка определяются их взаимосвязями в системе как в плане выражения, так и в плане содержания. Такие взаимоотношения между знаками, как на уровне выражения, так и на уровне содержания, определяют сложный характер соссюровского принципа “произвольности языкового знака”. Языковой знак произволен в аспекте “вертикальных отношений”, то есть в принципе произвольна, немотивирована связь между “означающим” и “означаемым” в отдельном языковом знаке. Однако “горизонтальные отношения” между знаками, то есть отношения между означающим и означаемым соотносимых знаков языка, обладают элементами мотивации в том смысле, что характер отношений на уровне означающих (имеются в виду разного рода сходства и различия в фонемном составе соотносимых друг с другом знаков) мотивируется в известной мере характером отношений в системе между этими знаками на уровне означающих (Гамкрелидзе 1972; Gamkrelidze 1974), ср. *Схему 1*:

Схема 1

План выражения языковых знаков характеризуется сложной внутренней структурой. Знак звукового языка выражается не единичным элементом — звуком, а определенной комбинацией звуков, взятых из заданного для данного языка набора звуковых единиц. “Означающее” языкового знака характеризуется тем самым внутренней иерархической структурой, что определяется как “дуальность” знака звукового языка. Распределение звуковых единиц в конкретных знаках языка, выбор таких единиц из

общего набора звуков для выражения конкретных знаков и представляет собой звуковую синтагматику языка.

Наличие внутренней структуры у знаков языка позволяет создавать с помощью ограниченного числа элементов - фонем практически бесконечное множество знаков, комбинация которых по определенным структурным схемам дает грамматически правильно построенные фразы данного языка¹.

Систему со знаками, представляющими все теоретически возможные комбинации определенной длины из элементов заданного множества, можно определить как "полную". Система, в которой для выражения знаков используются не все теоретически возможные комбинации заданных элементов, может быть охарактеризована как "неполная", обладающая определенной степенью избыточности. Ее можно рассматривать как систему, в которой на конкретные комбинации элементов накладываются определенные ограничения. Допустимые комбинации элементов в такой системе и определяют структуру выражения ее знаков.

Такой "неполной" системой является естественный язык, обладающий достаточно высокой степенью избыточности, что содействует его коммуникативной эффективности. Эта же особенность естественного языка делает в принципе возможным изменение его звукового строя в диахронии.

Изменения определенных фонем в другие фонемы, представляющих собой расщепление (*split*) или слияние (*merger*) двух фонем, характерных для более раннего состояния языка, осуществляются в условиях избыточности языковой системы, которая и определяет возможность таких изменений.

В теоретически мыслимых "полных" системах с максимальной энтропией, где знаками были бы все теоретически возможные комбинации данных элементов, изменение одного ряда фонем и переход его в другой ряд повлек бы за собой с необходимостью передвижение в системе всех наличных фонемных рядов во избежание совпадения знаков, возникновения сплошной омонимии и искажения сообщения.

В "неполных" системах с определенной степенью избыточности, какими являются естественные языки, преобразования системы фонем, то есть слияние определенных фонем с другими фонемами или расщепление их, не приводит к полному совпадению знаков, и поэтому этот процесс возможен. Этим и объясняется то, что языковые системы не являются застывшими в отношении звуковых изменений и диахронического "движения" фонем.

¹ "Дуальность" языкового знака является, очевидно, чертой, характерной исключительно для человеческого языка и несвойственной коммуникативным системам животных. Эти последние оперируют со "знаками" (сигналами) элементарной структуры, состоящими обычно из одного единственного элемента (*Hockett 1958; Бенвенист 1974; Benveniste 1966a*). Тем самым количество знаков в таких системах определяется количеством различаемых элементов. Поскольку возможность производства таких противопоставляемых друг другу элементов ограничена (физическими и физиологическими рамками), соответственно ограничивается и возможное множество знаков в подобных коммуникативных системах. В таких системах возможна лишь синтагматика знаков, построение "фраз" из определенных знаков путем их сочетания в более длинные последовательности.

2. ИСТОЛКОВАНИЕ ФОРМАЛЬНО-СМЫСЛОВОГО СХОДСТВА МЕЖДУ ЗНАКАМИ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВ И ПОНЯТИЕ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

При обнаружении формально - смыслового сходства между двумя или несколькими языками, то есть сходства в двух планах одновременно, как означающих, так и означаемых знаков (слов) этих языков, естественно встает вопрос о причинах возникновения такого сходства в знаках (словах) различных языков. Исходя из тезиса об ограниченной (в указанном выше смысле) произвольности знака, такое формально - смысловое совпадение знаков различных языков (то есть фонетическое сходство двух или более знаков при их смысловой близости и/или тождестве) можно было бы истолковать как факт случайного совпадения двух или более знаков различных языков.

Вполне возможно допустить, что по совершенно случайным факторам комбинаторики совпало в двух и даже более языках несколько слов, схожих по фонетическому звучанию и по значению. Можно даже вычислить с некоторым приближением вероятность случайного совпадения в двух или более языках двух или более совпадающих или сходных слов определенной длины (*ср. Поливанов 1931 : 180—181; Greenberg 1957 : 35 и след.*).

Вероятность гипотезы о случайном совпадении для объяснения такого сходства будет уменьшаться в соответствии с увеличением количества языков, в которых обнаруживаются такие сходные знаки, и в еще большей степени — с увеличением количества знаков в этих языках, обнаруживающих такие сходства или совпадения.

При обнаружении совпадений и при достаточно большом числе n таких совпадений (порядка 20—30 или более) при k числе языков (где $k \geq 2$) вероятность случайного совпадения практически равна нулю и, следовательно, требуется другая гипотеза для истолкования этого сходства (причем вероятность случайного совпадения уменьшается также и в зависимости от длины схожих слов: чем длиннее совпадающие слова двух различных языков, тем меньше вероятность их случайного совпадения).

Другой более вероятной гипотезой для объяснения подобных совпадений в соответствующих знаках двух или более языков должно считаться объяснение этого сходства историческими контактами между языками и заимствованием слов из одного языка в другой (или в несколько языков) или заимствованием в оба эти языка из третьего источника.

Но не все виды формально - семантического сходства знаков двух или более языков могут быть истолкованы как результат заимствования. Существует тип сходства между знаками различных языков, который выражается в наличии регулярных фонемных соотношений между сходными знаками; этот тип сходства не объясняется в общем случае заимствованием слов одних языков в другие.

Сходство этого типа между знаками предполагает наличие таких звуковых соотношений между языками, при которых каждой фонеме x язы-

ка *A* соответствует в формально - семантически сходном знаке языка *B* фонема *y*, в таком же знаке языка *C* фонема *z* и т. д. В случае, если фонеме *x* языка *A* соответствует при этом фонема *y'* языка *B*, такое соотношение объясняется окружением (другой позицией в отношении других фонем).

В подобных случаях можно утверждать, что фонема *x* языка *A* находится в соответствии с фонемами *y*, *y'* языка *B* во всех позициях.

Такие звуковые соотношения между языками обнаруживаются обычно в группах слов и морфем, отражающих базисные понятия человеческой деятельности и среды.

Этот последний вид сходства, обнаруживающий регулярные соотношения между звуковыми единицами рассматриваемых языков, нельзя удовлетворительно объяснить ни случайным совпадением слов различных языков в звучании и значении, ни тезисом о заимствовании слов из одного языка в другой или их происхождением в этих языках из третьего источника.

Единственным вероятным объяснением сходства этого типа в соотносимых знаках различных языков является допущение общего происхождения рассматриваемых языковых систем, то есть происхождение этих систем из какой-то общей исходной языковой системы, преобразовавшейся в различных направлениях.

В таком понимании устанавливаемые между историческими языками фонемные соответствия описанного выше типа представляются как результат преобразования в различных направлениях исходных фонемных единиц. Какая-либо фонема *X* в предполагаемом общем языке *L* дает в результате распада этого языка на "родственные" диалекты в одном диалекте фонему *x*, в другом — *y*, в третьем — *z* и т. д., которые при сравнении этих диалектов оказываются в определенном фонемном соотношении друг с другом.

В терминах представления фонем в качестве определенных наборов фонетических признаков такое преобразование исходной фонемы *X* в различных направлениях можно представить себе как замену одного или нескольких признаков в наборе другими признаками, дающую различные трансформации исходной фонемной единицы. Легко видеть, что при таких предполагаемых преобразованиях исходной фонемы языка *L*, возникающие в его диалектах *A*, *B*, *C*... фонемные единицы, которые оказываются взаимно соотносимыми, фонетически близки друг к другу, что и обуславливает их исторически устанавливаемое сходство.

В некоторых случаях такое "преобразование" исходных фонем может выражаться в сохранении всех без исключения признаков, то есть всего их набора. В таком случае соотносимые фонемы в этих диалектах будут характеризоваться фонетическим тождеством, отражающим набор признаков исходной фонемы¹

¹ Поскольку система фонемных соответствий между двумя родственными языками включает в себя и такие элементы, которые тождественны друг другу, то всегда существует вероятность того, что какие-либо две соответствующие друг другу формы различных

Таким образом, “сходство” в родственных диалектах между соотносимыми фонемами, восходящими к общей исходной фонемной единице, может варьировать от полного совпадения до значительного различия фонетических признаков (что предполагает замену одного или нескольких признаков в первоначальном наборе).

В таком понимании термин “сходство” следует рассматривать как наличие регулярных соотношений между фонемами, а не как совпадение или различие в созвучии знаков разных языков, считающихся “родственными”, то есть происходящими из общей исходной языковой системы.

Соотносимые фонемные элементы родственных языков, как правило, находятся друг с другом в отношении фонетического сходства. Они фонетически совпадают по набору признаков или отличаются обычно лишь на один-два признака, что и обуславливает их фонетическую близость.

Именно в таких фонетически близких единицах, восходящих к единым исходным фонемным единицам, и проявляется наиболее осязательно обнаруживаемое историческое сходство между соотносимыми знаками различных языков, дающее основание для утверждения об общности их происхождения.

Однако в таком соотношении в родственных языках могут находиться и фонетически значительно отдаленные друг от друга фонемные единицы, обнаруживающие лишь незначительную часть общих дифференциальных признаков.

“Сходство” между подобными элементами, то есть регулярные соотношения между ними, становится возможным исторически установить лишь благодаря наличию таких форм, в которых эти элементы выступают в

языков будут состоять именно из таких тождественных звуков, обуславливающих полное совпадение этих форм друг с другом. В таком случае всегда может возникнуть сомнение относительно исконности этих тождественных форм и отнесения их к классу соответствующих друг другу лексических единиц, дающее повод для альтернативного допущения заимствования из одного языка в другой или же в оба эти языка из некоторого третьего (ср., например, такие формы, как хет. *jagan* ‘яго, ярмо’; ‘период времени, год’: др.-инд. *yugāt* ‘яго, ярмо’; ‘период времени, цикл’; хет. *turiša-* ‘запрягать’: др.-инд. *dhūr-* ‘упряжь’; груз. *da* ‘сестра’: мегр.-лаз. *da* ‘сестра’; груз. *ca* ‘небо’: мегр.-лаз. *ca* ‘небо’; груз. *tša* ‘коза’: мегр.-лаз. *tša* ‘коза’ и др.).

Нет никаких строгих формальных критериев для однозначного решения этого вопроса относительно целого ряда конкретных форм. Но некоторым основанием определения вероятности одной из двух альтернатив может служить фонемная длина рассматриваемых лексических единиц: чем больше длина рассматриваемых неразложимых далее слов, тем вероятнее их заимствованный характер, тогда как ограниченный фонемный состав таких лексических единиц делает возможным их общее происхождение из языка-источника и их фонемную соотнесенность друг с другом. Не исключена вероятность того, что подобные слова составлены преимущественно из таких фонемных единиц, которые фонетически совпадают в соответствующих системах. С увеличением длины слов, естественно, уменьшается возможность допущения исконности этих слов и наличия в них только таких соответствующих друг другу фонем, которые тождественны фонетически. В этом смысле приводимые выше слова индоевропейских и картвельских языков с ограниченной фонемной длиной могут считаться лексическими соответствиями, восходящими к исходным лексическим архетипам, а не заимствованными из одного языка в другой.

сочетании с другими элементами, отдаленными лишь на минимальное число шагов и обнаруживающими фактическое фонетическое сходство.

При отсутствии этих последних элементов в “родственных” языках было бы весьма трудно или даже невозможно установить “сходство”, то есть регулярные соотношения между означающими различных языков, которые могли бы восходить в конечном счете к общему источнику.

Поэтому в принципе возможно допустить существование таких языков, на самом деле происходящих из некоторого общего источника, то есть являющихся результатом распада определенной языковой общности, членение которой трудно установить ввиду отсутствия фактического фонетического сходства между знаками возможно родственных языковых систем. Такие языки могут находиться в отношении “отдаленного родства”, представляющем результат значительных преобразований (вплоть до полной замены) первоначальных дифференциальных признаков исходной системы¹.

С другой стороны, принимая тезис об исчезновении определенного процента слов в базисном словаре за определенный отрезок времени, можно себе представить такой период в истории определенных родственных языков, за который они бы утратили все исконно родственные слова и служебные элементы. В таком случае “родство” было бы вообще невозможно установить.

Соотношения между фонемами различных языков типа регулярных соответствий, интерпретируемых в терминах родства языков, можно обнаружить в некоторых случаях и в словах, заведомо заимствованных из одного языка в другой. В таком случае регулярные соотношения могут быть обнаружены в одном и том же языке в двух разных его подсистемах S_1 и S_2 в отношении некоторого другого языка (или языков).

Обычно такие подсистемы различаются по характеру входящих в них единиц и морфем. В одном случае (при соотношениях фонем, отражающих общность происхождения) в подсистему S_1 обязательно входят слова базисного характера и служебные морфемы и аффиксы, тогда как другая подсистема S_2 характеризуется преимущественно культурными словами, определяемыми для разных эпох по-разному. Можно составить приближенный список универсальных семантем, общих для всех языков, которые и должны составлять в основном лексемы подсистемы S_1 и обычно отсутствуют в подсистеме S_2 .

В первом случае мы имеем дело с соответствиями, предполагающими общее происхождение соотносимых форм из исходной системы, во втором

¹ Проблема установления возможных фонемных соответствий между столь отдаленными в фонетическом отношении системами, которые могут оказаться в конечном счете “родственными”, должна сводиться в принципе к установлению определенных фонемных соотношений между группами различных фонетических единиц в знаках со схожими семантемами, без учета их внешних фонетических сходств или различий. Такая задача осуществима при переборе огромного количества близких друг к другу семантем некоторой группы языков, что может быть эффективно осуществлено с помощью составления соответствующей программы для вычислительных машин. Такая задача установления возможного отдаленного родства может стать одной из проблем “вычислительной лингвистики”.

случае допускается возникновение определенных закономерностей фонемных соответствий при заимствовании слов одного языка в другой.

В таких случаях обычно обнаруживается несколько подсистем соответствий по отношению к различным языкам, дающих возможность заключить о заимствовании из различных языков и в различные эпохи в данный язык, тогда как подсистема S_1 отличается наличием единой системы соответствий по отношению к другим языкам, стоящим друг к другу в таких же отношениях в смысле фонемных соответствий.

В общем случае подсистемы типа S_2 охватывают меньшее количество форм, чем основная система S_1 , что позволяет выделить подсистему S_2 как заимствованную. Однако в определенных конкретных случаях сумма подсистем типа S_2 может содержать даже больше элементов, чем базисная (подсистема типа S_1), но каждая из подсистем типа S_2 содержит обычно меньше элементов, чем базисная группа лексем S_1 и их производных. При этом группы лексем подсистемы S_2 могут отражать заимствования из разных языков или из одного языка в различные эпохи¹.

Путем выделения подобных лексических групп в языке и установления определенных фонемных соотношений с другими языками осуществляется расслоение лексики языка на определенные подсистемы, включающие так называемую базисную группу слов, проявляющих в основном первичные фонемные соответствия с другими языками, которые и отражают общность их происхождения.

Другая большая часть словаря, остающаяся после выделения "базисной" группы, отражает в основном слова, возникшие в языке позднее, в период после выделения из общего языкового источника, в результате контактов и взаимодействия с другими языками на протяжении длительной истории его развития.

В отдельных случаях при постоянных и интенсивных контактах языков, приводящих к длительному периоду двуязычия, возможны заимствования значительной части лексики из одного языка в другой, а также усвоение схем взаимоотношения слов в предложении и морфем в пределах слова, что приводит естественным образом к структурному сближению контактирующих языков и возникновению между ними структурного сходства, которое можно было бы охарактеризовать как "вторичное", "приобретенное родство" (ср. "аллогенетические отношения" между языками в смысле *Церетели 1968*).

Возникновение "аллогенетических отношений" между языками становится, очевидно, возможным при сближении правил порождения контактирующих языковых систем и возникновении некоторой общей усредненной схемы порождения, отражающей первоначальные схемы обеих кон-

¹ Можно при этом дифференцировать подсистемы заимствований из "родственных" языков и заимствований из "неродственных" языков. В первом случае возникают подсистемы соотношений с языком, из которого заимствуются слова, при наличии между ними первичной подсистемы отношений S_1 , отражающей общность происхождения. Во втором случае между контактирующими языками отсутствует подсистема отношений типа S_1 .

тактирующих систем. При подобной унификации схем порождения возможно большее типологическое сходство между контактирующими системами, чем у каждой из них с генетически исходной.

Наряду со случаем “аллогенетического родства” следует учитывать наличие и определенных ареальных групп языков, объединяемых в “языковые союзы” неродственных и родственных языков, которые произошли из одного источника, но после длительного периода разобщенного существования оказались вновь связанными на общей территории отношениями контакта (ср. индоевропейские языки, входящие в балканский языковой союз, литовско-польско-белорусское языковое пограничье и т. п., см. *Jakobson 1971a*). Можно различать три вида ареальных объединений языков: союз между родственными языками (ср. скандинавско-древнеанглийские контакты), объединение неродственных языков (узбекский и таджикский, *Полливанов 1968*) и смешанный третий случай неродственных и родственных языков, образующих особый “языковой союз” (ср. армяно-осетино-картвельские языковые отношения).

3. ПРОБЛЕМА ОБЩЕЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И МЕТОДЫ ЕЕ РЕКОНСТРУКЦИИ. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ РЕКОНСТРУИРУЕМЫХ МОДЕЛЕЙ

Объяснение фонемных соответствий между языками общностью их происхождения из определенной исходной языковой системы предполагает необходимость реконструкции ее с целью изучения возникновения и путей преобразования исторически засвидетельствованных родственных языковых систем.

Сравнение языков, ориентированное на установление закономерных фонемных соответствий, должно привести логически к реконструкции той языковой модели, преобразование которой в разных направлениях и дало нам исторически засвидетельствованные родственные языковые системы. Сравнение родственных языков, не имеющее целью реконструкцию исходной системы, не может считаться завершающим этапом исследования истории рассматриваемых языков (ср. *Saussure 1915: 299*).

Бесписьменная история родственных языков восстанавливается лишь в том случае, если удастся свести к общим исходным моделям все разнообразие исторически засвидетельствованных языковых структур и реконструировать пути возникновения и развития этих систем, начиная с исходного состояния вплоть до исторически засвидетельствованных состояний.

Такой подход к генетическому сравнению языков и установлению соотношений между ними естественным образом ставит вопрос о реконструкции исходной языковой системы и лингвистических методах подобной реконструкции (ср. *Birnbaum 1977*).

Предполагается, что реконструированная с помощью определенных лингвистических методов исходная языковая модель отражает в первом приближении существовавшую некогда в пространстве и времени языковую

систему, которая распалась на исторически засвидетельствованные родственные диалекты.

Сравнение и сопоставление между собой этих диалектов дает возможность постулировать определенные структурные модели, отражающие теоретически предполагаемую языковую систему.

Особое значение при подобных лингвистических операциях восстановления путем сравнения лингвистических моделей приобретает метод внутренней реконструкции, предполагающий сведение воедино, к исходным структурам чередующихся между собой лингвистических элементов в пределах одной определенной языковой системы.

Каждый уровень языка можно рассматривать как совокупность взаимосвязанных подсистем. На уровне лексики по семантическому признаку, как говорилось выше, можно выделить определенные группы слов, в которые включаются слова базисные, обозначающие первичные, общие для всех культур понятия; формально они характеризуются наличием определенных соотношений между родственными языками, а внутри системы такие слова, носящие в некотором смысле изолированный характер, могут иметь фонологические и морфонологические признаки, отличные от основной массы слов. Эти признаки, которые можно считать архаичными, и служат основой для операции внутренней реконструкции, то есть для восстановления такого периода истории языка, когда данные признаки являлись не аномалией, а нормой, отражавшей продуктивные процессы, диахронически объяснимые как нововведения.

Операция по выделению такой архаичной подсистемы является одной из основных предпосылок для сравнения данного языка с другими языками.

При реконструкции с помощью определенных методов лингвистического исследования исходных языковых моделей, которые должны в принципе отражать систему общего исходного языка, встает методологический вопрос о реальности предполагаемых реконструкций и о степени соответствия их существовавшей в пространстве и времени языковой системе, принимаемой за исходную для данной группы родственных диалектов.

Принятие тезиса о реальности предлагаемых реконструкций определяет целый ряд методологических принципов сравнительно-генетических лингвистических исследований и в первую очередь их тесную связь с принципами лингвистической типологии и установления лингвистических универсалий (или “фреквенталий”, ср. *Серебренников 1974*). В этом смысле генетическая (сравнительно-историческая) лингвистика, то есть лингвистика, устанавливающая родственные отношения между группами языков и дающая реконструкции их исходных моделей, составляет в принципе единую дисциплину со структурно-типологической лингвистикой и лингвистикой универсалий.

Действительно, реконструируемые лингвистические модели исходной языковой системы, если они претендуют на отражение реально существовавшего в пространстве и времени языка, должны находиться в полном соответствии с типологически выводимыми универсальными закономерностями.

тиями языка, устанавливаемыми индуктивно или дедуктивно на основании сопоставления множества различных языковых структур.

Лингвистическая реконструкция, противоречащая языковым универсалиям, не может, естественно, претендовать на реальность отображения ею исторически существовавшей языковой системы¹. Но и соответствие реконструируемых моделей синхронным лингвистическим универсалиям не может служить достаточным основанием для утверждений о реальности этих реконструкций и об отражении в них конкретной языковой системы, предполагаемой в качестве исходной для родственных языков. Необходимым условием при этом является также соответствие реконструированных моделей диахроническим типологическим данным, общим схемам изменения во времени определенных лингвистических структур, устанавливаемым при изучении конкретных фактов истории отдельных языков².

Следовательно, реконструированные языковые модели могут считаться "реальными" при соответствии их двум основным типологическим кри-

¹ Лингвистическая типология является не только средством некоторой проверки вероятия реконструируемых моделей, но служит зачастую и основанием для постулирования недостающих в системе вероятных звеньев языковой структуры. Так, например, в определенных случаях удается реконструировать только некоторые различительные признаки (в частности, только признак "слоговости" для гласных фонем). Реконструкция же полного набора различительных признаков невозможна, если не выходить за пределы сравнительно-исторического языкознания, без привлечения данных типологии, которые позволяют дополнить некоторые из нереконструируемых признаков. Пример "ларингальных" как единиц, выведенных $So\ s\ s\ y\ r\ o\ m$ из морфонологических соотношений, может служить наглядной иллюстрацией ограниченности реконструкции дифференциальных признаков фонем без привлечения типологических данных. Строго говоря, неверно предположение о том, что $So\ s\ s\ y\ r$ реконструировал только "алгебраическую систему". $So\ s\ s\ y\ r$ реконструировал самые существенные признаки "ларингальных", каковыми являются "слоговость — неслоговость" (то есть их сонантический характер) и черты их влияния на соседние гласные. Дальнейшие исследования по "Ларингальной теории" фактически сводятся к дополнению этого набора признаков, но не к каким-либо качественно новым построениям. Схематичность выводов $So\ s\ s\ y\ r\ a$ объясняется неполнотой набора дифференциальных признаков реконструируемых фонем, зачастую неизбежной при исключительно внутренней реконструкции без учета типологических данных. Дальнейшие уточнения характера и фонемного статуса "ларингальных" в системе стали возможны лишь при широком привлечении данных типологического сравнения языков.

² Диахроническая типология возможных преобразований на различных уровнях должна строиться преимущественно на исторически засвидетельствованном материале. Исторически засвидетельствованные преобразования есть область "исторической грамматики" и поэтому построение сравнительно-исторической или диахронической грамматики невозможно без учета данных, добытых грамматикой исторической. "Историческая грамматика" строится главным образом на основе документально фиксированного языкового материала. Такой документально фиксированный материал, относящийся к хронологически более ранним этапам развития языка, следует переводить в особую фонетико-фонологическую запись, что ставит специальные вопросы об отношении письменности к фонемному составу языка и об отражении фонем и последовательностей фонем языка в различных системах письма. Поэтому изучение отношения письменности к языку является обязательной предпосылкой для построения теории диахронической лингвистики (ср. Hoenigswald 1960).

териям: критерию согласия системы с синхронными типологическими универсалиями и критерию согласия ее с диахроническими типологическими универсалиями (общими схемами изменения и преобразования языков). Эти два критерия соответствия реконструируемой системы универсальным структурно-типологическим закономерностям языка можно считать необходимыми и достаточными условиями для утверждений о “реальности” реконструированных языковых моделей, которые постулируются как структуры, отражающие существовавшую некогда в пространстве и времени исходную систему.

Типологическая верификация реконструируемых лингвистических моделей (как синхронная, так и диахроническая) становится таким образом одной из основных предпосылок постулирования исходных языковых структур, необходимой для проверки их вероятия.

Формулирование последовательных “правил вывода” исторически засвидетельствованных родственных диалектов из постулируемой исходной языковой системы может считаться описанием путей возникновения и преобразования этих диалектов, начиная с общего языкового состояния вплоть до исторически засвидетельствованной эпохи.

Реконструкция праязыковой системы достигается путем сопоставления исторически засвидетельствованных родственных языковых систем и путем ретроспективного движения от одного языкового состояния к другому, более раннему состоянию при типологической верификации каждого из этих состояний.

Ретроспективное движение должно продолжаться до тех пор, пока не будет достигнуто языковое состояние, из которого могут быть выведены все исторически засвидетельствованные родственные языковые системы при допущении определенного множества типологически вероятных последовательных трансформаций, которые и определяют “диахроническую выводимость” системы. Подобные трансформации переводят из исходной языковой системы в более поздние языковые состояния, являющиеся результатом ее структурных преобразований.

С помощью таких диахронических трансформаций и описывается вывод различных родственных языковых систем из теоретически постулируемых исходных структурных моделей.

По своей объяснительной силе диахронические трансформации, выводящие исторически засвидетельствованные формы языка из определенных теоретических конструктов, которые считаются более ранними в хронологическом отношении степенями этих форм (их “архетипами”), могут быть сопоставлены с “трансформациями” порождающей грамматики, выводящими наблюдаемые элементы поверхностной структуры из теоретически постулируемых базисных конструкций, определяющих глубинную структуру языка.

Описание диахронических изменений языка через “правила трансформации” представляет собой в сущности последовательное перечисление дискретных шагов, каждый из которых отражает одно из синхронных состоя-

ний в развитии языка. Чем меньше хронологическое расстояние между такими "шагами", тем точнее и адекватнее описание развития языка, отражающее его последовательные переходы, начиная с исходного состояния.

В этом смысле правило, выводящее из постулированного языкового состояния исторически засвидетельствованное состояние, может разлагаться на ряд последовательных правил, выводящих окончательный результат трансформации из серии последовательных шагов, отражающих возможные этапы преобразования от исходной языковой системы до последующей засвидетельствованной. Например, фонемный переход $x \Rightarrow y$, где x — постулированное состояние, а y — исторически засвидетельствованное состояние фонемы, может быть представлен как серия последовательных трансформаций:

$$\begin{array}{l} x \longrightarrow x' \\ x' \longrightarrow x'' \\ \dots \\ x^{n-1} \longrightarrow x^n \\ x^n \longrightarrow y \end{array}$$

Так, например, вывод $p \Rightarrow \emptyset$ можно представить как серию изменений пучка на один дифференциальный признак:

$$\begin{array}{l} p \longrightarrow p^h \\ p^h \longrightarrow f \\ f \longrightarrow h \\ h \longrightarrow \emptyset \end{array}$$

Учет синхронной типологии при лингвистических реконструкциях, на необходимость чего указывал еще Якобсон (*Jakobson 1957a; Якобсон 1963; ср. также Hjelmslev 1928*), заставляет существенно пересмотреть традиционные схемы классической индоевропейской сравнительно-исторической грамматики и предложить новое толкование устанавливаемых лингвистических соотношений с учетом принципа структурно-типологической верификации системы и ее диахронической выводимости.

На данном этапе развития лингвистической науки, когда одним из основных направлений является структурно-типологическая лингвистика (и лингвистика универсалий), многое в традиционных построениях индоевропеистики, основанных на сравнительной (внешней) и внутренней реконструкции самого индоевропейского материала, можно, по-видимому, пересмотреть с целью согласования постулируемого индоевропейского праязыка с данными типологической лингвистики. Такой анализ традиционных индоевропейских реконструкций и приведение их в соответствие с типологически вероятными системами может вызвать существенный пересмотр этих реконструкций.

Односторонность и ограниченность классического сравнительно-исторического индоевропейского языкознания заключались в том, что реконструируемая модель общиндоевропейского языка являлась лишь резуль-

татом внешнего сравнения отдельных родственных систем и дополнялась в некоторых теориях внутренними реконструкциями — на основании анализа определенного типа отношений в пределах одной системы. При этом не учитывалось эксплицитно лингвистическое вероятие полученной модели в смысле ее типологического соответствия потенциально возможным языковым структурам. Это привело в классическом индоевропейском языкознании к постулированию такой исходной языковой системы, которая, будучи в противоречии с синхронными типологическими данными, не может считаться лингвистически реальной.

4. РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗВУКОВЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА КАК ПУЧКОВ ИЛИ СОЧЕТАНИЙ ДИСТИНКТИВНЫХ И ФОНЕТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ И ИХ ИЕРАРХИЧЕСКИЕ СООТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ

Реконструкция фонемного состава языка предполагает рассмотрение постулируемых в системе звуковых единиц в виде определенных сочетаний фонетических признаков, которые могут быть верифицированы на типологическом языковом материале.

Существуют универсальные модели сочетаемости, совместимости признаков в “вертикальной” последовательности — в единовременных пучках. Одни признаки сочетаются друг с другом предпочтительнее других признаков, что проявляется в высокой системной и текстуальной частотности фонемы, в состав которой входят эти признаки; другие признаки совмещаются в едином пучке ограниченнее, что проявляется в более низкой частотности фонемы, в состав которой входят данные дифференциальные признаки. К этому второму случаю относятся и пустые клетки—пробелы в парадигматической системе, которые можно рассматривать как случаи “трудной” сочетаемости признаков.

В этом смысле можно говорить о двух основных типах сочетаемости признаков — “маркированной” и “немаркированной”. Маркированной является сочетаемость признаков, характеризующаяся необычностью, редкостью, что проявляется в более низкой частотности фонемы, в состав которой входит данное сочетание признаков, и в ее дистрибутивной ограниченности.

Подобная сочетаемость признаков, объясняемая их трудной совместимостью в одновременной (“вертикальной”) последовательности, может вовсе отсутствовать в определенных языковых системах, что выражается в наличии пустых клеток—пробелов в парадигматической системе. Таким образом, пробел в парадигматической системе можно рассматривать как ячейку, потенциально заполняемую фонемой с “нулевой частотностью”.

“Немаркированной” является сочетаемость признаков, характеризующаяся обычностью, естественностью, что проявляется в более высокой частотности и в большей дистрибутивной свободе фонемных единиц, в состав которых входят такие сочетающиеся друг с другом признаки.

Подобная “естественная” (*natural*) сочетаемость признаков объясняется свободной артикуляторной и акустической совместимостью в одно-

ременной (“вертикальной”) последовательности, в результате чего возникает более сильная в функциональном отношении фонема.

Таким образом, категория маркированности ~ немаркированности характеризует не отдельный признак F в сочетании с другими признаками, а она является скорее характеристикой всего данного сочетания признаков всего пучка в целом¹. Иными словами, признак “маркированности” m и “немаркированности” u относится не к отдельному признаку F : [mF] или [uF], а ко всему данному пучку признаков (Gamkrelidze 1975: 23

$$m \left[\begin{array}{c} \alpha F_1 \\ \alpha F_2 \\ \cdot \\ \cdot \\ \alpha F_k \end{array} \right] \quad \text{или} \quad u \left[\begin{array}{c} \alpha F_1 \\ \alpha F_2 \\ \cdot \\ \cdot \\ \alpha F_l \end{array} \right]$$

В основе подобных ограничений, накладываемых на взаимную сочетаемость определенных признаков, лежат особенности человеческого артикуляторного аппарата, с одной стороны, и психо-физиологические возможности восприятия речевого сообщения, с другой.

С учетом этих характеристик речи можно установить, какие сочетания фонетических признаков оптимальны в артикуляторно-акустическом от-

¹ Такое понимание отношения “маркированности”, при котором иерархическая зависимость приписывается не отдельным различительным признакам, а сочетаниям признаков в целом, сближается с традиционным его пониманием в теории Пражского Лингвистического Кружка, в которой маркированность ~ немаркированность определяется в отношении цельных фонемных единиц, рассматриваемых как пучки различительных признаков. Принципиально отличной, однако, является интерпретация отношения маркированности не как наличия или отсутствия в фонеме определенного признака (признаковости ~ беспризнаковости), а как иерархического отношения, определяющего степень общности, естественности и распространенности конкретных сочетаний различительных признаков. Поэтому отношение маркированности может распространяться на все виды фонологических оппозиций, затрагивая не только привативные оппозиции, но и градуальные и эквивалентные (по логической классификации Трубецкого). Тем самым термин “маркированный” — “немаркированный” отходит от своего первоначального этимологического содержания “признаковый” — “беспризнаковый”, приобретая новый смысл “необычного” — “обычного” сочетания признаков.

“Функционально сильные”, стабильные пучки дифференциальных признаков (гес. фонемы), определяемые обычно как “немаркированные”, в противопоставлении “маркированным”, “функционально слабым” и нестабильным пучкам признаков (гес. фонемам) могут быть переименованы как “доминантные” пучки в противовес “рецессивным”. Такое переформулирование иерархического отношения “маркированности” в отношении парадигматической “доминации”, с соответствующими “доминантным” и “рецессивным” членами противопоставления, представляется целесообразным ввиду многозначности традиционных терминов “маркированный ~ немаркированный”, все еще употребляемых в их первоначальном значении для обозначения соответственно “признакового” (merkmalhaltig) ~ “беспризнакового” (merkmallos) членов отношения (Gamkrelidze 1979). Термины “доминантный” ~ “рецессивный” заимствуются нами из современной молекулярной биологии, характеризующейся, как известно, широким применением лингвистических терминов в описании структуры генетического кода (ср. Jacob 1977).

ношении (что на фонологическом уровне будет соответствовать “немаркированным” сочетаниям) и какие неоптимальны в этом смысле (фонологически “маркированные” сочетания), *ср. Greenberg 1966; Postal 1968 : 170 и след.*

Наличие иерархических зависимостей в системе между отдельными фонологическими единицами — пучками дифференциальных признаков, сказывающееся в отношениях “доминации”, свидетельствует о существовании в языковой системе строгой стратификации фонологических значимостей.

В соответствии с такими универсально значимыми соотношениями происходят и диахронические фонемные преобразования в языке. Целый ряд диахронических фонемных изменений в системе, кажущихся на первый взгляд разрозненными и не связанными друг с другом, может быть осмыслен как взаимозависимые, взаимообусловленные преобразования, регулируемые подобной иерархией фонологических значимостей¹.

Фонема, представляющая собой пучок дифференциальных признаков, реализуется в речи в виде звуковых единиц, набор фонетических признаков которых обычно шире набора дифференциальных признаков соответствующей фонемы. В подобных звуковых реализациях фонем языка пучки дифференциальных признаков, характеризующие соответствующие фонемы, осложняются определенными фонетическими признаками, которые на них накладываются. В этом проявляется одно из различий в плане выражения между “языком” и “речью” в смысле Соссюра и Трубецкого.

В последовательной фонологической записи, в которой представляются лишь фонологически релевантные признаки фонем, такие дополнительные фонетические признаки, строго говоря, не должны присутствовать. Однако значимость их при реализации фонем в речи, а также при фонетических процессах изменения звуков языка, делает необходимым их учет в любом лингвистическом описании.

Следует различать два вида фонетических признаков — комбинаторно обусловленные (то есть выводимые из фонологических признаков окружения) и некомбинаторные признаки, которые накладываются на пучок фонологических признаков при конкретной реализации фонемы. Так, например, во многих языках (семитские, картвельские и др.) глухие смычные фонемы реализуются в виде придыхательных звуков. Аспирация, будучи

¹ Универсально значимая иерархия фонологических единиц предполагает, как было отмечено выше, наличие фонем и с низкой частотностью, доходящей до нуля (пустые клетки в системе). Эти парадигматические закономерности системы должны постоянно учитываться как при синхронном описании языка, так и в языковой диахронии, в частности при реконструкции языковых систем. Наличие пустой клетки с точки зрения теории маркированности не является аномалией и, следовательно, при отсутствии данных внешнего сравнения не предопределяет необходимости ее заполнения при внутренней реконструкции древнего состояния языка, как это часто практикуется в диахронической лингвистике (*ср. случаи с заполнением так называемых cases vides у Мартине, Martinet 1955; Мартине 1960*).

фонологически недистинктивным признаком, играет при их реализации существенную роль как фонетический признак.

Синхронно эти признаки релевантны не для самой системы порождающих правил языка, а для ее реализации в речи (ср. *Pilch 1968 : 57 и след.*).

Звуковые преобразования в языке протекают, очевидно, при взаимодействии фонологических и фонетических признаков. Фонологически “избыточные” признаки могут послужить факторами, определяющими направление изменения фонем. Из этого следует важность и значимость учёта фонетических признаков при описании диахронических изменений фонологической системы языка.

Таким образом, как в диахронической, так и в синхронической записи фонемных единиц должны по возможности присутствовать фонетические признаки, существенные для реализации языка, также и для направления фонемных преобразований языка в диахронии.

Целесообразно придерживаться некоторой комбинированной записи признаков с учетом дифференциальных признаков фонем (закрываемых в наклонные скобки) и сопутствующих фонетических признаков (закрываемых в квадратные скобки).

Так, например, в некоторых языках, где придыхание выступает в качестве дополнительного фонетического признака, смычную фонему /р/ можно представить как набор признаков:

$$\left[\begin{array}{l} \text{[придыхательный]} \\ - \text{ слоговой} \\ + \text{ неслоговой} \\ + \text{ смычный} \\ + \text{ глухой} \\ \text{лабиальный} \end{array} \right]$$

В таких случаях для удобства целесообразно прибегать вместо подобной развернутой записи фонем к сокращенной записи с использованием единичных символов фонем (а не всего набора фонологических признаков) при закрываемом в квадратные скобки дополнительном символе фонетического признака: ср. запись типа p^{lh} для фонемы, представленной выше в виде полного набора дифференциальных признаков. Поскольку представление фонем каждый раз в развернутой записи в виде полного набора дифференциальных признаков вызывает известное неудобство изложения, его усложнение и неэкономность, предпочтительнее фонемные трансформации выражать преобразованием только отличающихся признаков, при устранении повторения признаков совпадающих (видимо, это же относится и к синхронному сопоставлению близких фонем как наборов признаков, во многом друг с другом совпадающих).

При наличии матрицы отождествления фонем, где все фонемы выписываются подробно в отношении состава их дифференциальных признаков, диахронические переходы фонем или описание их синхронных противопос-

тавлений могут выражаться просто сокращенными единичными символами фонем, а соответствующие преобразования дифференциальных признаков могут быть выведены из фонемных матриц; это частично сходно с процедурами классической компаративистики с той лишь оговоркой, что там рассматривались недифференцированно фонологические переходы фонем и фонетические — отдельных звуков¹.

При одинаковых, симметричных изменениях целых локальных рядов и серий фонем, наоборот, может быть экономнее запись, использующая изменение одного или нескольких дифференциальных признаков вместо выписывания отдельными сокращенными символами всех фонем ряда или серии, участвующих в переходе, *ср. Halle 1962*.

Так, к примеру, диахронический переход серии

$$\begin{aligned} /b^h/ &\rightarrow /b/ \\ /d^h/ &\rightarrow /d/ \\ /g^h/ &\rightarrow /g/ \end{aligned}$$

можно экономнее представить в виде записи с единственным “правилом переписывания” признаков:

$$[+ \text{придыхательность}] \rightarrow [- \text{придыхательность}] \mid \left[\begin{array}{l} + \text{смычность} \\ + \text{звонкость} \end{array} \right]$$

То есть признак “придыхательности” с положительным значением получает отрицательное значение в парадигматическом окружении признаков “смычности” и “звонкости”.

В связи с определением фонемы как пучка дифференциальных признаков встает вопрос о природе дифференциальных признаков, с помощью которых представляются фонемы. Представление фонем в терминах преимущественно артикуляторных признаков распространилось в последнее время взамен более популярного в предыдущее десятилетие набора акустических признаков, связанного прежде всего с бурным развитием спектрографии, выявившей в дальнейшем и ограниченность этого метода. Формулировка характера дифференциальных признаков фонем исключительно в терминах акустических признаков приводила зачастую к недостаточному учету артикуляторных особенностей фонем, представляющих их существенные свойства.

Однако значимость артикуляторных характеристик не только для образования, но и для восприятия фонемы подтверждается в последнее время все большим числом исследований (*ср. Чистович 1961; 1965; Liberman 1957; Ladefoged 1971 и др.*). Поэтому представляется целесообразным в качестве дифференциальных признаков фонемы дать набор таких артикуляторных, а возможно и акустических признаков, которые, не исключая друг друга, могут охарактеризовать фонему по ее существенным призна-

¹ Для реконструируемых языковых состояний такие фонемные матрицы могут быть составлены на основе типологических данных в сопоставлении с результатами анализа дистрибуции фонем в синхронном срезе реконструируемого языкового состояния.

кам. В этом смысле набор дифференциальных признаков, учитывающих артикуляторные характеристики речи, представляется более предпочтительным, чем набор признаков, строящийся исключительно на акустических характеристиках фонем.

Ниже дифференциальные признаки фонем будут описываться преимущественно в артикуляторных терминах с учетом предложенных ранее систем дифференциальных признаков (с некоторыми модификациями)¹, см. *Якобсон/Фант/Халле 1962; Jakobson 1971a; Chomsky/Halle 1968: 93 и след.*

5. ПРИНЦИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Реконструкция языка предполагает восстановление не только отдельных фонем и их соотношений в парадигматической системе, но и целых последовательностей фонем и их комбинаций, дающих определенные морфемы, слова и словосочетания, которые выражают определенное грамматическое или лексическое значение. При этом реконструируется не только план выражения языка, но и его план содержания, то есть значения отдельных форм и синтаксических конструкций.

Если при формальной реконструкции исследователи исходят из системы фонемных соотношений и постулируют типологически верифицируемые исходные формы и архетипы, то при семантической реконструкции процедура восстановления архетипа осложняется отсутствием формальных критериев для постулирования исходных семантем (плана содержания для исходных языковых единиц — слов и сочетаний слов).

Самый простой случай, как и при формальной реконструкции — это реконструкция при наличии близких значений у формально соответствующих слов. В таком случае реконструируется значение, общее для соответствующих слов, то есть теоретико-множественное пересечение семантических дифференциальных признаков. При наличии конверсных отношений (типа *давать* ~ *брать*, *покупать* ~ *продавать*) реконструкция предполагает постулирование такой семантемы для архетипа формально соответствующих слов, в которой противоположные признаки (выступающие в одной из реальных форм в первом значении, в другой — во втором значении, ему противоположном) нейтрализуются (конверсные значения *давать* ~ *брать* можно возвести к термину для обобщенного обмена, вклю-

¹ В частности, вместо признаков [$\pm$ гласность], [$\pm$ согласность], представляющихся тавтологическими при определении гласных и согласных фонем, вводятся признаки [$\pm$ слоговость], [$\mp$ неслоговость], характеризующие специфику звуковых сегментов по их способности образовывать слоговые вершины, то есть выступать в звуковой последовательности в качестве слогаобразовательного (центрального) или неслогаобразовательного (маргинального) элемента. В зависимости от этого, гласные будут характеризоваться признаками [$+$ слоговость, $-$ неслоговость], согласные — признаками [$-$ слоговость, $+$ неслоговость], а сонорные фонемы (соответственно сонанты), проявляющиеся как слогаобразующие или неслогаобразующие элементы в зависимости от окружения, будут определяться как [$+$ слоговой, $+$ неслоговой], ср. *Gamkrelidze 1975*.

чающего и акт давания, и акт взятия (ср. понятие нейтрализации в фонологии и морфологии). Тем самым реконструируется не конкретное значение отдельного слова, а некоторая ситуация, через которую это значение описывается, ср. *Benveniste 1966a; Бенвенист 1974* (ср. современные работы по лингвистической семантике, где значения слов описываются через сохраняющие смысл трансформации целого высказывания).

При таких реконструкциях особое значение приобретает типология семантических трансформаций. Допускаемые преобразования становятся более вероятными при обнаружении сходных семантических преобразований в истории отдельных языков или групп языков.

6. РЕКОНСТРУИРУЕМАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Реконструируемая языковая модель, отражающая существовавшую некогда протоязыковую систему, предполагает установление хронологических рамок ее существования и преобразования, а также географических факторов ее распространения.

Рассмотрение праязыка в виде системы, существовавшей в пространстве и времени, со своей историей, предполагает изучение динамики ее развития и учет древнейших научно устанавливаемых этапов ее истории вплоть до позднего ее состояния перед расчленением на исторические диалекты и их оформлением в качестве самостоятельных языковых единиц.

Многие структурные особенности общиндоевропейского языка, восстанавливавшиеся в классической индоевропеистике в виде статических схем, могут быть распределены поэтапно в хронологическом смысле.

Определенные особенности общиндоевропейского языка, которые восстанавливались недифференцированно для исходной системы, часто не соотносятся с поздним периодом развития этого языка перед его членением на диалекты, а отражают скорее структурные особенности более раннего периода.

Этим и объясняются частые споры в индоевропейской сравнительной грамматике по поводу характера тех или иных языковых структур, которые представляются взаимопровержающимися (ср., например, дискуссию о количестве “ларингальных” в индоевропейском, причем для каждого из альтернативных решений приводятся серьезные обоснования).

Соотнесенность альтернативных решений о характере таких структур с различными эпохами в развитии самого общиндоевропейского языка позволяет истолковать многие из предлагавшихся структур как дополнительные в хронологическом смысле по отношению друг к другу и приуроченные к разным этапам развития общиндоевропейского языка.

Неподвижная, статичная схема общиндоевропейского языка должна быть заменена динамической в хронологическом смысле языковой системой, имевшей, как и любой исторически засвидетельствованный язык, свою историю и динамику своего развития.

Такая история исходной языковой системы предполагает как внутреннее развитие системы, так и ареальные соотношения с другими системами, выразившиеся в контактах и интерференции. В этом отношении можно говорить о языковых заимствованиях в общеиндоевропейскую языковую систему из других языков и из общеиндоевропейского в другие языки, находившиеся с ним в контакте.

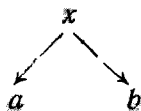
Как любой реальный язык, система реконструируемого языка должна мыслиться как система, существовавшая в виде определенного множества взаимосвязанных диалектов. Расчленение общего языка на исторически засвидетельствованные родственные языки можно себе представить как постепенное обособление и дробление первоначальных диалектов общей исходной языковой системы. Таким образом, внутри реконструируемой модели исходной языковой системы возможны противопоставления конкретных подсистем по определенным фонологическим и морфонологическим признакам, отражающие диалектные членения реконструируемого языка.

В языковой модели, реконструируемой для определенного хронологического среза, такое членение предстает синхронно в виде вариантных (дублетных) форм, которые могут отражать ареальные, диалектные противопоставления в системе общего языка позднего периода. Такие диалектные противопоставления, в свою очередь, в истории этого языка могут объясняться хронологически (ср. Степанов 1979).

В таком понимании системы реконструируемого исходного языка членение и распад его на отдельные родственные языки следует представить как некоторое дублирование исходных структур, которые в дальнейшем развиваются в различных направлениях.

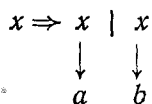
Любой элемент x исходной языковой системы L дает впоследствии в двух различных родственных языках соответственно элементы a и b , что схематически можно представить в виде дерева (ориентированного графа):

Схема 2

Такой переход исходного элемента в соответствующие элементы родственных языков, конечный результат которого изображен на вышеприведенной схеме, осуществляется, очевидно, путем дублирования исходного элемента в диалектах общего языка с позднейшим трансформированием каждого из дублированных элементов в исторически результирующие единицы (см. Схему 3):

Схема 3

Приведенная выше схема иллюстрирует развитие исторических структур из постулируемой общей структуры не только в отношении отдельных элементов системы, но и всей системы в целом.

Так называемая схема родословного дерева, которая в традиционной компаративистике представляла происхождение отдельных языков из праязыка, есть по существу некоторая модель, отражающая конечные результаты подобных преобразований исходной системы. Она в сущности отражает отношения между уже сложившимися единицами и указывает лишь направление развития из исходной системы.

В этом смысле модель родословного дерева не противоречит “волновой теории”, которая является моделью, отражающей возникновение и распространение инноваций в языке, но не дает схемы окончательных результатов процесса членения языка на отдельные диалекты.

Поэтому неоправдано противопоставление этих двух схем развития лингвистических структур друг другу при оценке преимуществ и недостатков той или другой из них. Каждая из этих схем неполна в определенном смысле, поскольку они отражают лишь различные стороны процесса происхождения и развития структур из исходных и поэтому должны быть объединены как дополнительные по отношению друг к другу схемы диахронических преобразований языков.

Поскольку сравнительно-историческая (диахроническая) лингвистика оперирует понятием исходной языковой системы как существовавшего в пространстве и времени единства отличавшихся друг от друга диалектов, то наряду с ее связями с теорией формальных отношений между языками (структурная типология и проблема языковых универсалий) можно установить известное ее сходство в теории и методах с теорией отношений языка в пространстве (лингвистическая география, ареальная лингвистика, теория языковых контактов)¹.

¹ В этом отношении интересны связи диахронической лингвистики со структурной диалектологией в понимании Вайнрайха (Weinreich 1954). “Диасистема” по Вайнрайху это и есть собственно результат реконструкции общей системы для диалектов. В таком понимании сравнительная диалектология в подходе к задачам диахронической реконструкции совпадает со сравнительно-историческим языкознанием. “Диасистема” в структурной диалектологии есть скорее понятие диахроническое и/или метаязыковое, но не синхроническое. Поэтому диасистема не может считаться реальной коммуникативной системой для говорящих на данных диалектах. То, что позволяет представителям различных диалектов понимать друг друга, представляет собой, очевидно, не владение “диасистемой”, а знание правил переходов с одного диалекта на другой, правил, предполагающих осмысление существующих между диалектами соотношений на различных уровнях. Как бы ни расценивались эти соотношения носителями другого диалекта, они считают их

7. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБЩЕГО ЯЗЫКА И ПУТЕЙ МИГРАЦИЙ НОСИТЕЛЕЙ ЕГО ДИАЛЕКТОВ. ПРОБЛЕМА СООТНЕСЕНИЯ КОМПЛЕКСОВ КУЛЬТУРЫ, ВОССТАНАВЛИВАЕМЫХ ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Родственные языки складываются в результате распада исходной языковой системы вследствие разрыва контактов между носителями отдельных диалектов и распространяются на определенной исторической территории благодаря миграциям носителей этих диалектов. Это предполагает для первоначального ареала распространения общей исходной языковой системы определенную территорию (более компактную по сравнению с географическим распространением исторических родственных языков), с которой и начинались миграции в различные стороны. Самый размер такого предполагаемого ареала, как и процесс постепенного членения этой общности, зависит от характера культуры, географических и экологических условий среды обитания говоривших на общем языке племен. Тем самым определение первоначального ареала распространения реконструируемого общего языка и определение путей миграций и переселения племен, говоривших на диалектах этого общего языка, есть историко-географический аспект собственно лингвистической проблемы членения языковой общности.

Вывод о большей компактности первоначальной территории распространения общей языковой системы по сравнению с историческим ареалом распространения родственных языков подтверждается типологическими данными об исторически засвидетельствованных процессах распространения родственных языков и заселения их носителями больших территорий. В таком более обширном ареале распространения позднейших языков выделяется более компактная область, заселенная носителями архаичных диалектов, в языковом отношении ближе всего стоящих к исходной системе (ср. *Bartoli 1925; Sapir 1958; Иванов 1958; Schlerath 1981*).

Индоевропейские языки, распространенные в историческую эпоху на обширной территории Евразии, предполагают некоторый более компактный ареал первоначального распространения общеиндоевропейского языка.

Определение такого ареала, к которому в сущности сводится традиционная проблема индоевропейской “прародины”, позволит реконструировать картину “движения древних индоевропейцев”, то есть племен — носителей индоевропейских диалектов, в исторические места их обитания

искажениями в отношении своего диалекта. Знание таких соотношений и определяет правила перехода с одного диалекта на другой.

Этот критерий может служить в некотором смысле основой для разграничения диалектов от языков. У носителей родственных языков, в отличие от носителей родственных диалектов, нет, очевидно, знаний о существующих между языками соотношениях, и в силу этого у них нет правил перехода с одного языка на другой. Такие языки расцениваются ими обычно как несвязанные друг с другом самостоятельные системы.

и определить тем самым динамику ареальных соотношений исторических индоевропейских диалектов.

Это предполагает, в первую очередь, установление абсолютной хронологии, хотя бы в некотором приближении, процессов таких миграций, что может быть осуществлено при соотнесении реконструируемой по лингвистическим данным культуры носителей общей языковой системы или отдельных ее диалектных групп с определенными археологическими культурами.

В связи с этим возникает проблема методов соотнесения лингвистических данных с археологическими и историко-культурными; в частности, вопрос о том, можно ли соотносить определенную лингвистическую общность с определенной археологической культурой.

Представляется, что лингвистическую систему можно соотнести с определенной археологической культурой, если эта последняя дает те же реалии, отождествляемые поэлементно, с аналогичными взаимосвязями этих элементов.

Для выполнения этой задачи во всем объеме необходима разработка определенной типологии археологических культур с некоторыми импликациями между отдельными единицами материальной культуры¹.

Если правила импликации, выведенные на археологической культуре, совпадают с правилами импликации для действительности культуры, реконструируемой по лингвистическим данным, то соотнесение этих культур становится более вероятным.

Определенные элементы и признаки устанавливаемых таким образом культур могут и не совпадать, но существенно совпадение целых комплексов при отсутствии несовместимых черт.

Поскольку такие реконструкции (как лингвистические, так и исторические) принципиально неполны, несовпадение определенных компонентов не должно препятствовать их историческому соотнесению.

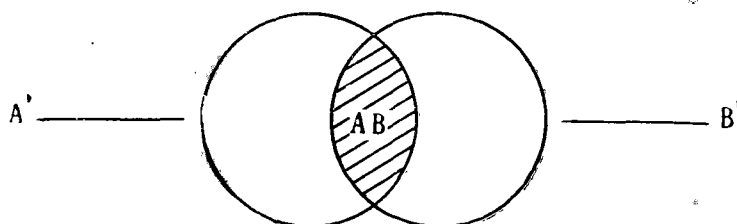
Ввиду ограниченности и неполноты таких реконструкций объем комплекса одного порядка A (реконструируемого по лингвистическим данным) может быть шире или уже объема комплекса другого порядка B (устанавливаемого археологически). В таких условиях возможно и пересечение комплексов (с меньшей или большей археологической частью B' или лингвистической частью A' за пределами общей части AB), см. Схему 4.

Существенно при этом, чтобы в несовпадающих частях A' и B' не обнаружилось таких черт, которые несовместимы друг с другом в силу импликаций внутри каждого из комплексов (в таком случае элемент a

¹ В свою очередь, для установления типологии археологических культур необходимо прийти к соглашению об унифицированном описании и записи памятников материальной культуры (ср., например, Gardin 1965; Гарден 1983; Каменецкий/Маршак/Шер 1975). Только такого рода унифицированная запись может послужить необходимым предварительным условием для типологического сопоставления различных археологических культур.

одного комплекса *A* предполагает наличие во всем реконструированном комплексе *A* некоторой черты, несовместимой с чертой *b* в комплексе другого порядка *B*, которая либо реконструируется в нем, либо имплицитруется другими элементами).

Схема 4

Лингвистической задачей, вытекающей из такой постановки проблемы первоначальной территории распространения общего языка и соотнесения лингвистических реконструкций культуры носителей общего языка с определенной археологической культурой, является последовательный семантический анализ всех тех реконструируемых слов и целых словосочетаний общего языка, которые позволяют судить об индивидуальных чертах материальной и духовной культуры носителей общего языка, характеризующих эту культуру в типологическом противопоставлении другим культурам.

Такой семантический анализ реконструируемых слов и словосочетаний предполагает их соотнесение с обозначаемыми денотатами и определение культурно-экологических и историко-географических характеристик этих денотатов.

На основе предложенных выше принципов анализа языка, а также связанных с ним (и отраженных в нем) явлений духовной и материальной жизни носителей этого языка и его диалектов далее излагается система общиндоевропейского языка (*Часть I*) и общиндоевропейской культуры (*Часть II*) в их взаимосвязи и взаимообусловленности на типологическом фоне языков и культур исторически сопредельных ареалов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТРУКТУРА
ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО
ЯЗЫКА

Si le seul moyen de reconstruire est de comparer réciproquement la comparaison n'a pas d'autre but que d'être une reconstruction. Sous peine d'être stériles, les correspondances constatées entre plusieurs formes doivent être placées dans la perspective du temps et aboutir au rétablissement d'une forme unique

“Если единственное средство реконструкции заключается в сравнении, то в свою очередь у сравнения нет другой цели, кроме реконструкции. Чтобы не быть бесплодными, соответствия, устанавливаемые между различными формами, должны быть помещены во временную перспективу и должны привести к установлению единой праформы”

Ferdinand de Saussure, Cours de linguistique générale

Typological verification raises the probability of reconstructed phonemic and morphological patterns, and permits changing from a mere numerical catalogue into a more realistic portrayal of the linguistic system

“Типологическая верификация повышает вероятность реконструируемых фонологических и морфологических структур и позволяет перейти от простого перенумерования единиц к более реалистичному изображению языковой системы”

Roman Jakobson, Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

**ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ
СИСТЕМА
И
МОРФОЛОГИЯ
ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО
ЯЗЫКА**

ТРИ СЕРИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ. ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА

1. ТРИ СЕРИИ СМЫЧНЫХ ФОНЕМ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ И ПРОБЛЕМА ДЕФЕКТНОСТИ ЛАБИАЛЬНОГО РЯДА

1.1. ТРАДИЦИОННАЯ СИСТЕМА ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ

Для позднеобщеевропейского состояния система смычных реконструируется в соответствии с традицией¹ в виде трех серий и четырех локальных рядов². Ряды объединяют фонемы по тождеству артикуляторных признаков места образования, серии — одного способа образования, то есть в сериях объединяются фонемы гомогенные, но гетерогенные, а в рядах — гомогенные, но гетерогенные (*Martinet 1955: III, 8; Мартине 1960: 97*).

Три серии индоевропейских взрывных в традиционном представлении характеризуются как звонкие (*mediae*), звонкие придыха-

¹ Имеется в виду самая распространяемая точка зрения на общеевропейский консонантизм, как она излагается, например, в работе *Lehmann 1952*. В более ранних реконструкциях восстанавливалась и четвертая серия взрывных в виде глухих придыхательных, но большинство исследователей, начиная от Соссюра (*Saussure 1892; Соссюр 1977*), в настоящее время отрицают существование четвертой серии глухих придыхательных, считая ее результатом позднейшего развития (ср. *Pedersen 1951*).

² Полная система локальных рядов индоевропейских смычных будет разобрана ниже специально в особом разделе, касающемся проблемы наличия в индоевропейском наряду с велярным рядом смычных палатализованного и лабиализованного рядов. Вопрос о количестве локальных рядов в группе так называемых “гуттуральных” фонем, имеющий существенное значение для установления полной системы индоевропейских смычных и решения проблем преобразования их в исторических индоевропейских языках, является нерелевантным при определении фонологического характера трех серий. Определение дифференциальных признаков, противопоставляющих друг другу серии смычных, не находится в прямой связи с установлением фонологического характера рядов в группе “гуттуральных” фонем. Для исследования серий индоевропейских смычных достаточно информации, касающейся трех локальных рядов: лабиального, дентального и велярного, независимо от дальнейшего определения рядов, соотносившихся с велярным. Поэтому в предлагаемой ниже фонологической записи до особого раздела главы II (специально разбирающего вопрос о количестве рядов “гуттуральных”) палатализованные и велярные гуттуральные будут обозначаться едиными символами (в традиционной записи $g-\hat{g}$, $g^h-\hat{g}^h$, $k-\hat{k}$).

тельные (*mediae aspiratae*) и глухие (*tenues*), а локальные ряды — как лабиальный, дентальный, велярный и лабиовелярный (см. Табл. 1):

ТАБЛИЦА 1
ТРАДИЦИОННАЯ («КЛАССИЧЕСКАЯ») СИСТЕМА
ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ

I	II	III
(b)	bh	p
d	dh	t
g	gh	k
g ^w	g ^w h	k ^w

В традиционно реконструируемой системе обращает на себя внимание неравномерное заполнение лабиального ряда в серии “звонких”. Уже Педерсеном (*Pedersen 1951*) было замечено, что в реконструируемой в таком виде индоевропейской системе отсутствует билабиальная звонкая фонема *b при наличии большого числа примеров с фонемами *g и *d. Все формы, приводимые для иллюстрации наличия звонкого *b в индоевропейском, устраняются Педерсеном как неубедительные. В частности, он показывает, что в сопоставляемых обычно формах др.-инд. *bálam* ‘сила’, греч. βελτίων ‘лучше’, ст.-слав. *boliji* ‘более’ могут быть этимологически связаны друг с другом, возможно, только древнеиндийская и славянская формы, если др.-инд. *bálam* не заимствовано из дравидийского (*Barrois 1976: 358, 360, 374*). Можно говорить о почти полном отсутствии форм, которые бесспорно возводятся к *b (ср. *Hamp 1954: 40*). Не в начальной позиции индоевропейское *b усматривается, вплоть до работ последнего времени (ср. *Szemerényi 1970: 51, 7.1.2*), лишь в двух формах:

Гот. *diups* ‘глубокий’, лит. *dubùs* ‘глубокий’, ‘полюй’, ст.-слав. *dūbrī* ‘ущелье’, ‘лощина’, галл. *Dubno-rīx* ‘Царь мира’, др.-ирл. *domus* ‘мир’. Эта группа соответствий охватывает лишь одну (западную) группу индоевропейских диалектов, причем исконный характер этой фонемы определяется только на основании германского. Не исключено, что глухая фонема p в готской форме и в других германских языках является результатом комбинаторного оглушения b из *bh. Примечательно при этом, что близкая к этим формам греческая βυθός ‘глубина’, ‘пучина’ предполагает своего рода дублиеты *budh-/*bhudh- с вероятной метатезой первоначальных звонких фонем, ср. греч. πύθμῆν ‘глубина’ (*Chantraine 1968, I: 201*). Рассмотренные формы не дают бесспорного основания для реконструкции нена начального *b- в индоевропейском, ср. *Трубачев 1978, 5: 175*.

Другим примером, иллюстрирующим возможное наличие *b, могут служить формы: исл., норв. *slapa* ‘вялый’, ‘свисающий’, ст.-слав. *slabŭ* ‘слабый’, лит. *slobstù, slōbti* ‘слабеть’, сопоставляемые обычно с лат. *labor, lapsus* ‘скользнуть’, ‘поскользнуться’ (*Pokorny 1959: 655*). В данном случае тоже наблюдается ареальное ограничение соответствий, что

Три серии индоевропейских смычных

указывает на более поздний период возникновения этих форм, не относящихся к общеиндоевропейской эпохе.

Однако, даже при допущении возможности наличия общеиндоевропейского *b в рассмотренных выше формах, не может не броситься в глаза количественное несоответствие общеиндоевропейских форм с фонемой *b по сравнению с формами, включающими фонемы *d и *g. По словарю Покорного, согласно нашим подсчетам, в общеиндоевропейских словоформах *d и *g встречаются каждая свыше 250 раз¹.

1.2. РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ X. ПЕДЕРСЕНОМ

Уже Педерсен на основании устанавливаемого им отсутствия (или, возможно, крайне редкой встречаемости) *b в общеиндоевропейском впервые ставит вопрос о возможной реинтерпретации этой серии взрывных, реконструируемой традиционно как “звонкие”, и о рассмотрении их в качестве “незвонких” (глухих), поскольку существование языка, в котором было утеряно b при сохранении d и g, ему представляется маловероятным, тогда как можно привести множество примеров языков, теряющих глухую лабиальную фонему p при сохранении k и t. На этом основании Педерсен предлагает смелую для того времени реинтерпретацию традиционно восстанавливаемой системы индоевропейского консонантизма как системы, где фонемы серии I и серии III меняются местами в отношении признака глухости~звонкости, то есть признак звонкости приписывается фонемам серии III, а признак глухости — серии I, при представлении серии II как возможных глухих придыхательных (см. Табл. 2).

Постулируемую таким образом систему консонантизма Педерсен приписывает раннеиндоевропейскому (или “праиндоевропейскому”) языку (*Vorindoeuropäisch*). Эта система преобразуется в традиционно восстанавливаемую систему уже в общеиндоевропейском языке (*Gemeinindoeuropäisch*). При этом он приводит в качестве типологического примера развитие глухих и звонких в восточных и западных армянских диалектах (*Pedersen 1951*).

Представляется, что такая процедура перевода восстанавливаемой Педерсеном “раннеиндоевропейской” системы в традиционно постулируе-

¹ Расхождение с предлагаемой статистикой в работах Жюкуа (*Jacquois 1966 : 61* и *Jacquois 1971*), где частотность d определяется как 83, а частотность g — как 70 (при b — 31), объясняется, очевидно, тем, что в отличие от наших подсчетов Жюкуа считал частотность по словарю Покорного только в корневых морфемах (имея в виду корень по Бенвенисту). Частотные данные о фонемах, полученные по словарю Покорного, не отражают, по-видимому, абсолютных соотношений в общеиндоевропейском, поскольку у Покорного дается и лексика позднего происхождения, возникшая в отдельных индоевропейских диалектах. Этим и объясняется то, что частотность b в индоевропейских формах по Покорному намного превышает реальное количество древних индоевропейских форм с *b, возможные примеры которых были рассмотрены выше. По нашим подсчетам, b—78, по Жюкуа —31. Но и эти данные, полученные с учетом всех приводимых в словаре Покорного форм — как общеиндоевропейских, так и более позднего происхождения — характерны в смысле частотного соотношения: частотность *d и *g значительно превышает частотность *b.

Фонологическая система и морфонология

мую общеиндоевропейскую систему диктовалась трудностью вывода исторически засвидетельствованных систем консонантизма из предлагаемой Педерсеном системы.

ТАБЛИЦА 2

(1) ТРАДИЦИОННАЯ СИСТЕМА → (2) СИСТЕМА ПЕДЕРСЕНА

I	II	III		I	II	III
—	b ^h	p		—	p ^h	b
d	d ^h	t		t	t ^h	d
g	g ^h	k		k	k ^h	g

Традиционно реконструируемая система, находящаяся, как выявляется, в противоречии с синхронными типологическими данными (что впервые было замечено Педерсеном), обладает, однако, свойством диахронической выводимости: эта система характеризуется тем, что из нее можно легко и непротиворечиво вывести системы исторически засвидетельствованных индоевропейских языков при допущении типологически верифицируемых фонологических преобразований, то есть преобразований, подтверждаемых на примере исторического развития многих засвидетельствованных языков¹.

Перевод Педерсеном системы (2), постулируемой для раннеиндоевропейского, в традиционную систему (1), приписываемую им общеиндоевропейскому, по существу не меняет традиционной концепции индоевропейского консонантизма, поскольку все индоевропейские языки выводятся из традиционной системы, характеризуемой внутренними противоречиями синхронно-типологического порядка. Тем самым Педерсен сводит на нет предложенную им же самим реинтерпретацию общеиндоевропейской системы, превращая ее лишь в дополнительную надстройку к традиционной схеме индоевропейского консонантизма. Вероятно поэтому, за исключением отдельных замечаний², линия эта в дальнейшем не была продолжена в индоевропейской сравнительной грамматике³.

¹ Это, возможно, и послужило одной из причин того, что традиционно реконструируемая система индоевропейского консонантизма в течение длительного времени рассматривалась как исходная для исторически засвидетельствованных диалектов, хотя на поверку она оказывается противоречивой с точки зрения синхронной типологии.

² *Ср. Martinet 1953b : 70*. Мартинет предлагает своеобразную интерпретацию древней серии звонких в индоевропейском в качестве глоттализованных, см. об этом ниже. Модель индоевропейского консонантизма Педерсена принимается Меликишивили И. 1971 : 216, с той лишь разницей, что на месте традиционных звонких смычных постулируются не чистые глухие (незвонкие), а соответствующие придыхательные (при отклонении глоттализованных) как более маркированные по сравнению с чистыми глухими смычными.

³ Только в самое последнее время традиционной системе индоевропейского консонантизма стали противопоставлять альтернативные модели на основании соображений простоты описания (*ср. Emonds 1972*).

2. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТРЕХ СЕРИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ

2.1. НЕСООТВЕТСТВИЕ «КЛАССИЧЕСКОЙ» ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ СМЫЧНЫХ ДАННЫМ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ

Традиционная картина индоевропейского консонантизма была создана на заре развития индоевропейской сравнительной грамматики и совпадала в основном с системой консонантизма языков с древнейшими литературными традициями, каковыми являлись древнеиндийский и отчасти классические языки—древнегреческий и латинский. Эти языки, обладавшие особым престижем, как это часто бывало в сравнительной индоевропейской грамматике, определяли фактически облик реконструируемой системы.

Языковые системы, в которых обнаруживалось отличие от систем “престижных” языков, объяснялись как результат преобразования исходной системы, которая мыслилась в целом как тождественная системам языков с древней традицией. Этим объясняется то, что Я. Г р и м м, устанавливавший вслед за Р. Р а с к о м систему соответствий между германскими и классическими языками, рассматривал германское состояние как результат изменения, “передвижения” (*Lautverschiebung*) исходных индоевропейских фонем. Эта точка зрения, переходящая из поколения в поколение индоевропейцев, бытует в сравнительной грамматике индоевропейских языков и по сей день.

Нетрудно видеть, что такая картина не является результатом проведения определенного лингвистического анализа, а представляется скорее продуктом исторической случайности, объясняемой престижем языков с древней литературной традицией. Структуры, обнаруживаемые в этих последних языках, возводились к общеиндоевропейской давности, тогда как структуры других индоевропейских языков объявлялись результатом преобразования и перестройки общеиндоевропейской системы.

Неправомерность такого подхода довольно рано была обнаружена в отношении индоевропейского вокализма: древнеиндийский вокализм оказался вторичным по отношению к вокализму других индоевропейских языков, не отражающим общеиндоевропейское состояние. Однако в отношении индоевропейского консонантизма общеиндоевропейский характер древнеиндийской системы смычных, а также частично греческой и латинской, не вызывал сомнений у большинства исследователей.

Хотя традиционно реконструируемая система индоевропейских смычных и обладает свойством диахронической выводимости, но она не характеризуется свойством соответствия данным синхронной типологии.

Несоответствие это заключается прежде всего в отсутствии (*resp.* крайне низкой частоте) звонкой лабиальной фонемы *b серии I.

Согласно новейшим данным синхронной типологии (*cp.* Greenberg 1966; 1970; Нанр 1970а; Меликишвили И. 1972; 1974; 1976; Campbell 1973), в системах с противопоставлением смычных по звонкости~глухости в серии звонких “маркированным” (т. е. рецессивным) является веларный

член *g*, “немаркированным” (т. е. доминантным) — лабиальный *b*, тогда как в серии (resp. сериях) глухих, наоборот, рецессивным является лабиальный член *p*, доминантным — велярный член *k*.

В соответствии с этими соотношениями распределяются и частоты определенных фонем, а также пустые клетки в системе смычных. “Рецессивный” член отношения характеризуется, как правило, более низкой частотой употребления, чем “доминантный”. В ряде систем низкая частота “рецессивной” фонемы может приравниваться к нулю, что дает пробел в соответствующем месте фонологической системы¹.

В согласии с этими данными можно ожидать существования систем смычных типа (A), (B), (C), Меликшвили И. 1972:

(A) b	p	(B) b	—	(C) b	—
	d		d		d
	t		t		t
	—		g		k
	k		k		—

В таких системах отсутствуют (или отличаются редкой встречаемостью) “рецессивные” фонемы — звонкая велярная *g* и глухая лабиальная *p*².

¹ Небезынтересно заметить, что отмечаемая невозможность пробела на месте лабиального члена в серии звонких и вероятность такого пробела в серии глухих являются в сущности подтверждением мысли Педерсена, высказанной им в форме диахронического утверждения о невозможности языковой системы с утерей в серии звонких лабиального *b* и распространенности языков, утерявших глухую лабиальную фонему *p*. Значение идей Педерсена в свете типологических наблюдений Гринберга отмечается уже в заметке *Hamp 1970a*.

² Язык лифу приводится в некоторых случаях для иллюстрации “пробела в системе” в серии звонких на месте лабиального *b*, что противоречит устанавливаемой закономерности немаркированного характера лабиального члена в серии звонких фонем в противовес велярному ее члену (*Martinet 1955: III, 36; Мартине 1960: 123—124, 137*). Предполагаемый пробел на месте фонемы *b* в лифу устанавливается в диахронии Ленорманом на том основании, что фонема */b/* в лифу выступает в словах иноязычного происхождения, заимствованных из европейских или соседних меланезийских и полинезийских языков, тогда как фонемы */d/* и */g/*, а также глухие */p/*, */t/*, */k/* встречаются в исконных формах лифу (*Lenormand 1952*). Однако подобное предположение не отражает действительного положения вещей в диахронии, поскольку оно не учитывает происхождения серии звонких смычных в лифу. Согласно Одрюкуру (*Haudricourt 1971: 380—184, 392—393* и таблицы соответствий 30 и 31), те фонемы, которые в лифу сейчас выступают как звонкие, в недавнем прошлом были полуносовыми, ср. лифу *ɟɛn* “листья” < *nɟau*, фиджи *nɟau* (*nɟ*—полуносовой какуминальный смычный), лифу *maɟa* ‘кровь’, фиджи *nɟaa*. Параллельно реконструируемому для лифу развитию *nɟ > ɟ*, *mb > b* предполагается развитие **p > h > ø* (-*w*- в интервокальном положении, ср. развитие *-p-* в армянском). В этой связи было бы интересно детальнее исследовать вопрос о соответствиях звонких смычных */d g/* языка лифу фонем других родственных восточноавстронезийских языков: ср. в частности систему фонем фиджийского языка, в которой в исконно меланезийских словах отсутствует глухой губной */p/*, обнаруживающийся только в заимствованиях (как *b* в лифу) при наличии двух других фонем той же серии */t/*, */k/* и при полном заполнении всех клеток серии звонких */b/*, */d/*, */g/*, тогда как в родственных полинезийских языках имеется только серия глухих (исключение составляет тонга, в котором наличие звонких объясняли влиянием фиджийского языка), ср. *Demroloff 1920; Dyen 1965*.

Аналогичные отношения “доминации” можно установить между различными сериями смычных в подсистеме глухих. Максимальной маркированностью в подсистеме незвонких (т. е. глухих смычных) отличается серия глоттализированных¹, которая является более маркированной, чем серия придыхательных. Серия придыхательных, в свою очередь, является более маркированной, чем серия чистых глухих. Иерархическую последовательность по возрастающей маркированности можно представить в виде ряда: чистая глухая ~ аспирированная глухая ~ глоттализированная глухая (Greenberg 1966).

В соответствии с этим наибольшей маркированностью в рассматриваемых сериях характеризуется лабиальный член p' в серии глоттализированных, что и проявляется в его крайней редкости или полном отсутствии во многих языковых системах, обнаруживающих серию глоттализированных, Greenberg 1970; Hamp 1970a (например, в ряде северокавказских языков, во многих африканских и американских индейских языках, в которых p' вовсе отсутствует, образуя пустую клетку—пробел в системе). В соответствии с такими закономерностями выделяются системы типа B' , C' или A' , тогда как системы типа D или D' ² представляют крайне редкие исключения (Гамкрелидзе 1974: 14—15):

(A') b	p^h	—	(B') b	—	—	(C') p	—	—
d	t^h	t'	d	t^h	t'	t	t^h	t'
g	k^h	k'	g	k^h	k'	k	k^h	k'
	(D)	b	—	p'	(D')	p	—	p'
		d	t^h	t'		t	t^h	t'
		g	k^h	k'		k	k^h	k'

Следующим несоответствием традиционно реконструируемой системы индоевропейских смычных синхронным типологическим данным является отмечаемое Якобсоном отсутствие в этой системе серии глухих придыхательных фонем при наличии серии звонких придыхательных (Jakobson 1957a). Не обнаруживаются языки с серией звонких придыхательных без

Смешанный характер языка лифу подчеркивался уже Габеленцем (Gabelentz 1891: 273), установившим его принадлежность к меланезийским (Gabelentz 1873), а в некоторых случаях позволял даже говорить о его большей близости к папуасским языкам (Müller 1882: 69, примеч.), ср. примеры слов лифу, выпадающих из закономерных соответствий (Kahlo 1960: 28—29).

Характерно, что для иллюстрации пробела в фонологической системе Мартине в своем известном исследовании приводит самый нехарактерный пример, относящийся к языку лифу, в котором ни на одном этапе не реконструируется отсутствие b . Любопытно, что именно этот пример в дальнейшем попадает в различные пособия как характерная иллюстрация “пробела” в фонологической системе.

¹ Термин “глоттализированный” употребляется нами в узком смысле “смычногортанных” или “эктивных” (ср. Ladefoged 1971: 16 и след.).

² Такая система с пробелом на месте лабиального аспирированного члена (вместо закономерно ожидаемого глоттализированного) обнаруживается в одном из диалектов языка галла (см. Andrzejewski 1957; Sasse 1973).

одновременного наличия в системе серии глухих придыхательных¹. В этом смысле традиционно реконструируемая система индоевропейских смычных находится в явном противоречии с данными синхронной типологии².

2.2. РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИСТЕМЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ. ГЛОТТАЛИЗАЦИЯ КАК ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИЗНАК ДЕФЕКТНОЙ СЕРИИ СМЫЧНЫХ

Указанные несоответствия традиционно реконструируемой системы индоевропейских смычных и данные синхронной типологии требуют пересмотра ее с целью приведения этой системы в соответствие с данными синхронной типологии. При этом такая реинтерпретация индоевропейской системы смычных должна проводиться с учетом диахронической выводимости системы, предполагающей непротиворечивое, типологически верифици-

¹ В последнее время предлагаемая универсалия Якобсона оспаривается Р. Бластом на основании материала одного из австронезийских языков — келабит (*Blust 1973*). В этом языке выделяются явно три серии смычных, которые интерпретируются автором как звонкие /b d g/, глухие /p t k/ и звонкие придыхательные /b^h d^h g^h/. К сожалению, в работе не дается точного фонетического описания соответствующих звуков, которое позволило бы вывести существование подобных рядов смычных. Однако уже на основании приводимого им фактического материала можно интерпретировать эти ряды не как звонкие, глухие и звонкие придыхательные, а как соответственно звонкие /b d g/ (с комбинаторными вариантами [b], [d], [g] и [-bb-], [-dd-], [-gg-], в позиции после ударного é), глухие /p t k/ (с комбинаторными вариантами [p], [t], [k] и [-pp-], [-tt-], [-kk-] в позиции после ударного é) и полувзвонкие /b d g/ (с комбинаторными вариантами [b], [d], [g] и [-bp-], [-dt-], [-gk-] в позиции после ударного гласного). Характерно, что сам автор отмечает факультативность “придыхательности” (точнее, глухого начала следующего за ним гласного) в произношении геминированных вариантов этих фонем. В данном случае, очевидно, следует говорить не о фонологической придыхательности звонкого ряда смычных, а об их фонологической полувзвонкости и соответственно большей интенсивности по сравнению с чистыми звонкими, что проявляется в определенных позициях в наличии последовательности -bp^h-, -dt^h-, -gk^h- (после любого ударного гласного), то есть сочетание ненапряженного звонкого с напряженным глухим, ср. чередующиеся варианты в формах типа *táp^hlan* ‘рубка леса’ ~ *tábánnān* ‘руби!’.

Такая интерпретация полувзвонких в келабит находит ближайшую структурную параллель в севернокитайских диалектах с полувзвонкими фонемами /b d g/, каждая из которых представлена двумя вариантами: соответственно звонкими [b d g] и последовательностями сегментов [-pb-], [-td-], [-kg-], *Поливанов 1928; 1968: 68 и 250—251*.

Структурные отличия этого ряда от келабит сводятся лишь к дистрибутивным особенностям распределения вариантов и к порядку следования глухих и звонких сегментов в пределах комбинаторного варианта: звонкий вариант проявляется в севернокитайском в интервокальном положении, тогда как глухо-звонкий вариант — в начальной позиции в слове. Полное отсутствие элемента придыхания в глухо-звонком варианте в севернокитайском объясняется порядком сегмента *глухой—звонкий*, тогда как в келабит обратная последовательность: *звонкий—глухой* естественным образом допускает факультативную придыхательность, сказывающуюся в глухости начального сегмента следующего гласного.

² На этом основании Семереньи (*Szemerényi 1967: 94 и след.; 1970; 1972: 134*) пытается реконструировать четвертую серию глухих придыхательных фонем в индоевропейском, возвращаясь тем самым к старым построениям Бругмана (ср. также *Vack 1979*). Такой метод постулирования четвертой серии представляется неоправданным с точки зрения сравнительного анализа, поскольку глухие придыхательные в индоиранском и других диалектах несут явные следы комбинаторного происхождения.

руемое выведение из постулируемой системы всех исторически засвидетельствованных структур. Особое значение при подобной реинтерпретации имеет такое определение дифференциальных признаков, противопоставляющих три серии индоевропейских смычных, которое бы соответствовало данным как синхронной, так и диахронической типологии¹.

Рассмотрим последовательно каждую из серий в традиционно реконструируемой системе (*Система I*) в их взаимосвязи друг с другом.

Отмеченное Якобсоном несоответствие традиционно восстанавливаемой системы индоевропейского консонантизма типологическим данным, состоящее в отсутствии глухих придыхательных при наличии звонких придыхательных, устраняется при реинтерпретации серии III (“глухих”) в качестве глухих придыхательных фонем; такая реинтерпретация проводится и с учетом отражения этой серии в ряде исторических индоевропейских языков. Тем самым глухие придыхательные — серия III — оказываются в системе рядом со звонкими придыхательными — серия II, что приводит традиционную систему в этом отношении в полное соответствие с синхронными типологическими данными при учете естественности вывода из нее конкретных исторических систем.

Реинтерпретация серии III в качестве глухих придыхательных естественно ставит вопрос о соотношении ее с другими, с нею связанными сериями системы, в частности с серией I, которая должна быть переинтерпретирована уже вследствие того, что дана новая интерпретация серии III. Вместе с тем, серия I и в силу своих внутренних особенностей требует переинтерпретации и приведения ее в соответствие с синхронными типологическими данными.

Серия I, традиционно реконструируемая как звонкая, должна быть переинтерпретирована как серия незвонких, ввиду дефектности лабиального члена. Как указано выше, лабиальный член является дефектным (то есть отсутствует или характеризуется низкой текстовой и системной частотностью) и соответственно рецессивным в сериях незвонких смычных. При этом наиболее маркированной среди этих серий, как было показано Гринбергом (*Greenberg 1970*), является серия глоттализovaných, характеризующаяся обычно полным отсутствием или крайне низкой частотой лабиального члена *p'*. Эта универсально значимая особенность серии глоттализovaných сразу же ставит вопрос о возможном фо-

¹ В дальнейшем изложении рассматривается только вопрос о противопоставлении серий внутри трех локальных рядов (лабиального, дентального, велярного), представляющихся несомненными. Вопрос же о возможно полном наборе (или числе) рядов “гуттуральных” для индоевропейского и отдельных групп диалектов, как было указано выше, сам по себе не имеет значения для данной проблемы и будет особо рассмотрен нами при полном описании системы смычных индоевропейского языка. При этом следует иметь в виду, что выводы, сделанные в отношении велярного ряда с точки зрения его заполнения по сериям, сохраняют свою значимость и в отношении других “гуттуральных” рядов, соотносимых с велярными. Поэтому в нашем обозначении на данном этапе все возможные ряды “гуттуральных” покрываются едиными символами (“cover-symbol”) G, G^h, K, обозначающими как велярные фонемы, так и соответствующие по сериям фонемы других возможных “гуттуральных” рядов.

нологомическом характере серии I индоевропейских смычных с дефектным лабиальным членом. При этом обращает на себя внимание то, что серия I характеризуется более низкой частотностью, чем серия II и тем более серия III. По подсчетам Жюкуа (*Jucquois 1966*), общая частотность фонем серий I, II и III в корневых морфемах выражается следующими процентными соотношениями:

Серия I—6,2%
Серия II— 8,9%
Серия III—17,7%

(что соответствует абсолютным цифрам, отражающим частотность употребления фонем этих серий в индоевропейских словоформах по Покорному —согласно подсчетам, проведенным нами).

Уже эти частотные соотношения употребления индоевропейских фонем ставят под сомнение традиционную интерпретацию этих фонем соответственно как звонких ~ звонких придыхательных ~ глухих и х. Серия звонких придыхательных, будучи типологически маркированной по отношению к серии звонких, не может характеризоваться более высокой частотностью, согласно универсально значимому частотному выражению отношения маркированности. При интерпретации серии I в качестве глоттализированных частотные характеристики этих трех серий оказываются в полном соответствии с типологически устанавливаемыми соотношениями частотности для глоттализированных в их отношении к другим незвонким сериям фонологической системы, в частности к глухим придыхательным и чистым глухим.

Интерпретация серии смычных III как глухих придыхательных, основывающаяся прежде всего на типологических соображениях, а также характере отражения этой серии в исторических языках, заставляет интерпретировать фонемы серии I с дефектным лабиальным членом, определяемые типологически в общем как незвонкие, именно как г л о т т а л и з о в а н н ы е, а не как, допустим, чистые глухие или глухие придыхательные. Две последние интерпретации исключаются уже на том основании, что в подсистеме незвонких смычных глоттализированная серия является наиболее маркированной по сравнению с сериями аспирированных и чистых глухих фонем. В свою очередь, серия аспирированных является более маркированной, чем серия чистых глухих. При этом, если в подсистеме незвонких смычных отсутствует один лабиальный член, то это должно быть по необходимости в серии г л о т т а л и з о в а н н ы х, а не в серии придыхательных и тем более в серии чистых глухих (см. выше, стр. 11).

Таким образом, дефектность лабиальной фонемы серии I индоевропейских смычных, при интерпретации серии III в качестве глухих придыхательных и при указанных частотных соотношениях, заставляет интерпретировать серию I как серию г л о т т а л и з о в а н н ы х (э к т и в н ы х или с м ы ч н о г о р т а н н ы х) фонем. Индоевропейская система смычных в такой интерпретации принимает следующий вид:

ТАБЛИЦА 3

I	II	III
(p ^h)	b ^h	p ^h
t'	d ^h	t ^h
K'	G ^h	K ^h

Определение в такой системе фонем серии II в качестве звонких придыхательных ставит вопрос о фонетической реальности соответствующих звуков. Основываясь на типологическом сопоставлении с современными индоарийскими языками (*Catford 1964; 1977: 106; Ladefoged 1967: 9*), в индоевропейских фонемах, определяемых традиционно как звонкие придыхательные, усматривают особого типа смычные согласные с “шепотной рекурсией” (*murmured release*), определяемые наличием при их произнесении “звонкого выдыхания” (*breathy voice*), *Ladefoged 1971: 12; Lass 1974; Hopper 1973; Butler 1974*.

С фонологической точки зрения существенно то, что в системах с подобными фонемами серия этих фонем находится в коррелятивном противопоставлении серии глухих придыхательных. Тем самым фонологически они могут быть определены как звонкие (неглухие) придыхательные, фонетически реализуемые как звонкие или полувзвонкие смычные (ср. грузинские звонкие смычные) с сопутствующим придыханием. Такое придыхание фонетически может быть и звонким, осуществляемым при вибрации голосовых связок (или отдельных их частей — при раздвинутости другой части голосовых связок). При этом такие звуки характеризуются интенсивностью артикуляции. Примером таких звуков могут быть “звонкие придыхательные” в некоторых современных армянских диалектах¹.

Постулируемая система смычных для индоевропейского языка полностью соответствует синхронным типологическим данным: дефектность лабиальной глоттализованной фонемы, которая является функционально самым слабым членом в группе незвонких согласных; наличие в системе глухих аспирированных при звонких аспирированных; частотные соотношения между отдельными сериями системы, отражающие возрастающую маркированность последовательности глухие придыхательные ~ звонкие придыхательные ~ глоттализованные².

¹ Ср. об армянском *Allen 1951*; о придыхательных в гуджарати см. *Fischer-Jørgensen 1968: 88—89; Елизаренкова 1974: 180—181*; ср. также *Ternes 1973: 20*.

² Такая система общеиндоевропейских смычных была предложена нами в 1972 г. (см. *Гамкрелидзе / Иванов 1972; Gamkrelidze / Ivanov 1973*; ср. также *Гамкрелидзе 1977; Gamkrelidze 1976*). Аналогичная система индоевропейских смычных реконструируется и в работах Хоппера (*Hopper 1973; 1977*). Возможность интерпретации дефектного ряда смычных в качестве древних глоттализованных была вскользь отмечена ранее Мартине в исследовании, посвященном специально семитским согласным (*Martinet 1953b: 70*). Глоттализованные смычные предлагаются и в не вполне ясных и понятных с типологической точки зрения индоевропейских построениях у Широкова 1972. Излагаемая выше концепция индоевропейского консонантизма стала именоваться в зарубежной науке “Глоттальной теорией” (*Glottalic theory*), *Bomhard 1979*. В последнее вре-

2.3. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСТУЛИРУЕМОЙ СИСТЕМЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ

В постулируемой системе индоевропейских смычных признак аспирации является, в сущности, фонологически нерелевантным, поскольку серия II и серия III противопоставляются друг другу не аспирацией, а по признаку звонкости~глухости. Признак аспирации следует рассматривать в данных сериях как сопутствующий фонетический признак фонем. Со строго фонологической точки зрения можно было бы охарактеризовать эти три серии как: I глоттализованную ~ II звонкую ~ III глухую. Однако фонетический признак аспирации является существенным признаком фонем серий II и III, объясняющим их исторические преобразования и окончательные рефлексы в исторических языках. Такие фонетические признаки играют особую роль при диахронических фонемных преобразованиях, и учет их наряду с собственно фонологическими признаками необходим при реконструкции фонологических систем.

Из нерелевантности признака аспирации в фонемах серий II и III вытекает возможность их реализации в виде звуковых вариантов без сопутствующего придыхания. Тем самым придыхательный и соответствующий непридыхательный звуки могли проявляться как комбинаторные варианты соответствующих фонем. Соответственно каждая фонема серий II и III могла выступать в виде двух своих комбинаторных аллофонов: аспирированного или неаспирированного, в зависимости от позиций в слове¹.

Система, изображенная на Табл. 3, может быть представлена в соответствии с указанием фонетических вариантов реконструируемых фонем (см. Табл. 4):

ТАБЛИЦА 4

I	II	III
(p')	b ^h /b	p ^h /p
t'	d ^h /d	t ^h /t
k'	g ^h /g	k ^h /k

Постулируемая в таком виде индоевропейская система смычных, типологически вероятная с точки зрения соотношений в отдельных фонемных сериях, может считаться типологически реальной и в целом. Система такого типа с противопоставлением смычных по признакам глоттализации и звонкости~глухости весьма распространена во многих исторически зас-

мя аналогичную точку зрения на первоначальный характер индоевропейской звонкой серии смычных высказывает и *Haudricourt 1975* (однако без упоминания своих предшественников).

¹ *Gamkrelidze 1976; Гамкрелидзе 1977; ср. также Normier 1977.*

Три серии индоевропейских смычных

видеться в языках. Примером системы со звонкими придыхательными и чистыми звонкими в качестве вариантов единой фонемы могут служить современные армянские диалекты, в которых звонкие придыхательные и звонкие выступают в качестве позиционно обусловленных вариантов общей фонемной единицы (ср. Allen 1951; Джаукян 1967b: 78—81). Существование подобных систем может служить хорошим типологическим подтверждением реальности предлагаемой нами структуры индоевропейских смычных с придыхательными и непридыхательными звуками в качестве вариантов одних и тех же фонем.

ТАБЛИЦА 5

ФОНЕТИКО-ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ ФОНЕМ*

	(p')	t'	k'	b ^h	d ^h	g ^h	p ^h	t ^h	k ^h
Слоговость ~ Неслоговость	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Смычность ~ Фрикативность	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Звонкость ~ Незвонкость	(—)	(—)	(—)	+	+	+	—	—	—
Глоттализованность	+	+	+	(—)	(—)	(—)	—	—	—
Лабияльность	+	(—)	(—)	(—)	(—)	—	—	(—)	(—)
Дентальность	(—)	+	(—)	(—)	+	(—)	(—)	+	(—)
Велярность	(—)	(—)	+	(—)	(—)	+	(—)	(—)	+
Аспирированность	(—)	(—)	(—)	±	±	±	±	±	±

* ПРИМЕЧАНИЕ. В матрице учитываются не только фонологически релевантные признаки фонем, но и их фонетические признаки, существенные для понимания функционирования их в системе общеиндоевропейского языка и для описания их диахронических преобразований в системы исторических индоевропейских диалектов.

3. ФОНОТАКТИКА И ПРАВИЛА СОЧЕТАЕМОСТИ ФОНЕМ РАЗЛИЧНЫХ СЕРИЙ В ИНДООЕВРОПЕЙСКОМ

3.1. ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ИНДООЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ

Варианты смычных фонем должны были проявляться в зависимости от позиций в слове при сочетании фонем друг с другом в контактной или дистантной последовательности. Контактная последовательность предполагает непосредственное сочетание двух или более фонем, тогда как дистантная последовательность имеет в виду последовательность двух фонем, разделенных одной (гласной) или более фонемами в пределах предполагаемой

основы. При этом дистантная последовательность может превращаться в контактную при выпадении гласной в формах с нулевой огласовкой.

Основные правила фонотактики индоевропейских смычных в пределах основы могут быть сформулированы в виде запретов и ограничений, налагаемых на сочетаемость фонемных единиц или отдельных признаков. Основным ограничением, налагаемым на всю подсистему смычных, является запрет на сочетание идентичных фонем в пределах индоевропейского корня, что может быть сформулировано в виде правила (1):

(1) *Две смычные фонемы с одинаковыми наборами дифференциальных признаков несовместимы в пределах одного корня структуры C_1VC_2 - (невозможность корня типа $T_1ET_2^1$, где $T_1=T_2^2$).*

Первым ограничением совместимости фонем в пределах индоевропейского корня является запрет на сочетание в дистантной последовательности двух фонем серии I^3 , то есть двух глоттализированных согласных:

(2) *Две глоттализированные смычные согласные (то есть согласные серии I индоевропейских смычных) несовместимы в пределах одного корня структуры C_1VC_2 - (невозможность корня типа *t'ek'-, т. е. корня типа *deg- в традиционной системе).*

Подобное ограничение в индоевропейских корнях на сочетание в пределах одной морфемы двух глоттализированных согласных находит широкие типологические параллели в языках с глоттализированными согласными.

Так, например, в исконно картвельских словах не сочетаются в пределах одного корня две неидентичные глоттализированные согласные. Аналогичное ограничение наблюдается в сэлишском языке с уш в о п (Британская Колумбия), в котором в корне структуры C_1VC_2 - (а также C_1RVC_2 -, C_1VRC_2 -) при глоттализированном характере C_2 невозможна глоттализированность C_1 (Kuipers 1974 : 23), и в ряде других америндейских языков — ма й я (юкатекский диалект, Straight 1972 : 59), кечуа (Царенко 1972 : 100; 1973 : 82; 1974a : 19; 1974b : 95; Rowe 1950 : 139—140; Orr)

¹ Здесь и далее символ T означает любой смычный, $T^{[h]}$ — любой глухой (придыхательный), T' — любой глоттализированный, $D^{[h]}$ — любой звонкий (придыхательный), то есть каждый символ является представителем всей серии смычных. Поэтому запись типа $T^{[h]}ET'$ или $T'ET^{[h]}$ предполагает сочетаемость в корне всех возможных единиц данной фонемной серии за исключением комбинации двух идентичных фонем, запрет на сочетаемость которых предусматривается правилом (1).

² Есть основания считать, что правило (1), предполагающее запрет на сочетание двух идентичных смычных, ср. уже Benveniste 1935 : 170—171; Benveniste 1955 : 201—202, есть частный случай более общего правила (1'), предполагающего запрет в корне структуры CVC - сочетания двух фонем одного и того же локального ряда. По-видимому, при сочетании фонем в индоевропейском корне действовал принцип гетероганности комбинируемых фонем. Это правило будет детально разобрано нами ниже при анализе специально проблемы рядов индоевропейских смычных. В данном случае нас интересует в основном проблема характера серий индоевропейских смычных и отношений между этими сериями.

³ Это правило было в явной форме (для предполагавшихся звонких) сформулировано уже у Meillet 1937; Meye 1938 : 191; ср. также Lehmann 1952; Ammer 1952; Szemerényi 1970; Jucquois 1966.

Longacre 1968: 529—530), а также и в языке хауса (чадской группы). В этом последнем два гетероганных глоттализированных согласных никогда не встречаются в одном слове (*Parsons 1970: 280*)¹.

Такие ограничения на сочетаемость глоттализированных в пределах одного слова свидетельствуют о физиолого-артикуляторных особенностях глоттализированных согласных, имеющих тенденцию не выступать совместно в одной дистантной последовательности. В общем случае эти ограничения снимаются при идентичности, гомоганности глоттализированных согласных. Но такие сочетания в пределах корня в индоевропейском недопустимы по правилу (1).

Правило (2) имеет существенное значение для типологического оправдания интерпретации серии I индоевропейских смычных именно как глоттализированных (но не звонких, как это было в традиционной системе). Дело в том, что при интерпретации серии I в качестве звонких было бы трудно найти типологическое оправдание несовместимости в пределах индоевропейского корня двух звонких и отсутствию в индоевропейском корнях типа *ged- и *deg-. Это ограничение, отмеченное уже у *Meillet 1937; Meye 1938* (ср. также *Lehmann 1952; Jucquois 1966; 1971*), оставалось до последнего времени необъясненным.

Реинтерпретация индоевропейских звонких смычных в качестве глоттализированных снимает эту трудность и позволяет свести такие ограничения к общетипологическим закономерностям фонотактики².

На остальные сочетания глоттализированных со смычными фонемами серии III не наложено никаких ограничений, то есть возможны все теоретически мыслимые комбинации:

(3) Глоттализированные могут сочетаться со всеми фонемами серии III как в предшествующей, так и в последующей позиции (то есть возможны комбинации T'ET^h], T^hET')

Обращает на себя внимание отсутствие в индоевропейских корнях сочетаний фонем серии II с фонемами серии III и наоборот. То есть нет корней типа D^hET^h], T^hED^h] (корни типа *bhet- и *tebh- в традиционной системе):

¹ Действием такого же принципа несовместимости двух глоттальных (включая гортанную смычку) объясняется и происхождение особого тона в лаху (подразделение лоло внутри лоло-бирманской подгруппы тибето-бирманских языков), *Matisoff 1970*. Фонетически аналогичное явление несовместимости в корне двух фарингализованных (эмфатических) согласных отмечено в аккадском языке. Один из двух семитских гетероганных эмфатических согласных превращается в аккадском корнеслове в результате диссимиляции в соответствующий простой (не маркированный) согласный ("закон Гирса"), см. *Geers 1945*.

² Глоттализированностью индоевропейских фонем серии I объясняется и давно уже замеченное явление, что традиционные "звонкие" почти не участвуют в составе аффиксальных элементов, в отличие от фонем серий II и III. Это было бы трудно объяснить типологически при допущении звонкости фонем индоевропейской серии I. С другой стороны, глоттализированные смычные характеризуются типологически ограниченностью участия в оформлении морфологических элементов, ср. *Hopper 1973: 157*.

(4) *Неглоттализованные смычные в составе одного корня должны характеризоваться одинаковым значением признака звонкости ~ глухости (то есть возможны только корни типа $D^{[h]}ED^{[h]}$ или $T^{[h]}ET^{[h]}$)*¹.

Отсутствие в индоевропейском корнях типа $D^{[h]}ET^{[h]}$ и $T^{[h]}ED^{[h]}$ можно было бы объяснить диахронически результатом ассимиляции одного из элементов по звонкости ~ глухости. В частности, в принципе допустимое $T^{[h]}ED^{[h]}/D^{[h]}ET^{[h]}$, которое возможно принять для более ранних этапов праиндоевропейского языка, могло дать по ассимиляции, еще в пределах индоевропейского праязыка, $T^{[h]}ET^{[h]}$ или $D^{[h]}ED^{[h]}$. Таким образом, в общеиндоевропейских корнях типа $T^{[h]}ET^{[h]}$ и $D^{[h]}ED^{[h]}$, возможно, скрываются корни более ранней эпохи с негомогенными по звонкости фонемами (ср. Miller 1977a : 32). Этим, может быть, и следует объяснять большее количество корней типа $T^{[h]}ET^{[h]}$, $D^{[h]}ED^{[h]}$ по сравнению с корнями других структурных типов, так как эти первые наряду с исконными типами $T^{[h]}ET^{[h]}$, $D^{[h]}ED^{[h]}$ могут включать в себя и отражения более древних типов с негомогенными по звонкости фонемами.

Рассмотренные выше возможности комбинаций отдельных серий в индоевропейском корне можно переформулировать и в терминах дифференциальных признаков, характеризующих отдельные серии смычных. Так, например, запрет на последовательность $T'ET'$ можно сформулировать как запрет в дистантной последовательности двух наборов дифференциальных признаков с положительным значением признака глоттализованности.

Невстречаемость в индоевропейском последовательностей $D^{[h]}ET^{[h]}$ и $T^{[h]}ED^{[h]}$ есть невозможность сочетания в дистантной последовательности двух наборов дифференциальных признаков с различными значениями признака звонкости ~ глухости. Допустима только дистантная последовательность с одинаковыми значениями этого признака (последовательности $D^{[h]}ED^{[h]}$ и $T^{[h]}ET^{[h]}$).

Модели сочетаний конкретных фонем в пределах индоевропейского корня можно будет дать после окончательного установления полной системы локальных рядов и определения соответствующих ограничений на сочетаемость фонемных единиц в корне в пределах каждого ряда, то есть при установлении точек пересечения серий и конкретных локальных рядов [ср. выше о правилах (1) и (1')]. На данном этапе мы допускаем предварительно минимальное число локальных рядов, принимаемое большинством исследователей, что уже дает возможность непротиворечиво судить о характере серий и определить их дифференциальные признаки. Информация,

¹ Впервые данное правило было отмечено Соссюром, см. Meillet 1912 : 60; Benveniste 1935 : 171, прим. 1; Szemerényi 1972 : 143, прим. 51. На основании этого правила Курялович (Kuryłowicz 1973b : 68, § 1. 5, прим. 6) высказывает мнение, что между фонемами серий II и III имелось противопоставление не по двум различительным признакам (придыхательности и звонкости), а "по одному фонемному признаку", что достаточно близко к излагаемой нами концепции. Но при этом он считает серию II нейтральной по отношению к признаку глухости ~ звонкости.

необходимая на данном этапе исследования относительно количества рядов индоевропейских смычных и их характера, необходима и достаточна для суждения о фонологическом характере индоевропейских серий смычных.

4. ДИСТРИБУЦИЯ АЛЛОФОНОВ ФОНЕМ ЗВОНКОЙ И ГЛУХОЙ СЕРИЙ

4.1. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИДЫХАТЕЛЬНЫХ АЛЛОФОНОВ ФОНЕМ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ДРЕВНЕИНДИЙСКОМ И ГРЕЧЕСКОМ. «ЗАКОН ГРАССМАНА» КАК ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВИЛО ВЫБОРА АЛЛОФОНОВ ФОНЕМ СЕРИИ II

Характерной особенностью фонем второй (звонкой) и третьей (глухой) серий смычных является наличие при них фонетического признака аспирации. Каждая фонема этих серий проявлялась в виде двух своих аллофонов — аспирированного и неаспирированного — в зависимости от конкретного фонетического окружения. Окружения, в которых данные фонемы проявлялись в виде двух своих аллофонов, определяют дистрибуцию этих фонем.

Существуют конкретные языковые данные для более или менее точного определения позиций, в которых фонемы серий II и III проявлялись в индоевропейских формах в виде придыхательного или непридыхательного вариантов. Основным аллофоном фонем этих серий следует считать их аспирированный вариант, поскольку он проявляется в большинстве фонетически независимых позиций, которые могут быть установлены для индоевропейских архетипов путем сопоставления и сравнения исторически соотносимых между собой форм. Соответствующая непридыхательная форма этих фонем проявляется в зависимости от конкретного фонемного окружения.

Следовательно, задача дистрибутивного анализа сводится к определению тех позиций из всех возможных позиций этих фонем, в которых они проявлялись в виде своих неаспирированных вариантов. Такому анализу с большей определенностью удастся подвергнуть в первую очередь фонемы второй (звонкой) серии. Эта серия в исторических языках оставила довольно явные следы, позволяющие с очевидной достоверностью реконструировать модели распределения их в словоформах индоевропейского языка.

Одним из основных принципов, определяющих поведение фонем серии II в индоевропейских праформах, является то, что две такие фонемы в пределах одной основы выступают всегда в виде двух разных аллофонов — придыхательного и непридыхательного. Эту особенность дистрибуции аллофонов можно сформулировать в виде правила (5):

(5) В основе с двумя смычными серии II, представленными в дистантной последовательности, одна фонема проявляется всегда в форме придыхательного варианта, другая — в форме непридыхательного¹.

¹ В качестве типологической параллели можно указать на связь в кечуа закона несовместимости придыхательных смычных и закона несовместимости глоттализированных смычных, Царенко 1972 : 102.

Следовательно, в одной основе допускается один лишь придыхательный звук. Если начальная фонема представлена в виде непрдыхательного аллофона, то последующая фонема проявляется в виде придыхательного, и наоборот, при придыхательном начальном аллофоне последующая смычная представлена в форме своего непрдыхательного аллофона.

Эту дистрибутивную особенность индоевропейских фонем серии II можно довольно четко проследить и реконструировать на основании данных индо-иранских и греческих диалектов.

Эти диалекты отражают модель дистрибуции аллофонов фонем серии II, в которой в начальной позиции представлен непрдыхательный аллофон, в последующей позиции перед гласным или сонантом — придыхательный¹:

Др.-инд. *bāhúh* 'рука', греч. *πῆχυς* 'локоть' предполагают индоевропейскую праформу [*baG^hu-s], с начальным непрдыхательным аллофоном и последующим придыхательным аллофоном индоевропейских фонем *b^h и *G^h, претерпевших в греческом оглушение;

Др.-инд. *badhnāti*, позднее *bandhati* 'связывает', *bándhuḥ* 'родство', 'свойство', 'родственник', греч. *πευθερός* 'тесть' (из 'связанный свойством'): и.-е. [*bend^h-];

Др.-инд. *bahú-* 'густой', 'многочисленный', греч. *παχύς* 'толстый', 'густой': и.-е. [*benG^h-];

Др.-инд. *bódhati*, *bódhate* 'будит', 'пробуждается', греч. *πυθόμαι*, *πυθάνομαι* 'узнаю', 'замечаю', 'бодрствую': и.-е. [*beud^h-], [*bud^h-];

Др.-инд. *budhnáh* 'почва', греч. *πυθμήν* 'почва': и.-е. [*bud^h-];

Др.-инд. *dáhati* 'жжет', *nidāgá-h* 'жара', 'лето', греч. *τέφρα* 'зола': и.-е. [*deG^h-];

Др.-инд. *deh-* 'мазать', 'умаживать', *dehí* 'стена', 'плотина', 'насыпь', греч. *τείχος* 'стена': и.-е. [*dejG^h-].

Приводимые древнеиндийские и соответствующие греческие формы являются хорошим примером, отражающим распределение аспирированных и неаспирированных аллофонов соответствующих индоевропейских фонем.

Аналогичное дистрибутивное поведение фонем серии II обнаруживается в структурах с редупликацией начального согласного. В этом отношении особенно характерны глагольные формы с редупликацией от индоевропейских основ *d^hē- 'ставить, класть', *G^hē- 'оставлять', *b^her- 'нести' и др. Редулицированные формы представлены в виде др.-инд.

¹ Непрдыхательное d в древнеиндийской форме *dvāg-* 'дверь' при греч. *θύρα*, лат. *forēs* 'двустворчатая дверь' (и.-е. *d^hur- / *d^hur-) появляется, очевидно, уже на собственно индийской почве в результате потери придыхания в фонеме *d^h. В древнеиндийском в начальной позиции dh — нестойкий звук, претерпевающий изменение в направлении утери одного из признаков (как правило, признака смычности), ср. формы *hitá-* 'поставленный', 'хороший' (< *dhitá-), *gḥá-* < *g^hdhá- 'дом' и др., *Wackernagel 1896: I § 217 и след.*; *Bloch 1934: 64 и след.* Отличному от этого развитию рассматриваемого dh с утерей признака придыхательности могло содействовать в древнеиндийском отождествление его со словом в значении 'два, двойной' *dvāu* (*Pokorny 1959: 279*), ср. значение слова 'двойная, двустворчатая дверь', ср. лат. *forēs*.

dádhdhā-mi, греч. τίθημι 'ставлю', из и.-е. [**di-d^hē-mi*]; др.-инд. *jāhā-ti* 'оставляет', греч. *κίχημι 'настигаю', 2 л. ед. ч. κίχεις, из и.-е. [**gi-G^hē-t^hi*]; др.-инд. *bī-bhar-ti* 'несет', из и.-е. [**bi-b^her-t^hi*], ср. греч. ἐσπιφράναι 'вносить' (Mayrhofer 1963, II:475).

Близость, вплоть до тождественности, древнеиндийских и греческих глагольных форм с редупликацией начального согласного основы позволяет в свете современных представлений о единстве греческо-арийской глагольной системы определить общий ареальный индоевропейский характер этих форм, что подтверждает и высказанное выше положение относительно индоевропейского источника предполагаемых фонемных соотношений. Их нельзя объяснять процессами дезаспирации и возникновением дезаспирированной фонемы порознь в истории отдельных языков, в частности древнеиндийского и греческого (как обычно понимался в классическом индоевропейском языкознании "закон Грассмана", Grassmann 1863; 1863a), а следует рассматривать как отражение общей закономерности распределения этих фонем в определенном ареале индоевропейского праязыка.

В полном соответствии с подобной трактовкой этих соотношений наводятся данные и остальных индоевропейских языков — итальянских, германских и других.

Тем самым "закон дезаспирации Грассмана" принимает совершенно иной смысл. Он рассматривается как чередование придыхательных и непридыхательных звуков на аллофонном уровне в системе индоевропейского праязыка, а не как процесс дезаспирации аспирированных фонем, происшедший независимо друг от друга в древнеиндийском и греческом. Сходство, вплоть до идентичности, процессов дезаспирации в древнеиндийском и греческом объясняется общим происхождением этих процессов, восходящих к индоевропейской эпохе¹.

Как явствует из вышеизложенного, в индоевропейском этот процесс реконструируется как соотношение аллофонов, позднее превратившееся в фонемное чередование в результате фонологизации в этих исторических языках рефлексов звонких придыхательных и непридыхательных аллофонов.

После фонологизации рефлексов фонем серий II и III в древнеиндийском и греческом старый индоевропейский закон распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов превращается в закономерность чередования придыхательных и непридыхательных фонем в пределах основы. Этим и объясняется продуктивное в греческом морфонологическое чередование типа *τριχός*~*τριξ* 'волос' (из и.-е. [**drigh^h-*]), *ταχύς*~*τάσσων* 'быстрый' (из и.-е. [**dng^h-*])², а также образования типа др.-инд. *vidátham*

¹ К общиндоевропейскому характеру "закона Грассмана" ср. также Butler 1974 : 19.

² Поэтому не оправдано датировать самый "закон Грассмана" периодом XVI—XV вв. до н. э., то есть временем действия процесса палатализации в греческом, на основании греческих чередований типа *ταχύς* : *τάσσων* (см. Janko 1977).

Спорадические формы в греческом с двумя придыхательными типа *τυφλός* вместо закономерного *τυφλός* 'слепой' следует рассматривать не как отражающие древнее рас-

‘распределение’ (из **vidh-atha-*, с контекстуальной дезаспирацией $dh \rightarrow \dot{d}$, ср. *Mayrhofer 1976, III:208*)¹.

Таким образом, индоевропейские архетипы рассмотренных выше форм следует восстанавливать не как **b^hāG^h-*, **b^henG^h-*, **b^heuḡd^h-*, **b^hud^h-*, **d^heG^h-*, **d^heiG^h-* и т. д., с последующей дезаспирацией рефлексов индоевропейских начальных звонких придыхательных фонем **b^h* и **d^h* независимо друг от друга в индийском и греческом, а как соответственно формы [**bāG^h-*], [**benG^h-*], [**beuḡd^h-*], [**bud^h-*], [**deG^h-*], [**deiG^h-*] и т. д., с позиционным противопоставлением непридыхательных и придыхательных аллофонов звонких фонем серии II. Указанные формы отразились закономерно в древнеиндийском как *bāh-*, *bah-*, *bodh-*, *budh-*, *dah-*, *deh-*, в греческом — соответственно как *παῦχ-*, *παχ-*, *πευθ-*, *πυθ-*, *τεφ-*, *τεχ-* и т. д., в результате общей закономерности — оглушения звонких фонем серии II, как придыхательных, так и непридыхательных их аллофонов. Тем самым процессы “дезаспирации” по закону Грассмана получают общее объяснение в древнеиндийском и греческом.

Вместе с тем, в древнеиндийском сохранились следы и другого отражения тех же корней (в отличном фонемном контексте: в позиции перед паузой, т. е. в абсолютном исходе, перед спирантом *-s-* и некоторыми другими шумными, в частности той же серии II, но не серии III, см. ниже о “законе Бартоломэ”). Рассматриваемые корни выступают в форме типа [**b^hud-*]: *им. пад. ед. ч. bhut*, форма с суффиксом *-sya-*: *bhotsyati*, *твор. п. мн. ч. bhudbhis* (*Whitney 1889: §§141, 153—155; Anderson 1970; Phelps/Braine 1973*). При этом соблюдается правило, сформулированное уже Уитни (*Whitney 1889: § 155a*) как запрет корню “одновременно начинаться и кончаться придыхательным” (*forbids a root to both begin and end with an aspirate*)².

предделение двух придыхательных (вопреки *Thumb/Scherer 1959: 266*, ср. также *Miller 1977b*), а скорее как отражение правила проявления аспирации при одной из двух смычных в последовательности с дальнейшим обобщением аспирации на все сегменты такой последовательности (ср. *Hoenigswald 1965a*). При этом следует учесть также действие фактора позднейшей ассимиляции смычных по признаку аспирации: $/C \dots Ch/ \rightarrow /Ch \dots Ch/$ или $/Ch \dots C/ \rightarrow /Ch \dots Ch/$, что дает формы с двумя придыхательными типа древнеаттических и древнекритских: *Θέθις* вместо *Θέτις*, *Φάνφαιος* вместо *Πάμφαιος*, ср. также формы типа *θυθέν* ‘пожертвованный’ из *τυθέν* (ср. *Dressler 1975: 65*).

¹ С другой стороны, нет достаточных оснований для выведения др.-инд. *kumbhá-* ‘горшок, кружка’, авест. *xumbō* ‘горшок’ из индо-иранск. **kumbha-* (с двумя придыхательными смычными в слове), ввиду соотношения начальных согласных *k ~ x* соответственно в древнеиндийском и иранском (ср. *Mayrhofer 1956, I: 234*). Исходную форму следует скорее реконструировать в виде [**kumb^ha-*], с одним придыхательным смычным в слове в последующей позиции, в соответствии со схемой распределения в индо-иранском придыхательных и непридыхательных аллофонов смычных. Соотношение др.-инд. *k ~ иранск. x* могло возникнуть в результате позднейшей спирализации начального смычного в иранском, особо характерной для комплекса согласных.

² Ср. *Елизаренкова 1974: 47*. На материале новоиндо-арийского языка (раджастхани) сходные правила, делающие придыхательность “просодическим” признаком, распространяющимся на все слово, изучены Алленом (*Allen 1957*).

4.2. РЕФЛЕКСЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИДЫХАТЕЛЬНЫХ АЛЛОФОНОВ В ИТАЛИЙСКОМ

Общий закон распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов в пределах индоевропейской основы [правило (5)] не во всех диалектных ареалах индоевропейского языка реализовывался единообразно. Наряду с распределением [DED^h], то есть непридыхательный — придыхательный, можно предположить для некоторых индоевропейских диалектов, в частности для итальянского и, возможно, германского ареала, обратную последовательность: [D^hED], то есть придыхательный — непридыхательный¹.

Этой дистрибутивной особенностью звонких фонем серии II можно было бы объяснить наличие в итальянских формах, прежде всего в латинском, начальных фрикативных *f* и *h* в тех формах, где в соответствующих формах греческого и арийского выступают рефлексы непридыхательных индоевропейских аллофонов. В таком случае в последующей позиции итальянские, в частности латинские, формы показывают звонкие взрывные *b*, *d*, а также *z*, которые могли бы быть истолкованы как отражения индоевропейских непридыхательных звонких аллофонов фонем серии II.

Имеются в виду следующие итальянские, в частности латинские, формы:

Лат. *fidō* 'доверяю, верю', *foedus* 'союз' (и.-е. [*b^he/ojɖ-]): греч. *πίδομαι* 'убеждаюсь' (из и.-е. [*bejɖ^h-]);

Лат. *offendix* ритуальный термин, обозначающий 'узел веревки для поддержания шапки жреца' (и.-е. [*b^hend-]): др.-инд. *badhnāti* 'связует', греч. *πέσμα* 'веревка', *πευθερός* 'зять', др.-инд. *bāndhuḥ* (и.-е. [*bend^h-]);

Лат. *fiber* 'бобер' из редуцированной формы от корня [*b^her-] — [*b^hi-ber]: др.-инд. *babhrūh* 'красно-коричневый' (из редупликации по противоположной схеме: [*be-b^her], см. ниже о гласных при редуцированном согласном);

Лат. *fidēlia* 'горшок из глины' (и.-е. [*b^hid-]) при греч. *πίθος* 'глиняный сосуд' (из и.-е. [*bid^h-]);

¹ Такое распределение следует допустить в особых случаях и для индо-арийского ареала, в частности в определенных синтагматических позициях, рассмотренных выше. В свете этих фактов правила распределения придыхательных аллофонов фонем серии II можно сформулировать для общиндоевропейского состояния в виде общего правила допустимости лишь одного придыхательного аллофона в корнях с фонемами серии II. При этом проявление такого придыхательного аллофона в начальной или последующей позиции в корне определялось в общиндоевропейском синтагматическими факторами сочетаемости его с другими элементами.

Некоторые факты рассмотренных выше чередований придыхательных фонем с непридыхательными в пределах одного и того же корня в древнеиндийском и греческом можно рассматривать как следы чередований общиндоевропейских придыхательных и непридыхательных аллофонов фонем серии II. При такой интерпретации процесса исторических чередований в индо-арийском и греческом стабильность распределения рефлексов аллофонов индоевропейских фонем серии II (начальный непридыхательный — последующий придыхательный) можно рассматривать как результат генерализации одной из чередующихся основ на всю парадигму.

Лат. *foveō* 'согреваю', 'забочусь' (из и.-е. [*d^heG-]), при др.-инд. *dāhati* 'жжет' (из и.-е. [*deG^h-]), см. выше, стр. 22;

Лат. *figō* 'леплю', 'придаю форму', *figūra* 'образ', 'фигура' (из и.-е. [*d^hi(-n-)G-]) при др.-инд. *dehī*, греч. τεῖχος 'стена' (из и.-е. [*dejG^h-]);

Лат. *habeō* 'держу', 'имею, владею' (из и.-е. [*G^hab-]), при др.-инд. *gābhastih* 'рука' (из и.-е. [*G^hab^h-]).

Особенно наглядно проявляется итальяйское распределение аллофонов фонем серии II "придыхательный" — "непридыхательный" (в отличие от последовательности "непридыхательный" — "придыхательный", характерной для арийского и греческого) в формах лат. *hordeum* 'ячмень' (диал. *fordeum*) из и.-е. *ǵ^hrd¹; ср. греч. гом. κῆρι, κῆριθῆ (мн. ч. κῆριθαι) 'ячмень', предполагающие архетип *ǵ^hrd^h- (с распределением аллофонов "непридыхательный" — "придыхательный"). При допущении в итальяйском праформы с двумя придыхательными, то есть *ǵ^hrd^h-, следовало бы ожидать в латинском других рефлексов, так как последовательность *-rd^h- дала бы здесь -rb-, то есть нечто вроде *horbeum. Характерно, что для объяснения в традиционной теории латинской формы приходилось допускать два фонетических варианта в исходной праформе — с конечным звонким придыхательным *d^h (для греческой формы) и чистым звонким *d (для латинской), ср. Pokorny 1959: 446.

Ниже, при описании трансформации индоевропейской системы смычных в итальяйском, рассматриваются конкретные данные итальяйских языков, которые можно истолковать как подтверждение предполагаемой выше интерпретации распределения аллофонов "придыхательный" — "непридыхательный" в итальяйском при допущении фонологических преобразований, отличных от тех, которые предполагаются в традиционных описаниях предыстории итальяйских диалектов.

В формах глагольной редупликации типа оск. *fefacit* 'fecerit', 'он сделал бы', в которых распределение рефлексов придыхательных и непридыхательных аллофонов на первый взгляд противоречит предлагаемой схеме, действует, уже на собственно итальяйской основе, морфологический принцип уподобления редуплицируемого согласного начальному согласному глагольной основы: ср. лат. *bibō* 'пью' при др.-инд. *pībati*, Mayrhofer 1963, II: 286—287; ст.-лат. *securrī* при позднейшем *sicurrī* 'я бежал' и т. п.

Таким образом, в индоевропейском восстанавливаются модели распределения звонких смычных фонем серии II в виде придыхательных и непридыхательных аллофонов в зависимости от занимаемой ими позиции в слове.

Представляется возможным реконструировать некоторые дублиеты таких форм, проявляющих чередование придыхательных и непридыхательных аллофонов типа [DED^h]/[D^hED], из которых первая форма ле-

¹ Диалектная форма *fordeum* выводима из *d^hrd- < *ǵ^hrd- по дентальной ассимиляции.

жит в основе форм греко-арийского ареала, вторая же, возможно, в основе форм италийского ареала и ареала других западных диалектов (германского¹).

Известный принцип дезаспирации, в классическом языкознании именуемый “законом Грассмана”, сводится таким образом к общеиндоевропейской закономерности комбинаторного распределения звонких фонем серии II в именных и глагольных основах. При таком толковании в принципе становится возможным единообразное объяснение с общеиндоевропейской точки зрения фонологических закономерностей, рассматривавшихся ранее разобщенно в отношении отдельных индоевропейских языков.

4.3. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИДЫХАТЕЛЬНЫХ АЛЛОФОНОВ ГЛУХИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ФОНЕМ В КОНТАКТНОЙ И ДИСТАНТНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ

Рефлексы постулируемых индоевропейских фонем звонкой и глухой серий дают возможность определить в некоторых случаях модели распределения их и в контактной последовательности и судить об их аллофонном поведении при непосредственном сочетании этих фонем.

Это проявляется в первую очередь при анализе германских форм, отражающих комплексы индоевропейских фонем серии III типа [*pt], [*kt], а также сочетания этих последних с предшествующей фрикативной фонемой /s-².

Аналогично звонким фонемам (фонемам серии II) индоевропейские глухие фонемы серии III проявлялись обычно в виде придыхательных аллофонов, то есть нейтральная форма проявления этих фонем, не зависящая от комбинаторных факторов, была аспирированной. Существовали, однако, такие позиции, в которых фонемы этой серии проявлялись в форме непридыхательных аллофонов, отразившихся в качестве таковых прежде всего в германских языках.

В частности, данные германских языков предполагают реконструкцию модели распределения этих фонем в контактной последовательности в виде [*p^ht], [*k^ht], с предыдущим придыхательным аллофоном и последующим непридыхательным, и в виде [*-sp-], [*-st-], [*-sk-], с непридыхательным аллофоном в позиции после фонемы *s:

[*p^ht]: др.-в.-нем. *nift* ‘племянница’ при лат. *neptis* ‘внучка’, др.-инд. *napī* ‘внучка’;

[*k^ht]: гот. *ahtau* ‘восемь’ при лат. *octō*, тох. А *okāt*, В *okt*, греч. *ὄκτω*; гот. *nahis* ‘ночь’ при лат. *nox*, род. п. *noctis*, лит. *naktis*, греч. *νύξ*, род. п. *νυκτός* ‘ночь’;

¹ В ряде рассмотренных выше синтагматических условий распределение D^hED может выступать и в индо-арийском, в чем и проявляется в принципе изначальная синтагматическая обусловленность того или иного типа распределения придыхательных аллофонов в корне, закрепившихся в дальнейшем по отдельным диалектным ареалам.

² Статус фрикативной фонемы /s/ в индоевропейской фонологической системе будет разобран ниже в связи с вопросом о структуре локальных рядов индоевропейских смычных.

[*sp]: др.-в.-нем. *spehōn* 'высматривать' при лат. *speciō* 'смотрю, гляжу';

[*st]: гот. *stairnō* 'звезда', др.-в.-нем. *sterno* при лат. *stēlla*, греч. *ἀστὴρ* 'звезда';

[*sk]: гот. *fisks* 'рыба' при лат. *piscis* 'рыба'.

Эти германские формы иллюстрируют с очевидностью поведение индоевропейских фонем серии III в сочетании друг с другом, при котором предшествующий придыхательный аллофон отражается закономерно в виде фрикативной фонемы (как и в общем, нейтральном, случае), а последующий непридыхательный аллофон сохраняется в виде чистой глухой смычной, как и в последовательности после *s-.

Любопытно, что аналогичное отражение фонем серии III наблюдается и в кельтских языках, где индоевропейские фонемы этой серии нормально отражаются как придыхательные [*pʰ], [*tʰ], [*kʰ] (с дальнейшей спондизацией и утерей [*pʰ]), что можно считать непосредственным продолжением фонетической природы придыхательных аллофонов индоевропейских фонем этой серии. Однако в комплексах представлены сочетания со вторым непридыхательным членом, что является отражением того же распределения аллофонов индоевропейских фонем серии III. Индоевропейские комплексы [*pʰt] и [*kʰt] представлены в кельтском соответственно в виде последовательностей *ft > xt и xt, с леницией предшествующей придыхательной фонемы и сохранением в виде чистого глухого смычного непридыхательного аллофона индоевропейской фонемы:

[*pʰt]: др.-ирл. *necht* 'племянница' при лат. *neptis*, др.-инд. *naptī*, др.-в.-нем. *nift* (ср. нем. *Nichte*); др.-ирл. *cacht* 'слуга' при лат. *captus* 'пленный', др.-в.-нем. *haft*; др.-ирл. *secht n-* 'семь' при лат. *septem*, греч. *ἑπτὰ* 'семь';

[*kʰt]: др.-ирл. *in-nocht* 'сегодня ночью' при лат. *nox*, род. п. *noctis*, гот. *nahts* 'ночь'; др.-ирл. *ocht n-* 'восемь' при лат. *octō*, гот. *ahtau*; др.-ирл. *recht* 'право' при лат. *rēctus*, гот. *raihts* 'правый';

[*st]: корн. *sterenn*, брет. *sterenn* 'звезда' при греч. *ἀστὴρ*, гот. *stairnō*;

[*sk]: др.-ирл. *scáth* 'тень' при греч. *σκότος* 'темнота', гот. *skadus* 'тень'.

Последовательность [*sp-] отражается в кельтском в начале слова как f-, что объясняется значительными преобразованиями, которые фонема /*p/ претерпела на собственно кельтской почве, перейдя в спондизацию f > x > θ, в отличие от /*t/ и /*k/.

Порядок расположения аллофонов фонем серии III в контактной последовательности, то есть "придыхательный" — "непридыхательный", совпадает с порядком расположения аллофонов фонем серии II в дистантной последовательности, наблюдаемым в италийском ареале индоевропейского языка.

Не исключено, что такой же порядок распределения был характерен для аллофонов фонем серий II и III и в дистантной последовательности в ареалах германских (и, возможно, кельтских) языков, хотя предполагаемые модели распределения аллофонов этих фонем в исторических языках довольно затемнены позднейшими фонологическими и морфонологическими

Три серии индоевропейских смычных

ческими изменениями, что не позволяет с уверенностью судить об отражении первоначальных структур в этих языках¹.

Дистантная последовательность двух фонем серии III в германском отражается обычно как последовательность с двумя придыхательными смычными, что собственно не соответствует предполагаемой по структурным соображениям модели распределения аллофонов фонем серии III (ср. их распределение в контактной последовательности, закономерно отраженное в германском как “придыхательный” — “непридыхательный”):

Гот. *hēþjō* ‘комната’ при авест. *kata-* ‘комната’, ц.-слав. *котьць* ‘камера’; ‘келья’;

Гот. *hvaþō* ‘пена’ при др.-инд. *kváthati* ‘варит пищу’;

Гот. *faihu* ‘имущество’ при лат. *pecus* ‘скот’, ‘деньги’, др.-инд. *paśú-* ‘скот’;

Гот. *-faps* в сложных словах: *hunda-faps* ‘сотник’, ‘начальник сотни’, *brūþ-faps* ‘жених’ при лат. *potis*, греч. *πόσις*, др.-инд. *pátih* ‘господни’, ‘супруг’;

Гот. *frapi* ‘смысл’, ‘понимание’ при лит. *prōtas* ‘разум’, тох. В *pratin* ‘решение’;

Гот. *þahan* ‘молчать’ при лат. *taceō* ‘молчу’.

В приведенных германских формах, отражающих дистантную последовательность индоевропейских фонем серии III, следовало бы допустить проявление обеих фонем в виде придыхательных аллофонов, что противоречит сформулированному выше общему правилу распределения в последовательности фонем серий II и III, предполагающему проявление лишь одной из них в виде придыхательного аллофона, другой же — в виде соответствующего непридыхательного. Однако наличие в германских языках ряда форм, которые как будто отражают последовательности с закономерным с такой точки зрения распределением аллофонов, то есть “придыхательный” — “непридыхательный”, может служить некоторым аргументом в пользу исконности отражения в германском предполагаемого закономерного распределения в последовательности индоевропейских аллофонов серии III, затемненного в дальнейшем аналогическими изменениями.

К таким германским формам, пережиточно отражающим древнее распределение индоевропейских смычных, можно отнести следующие слова общиндоевропейского происхождения:

Гот. *afhvapjan* ‘потушить’ из [**k^hцер-*], по значению и по составным частям точно соответствующее архаическому гомеровскому *ἀπὸ κάλυψ* в *ἀπὸ δὲ ψυχῆν ἐκάπισσεν* ‘она приглушила дыхание’ (Илиада, X, 467 — об Андромахе)², греч. *κάλυψ* ‘дым’, др.-инд. *kūpyati* ‘приходит в дви-

¹ Дистантная последовательность фонем серии II с распределением аллофонов придыхательный — непридыхательный, обратным их распределению в древнеиндийском и греческом, могла быть отражена в германском в некоторых формах, остающихся, однако, двусмысленными ввиду дальнейших преобразований звонких фонем в интервокальном положении в самом германском (ср., например, др.-сакс. *bodan*, др.-англ. *bodan* ‘почва’ от возможного [**b^hud-*] при лат. *fundus* ‘дно, почва’, про-*fundus* ‘глубокий’, греч. *βυθῆν* ‘дно, почва’, др.-инд. *budhna-* ‘дно, почва’).

² Характерно, что для данной германской формы, ввиду ее необъяснимости с традиционной точки зрения, при бесспорной семантической соотнесенности с греческой, в

жение, бешенство', лат. *sipiō* 'жажду, желаю', *uapor* 'дым, чад', др.-ирл. *accobor* 'желает', *ad-cobra* 'желает', лит. *kvāpas* 'дым, чад', ст.-слав. *kyrēti* 'кипеть';

Гот. *faiflōkun* 'они оплакивали', др.-англ. *flōcan*, др.-сакс. *flōcan*, др.-исл. *flóki*, ст.-слав. *plakati*, лит. *plakù, plàkti* 'плакать'¹;

Др.-исл. *flaka* 'зиять', *skip-flak* 'кораблекрушение' при лит. *plėšiu* 'рвать', *nuplėšti* 'срывать (одежду)', алб. *pëlcás, aor. plása* 'погибать'; 'лопаться';

Др.-англ. *gehopp* 'folliculus', *hoppe* 'капсула', сопоставляемое с др.-инд. *kūra-* 'дыра', лат. *cūra* 'бочка'; форма свидетельствует о сохранении в определенной группе германских диалектов непридыхательного аллофона индоевропейской фонемы /*p/ при спирализации начального придыхательного аллофона. Наличие в некоторых германских диалектах формы с фрикативной фонемой на месте */p/ (др.-исл. *húfr* 'корабельный кузов') свидетельствует, возможно, о колебаниях в собственно германском в передаче придыхательных и непридыхательных аллофонов индоевропейских фонем серии III. Такие случаи могут указывать на процесс фонетического выравнивания форм в германском по признаку аспирации.²

Следы древнего распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов индоевропейских фонем серии III в дистантной последовательности можно обнаружить и в тех индоевропейских диалектах, в которых довольно четко прослеживается аллофонное распределение фонем (звонкой) серии II.

В частности, в древнеиндийском, в котором отражена последовательность звонких аллофонов "непридыхательный"—"придыхательный" (см. выше, стр. 21 и след.), можно обнаружить пережитки соответственного распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов фонем (глухой) серии III. Характерно при этом, что порядок распределения аллофонов фонем серии III в древнеиндийском противоположен предполагаемому порядку их распределения в германском. Это соответствует намеченному выше противопоставлению по указанному критерию двух групп индоевропейских диалектов — индо-ирано-греческой в противовес итало-кельто-германской.

словаре Покорного предлагается ad hoc исключительно для германской формы праформа *kzab со звонким непридыхательным b (при *kzēr, *kzār для всех других форм), Pokorny 1959 : 596.

¹ И.-е. /*k/ восстанавливается на основе соответствия германских форм славянским и литовскому. О восстановлении альтернативной древней основы с *g см. Pokorny 1959: 832, хотя семантическая близость готской формы со славянской предполагает скорее глухую фонему /*k/ в индоевропейской праформе, ср. также греч. *πλήσσω* (*plākīō) 'бью' и ср.-ирл. *lép* (*plakpo-) 'рана', предполагающие наряду с лит. *plakù* исходную форму с глухой фонемой /*k/.

² В этом отношении представляют интерес формы интензива, в которых геминированный глухой смычный выступает с начальными спирантами, отражающими индоевропейский придыхательный аллофон: др.-швед. *brykkja*, др.-англ. *ðrussan* 'отпечатывать' при лит. *trúk-stu* 'ломать; лопаться', валл. *twch* 'отрезанный'; др.-исл. *horra*, сопоставляемое с ст.-слав. *kyrēti*. Такие формы могут отражать древнее закономерное распределение аллофонов индоевропейских глухих фонем в германском.

Фонемы серии III в индо-иранском отразились закономерно как **чистые** глухие смычные за исключением ряда комбинаторных случаев, **которые** будут рассмотрены детально ниже (в частности, в позиции после s^{-1} и перед “ларингальной” фонемой, где сохранялись придыхательные аллофоны этих фонем).

Определенная группа древнеиндийских форм может свидетельствовать о пережиточном сохранении такой модели распределения индоевропейских придыхательных и непридыхательных аллофонов фонем серии III:

Др.-инд. *śākhā* ‘ветка’, гот. *hōha* ‘плуг’, слав. *socha* ‘кол; соха’, лит. *šakà* ‘ветка’;

Др.-инд. *śāṅkhā-* ‘раковина’, ‘извилина’, греч. *κόγχη, κόγχος* ‘раковина’, мик. *ko-ki-re-ja* (= *χογχίλια* ‘украшенный раковинами’), из и.-е. [*Kop^ho-]. Характерно, что греческий, в котором (за исключением отдельных форм, разбираемых ниже), как правило, был утерян признак аспирации при рефлексах придыхательных аллофонов серии III, в данной форме пережиточно сохраняет аспирацию;

Др.-инд. *śaphā-* ‘копыто’, авест. *safa-* ‘копыто лошади’, др.-исл. *höfr*, др.-англ. *hōf*, др.-в.-нем. *huof* ‘копыто’, из и.-е. [*Kop^ho-];

Др.-инд. *śaphara-* ‘род карпа’ (‘*Cyprinus sophore*’), лит. *šāpalas* ‘род карпа’ (‘*Cyprinus dobula*’), из и.-е. [*Kop^helo-];

Др.-инд. *kvāthati* ‘варит пищу’; гот. *hwapō* ‘пена’, ст.-слав. *kvasū* ‘квас’.

Такой порядок распределения аллофонов глухих, совпадающий с порядком распределения аллофонов звонких, становится еще более вероятным при учете сохранившегося морфонологического чередования в редуцированных глагольных структурах типа *khyā-* ‘называть’, *перфект sakhyau*, в которых редуцированная фонема отражает старый непридыхательный вариант при придыхательной начальной фонеме глагольной основы. Эта модель редупликации в отношении распределения придыхательных и непридыхательных элементов полностью соответствует модели редупликации глагольных основ с начальной звонкой придыхательной фонемой, а также порядку распределения звонких аспирированных и неаспирированных в дистантной последовательности.

Следы аналогичного аллофонного распределения фонем серии III с непридыхательным—придыхательным вариантами в дистантной последовательности можно обнаружить и в древнеармянском. Об этом свидетельствуют такие древнеармянские формы, как:

Арм. *tarḗ* ‘любовь’, ‘желание’, *tarḗam* ‘желаю’, ‘стремлюсь’ (и.-е. *ter^h-/*trep^h-);

Арм. *kayt* ‘танец’, ‘радость’ (ср. др.-в.-нем. *heitar*, нем. *heiter* ‘весе-

¹ Характерно, что и в этом отношении древнеиндийский показывает картину, противоположную той, которая отражена в германском и кельтском. В индо-иранском диалектном ареале после фонемы $s-$ выступал, как правило, придыхательный аллофон глухой фонемы, который в дальнейшем был сохранен в индийском, тогда как в кельто-германском диалектном ареале, как было показано выше, после фрикативной $s-$ выступал неизменно непридыхательный аллофон глухих смычных фонем.

лый' (с обратным распределением в германском аллофонов глухих индоевропейских фонем);

Арм. *kor* 'удар', 'ковка', *korēl* 'ударить', 'ковать' (ср. греч. *κόπτω* 'ударяю, бью'), ср. *Djahukian 1969*.

4.4. КОНТАКТНАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ФОНЕМ И «ЗАКОН БАРТОЛОМЭ»

Аналогичный порядок распределения придыхательных и непридыхательных звонких фонем в древнеиндийском проявляется и в контактной последовательности, что, по всей видимости, отражает порядок распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов в контактной последовательности индоевропейских фонем серии II.

Типичный случай такой индоевропейской дистрибуции придыхательных аллофонов отражается в древнеиндийском, например, в таких формах как *bhuddbhis* 'пробуждениями, бодрствованиями' (*твор. пад. мн. ч.*), в которых две индоевропейские (придыхательные) фонемы серии II распределены в контактной последовательности с непридыхательным элементом в предшествующей позиции и с придыхательным в последующей, а это вызывает, в свою очередь, проявление начальной фонемы корня в виде придыхательного аллофона в соответствии с общим правилом манифестации в корне только одного придыхательного аллофона индоевропейских фонем серии II (см. выше¹). И эти фонетические закономерности объяснимы с точки зрения отражения в индо-иранском правил распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов звонкой серии смычных в контактной последовательности.

Имеется в виду, в частности, ассимилятивный процесс на стыке морфем с уподоблением последующего согласного предыдущему по признакам звонкости и придыхательности, известный под названием "закона Бартоломэ". При сочетании морфемы, оканчивающейся на фонему серии II, и морфемы, начинающейся на фонему серии III, на стыке морфем возникала последовательность фонем, которые должны были проявиться в греко-арийском ареале в порядке "непридыхательный" — "придыхательный" (в соответствии с моделями дистантной комбинации внутри морфем).

Индоевропейские глагольные морфемы типа [**beɥdʰ-*]: др.-инд. *bodh-*, греч. *λεῦθ-*, или [**leGʰ-*]: греч. *λέχ-ος* 'ложе', при присоединении морфемы причастия [**-tʰo-*] образовывали морфемные последовательности [**budʰ-*]+[**-tʰo-*] и [**leGʰ-*]+[**-tʰo-*], которые по правилам распределения аллофонов по придыхательности должны были дать в контактной последовательности на стыке морфем сочетания [**bud-tʰo-*] и [**leG-tʰo-*].

По общеиндоевропейскому принципу сочетания неглоттализированных смычных, гомогенных по признаку звонкости ~ глухости [ср. несоче-

¹ Интересно отметить, что правило проявления придыхательных аллофонов фонем серии II в морфемной последовательности осуществляется в направлении справа налево, то есть порядок правил определяется последовательностью "операций", начиная с крайнего правого элемента.

таемость в корне фонем серий II и III, Правило (4)], следовало ожидать ассимиляции таких сочетаний в сторону звонкости (или в сторону глухости).

В индо-иранском происходит ассимилятивное озвончение рефлекса глухого придыхательного аллофона, в соответствии с чем возникает фонемная последовательность **budd^h-* (др.-инд. *buddhá-* 'пробужденный'), тогда как в греческом ареале, характеризующемся при том оглушением серии II индоевропейских фонем, осуществляется ассимиляция по глухости, в результате чего возникает фонемная последовательность **put-to-s*, с дезаспирацией придыхательных аллофонов фонем серии III, давшей затем греческое *-πυτος*, с диссимиляцией *tt > στ* (греч. *ἄ-πυτος* 'незнающий', ср. *πύστις* 'вопрос', 'исследование' при др.-инд. *buddhi-* 'дух', *Mayrhofer 1963, II: 449—450*).

Аналогично этому объясняется греческая форма *λέχ-τρον* 'ложе' (= др.-в.-нем. *leh-tar*), в которой происходит оглушение непридыхательного [g] в последовательности **leg-t^h-*, с последующей характерной для греческого дезаспирацией придыхательного аллофона глухой смычной: *lek-t^h-*.

В этот же ряд становятся италийские формы типа лат. *lectus* 'ложе' из [**leg-t^hos*], *fictus* 'слепленный', 'оформленный', ср. *fiŋgō* 'леплю' из [**fig-t^hos*], *uectus* 'принесенный' из [**ueg-t^hos*], с древним непридыхательным аллофоном звонкой смычной в позиции перед придыхательным аллофоном глухой смычной, который дезаспирируется в италийском и оглушает предшествующую звонкую смычную².

Таким образом, все рассмотренные выше процессы следует истолковывать единообразно как проявление общеиндоевропейской закономерности распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов смычных серий II и III с последующей ассимиляцией вследствие принципа гомогенности сочетающихся в контактной последовательности фонем по признакам звонкости или глухости.

С этой точки зрения ассимилятивные изменения в древнеиндийском, описываемые "законом Бартоломэ"³, и рассмотренные выше соотношения

¹ В греческих формах типа *δέχ-το* (< **deχ-*) предполагается действие собственно греческого закона ассимиляции аспираты последующей глухой смычной (*Kurylowicz 1973b: 70*).

² Аналогичные фонологические явления на стыке морфем наблюдаются при сочетании в общеиндоевропейском фонем (глоттализованной) серии I с фонемами (глухой) серии III. Индийские формы типа др.-инд. *vittá-* 'известный', *sattá-* 'сидевший', *átti* 'он ест' при др.-инд. *ved-*, *sad-*, *ad-* в других формах от тех же корней объяснимы как формы, сохранившие последовательность незвонких фонем, то есть индоевропейскую последовательность глоттализованная + глухая (придыхательная): [**uei^hl'-i^hlo-*], [**sel'-i^hlo-*], [**el'-i^hlo-*], ср. др.-инд. *sákthi-* 'бедро' из [*sk^hlak'-thi*], ср. греч. *οἰκάζω* 'хромаю'. Из этих же исходных форм объяснимо и развитие в *-st-* в греческом и других индоевропейских диалектах. Эти вопросы будут рассмотрены ниже в связи с разбором развития смычных фонем серии I в отдельных индоевропейских диалектах.

³ "Закон Бартоломэ" включает также и факты развития индоевропейских палатальных, которые исследуются ниже в связи с определением полной системы локальных рядов в индоевропейском.

3 Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов

в греческом и латинском могут быть подведены под общий принцип фонологических закономерностей индоевропейского языка.

Существенным отличием в аллофонном распределении фонем одной и той же серии — II или III — от распределения в контактной последовательности фонем серий II и III, засвидетельствованной лишь на стыках морфем [поскольку в пределах корня такая последовательность исключается, см. выше, *Правило (4)*], является ограниченность правил аллофонного распределения фонем этих серий обособленно в пределах данной контактной последовательности. Если при сочетании в последовательности фонем одной и той же серии в формах типа др.-инд. *bhuddhis* распределение придыхательных и непридыхательных аллофонов определяется как бы действием правил, считываемых справа налево в пределах всей словоформы (придыхательность первого справа элемента определяет непридыхательность предшествующего элемента, что, в свою очередь, определяет придыхательность следующего левого элемента и так до начала словоформы), то при сочетании фонем серий II и III на стыке морфем в контактной последовательности аллофонное взаимодействие прерывается после второго справа элемента, то есть учитывается лишь аллофонное распределение элементов, непосредственно участвующих в контактной последовательности¹: $[*b^h ud^h-] + [*-t^h o-] \rightarrow [*bud^h-] + [*t^h o-] \rightarrow [*bud-t^h o-]$; эта последняя праформа лежит в основе как др.-инд. *buddhá-* (в результате прогрессивной ассимиляции по звонкости) и родственных форм, описываемых традиционно “законом Бартоломэ”, так и греч. $\xi\text{-}\lambda\upsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$ и родственных форм, с отсутствием придыхательности начальной смычной.

Легко видеть, что такая интерпретация “закона Бартоломэ” дает фонологически более естественное и простое объяснение происхождения сочетания звонкий + звонкий придыхательный в индо-иранском по сравнению с традиционной теорией. В такой интерпретации “закон Бартоломэ” сводится к ассимилятивному изменению исходного сочетания [звонкий + глухой придыхательный] на один дифференциальный признак по правилу:

$$\left[\begin{array}{l} + \text{аспир} \\ - \text{звонк} \end{array} \right] \rightarrow \left[\begin{array}{l} + \text{аспир} \\ + \text{звонк} \end{array} \right] \mid \left[\begin{array}{l} - \text{аспир} \\ + \text{звонк} \end{array} \right]$$

В традиционной теории процесс, описываемый “законом Бартоломэ”, предполагает изменение сочетания [звонкий придыхательный + глухой (непридыхательный)] на два дистинктивных признака с

¹ Такое ограничение правил аллофонного распределения смычных определяется, вероятно, характером участвующих в контактной последовательности фонем. Гетерогенные по признаку звонкости ~ глухости фонемы в контактной последовательности нарушают характерную для индоевропейской словоформы гармонию консонантных фонем по звонкости ~ глухости и тем самым разрушают целостность словоформы, ограничивая действие фонологических правил определенными отрезками. Такая дисгармония устраняется лишь в исторический период в отдельных диалектах в результате ассимиляции по звонкости или глухости.

ассимилятивным озвончением и переносом придыхательности на последующую согласную по *Правилу (а)*:

$$(a) \quad \begin{bmatrix} + \text{аспир} \\ + \text{звонк} \end{bmatrix} \begin{bmatrix} - \text{аспир} \\ - \text{звонк} \end{bmatrix} \rightarrow \begin{bmatrix} - \text{аспир} \\ + \text{звонк} \end{bmatrix} \begin{bmatrix} + \text{аспир} \\ + \text{звонк} \end{bmatrix}$$

Характерно при этом, что в древнеиндийском по традиционной теории наблюдается противоположная направленность ассимиляции по звонкости ~ глухости в формах типа *átti* 'он ест', из *ad-ti, то есть *Правило (b)*:

$$(b) \quad [+ \text{звонк}] [- \text{звонк}] \rightarrow [- \text{звонк}] [- \text{звонк}],$$

находящиеся в явном противоречии с *Правилом (а)*.

5. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ ПОСТУЛИРОВАННОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ТРАЕКТОРИИ ФОНЕМНЫХ ПЕРЕХОДОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

5.1. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ ГЕРМАНСКОЙ СИСТЕМЫ И «ЗАКОН ГРИММА»

В какой мере предлагаемая система трех серий смычных соответствует принципу диахронической выводимости, то есть возможно ли естественным путем, при допущении определенных типологически верифицируемых преобразований этих серий, из данной системы вывести системы исторически засвидетельствованных индоевропейских языков? Представляется, что предлагаемая здесь система трех серий смычных при ее полном соответствии синхронной типологии обладает свойством диахронической выводимости не в меньшей степени, чем традиционно известная система индоевропейских смычных.

Постулируемая система индоевропейских смычных лучше всего сохранилась в германском, армянском и, вероятно, анатолийском (хетто-лувийском). Для того, чтобы постулируемая в таком виде индоевропейская система смычных из трех серий трансформировалась в системы указанных языков, в этих последних следует допустить лишь незначительные фонетические преобразования.

В частности, в германской системе первая серия глоттализированных смычных отразилась как незвонкая, которая в прагерманском, возможно, характеризовалась глоттальной артикуляцией¹:

¹ Следы такой глоттальной артикуляции фонем серии I в германском можно было бы видеть в некоторых просодических признаках, отразившихся в позднейших германских языках. Одним из возможных источников ларингальной (смычно-гортанной) артикуляции слогового сегмента типа датского *stød*, западнонорвежского "толчка" и подобных явлений в западногерманских диалектах в словах типа исл. [va'tn] 'вода' (Кацнельсон 1966; Либерман 1971: 137—139) можно было бы считать перенос признака глоттализации на весь слог с превращением этого признака в суперсегментный: и.-е. **uot'-or/n-* → **uɑ't-n-*. Превращение определенного сегментного признака фонемы в суперсегментный является широко распро-

И.-е. *t': др.-исл. *tívar* 'боги', *Týr* 'бог войны', др.-англ. *Tīg* при др.-инд. *devá-*, лат. *deus* 'бог', греч. *Ζεύς* (род. п. *Διός*): и.-е. *t'eǵ-, *t'ieǵ- (=**dǵeǵ-)¹; гот. (*ga-*)*teihan* 'показывать', 'объяснять', др.-исл. *téa*, *tjá* 'показывать', др.-англ. *tēon* 'обвинять', 'выступить против' при др.-инд. *diśáti* 'показывает', лат. *dīcō* 'говорю', греч. *δείκνυμι* 'показываю': и.-е. *t'eǵk^[h]- (=**deǵk-); гот. *itan* 'есть', др.-исл. *eta*, др.-англ. *etan*, др.-в.-нем. *ezzan* при лат. *edō*, греч. *ἔδομαι*, др.-инд. *ádanam* 'пища': и.-е. *et'- (=**ed-); гот. *satjan* 'сидеть', др.-исл. *sit*, др.-сакс. *sittiu* при др.-инд. *ásadat*, греч. *ἔζομαι*, лат. *sedeō*: и.-е. *set'- (=**sed-);

И.-е. *K': гот. *kunnan* 'знать', др.-исл. *kanna*, др.-в.-нем. *kunnan* при греч. *γινώσκω* 'знаю': и.-е. *K'en- (=**ǵen-); гот. *kniū* 'колени' при др.-инд. *jānu*, греч. *γόνυ*: и.-е. *K'enu- (=**ǵenu-); гот. *qiman* 'приходить' при др.-инд. *gámati* 'идет', греч. *βαίω* 'иду': и.-е. *K'em- (=**ǵem-); гот. *ik* 'я', др.-исл. *ek* при лат. *egō*, греч. *ἐγώ* 'я' (местоим. 1-го л.): и.-е. *eK'- (=**eǵ-); гот. *akrs* 'поле', лат. *ager*, греч. *ἀγρός* 'полевой', 'дикий': и.-е. *aK'r- (=**aǵr-).

Лабильный член первой серии — глоттализованное /r'/ — в индоевропейском, по-видимому, отсутствовал. Можно привести лишь один-два примера с предполагаемой лабиальной фонемой первой серии в начальной позиции в индоевропейских формах, имеющих ареальное распространение (см. выше, стр. 6 и след.).

Вторая звонкая серия индоевропейских смычных с придыхательными и непридыхательными аллофонами претерпевает спирализацию и переход в соответствующие звонкие спиранты, которые в зависимости от позиции в слове отражались позднее как звонкие смычные (в начале слова) и звонкие фрикативные (в середине слова). Подобной спирализации фонем серии II, по-видимому, содействовал сопутствовавший этим фонемам в индоевропейском признак придыхательности; именно придыхательные звуки имеют тенденцию к спирализации.

Предполагается, что в начале слова проявлялась звонкая смычная, а в середине — звонкая фрикативная (Прокош 1954: 69). Не исключено, что такое распределение смычных и спирантов в рефлексах фонем серии

страненным явлением в разных языках (Fischer-Jørgensen 1968; Елизаренкова 1974: 222—230; Нутап 1973; Иванов 1975а).

Хорошей типологической параллелью такого развития признака глоттализации с превращением его в суперсегментный признак может служить пример глоттальной диссимилиации в лаху, одном из языков тибетско-бирманской группы. В лаху в определенных фонетических условиях происходит утеря глоттализации с превращением ее в признак высокого тона, вызвавшим преобразование первоначальной тоновой системы языка (см. Matisoff 1970).

¹ Для ясности здесь и далее под двумя звездочками даются традиционные реконструкции в сопоставлении с предлагаемыми нами (под одной звездочкой).

II отражает древний порядок распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов фонем серии II в индоевропейском¹:

И.-е. *b^hl-: гот. *baíran* 'нести, носить', др.-исл. *bera*, др.-англ., др.-в.-нем. *beran* при др.-инд. *bhárati*, греч. φέρω, лат. *ferō* 'несу': и.-е. *b^hler-; гот. *brōþar* 'брат', др.-исл. *bróðir*, др.-в.-нем. *bruoder* при др.-инд. *bhrātár-*, греч. φράτηρ: и.-е. *b^hlrat^hler-; гот. *giban* 'давать', др.-исл. *gefa*, др.-англ. *giefan*, др.-в.-нем. *geban* при др.-инд. *gábhastih* 'рука', лат. *habeō* 'держу', 'имею': и.-е. *G^hlab^hl-;

И.-е. *d^hl-: гот. *daigs* 'тесто', др.-исл. *deig*, др.-англ. *dāg*, др.-в.-нем. *teig* 'тесто' при др.-инд. *dehí* 'стена', греч. τεῖχος 'стена', лат. *pingō* 'леплю': и.-е. *d^hle/ojG^hl-; гот. *daúr* 'ворота', др.-англ. *dor*, др.-в.-нем. *tor* при греч. θύρα 'дверь', лат. *forēs* 'ворота': и.-е. *d^huer-/*d^hur-; гот. *waúrd* 'слово', др.-в.-нем. *wort* при лат. *uerbum* 'слово': и.-е. *uerd^hl-/*uord^hl-; гот. *baídjan* 'заставлять', 'принуждать', др.-исл. *beiða*, др.-англ. *bædan*, др.-в.-нем. *beitten* при греч. πείθομαι 'убеждаю', лат. *fīdō* 'верю': и.-е. *b^hleid^hl-;

И.-е. *G^hl-: гот. *giban* 'давать' (см. выше); др.-в.-нем. *gān* 'идти', др.-англ., др.-сакс. *gān*, др.-шведск. *gā*, крым. гот. *geen* при др.-инд. *jāhāti* 'оставляет', греч. κηῦνω 'нахожу', 'настигаю': и.-е. *G^hlē-; гот. *gards* 'дом', др.-исл. *garðr* 'двор', др.-сакс. *gard*, др.-англ. *geard* при др.-инд. *grhá-* 'дом': и.-е. *G^hlerd^hl-; гот. *daigs* 'тесто': и.-е. *d^hle/ojG^hl-, см. выше.

Отражение индоевропейских фонем серии III в германском аналогично отражению фонем серии II. Придыхательные аллофоны индоевропейских глухих отражаются в германском как глухие спиранты, тогда как комбинаторно обусловленные непридыхательные аллофоны представлены в германском соответственно в виде непридыхательных рефлексов (в позиции после s⁻² и после глухой смычной, см. выше). В этом отношении преобразование фонем серии III в германском полностью соответствует преобразованию фонем серии II, в чем и проявляется параллелизм в развитии фонетически близко стоящих друг к другу серий индоевропейских смычных:

¹ Однако трудность такого предположения заключается в том, что контактная последовательность индоевропейских фонем серии III отражается в германском в виде обратного порядка: придыхательный — непридыхательный. В этом обнаружилось бы несоответствие между порядком распределения аллофонов в контактной и дистантной последовательности фонем. Вопрос этот требует дополнительного исследования и не может считаться в настоящее время окончательно решенным.

² Ср. типологически современный английский, в котором глухие смычные в начальной и интервокальной позициях характеризуются фонетически придыханием, в то время как в позиции после s придыхание отсутствует, ср. пары типа *take*. [thejkh]: *stake* [stejkh], Bloomfield 1933: 99; Hockett 1958: 63; Глисон 1959: 57.

И.-е. *p^[h]l: гот. *ƒadar* 'отец', др.-исл. *ƒaðir*, др.-сакс. *ƒadar*, др.-в.-нем. *ƒater* при др.-инд. *pitár-*, греч. *πατήρ*: и.-е. *p^[h]l̥t^[h]l̥er; гот. *ƒōtus* 'нога', др.-исл. *ƒótr*, др.-англ. *ƒōt*, др.-в.-нем. *ƒuoz* при др.-инд. *pad-*, греч. *πούς*, *род. п. ποδός*, лат. *pēs*, *род. п. pedis*: и.-е. *p^[h]l̥ēt'-, *p^[h]l̥ōt'- (=**pēd-/**pōd-); гот. *ufar* 'над', др.-исл. *yfir* при др.-инд. *upári*, греч. *ὑπέρ*: и.-е. *up^[h]ler;

И.-е. *t^[h]l: гот. *þiuda* 'народ', др.-в.-нем. *diot* при др.-ирл. *túath*, оск. *touto*, ст.-лит. *tautà*: и.-е. *t^[h]leu^[h]t^[h]l-; гот. *uf-þanjan* 'простираться', др.-исл. *þenja*, др.-англ. *þenian*, *þennan* при др.-инд. *tanóti*, греч. *τάνυται* 'растягивается', лат. *tendō* 'тяну': и.-е. *t^[h]len-; гот. *brōþar* 'брат': и.-е. *b^[h]l̥rāt^[h]ler-, см. выше, стр. 37;

И.-е. *K^[h]l: гот. *hliuma* 'слух', *мн. ч. 'уши'*, др.-исл. *hljóð* 'тишина'; 'звук', др.-англ. *hlēoðor*, др.-в.-нем. *hliodar* 'звук' при греч. *κλέ(F)ω* 'славлю', др.-инд. *śṛṇóti* 'он слышит': и.-е. *K^[h]leu-; гот. *hairtō* 'сердце', др.-исл. *hjarta*, др.-англ. *heorte*, др.-в.-нем. *herza* при лат. *cor*, *род. п. cordis*, греч. *κῆρ*, *καρδία*: и.-е. *K^[h]ler-; гот. *taihun* 'десять' при лат. *decem*, греч. *δέκα*: и.-е. *t'eK^[h]l̥m (=**dek̥m).

В формах, отражающих фонему серии III перед ударной гласной (после безударной), происходит озвончение фрикативной по "закону Вернера" типа гот. *ƒadar*, др.-исл. *ƒaðir*, где звонкая фрикативная *ð* возникает в результате озвончения глухой фрикативной *θ*, закономерно отражающей индоевропейское *t^h. Следовательно, в этой позиции фонемы серии III совпадают с рефлексами фонем серии II (*Kuryłowicz 1973b: 69*), в чем также можно видеть след их былой фонетической близости.

В результате описанных выше преобразований исходной индоевропейской системы в германском происходит некоторая перестройка древних фонологических соотношений между тремя сериями смычных. Аллофонные чередования, выражавшиеся в индоевропейском в различении придыхательных и непридыхательных вариантов фонем серии II, преобразовываются в различение звонких смычных и звонких спирализированных в качестве вариантов единой звонкой фонемы. Аллофонное различение по признаку *придыхательный ~ непридыхательный* преобразуется в германском в различение по признаку *прерывный ~ непрерывный*.

Аналогичный процесс спирализации придыхательных аллофонов глухих индоевропейских фонем в германском, фонетически сходный с преобразованиями, происшедшими в фонемах серии II, вызвал более глубокие фонологические преобразования по сравнению с исходной системой.

В результате спирализации фонем серии III в германском сформировалась особая фонемная серия (глухих) фрикативных фонем /f/, /θ/, /x/, противостоящая глухим смычным (рефлексам фонем серии I) по признаку *прерывности ~ непрерывности* (см. *Табл. 6* и правила преобразования наборов дифференциальных признаков). С рефлексами серии I совпали также в германском непридыхательные варианты индоевропейских фонем серии III.

Озвончение фонетически глухих придыхательных фонем в предупредительной позиции в раннегерманском по "закону Вернера"¹ вызывает совпадение исконных (глухих) фрикативных f, θ, x, x^w со спонтированными вариантами звонких фонем, которые совместно с b, d, g объединяются соответственно в единые фонемы $b/\beta, d/\delta, g/\gamma, g^w/\gamma^w$ ².

Таким образом, индоевропейские рефлексы трех исходных серий смычных претерпевают в германском перегруппировку, приведшую к перестройке всей германской фонологической системы (см. Табл. 6):

ТАБЛИЦА 6

ВЫВОД ГЕРМАНСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗ ИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ

I	II	III		I	II	III
(p ^h)	b[h]	p[h]	⇒	(p)	b/β	f
t'	d[h]	t[h]		t	d/δ	θ
k'	g[h]	k[h]		k	g/γ	h
				k ^w	g ^w /γ ^w	h ^w

В терминах преобразования наборов дифференциальных признаков, характеризующих отдельные серии, а не конкретные фонемы этих серий (т. е. наборов, полученных при элиминации признаков, дающих отождествление отдельных фонем), эти трансформации по сериям могут быть представлены следующими правилами переписывания (6):

- a. $\left\{ \begin{array}{l} [+ \text{глоттал}] \\ (- \text{звонк}) \end{array} \right\} \Rightarrow \left[\begin{array}{l} - \text{глоттал} \\ - \text{звонк} \end{array} \right] \mid \left[\begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \end{array} \right]$
- b. $\left\{ \begin{array}{l} [+ \text{смычн}] \\ [+ \text{аспир}] \end{array} \right\} \Rightarrow \left[\begin{array}{l} \pm \text{смычн} \\ - \text{аспир} \end{array} \right] \mid \left[\begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{звонк} \end{array} \right]$
- c. $[+ \text{смычн}] \Rightarrow [- \text{смычн}] \mid \left\{ \begin{array}{l} [- \text{слогов}] \\ [- \text{звонк}] \\ [+ \text{аспир}] \end{array} \right\}$

¹ Обращает на себя внимание то, что "закон Вернера" действует только в отношении глухих фрикативных, превращая их в звонкие. Действие этого закона не распространяется на германские глухие смычные, что не вполне понятно с типологической точки зрения. Вероятное объяснение этому следует искать в характере возникших в германском фонемных серий. Для германских глухих смычных, отражающих серию I индоевропейских фонем, признак глухости~звонкости, которым они противопоставлялись фонемам серии II, был фонологически релевантным, тогда как фрикативные фонемы серии III не противопоставлялись особой серии фрикативных по признаку звонкости. Озвончение фрикативных фонем этой серии в германском под влиянием последующего ударения носило первоначально, по всей видимости, чисто фонетический характер и лишь в дальнейшем привело к особому фонологическому перераспределению аллофонов. О "законе Вернера" в германском в свете предлагаемой нами теории индоевропейского консонантизма см. также Normier 1977.

² Возникает фонологическая система, типологически сходная с современной индоевропейской.

Предполагаемые здесь для германской языковой системы фонологические трансформации исходной индоевропейской системы, приведшие к образованию и оформлению фонологических систем исторических германских языков, существенно отличаются от тех процессов, которые принимались в классической индоевропейской грамматике для объяснения становления германского консонантизма и формулировались как “закон Гримма”¹ в части, касающейся первого, общегерманского “передвижения согласных” (*die erste Lautverschiebung*).

В традиционной теории передвижения индоевропейских согласных в германских языках хронологию такого передвижения пытались устанавливать на основании фактов передачи слов из германских языков, заимствованных в прибалтийско-финском, а также на основании написания германских имен собственных у античных авторов и передачи в германских языках слов, заимствованных из других языков (*Прокош 1954 : 44*). Привлекаются к анализу такие готские заимствования, как *Krēks* ‘грек’ (лат. *Graecus*), *paida* ‘сюртук’, ‘рубаха’ (ср. греч. βαίτη ‘одежда из шкур’) и др.

Однако из анализа такого заимствованного иноязычного материала не может быть сделано однозначное заключение относительно тех или иных фонологических преобразований в языке, так как окончательные выводы зависят всецело от принимаемой концепции диахронического развития данной конкретной фонологической системы. При этом закономерности, наблюдаемые в фонетических изменениях заимствованных слов, могут быть истолкованы как адаптация их фонологической системе заимствующего языка. В частности, оглушение греческого и латинского звонких в отмеченных выше формах в готском явилось, очевидно, результатом преобразования этих слов и приспособления их к германскому консонантизму, где звонкие взрывные, восходящие к индоевропейским фонемам серии II, чередовались с соответствующими спирантами в пределах единой фонемы и отличались фонетически, вероятно, низкой степенью звонкости. Этим и следует объяснить оглушение иноязычных звонких в германских языках, в частности готском (ср. *Гухман арид Прокош 1954 : 353; Normier 1977 : 187*).

Основные изменения, происшедшие в германской системе смычных, ограничиваются по существу фонетическим процессом спирантизации аллофонов фонем серий II и III. Хотя этот фонетический процесс и привел к фонологической перестройке германской системы смычных по сравнению с общеиндоевропейской, о каком-либо “передвижении” исходных фонологических серий в германском говорить не приходится. Германская фонологическая система сохраняет исходные фонологические черты первоначальной индоевропейской системы в отношении признаков глухости~звон-

¹ По “закону Гримма” первое, общегерманское передвижение согласных выразилось в следующих фонемных переходах:

и.-е.	b	d	g	→ герм.	p	t	k
	b ^h	d ^h	g ^h		b	d	g
	p	t	k		p ^h	t ^h	k ^h → f θ x (h)

(*Прокош 1954; Fourquet 1948; Abrahams 1949*).

кости и аспирации. Германская фонологическая система характеризуется скорее архаичностью¹ и близостью к древним фонологическим соотношениям серий по признакам звонкости ~ глухости и аспирации.

5.2. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ АРМЯНСКОЙ СИСТЕМЫ

Другой, возможно еще более архаичной, системой среди индоевропейских, близкой к общеиндоевропейской по фонологическому соотношению серий, является система армянского консонантизма.

Глоттализованная серия I индоевропейских смычных отразилась в армянском как серия незвонких смычных, которые в ряде современных армянских диалектов выступают как глоттализованные. Существует предположение, согласно которому и в древнеармянском языке эта серия смычных была глоттализованной (Solta 1963). Если верно это предположение², то серию армянских глоттализованных следует считать непосредственным продолжением серии I индоевропейских глоттализованных смычных (см. также Kortlandt 1978: 13 и след.; Hagège/Haudricourt 1978: 123—125).

Однако фонологический статус признака глоттализации в древнеармянском существенно меняется по сравнению с индоевропейской системой. Если глоттализация в серии I индоевропейских фонем является фонологически существенным признаком, противопоставляющим эту серию глухой (придыхательной) серии III, то в армянском, где возникает фонологически релевантная серия глухих придыхательных, признак глоттализации при фонемах серии I становится фонологически нерелевантным (избыточным). Этим и следует объяснить в ряде армянских диалектов (как и, возможно, в габаре) утрату признака глоттализации:

И.-е. *t': арм. *tun* 'дом', твор. н. *tamb*, род.-дам. н. *tan* при др.-инд. *dam-* (в *dām-patiḥ* 'хозяин дома'), *dāmaḥ*, греч. *δῶμος*, лат. *domus*, ст.-слав. *domŭ*: из и.-е. *t'om- (=**dom-); арм. *tam* 'даю', *tamê* (1 л. мн. ч.), аорист *etu* при др.-инд. *ádām* (аорист от *dádāmi*), греч. *δίδωμι*, аорист *ἔδωκα*, лат. *dō*, *dāre*, ст.-слав. *damŭ* 'дам': из и.-е. *t'ō- (=**dō-); арм. *item* 'ем' при гот. *itan*, лат. *edō*: и.-е. *et'/*ot' (=**e/od-);

¹ Ср. сделанные ранее на основании других фактов выводы о консерватизме германской фонологии (Lehmann 1952).

² Частотные соотношения между глухими смычными и глухими придыхательными свидетельствуют как будто против допущения глоттализованного характера глухих смычных в классическом армянском: глухие смычные преобладают над глухими придыхательными (Меликишвили И. 1972). Но даже и в этом случае вряд ли можно заключения, полученные на основании анализа определенных текстов, распространять на весь древнеармянский язык, который едва ли был однородным и, по-видимому, мог включать разные диалекты; в частности, некоторые современные диалекты армянского языка с глоттализованными согласными могут считаться в этом смысле продолжением этих армянских диалектов.

С другой стороны, следы признака глоттализации индоевропейских фонем серии I можно было бы усмотреть в армянском также в глоттализованности армянской аффрикаты [s'], представляющей собой ассимилированный рефлекс индоевропейской глоттализованной заднеязычной фонемы: ср. и.-е. *K'en-: арм. *сіп* 'род', 'рождение'; и.-е. *K'er-: арм. *սեց* 'старый, старец' (см. об этом подробнее — ниже).

И.-е. *К': арм. *kin* 'женщина', 'жена', гот. *qinō*, др.-инд. *gnā*, греч. *γυνή*, ст.-слав. *žena*: и.-е. *K'en-ā (=****g^hen-ā**); арм. *karkut* 'град' (по Мейе — из редупликации) при лат. *grandō*, ст.-слав. *gradŭ* 'град'.

Еще более несомненным представляется архаизм армянского в отношении серии II индоевропейских смычных — звонких (придыхательных). Согласно традиционной точке зрения, индоевропейские звонкие придыхательные отразились в армянском в виде чистых звонких (*Meillet 1936*, но ср. иную интерпретацию армянских звонких в качестве рефлексов звонких придыхательных, намеченную еще в работе *Meillet 1922: 13*). Обнаружение в ряде современных армянских диалектов звонких придыхательных звуков, соответствующих в определенных случаях индоевропейским фонемам серии II, ставит по-новому вопрос о возможном отражении в армянском индоевропейских звонких придыхательных (*Гарибян 1959*; ср. *Джаукян 1960*; *Фурке 1959*; *Леман 1961*; *Пизани 1961*; *Заброцкий 1961*; *Макаев 1961*; *Иванов 1959*).

Дистрибутивный анализ звонких придыхательных звуков в армянских диалектах дает основание считать звонкие придыхательные и чистые звонкие аллофонами единой фонемы, которую можно охарактеризовать как звонкую фонему с придыханием в качестве фонологически нерелевантного признака (ср. *Allen 1951: 199—204*). Звонкие придыхательные выступают в этих диалектах исключительно в начале слова, тогда как в начальной позиции выступает соответствующий непридыхательный звук.

Примечательно, что Бенвенист (*Benveniste 1959*; *Бенвенист 1961*) и Фогт (*Vogt 1958*; *Фогт 1961*, ср. также *Vogt 1938: 327 и след.*) независимо друг от друга приходят к выводу о наличии в древнеармянском звонких придыхательных, соответствующих индоевропейским (ср. предвосхищение этого вывода в ранних работах Педерсена, *Pedersen 1904: 336—337; 1921: 45 и след.*). Предполагается, что графемы *b*, *d*, *g* в грабаре передают звонкие придыхательные звуки, соответственно [*b^h*], [*d^h*], [*g^h*].

Приемлемая в общем интерпретация армянских *b*, *d*, *g*, предлагаемая Бенвенистом и Фогтом, может быть уточнена в том смысле, что не во всех допустимых позициях *b*, *d*, *g* отражают звонкий придыхательный звук. Судя по данным современных армянских диалектов, можно предположить, что за этими графическими символами в грабаре скрываются как придыхательные [*b^h*], [*d^h*], [*g^h*], так и соответствующие непридыхательные в зависимости от распределения этих звуков в слове. Придыхательные [*b^h*], [*d^h*], [*g^h*] и соответствующие непридыхательные были, как и в современных армянских диалектах, аллофонами единых фонем, определяемых, по всей видимости, как звонкие смычные с аспирацией в качестве фонологически нерелевантного признака (ср. также *Джаукян 1967 b: 52*).

Трудно установить дистрибуцию этих фонем в грабаре, поскольку различия аллофонов не отражены на письме, но, тем не менее, на основании дистрибуции аналогичных аллофонов в современных армянских диа-

лектах можно составить приблизительные модели их распределения в древнеармянском.

Исходя из данных некоторых современных диалектов, можно предположить, что фонемы эти проявлялись в начале слова в виде придыхательных аллофонов, не в начальной позиции — в виде непридыхательных¹. Такая модель распределения аллофонов индоевропейских звонких смычных должна была быть характерна для того ареала индоевропейских диалектов, в который включался и древнеармянский.

Таким образом, можно считать, что древнеармянский язык и ряд современных диалектов сохранили почти без изменений аллофонические различия и вероятные модели дистрибуции звонких фонем серии II:

И.-е. *b^hl^h: др.-арм. *berem* [b^herem] 'несу' при гот. *baíran*, др.-инд. *bhárāmi*, лат. *ferō*, греч. φέρω: из и.-е. [*b^her-]; др.-арм. *-berj* [b^herǰ] 'высота', *barjr* [b^harǰ] 'высокий' при др.-инд. *bṛhánt-* 'высокий', ст.-лат. *fortis* 'сильный', гот. *baírgahei* 'гористая местность': из и.-е. *b^hl^her-G^hl^h-;

И.-е. *d^hl^h: арм. *duín*, мн. ч. *dur-k̄* [d^hur-k^h] 'дверь' при гот. *daúr*, греч. θύρα, лат. *forēs*: из и.-е. [*d^hur-]; арм. *dizanem* [d^hizanem] 'сваливаю в кучу' при лат. *fungō* 'леплю', др.-инд. *dehī* 'стена', греч. τεῖχος 'стена': из и.-е. *d^heiG-/*deǰG^h-;

И.-е. *G^hl^h: арм. *gom* [g^hom] 'хлев' при др.-исл. *gammi* 'землянка', дат. *gamme* 'хлев': из и.-е. *G^hom-.

Индоевропейские глухие (придыхательные) смычные фонемы серии III отразились в армянском адекватно в виде глухих придыхательных [p^h], [t^h], [k^h]. При этом [p^h] претерпевает в армянском дальнейшее развитие в f → h → ∅ (в начале слова), типологически сопоставимое с развитием в кельтском. Такое [p^h] сохраняется в начальной позиции после s- (а также, вероятно, в позиции перед -s, ср. арм. *eṛem* 'варю' при греч. ἔψω 'варю', 'кипячу', см. *Pokorný 1959* : 325). В такой позиции, то есть в позиции †s-, армянский, как и древнеиндийский, показывает придыхательные звуки, отражающие индоевропейские придыхательные аллофоны фонем серии III. В интервокальной позиции -p^h дает в армянском -w-, являющееся результатом озвончения *-f- < *-p^h-; *t^h- переходит в *-θ- > *-h- > ∅:

И.-е. *p^hl^h: арм. *otn* 'нога', *het* 'след ноги' при лат. *pēs*, род. n. *pedis*, греч. πούς, род. n. ποδός, др.-инд. *pad-*: из и.-е. *p^hlet'-, *p^hlot'-; арм. *hayr* 'отец' (ср. др.-ирл. *athir*), гот. *fadar*, лат. *pater*, греч. πατήρ, др.-инд. *pitár-*: из и.-е. *p^hl^hat^hl^hēr; арм. *hoviw* 'пастух' при др.-инд. *avi-pā(lá)-* 'овечий пастух': из и.-е. *ouí-p^hl^hā-;

¹ Тем самым как бы устанавливается связь между грабаром и теми армянскими диалектами, которые не различают придыхательных звонких и непридыхательных, а также и теми диалектами, в которых наличествуют звонкие придыхательные. Первая группа армянских диалектов возникает в результате утери в определенных диалектах древнеармянского языка нефонологического признака придыхания при звонких смычных, тогда как вторая группа диалектов характеризуется сохранением звонких придыхательных наряду с чистыми звонкими в качестве комбинаторных вариантов единых фонем, продолжая в этом смысле соотношения, предполагаемые для грабара.

И.-е. *sp^[h]: арм. *petk* 'кусок дерева' при др.-исл. *spjalKir* (мн. ч.) 'Spreiler', др.-англ. *spelc*, валл. *fflochen* 'заноза', греч. φελγύουει ἄσυνετεί, ληρεῖ (*Гесихий*): из и.-е. [*sp^helG-]; арм. *ṙund* 'сосуд' при лат. *sponda* 'подставка', 'ложе', ср.-ирл. *sonn* 'столб', валл. *ffon* 'палка': из и.-е. [*sp^hon-d^h-]; арм. *ṙerf* 'отрезанный кусок' при др.-исл. *spjqr* 'лоскут', 'тряпка', греч. σπάρασσω 'срываю': из и.-е. [*sp^her-];

И.-е. *t^[h]: арм. *taramim*, *taršamim* 'увядаю', 'сохну' при греч. τέρσομαι 'сохну', др.-инд. *tṛsyati* 'жаждет', лат. *torreo* 'сушу', гот. *ṙair-sjan* 'жаждать': из и.-е. [*t^her-s-]; арм. *hayr* 'отец', см. выше;

И.-е. *st^[h]: арм. *takn*, род. н. *takan* 'дубина' при др.-исл. *stjaki* 'кол', 'шест', ст.-слав. *stogŭ* 'стог': из и.-е. [*st^heK^h-];

И.-е. *K^[h]: арм. *c'ax* 'ветвь' при др.-инд. *śákhā* 'ветвь', гот. *hōha* 'плуг', лит. *šakà* 'ветвь': из и.-е. [*KaK^h-]; арм. *lkanem* 'оставляю' при лат. *linquō*, др.-инд. *riṇákti* 'оставляет': из и.-е. [*lejK^h-];

И.-е. *sk^[h]: арм. *sxalem* 'спотыкаюсь', 'преступаю, заблуждаюсь' при др.-инд. *skhálate* 'спотыкается': из и.-е. [*sk^hel-].

Отражение индоевропейских серий смычных в армянском представлено на Табл. 7 и в правилах преобразования (7):

ТАБЛИЦА 7

ВЫВОД АРМЯНСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ

I	II	III	⇒	I	II	III
(p ^h)	b ^h /b	p ^[h]		p ^[ʰ]	b ^[h]	p ^h
t ^h	d ^h /d	t ^[h]		t ^[ʰ]	d ^[h]	t ^h
K ^h	G ^h /G	K ^[h]		k ^[ʰ]	g ^[h]	k ^h

$$7) \text{ а. } \left\{ \begin{array}{l} [+ \text{глоттал}] \\ (- \text{звонк}) \end{array} \right\} \rightarrow \left\{ \begin{array}{l} [+ \text{глоттал}] \\ [- \text{звонк}] \end{array} \right\} \mid \left[\begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \end{array} \right]$$

$$\text{б. } X \Rightarrow X \mid \left[\begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \\ + \text{звонк} \\ [+ \text{аспир}] \end{array} \right]$$

$$\text{в. } [+ \text{аспир}] \rightarrow [+ \text{аспир}] \mid \left[\begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \\ - \text{звонк} \end{array} \right]$$

Таким образом, анализ древнеармянской системы смычных в соотношении с индоевропейской системой позволяет судить об исключительной архаичности армянской системы. Исходная индоевропейская система смычных не претерпела значительных фонологических трансформаций в армянском. Тем самым снимается вопрос о "передвижении согласных" в армянском.

ском, аналогичном германскому передвижению согласных (Фурке 1959). Армянская система смычных отображает фактически индоевропейскую систему в отношении серий без существенных фонологических изменений. Армянская система смычных наряду с германской наиболее близка к исходной индоевропейской системе.

5.3. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ АНАТОЛИЙСКОЙ СИСТЕМЫ

К архаичным системам можно отнести также систему смычных анатолийских (хетто-лувийских) языков. В клинописном хеттском явно противопоставляются два ряда смычных, различающихся на письме с помощью удвоенного и неудвоенного (простого) написания соответствующих согласных там, где это было возможно в силлабической системе письма, то есть в срединном (интервокальном) положении. При этом хеттские рефлексии серии III смычных передаются в удвоенном написании согласного, тогда как рефлексии серий I и II отражены, как правило, в неудвоенном (простом) написании соответствующего согласного ("закон Стертеванта"), ср. также *Jacquois 1972*:

Хет. *i-u-kán* 'ярмо' (КВо III 41 II 6), *i-ú-ga-an* (KUB VII 8 II 8); *i-u-ki* (KUB XIII 5 II 21) 'ярмо': др.-инд. *yugá-*, греч. ζυγόν, лат. *iugum*, гот. *juk* 'ярмо';

Хет. *ne-pi-iš* 'небо' (Al. A IV 26), *ne-pi-ša-aš* (2BoTU 7, 51): греч. νέφος, др.-инд. *nábhah* 'облако';

Хет. *te-pu-* 'малый' (MS, Vs. 4), *te-pa-u-eš* (Madd., Vs. 48), *отл. n. te-pa-u-ya-az* (Hat. II 21): др.-инд. *dabhráh* 'малый', *dabhnóti* 'повреждает';

Хет. *šu-up-ra-ri-ja-zi* (KUB XX 86 10) 'спит': греч. ύπνος, др.-инд. *svárnah* 'сон';

Хет. 1 л. ед. ч. пр. вр. *e-ip-pu-un* 'взял' (KUB XIV 15 IV 36), 3 л. мн. ч. *e-ip-pir* (КВо III 4 II 34), прич. *ap-ra-an-za* (KUB XIX 37 II 22): лат. *apiscor* 'достигаю', др.-инд. *āpnóti* 'достигает';

Хет. *ha-ap-pár* (X3, §§ 48, 69) 'цена', 'стоимость', *ha-ap-ra-ra-iz-zi* (КВо VI 10 III 28) 'продает': др.-инд. *āpnah* 'имущество', греч. άφνειός 'богатый', лат. *ops*, род. п. *opis* 'богатство', 'добро';

Хет. *kat-ta* 'под, вниз', 'у': греч. κατά;

Хет. *pat-tar* 'крыло': др.-инд. *pátatra-* 'крыло', греч. πτερόν 'перо', 'крыло';

Хет. *ú-it-ti* (2BoTU 7, 10) 'год', *ú-i-it-ti* (KUB IV 72, Rs. 2) *мест. п.*: греч. έτος 'год', лат. *uetus*, род. п. *-eris* 'старый';

Хет. *ya-a-tar* 'вода'; *ú-i-ti* (КВо III 8 III 2) 'в воде', *yi-ta-az* 'из воды' (KUB XXI 19 III 17): греч. ύδωρ, род. пад. ύδατος 'вода';

Хет. *lu-uk-kat-ta* (КВо VI 2, Rs. 47; см. о хеттских формах от этого корня *Hoffmann 1968*) 'рассветает': лат. *lūseō* 'быть светлым', *lūx* 'свет', греч. λευκός 'белый';

Хет. *ne-ku-ma-an-za* (Madd., Vs. 51; KUB XIII 4 III 32) 'голый': лат. *nūdus*, гот. *naqarþs* 'голый';

Хет. *им. п. мн. ч. da-lu-ga-e-eš* 'долгий', *ta-lu-kiš-zi* 'становится долгим' (KUB VIII 6, Vs. 14, 16): др.-инд. *dīrghá-*, греч. *δομήχος*, ст.-слав. *dlǔgŭ* 'долгий', 'длинный', Трубачев 1978, 5: 209.

Удвоение согласного, восходящего к индоевропейскому (придыхательному) смычному, обнаруживается в хеттской графике лишь в интервокальной позиции, что естественно для слоговой хеттской клинописи. В начале или в конце слова графическое удвоение, естественно, отсутствует. Наблюдаемое написание *i-tar* 'хождение' (ср. лат. *iter* 'дорога', тох. А *ytār*) с индоевропейским суффиксом **-t^[h]er / *-t^[h]or / *-t^[h]r* может отражать в хеттском **t^[h]* перед слоговым сонантом, чем и следует объяснить регулярное простое написание *t* в суффиксе *-tar*, ср. в отличие от этого нормальное удвоение согласного в хеттской форме *ki-it-ta(-ri)* 'лежит' с интервокальным *-tt-*, восходящим к индоевропейскому **-t^[h]-*: греч. *κεῖται*, др.-инд. *śéte* 'лежит' (формы с суффиксом *-ttar* встречаются крайне редко).

Есть основание полагать, что сдвоенное написание передает в хеттском придыхательные (интенсивные) согласные, тогда как простое написание отражает противопоставляемые им соответствующие непридыхательные (неинтенсивные) согласные (Гамкрелидзе 1961: 231 и след.). В этом смысле можно утверждать, что индоевропейские глухие (придыхательные) фонемы отразились в хеттском в виде глухих придыхательных, тогда как индоевропейские глоттализированные и звонкие придыхательные слились в общую серию непридыхательных, противопоставленную фонологически придыхательным рефлексам серии III индоевропейских фонем. Такое противопоставление двух серий хеттских взрывных выразилось на письме графическим удвоением знаков для соответствующих согласных в противовес их простому написанию (Гамкрелидзе 1959а; Gamkrelidze 1961).

Редукция трех серий индоевропейских смычных в две серии, противопоставляемые по признаку аспирации, — явление собственно хеттское, совершившееся уже в эпоху обособленного развития хеттского языка. Для общеанатолийского периода (и для определенной эпохи дописьменного периода истории хеттского языка) можно предположить наличие в системе трех серий смычных, соответствующих трем сериям индоевропейских фонем. Дело в том, что в хеттских рефлексах индоевропейских дентальных фонем этих трех серий, т. е. фонем **t*, *t^[h]*, **d^[h]* в позиции перед **i* сохранились следы их первоначального различия, в частности **t^[h]i-* отразилось как *ši-* [si-], **-t^[h]i* дало *-zzi* [-tsi], а последовательность **d^[h]i-* представлена как *t/di-*:

И.-е. [**-t^[h]*]: хет. *šiyatt-* 'день'; *šiyanni-*, *šuni-|šiuana-* 'бог', ^D*Šiyaz* 'дневное божество' (ср. пал. ^D*Tiyaz*: лат. *diēs*, *deus*, *dīvus*, и.-е. **t^[h]ieus*):

И.-е. [**-t^[h]i*]: хет. *оконч. 3 л. ед. ч. -zi*: *e-eš-zi* 'есть', *3 л. мн. ч. -anzi* (и.-е. **-ont^[h]i*): *a-ša-an-zi* 'суть' (ср. лув. *3 л. ед. ч. a-an-ni-i-ti* 'делает', *мн. ч. hi-iš-hi-ia-an-ti* 'связывают'; пал. *atanti* 'едят', *aḫaḫant:* 'пьют' при хет. *adanzi* 'едят', *akuḫanz:* 'пьют').

В лувийском и палайском, очевидно, процесс ассимиляции дентальных перед гласным переднего ряда *i* не произошел, из чего делается зак-

лучение, что процесс ассимиляции является процессом собственно хеттским, а различные результаты этого процесса в зависимости от характера дентальных указывают на существование в хеттском еще в дописьменную эпоху противопоставления друг другу трех серий смычных (при допущении возможности перенесения этого обобщения на другие локальные ряды). Тем более следует допустить наличие трех согласных, отражающих три серии индоевропейских смычных, в общепанатоллийском (общехетто-лувийском).

При фонологической интерпретации трех серий смычных в хетто-лувийском приходится учитывать существенные трудности, связанные с графической передачей фонем в клинообразной системе письма. Однако можно утверждать с большим вероятием, что рефлексы серии III индоевропейских смычных, передаваемые в исторический период в хеттском с помощью удвоения знаков для соответствующих согласных, образовывали серию глухих придыхательных фонем и тем самым отражали в общем характер этой индоевропейской серии. При ассимиляции дентальной фонемы этой серии $*t^{h}$ возникала глухая аффиката z [ts].

Любопытно, что ассимиляция древнехеттского рефлекса индоевропейской дентальной фонемы $*t'$ дает в хеттском глухой спирант s . И в этом факте косвенно проявляется незвонкость рефлексов индоевропейских фонем серии I.

Ассимиляция такого вида могла возникнуть как в результате палатализации чистой глухой [t], так и при изменении глоттализованного звука $*t'$ с промежуточным этапом в виде глоттализованной аффрикаты $*c'$, то есть $*t' > *c' > s$.

Любопытно, что глухая придыхательная дает при ассимиляции именно аффрикату c [ts], которая в дальнейшем не претерпевает дезаффрикатизации. Допущение развития $*t' > *c' > s$ свидетельствовало бы о параллелизме и сходстве начальных этапов процессов:

$$*t' > *c' > s \text{ и } *t^h > c.$$

Такое допущение предполагает глоттализированный характер и остальных фонем этой хетто-лувийской серии, соответствующей серии I индоевропейских смычных. Однако глоттализация в этой системе, ввиду наличия серии глухих придыхательных фонем, не должна была обладать фонологически релевантным характером, поскольку глоттализированные в хетто-лувийском, наподобие соотношений в древнеармянской системе, должны были противостоять серии глухих придыхательных фонем не по признаку глоттализации, а по признаку наличия или отсутствия аспирации (геср-интенсивности). Такой избыточный признак глоттализации мог исчезнуть в отдельных хетто-лувийских языках, что, возможно, и способствовало позднее слиянию в хеттском этой серии индоевропейских смычных с рефлексами индоевропейских фонем серии II.

Как было указано выше, хеттский рефлекс дентальной индоевропейской фонемы серии II $*d^{h}$ не претерпевает ассимиляции перед i , в отли-

чие от соответствующих рефлексов фонем серий I и III, что, собственно говоря, и служит основанием для допущения искомого различия рефлексов трех индоевропейских серий в дописьменный период развития хетто-лувийских языков.

Подобное отсутствие ассимиляции при рефлексе индоевропейского *d[h], в отличие от поведения хетто-лувийских фонем, отражающих индоевропейское *t' и *t[h], можно было бы объяснить фонетическим характером этого хетто-лувийского звука, который мог иметь особенности, препятствовавшие его ассимиляции. Такой особенностью могла являться звонкость сама по себе¹, либо аспирация при звонкости, которая с чисто фонетической точки зрения сегментирует звуковую единицу на два отрезка и тем самым отделяет момент смычки, за которым следует придыхание (*Ladefoged 1967; 1971; Lass 1974*), от палатализирующего влияния гласного переднего ряда.

Интерпретация отсутствия ассимиляции при хетто-лувийских рефлексах индоевропейских смычных серии II позволяет рассматривать их в период действия процесса палатализации в хетто-лувийском как звонкие фонемы с элементом аспирации, который мог быть утрачен значительно позднее, возможно, уже в период обособленного развития хеттского языка² (ср. о передаче их в клинописи *Oettinger 1979: 532—556*).

Тем самым рефлекс индоевропейских смычных серий I и II слились в общую серию³, противопоставленную рефлексам серии III как непридыхательные придыхательным, что и отразилось в хеттском письме исторической эпохи в простом и удвоенном написании соответствующих согласных.

Таким образом, для общеанатолийского (хетто-лувийского) и, вероятно, для ранних этапов развития отдельных хетто-лувийских языков, в первую очередь клинописного хеттского, следует допустить три фонологически противопоставленные серии смычных, отражающие соответственно

¹ Ср. факт отсутствия в греческом ассимиляции звонкого d перед i (di > греч. δι-) при ассимиляции глухого дентального τι > σι.

² Другим примером, свидетельствующим о различии в раннехеттском рефлексов серий I и II, может служить приводимый в последнее время факт различного отражения в хеттском индоевропейского *k'⁰ и *g[h]⁰ (= **gʷ и **gʷh) в начальной позиции (ср. *Puhvel 1972: 668; 1974*) в формах типа хет. кагар- 'пожирать': др.-инд. girāti 'пожирает', авест. jaraiti 'пожирает', рус. жру, греч. βιβρώσκω 'пожираяю'; βράπτειν. ἐσθίειν 'пожирать' (*Гесихий*); хет. kišt- 'гаснуть': др.-инд. jāsate 'выдыхается', тох. B käs- 'быть погашенным', греч. σβέννωμι 'гашу', гом. σβέσσαι, лит. gèsti, ст.-слав. u-gasiti 'гасить'; ср. также хет. kašt-, kištant- 'голод', возможно, от того же корня при тох. A kasī, др.-инд. jāsuri- 'изголодавшийся' (*Mayrhofer 1956, I: 425*), если не верно сближение с др.-инд. ghas-, авест. gah- 'пожирать' (о дэвовских существах), *Топоров 1975-, 2: 180*.

Фонема серии I *k'⁰ отражается в хеттском в начальной позиции с делабиализацией, в отличие от фонем *g[h]⁰ и *k[h]⁰, сохраняющих в той же позиции признак лабиализации, ср. хет. kuenzi, kuīš и др.

³ Фонетическим основанием для слияния могла быть фонетическая особенность звонких придыхательных, артикуляция с подгортанным — субглоттальным — давлением ("subglottal pressure", *Chomsky/Halle 1968; Lass 1974*), ср. о подгортанной артикуляции *Яковлев 1948: 328; Pandit 1957*.

три серии индоевропейских смычных фонем и определяемые фонологически как глухие (глоттализированные), звонкие (придыхательные) и глухие придыхательные¹.

5.4. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ ТОХАРСКОЙ СИСТЕМЫ

Развитие трех серий индоевропейских смычных в хеттском в некоторой степени аналогично развитию их в тохарском, где процесс редукции индоевропейских серий зашел еще дальше и привел к слиянию всех трех индоевропейских серий в одну общую немаркированную серию глухих смычных (непридыхательных), передаваемых соответствующими знаками письма брахми. Однако, как и в раннем хеттском, различие в пратохарском исконной системы трех серий убедительно доказывается различием в характере ассибиляции рефлексов трех дентальных фонем соответствующих индоевропейских серий (*Evangelisti 1950; Эванджелисти 1959; Pedersen 1951; ср. иную интерпретацию Winter 1962*):

И.-е. *t' > тох. ś : тох. А *sāk*, В *śak* 'десять' при лат. *decem* : и.-е. *t'eK^[h]. (= **deġ-);

И.-е. *d^[h] > тох. ts : тох. А *tsik* 'образовывать', 'оформлять', при др.-инд. *dehī*, лат. *finger*, греч. τεῖχος : из и.-е. *d^[h]ejG- / *deġG^[h]. (ср. выше, стр. 22); тох. А *tsāk*-, В *tsāk*- 'гореть' при др.-инд. *dāhati* 'горит', лат. *foveo* 'согреваю', *febris* 'лихорадка', лит. *degù*, ст.-слав. *žego* 'жгу' : из и.-е. *d^[h]jeG- / *deġG^[h]-;

И.-е. *t^[h] > тох. c : тох. А *mācar*, В *mācer* 'мать' при лат. *māter* : из и.-е. *māt^[h]er-; тох. В *pācer* 'отец' при лат. *pater*, др.-инд. *pitār*-, греч. πατήρ : из и.-е. *p^[h]āt^[h]er-; тох. В *procer* 'брат' при лат. *frāter*, греч. φράτηρ, др.-инд. *bhrātār*- : из и.-е. *b^[h]rāt^[h]er-; тох. В *sake* 'поток' при лат. *tekū*, рус. *теку*, *течь* : из и.-е. *t^[h]eK^[h]-.

5.5. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ СИСТЕМ С ОЗВОНЧЕННОЙ СЕРИЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ГЛОТТАЛИЗОВАННЫХ

Все рассмотренные выше языковые системы могут быть охарактеризованы как системы с серией незвонких смычных (в некоторых системах фонетически глоттализированных), восходящей к индоевропейской серии глоттализированных (незвонких) смычных. В этом отношении эти системы отра-

¹ Наличие в общепантолийском трех противопоставленных друг другу серий смычных, продолжавших различаться еще на ранних этапах развития отдельных анатолийских диалектов, видно и в факте неодинакового отражения в лувийском индоевропейского *k^[h], представленного как k, и индоевропейского *g^[h], давшего в начальной позиции Ø, при отражении его в хеттском как k^(h): ср. лув. *iššari*- 'рука', хет. *kiššar(a)*-, греч. χεῖρ, ср. др.-инд. *hās-ta*- : и.-е. *G^[h]es-; лув. *immari* 'поле', хет. *gimri* 'в поле' : и.-е. *G^[h]ejm-, при лув. *kiša*- 'чесать', хет. *kišai*- 'чесать' : ср.-ирл. *cír* 'расческа', греч. κίριον 'очески', ξέω 'чешу' : и.-е. *K^[h]les- (*Ivanov 1965; Čop 1971; Иванов 1974*).

жают некоторые характерные особенности серии I индоевропейских смычных.

По этому признаку рассмотренная выше группа языков противопоставит другой большой группе индоевропейских языков, в которых происходит преобразование серии I индоевропейских глоттализированных смычных в звонкие смычные.

К этой группе относятся, в частности, индо-иранские языки. Глоттализированная серия I индоевропейских смычных отражается здесь регулярно в виде чистых звонких смычных, что предполагает процесс озвончения исходных глоттализированных фонем:

И.-е. *t' : др.-инд. *dāmaḥ* 'дом', греч. *δῶμος*, лат. *domus*: из и.-е. *t'om-, ср. арм. *tun*; др.-инд. *dādāmi* 'даю', *аорист ādām*, греч. *δίδομι*, лат. *dō, dāre*: из и.-е. *tō-, ср. арм. *tam*; др.-инд. *ādanam* 'пища', *ātti* 'он ест', лат. *edō*: из и.-е. *et'-, ср. арм. *utem*, гот. *itan*, хет. *etmi* 'я ем';

И.-е. *K' : др.-инд. *gnā* 'женщина', греч. *γυνή*: из и.-е. *K'ep-ā, ср. гот. *qinō*, арм. *kin*; др.-инд. *nagnā-* 'нагой', лат. *nūdus*, ст.-слав. *nagŭ*, лит. *nūogas*: из и.-е. *ne/o K'-, ср. гот. *naqaps*, др.-англ. *nacod*, др.-в.-нем. *nackut*, хет. *nekumant-*;

Такой переход глоттализированных согласных в соответствующие звонкие смычные, наблюдаемый в ряде языков, может найти фонетическое оправдание в характере глоттализированных звуков, произносимых с гортанной артикуляцией, которая выражается в полном смыкании голосовых связок. Гортанная артикуляция характерна и для звонких смычных, что проявляется в вибрации сближенных или сомкнутых голосовых связок.

При взрыве глоттальной смычки во время фонации глоттализированных, в частности перед гласным, может возникнуть кратковременная вибрация (размыкание после смыкания) голосовых связок, характерная для фонации звонких звуков. При продлении периода сопутствующей вибрации во время артикуляции глоттализированных может возникнуть соответствующий звонкий преглоттализированный (или звонкий ларингализированный, как в хауса) звук, характеризующийся в целом артикуляционными признаками глоттализированного звука. Примечательно, что на шкале состояний гортани при фонации глоттализированные стоят ближе к звонким, чем к глухим (*Ladefoged 1971: 16 и след.*, см. там же о соотношении глоттализированных, звонких и ларингализированных звонких; ср. *Merlingen 1978: 257 и след.*).

По новейшим общefonетическим описаниям предполагается, что звонкие звуки и звуки с глоттальной артикуляцией (ларингализованные), в том числе смычногортанные - глоттализированные, являются близкородственными звуками, входящими в один "естественный класс" звуков. Эти звуки фонетически значительно ближе друг к другу, чем звуки с глоттальной артикуляцией и глухие (*Ladefoged 1971: 19*).

Показательно, что во многих языках совершенно различных систем

обнаруживаются соответствия глоттализированных согласных, смычных и аффрикат, звонким (в том числе преглоттализированным) звукам — смычным или спирнтам (ср. *Haudricourt 1950*).

Характерным примером могут служить данные ряда северокавказских языков. В вейнахских языках бацбийским глоттализированным смычным и аффрикатам в интервокальной позиции и в позиции в конце слова соответствуют в чеченском и ингушском звонкие смычные и звонкие спирнты:

Бацбийское *p'*: чеченское *b*, ингушское *b*

бацб. *phar* 'сон': чеч. *nab*, инг. *nab*;

бацб. *t'*: чеч. *d*, инг. *d*

бацб. *bat'er* 'губа': чеч. *bald*, инг. *bord* из **bader*;

бацб. *let'ar* 'течь': чеч. *ledar*, инг. *ladar*;

Бацб. *k'*: чеч. *g*, инг. *g*

бацб. *č'anik* 'подбородок': чеч. *čhenig*, инг. *čheng*;

бацб. *dok* 'сердце': чеч. *dog*, инг. *dog*;

Бацб. *s'*: чеч. *z*, инг. *z*

бацб. *kas* 'щенок': чеч. *khezi*, инг. *khaza*;

Бацб. *š'*: чеч. *ž*, инг. *ž*

бацб. *maš* 'усы': чеч. *maž*, инг. *maž* (*Sommerfelt 1938: 138 и след.*).

Аналогичные соответствия наблюдаются и в другой группе северо-восточных кавказских языков: ср. аварск. *ɟar* 'имя': рутул. *dur*, цахур. *do*; арч. *močor*, рутул. *mičri*, лак. *čiri* 'борода': табасар. *mižir*, агул. *mižur* 'борода'.

Предполагается, что сильные глоттализированные аффрикаты общедагестанского языка **ɟə*, **čə*, **qə*, **t'ə* дают в рутульском соответственно *d*, *ʔ*, *q*, *g* в предударной части слова и *t*, *č*, *q*, *k* — в послеударной, то есть происходит их озвончение и дезабруптивизация (деглоттализация), ср. *Гигинейшвили 1973; 1977: 106*.

Аналогичная тенденция преобразования глоттализированных наблюдается и в западнокавказских языках (ср. *Colarusso 1975: 82*).

В сванском языке засвидетельствованы случаи диссимилятивного озвончения глоттализированных: ср. *gak* 'орех' (из **k'ak*, ср. груз. *k'ak'-al-i* 'орех'), *bar* 'священник' (из **p'ar*, ср. греч. *πάππος*).

Характерно, что глоттализированные согласные отражаются в осетинском в виде звонких смычных в ранних заимствованиях из грузинского (в результате диссимилятивного озвончения типа *p'at'ara* → *bat'ara*, *Ах-вледуани 1949: 38¹; 1960: 145*).

В арабских диалектах часты случаи озвончения общесемитского **q*, являвшегося глоттализированным велярным смычным (*Cantineau 1952*;

¹ В этом проявляется также фонетическая тенденция к несовместимости двух глоттализированных в пределах слова (ср. выше, стр. 18 и след.).

Martinet 1953a), в *g*. По этому признаку в арабской диалектологии выделяются так называемые диалекты *qāl* и диалекты *gāl* (по характеру отражения в них первоначальной глоттализованной велярной фонемы, ср. *Blanc 1965*).

Приводимые типологические примеры делают вполне вероятным предположение о преобразовании исходных глоттализированных индоевропейских фонем в звонкие в индо-иранском и других индоевропейских диалектах, где эта серия отразилась в виде соответствующих звонких смычных фонем¹.

5.6. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ ИНДО-ИРАНСКОЙ СИСТЕМЫ

В древнеиндийском следы первоначального незвонкого характера исходных индоевропейских фонем серии I видны в морфемных сочетаниях типа *átti* 'он ест', *vit-tá-* 'известный', из и.-е. **et'-tʰli*, **uit'-tʰlo-*, а также в сочетаниях с последующим суффиксальным **-s-* типа др.-инд. *vaókaṣa* (*неperfekt*) 'я рос', авест. *uxšyeiti*, греч. *αῦξω* 'выращиваю', лат. *auxilium* 'помощь' при др.-инд. *ugrá-* 'сильный', авест. *aogah-*, *aogarə* 'сила', лат. *augustus* 'возвышенный' (из и.-е. **auk'-s-*); др.-инд. *ukṣáti* 'обрызгивает', авест. *uxšyeiti* при греч. *ὕγρός* 'влажный' и т.д.²

В результате позиционного сохранения первоначального признака глухости в структурах рассмотренного выше типа (при переходе фонем серии I в соответствующие звонкие смычные в других позициях) в исторических индоевропейских диалектах возникают формы с морфонологическим чередованием соответственно звонких и глухих смычных в пределах одной парадигмы. В таких комбинаторных условиях не произошло озвончения индоевропейских фонем серии I, что содействовало возникновению морфонологических структур с чередованием по звонкости ~ глухости на стыке морфем в древнеиндийском.

Озвончение рефлексов индоевропейских фонем серии I в древнеиндийском (соответственно в индо-иранском) вызвало значительные преобра-

¹ Переход рефлексов индоевропейских фонем серии I в соответствующие звонкие смычные характерен для определенных позиций, в частности после назальных, и для древнеармянского языка: *pk*, *pt* переходят довольно рано в *pg*, *pd* (IX в. н. э. в рукописи Московского Евангелия, *Meillet 1936: 29*). В ряде западных армянских диалектов рефлекс фонем серии I, в отличие от древнеармянского, представлены соответственно серией звонких смычных, а звонкие смычные (рефлексы индоевропейских звонких фонем серии II) переходят в соответствующие чистые глухие или глухие придыхательные. Это состояние, отличное от состояния древнеармянского, уже отражено в армянских диалектах Киликии начиная с XI в. н. э. (*Meillet 1936: 24*). Такой переход в армянских диалектах незвонких смычных (возможно, глоттализированных) в звонкие и звонких смычных (возможно, придыхательных) в незвонкие может служить хорошей типологической аналогией предполагаемому в рассматриваемых индоевропейских диалектах переходу серии I (глоттализированных смычных) в звонкие смычные и преобразованию серии II в некоторых индоевропейских диалектах, в частности греческом и итальянском.

² В отличие от этого, в позиции непосредственно после **s* глоттализованная фонема серии I претерпевает озвончение, и перед такой звонкой смычной спирант проявляется в виде звонкого варианта: **-st'- > *-zd-*, ср. др.-инд. *níddá-* 'пристанище', 'лагерь' < **nizda*, см. об этом подробнее ниже.

зования индоевропейской серии II звонких смычных фонем с придыхательными и соответствующими непридыхательными аллофонами. Звонкие смычные, возникшие из соответствующих индоевропейских глоттализированных, совпадают с непридыхательными аллофонами индоевропейских смычных серии II, проявившихся в определенных комбинаторных условиях, описанных выше. В результате этого происходит расщепление первоначальных звонких фонем с придыхательными и непридыхательными аллофонами на две независимые фонемные серии — звонкие чистые и звонкие придыхательные, поскольку совпадение звонких рефлексов индоевропейских глоттализированных с непридыхательными аллофонами звонких индоевропейских фонем серии II нарушило дополнительную распределения непридыхательных и придыхательных аллофонов фонем серии II. Фонемам *b*, *d*, *g* противопоставляются в древнеиндийском уже соответственно *bh*, *dh*, *gh* как звонкие придыхательные фонемы звонким чистым.

Лабияльная фонема *b* в серии древнеиндийских звонких смычных фонем не может быть результатом озвончения глоттализированного *p, как это должно было иметь место в отношении звонких *d* и *g*, поскольку индоевропейская глоттализированная серия была дефектной в отношении лабиального члена.

Фонема *b* возникла в этой серии преимущественно как результат переосмысления звонкого непридыхательного [b] в качестве лабиального члена звонкой серии смычных, появившейся вследствие озвончения глоттализированных и их совпадения со звонкими непридыхательными аллофонами [d], [g] индоевропейских фонем серии II¹.

В дальнейшем число форм со звонкой фонемой *b* увеличивается за счет ономотопэтических слов типа *balbalā* 'болтать', 'balbutire' (Mayrhofer 1963, II: 421) и заимствований из других языков, содержащих фонему *b*, ср. *bāṇā-* 'стрела', 'палка из тростника' (уже в "Ригведе" и "Атхарваведе"), ср. сакаи *awān* 'бамбук'; *bilan* 'пещера', 'дыра' 'яма' (в "Ригведе", I мандала), ср. тамил. *viḷ*, малаялам *viḷḷal* 'расщелина', *viḷḷu* 'отверстие' (Burrow 1946: 23) и другие.

Самый ранний этап ведийского языка, отраженный в архаичных фамильных мандалах "Ригведы", характеризуется серией звонких смычных фонем, которая все еще носит явные следы исторической связи с индоевропейской серией глоттализированных: фонемы этой серии проявляют такие статистические соотношения (низкая частотность фонемы *b* по сравнению с фонемой *g*, Елизаренкова 1974: 103—109), которые характерны для членов индоевропейской глоттализированной серии I. Ведийский язык этого

¹ В отдельных редких случаях звонкая лабиальная *b* возникает в результате озвончения глухой смычной *p в определенной позиции (между гласными?, см. литературу Mayrhofer 1963, II: 287), ср. др.-инд. *pibati* 'он пьет', сангличи *pōv-*, вахан. *pōv-*, лат. *bibō* 'пью', др.-нрл. *ibid*, др.-валл. *iben* 'мы пьем' при др.-инд. *pā-ti* 'пьет', греч. *πῶ-θι* 'пей', лат. *pōtus* 'питье'. Характерно, что здесь озвончение наблюдается только в индоиранском и кельто-италийском, то есть в тех диалектах, в которых произошло озвончение серии I индоевропейских смычных. Против предполагаемого *b* под влиянием "ларингальной" см. также Cowgill 1965: 174; Polomé 1973.

периода отражает в этом отношении, очевидно, индо-иранское языковое состояние, возникшее непосредственно после озвончения серии глоттализированных и слияния ее с непридыхательными аллофонами серии II индоевропейских звонких смычных в общую фонемную серию звонких в индо-иранском.

Отмеченные выше процессы появления ономатопоэтических слов и заимствований, содержащих фонему *b*, приводят в дальнейшем к увеличению функциональной нагрузки фонемы *b* и к установлению закономерных соотношений между членами звонкой серии смычных в древнеиндийском¹.

Расщепление второй серии индоевропейских смычных на чистую звонкую и звонкую придыхательную в древнеиндийском должно было способствовать аналогичному расщеплению серии III индоевропейских смычных на глухую чистую и глухую придыхательную.

Уже в индо-иранскую эпоху должен был осуществиться процесс дезаспирации глухих придыхательных, сохранившихся только в комбинаторно определяемых условиях: в позиции после фонемы *s*-, а также перед “ларингальными” и в некоторых других случаях, рассмотренных выше, где, по всей видимости, отражается индоевропейское различие непридыхательных и придыхательных аллофонов глухих смычных в зависимости от позиции в слове.

Утеря в дальнейшем в индо-иранском комбинаторной обусловленности сохранения глухих придыхательных звуков (в результате падения “ларингальных”, ср. *Kuiper 1947; Hoenigswald 1963; 1965a; Polomé 1973*, и палатализации “гуттуральных” — процессов, которые будут разобраны по диалектам ниже) привела к образованию контрастных позиций, в которых глухой придыхательный звук противопоставлялся соответствующему непридыхательному, что должно было закономерно повлечь за собой фонологизацию первоначально комбинаторно обусловленных вариантов фонем серии III — глухого придыхательного и глухого непридыхательного смычного. Единая серия глухих смычных фонем, различавших комбинаторные придыхательные и непридыхательные варианты, расщепилась на две независимые фонологические серии смычных, противопоставленных друг другу по признаку аспирации.

Ниже приводятся древнеиндийские формы с сохранением глухого придыхательного в позиции после *s*-:

Др.-инд. *sphūrjati* ‘проявляется’, греч. *σπαργάω* ‘изобилую’, ‘наполняюсь’, лат. *spargō* ‘рассыпаю’: и.-е. *sp^hlerG-;

¹ Такая интерпретация соотношений фонем звонкой серии смычных в раннем ведийском показывает обусловленность синхронных фонологических соотношений фонемных единиц в системе целым рядом диахронических факторов. Поэтому причины отклонения от обычных статистических соотношений в системе следует искать в диахронии с учетом особенностей становления такой системы, возникающей путем преобразования более ранней системы с закономерными соотношениями. В этом смысле весьма показательна разобранная выше в динамике система смычных языка лифу, см. стр. 10—11.

Др.-инд. *sphuráti* 'вздрагивает', 'барахтается', 'торопится', греч. ἀσπύρω 'трепещу', лат. *spernō* 'отвергаю', 'презираю': и.-е. *sp^[h]er-;

Др.-инд. *ásthi* 'кость' при греч. ὀστέου, лат. *os(s)*, род. n. *ossis*, хет. *haštai*: и.-е. *Host^[h]-;

Др.-инд. *sthag-* 'покрывать': греч. στέγω, лат. *tegō* 'покрываю': и.-е. *(s)t^[h]leK'-;

Др.-инд. *-iṣṭha-* 'суффикс превосходной степени', при греч. -ιστος, гот. *-ista-*: и.-е. *-ist^[h]o-;

Др.-инд. *skhálate* 'спотыкается' при арм. *sxalem* 'спотыкаюсь', 'ошибаюсь': и.-е. *sk^[h]el- (ср. *Hiersche 1964*).

Древнеиндийские формы с глухими придыхательными в позиции перед предполагаемой "ларингальной" фонемой:

Др.-инд. *-tha* окончание 2-го л. ед. ч. перфекта, ср. др.-инд. *véttha*, греч. οἴσθα, гот. *waist*, ср. также хет. *-ti*, *-t* (2 л. ед. ч. спряжения на *-hi*): и.-е. *-t^[h]Ha;

Др.-инд. *pr̥thú-* 'широкий', *pr̥thiví* 'земля' ('широкая') при греч. πλατύς, лит. *platus* 'широкий'; 'плоский', хет. *palt-ana-* 'плечо': и.-е. *p^[h]r̥t^[h]-H-(u)-;

Др.-инд. *pánthās*, род. n. *pathás* 'путь', *pathi-* (в *pathi-kft-* 'прокладывающий путь') при лат. *pōns*, род. n. *pontis* 'мост', ст.-слав. *puti* 'путь', греч. λάτος 'тропа', 'дорога': и.-е. *p^[h]r̥t^[h]-H-;

Др.-инд. *mánthati* 'кружится', 'трется', 'сотрясается', аорист *ámanthiṣām* ("Ригведа" III 23, 2), буд. вр. *manthiṣyánt-*, пасс. *mathyáte*, прич. пр. вр. *mathitá-* (в "Ригведе"), хотано-сакск. *manth-*, осет. (æz)-*mæntyn* (иронск.), æz-*mæntun* (дигор.), шугнан. *mōp*, йидга *mōxë* < *māpa при лит. *mentūrė*, ст.-слав. *męto* 'мятусь' (*Mayrhofer 1963, II: 578—580*): и.-е. *mont^[h]-H-.

В ряде форм, в которых придыхательные *p^h, *t^h, *K^h выступают в позиции после s- и перед "ларингальным", можно предположить действие обоих факторов, приведшее к сохранению аспирации:

Др.-инд. *sphāyate* 'полнеет, тучнеет', прич. *sphītá-*, *sphārā-* 'широкий, большой, пространный', арм. *partam* 'богатый', хет. *išpai-* 'насыщаться', гот. *spēdiza* 'поздний', др.-англ. *spōwan* 'зреть', лит. *spėti* 'поспевать', ст.-слав. *spějq* '(пре)успеваю': и.-е. *sp^[h](e)H-;

Др.-инд. *īṣṭhati* 'стоит', прич. *sthitá-*, греч. ἵστημι 'ставлю', лат. *stāre*: и.-е. *st^[h](a)H-.

Соседство "ларингальных" с предшествующей глухой придыхательной в индо-иранском возникало в формах с нулевой огласовкой, где "ларингальный" способствовал сохранению признака аспирации при глухой смычной. Форма с придыхательной смычной распространилась в дальнейшем на всю парадигму (*Saussure 1892; Pedersen 1926; Kuiper 1947; Hoenigswald 1963 и 1965a: 93—95; Polomé 1965 и 1973; Kuryłowicz 1977: 205 и след.*), что могло способствовать превращению придыхательности из фонетически обусловленного признака в признак, не зависящий от комбинаторных факторов.

Этот статус признака аспирации при глухих смычных окончательно закрепляется при падении “ларингальных” и возникновении контрастных позиций для глухих придыхательных и чистых глухих смычных. Тем самым придыхательные смычные становятся особыми фонемами, противопоставляемыми в идентичных позициях соответствующим непридыхательным.

Такие же контрастные позиции возникают в древнеиндийском в ряде форм при палатализации “гutturальных”. Формы с закономерным с индоевропейской точки зрения распределением непридыхательных и придыхательных аллофонов смычных фонем серии III типа **КоК^hа* и **КонК^hо* (гот. *hōha*, греч. *χόχη*, см. выше, стр. 31) дают в результате позднейшей палатализации начального “гutturального” согласного в древнеиндийском формы соответственно *śākhā* и *śāṅkhā-*, с сохранением исконных глухих придыхательных в этой позиции (то есть в словоформе без начального непридыхательного смычного), противостоящих, однако, уже чистым глухим смычным, которые еще ранее должны были возникнуть в аналогичных позициях в результате процесса дезаспирации придыхательных аллофонов индоевропейских фонем серии III¹.

Такое же распределение придыхательных и непридыхательных аллофонов наблюдается в древнеиндийском в форме *spāśati* ‘видит’ (и.-е. **speK^h-*), в которой отсутствие глухого придыхательного смычного в позиции после $\ddot{s}$ - объяснимо правилом порядка придыхательных согласных в словоформе.

Многочисленность древнеиндийских форм с начальным *sth-*, *sph-*, *skh-* объясняется тем, что это множество представляет как исходные индоевропейские формы с глухими фонемами серии III в позиции после *s-*, так и, вероятно, индоевропейские формы с начальным **s-* (“закон Зибса”)², в которых чередовались звонкие и глухие фонемы серии II и III соответственно в формах без *s-* и с *s-*. В формах с начальным *s-* позиция $\ddot{s}$ - была позицией нейтрализации противопоставления по признаку звонкости~глухости, в которой в качестве архифонемы выступал соответствующий глухой немаркированный член оппозиции. В древнеиндийском этот член в позиции после $\ddot{s}$ - был закономерно представлен в виде глухих придыхательных смычных, которые до расщепления серии III на две независимые фонологические серии представляли, естественно, придыхательные аллофоны глухих смычных, отличавшиеся от соответствующих непридыхательных аллофонов. Указанные выше процессы падения “ларингальных” и па-

¹ Этот процесс дезаспирации не затронул, однако, по не вполне ясным причинам придыхательные в отдельных формах, что можно было бы объяснить архаизмом, связанным с особой социально-культурной значимостью этих слов: ср., например, др.-инд. *rātha-* ‘колесница’, *rathesṭhā-* ‘воин (стоящий на колеснице)’, тождественное авест. *raθaēštā-* ‘воин’, *gaθa-* ‘колесница’, ср. др.-ирл. *roth* ‘колесо’, *rethim* ‘бегаю’, каузатив *goithim* ‘погоняю’, *giuth* ‘бер’, др.-ирл. *do-giuth* ‘ассурго’, др.-н.-нем. *rath* ‘колесо’. В отдельных случаях причина сохранения глухой придыхательной остается неясной; не исключено наличие здесь определенных позиционных факторов, ср., например, др.-инд. *rikhāti* ‘вырезать, писать’, *lekhā* ‘черта, письмо’ и т. п.

² Ср. в этой связи о “законе Зибса”, *Siebs 1901; Lehmann 1952: 80 и след.; Kuryłowicz 1956: 375—382; 1962: 107 и след.*, см. о славянском *Иллич-Свитыч 1961*.

латализации "гуттуральных" в индо-иранском привели к фонологизации всех придыхательных глухих смычных *ph*, *th*, *kh* независимо от их происхождения из серий II или III и к противопоставлению их соответствующим непридыхательным *p*, *t*, *k* как самостоятельной фонемной серии.

Возникновению в древнеиндийском фонологической серии глухих придыхательных, противопоставляемых серии чистых глухих, способствует проникновение в язык большого числа заимствований, содержащих глухие придыхательные смычные и в особенности фонему *kh*, типа *khalatih* 'лысый', *khalah* 'мошеник, плут', *khála*- 'гумно, ток', *khaṇḍa*- 'часть'; 'неполный', *khora*- 'хромой' и многих других, ср. Kuiper 1948.

Древнеиндийские формы с глухими непридыхательными смычными, восходящими к фонемам серии III:

И.-е. *p^[h]: др.-инд. *pátati* 'летит', *patará*- 'легающий', *pátatra*- 'крыло', арм. *tir* 'полет', хет. *pattar* 'крыло', греч. *πέτορα* 'лечу', *πτερόν* 'крыло', др.-англ. *feðer*, др.-исл. *fjǫðr* 'перо': и.-е. *p^{[h]et}[h]-; др.-инд. *pad*- 'нога', греч. *πούς*, род. п. *ποδός* 'нога', арм. *otn* 'нога', хет. *pata*- 'нога': и.-е. *p^{[h]e/ot}'-;

И.-е. *t^[h]: др.-инд. *táratī* 'побеждает', 'преодолевает', греч. *τέρμα* 'цель', лат. *termin* 'пограничный знак', арм. *farm* 'конец', хет. *tarḫ*- 'побеждать': и.-е. *t^{[h]er}-H-;

И.-е. *k^[h]: др.-инд. *sakrá*- 'колесо', авест. *šaxra*-, греч. *κύκλος*, др.-англ. *hwēol*, тох. А *kukäl*, В *kokale* 'повозка': и.-е. *k^{[h]el}-; др.-инд. *kravīh* ср. р. 'сырое мясо', *krūrā*- 'коровый', греч. *κρέας* 'мясо', лит. *kraūjas* 'кровь', ст.-слав. *krivŭi*: и.-е. *k^{[h]reŭ}-.

Описанные преобразования индоевропейской системы смычных в индо-иранском с расщеплением серий II и III на независимые фонологические серии представлены на Табл. 8 и в правилах преобразований (8):

ПРАВИЛА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ

(8) а.	$\left\{ \begin{array}{l} [+ \text{глоттал}] \\ - \text{звонк} \\ - \text{аспир} \end{array} \right\} \Rightarrow \left\{ \begin{array}{l} (- \text{глоттал}) \\ + \text{звонк} \\ - \text{аспир} \end{array} \right\} \left \begin{array}{l} - \text{СЛОГОВ} \\ + \text{СМЫЧН} \end{array} \right.$
б.	$[- \text{аспир}] \Rightarrow [- \text{аспир}] \left \begin{array}{l} - \text{СЛОГОВ} \\ + \text{СМЫЧН} \\ + \text{ЗВОНК} \end{array} \right.$
б'.	$[+ \text{аспир}] \Rightarrow [+ \text{аспир}] \left \begin{array}{l} - \text{СЛОГОВ} \\ + \text{СМЫЧН} \\ + \text{ЗВОНК} \end{array} \right.$
в.	$[- \text{аспир}] \Rightarrow [- \text{аспир}] \left \begin{array}{l} - \text{СЛОГОВ} \\ + \text{СМЫЧН} \\ - \text{ЗВОНК} \end{array} \right.$
в'.	$[+ \text{аспир}] \Rightarrow [+ \text{аспир}] \left \begin{array}{l} - \text{СЛОГОВ} \\ + \text{СМЫЧН} \\ - \text{ЗВОНК} \end{array} \right.$

ТАБЛИЦА 8

**ВЫВОД ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ СИСТЕМЫ
ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ**

И.-е.	I	II	III	
	(p')	b/b ^h	p/p ^h	
	t'	d/d ^h	t/t ^h	
	K'	G/G ^h	K/K ^h	
Др.-инд.	I	II	III	IV
	b	bh	p	ph
	d	dh	t	th
	g	gh	k	kh

Таким образом, все происшедшие в индо-иранском преобразования исходной общиндоевропейской системы из трех серий смычных, в результате которых возникли системы конкретных индо-иранских языков, могут быть поняты как процессы расщепления исходных фонемных серий и слияния в общую фонемную серию определенных аллофонных рядов.

Эти процессы довольно ясно видны из приведенных выше "правил переписывания", которые предполагают в основном преобразование исходных фонетических признаков, характеризовавших аллофоны отдельных фонемных серий, в соответствующие фонологические признаки, превратившие исходные аллофонные ряды в независимые фонемные серии с изменением в серии I некоторых автоматически сопутствующих (для индоевропейского) признаков в фонологически релевантные признаки.

Собственно иранская система смычных, в частности авестийская и ряда восточноиранских языков, выводима уже из описанной индо-иранской при допущении определенных фонологических трансформационных правил, отражающих процессы спирализации в серии глухих придыхательных и слияния серии звонких придыхательных с серией чистых звонких. В результате этих преобразований в системе устраняется фонологически релевантный признак придыхания при смычных фонемах.

5.7. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ ГРЕЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

К той же группе индоевропейских диалектов, в которых произошло преобразование исходной индоевропейской серии глоттализированных смычных в соответствующие звонкие, относится система греческого языка, а также кельтских, италийских и балто-славянских языков.

В греческом языке индоевропейская глоттализованная серия предстает в виде *b, d, g*¹. Возникшая в греческом благодаря озвончению глоттализованных серия звонких типологически закономерно пополняется в исходно дефектном лабиальном члене звонкой фонемой *b* из разнородных источников.

Достаточно древними для греческого можно считать единичные случаи озвончения древнего глухого **pl^h* (в частности, в βόσχω 'пасу', 'питаю'; 'пасусь', βοτήρ 'пастух', βόσις 'пища, корм' ['pastum'], βού-βοτος 'пастбище коров' при лат. *pāscō* 'пасу', *pāstor* 'пастух', хет. *paḫš-* 'защищать', др.-инд. *pāti* 'защищает'), а также изменение групп сонорных **mr-*, **ml-* в *br-*, *bl-*:

Греч. βροτός 'смертный', ἀμβροτός 'бессмертный'; ἀμβροσία 'напиток бессмертных' при арм. *mard* 'смертный', др.-инд. *mṛtá-h* 'мертвый', др.-перс. *martiya-*, авест. *mərəta-* (Thieme 1952: 24 и след.);

Греч. βραχύς 'короткий' при авест. *mərəzu-* 'короткий', гот. *ga-maúrgjan* 'сокращать', др.-в.-нем. *murg(i)* 'короткий': и.-е. **mṛG^hl-u-*;

Греч. βλίττω 'достаю мед из улья' из *miltō, ср. греч. μέλι 'мед', хет. *melit* 'мед'.

Одним из количественно существенных источников звонкого β в греческом явились оноματοпоэтические образования типа βαβαί 'о!' (междометие удивления), βαύζω 'кричу', 'лаю', βαβράζω (глагол, означающий 'шум крыльев стрекозы'), βαμβαίνω 'болтаю' и др. (Chantraine 1968, 1—2: 163 и др.).

Другим важным источником для форм с β в греческом являются заимствования из других языков, датируемые довольно ранним для греческого периодом, ср., например, греч. βἄρις 'плоскодонная лодка египетского типа' (откуда и лат. *barca*), ново-егип. *br*, копт. *bari*; греч. βᾶτος 'мера измерения жидкости', др.-евр. *bat*; греч. βδέλλιον 'bdellium', ср. др.-евр. *b^edōlah*; греч. βύβλος 'папирус', ср. финик. *gbl*, аккад. *Gublu*, др.-евр. *G^ebāl²*, ср. Masson 1967: 101—107 (субституция первой звонкой *g* > β при второй звонкой β), греч. βῆτα 'буква β': зап.-сем. *bēt и т. д. К древним заимствованиям относятся также слова типа βαίτη 'одежда пастуха из звериных шкур', ср. алб. *petkë, petëk* 'платье', Bonfante 1935: 141 и след. (возможно, из фракийского); ср. βέκος 'хлеб' из фригийского по Геродоту (2, 2; Гиппонакт, fr. 125), ср. βεκος *αχκαλος* во фригийской надписи (ср. Нерознак 1978: 140).

В период после микенского греческого к источникам звонкого β прибавляется значительное число слов из древней лабиовелярной фонемы **g^w* < *K⁰: греч. βοῦς 'бык' (мик. *qo-u-ko-ro* 'пастухи быков', βουκόλοι), арм.

¹ В единичных случаях остатки незвонкого характера фонем серии I можно усмотреть в таких изолированных формах, как греч. πρόχην 'вперед на колени' ('Илиада' 9, 570; ср. πρόχην ἀπολέσθαι κακῶς 'погибать на коленях жажким образом') при греч. γόνυ 'колени', γνόξ 'на колени', и.-е. *K⁰opi-*, ср. авест. *fra-šnu-* 'выдвинувший вперед колени' при др.-инд. *pra-jñi-* 'кривоногий'.

² О л б р а й т (Albright 1950: 165—166) допускал, что заимствование слова греческим произошло до развития *Gubla* > *Gubāl*; это предполагало бы дату до 1200 г. до н. э.

ков, др.-инд. *gāuh*, др.-исл. *kýr*, др.-англ. *cū*, тох. А *ko*;

Греч. βάλω 'иду', др.-инд. *gā-* 'идти' (3 л. ед. ч. *jīgāti* 'он идет'), латыш. *gāju* 'я шел';

Греч. βίος 'жизнь', др.-инд. *gāyah* 'родовое имущество', *jivāh* 'живой', авест. *gayō* 'жизнь', лат. *vīvus* 'живой', арм. *keam* 'живу'.

Любопытно, что большинство ономастопоэтических образований, а также иноязычных заимствований приходится на слова со звонким β. В этом проявляется универсально значимая языковая тенденция к пополнению лексического состава в первую очередь такими формами, которые включали бы фонологические единицы, отсутствующие или слабо представленные по определенным диахроническим причинам, но типологически необходимые в системе. Эта тенденция приводит к заполнению пробелов, закономерных с типологической точки зрения, и к согласованию с синхронными типологическими закономерностями. В этом отношении показательно сопоставление звуков β и γ; на долю последнего приходится значительно меньшее число ономастопоэтик и заимствований.

После озвончения первой серии велярное звонкое *g*, возникшее из индоевропейских "гуттуральных" этой серии, занимает закономерно место в системе в качестве маркированного члена серии звонких, тогда как немаркированная в серии звонких фонема *b* должна была по необходимости появиться в системе в силу универсально значимых закономерностей отношения "доминации" в серии звонких. В языке начинается интенсивный процесс заполнения этого незаконномерного пробела в системе путем образования новых слов или соответствующего фонологического оформления заимствований из других языков¹.

Развитие второй серии индоевропейских смычных — звонких (придыхательных) — в греческом, как и в итальянском, а также в кельтском и балто-славянском, выражающееся в значительных фонетических изменениях первоначального характера этих фонем (изменениях, вызвавших фонологическую перестройку в системе), объясняется в значительной степени первоначальной фонетической природой звонких придыхательных.

Выше на основании выводов общей фонетики была дана возможная фонетическая характеристика фонем индоевропейской серии II и, в част-

¹ С этой точки зрения находит решение контроверза в отношении формы βύβλος, возникшей при заимствовании из семитского Gubl-. Возможно, так же объясняется и греч. βύβρα 'шкура, кожа', если оно является заимствованием из анатолийского, ср. хет. *kurša-* 'руно, щит' (в частности, как религиозный термин), ср. лув. *kuršašša-* 'военный', Meriggi 1957: 63—64; Laroche 1959a: 60; Порко 1974. При предположении заимствования (ср. сопоставление уже у Laroche 1947: 75, примеч. 4; Friedrich 1952: 119; Gusmani 1968: 32, ср. о ст.-ассир. *gursānum* 'меха', 'кожаный сосуд', Gelb 1969a; о заимствовании характере говорит и греч. ρσ вместо ρρ, Chantraine 1968: 202; Forbes K. 1958: 271—272) можно было бы ожидать в греческом *γύβρα. Замена γ > β объясняется не развитием лабиовеллярного (т. к. в таком случае не следовало бы ожидать греч. υ), а указываемой закономерностью. Так же можно было бы объяснить и заимствование дравидийских форм с начальным v- древнеиндийским с b- (при наличии v- в древнеиндийском) типа др.-инд. *bakaḥ* 'Ardea nivea' из тамил. *vakkā*, телугу *vakku* 'журавль' (Barrou 1976: 358) и т. п.

ности, их придыхательных аллофонов. Так называемые звонкие придыхательные звуки можно охарактеризовать фонетически, определив состояние гортани при их произнесении как нехарактерное для чистых звонких и чистых глухих (ср. *Whitney 1889* о санскрите).

Это “третье состояние” гортани характеризуется артикуляторно значительным опусканием гортани на протяжении смычки, в результате чего происходит сжатие подгортанной массы воздуха при разрежении воздуха в надгортанной полости. Просачивание воздуха через межхрящевую щель, которое наряду с вибрацией голосовых связок производит характерный акустический эффект, происходит только при рекурсии, поскольку иначе не было бы возможности создать подгортанное давление. В новоиндоарийских языках, в частности гуджарати, артикуляция “звонких придыхательных”, характеризуемая как “третье состояние” гортани, предполагает такую позицию голосовых связок, при которой задние их части между аритеноидными хрящами раздвинуты, тогда как передние (лигаментные) части могут вибрировать. Это сопровождается ускоренным выдыханием воздуха из легких, в связи с чем предлагается термин “breathy voice”—“звонкое выдыхание” (*Ladefoged 1971: 9 и след.*). Этот класс звуков составляет ближайший “естественный класс” по отношению к глухим звукам, характеризуемым раздвинутым состоянием задних частей голосовых связок между аритеноидными хрящами, и отсутствием по этой причине их вибрации.

В случае, если при “третьем состоянии” гортани выдыхание получает перевес над вибрацией голосовых связок, возникает глухая аспирация, которая может вызвать оглушение в период смычной фазы звука. Такое фонетическое развитие звуков со звонким выдыханием можно допустить в тех индоевропейских диалектах, в которых серия II индоевропейских смычных фонем, традиционно определяемая как “звонкие придыхательные”, отражается в виде глухих придыхательных, как в греческом и в некоторых позициях в итальянском.

Спецификой греческого развития фонем этой серии в отличие от итальянского было то, что в греческом происходит оглушение обоих аллофонов этой серии¹, в результате чего возникает особая серия глухих придыха-

¹ Фонетически легко объяснимое оглушение звонких придыхательных аллофонов фонем серии II могло привести в греческом к оглушению и непридыхательных аллофонов, представленных в некоторых позициях. Процесс оглушения, начавшийся, вероятно, в звонких придыхательных аллофонах этих фонем, охватил и их непридыхательные аллофоны. Такому оглушению звонких непридыхательных аллофонов фонем серии II в греческом одновременно с оглушением звонких придыхательных аллофонов должен был содействовать комбинаторный фактор появления звонких непридыхательных аллофонов в единой синтагматической последовательности в пределах слова совместно с фонемой той же серии, проявлявшейся в виде придыхательного аллофона. Фонетический процесс оглушения звонких придыхательных приводил одновременно к оглушению в том же сегменте и звонкого непридыхательного аллофона. Тем самым оглушение индоевропейских звонких фонем серии II в греческом (как звонких придыхательных, так и звонких непридыхательных аллофонов фонем этой серии) представляется фонетически как ассимилятивный процесс преобразования звонкого придыхательного и звонкого непридыхательного смычного

тельных, которая могла бы совпасть с глухими придыхательными серии III индоевропейских смычных. Подобное совпадение двух основных индоевропейских серий, которое могло бы возникнуть в системе при таком оглушении фонем индоевропейской серии II¹, было предотвращено путем фонетического преобразования глухих придыхательных смычных, восходящих к фонемам индоевропейской серии III, в соответствующие непридыхательные согласные. При таком передвижении, однако, происходит совпадение новых глухих непридыхательных согласных серии III с оглушенными непридыхательными вариантами индоевропейских фонем серии II.

В результате описанных выше преобразований в греческой фонологической системе возникают серия звонких смычных *b, d, g* (из индоевропейских глоттализированных), серия глухих придыхательных *p^h, t^h, k^h* (из индоевропейских звонких придыхательных) и серия глухих чистых смычных *p, t, k* — из индоевропейских глухих (придыхательных) и оглушенных непридыхательных аллофонов индоевропейской серии смычных II. Таким образом, серия глухих чистых в греческом включает в себя как рефлексемы смычных индоевропейской серии III, так и частично рефлексемы индоевропейской серии II, в частности рефлексемы индоевропейских звонких непридыхательных аллофонов.

Эти преобразования серий индоевропейских смычных в греческом могут быть иллюстрированы на примере разобранных выше индоевропейских форм типа *[*beud^h-], [*bund^h-], [*bud^h-], [*di-d^hē-], [*Gi-G^hē-]* и др., отразившихся в греческом соответственно в виде *πυυδ-, πυυδ-, πυυδ-, τι-δ^hη-, κι-χ^hη-* и т. д., с одной стороны, и типа **p^hlet^hl-*, греч. *πέτομαι*, **K^hlel-*, греч. *κύκλος*, **K^hreu-*, греч. *κρέας*, с другой стороны, с фонемами *p, t, k* и *p^h, t^h, k^h*, составляющими в греческом две самостоятельные фонемные серии, в первой из которых отражаются как индоевропейская серия III, так и непридыхательные аллофоны смычных индоевропейской серии II.

Фонемы придыхательной греческой серии *p^h, t^h, k^h*, отражающей закономерно придыхательные аллофоны индоевропейской серии II **b^h, *d^h, *g^h*, представляют в единичных случаях и рефлексемы глухих индоевропейских фонем серии III с сохранением, по не всегда понятным причинам, признака аспирации. Это в первую очередь относится к греческой

в пределах единой синтагматической последовательности. В этом можно видеть действие в архаичной греческой системе общеиндоевропейского принципа сочетаемости в слове смычных, гомогенных по признаку “звонкости ~ глухости”. Результатом такого комбинаторно обусловленного фонетического процесса и явилось, очевидно, одновременное оглушение обоих рядов аллофонов звонкой индоевропейской серии II (как звонких придыхательных, так и звонких непридыхательных), с последующим перераспределением их в греческой фонологической системе.

¹ Характерно, что ни в одном из индоевропейских диалектов, сохраняющих различие хотя бы двух серий смычных, не наблюдается слияния индоевропейских серий II и III при возможности слияния серий I и II. В этом, по-видимому, проявляются соотношения доминанции между индоевропейскими сериями смычных: серия III как немаркированная более стабильна, чем маркированная серия II и наиболее маркированная серия I.

фонеме ʈ в окончании 2-го л. ед. ч. перфекта $-\text{ʈ}\alpha$ (ср. др.-инд. $-\text{t}ha$ из и.-е. $*\text{-t}^{[h]}Na$, см. выше, стр. 55), в котором сохранение придыхательного характера фонемы можно было бы объяснить влиянием “ларингального”, как в древнеиндийском, хотя такое объяснение наталкивается на трудности из-за наличия в греческом непридыхательного t в других формах с последующим “ларингальным”, ср. греч. $\mu\lambda\alpha\tau\acute{o}\varsigma$ при др.-инд. $pr̥thú-$; греч. $\mu\acute{\alpha}\tau\omicron\varsigma$ при др.-инд. $ránthās$ и др.

К подобным “остаточным” глухим придыхательным в греческом, входящим к серии III индоевропейских смычных и не претерпевшим дезаспирации, мог быть отнесен ряд древнегреческих форм с придыхательными p^h , t^h , k^h (соответствующими p , t , k других индоевропейских языков), которые рассматривались как догреческие (возможно, индоевропейские) слова в греческом. К этой группе слов относятся греческие формы типа $\acute{\alpha}\varphi\upsilon\epsilon\acute{\iota}\omicron\varsigma$ ‘обильный’, $\acute{\alpha}\varphi\epsilon\upsilon\omicron\varsigma$ ‘богатство’: хет. $ḫappin-ant-$ ‘богатый’, $ḫarpar$ ‘цена’, др.-инд. $ápnas-$ ‘добро’, ‘имущество’, лат. ops ‘изобилие’, Ops ‘божество изобилия’: и.-е. $*\text{H}op^{[h]}$; греч. $\acute{\alpha}\varphi\eta$ ‘дотрагивание’ при $\acute{\alpha}\pi\tau\omega$ ‘трогаю’ (предположительно авест. $\acute{a}\acute{f}ante$, Pisani 1940: 12) и другие.

При предполагаемой интерпретации подобных форм как догреческих, заимствованных из какого-то догреческого языка (Van Windekens 1952, ср. Georgiev 1941—1945; Merlingen 1962), в этом гипотетическом языке следовало бы допустить не “передвижение согласных”, а отражение архаичной системы индоевропейских смычных типа армянской или германской.

Описанные выше процессы преобразования трех индоевропейских серий представлены на Табл. 9 и в правилах преобразований (9):

ТАБЛИЦА 9

ВЫВОД ГРЕЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ

	I	II	III
И.-е.	(pʰ)	bʰ/b	pʰ ^[h]
	tʰ	dʰ/d	tʰ ^[h]
	kʰ	Gʰ/G	Kʰ ^[h]
	↓	↓	↓
Греч.	b	pʰ	p
	d	tʰ	t
	g	kʰ	k

$$\left\{ \begin{array}{l} [+ \text{глоттал}] \\ (- \text{звонк}) \end{array} \right\} \Rightarrow \left\{ \begin{array}{l} (- \text{глоттал}) \\ [+ \text{звонк}] \end{array} \right\} \mid \left[\begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \end{array} \right]$$

$$\begin{array}{l}
 \text{b.} \quad \left\{ \begin{array}{l} [+ \text{звонк}] \\ [+ \text{аспир}] \end{array} \right\} \Rightarrow \left[\begin{array}{l} - \text{звонк} \\ + \text{аспир} \end{array} \right] \mid \left[\begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \end{array} \right] \\
 \text{b'.} \quad \left\{ \begin{array}{l} [+ \text{звонк}] \\ [- \text{аспир}] \end{array} \right\} \Rightarrow \left[\begin{array}{l} - \text{звонк} \\ - \text{аспир} \end{array} \right] \mid \left[\begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \end{array} \right] \\
 \text{c.} \quad [+ \text{аспир}] \Rightarrow [- \text{аспир}] \mid \left[\begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \\ - \text{звонк} \end{array} \right]
 \end{array}$$

Приведенные выше правила иллюстрируют происшедшие в греческой фонологической системе преобразования определенных исходных признаков, повлекшие за собой трансформацию фонологических соотношений между сериями. Существенным при таких преобразованиях представляется трансформация фонетического признака придыхания в фонологически релевантный признак в греческом, как и в древнеиндийской системе. При этом положительное значение признака звонкости меняется на отрицательное значение в серии II, при обратном значении этого признака и его превращении в релевантный в серии I.

В терминах “правил переписывания” такие фонологические преобразования трех серий индоевропейских смычных в греческом можно было бы представить в определенной последовательности, отражающей возможную диахроническую последовательность этих процессов (релятивную хронологию):

- (1) Дезаспирация придыхательных аллофонов серии III (Правило 9с);
- (2) Оглушение обоих рядов аллофонов фонем серии II (Правила 9b и 9b');
- (3) Озвончение глоттализированных фонем серии I (Правило 9а).

5.8. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ ИТАЛИЙСКОЙ СИСТЕМЫ

В итальянской системе при аналогичном греческому развитию индоевропейских серий I и III, давших соответственно звонкие смычные и глухие смычные, противопоставляемые друг другу по признаку звонкости~глухости, серия смычных II отразилась несколько иначе, что и составляет отличительную черту итальянской, в частности латинской, системы по сравнению с греческой в отношении передачи серии II индоевропейских смычных.

Придыхательные аллофоны индоевропейских звонких смычных фонем серии II отражаются в итальянском как соответствующие глухие придыхательные спиранты *f*, *θ*, *h*, возникшие, очевидно, в результате спирантизации глухих **p^h*, **t^h*, **k^h*, которые восходят, в свою очередь, к индоевропейским звонким придыхательным фонемам. Тем самым в итальянском допускается аналогичный греческому процесс оглушения придыха-

тельных аллофонов звонких фонем индоевропейской серии II смычных¹. Такое *θ из *d^h уже достаточно рано в италийском, в частности в начальной позиции, совпадает со спирантом *f*. Предполагается, что в интервокальной позиции глухие спиранты в италийском, в частности латинском, претерпевают озвончение и переход в соответствующую звонкую смычную фонему.

Н а ч а л ь н а я   п о з и ц и я :

[*b^h] > итал. *p^h > лат. *f* (при допущении промежуточной ступени в виде билабиального *φ);

[*d^h] > итал. *t^h > *θ > лат. *f*-;

[*G^h] > итал. *k^h > *x > лат. *h*-;

[*g^{h0}] > итал. *k^{hw} > *x^w > лат. *f*-;

В с е р е д и н е   с л о в а :

[*b^h] > итал. *p^h > *φ > *β > лат. *-b*-;

[*d^h] > итал. *t^h > *θ > *ð > лат. *-d*- (в оскско-умбрском *θ > *f*);

[*G^h] > итал. *k^h > *x > лат. *-h*-;

[*g^{h0}] > итал. *k^{hw} > *x^w > лат. *-u*- (ср. Allen 1958);

[*#b^h-]: лат. *ferō* 'несу', умбр. *fertu*; *arsfertur* 'жрец': др.-инд. *bhārāmi* 'несу', др.-инд. *prā-bhartar-*, авест. *fra-bərətar-* 'жрец' (от *'приноситель'), гот. *bairan* 'нести', греч. φέρω 'несу';

[*#d^h-]: лат. *faciō*, *fēci* 'делаю', оск. *fakiiad*, умбр. *façia*, *fakust*: греч. τίθημι, др.-инд. *dādhami* 'ставлю';

[*#G^h-]: лат. *hortus* 'огражденный участок', оск. *húrz*, *húrtúm*: греч. χώρος 'огражденное место', 'загон', гот. *gards* 'дом';

[*#g^{h0}-]: лат. *formus* 'теплый': греч. θερμός 'теплый', др.-инд. *gharmā-* 'жара', ст.-слав. *gorěti* 'гореть';

[*b^h-]: лат. *albus* 'белый', умбр. *alfu*: греч. ἀλφός 'белый лишай', др.-в.-нем. *albiz* 'лебедь', хет. *alpa-* 'белый'; лат. *nebula* 'туман': др.-инд. *nābhaḥ* 'облако', 'небо', хет. *periš* 'небо', греч. νέφος 'облако, туча';

[*d^h-]: лат. *medius*, оск. *meſiaí*: др.-инд. *mādhyah*, авест. *maidya-*; греч. μέστος, гот. *midjis* 'срединный'; лат. *uidua* 'вдова': др.-инд. *vidhāvā*, гот. *widuwō*, др.-ирл. *fedb*, др.-прусс. *widdewu*, ст.-слав. *vǐdova*;

[*G^h-]: лат. *uehō* 'везу', умбр. *arsueitu* 'advehitō', *kuweitu* 'convehitō': др.-инд. *vāhati*, авест. *vazaiti* 'везет', ст.-слав. *vezq* 'везу';

[*g^{h0}-]: лат. *nīuit* 'идет снег', *niuem* (вин. п.): греч. νίφα 'снег', *νίφα:* 'идет снег', авест. *snaēzaiti* 'идет снег';

¹ Такой фонетический переход индоевропейских звонких придыхательных в глухие придыхательные в раннеиталийском должен был повлечь за собой, еще до перехода этих последних в соответствующие спиранты, "передвижение" глухих придыхательных (серия III) в соответствующие глухие чистые и совпадение их с непридыхательными аллофонами серии II. Вообще говоря, такое передвижение серии III смычных можно охарактеризовать как фонологизацию чистых глухих в результате потери фонетического признака придыхательности при соответствующих придыхательных аллофонах.

[**-d^h-*] в определенных позициях, в частности рядом с *r*, а также перед *l* и после *u*, отражается как *-b-*, что предполагает переходы типа [*-d^h-*] > [*-t^h-*] > [*-θ-*], с последующим озвончением и огублением в *b* (ср. Allen 1958): ср. лат. *ūber* 'сосцы, вымя' при др.-инд. *ūdhar*, др.-англ. *ūder* 'вымя'; лат. *uerbum* 'слово', умбр. *uerfale* 'uerbāle', 'templum efflātum', Т. I. VI A 8, гот. *waúrd*; лат. *ruber* 'красный', оск. *Rufriis* (собственное имя), *rufra*, *rufri*: др.-инд. *rudhiráḥ*, греч. ἐρυθρός, ст.-слав. *rŭdrŭ* 'красный', др.-исл. *roðra* 'кровь'.

В италийском выявляются несомненные следы рефлексов фонем индоевропейской серии II с сохранением признака смычности, то есть рефлексов, не обнаруживающих перехода в глухие фрикативные фонемы в италийском с последующим озвончением в латинском, что можно было бы предположить в отношении форм, приведенных выше. Такое сохранение признака смычности в италийских рефлексах индоевропейских звонких фонем серии II наблюдается в комбинаторно определяемых условиях, восходящих в италийском к общеиндоевропейскому.

Имеются в виду латинские формы типа *uēctus*, прич. прош. страд. от *uehō* 'везу', *lēctus* 'кровать, ложе' при гот. *ligan* 'лежать', др.-в.-нем. *liggen* 'лежать', греч. λέχος, λέκτρον 'ложе', рус. *ложе*, из и.-е. **leG^h-1*; лат. *nix*, род. п. *niuis* 'снег' при *niuit* 'идет снег'; лат. *uēxi*, перфект от *uehō* 'везу' из старых форм с суффиксом *-s-* типа др.-инд. *ávāksam*, ст.-слав. *věsŭ*; лат. *uechō* 'раздражаю', 'привожу в движение', *uēctis* 'рычаг', ср. греч. ὄχλος 'рычаг'; лат. *abdō*, *abdidī*, *abditum* 'отделяю, ставлю в сторону' (от и.-е. **d^hē-*, Ernout/Meillet 1967 : 179) при др.-инд. *apa dād^hāti*, греч. ἀποτίθημι, ср. лат. *ob-dō*, *sub-dō*.

Вне сомнения, в вышеприведенных формах типа *abdō* в италийском в рефлексе фонемы серии II сохраняется не только признак смычности, но и признак звонкости: лат. *ab-dō*, *ob-dō*, *sub-dō* из *ap-dō, *op-dō, *sup-dō и т. д., с ассимиляцией по звонкости предшествующего глухого смычного под влиянием следовавшего за ним звонкого смычного *-d-*, восходящего непосредственно к индоевропейской звонкой смычной фонеме серии II².

¹ Архаизм лат. *lectus* проявляется в отсутствии соответствующей глагольной формы и в редкости самого типа именного образования на **-t[h]o-*, находящего соответствие в суффиксе и значении хет. *šašta-* 'ложе', от *šeš-* 'спать', 'покоиться', др.-инд. *sás-*.

² Сочетания корня *dō-* с превербами *ab-*, *ad-*, *ob-*, *sub-*, *con-* в *abdō*, *addō*, *obdō*, *subdō*, *condō* являются древними формами, восходящими к общендоевропейской эпохе, ср. Тронский 1960: 252. Аналогичные сочетания соответствующих приставок с глаголом **d^hē-* характерны и для других индоевропейских языков, в чем и проявляется древность рассматриваемых сочетаний, ср. лат. *condō* и кельтские сочетания с приставками: др.-ирл. *con-dag taiter* 'они были бы даны' (3 л. мн. ч. страдат. з. наст. вр. сосл. накл.), имперф. сосл. накл. 1 л. ед. ч. *con-dartin*, где *con-* родственно лат. *con-*, а *tarti* < *to-ro-ad-dit (**-dit* < **-d^hēi*), перф. *do-rat* < *to-ro-ad-dat, Thurneysen 1946: 35; Pokorny 1959: 236, ср. также древнехеттские структуры типа *-kan...dai* (*-kan* < **k^h*) лат. *con-*) *-šan... dai-* (*-šan* < **s^h*) греч. *ovv-*): *nu-kán iš-na-an ḥa-aš-ši-i da-a-i* 'и тесто в очаг кладет'; ... *ḥa-aš-ši-ja-aš-ša-an ti-an-zi* 'и кладут в очаг'. Тем самым можно утверждать,

Чередование в латинских формах типа *uehō* : *uehō*, *uectus*, *uectis* и *nix* [*nik-s*] : *niuis* указывает на отражение звонкой индоевропейской фонемы серии II **g^h* в виде чистой звонкой смычной, претерпевшей позиционное оглушение в достаточно ранний период развития италийских диалектов (ср. аналогичное позиционное оглушение рефлексов звонких смычных фонем серии II в греческом). В результате в италийском, в частности латинском, возникают формы с чередующимися алломорфами в пределах одной парадигмы типа *uek-* / *ueh-*, *nik-* / *niu-*, где первая алломорфа отражает индоевропейскую смычную в позиции перед последующей глухой фонемой (*t* и *s*), вторая же алломорфа отражает развитие индоевропейской звонкой смычной, в частности велярной, в интервокальной позиции.

Аналогичное отражение индоевропейских звонких смычных серии II в виде звонких смычных фонем, без необходимости допущения преобразования их в спиранты наподобие их преобразованию в интервокальной позиции, следует принять и в позиции после назальных. Последовательности типа **mb^h*, (**nd^h*), **ng^h* представлены в италийском в виде *mb*, (*nd*), *ng*:

И.-е. **mb^h*: лат. *ambō*, *ambae* 'оба', ст.-лат. *ambi-*, *ambiguus*, *ambulō*, умбр. *amb-oltu* 'ambulatō', *ambretuto*¹: греч. ἀμφω 'оба', тох. А *āmpi* 'оба';

**nd^h*: лат. *condō* 'соединяю, собираю', форма с приставкой *con-* и глаголом (от корня **d^hē-*, по смыслу соответствует греч. συντίθημι 'соединяю'), *conditor* 'создатель, основатель', *Conditor* 'имя бога', сохраняющее архаическое значение 'кладущий зерно в амбар' (отражает древнее сочетание проверба *con-* < **k^hn-* с индоевропейским **d^hē-*, ср. хеттское *-kan...* *dai-* 'класть', *Josephson 1972* : 239, 242 и 287);

**ng^h*: лат. *angō* 'сжимаю, сужаю', *angustus* 'узкий', *angiportus* (= *uīcus angustus*) 'узкая улица', 'тупик': греч. ἀγγω 'сдавливаю, душу', др.-инд. *amhu-*, др.-ирл. *cum-ung*, гот. *aggwus* 'узкий', ст.-слав. *qzū-kū*, лит. *aīkštas* 'узкий';

**ng^h*⁰: лат. *anguis* 'змея' (древний термин религиозного языка): др.-инд. *āhiḥ*, греч. ὄφις 'змея', 'змея', ср.-ирл. *esc-ung* 'угорь' ('змея воды'); лат. *unguis* 'ноготь, коготь': греч. ὄνυξ, *род. п.* ὄνυχος 'ноготь', 'коготь', др.-инд. *ānghriḥ* 'нога', прус. *nage* 'иога', ст.-слав. *noga*, рус. *нога*, *ноготь*.

Рассмотренные выше формы дают основание утверждать, что в некоторых позициях звонкие смычные фонемы серии II отражались в италийском непосредственно как чистые звонкие смычные. В этих формах, очевидно, не следует предполагать оглушения и спирантизации первонач-

что в рассматриваемых латинских формах с приставками отражено древнее индоевропейское распределение смычных в контактной последовательности. Этим и следует объяснить различие в отражении и.-е. **d^h* в данных глагольных формах с корнем **d^hē-*, в отличие от отражения и.-е. [**d^h*] в виде спиранта *f* в том же глагольном корне в италийском в других позициях: лат. *fēci*.

¹ Умбр. *amprehtu* может быть объяснено из *am-prae-ito, оск. *am-fret*, *Vetter 1953*:

чальных звонких придыхательных с последующим их озвончением. При таком допущении вполне естественно предположить, что приводимые итальянские формы отражают именно звонкие непридыхательные аллофоны фонем серии II, проявлявшиеся в итальянском диалектном ареале в рассмотренных выше позициях, тогда как в других позициях, в которых предполагается оглушение и спонтизация звонких смычных индоевропейской серии II, следует ожидать проявления соответствующих придыхательных аллофонов.

Устаивание в итальянском ряда позиций с проявлением непридыхательных аллофонов звонких смычных фонем серии II предполагает существование и других позиций, в которых фонемы этой серии вели себя аналогичным образом, то есть проявлялись в виде непридыхательных аллофонов. Такие позиции наряду с вышеразобранными позициями составляют полную дистрибуцию непридыхательных аллофонов индоевропейских смычных серии II.

Одной из наиболее вероятных позиций проявления непридыхательных аллофонов фонем этой серии в итальянском следует считать последующую позицию в дистантной последовательности звонких смычных фонем серии II.

Формы типа лат. *fidō*, *offendix*, *fiber*, *fidēlia*, *foueō*, *fiŋgō*, *habeō* (см. выше, стр. 25) представляется вероятным выводить соответственно из [**b^heid-*], [**b^hend-*], [**b^he-ber-*], [**b^hid-*], [**d^heg⁰-*], [**d^heG-*], [**G^hab-*], а не из постулируемых в традиционной теории форм как с первым, так и со вторым звонким придыхательным с оглушением, спонтизацией и последующим озвончением второго придыхательного в итальянском. В рассмотренных выше формах налицо лишь внешнее совпадение, с одной стороны, непридыхательных аллофонов звонких смычных фонем серии II и, с другой стороны, озвончившихся рефлексов придыхательных аллофонов тех же фонем¹.

Такая интерпретация рассмотренных выше форм позволяет судить о характере распределения фонем серии II в дистантной последовательности в итальянском². Порядок расположения звонких смычных серии II в

¹ В таких итальянских формах с двумя фонемами серии II, находящимися в дистантной последовательности, в которых вторая смычная представлена в позиции после п, фактором проявления непридыхательного аллофона является как последующая позиция в дистантной последовательности, так и, вероятно, наличие соседней фонемы п.

² Такой порядок последовательности звонких смычных фонем серии II может быть проиллюстрирован и на примере умбского и оскского языков. Сопоставление оскско-умбских форм с соответствующими латинскими позволяет судить о первоначальной общности в итальянском отражения аллофонов звонких смычных фонем серии II. В частности, умбские формы *habe*, *habet*, *pre-habia*, *pre-hubia* отвечают в этом отношении рассмотренной выше латинской форме *habeō*; *habiest* предполагается на основе неверного написания *hafiest* и для оскского (*Ernout/Meillet 1967: 288*). Оскские формы конъюнктива перфекта *hipid*, буд. *hipust* 'habuerit', проявляющие непридыхательный рефлекс второго смычного, соответствуют схеме распределения смычных в латинском (со вторичным оглушением). Такое же колебание в отношении передачи рефлекса второго согласного проявляется в оскской форме *feihúss* 'стен' ('*mūgōs*') (ср. выше лат. *fiŋgō*, *fiŋgura*) при оскском *fi-*

дистантной последовательности в италийском¹ находится в обратном соотношении с порядком распределения их в греко-арийском.

Обратный арийскому порядок распределения звонких смычных фонем, то есть последовательность со вторым непридыхательным членом в группе двух смычных, возможно предположить для италийского и в контактной последовательности. Этим можно было бы объяснить латинскую форму *crēdō* 'верю', восходящую к словосложению типа др.-инд. *śrad-dhā-* 'верить': *śrāt te dadhāmi* 'в тебя я верю', RV X 147,1: и.-е. ***K^[h]ret**’-**d^[h]ē**- > ****k^[h]red-dhē**². В латинском происходит утеря звонкого *d* (из и.-е. ***t**) с заместительным удлинением и сохранением последующего *d* (из и.-е. ***d^h**), ср. выше отражение ***d^[h]** в лат. *abdō*, *condō* и т. п. Такая утрата предшествующего *d* с заместительной долготой гласной понятна в последовательности *dd*, возникшей из и.-е. ***t^hd^[h]**, давшего ***dd^[h]** (с озвончением глоттализованной фонемы в результате общего озвончения глоттализированных в италийском, и тем более в позиции перед звонкой фонемой). Эта последовательность могла отразиться только в виде *dd*, то есть с непридыхательным аллофоном звонкой фонемы серии II (согласно правилам распределения аллофонов фонем серии II в контактной последовательности для италийского).

В контактной последовательности перед глухими (незвонкими) смычными глоттализированные фонемы серии I должны были отразиться в италийском как соответствующие незвонкие (то есть они не претерпевали озвончения, ср. аналогичное развитие этих фонем в подобной позиции в древнеиндийском). При этом утеря признака глоттализации при смычной вызывала компенсаторное удлинение предшествующей гласной ('закон Лахман а'):

fikus 'ты, вероятно, сотворил', *Vetter 1953 : 43; Lejeune 1955 : 145*, и ст.-фалиск. *fifiked* 'fin-xi', отражающих некоторую нестабильность в передаче второго согласного, появившуюся вследствие действия ассимиляции, возможно, на поздней италийской основе, в противовес латинскому (ср. также формы с начальным смычным серии I типа умбр. *teitu* при *deitu*, оск. *deikum*, лат. *dīsege*, что может отражать общую тенденцию к унификации согласных основы по признаку звонкости ~ глухости).

¹ Единственной латинской формой, которая на первый взгляд противоречит предполагаемому выше порядку распределения дистантной последовательности звонких смычных фонем индоевропейской серии II, является лат. *barba* 'борода', объясняемое обычно из лат. *farfā < *farḡā (ср. итал. *farfecchie* 'усы'): **b^hardhā*, ср. др.-в.-нем. *bart*, ст.-слав. *brada*, лит. *barzdà*. Индоевропейская форма, представленная только в определенной группе западных диалектов, является, по-видимому, сложным словом, составленным из **b^hlag-* 'щетина' и **d^hl̥-*: [**b^hlag-dhē-*] (ср. *Specht 1944 : 87; Pokorny 1959 : 110*), ср. др.-исл. др.-в.-нем. *burst*, др.-англ. *byrst* 'щетина', др.-инд. *bhṛṣṭi-* 'край', ср. др.-ясл. *skegg* 'борода' и *skagi* 'выступ' (*Buck 1949 : 205, § 4. 142*). В таком случае в рассматриваемой латинской форме представлена последовательность из двух сопологающихся оснoв (из словосочетания), начальные согласные которых развиваются независимо друг от друга по законам начала слова, ср. отражение **-dh-* > *-f-* в латинских сложных словах на *-fer* типа *frūgifer* 'плодоносный', *ignifer* 'огненосный', *lūcifer* 'светоносный' (*Ernout/Meillet 1967 : 227 и след.*).

² В италийском, как показывает сравнение с кельтским (др.-ирл. *cretim* 'верю', валл. *credaf*, ср.-брет. *cridiff*), сложный характер слова был довольно рано утрачен.

Лат. *actus* от *ǎgō* 'веду', оск. *acum*, *actud*, греч. ἄγω (и.-е. *ak'-tʰos > итал. *āk-tos);

rēctus от *rĕgō* 'правлю', ср. др.-ирл. *ro-recht* 'expansum est', 'распространен', гот. *raih̄ts* 'εὐθύς', 'прямой' (и.-е. *reK'-tʰos > итал. *rĕk-tos);

tēctus от *tĕgō* 'покрываю', греч. στέγω (и.-е. *tʰeK'-tʰos > итал. *tĕktos);

cāsus от *cǎdō* 'падаю' (и.-е. *Kʰat'-tʰos > *kāt-tos > итал. *kāsos);

ēsus от *ĕdō* 'ем', греч. ἔδομαι, хет. *e-it-mi* (и.-е. *et'-tʰos > *ēt-tos > итал. *ēsos);

uīsus от *uīdeō* 'вижу', греч. οἶδα, др.-инд. *véda* 'знаю' (и.-е. *uit'-tʰos > *uīt-tos > итал. *uīsos*).

В формах с исходом на дентальный *t' наблюдаются колебания в отражении количества предшествующей гласной: наряду с формами с долгой гласной обнаруживается случай с краткой гласной: ср. лат. *sĕssus* от *sedeō* 'сизу' (и.-е. *set'-tʰos)¹.

То, что компенсаторное удлинение гласной в приводимых формах вызвано не позиционным оглушением звонкой смычной (как это предполагается в традиционной интерпретации "закона Лахмана", ср. *Нидерман 1949: 68—69; Safarewicz 1969: 77—78; Тронский 1960: 98—99, 278—279*), а другими фонетическими причинами, не связанными со звонкостью смычной (очевидно, признаком глоттализации), ясно видно из факта отсутствия компенсаторного удлинения предшествующей гласной в латинском при оглушении в аналогичных фонетических условиях звонких смычных, возникших в итальянском из звонких фонем индоевропейской серии II: ср. формы типа:

Лат. *uĕctus* от *uehere* 'везти, тащить', др.-инд. *váhati* 'везет', греч. ὀρέω 'везу' (и.-е. *ueG^hl-tʰos > итал. *ueg-tos > uĕk-tos);

lĕctus от *legō* 'собираю', греч. λέγω 'ложе' (и.-е. *leG^hl-tʰos > итал. *leg-tos > lĕk-tos);

fĕssus от *fodiō* 'рою, копаю', др.-инд. *budhná-*, греч. πυθμήν 'дно' (и.-е. b^hl^hod^hl-tʰos > итал. *fod-tos > fĕssus).

Следует допустить, что возникновение долготы гласной в латинском по "закону Лахмана" увязывается с глоттализацией смежной индоевропейской смычной, что можно представить схематически в виде преобразования $\bar{V}C'C \rightarrow V'CC \rightarrow \bar{V}CC$. Представляется, что "закон Лахмана", существенный и для поздней латинской просодии (ср. *Bohnenkampff 1977*), отражает непосредственно языковое состояние, возникшее в период утери признака глоттализации при итальянских рефlekсах индоевропейских фонем серии I (ср. также *Kortlandt 1978a: 117*).

¹ Форма *sessus* с краткой гласной *e* и с геминированной согласной могла возникнуть из закономерной *sĕsus с переносом признака долготы с вокалического сегмента на последующий консонантный сегмент, наблюдаемым и в ряде других случаев, ср. этимологически закономерную форму *Iūpiter (при греч. Ζεὺ Πάτερ), превратившуюся в *Iurpiter* (с переносом признака долготы на последующий консонантный сегмент), ср. *Collinge 1975: 230*.

Возникновение долготы гласной в итальяском (латинском) под влиянием признака глоттализации (ларингальной артикуляции) последующей смычной может быть сопоставлено с появлением просодического “толчка” в германском (ср. выше, стр. 35), а также типологически сравнимо с процессом влияния на вокалическое количество индоевропейской “ларингальной” фонемы (об этом подробнее — ниже).

Тем самым приводимые обычно латинские формы типа *fōssus* от *fodiō* ‘копаю’, *strictus* от *stringō* ‘натягиваю’ и др. в качестве исключений к “закону Лахмана” (*Safarewicz 1969: 78; Нидерман 1949: 70—71*) не отражают, строго говоря, этой закономерности, распространяющейся исключительно на латинские формы с рефлексами индоевропейских фонем серии I¹.

Разобранные выше итальяские формы в соотношении с формами других индоевропейских языков дают возможность составить картину преобразования трех серий индоевропейских смычных фонем в итальяском с учетом последовательных этапов развития итальяской фонологической системы.

Серия II индоевропейских смычных расщепляется в раннеиталийском на две фонемные серии — серию глухих придыхательных смычных и серию звонких смычных, отражающих соответственно придыхательный и непридыхательный ряд аллофонов звонких смычных фонем индоевропейской серии II. При этом звонкая серия итальяских смычных, возникшая из непридыхательных аллофонов фонем серии II, сливается со звонкими рефлексами глоттализованной серии I индоевропейских смычных. Фонологизация в раннеиталийском звонких смычных и глухих придыхательных произошла, вероятно, именно в результате совпадения рефлексов непридыхательных аллофонов фонем серии II со звонкими рефлексами глоттализованной серии I индоевропейских смычных.

В определенной связи с этими преобразованиями находится и дезаспирация придыхательных аллофонов незвонкой серии III индоевропейских смычных. Возможность совпадения с этими последними первоначальных итальяских рефлексов придыхательных аллофонов индоевропейских фонем серии II должна была вызвать утерю признака аспирации при придыхательных аллофонах фонем серии III и переход ее в итальяском в серию чистых глухих смычных. В результате в раннеиталийском возникает

¹ Объяснение происхождения долгой гласной в партиципальных формах типа *tēs-tus*, *tētus* аналогически м распространением долгой ступени, возникающей в определенных морфологических структурах прошедшего времени (соответственно *tēs*, *tēt*-, *Watkins 1962: 37*; ср. несколько отличное морфонологическое толкование долготы *Kurylowicz 1968a*, ср. также *Strunk 1976*), не может удовлетворительно разъяснить, без дополнительных сложных аналогически построений, отсутствие долгот в формах типа *uētus*, имеющих соответствующие формы аориста на долгий гласный — *uēxī*. Довольно четкое разграничение долгой и краткой гласной в соответствующих партиципальных формах в латинском, содержащих фонемы серии I (при долгой гласной) и серия II (при краткой гласной), проявляет скорее фонетический характер происхождения долгих гласных в партиципальных формах. К критике “морфологического объяснения” закона Лахмана ср. также *Collinge 1975; ср. Drachman 1980*.

система, различающая еще три серии смычных: звонкие ~ глухие придыхательные ~ чистые глухие.

Следующим этапом в развитии италийской фонологической системы явилась спирализация глухих придыхательных смычных и переход их в соответствующие фрикативные, которые в ряде позиций претерпевают комбинаторное озвончение (Martinet 1950). Возникшие в результате последнего звонкие смычные совпадают в латинском с ранее существовавшей серией звонких смычных. Система преобразовывается в направлении элиминации серии глухих придыхательных фонем и образования особой серии глухих фрикативных.

Фонемы серии I индоевропейских смычных, перешедшие в италийском, как в греческом и индо-иранском, в звонкие смычные *d*, *g*, *g^w*, создали тем самым собственно италийскую серию звонких смычных, лабиальный член которой *b* возникает в результате описанных процессов развития фонем серии II, то есть в результате совпадения непридыхательного аллофонного ряда звонких фонем *b*, *d*, *g* с италийскими рефлексамии серии I. В дальнейшем такое *b* наряду с *d* и *g* могло возникнуть также вследствие процесса комбинаторного озвончения спирантов и превращения их в соответствующие смычные [а в оскско-умбрском в результате развития **g^w* > *b*]: оск. *bivus* (мн. ч.) 'живые': лат. *uivū*].

Другим источником пополнения числа форм, содержащих звонкую лабиальную фонему *b* в латинском (помимо некоторых дополнительных комбинаторных процессов типа изменения *-p* > *-b¹* в *bibō* 'пью', группы *дц*- типа *дцi* > *bi*- 'дву-' в лат. *binī* 'двое', *bonus* 'хороший' из *дцenos, **## mr-* > *br-*: лат. *breuis* 'короткий', греч. βραχύς, ср. гот. *gamaúrgjan* 'укорачивать') являлись ономатопоэтические или экспрессивные образования типа *balbus* 'болтун', *balbō* 'болтаю', а также заимствования из

¹ В отдельных редких случаях глухие (придыхательные) дают по диалектам озвончение с позднейшим переходом их в соответствующие звонкие. Этим следует объяснить, в частности, кельт. *b* в др.-ирл. *ab* 'река', *род. пад.* *abaе*, валл. *afon*, др.-брет. *Abona* (ср. 'Афон лотамоу у Птолемея) с позднейшим озвончением **r^h* вместо его закономерной утери, характерной для кельтских языков (в начальной позиции): ср. др.-инд. *ar-* 'вода, река', хет. *ḥa-ar-ra* (в древнехеттском тексте KUB XXXI 74 Vs. II 9': *ḥa-ar-ra an-da še-iš-te-en* 'покойтесь=спите в реке'), прус. *are* 'поток', *arus* 'источник, колодец', лит. *ūrė* 'река', латыш. *ure* 'река', с первоначальным **r^h*, Иванов 1980 : 80—81.

Звук *b* возникает, очевидно, по ассимиляции *r* под влиянием последующей звонкой согласной в формах типа др.-инд. *ar-bhis (твор. п. мн. ч.) > *ab-bhis, откуда исторически зафиксированное *adbhis*, *adbhyās* (дат. п. мн. ч.), с диссимилиацией сочетания *bbh* → *dbh* (ср. *nádbhyas* из *napdbhyas, Wackernagel/Debrunner 1930, III: § 131 b; Mayrhofer 1956, I: 29—30; Thieme 1953 : 578; Thumb/Hauschild 1958, I, I: § 145, 303). Лат. *amnis* может быть легко выведено из формы с первоначальным глухим *r*: **H₂ap^hlnis*, ср. пал. *ḥappaš* (Carruba 1970 : 20 и след., ср. Hamp 1972, где звонкое *-b-* предполагается из озвончения под влиянием ларингального, как и в *píbatī*, с ассимиляцией последующего носового **-rp-* > *-mp-*). Параллельное хеттское написание *ḥa-ra-a* (KUB XIII 3 III 29, 32) легко объясняется графическими особенностями клинописи, в которой часто опускается графическое удвоение согласного. Поэтому, вопреки гипотезе Уоткинса (Watkins 1973a), нет оснований реконструировать две серии слов для этого корня.

других языков, в том числе из близкородственных итальянских диалектов (например, лат. *bōs* 'бык', 'корова' из диалекта оскско-умбрского типа) и ряда других (лат. *bōsa* 'морская рыба': греч. βῶξ, *Ernout/Meillet 1967: 72*; лат. *ebur* 'слоновая кость', егип. *Зbw*, копт. εβυ и др.), *Laughton 1956; Laroche 1965a : 56—57; Masson 1967.*

Эти процессы приводят к закономерному пополнению серии звонких смычных фонемой *b* — типологически немаркированным для этой серии лабиальным членом. Тем самым серия звонких смычных в латинском приходит в соответствие с универсальными типологическими закономерностями частотных соотношений фонем лабиального и велярного рядов.¹

Рассмотренные выше преобразования трех серий индоевропейских смычных в итальянском представлены на *Табл. 10* и в правилах преобразования (10) и (10')²:

ТАБЛИЦА 10
ВЫВОД ИТАЛИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ

И.-е.	I	II	III
	(p')	b/b ^h	p ^[h]
	t'	d/d ^h	t ^[h]
	K'	G/G ^h	K ^[h]
Раннеиталийская	↓	↓	↓
	b	p ^h	p
	d	t ^h	t
	g	k ^h	k
	g ^w	k ^{hw}	k ^w
Позднеиталийская	↓	↓	↓
	b	f	p
	d	θ	t
	g	x→h	k
	gu	xu→hu	ku
Латинская	↓	↓	↓
	b	f	p
	d	f	t
	g	h	k
	gu	u	ku

¹ Установлению статистически закономерных соотношений между лабиальными и велярными фонемами в серии звонких содействует также и то, что маркированная в этой серии лабиовелярная фонема *du* превращается в *u* во всех позициях за исключением позиции после *p*.

² Следует заметить, что в статье Миллера (*Miller 1977*), который отрицает возможность придыхательного характера глухой индоевропейской серии смычных, дается неправильное толкование нашей точки зрения на отражение и развитие придыхательных в итальянском.

Раннеиталийская система

- (10) а. $\left\{ \begin{array}{l} [+ \text{глоттал}] \\ (- \text{звонк}) \end{array} \right\} \Rightarrow \left\{ \begin{array}{l} (- \text{глоттал}) \\ [+ \text{звонк}] \end{array} \right\} \mid \left[\begin{array}{l} - \text{СЛОГОВ} \\ + \text{СМЫЧН} \end{array} \right]$
- б. $X \Rightarrow X \mid \left[\begin{array}{l} - \text{СЛОГОВ} \\ + \text{СМЫЧН} \\ + \text{ЗВОНК} \\ - \text{АСПИР} \end{array} \right]$
- б'. $\left\{ \begin{array}{l} [+ \text{звонк}] \\ [+ \text{аспир}] \end{array} \right\} \Rightarrow \left[\begin{array}{l} - \text{звонк} \\ + \text{аспир} \end{array} \right] \mid \left[\begin{array}{l} - \text{СЛОГОВ} \\ + \text{СМЫЧН} \end{array} \right]$
- с. $[+ \text{аспир}] \Rightarrow [- \text{аспир}] \mid \left[\begin{array}{l} - \text{СЛОГОВ} \\ + \text{СМЫЧН} \\ - \text{ЗВОНК} \end{array} \right]$

Позднеиталийская система

- (10') а. $X \Rightarrow X \mid \left[\begin{array}{l} - \text{СЛОГОВ} \\ + \text{СМЫЧН} \\ + \text{ЗВОНК} \end{array} \right]$
- б. $\left[\begin{array}{l} + \text{СМЫЧН} \\ + \text{АСПИР} \end{array} \right] \Rightarrow \left\{ \begin{array}{l} [- \text{СМЫЧН}] \\ [+ \text{АСПИР}] \end{array} \right\} \mid \left[\begin{array}{l} - \text{СЛОГОВ} \\ - \text{ЗВОНК} \end{array} \right]$
- с. $[- \text{аспир}] \Rightarrow [- \text{аспир}] \mid \left[\begin{array}{l} - \text{СЛОГОВ} \\ + \text{СМЫЧН} \\ - \text{ЗВОНК} \end{array} \right]$

5.9. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ВЫВОДИМОСТЬ СИСТЕМ СО СЛИЯНИЕМ ФОНЕМНЫХ СЕРИЙ I И II. КЕЛЬТСКАЯ И БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ СИСТЕМЫ

Особую группу индоевропейских диалектов составляют кельтские и балто-славянские языки, в которых серии I и II сливаются в одну общую серию индоевропейских смычных¹. При этом слияние серий I и II индоевропейских смычных дает в кельтском, как и в балто-славянском, новую серию звонких смычных фонем *b, d, g*. Имевшие место фонетические преобразования исходных серий смычных могут быть охарактеризованы как озвончение глоттализированных фонем и вероятная дезаспирация придыхательных аллофонов фонем серии II²:

¹ Аналогичное слияние фонем серий I и II индоевропейских смычных предполагается и для хеттского языка. Фонологический характер общей серии смычных, возникшей в результате такого слияния в хеттском, может и отличаться от кельтского, но факт склеивания именно этих двух серий, а также факт сохранения в серии III глухих придыхательных в хеттском и кельтском (см. об этом ниже) может служить некоторой фонологической изоглоссой, объединяющей эти две языковые системы.

² Типологически аналогичный фонетический процесс дезаспирации и слияния индо-иранских звонких придыхательных с чистыми звонкими имел место и в иранских

И.-е. *b^h]: др.-ирл. *berim* 'несу', лат. *ferō*, греч. φέρω, гот. *baíran*, др.-инд. *bhárāmi*; др.-ирл. *gaibid* 'берет', лат. *habeō* 'имею', др.-в.-нем. *geban* 'давать';

И.-е. *t', *d^h]: др.-ирл. *dét* 'зуб', валл. брет. *dant*, лат. *dēns*, род. п. *dentis*, гот. *tunþus*, ср. хет. *adant-*, др.-инд. *dant-*; др.-ирл. *mid-* 'средний', галл. *Medio-*, лат. *medius*, др.-инд. *mādhyah*;

И.-е. *k', *g^h]: др.-ирл. *gein* 'рождение', лат. *gignō* 'рождаю', греч. γίγνομαι 'рождаюсь'; галл. *legasit* 'он поместил', валл. *lle* 'место', греч. λέχος, λέκτρον 'ложе', лат. *lectus* 'ложе', гот. *ligan* 'лежать'.

Серия III индоевропейских смычных отражается в кельтском как глухие придыхательные *p^h], t^h], k^h] (*Льюис / Педерсен 1954: 68—69 и 74—75*) с сохранением признака аспирации, во всяком случае в некоторых позициях при глухих фонемах серии III¹. Но в кельтском подобная аспирация при глухих фонемах серии III не играет фонологической роли, поскольку кельтские рефлексы индоевропейской серии III смычных противопоставляются рефлексам серий I и II лишь по признаку глухости ~ звонкости. Аспирация выступает в кельтской системе как фонологически нерелевантный признак. Пережиточно сохранившийся фонетический признак аспирации при глухих смычных в кельтском позволяет еще реконструировать некоторые модели придыхательных и непридыхательных аллофонов фонем индоевропейской серии III (*ср. Vendryès 1908: 23*):

И.-е. *p^h]: др.-ирл. *seir* 'пята', валл. *ffēr* 'лодыжка', лат. *spernō* 'отталкиваю', 'отвергаю', др.-инд. *sphurāmi* 'отбрасываю'; др.-ирл. *ibim* 'пью', др.-инд. *píbāmi*, лат. *bibō* 'пью';

И.-е. *t^h]: др.-ирл. *lethan* 'широкий', галл. *Litano-briga* 'большой город': греч. πλατύς, др.-инд. *pr̥thú-* 'широкий';

И.-е. *k^h]: др.-ирл. *lóchet* 'сверкающий', 'молния', лат. *lux* 'свет', греч. λευκός 'белый', гот. *liuhap* 'свет'.

Как видно из *Табл. 11* и правила (11), в общем статус рефлексов серии III индоевропейских смычных в кельтской системе остается идентичным статусу серии III смычных в исходной индоевропейской системе, несмотря на слияние в кельтском индоевропейских серий I и II. Однако возникший из такого слияния ряд звонких смычных соотносится с кельтскими рефлексами серии III тождественным исходному образом².

языках, что может быть установлено при сравнении древнеиндийских форм, в этом отношении отражающих, по-видимому, общеиндо-иранское состояние, с иранскими.

¹ Индоевропейское *p^h] исчезает в кельтском, проходя через стадии f > h > Ø. Следует отметить, что при всех преобразованиях индоевропейской фонологической системы в кельтском сохраняется принцип наибольшей маркированности лабиальной фонемы в подгруппе незвонких смычных. При преобразовании первоначальной глоттализованной серии в кельтском и возникновении из нее серии звонких смычных, закономерно включающей функционально сильный немаркированный лабиальный член b (из и.-е. *b^h]), наиболее маркированным членом системы становится (придыхательная) фонема p^h], которая соответственно исчезает в древнеирландском.

² Вышеприведенное изложение и основанная на нем таблица являются некоторым упрощением процесса преобразований индоевропейской системы смычных в кельтском.

$$\begin{array}{l}
 (11) \text{ а. } \left\{ \begin{array}{l} [+ \text{ глоттал}] \\ (- \text{ звонк}) \end{array} \right\} \Rightarrow \left\{ \begin{array}{l} (- \text{ глоттал}) \\ [+ \text{ звонк}] \end{array} \right\} \mid \left[\begin{array}{l} - \text{ слогов} \\ + \text{ смьчн} \end{array} \right] \\
 \text{б. } [+ \text{ аспир}] \Rightarrow [- \text{ аспир}] \mid \left[\begin{array}{l} - \text{ слогов} \\ + \text{ смьчн} \\ + \text{ звонк} \end{array} \right] \\
 \text{в. } X \Rightarrow X \mid \left[\begin{array}{l} - \text{ слогов} \\ + \text{ смьчн} \\ - \text{ звонк} \\ [- \text{ аспир}] \end{array} \right]
 \end{array}$$

ТАБЛИЦА 11

ВЫВОД КЕЛЬТСКОЙ СИСТЕМЫ
ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ

I	II	III
(p')	b ^[h]	p ^[h]
t'	d ^[h]	t ^[h]
K'	G ^[h]	K ^[h]
↙ ↘		↓
b		p ^[h]
d		t ^[h]
g		k ^[h]

Весьма близкие к этой системе преобразования наблюдаются в балто-славянских языках. Серии I и II индоевропейских смьчных сливаются в общую серию звонких смьчных в результате озвончения глоттализованной серии I и дезаспирации придыхательных аллофонов звонких смьчных фонем серии II. При этом следы первоначального фонологического различия этих серий видны в балто-славянском в различном влиянии их на соседнюю гласную. В частности, В. В и т е р о м было установлено, что последовательность "краткая гласная" плюс "глоттализованная смьчная" (традиционная "звонкая смьчная") отражается в балтийском и славянском как "долгая гласная с акутовой интонацией" плюс "звонкая смьчная", тогда как "краткая гласная" плюс "звонкая придыхательная" дает последовательность "краткая гласная" плюс "звонкая смьчная" (см. Winter 1979). В этом проявляется такое же влияние на предшествующую гласную признака глоттализации фонем серии I, как и в случае просоди-

ком, поскольку тут не рассматриваются трансформации индоевропейских лабиовелярных, существенные для представления всех промежуточных процессов вывода кельтской системы из индоевропейской. Приводимую схему вывода кельтской системы следует рассматривать только как начальный и конечный этапы процесса деривации, промежуточные звенья которого будут представлены при рассмотрении отражения в индоевропейских диалектах ряда лабиовелярных (см. ниже, стр. 90₁).

ческого толчка в германском или удлинения гласной в итальянском по “закону Лахмана” (ср. Kortlandt 1977: 319 и след.; 1979)¹.

Другим примером аналогичного характера с долгой гласной и акутовой интонацией в балтийском и славянском в соседстве со “звонкими” (то есть “глоттализированными” смычными) может служить индоевропейское *t^ha^huēg- ‘брат мужа, деверь’: др.-инд. devār-, арм. taygr, греч. гом. δᾱήρ, лат. lēuir, др.-в.-н. zeihhur при лит. dieveris, латыш. diēveris, ц.-слав. дѣверь. Необъяснимая с традиционной точки зрения долгота гласной с акутовой интонацией в балтийском при отсутствии “ларингальной” фонемы в данной форме (ср. Szemerényi 1977b: 87) должна объясняться первоначальной глоттализированностью предшествующей согласной *t^h.

Балто-славянская система продвинулась несколько дальше кельтской, дезаспирировав индоевропейскую серию III глухих смычных и утерев тем самым фонологически нерелевантный признак аспирации при глухих смычных согласных, противопоставлявшихся серии звонких смычных лишь по признаку звонкости ~ глухости:

И.-е. *b^hl^h: лит. bēbras ‘бобер’, др.-прус. bebrus, рус. бобер, лат. fiber, др.-в.-нем. bibar, др.-инд. babhrúh ‘коричневый’; лит. debesis ‘небо’, латыш. debess, ст.-слав. nebo, род. n. nebese, хет. nepiš, ‘небо’, др.-инд. nábh-as- ‘небо’, ‘туман’, греч. νέφος ‘облако’, лат. nebula ‘туман’;

И.-е. *t^h, *d^hl^h: лит. ėdu ‘ем’, латыш. ēst, др.-прус. ĭst ‘ест’, ст.-слав. jamĭ, jastŭ, лат. edō, греч. ἔδομαι; лит. dėti ‘ставить, класть’, латыш. dēt, ст.-слав. dēti, греч. τίθημι, др.-инд. dádhāmi;

И.-е. *k^h, *g^hl^h: латыш. gūous ‘корова’, ст.-слав. govędo, рус. говядина, др.-инд. gáuh, греч. βούς ‘бык’; лит. genù ‘гоню, выгоняю’, giñti, ст.-слав. gonjo ‘гоню’, др.-инд. hánti ‘бьет’, мн. ч. ghnánti, хет. kęenzi ‘убивает’, мн. ч. kunanzi;

И.-е. *p^hl^h: прус. poieiti ‘пьет’, лит. puotà ‘попойка’, ст.-слав. pijq ‘пью’, piti, др.-инд. pāti ‘пьет’, греч. πίνω ‘пью’;

И.-е. *t^hl^h: лит. motė ‘женщина’, род. n. motė̃s, латыш. māte ‘мать’, прус. mūti, mothe, ст.-слав. mati, род. n. matere, др.-инд. mātár-, греч. μήτηρ ‘мать’;

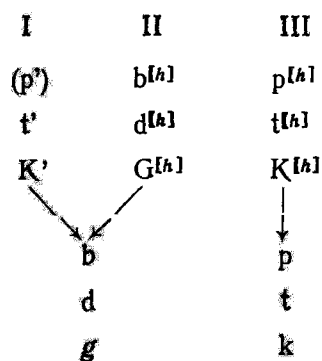
И.-е. *k^hl^h: лит. kraūjas ‘кровь’, прус. krawian ‘кровь’, ст.-слав. krŭvŭ, лат. cruor ‘кровь’, др.-инд. kravíh ‘сырое мясо’, греч. κρέας ‘мясо’.

Преобразования исходной индоевропейской системы смычных в балто-славянскую представлены на Табл. 12 и в правилах (12):

- 77 -

¹ Ф. Кортландт считает, что обнаруженная В. Витером закономерность отражения в балтийском и славянском последовательности “краткая гласная + звонкая (т. е. глоттализированная) смычная” является таким же подтверждением на сравнительном материале теории глоттализированности индоевропейских фонем серии I, каким обнаружение хеттского явилось в свое время для ларингальной теории. Автор пишет: “Thus, the glottal articulation in Latv. pēds, nuōgs represents the same kind of a posteriori evidence for the theory of glottalic consonants as the initial velar of Hitt. ḫanti, ḫaštai once provided for the laryngeal theory” (Kortlandt 1977: 319).

ТАБЛИЦА 12
ВЫВОД БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ СИСТЕМЫ
ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ

Правила переписывания дифференциальных признаков для балто-славянской системы тождественны правилам преобразования кельтской за исключением правила (11с), которое для балто-славянской системы переформулируется в виде правила (12с):

- (12) а. $\left\{ \begin{array}{l} [+ \text{глоттал}] \\ (- \text{звонк}) \end{array} \right\} \Rightarrow \left\{ \begin{array}{l} (- \text{глоттал}) \\ [+ \text{звонк}] \end{array} \right\} \quad \left| \begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \end{array} \right]$
- б. $[+ \text{аспир}] \Rightarrow [- \text{аспир}] \quad \left| \begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \\ + \text{звонк} \end{array} \right]$
- с. $[+ \text{аспир}] \Rightarrow [- \text{аспир}] \quad \left| \begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \\ - \text{звонк} \end{array} \right]$

5.10. КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ ПО ХАРАКТЕРУ ОТРАЖЕНИЯ В НИХ ТРЕХ СЕРИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ. АРХАИЧНОСТЬ ГЕРМАНСКОГО КОНСОНАНТИЗМА И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ «ЗАКОНА ГРИММА»

Изложенные выше преобразования трех серий индоевропейских смычных в различных группах индоевропейских диалектов позволяют распределить их в определенном порядке в зависимости от возрастающей архаичности и близости к исходной индоевропейской системе.

Наиболее преобразованной по сравнению с исходной системой представляется поздняя тохарская система смычных с совпадением всех трех

индоевропейских серий в одну, которая на письме передается знаками для индийских глухих непридыхательных; далее—система смычных балто-славянских языков, за которыми следуют кельтские языки, сохранившие отчасти фонетический характер придыхательных аллофонов фонем серии III; итальянская и греческая системы имеют целый ряд общих новообразований, выразившихся в своеобразном отражении аллофонов фонем серии II. Итальянская система сохраняет звонкий характер непридыхательных аллофонов серии II, тогда как греческая система оглушает как придыхательные, так и непридыхательные аллофоны фонем этой серии.

Фонологически более существенные преобразования имели место в индо-иранской системе, в которой происходит симметричное расщепление фонемных серий II и III на четыре независимые фонологические серии смычных: звонкие, звонкие придыхательные (при сохранении их фонетического характера), глухие и глухие придыхательные смычные.

Все названные языковые системы объединяются в общую группу по признаку отражения в них индоевропейской глоттализованной серии смычных: во всех этих системах происходит озвончение серии глоттализованных смычных и слияние ее с рефлексами смычных индоевропейской серии II.

В этом отношении названная группа языков противостоит другой группе индоевропейских языков, в которых индоевропейская серия смычных I сохраняет свой первоначально незвонкий характер, а серия III — характер глухой придыхательной серии смычных; к этой немногочисленной группе архаических индоевропейских диалектов следует отнести анатолийскую систему, германскую языковую систему с позднейшей спирализацией серий II и III смычных и армянскую систему, в наибольшей степени сохранившую первоначальные фонологические соотношения между тремя сериями индоевропейских смычных при допущении наличия в древнеармянском звонких придыхательных и чистых звонких как аллофонов общей серии звонких фонем. В этом отношении древнеармянский язык можно считать наиболее архаичным среди исторических индоевропейских диалектов.

Фонологические преобразования в большинстве рассмотренных выше индоевропейских диалектов могут быть описаны в терминах расщепления и слияния исходных трех серий индоевропейских смычных. Такие процессы происходили в значительной мере в тех языковых системах (например, в индо-иранском, греческом, итальянском), которые в классической индоевропеистике считались наиболее архаичными в отношении исходного консонантизма.

Наоборот, системы, считавшиеся традиционно более преобразованными в результате предполагавшегося “передвижения согласных” (германский, армянский), оказываются в отношении консонантизма наиболее архаичными, наиболее близкими к исходной индоевропейской системе смычных.

Следовательно, известный “закон Гримма” (в части, касающейся первого, общегерманского передвижения согласных), описывающий преоб-

разования индоевропейского консонантизма в германском, оказывается неадекватным по отношению к фонологическим процессам, которые должны были иметь место в германском. Если и можно говорить по отношению к какой-либо исторической индоевропейской системе о “передвижении согласных”, то это, в первую очередь, касается, судя по конечным результатам, систем таких индоевропейских языков, как индо-иранская, греческая, итальянская и другие, то есть систем, которые в классической индоевропейистике считались в общем отражающими индоевропейский консонантизм.

ЛОКАЛЬНЫЕ РЯДЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ СМЫЧНЫХ И КЛАСС СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ. ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА

1. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛОКАЛЬНЫХ РЯДОВ СОГЛАСНЫХ

1.1. «ФОНЕТИЧЕСКИ ЕСТЕСТВЕННЫЕ» РЯДЫ СМЫЧНЫХ: АНТЕРИОРНЫЕ И ПОСТЕРИОРНЫЕ

Исследованная выше система трех серий индоевропейских смычных и правила ее трансформаций в отдельные исторически засвидетельствованные индоевропейские системы основывались на предположении о наличии в индоевропейском по крайней мере трех локальных рядов (определяемых местом артикуляции соответствующих фонем). Такие фонемные ряды составляют горизонтальные последовательности в схеме, которая представляет парадигматику смычных. Эти ряды были охарактеризованы как “лабиальный”, “дентальный” и “гуттуральный” (resp. “велярный”).

Фонетико-фонологический характер “лабиального” и “дентального” рядов в индоевропейской парадигматической системе недвусмысленно устанавливается по их рефлексам в исторических индоевропейских языках.

“Лабиальный” ряд объединяет смычные лабиальной артикуляции (губно-губные), которые в терминах акустических дифференциальных признаков могут быть охарактеризованы как низкие по тону ([+низкая тональность]=[+периферийность]) и некомпактные ([—компактность]). При этом лабиальный ряд смычных, характеризующийся губной артикуляцией, тем самым фонетически может быть определен как “бемольный” (фонетический признак “бемольности” выводится автоматически из характеристики этих смычных как “лабиальных”).

В противовес этому ряду, “дентальный” ряд объединяет смычные переднеязычной (апикальной) артикуляции, характеризующиеся в терминах акустических признаков как ненизкие по тональности ([—низкая тональность]=[—периферийность]) и некомпактные ([—компактность]). Таким образом, лабиальный ряд противопоставляется дентальному ряду по признаку низкой тональности.

Оба эти ряда вместе как некомпактные (то есть “диффузные”) противопоставлены заднеязычным индоевропейским смычным, характеризующимся признаком “компактности”. Лабиальные и дентальные как диффузные согласные могут быть объединены в группу “антериорных” согласных

(то есть согласных, артикулируемых с основной преградой до палатальной области в полости рта, перед точкой артикуляции *s*).

Противопоставленные им компактные согласные могут быть охарактеризованы как “неантериорные” (“постериорные”), то есть как звуки, артикулируемые с основной точкой преграды, расположенной в полости рта, начиная с точки артикуляции *s* (ср. *Chomsky/Halle 1968 : 304*).

Границу между “антериорными” и “постериорными” согласными представляется возможным определить как точку артикуляции в полости рта компактно-диффузных или свистяще-шипящих спирантов и аффрикат типа абхазского (бзыбского) $\hat{z} \hat{s} \hat{g} \hat{c} \hat{c}'$. Все звуки с основной преградой в полости рта, расположенной за этой точкой, будут определяться как “постериорные” (неантериорные); все звуки с основной преградой в полости рта до этой точки будут называться “антериорными” (непостериорными).

Характерно в фонетическом отношении, что сами эти звуки, артикулируемые в точке, лежащей на линии раздела антериорной и постериорной артикуляционных групп, и определяемые фонологически как “компактно-диффузные” (то есть “антериорно-постериорные”) обнаруживают сильную тенденцию к переходу в ту или другую артикуляционную группу, ср. развитие согласных этого типа в абхазских диалектах.

Антериорным рядам смычных в индоевропейском противопоставляется постериорный ряд смычных, определяемых в терминах акустических дифференциальных признаков как “низкие по тону” ([+низкая тональность] = [+периферийность]) и “компактные” ([+компактность]).

В этот ряд входят смычные фонемы, определяемые традиционно как “велярные”. Судя по рефлексам фонем этого ряда в исторических индоевропейских языках, эти индоевропейские фонемы могут быть фонетически охарактеризованы как задисязычные, артикулируемые примерно в зоне произнесения смычных *k, g*, то есть при смычке спинки языка и передней части мягкого неба (*velum palati*).

Таким образом, в индоевропейской фонологической системе восстанавливаются с несомненностью три ряда смычных, артикулируемых в трех основных артикуляционных зонах в полости рта: “лабиальные”, “дентальные” и “велярные”, что согласуется с типологическими данными о распространенности в языках мира согласных, артикулируемых в этих трех зонах. Консонантные звуки, произведенные в этих артикуляционных зонах, можно рассматривать как “самые естественные” в том смысле, что их возникновение происходит самым простым и естественным образом с помощью подвижных органов в полости рта (ср. *Trubetzkoy 1958; Трубецкой 1960: 142 и след.; Milewsky 1967*).

1.2. ТИПОЛОГИЯ МОДИФИКАЦИЙ ОСНОВНЫХ РЯДОВ СМЫЧНЫХ

Такие основные ряды фонологической системы, объединяющие фонемы, которые производятся в указанных выше трех основных артикуляционных зонах, могут быть модифицированы путем добавления к основным артикуляционным признакам дополнительных артикуляций.

В качестве такой дополнительной артикуляции при фонемах этих трех локальных рядов может выступать “огубление” (лабиализация), “смягчение” (палатализация) или “отверждение” (веляризация).

“Огубление” выражается в наложении дополнительной ω -образной артикуляции на основные артикуляционные признаки звука, тогда как “палатализация” или “смягчение” выражается в наложении y -образной артикуляции на основные артикуляционные признаки звука (*Ladefoged 1971: 59 и след.*). Такая модификация основных локальных рядов с помощью дополнительной артикуляции может вызвать появление в системе новых фонемных рядов, маркированных по отношению к основным рядам и представляющих как бы их дополнения в фонологической системе.

Признак огубления (лабиализации) может выступать в качестве такого дополнительного модификатора основного ряда во всех трех рядах (включая и собственно лабиальный ряд, ср. *Chomsky/Halle 1968: 307*; ср. о бирманском *Трубецкой 1960; Trubetzkoy 1958*), хотя основные локальные ряды, подверженные такой модификации, это прежде всего велярный ряд, то есть $[g^w, k^w]$ и в значительно меньшей степени дентальный, то есть $[d^w, t^w]$. В этом смысле лабиализованный велярный ряд является немаркированным по отношению к лабиализованному дентальному ряду. Из этого следует, что в смычных признак лабиализации (бемольности) легче сочетается с признаком постериорности, чем с признаком антериорности, ср. *Chomsky/Halle 1968: 309 и след.*

Фонологический признак “лабиализации” может проявляться фонетически как в виде интенсивного огубления в качестве дополнительной артикуляции согласного, так и в виде веляризации или фарингализации соответствующего согласного, что автоматически вызывает слабое артикуляторное огубление. Согласно выводам *Якобсона, Фанта, Халле 1962*, “лабиализация” и “фарингализация” являются вариантами одного и того же дополнительного фонологического признака. Характерно, что лабиализация и веляризация, а, возможно, и фарингализация не выступают вместе в качестве независимых дистинктивных признаков. Эта особенность признака лабиализации, выступающего в двух различных фонетических вариантах, может объяснить целый ряд преобразований “лабиализованных” согласных в исторических языках.

Дополнительный признак “палатальности” (дизности) или смягчения (по акустическому эффекту палатализованных звуков) может выступать во всех согласных за исключением собственно палатальных. При этом в системе могут возникнуть дополнительные палатализованные ряды лабиальных, дентальных и велярных, выступающие как маркированные по отношению к основным. Типология таких систем показана на Таблицах 1 и 2:

ТАБЛИЦА 1

<i>b</i>	<i>p</i>
<i>d</i>	<i>t</i>
<i>g</i>	<i>k</i>

При фонологической релевантности признаков лабиализации и/или палатализации образуется система, данная на Табл. 2¹:

ТАБЛИЦА 2

<i>b</i>	<i>p</i>	(<i>b</i> ^o)	(<i>p</i> ^o)	<i>b̂</i>	<i>p̂</i>
<i>d</i>	<i>t</i>	<i>d</i> ^o	<i>t</i> ^o	<i>d̂</i>	<i>t̂</i>
<i>g</i>	<i>k</i>	<i>g</i> ^o	<i>k</i> ^o	<i>ĝ</i>	<i>k̂</i>

При этом некоторые из модифицированных фонологических рядов могут отсутствовать в системе в соответствии со степенью их маркированности. Так, например, дентальные лабиализованные (и тем более лабиальные лабиализованные) могут отсутствовать в системе при наличии велярных лабиализованных².

Велярные лабиализованные выступают в качестве немаркированного (доминантного) ряда по отношению к другим рядам лабиализованных смычных — дентальному и лабиальному.

Несколько иное соотношение наблюдается с общетипологической точки зрения в палатализованных рядах смычных. Существуют системы с палатализованным рядом велярных при отсутствии палатализованных дентальных и лабиальных (ср. систему абхазского языка), но наиболее распространенным является тип системы с палатализованным дентальным рядом в противовес маркированным велярному и лабиальному рядам палатализованных смычных, см. примеры по типологии корреляции по палатализации (мягкостной корреляции) в Евразии с преобладанием этой корреляции в дентальном ряду, *Jakobson 1971a, I: 163 и след.*

Из маркированного характера палатализованных велярных в противовес палатализованным дентальным объяснима тенденция первых к

¹ Поскольку палатализованные и лабиализованные ряды смычных, то есть ряды с дополнительным артикуляционным признаком, выступают в качестве рядов единых фонем, противопоставляемых соответствующим фонемам основного (немодифицированного) ряда, представляется целесообразным обозначать такие фонемы едиными графическими символами с дополнительными диакритическими знаками, не совпадающими со знаками для других фонемных единиц: то есть для обозначения лабиализованных фонем вместо *dw gw* и т. д. в дальнейшем будут употребляться соответственно символы *d^o g^o* и т. д., для обозначения палатализованных вместо *dy gy* и т. д. — соответственно символы *d' g'*; поскольку в традиции индоевропейского языкознания палатализованные велярные обычно обозначаются символами *ĝ k̂* и т. д., эти символы будут использоваться в значении палатализованных согласных наряду с символами *g' k'*, принятыми в общей фонетике.

² Лабиализованный лабиальный ряд в противовес нелабиализованному встречается крайне редко. Примером таких систем могут служить языки нупе (*Chomsky/Halle 1968: 311*), кутеп (*Ladefoged 1964 и 1971: 61*), убыхский (*Vogt 1963*) и бирмаиский (*Trubetzkoy 1958*). Примером системы как с велярными лабиализованными, так и с дентальными лабиализованными может служить система абхазского консонантизма (ср. *Deeters 1963; Ломтатидзе 1976*).

преобразованию в направлении элиминации дополнительного признака палатализации и превращению его в чисто фонетический признак (при совпадении палатализованного ряда с основным рядом велярных) или преобразования палатализованных велярных в особый ряд компактных постериорных аффрикат ʒ ʃ , которые уже характеризуются относительно большей стабильностью сравнительно с другими локальными рядами (в частности по сравнению с антериорными, диффузными аффрикатами), *Trubetzkoy 1958: 116 и след.*; *Chomsky/Halle 1968: 420 и след.*; *Серебренников 1974: 127 и след.*; *Меликишвили И. 1976: 106.*

2. ЛОКАЛЬНЫЕ РЯДЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ «ГУТТУРАЛЬНЫХ»

2.1. ВЕЛЯРНЫЙ РЯД

Среди постериорных смычных, судя по их рефлексам в исторических индоевропейских языках, следует постулировать основной ряд велярных смычных $*k$ $*g^{[h]}$ $*k^{[h]}$, отраженных в конкретных индоевропейских диалектах в виде велярных смычных:

И.-е. $*k$: др.-инд. *yugám*, греч. ζυγόν, хет. *i-ú-ka-an*, гот. *juk*, др.-англ. *geoc*, др.-исл. *ok*, др.-в.-нем. *juch, joch*, ст.-слав. *igo* 'яро'; др.-инд. *sthápati, sthagayati* 'покрывает', греч. στέγω 'покрываю', 'защищаю'; ст.-слав. *ostegŭ* 'одежда'; др.-инд. *ugrá-* 'сильный', авест. *ugra-* 'сильный', лат. *augeō* 'увеличиваю', *augustus* 'высокий', 'величественный', *augmentum* 'приращение', гот. *aukan, auknan* 'увеличиваться', лит. *áugti* 'расти';

И.-е. $*g^{[h]}$: др.-инд. *megháh* 'облако', авест. *maēya-* 'облако', арм. *mēg* 'туман', греч. δμίχλη 'туман', 'мгла', лит. *miġlā* 'туман', слав. $*mġla$, рус. *мгла*; др.-инд. *stighnoti* 'поднимается', греч. στείχω 'подымаюсь', гот. *steigan*, ст.-слав. *stignō* 'достигаю'; лат. *hostis* 'чужак'; 'враг', *hospes* 'гость', гот. *gasts*, др.-исл. *gestr*, др.-в.-нем. *gast*, др.-англ. *gięst* 'гость', ст.-слав. *gostĭ*;

И.-е. $*k^{[h]}$: греч. κέσχιον 'очески', хет. *kišai-* 'чесать', лит. *kasà* 'кося', ст.-слав. *češq* 'чешу', ср.-ирл. *cír* 'гребень'; лат. *lŭcus* '(священное) дерево', др.-инд. *loká-* 'свободное место', 'пространство', лит. *laukas* 'поле', др.-англ. *lēah* 'поле', 'лес', др.-в.-нем. *lōh* 'лес'; др.-инд. *kravīh*, греч. κρέας 'сырое мясо', лат. *cruor* 'кровь'; ср.-ирл. *crú* 'кровь', лит. *krūvinas* 'кровавый', *kraujas* 'кровь'.

2.2. ЛАБИОВЕЛЯРНЫЙ РЯД

Рефлексы постериорных смычных в определенной части индоевропейских диалектов дают основание судить о наличии в индоевропейской фонологической системе и модифицированных рядов, характеризующихся дополнительным артикуляционным признаком по отношению к основному, немаркированному велярному ряду смычных, который в этом смысле может рассматриваться как нейтральный по отношению к модификациям.

Соотношения между велярными согласными, устанавливаемые в ряде исторических индоевропейских диалектов, позволяют постулировать в индоевропейской фонологической системе особый ряд постериорных смычных с дополнительным признаком лабиализации (или фарингализации), который образовывал в системе в отношении немаркированного велярного ряда корреляцию по признаку “лабиализации”.

Имеются в виду в первую очередь соотношения, устанавливаемые в конкретных индоевропейских диалектах между велярными смычными фонемами, с одной стороны, и сочетаниями велярных с последующим *w* или лабиальными фонемами, с другой.

К группе индоевропейских диалектов с чистыми велярными в таких соответствиях относятся индо-иранские, армянский, балто-славянские и албанский:

Др.-инд. *аорист á-gā-m* ‘я пришел’, *gáti-h* ‘ходьба’, арм. *ekn* ‘он пришел’, лит. *góti* ‘идти’, латыш. *gāju* ‘я шел’, алб. *ngā* ‘бегаю’ < *ga-niō: ср. гот. *qiman* ‘приходить’, тох. А *kum-* ‘приходить’, греч. βαίνω ‘хожу’, оск. (*kūm-*)*bened* ‘con-venit’, ‘под-ходит’, лат. *ueniō* (< *gʷeniō) ‘прихожу’;

Др.-инд. *gnā* ‘жена бога’, авест. *gənā-*, *γnā-* ‘жена’, арм. *kin* ‘жена’, ‘женщина’: ср. гот. *qinō*, греч. γυνή (ср. беот. βανά), др.-ирл. *ben*, род. пад. *tná*, валл. *ben-yw* ‘женский’, мессап. *benna* ‘супруга’;

Др.-инд. *gáuh* ‘бык’, арм. *kov* ‘корова’, латыш. *gūovs*, рус. *говядина*: ср. греч. βούς (мик. *qo-u-ko-ro* ‘βουκόλοι’), лат. *bōs* (из диалектного италийского), др.-ирл. *bó*, др.-в.-нем. *chuo*, тох. А *ko* ‘бык’;

Др.-инд. *ghnānti* ‘они бьют’, арм. *ganem* ‘бью’, *gan*, *gani* (род. п.) ‘побой’, лит. *genù*, *giñti*, ст.-слав. *gŭnati* ‘гнать’, алб. *gjanj*: ср. греч. φόνοc ‘убийство’, хет. *kʷenzi* ‘убивает’, мн. ч. *kunanzi*, др.-исл. *guðr*, *gunnr* ‘битва’, лат. *dē-fendō* ‘защищаю’, др.-ирл. *gonim* ‘убиваю’ (перф. 3 л. *geguin*), *guin* ‘рана’;

* Лит. *sniēgas* ‘снег’, латыш. *sniēgs*, ст.-слав. *sněgŭ*: ср. греч. νίφα, лат. *niuem* (вин. п.) ‘снег’, *ninguit* ‘идет снег’, гот. *snaiws*, валл. *nyf* ‘снег’;

Др.-инд. *kāh* ‘кто’, ‘где’, лит. *kàs*, ст.-слав. *kŭ-to*: ср. лат. *quis*, *quod*, хет. *kʷiš*, гот. *hwas*, греч. ποῦ ‘где’, тох. А *kus*, В *kuse* ‘какой’;

Др.-инд. *ca-kr-* ‘колесо’, ‘круг’, прус. *kelan*, ст.-слав. *kolo* ‘колесо’: ср. др.-исл. *hvél*, др.-англ. *hwēol* ‘колесо’, греч. κύκλος ‘круг’, тох. А *kikäl*, тох. В *kokale* ‘телега’.

Для объяснения этого ряда соответствий представляется существенным постулировать в индоевропейской фонологической системе наряду с велярным рядом смычных модифицированный ряд лабиовелярных, который с учетом фонологического характера индоевропейских серий смычных может быть определен как состоящий из глоттализованной лабиовелярной *kʷ, звонкой **gʷ[h]* и глухой лабиовелярной **kʷ[h]*, то есть в дополнение к немаркированному велярному ряду постулируется лабиовелярный ряд: *kʷ* *gʷ[h]* *kʷ[h]* *kʷ* *gʷ[h]* *kʷ[h]*.

Реконструируемые индоевропейские лабиовелярные фонемы, в частности фонемы серий I и III, лучше всего сохранились в латинском языке (и в германском), в которых они отразились как единичные лабиовелярные фонемы: гот. k^w (передаваемое на письме специальным знаком q) и h^w (передаваемое особым знаком hw , отличным от h), лат. g^w (на письме gu) и k^w (на письме qu) (см. Тронский 1960: 58; Нидерман 1949: 84). См. матрицу идентификации лабиализованных фонем (Табл. 3):

ТАБЛИЦА 3

МАТРИЦА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛАБИОВЕЛЯРНЫХ

	k^0	$g[h]^0$	$k[h]^0$
Слоговость — Неслоговость	—	—	—
Смычность — Фрикативность	+	+	+
Звонкость — Незвонкость	(—)	+	—
Глоттализованность	+	(—)	—
Лабиальность	(—)0	(—)0	(—)0
Дентальность	(—)0	(—)0	(—)0
Велярность	+	+	+
Аспирированность	(—)	±	±
Лабиализованность	+	+	+

Характерно, что в готской письменности, строго придерживающейся фонемного принципа и выражающей каждую фонему одним графическим символом, сочетания звуков k и h с последующим лабиальным элементом передаются особыми знаками, отличными соответственно от знаков для k , h и w , ср. также в готском письме отличие в передаче фонемы $/h^w/$ и группы hw различными знаками.

Это дает основание считать такие комплексы монофонемными единицами, отражаемыми на письме специальными графическими символами¹.

Признак лабиализации выступает в некоторых языках в рефлексах этих фонем в качестве независимой сегментной фонемы, составляющей сов-

¹ Эта особенность готского может служить, в частности, доводом в пользу положения об архаичности германской фонологической системы.

местно с рефлексом велярного компонента двуфонемное сочетание; ср. греческие формы типа $\nu\acute{\beta}\xi$, $\kappa\acute{\beta}\lambda\omicron\varsigma$, $\gamma\omicron\nu\mu\acute{\omicron}\varsigma$, хеттские формы типа $k\acute{u}enzi$, $kunanz\acute{i}$ ¹, тохарские формы типа тох. А $kut-$ (в $kutp\acute{a}c$ 'барабан'), $kuk\acute{a}l$, тох. В $kuse$ и др.

Наконец, в некоторых случаях индоевропейские лабиовелярные фонемы в исторических языках, в частности греческом, дают отражение в виде лабиальных монофонема b , ph и p (соответственно из индоевропейских лабиовелярных $*k^{'o}$, $*g[h]^{o}$ и $*k[h]^{o}$), в чем также проявляется монофонематичный характер постулируемых индоевропейских лабиовелярных: признак лабиализации превращается в самостоятельную фонему — звонкую, глухую или придыхательную в зависимости от признака при велярном компоненте индоевропейской смычной фонемы, то есть с сохранением в возникшей фонеме этого признака исходной фонемы и утерей признака велярности².

В терминах правил преобразования дифференциальных признаков процесс образования лабиальных фонем из соответствующих лабиовелярных может быть описан правилом (1):

$$(1) \quad \left[\begin{array}{l} + \text{веляр} \\ + \text{лабиал} \end{array} \right] \Rightarrow \left[+ \text{лабиал} \right] \quad \left| \quad \left[\begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \\ \pm \text{звонк} \\ \pm \text{глоттал} \end{array} \right] \right.$$

¹ Для более ранних этапов развития хеттского и других анатолийских языков следует допустить наличие в системе особого ряда лабиовелярных фонем, восходящих к индоевропейским лабиовелярным. Наличие в хеттском особом ряду лабиализованных велярных фонем в дописьменный период его развития видно из таких стабильных сочетаний велярный+лабиальный, как в формах $k\acute{u}i\acute{s}$ при $k\acute{u}i\acute{s}k\acute{i}$, с диссимилятивной утерей лабиального элемента, ср. лат. *quisque*, а также в отдельных фактах написания лабиализованных последовательностей типа $-kw-$ в форме $-uk-$, ср. $e-uk-zi$ (KUB XX 53 V 6, 10) при обычном $e-ku-zi$ (то есть $ekw-zi$) и др. Об отражении 'лабиовелярных' в хеттском см. также *Puhvel 1974*.

² Такое развитие индоевропейских лабиализованных велярных $*k^{'o}$, $*g[h]^{o}$, $*k[h]^{o}$ соответственно в $*b$, $*ph$, $*p$ (ср. греч. $\beta\acute{\alpha}\iota\nu\omega$ 'иду' при др.-инд. $g\acute{a}cchati$ 'он идет', гот. $q\acute{i}tan$ 'идти'; греч. $\beta\omicron\acute{\upsilon}\varsigma$ 'бык' при др.-инд. $g\acute{a}u-$ 'корова', 'бык'; греч. $\phi\acute{\omicron}\nu\omicron\varsigma$ 'убийство', при др.-инд. $h\acute{a}nt\acute{i}$ 'поражает', 'убивает'; греч. $\lambda\acute{\omicron}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma$ 'который из двух', др.-инд. $ka\acute{t}ara-$ 'который из двух') — сравнительно поздний факт в истории фонологического развития греческого. Греч. β , ϕ , π возникают из более ранних рефлексов указанных индоевропейских фонем, давших соответственно фонемы g^w , k^hw , kw , засвидетельствованные еще в микенском греческом: ср. микен. греч. $qo-u-ko-to$ при греческом $\beta\omicron\nu\acute{\alpha}\lambda\omicron\iota$ 'пастухи', $\beta\omicron\acute{\upsilon}\varsigma$ 'бык'; мик. греч. $qe-to-go-$ 'четыре', при лат. *quattuor*, ср. *Lejeune 1972*; *Cowgill 1966: 87*.

Развитие индоевропейских лабиовелярных в греческом (исключая позиции палатализации) можно представить в виде перехода и.-е. $k^{'o}$, $g[h]^{o}$, $k[h]^{o}$ → греч. g^w , k^hw , kw → β , ϕ , π .

Аналогичный переход индоевропейских лабиовелярных наблюдается в итальянском и, отчасти, в кельтском. В итальянском такое развитие видно в оскско-умбрской подгруппе в формах типа оск. *bivus* 'vīvi', 'живые' при ирл. *beo* 'живущий', лат. *uivus*, оск. *puī, pūd; pīs, pīd*, умбр. *pisi* при лат. *quis, quid, quae* и т. д.¹

Схожие конечные результаты развития лабиовелярных в кельтском, с одной стороны, в греческом и оскско-умбрском, с другой, предполагают существенно различные фонологические процессы преобразования системы кельтского консонантизма в целом. Индоевропейские велярные $*k^0/k[h]^0$, $*g^0/*g[h]^0$ и $*k^0$ отражаются в кельтском соответственно как $*k$, $*g$ и $*b$:

Др.-ирл. *cethir* 'четыре', лат. *quattuor*; др.-ирл. *guidiu* 'я прошу', греч. *ποθέω* 'жажду', 'домогаюсь'; ср.-ирл. *daig* 'огонь' (< **degi*, Pokorny 1959: 240), лат. *foveō* 'пылаю', др.-инд. *dāhati* 'горит'; др.-ирл. *beo* 'живущий', лат. *uivus* 'живой'; др.-ирл. *ben* 'женщина', греч. *γυνή*, беот. *βανά* 'женщина'; др.-ирл. *bó* 'корова', др.-инд. *gáuh*; др.-ирл. *bráu* 'жернов', гот. *-qairnus*, др.-инд. *grāvan-*.

Двойное отражение: и.-е. $*k^0$ → кельт. *b*, и.-е. $*g[h]^0$ → кельт. *g* при и.-е. $*k[h]^0$ → кельт. *k* предполагает различные процессы делабиализации индоевропейских лабиовелярных в кельтском.

Представляется, что при озвончении серии I индоевропейских смычных лабиовелярная $*k^0$ озвончается не в соответствующую лабиовелярную $*g^0$ с последующим переходом в *b*, как это имело место в греческом и оскско-умбрском, а непосредственно в звонкую лабиальную фонему *b*, в результате чего возникает серия звонких смычных с немаркированным лабиальным членом. В этой серии звонких смычных сливаются первоначально рефлексы глоттализированных фонем серии I и непридыхательные аллофоны фонем серии II, давая серию звонких смычных $*b *d *g *g^0$, противостоящую, очевидно, первоначальному аспирированным $*b^h *d^h *g^h *g^h$. В дальнейшем происходит слияние этих двух серий (в частности, путем дезаспирации по диалектам звонких аспирированных) и делабиализация лабиовелярных путем утери признака лабиализации (в некоторых диалектах путем перехода $*k[h]^0$ → $p[h]$: валл. *pedwar*, галл. *petuarios* 'четвер-

¹ Аналогичное отражение глухого лабиовелярного $*k[h]^0$ в виде фрикативной лабиальной фонемы наблюдается в отдельных случаях и в германском (гот. *fimf* 'пять', ср. лат. *quīnque* < $*p[h]enk[h]^0e$; др.-инд. *pañca*). Такое развитие и.-е. $*k[h]^0$ не согласуется с устанавливаемым для германского закономерным отражением этой фонемы. В германском следовало бы ожидать форму $*finh^w$. Появление конечного *f* в германской форме можно объяснить ассимиляцией уже на германской почве и возникновением глухого лабиального фрикативного под влиянием начальной фонемы (при соседстве с сонорными *n*, *l*, ср. гот. *aflifnan* 'оставаться' при гот. *leiþvan*: и.-е. $*leik[h]^0$). Поэтому представляется неоправданным возводить эти поздние комбинаторные изменения в германском к общиндоевропейскому состоянию и отрицать на этом основании наличие лабиовелярных фонем в индоевропейском (вопреки Klimas 1972: 910—912).

тый' при др.-ирл. *cethir* 'четыре', гот. *fidwōr*, *Hampr* 1958 : 211; *Watkins* 1966 : 34)¹.

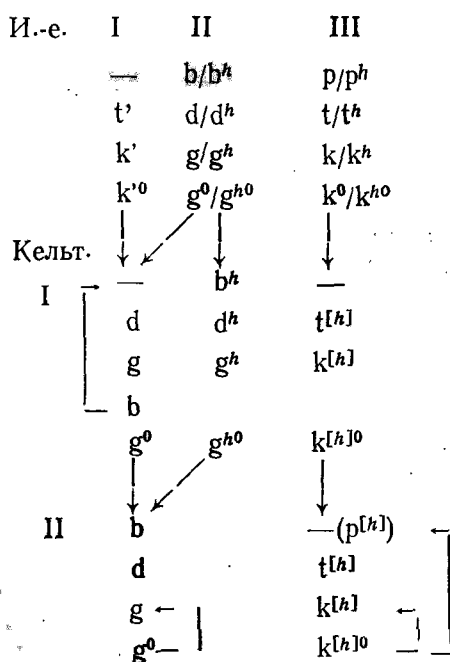
Данные рассмотренных выше индоевропейских диалектов с рефлексами постулируемых фонем, включающих признак лабиализации или лабиальность, при явных следах велярной артикуляции, могут быть поняты лишь при допущении исходных лабиализованных фонем велярного ряда.

2.3. ИЗМЕНЕНИЯ ЛАБИОВЕЛЯРНЫХ В ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТАХ. СЛЕДЫ ЛАБИАЛИЗАЦИИ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ В ИНДО-ИРАНСКОМ

Постулирование особых лабиализованных фонем в индоевропейском для объяснения рассмотренных выше рефлексов с лабиальным элементом в группе исторических индоевропейских диалектов ставит вопрос о причинах утери признака лабиализации при этих фонемах в той группе индоевропейских диалектов, которые отражают постулированные лабиализованные фонемы в виде чистых велярных. Альтернативным решением при таком соотношении рассматриваемых выше двух групп индоевропейских диалектов было бы постулирование в индоевропейском лишь основного ряда глухих велярных (без допущения дополнительного ряда лабиовелярных) с позднейшим появлением лабиального элемента в одной группе диалектов (ср., в частности, решение этой проблемы, данное Куриловичем, *Kuryłowicz* 1935).

Существуют, однако, основания, как фонологического, так и структурно-типологического порядка, считать, что принятие дополнительного лабиовелярного ряда в исходной индоевропейской системе более адекватно

¹ Описанные выше процессы можно представить в виде схемы деривации кельтской системы из индоевропейской:

Локальные ряды системы смычных и сибиллянтные спиранты

но отражает ход исторического развития фонологических систем отдельных индоевропейских языков и согласуется при этом с данными синхронной и диахронической типологии.

Дело в том, что утерю признака лабиализации в определенной группе индоевропейских диалектов при лабиовелярных фонемах легче объяснить с учетом типологических данных диахронической фонологии, чем появление лабиального элемента в соседстве с велярной фонемой в качестве одного из ее признаков или независимой фонемной единицы в последовательности. Не представляется возможным объяснить естественным путем появление такого элемента при рефлексах индоевропейских велярных, тогда как утеря дополнительного признака, модифицирующего основной ряд велярных, легко объяснима и может быть иллюстрирована на достаточно большом типологическом материале (ср. развитие лабиовелярных в дардских, кафирских — Эдельман 1973—и африканских языках — Westermann 1949).

Следует иметь в виду также и то, что дополнительный признак лабиализации, как было указано выше, может проявляться и в виде признака фарингализации при фонемах с основной артикуляцией в дентальной или велярной зонах. Такое проявление признака лабиализации в индоевропейских лабиовелярных фонемах можно предположить в тех диалектах, которые в исторический период показывают чистые велярные смычные в противовес велярным с последующим лабиальным элементом в других индоевропейских языках.

В таком случае в диалектах этого типа следовало бы допустить утерю признака фарингализации - лабиализации и слияние этого ряда с рядом чистых велярных смычных. Однако существовавшее некогда в этих диалектах противопоставление этого ряда велярных (лабиализованно-фарингализованных) основному ряду чистых велярных смычных проявляется в факте комбинаторной палатализации в позиции перед гласными переднего образования фонем именно этого, дополнительного ряда, а не основного ряда индоевропейских велярных смычных. В результате палатализации в таких случаях возникают соответствующие аффрикаты или фрикативные:

Арм. *jer* 'теплота', 'теплый', *jeinum* 'согреваюсь', *jern* 'теплый', *jernn* 'лихорадка', др.-инд. *hāras-* 'пыл', алб. тоск. *zjarr* 'огонь', гег. *zjarm*, греч. *θερος* 'лето', *θερμός* 'теплый', *θερμα* 'жара' : и.-е. *g^[h]er-: ср. др.-инд. *gharmá-* 'жара', алб. *gacë* 'тлеющий уголь', из и.-е. *g^[h]or-, в которой отсутствуют комбинаторные условия для палатализации предшествующей велярной фонемы;

Арм. *jnem* 'бью'; *gan* 'побои', *ganem* 'бью, избиваю'; др.-инд. *hānti* 'бьет', мн. ч. *ghnānti*; авест. *ǰainti* 'бьет, убивает'; греч. *θείνω*; хет. *ku-en-zi* 'убивает', мн. ч. *ku-na-an-zi*, в которых палатализованные формы чередуются с непалатализованными в зависимости от огласовки корня;

Др.-инд. *-ca* 'и', авест. *-ča*; греч. *-τε*; ср. лат. *-que*, хет. *-ki* в *kuš-ki*, лат. *quisque*;

Др.-инд. *pāñca* 'пять', авест. *panča*, алб. *pēsë*, греч. *πέντε*, ср. лат. *quinque*, др.-ирл. *cóic*;

Алб. *n-dez* 'зажигая', др.-инд. *dāhati*, авест. *dažaiti* 'жжет';

Алб. *siëll* 'привозить', 'приносить': ср. греч. *πέλομαι* 'двигаюсь', 'устремляюсь';

Арм. *č'orkë* 'четыре', др.-инд. *catvāraḥ* (вин. пад. *catúrah*), авест. *čadwārō*, греч. гом. *τέσσαρες* (и.-е. *k^[h]et^[h]uor-), ср. мик. *qe-to-ro-* (*qe-to-ro-po-pi*);

Алб. *zónjë* 'госпожа', др.-инд. *jāni-h*, авест. *īaini-*, перс. *zan* 'женщина', тох. А *šāñ*, тох. В *šana* 'женщина' (и.-е. *k⁰en-); ср. гот. *qinō*, греч. *γυνή* 'женщина'¹.

В этих случаях в греческом вместо ожидаемого закономерного отражения лабиовелярных соответственно в виде губных фонем /b p^h p/ засвидетельствованы соответствующие денальные /d t^h t/, возникшие в результате вторичной, комбинаторной палатализации, аналогичной преобразованию исконных лабиовелярных в первой группе индоевропейских диалектов, где исходные индоевропейские лабиовелярные *k⁰, *g^[h]l⁰, *k^[h]l⁰ дают в позиции перед гласными переднего ряда соответственно др.-инд. *j* [dž], *h*, *c* [tš]; арм. *č*²; алб. *z z s* (Pedersen 1899; 1904; Ölberg 1976), в отличие от рефлексов фонем *k', *g^[h]l, *k^[h]l, не претерпевающих в такой позиции палатализации в этой группе диалектов³.

В индо-иранском процесс палатализации предполагается до перехода гласных *e, *o > a, реконструируемого для общеиндо-иранского, ср. *k^[h]l⁰e > *če > др.-инд. -ca [-ča].

О хронологии этого процесса палатализации можно судить также и по арийским формам, сохранившимся в переднеазиатских клинописных памятниках, датирующихся серединой II тысячелетия до н. э., в которых арийское слово 'пять' представлено в виде *panza*: *pa-an-za*, ср. др.-инд. *pañca*. По-видимому, по крайней мере к середине II тысячелетия до н. э. процесс палатализации индоевропейских лабиовелярных уже совершился в индо-иранском.

Наличие в этой группе индоевропейских диалектов ряда лабиовелярных на раннем этапе их развития видно из рефлексов слоговых сонантов в позиции после заднеязычных, восходящих к индоевропейским лабиовеляр-

¹ В индо-иранском в ряде форм наблюдается палатализация велярных, восходящих к нелабиализованным смычным типа др.-инд. *guk-/c-* 'светить', мест. пад. *guc-é* 'в сиянии', *gosaúati*, авест. *gaosaueiti* 'освещает'. Такая палатализация характерна для собственно индо-иранских форм и не находит соответствий в других палатализирующих языках, какими являются, например, армянский и албанский. Этот тип палатализации нужно хронологически разграничивать от того вида палатализации, который обнаруживается и в других указанных диалектах.

² В ряде армянских форм не наблюдается палатализации лабиовелярных перед гласными переднего ряда, что объясняется вторичным восстановлением по аналогии (ср. арм. *kip* 'жена' при др.-инд. *jāni-*) или воздействием сонанта (ср. арм. *hing* 'пять' при др.-инд. *pañca*), Kortlandt 1975.

³ Такое различие в поведении чистых велярных и лабиовелярных в отношении комбинаторной палатализации становится понятным при рассмотрении их соотношений в системе с другим дополнительным рядом велярных смычных, который постулируется для индоевропейского на основании структурно-типологических соображений, излагаемых ниже.

ным. Вокализация слоговых сонантов в древнеиндийском — процесс довольно поздний, протекавший в эпоху обособленного развития древнеиндийского (см. ниже об отличиях индийского развития от иранского). Тем самым устанавливается поздняя хронология утери признака лабиализации в древнеиндийских заднеязычных, восходящих к индоевропейским лабиовелярным фонемам.

Такой след лабиовелярных в древнеиндийском проявляется в факте вокализации долгих (и кратких) слоговых сонантов * $\bar{r}$ (* r), * $\bar{l}$ (* l) в виде последовательности $\bar{ir}$ ($\bar{ir}$) в позиции после заднеязычной, восходящей к индоевропейской лабиовелярной фонеме (как и в позиции после собственно лабиальной смычной), тогда как после остальных смычных, то есть дентальных, чистых велярных и палатализованных, вокализация слоговых сонантов дает сочетание $\bar{ir}$ ($\bar{ir}$) (ср. Peeters 1974):

Др.-инд. $pūrṇá-$ ‘полный’, лит. $pilnas$: и.-е. * $p^{[h]}\bar{l}$ -n-;

Др.-инд. $gūrtá-$ ‘желанный’, лат. $grātus$ ‘приятный’, ‘приемлемый’, оск. $brateis$, $\beta\rho\alpha\tau\omega\mu$, * $g^{o}\bar{r}$ -t- (ср. Burrow 1957): и.-е. * $k^{o}\bar{r}$ -t^[h]-;

Др.-инд. $gurú-$ ‘тяжелый’, греч. $\beta\alpha\rho\acute{\upsilon}\varsigma$, лат. $gravis$ из * $g^{o}\bar{r}u$ -¹: и.-е. * $k^{o}\bar{r}u$ -;

Ср. в отличие от такого отражения долгих $\bar{r}$ (и краткого r), $\bar{l}$ в древнеиндийском отражение их в виде $\bar{ir}$ в позиции после чистого или палатализованного велярного и дентального, т. е. после фонем, не содержащих признака лабиальности:

Др.-инд. $tīrṇá-$, прич. *np. vr. om tārati* ‘переходить’, ‘побеждать’, греч. $\tau\rho\eta\tau\acute{o}\varsigma$ ‘просверленный’: и.-е. * $t^{[h]}\bar{r}$ -;

Др.-инд. $kīrti-$ ‘мысль’, ‘упоминание’, ‘слава’, от др.-инд. $carṅkarti$ ‘возвещать славу’, $kārú-$ ‘певец’, греч. $\chi\eta\rho\upsilon\acute{\xi}$ ‘глашатай’: и.-е. * $k^{[h]}\bar{r}$ -t^[h]-;

Др.-инд. $śīrṣ(á)n-$ ‘голова’, греч. $\kappa\acute{\alpha}\rho\acute{\alpha}$, ср. лат. $cerebrum$ < * $k\bar{e}r\acute{s}rom$ ‘голова’: и.-е. * $k^{[h]}\bar{r}$ -s-;

Др.-инд. $jīrṇá-$ ‘старый’, лат. $grānum$ ‘зерно’, ст.-слав. $zrīno$, греч. $\gamma\acute{\epsilon}\rho\omega\nu$ ‘старец’: и.-е. * $k^{[h]}\bar{r}$ -n-² (ср. Szemerényi 1970: 61; Эдельман 1973: 546, примеч. 14; Steensland 1973: 100—101; ср. Meje 1938: 144—145, о возможном аналогичном развитии в общеславянском).

¹ К нулевой огласовке др.-инд. $gūrú-$ и индоевропейских адъективных образований на -u- ср. также Szemerényi 1976.

² Для этого же слова засвидетельствована и форма $jūrṇá-$ (ср. уже в ‘Ригведе’ I 46, 3; I 180, 5; 184, 3 и др.), очевидно, с позднейшим варьированием $\bar{u}$ и $\bar{i}$, ставшим возможным после полного исчезновения признака лабиализации при рефлексах индоевропейских лабиовелярных и совпадения его с рефлексами индоевропейских велярных смычных. В этом отношении интересны также единичные случаи появления огласовки $\bar{i}r$ при рефлексе индоевропейского * r в позиции после рефлекса и.-е. лабиовелярной, которая могла уже в праязыке варьировать с рефлексом соответствующей велярной фонемы, ср. др.-инд. $gīrṇá-$ ‘проглоченный’, от $gīrāti$ ‘глотает’, ст.-слав. $žīro$ ‘пожираю’.

2.4. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАЛАТАЛИЗОВАННОГО РЯДА ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

В рассмотренных выше индоевропейских диалектах первой группы, в которых обнаруживаются позиционно обусловленные аффрикаты и фрикативные фонемы, восходящие к индоевропейским лабиовелярным смычным, имеются также фрикативные фонемы и аффрикаты, не чередующиеся с чистыми велярными в пределах одного языка, но соотносящиеся с собственно велярными смычными в соответствующих формах языков второй группы.

В отличие от позиционно обусловленных аффрикат и фрикативных, возникших в результате палатализации, они не чередуются с велярными смычными, то есть не связаны исторически с определенной позицией в слове, в чем и обнаруживается их иной фонологический статус в системе и соответственно комбинаторная необусловленность их происхождения.

Такой ряд аффрикат и фрикативных фонем обнаруживается в следующих индоевропейских формах:

Др.-инд. *jānu* 'колено', арм. *sunr*: при греч. γόνυ, лат. *genū*, гот. *kniū*, хет. *gi-e-nu*, тох. А *kanwet̪*, В *kenine*;

Др.-инд. *ájati* 'гонит', авест. *azaiti*, арм. *acem* 'веду': при лат. *agō*, тох. *āk-*, греч. ἄγω 'веду';

Др.-инд. *jánaḥ* 'род', арм. *cin*: при греч. γένος, лат. *genus* 'род'; Арм. *auc* 'коза', авест. *izaēna-* 'из кожи' (*козлиной кожи): при греч. αἴξ 'коза';

Др.-инд. *ájraḥ* 'поле': при лат. *ager*, греч. ἄγρος, гот. *akrs* 'поле';

Др.-инд. *hemantá-ḥ* 'зима', авест. *zuyā*, арм. *jmeṛn*, лит. *žiemà*, ст.-слав. *zima*, алб. *dímër*: при греч. χειμα, χειμῶν 'зима', лат. *hiems* 'зима';

Др.-инд. *deh-* 'лепить', 'умаживать', 'мазать', авест. *daēzayeiti* 'строит вокруг стену', др.-перс. *didā-* 'стена', арм. *dizanem* 'складываю, сваливаю в кучу': при лат. *fungō* 'леплю', греч. τεῖχος 'стена';

Др.-инд. *śrad-* в *śrad-dhā-* 'верить' (лат. *credō*), арм. *sirt* 'сердце', твор. н. *srtiṵ*, ст.-слав. *srūdīce*, *srēda*, лит. *širdis*, латыш. *siŕds* 'сердце': при греч. καρδιά, лат. *cor*, род. н. *cordis*, хет. *kir*, род. н. *kardiḡaš*, гот. *hairtō*, др.-в.-нем. *herza* 'сердце';

Др.-инд. *śatām* 'сто', авест. *satəm*, лит. *šiŕtas*: при лат. *centum*, греч. ἑκατόν, гот. *hund*, тох. А *kānt*, В *kante*;

Др.-инд. *śete* 'покоится', *śayá* 'ложе', авест. *saēte* 'лежит': при греч. κείται, хет. *kittari* 'лежит';

Др.-инд. *ś(u)vā* 'собака', род. пад. *śunaḥ*, лит. *šiõ*, род. н. *šiõs*, арм. *šun*, род. пад. *šan* 'собака': при греч. κύων, род. н. *κυῶς*, др.-ирл. *cú* 'собака'.

Естественно предположить, что индоевропейские фонемы, давшие в исторических языках такие рефлексy (то есть аффрикаты и фрикативные в индо-иранском, армянском, албанском, балто-славянском при велярных смычных в греческом, латинском, хеттском, кельтском и других языках), должны быть отграничены от тех индоевропейских фонем, которые дали рефлексy в виде велярных смычных в обеих названных выше группах индоевропейских диалектов. Это должны были быть, очевидно, фонемы, от-

разившиеся в одной группе индоевропейских диалектов как аффрикаты и фрикативные, а в другой группе совпавшие с рефлексами чистых велярных смычных.

На основании типологических соображений можно предположить, что такие фонемы в индоевропейском представляли ряд палатализованных велярных смычных, который выступал в системе в качестве дополнительного ряда по отношению к немаркированному ряду велярных смычных, составлявшему наряду с рядом лабиовелярных подсистему постериорных смычных в индоевропейской фонологической системе:

$$k' \quad g^{[h]} \quad k^{[h]} \quad k'^0 \quad g^{[h]0} \quad k^{[h]0} \quad k' \quad g^{[h]} \quad k^{[h]}$$

Характерно, что палатализованный ряд велярных смычных, будучи маркированным в системе по отношению к велярному ряду смычных, имеет тенденцию к видоизменению и переходу в соответствующие компактные (постериорные) аффрикаты, являющиеся самыми стабильными в подклассе аффрикат (по сравнению с диффузными — антериорными — аффрикатами)¹. В некоторых случаях такая тенденция проявляется в слиянии палатализованного ряда велярных с соответствующими чистыми велярными.

В результате именно таких фонетико-фонологических процессов в системе индоевропейских диалектов устраняется палатализованный ряд индоевропейских велярных фонем, давших в одних диалектах новые фонологические ряды аффрикат и спирантов, а в других диалектах слившихся с рефлексами соответствующих чистых велярных фонем.

2.5. СТРУКТУРА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ И ПАЛАТАЛИЗОВАННЫЙ РЯД ВЕЛЯРНЫХ

Постулирование в индоевропейской фонологической системе палатализованного ряда велярных, отличного от рядов чистых велярных и лабио-

ТАБЛИЦА 4
МАТРИЦА ИДЕНТИФИКАЦИИ ПАЛАТАЛИЗОВАННЫХ СМЫЧНЫХ

	k'	$g^{[h]}$	$k^{[h]}$
Слоговость —			
Неслоговость	—	—	—
Смычность —			
Фрикативность	+	+	+
Звонкость —			
Незвонкость —	(—)	+	—
Глоттализованность	+	(—)	—
Велярность	+	+	+
Аспирированность	(—)	±	±
Лабializedность	(—)	(—)	(—)
Палатализованность	+	+	+

¹ О соотношении в системе компактных (шипящих) и диффузных (свистящих) аффрикат см. Меликишвили И. 1976 : 106—107.

велярных, становится необходимым и на основании внутренних структурных особенностей построения индоевропейского корня (основы) и линейного распределения в нем фонем различных подклассов.

Одним из основных принципов построения индоевропейского корня является, как было указано выше (стр. 18), правило (1), запрещающее сочетание в корне идентичных фонем (ср. *Benveniste 1935: 170—171; Бенвенист 1955*). В более общем виде это правило можно сформулировать как правило (1'), налагающее запрет на комбинацию в пределах корня двух фонем одного и того же локального ряда:

(1') Две согласные смычные фонемы одного локального ряда несовместимы в корне структуры SVC-

При таком формулировании правила (1') запрет на сочетание двух идентичных фонем в корне предстает как частный случай более общего запрета на сочетаемость в корне двух фонем одного и того же ряда.

Правило это выводится на основании анализа индоевропейских корней, содержащих смычные согласные фонемы лабиального, дентального и лабиовелярного рядов.

В индоевропейском не засвидетельствован корень структуры C_1VC_2 - с двумя лабиальными, с двумя дентальными или двумя лабиовелярными фонемами¹.

В явном противоречии с этой структурной закономерностью индоевропейского корня оказалось бы поведение постериорных смычных (помимо собственно лабиовелярных фонем) при допущении их принадлежности к одному единственному локальному ряду велярных, поскольку в индоевропейском можно выделить определенное количество корней структуры SVC- с двумя постериорными смычными фонемами.

Допущение в таких структурах различия выступающих в них согласных фонем в отношении локального ряда привело бы эти структуры в полное соответствие с большинством закономерных структур, состоящих из согласных фонем различных локальных рядов.

Такое переосмысление структуры корней, состоящих из двух постериорных согласных, подводит их под действие правила (1'), описывающего структуру корней с лабиальными, дентальными и лабиовелярными смычными.

Легко видеть, что это различие и отнесение к двум различным рядам смычных постериорных фонем внутри каждого корня проводится на основе структурных соображений, но конкретное отождествление этих фо-

¹ Единственный случай сочетания в основе двух лабиальных (в данном случае тождественных) фонем в форме $*p^{[h]}r^{[h]}$ (арм. *erewim* 'делаюсь видимым, являюсь', греч. *πρέτω* 'выдаюсь, делаюсь заметным', др.-ирл. *gicht* 'форма', др.-в.-нем. *fuŕben* 'чистить', *Льюис/Педерсен 1954: 54, §31; Pokorny 1959: 845*) может объясняться сочетанием в основе (биноме) двух морфем $*p^{[h]}r-ep^{[h]}$.

Единственная форма, обнаруживающая сочетание двух тождественных согласных в корне, в частности $*ses-$ (др.-инд. *sás-*, хет. *šeš-* 'спать, покоиться'), не составляет исключения к сформулированному выше правилу, поскольку в данном случае сочетаются две идентичные сибиллянтные фонемы, ср. *Maurohofer 1976, III: 449*.

нем по различительным признакам локальных рядов в подгруппе постериорных согласных можно произвести лишь на основе их отражений в исторических индоевропейских диалектах. В каждой из реконструируемых индоевропейских форм с двумя постериорными (нелабиовелярными) согласными одна фонема отождествляется как собственно велярная (с рефлексами преимущественно в виде велярных смычных во всех индоевропейских диалектах), другая — как велярная с дополнительной артикуляцией, по всей видимости, палатализованная велярная (с фрикативными фонемами и аффрикатами в качестве рефлексов — в одной группе индоевропейских диалектов, и велярными смычными рефлексами — в другой).

В полном соответствии с вышеизложенным находится и то, что невозможно обнаружить недвусмысленные примеры индоевропейских корней, в которых обе согласных одновременно отражались бы в исторических языках либо по типу чистых велярных смычных, либо по типу палатализованных велярных.

Все эти соображения делают необходимым принятие в подгруппе постериорных согласных локального ряда велярных смычных и его модификаций в виде рядов “палатализованных велярных” и “лабиализованных велярных” (так называемых л а б и о в е л я р н ы х). В противном случае оказались бы противоречащими основным принципам построения индоевропейского корня следующие индоевропейские формы:

Осет. *æŋǰezun* < иран. **ham gaizaya* ‘бродить’, зап. осет. *ǰizun* ‘замерзать’, арм. *kc-anem* ‘колоть’ (аорист 3 л. ед. ч. *e-kic*), *kc-и* ‘горький’, лит. *gīžti* ‘скисать’, *gaižūs* ‘горький’, *gaižti* ‘становиться горьким’, алб. *gjižë* ‘сыр’, ср. др.-ирл. *gér* ‘острый’, ‘кислый’: и.-е. **k'eik'*;

Авест. *kasu-* ‘мало, малый’, *срв. см. kas-yah-*, *прев. см. kas-išta-*, лит. *(nu)kašėti* ‘ослабеть’ при нем. *hager* ‘худой, тощий’: и.-е. **k^[h]ak^[h]*;

Др.-инд. *śaknóti* ‘может’, ‘помогает’, авест. *sačaiti* ‘может’, ‘разбирается’ и.-е. **k^[h]ak^[h]*;

Др.-инд. *śákhā* ‘ветвь’, арм. *с'ах*, лит. *šakà* ‘ветвь’, слав. *socha* ‘кол’, ‘соха’, *posochŭ* ‘посох’, ср. гот. *hōha* ‘плуг’ (ср.-ирл. *géc* ‘ветвь’): и.-е. **k^[h]āk^[h]*;

Арм. *jačk* ‘ветвь’, лит. *žalgà* ‘длинный шест’; ср. гот. *galga* ‘шест’: и.-е. **ǰ^[h]alg^[h]*;

Др.-инд. *jāṅghā* ‘лодыжка’, авест. *zanga-* ‘косточка ноги’ (ахуровского существа), *-zangra-* ‘косточка ноги’ (дэвовского существа), лит. *žengii* ‘иду’; ср. гот. *gaggan* ‘идти’: и.-е. **ǰ^[h]eng^[h]*;

Др.-инд. *gūhati* ‘скрывает’, авест. *guz-* ‘прятать, скрывать’, др.-перс. *gaud-* ‘скрывать’, лит. *gūžė* ‘языческая богиня’, *gūžti* ‘охранять’; ср. др.-исл. *gýgr* ‘великанша’: и.-е. **g^[h]euǰ^[h]*;

Др.-инд. *śāka-* ‘съедобные овощи, зелень’, лит. *šėkas* ‘свежескошенная трава для корма лошадям’, латыш. *sēks*, др.-прус. *schokis* ‘трава’; ср. др.-исл. *há:* и.-е. **k^[h]ēk^[h]o-*;

Др.-инд. *kṛśá-* ‘отощавший, слабый’, авест. *kərəsa-* ‘тощий’, лит. *kar-šėti* ‘стареть’, чеш. *krsati* ‘худеть’; ср. др.-исл. *horr* ‘худоба’: и.-е. **k^[h]ork^[h]*;

Др.-инд. *śócati* 'сияет', *sukrá-* 'белый', 'чистый', авест. *saocint-* 'сияющий'; ср. греч. *χύκτος* 'лебедь' (из 'белый'): и.-е. *k^[h]leuk^[h]l-;

Др.-инд. *káksā* 'подмышка', авест. *kaša-*; ср. лат. *coxa* 'бедро', др.-ирл. *coss* 'нога', др.-в.-нем. *hāhsina*, тох. В *kektseñe* 'тело': и.-е. *k^[h]lok^[h]l-;

Др.-инд. *śvāñcate* 'открывается', лит. *šūkė* 'зазубрина', полаб. *sacēt* 'щетка', рус. *щет(-ка)*: и.-е. *k^[h]uēnk^[h]l-.

Принцип несочетаемости в корне смычных одного и того же ряда может быть распространен с некоторыми оговорками и на структуру более сложных морфемных объединений, в частности на основу, то есть корень + суффикс, ср. индоевропейские основы типа *k^[h]lej-k^[h]l- (др.-инд. *klīśṇāti* 'мучит', *klīśyate* 'мучится', лит. *klīšė* 'клешня', ст.-слав. *klěšta* 'клещи'); *g^[h]lar-ǵ^[h]l- (арм. *karset* 'я боюсь', *karcr* 'твердый', лит. *gražoti* 'грозить', ст.-слав. *groza* 'страх'; ср. греч. *γοργός* 'страшный', *Γοργώ* 'Горгона'); *g^[h]n-εϋ-ǵ^[h]l- (лит. *gniūžiu* 'сжимаю руку', др.-исл. *knjúkr* 'округлая горная вершина') и другие¹.

3. ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВ CENTUM И SATĒM

3.1. КЛАССИФИКАЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ ПО ОТРАЖЕНИЮ РЯДОВ «ГУТТУРАЛЬНЫХ»

По принципу отражения в индоевропейских диалектах ряда палатализованных велярных в виде аффрикат и фрикативных или в виде чистых велярных (в результате слияния ряда палатализованных смычных в этих диалектах с рядом собственно велярных) все индоевропейские диалекты обычно делят на две большие группы — на группу *satəm* и на группу *centum* (по отражению индоевропейского числительного 'сто': и.-е. k^[h]mt^[h]om).

Характерно, что ни в одном историческом индоевропейском диалекте не сохраняется ряд палатализованных велярных смычных наряду с рядами лабиализованных велярных и чистых велярных. Палатализованный ряд велярных как наиболее маркированный ('рецессивный') является нестабильным в системе, имеющим тенденцию к движению и слиянию с собственно велярным рядом или переходу его в особый ряд аффрикат или фрикативных.

Такая тенденция палатализованных велярных объясняется их фонетической нестабильностью и может быть проиллюстрирована на материале многих исторических языков. Переход палатализованных велярных в

¹ В редких случаях в качестве исключения суффиксальная согласная принадлежит к тому же ряду смычных, что и корневая; это в некотором смысле является нарушением принципа несочетаемости двух согласных одного и того же ряда в пределах основы (но не корня), ср. такие формы, как *k^[h]ln-ek^[h]l-, *k^[h]len-k^[h]l- (др.-инд. *kāñcate* 'связывает', греч. *κίχλις* 'ограда', лат. *cingere* 'опаивать', лит. *kinkýti* 'запрягать') при *k^[h]len- 'стянуть, жать' (Рокорны 1959: 558, ср. др.-исл. *hpaeki*, др.-в.-нем. *hpas* 'затылок'). Неясным по структуре основы представляется греч. *γάλα* 'молоко', род. п. *γάλακτος*, гом. *γάλας* 'молоко' (*περιγάλας*), крит. *κλάρος*, *γλακχόν*, лат. *lās*, род. п. *lactis* 'молоко', ср. также хет. *galattar* 'сок дерева'. Есть предположение, что слово восходит к другому корню: *mlk'-, ср. греч. *ἀμέλω* 'дою' (Szemerényi 1954).

аффрикаты и спиранты в одной группе индоевропейских диалектов привели к формированию так называемых *satəm*-ных языков, которые характеризуются одновременно и утерей признака лабиализации и образованием тем самым из трех рядов индоевропейских постериорных смычных единственного ряда велярных смычных фонем.

В другой группе индоевропейских диалектов происходит преобразование нестабильного палатализованного ряда смычных в другом направлении — в направлении утери признака палатализации и слияния в результате этого древнего палатализованного ряда велярных с рядом чистых велярных смычных.

Эти процессы приводят к образованию так называемых диалектов группы *centum*, в которых, однако, некоторое время еще сохраняется ряд лабиализованных фонем в качестве самостоятельного фонемного ряда, противопоставленного по признаку лабиализации ряду чистых велярных смычных. Уже позднее фонемы лабиализованного ряда велярных в этих языковых системах распадаются на последовательность велярный смычный + лабиальная фонема *ɸ* или совпадают со смычными лабиального ряда (см. выше, стр. 85 и след.).

Однако в процессе движения в системе палатализованный ряд смычных претерпевает не единообразные изменения в отношении всех членов ряда, а обнаруживает различия в эволюции отдельных его членов в зависимости от системных и позиционных факторов. Такое неединообразие в изменении палатализованного ряда в системе наблюдается как при движении его в сторону чистого велярного ряда (то есть в диалектах группы *centum*), так и в случае движения этого ряда в общем направлении аффрикации (то есть в диалектах группы *satəm*).

3.2. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ДИАЛЕКТЫ С ПЕРЕХОДОМ (СЛИЯНИЕМ) ПАЛАТАЛИЗОВАННОГО РЯДА В ВЕЛЯРНЫЙ (ДИАЛЕКТЫ ГРУППЫ *centum*). ПОЗИЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ТАКОГО ПЕРЕХОДА

Рассмотрим сначала индоевропейские диалекты, в которых палатализованный ряд движется в сторону чистого велярного ряда и сливается с ним в общий ряд велярных (при наличии в системе фонемного ряда, восходящего к индоевропейскому лабиовелярному ряду смычных).

К этой группе диалектов следует отнести, в первую очередь, анатолийские языки, греческий, итальянский, кельтские, германские и тохарские языки.

Однако в некоторых из этих диалектов в ряде форм наблюдается отклонение от основного направления преобразования палатализованных велярных, что находит удовлетворительное структурное объяснение из складывающихся в системе в процессе ее преобразования соотношений между фонемными рядами.

В анатолийских языках (хеттском и лувийском) индоевропейские палатализованные смычные отражаются, как и соответствующие велярные, в виде заднеязычных смычных, представленных на письме простым и удвоенным написанием согласного *-k-*, *-kk-*:

Хет. *gi-e-ni* 'колени', гот. *kniu*, греч. γόνο, лат. *genū*, тох. А *kanweñ*, ср. др.-инд. *jānu*, арм. *cunr* : и.-е. *k'enu-;

Хет. *gimant-* 'зима', *gi-im-ma-an-za*; греч. χειμα 'зима': ср. др.-инд. *hemantá-* 'зима', арм. *jiwn* 'снег', алб. *dímër*, лит. *žiemà*, латыш. *zīma*, прус. *seto* : и.-е. *ǵ^[h]eim-;

Хет. *ki-ir* 'сердце', род. пад. *kar-di-aš*, греч. κῆρ; ср. др.-инд. *śrad-* (в *śrad-dhā-* 'верить'), арм. *sirt*: и.-е. *k^[h]er-;

Ряд лабиовелярных представлен как последовательность велярных $\text{й} + \text{ʷ}$, которая в общеанатолийском несомненно представляла монофонематический комплекс, то есть велярную фонему с признаком лабиализации (ср. выше о фонологическом статусе подобных сочетаний в хеттском):

Хет. *ne-ku-ma-an-za* (Madd., Vs. 51; KUB XIII 4 III 32) 'голый', ср. гот. *naqaps* 'голый': и.-е. *ne/og^[h]o-;

Хет. *ku-en-zi* 'убивает', мн. ч. *ku-na-an-zi*, ср. др.-инд. *hánti* 'бьет, убивает', мн. ч. *ghnánti*, греч. θείνω 'убиваю': и.-е. *g^[h]en-;

Хет. *šakuca* 'глаза', *šakuca-i-* 'смотреть', ср. гот. *saihran* 'смотреть', др.-ирл. *ro-sc* 'глаз';

Хет. *eku-/aku-* 'пить': *ekuzzi* (3 л. ед. ч.), *akcanzi* (3 л. мн. ч.); 3 л. мн. ч. наст. вр. *ak-ku-uš-ki-iz-zi* (KUB XIII 4 I 25), 2 л. мн. ч. пов. накл. *ak-ku-uš-ki-it-tin* (KUB XIII 4 II 3), ср. лат. *aqua* 'вода', гот. *ahva* 'река', др.-исл. *æger* 'морское божество'.

Но в позиции перед $\text{ʷ}/\text{u}$ анатолийские рефлексы индоевропейской палатализованной фонемы *k^[h] представлены не в виде *k-*, как во всех остальных позициях, а в виде спиранта *š* (ср. также Josephson 1979):

Иер. лув. *sù-wa-nà-i* 'собаки' (Ассур b II 15): ср. др.-инд. *ś(u)vā*, род. пад. мн. ч. *śúnas*, арм. *šun*, род. п. *šan*; лит. *šiõ*, род. п. *šiõs* при греч. κῶν, род. пад. κωνός, лат. *canis*, др.-ирл. *cú*, род. пад. *con* 'собака': и.-е. *k^[h]u(e/o)n-;

Иер. лув. *á-sù-wa* 'конь' (Каратепе, 41 и след.; соответствует финик. *ss* 'конь' в билингве), *á-sù-wa-i* 'кони', ср. др.-инд. *áśva-* 'конь', ст.-лит. *ašvā* 'лошадь, конь', при греч. ἵππος, лат. *equus*, др.-ирл. *ech*, тох. В *yakwe*: и.-е. *ek^[h]uo-;

Иер. лув. *su-wà-há* 'я наполнил' (Каратепе, 38 ≈ финик. *w-ml'*; Кархемыш, А 30 h 2; *su-su-tá*, редуцированный глагол, Кархемыш, А 30 h 1); клин. лув. *šuca-* 'наполнять', 3 л. ед. ч. пр. вр. *šu-u-ya-at-ta* (Laroche 1959a: 88); хет. *šuca-i-* 'наполнять', иер. лув. *siwa-* 'наполнять'; хет. *šun-na-* 'наполнять', пал. *šun-*: ср. др.-инд. *śváyati* 'наполняется', 'усливаются', перф. *śū-śuv-uh* (перфектная редупликация), арм. *sun* 'малый', алб. *thëllë* 'глубокий', ст.-слав. *suji* 'ничтожный' при греч. κῆω 'беременею', κῆμα 'вздутие', лат. *cauus* 'полюй, пустой';

Хет. *šucaja-* 'смотреть', ср. др.-ирл. *ci-* 'видеть'.

Такое развитие индоевропейского *k^[h] в анатолийском частично совпадает с отражением палатализованных велярных в диалектах группы *satam*. Однако совпадение в развитии палатализованных велярных в анато-

лийских языках и в языках группы *satəm* — лишь внешнее и не является следствием однородных внутренних причин.

Подобное отражение индоевропейской палатализованной смычной фонемы в анатолийском в позиции перед *ɥ/u*, в отличие от отражения палатализованных во всех остальных позициях, объяснимо наличием в системе ряда лабиализованных велярных наряду с рядом чистых велярных.

При переходе в анатолийском палатализованного ряда в соответствующий ряд велярных, что было характерно для индоевропейских диалектов группы *centum*, в позиции перед сонантом *ɥ* должны были возникнуть комплексы велярных смычных с последующим *ɥ*: [**k'ɥ*], [**g'ɥ*], [**kʰɥ*], которые в таком случае совпали бы с рефлексами индоевропейских лабиализованных **k'ʰ*, **gʰ*, **kʰ*, представлявших в системе маркированный ряд лабиовелярных в противовес немаркированному ряду собственно велярных.

Такое совпадение в системе палатализованного ряда с маркированным рядом лабиализованных предотвращается путем ассимиляции палатализованных смычных в позиции перед *ɥ/u*, где только и могло возникнуть такое совпадение, в отличие от других позиций, в которых палатализованные смычные нормально переходили в соответствующие велярные смычные, сливаясь тем самым с немаркированным рядом велярных.

Таким образом, двойное отражение в анатолийском индоевропейских палатализованных смычных в виде велярных и сибиллянта *s* (в позиции перед *ɥ/u*) объясняется общей тенденцией к переходу нестабильного ряда палатализованных смычных в наиболее стабильный среди постериорных смычных ряд велярных, причем избегалось возможное совпадение палатализованных при таком переходе с еще сохранявшимися лабиовелярными фонемами посредством ассимиляции первоначального палатального в позиции перед *ɥ/u*¹.

Аналогичное в фонологическом отношении развитие древних палатальных в позиции перед *u* наблюдается и в некоторых других диалектах группы *centum*, в которых исходный палатализованный ряд смычных преобразуется путем слияния его с немаркированным рядом велярных фонем, в частности в латинском.

Непонятное отражение индоевропейского сочетания **kʰɥ* в форме *canis* 'собака' (см. *Ernout/Meillet 1967: 92*, ср. выше о иер. лув. *suwana* — при аналогичных факторах изменения) становится легко объяснимым с учетом описанных выше фонологических соотношений в системе. Во избежание совпадения сочетания **kʰɥ* в латинском при переходе палатализованной фонемы в соответствующую велярную с рефлексом лабиовелярной фонемы **kʰ* > *kɥ* происходит упрощение первого сочетания: **kʰɥ* > *kʰ*.

¹ Такая мотивация *satəm*-ного перехода в анатолийском снимает необходимость считать эти формы заимствованием из арийского, ср. *Szemerényi 1976*.

² Такая же утеря лабиального элемента в слове для 'собакн' предполагается и в германском **hup-*, ср. *Peeters 1973* (иначе *Hamr 1980*).

Несколько отличное от этого развитие, но объяснимое той же общей тенденцией к избеганию слияния велярных с соответствующими маркированными лабиовелярными фонемами, наблюдается в латинских формах *equus* 'конь' (н.-е. *ek^[h]uo-, ср. выше иер. лув. *asikwa-*), *uapor* 'дым', 'пар' (н.-е. *k^[h]uap^[h]l-, ср. лит. *kovaras* 'дым', греч. *καπνός* 'дым', 'пар', др.-инд. *kari-* 'благовоние', ср. *Pisani 1949: 40—45*), *cāseus* 'сыр': н.-е. k^[h]uas- (ср. ст.-слав. *kvasŭ* 'квас', *-kysnŕiti* 'скисать', 'сбиваться').

Латинские формы *uapor* и *cāseus* объяснимы как результат преобразования сочетания *ku* путем утери одного из компонентов: велярного *k* в форме *uapor* и лабиального *u* в форме *cāseus*, чем и достигается расподобление этого сочетания с рефлексом лабиовелярной фонемы *k^[h]l⁰.

Характерно также в этом отношении и отсутствие лабиального элемента в греч. *καπνός* (вместо ожидаемого *κ^hαπνός; дигамма отсутствует уже в микенской форме, *Lejeune 1958: 290*, прим. 24). Этой же тенденцией объясняется двойное πλ в греч. *ἴπλος* (из индоевропейского сочетания *k^[h]l⁰), в отличие от греческого рефлекса индоевропейского лабиовелярного *k^[h]l⁰, передаваемого в греческом неизменно через одно π (ср. также в греческом вариант *ἴκκος*, антропоним *Ἰκκος), ср. вызванное аналогичными причинами преобразование этого индоевропейского слова в анатолийском.

Латинские формы *equus*, с одной стороны, и *uapor*, *cāseus* — с другой, можно рассматривать как возникшие в силу тенденции к различению друг от друга рефлексов индоевропейского сочетания *k^[h]l⁰ и рефлексов индоевропейской лабиовелярной фонемы. В латинском возникают рефлексy, фонетически несовпадающие друг с другом.

Возможно найти и другие примеры с соответствием латинского *k* и *ku* в языках *sarəm*-ной группы, которые могут быть интерпретированы в указанном выше смысле¹.

При всем фонетическом различии результатов преобразования, в анатолийском, латинском и греческом происходят однотипные процессы при движении палатализованных "гуттуральных" в направлении слияния их с соответствующими велярными, что характеризует индоевропейские диалекты группы *centum*.

Траектория преобразования ряда палатализованных велярных в диалектах группы *centum* может быть представлена в виде правила (2) трансформации дифференциальных признаков:

¹ А. А. З а л з н я к (устное сообщение) считает возможным интерпретировать подобным образом и латинское *cantāre* 'петь' (ритуальное песнопение, ср. *cantem* 'ритуальная песня', *oscem* 'птица, используемая при гаданиях'), с одной стороны, и рус. *святой*, ст.-слав. *svetŭ*, лит. *šveñtas*, авест. *spanta-* 'святой' (хотано-сакск. *ysamaššandai* < *zam švan-taka 'земля священная', др.-инд. *rap-* в вед. *arāmatih pānīyasī*, авест. *Spanta- Ārmaiti-*, 'священная Араматі', вед. *soma... pānīpnatam* 'Сома священный', RV IX 66, 29, *Soma rāpumat-rāpumat*, *Geiger 1916: 29; Brunnhofer 1893; Герценберг 1972: 79 и 107—108*), с другой стороны. Но ср. иное отражение *k^[h]l⁰ (>ц-, а не k-) в лат. *uitrum* 'стекло', др.-инд. *svitrā-* 'белый'.

$$(2) \quad [+ \text{палатал}] \Rightarrow [- \text{палатал}] \quad \left| \quad \begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \\ \pm \text{звонк} \\ \pm \text{глоттал} \\ + \text{велярн} \end{array} \right.$$

3.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ДИАЛЕКТЫ С ПЕРЕХОДОМ ПАЛАТАЛИЗОВАННОГО РЯДА В СООТВЕТСТВУЮЩИЕ АФФРИКАТЫ И СПИРАНТЫ (ДИАЛЕКТЫ ГРУППЫ *satəm*). ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЙ ПАЛАТАЛИЗОВАННЫХ

Другую большую группу индоевропейских диалектов составляют языки, в которых палатализованный ряд смычных элиминируется в системе путем перехода его в аффрикаты и фрикативные фонемы (диалекты группы *satəm*).

Вместо ряда палатализованных смычных в системе возникает особый ряд аффрикат и фрикативных фонем, которые совместно с исконными сибилантными фонемами составляют общий класс аффрикат и сибилантов. Такие аффрикаты и фрикативные должны были совпасть в системе с теми аффрикатами и фрикативными фонемами, которые, вероятно, еще раньше возникли комбинаторно из первичных лабиовелярных (или фарингализованных велярных фонем) в позициях палатализации, то есть в позиции перед гласными переднего образования (см. об этом выше, стр. 91 и след.). Характерно, что позиционно обусловленные аффрикаты и спиранты возникают в этот период в таких системах из лабиовелярных фонем, а не из чистых велярных.

Объяснение этой особенности комбинаторного возникновения аффрикат и сибилантных спирантов из постериорных смычных под влиянием последующих гласных переднего ряда следует искать опять-таки в системных соотношениях между рядами постериорных смычных.

В условиях наличия в системе трех постериорных рядов смычных — велярного, лабиовелярного (геср. лабиализованного) и палатализованного велярного — признак палатализации под позиционным влиянием гласных переднего образования мог наложиться только на лабиализованный ряд, поскольку перенос этого признака на фонемы велярного ряда привел бы к их совпадению (слиянию) с соответствующими фонемами палатализованного ряда. Лабиовелярные в позиции перед гласными переднего ряда выступали как палатализованные варианты лабиовелярных фонем, которые в других позициях проявлялись без этого фонетического признака палатализации¹. Палатализованные лабиовелярные, выступающие на определенном этапе развития языка в качестве позиционно обусловленных вариантов фонем лабиализованного ряда велярных, претерпевают в дальнейшем фонетическую ассибилацию и переход в аффрикаты.

¹ Фонетически возможно сочетание при велярных признака лабиализации с признаком палатализованности; ср. в частности в японском диалекте *Нагасаки* (*Trubetzkoy 1958 : 127, примеч. 5*).

Элиминация нестабильного в системе палатализованного ряда велярных происходит в индоевропейских диалектах группы *satəm*, как было указано выше, путем фонетического преобразования и перехода единиц этого ряда в звуки, фонетически отличные от исходных.

Судя по рефлексам индоевропейских палатализованных фонем в языках группы *satəm*, а также учитывая типологические данные общей фонетики, можно предположить возникновение постериорных компактных (шипящих) аффрикат из исходных палатализованных индоевропейских фонем на самом раннем этапе. Такие компактные аффрикаты, артикулируемые в той же точке, что и соответствующие палатализованные смычные, тем не менее отличаются от последних большей стабильностью в системе (*ср. Trubetzkoy 1958; Chomsky/Halle 1968*).

Все конкретные рефлексы индоевропейских палатализованных в исторических индоевропейских диалектах группы *satəm* могут быть фонетически естественным путем выведены из первоначальных шипящих (компактных) аффрикат, предполагаемых в качестве непосредственного результата преобразования индоевропейских фонем палатализованного ряда в этой группе диалектов.

В тех же диалектах группы *satəm* переход палатализованного ряда смычных в аффрикаты соотносится с процессом слияния лабиовелярного (лабиализованного) ряда с немаркированным рядом чистых велярных смычных: эти два процесса следует рассматривать взаимосвязанно как общий процесс элиминации в системе маркированных (“рецессивных”) рядов постериорных смычных.

Поскольку в диалектах группы *centum* маркированный ряд палатализованных смычных сливается с немаркированным велярным рядом, другой маркированный ряд постериорных смычных — лабиовелярный — еще долго сохраняет свой фонологический статус самостоятельного фонемного ряда и лишь значительно позднее (уже в эпоху существования отдельных индоевропейских диалектов) в условиях новых фонологических соотношений в системе распадается на сочетания велярной смычной с последующей лабиальной фонемой.

В отличие от такого развития подсистемы индоевропейских постериорных смычных, в диалектах группы *satəm*, в которых элиминация маркированного палатализованного ряда осуществляется путем перехода его в соответствующие аффрикаты и образования тем самым нового фонологически немаркированного ряда в системе, маркированный лабиализованный ряд сливается с немаркированным рядом чистых велярных смычных, воспроизводя тем самым направление движения и элиминации маркированного палатализованного ряда в диалектах группы *centum*.

Следовательно, основные фонетико-фонологические различия между группами индоевропейских диалектов *centum* и *satəm* определяются изначально различной траекторией движения маркированного палатализованного ряда велярных, подверженного тенденции к исчезновению в системе

ввиду своего максимально маркированного характера среди постериорных рядов смычных.

Траектория палатализованного ряда смычных в ряд соответствующих аффрикат и изменение лабиализованного ряда в диалектах группы *satəm* могут быть представлены в виде трансформационных правил (3) и (4):

$$(3) \left\{ \begin{array}{l} [+ \text{велярн}] \\ [+ \text{палатал}] \\ [+ \text{взрыв рекур}] \end{array} \right\} \Rightarrow \begin{array}{l} [+ \text{велярн}] \\ [+ \text{палатал}] \\ [- \text{взрыв рекур}] \end{array} \mid \begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \\ \pm \text{звонк} \\ \pm \text{глоттал} \end{array}$$

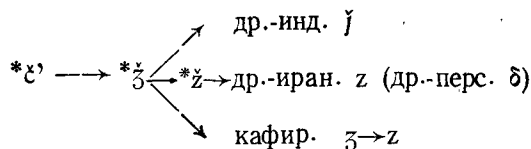
$$(4) [+ \text{лабиализ}] \Rightarrow [- \text{лабиализ}] \mid \begin{array}{l} - \text{слогов} \\ + \text{смычн} \\ \pm \text{звонк} \\ \pm \text{глоттал} \end{array}$$

Самым ранним преобразованием палатализованных велярных фонем в группе диалектов *satəm* следует считать их переход в соответствующие постериорные (компактные) аффрикаты:

$$*k', *g[h] \quad *k[h] \rightarrow *c', *z[h] \quad *c[h]$$

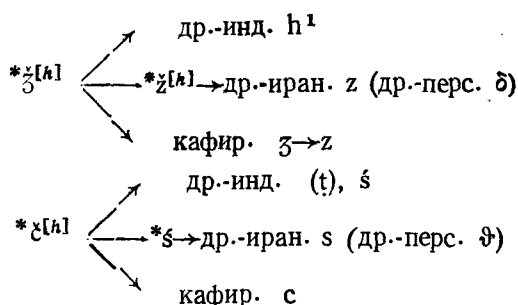
Из глоттализованной палатализованной фонемы закономерно возникает компактная глоттализованная аффриката, из звонкой фонемы — соответствующая звонкая компактная аффриката, из глухой — соответствующая глухая.

В индо-иранских языках эти аффрикаты развиваются в следующем направлении (ср. *Morgenstierne 1945; Иванов 1958; Эдельман 1973: 543—544*):

Для древнеиранского следует допустить промежуточную ступень $*z^1$.

¹ Если вопреки высказывавшимся сомнениям (*Gershevitch 1965*) древнеперсидское отражение $\delta(d)$ было старым, его следует объяснить как деаффрикатизацию раннего $*\check{c}$ (другой путь деаффрикатизации такого $\check{c}$ с переходом в соответствующий спирант $\check{z}$ с последующим его переходом в свистящий спирант z представлен в древнеиранском авест. z и т. д.). Процесс деаффрикатизации и утери компактности (переход шипящих в свистящие) является, очевидно, одной из наиболее характерных черт в фонетике иранских языков, ср. параллельный процесс потери компактности и деаффрикатизации в кафирском. К типологически аналогичным путям деаффрикатизации ср. переходы $\check{c} \rightarrow d$, $\check{z} \rightarrow z$ в картвельских (мегрельском и сванском) языках (*Гамкрелидзе 1968*).

Различие в фонетическом развитии индо-арийского, иранского и кафирского особенно ясно видно в отражении в этих диалектах индоевропейских последовательностей $*-k[h]s-$ и $*-k[h]s-$: в кафирском эти последовательности отражаются соответственно как $-c-$ [ts] и $-ç-$ [tʃ], тогда как в иранском они дают отражение соответственно $-š-$ и $-xš-$ при совпадении их в $-kš-$ в индо-арийском, см. Kuiper 1978: 101.

В древнеиндийском озвончение глоттализованной аффрикаты $*č' \rightarrow ʒ$ (в соответствии с процессом общего озвончения глоттализированных фонем серии I, см. выше о типологических параллелях озвончения глоттализированных, в том числе аффрикат, стр. 49 и след.) приводит к возникновению в системе звонкой шипящей аффрикаты $ʒ (= j)$, повлиявшей на преобразование $*ʒh \rightarrow h$ и $*čh \rightarrow ś$ в результате спирализации соответствующих аффрикат.

Спиранизация аффрикат является довольно распространенным фонетическим процессом дезаффрикатизации, состоящим в элиминации смычного компонента сложного аффрикативного звука.

Этот процесс может быть проиллюстрирован на примере развития многих языков. Характерно, что в поздних индоевропейских языках, в которых возникают аффрикаты в результате ассибиляции смычных, они претерпевают спирализацию и дают соответствующие ффрикативные фонемы, компактные или диффузные. К развитию h из аффрикаты ср. развитие аффрикаты $*č'$ в начальной позиции в сванском: сван. *ham* 'утро' (из $*č'am$); *hadw* 'желание' (из $*č'ad-$) и др. (Топуриа 1960; Гамкрелидзе 1968: 13). Аналогичные процессы дезаффрикатизации аффрикат, возникших на ранних ступенях развития из индоевропейских палатализованных, следует допустить в отдельных диалектах группы *satəm*.

В армянском индоевропейские палатализованные смычные отражаются в виде соответствующих аффрикат c^2 , $ʒ$ (арм. *j*) и спиранта

¹ Такое h в древнеиндийском, как предполагают, возникло из аффрикаты $ʃh$ при вторичной палатализации под влиянием последующего гласного переднего ряда: др.-инд. *duhitá* 'дочь' < $*dujhitá$, ср. в кафирском: вайгали *ju* 'дочь', ашкун *zū* (ср. Hamp 1966; 1970b: 229), ср. об индийской форме Manessy-Guitton 1970.

² Ср. арм. *arçui* 'орел', др.-инд. *ṛjīruá-* 'прямолетающий вперед', эпитет орла в "Ригведе", авест. *arəziya-* 'орел' (ср. *arəziya-* [$= *arəziya-$] *arəziya-* *arəziya-* *arəziya-*), ново-перс. *ālūh* 'орел'; *Arđūfiyas*, *Arđūbiyas* (Benveniste 1946: 67). Слово, по всей видимости, собственно армянское, восходящее к исходной индоевропейской форме (ср. Hübschmann 1897 [1972]: 424—425). Фонема */c/*, судя по грузинскому заимствованию *arç'ivi* 'орел',

s¹. Характерно, что в армянском произошел переход компактных аффрикат, предполагаемых как непосредственные рефлексы палатализованных фонем², в соответствующие диффузные аффрикаты. Такому переходу в армянском компактных (шипящих) аффрикат в диффузные (свистящие) могло содействовать образование более поздних компактных (шипящих) аффрикат [ʃ], ʃ' в результате комбинаторной палатализации (ассибилляции) велярных в позиции перед передними гласными (примеры см. выше, стр. 91 и след.). В интервокальной позиции аффриката j [ʒ] претерпевает спирантизацию в -z-; арм. *dizanem* 'собираю', 'складываю', ср. авест. *uz-daēga-* 'насыпь', др.-инд. *dehī* 'насыпь'.

В балто-славянских языках древние аффрикаты, возникшие из палатализованных индоевропейских смычных, претерпевают деаффрикатицию и переход в соответствующие компактные (шипящие) спиранты ʃ, ʒ (ср. отражение в литовском) и далее в диффузные спиранты (свистящие) s, z (ср. их отражение в славянских языках). Аналогичный путь спирантизации исходных компактных аффрикат (из соответствующих палатализованных смычных) прошли, очевидно, те иранские диалекты, которые отражены в авестийском и ряде восточноиранских языков.

передавала глоттализованную свистящую аффрикату. К древности данного слова в армянском ср. также урартское наименование коня царя Русы Aršibini (*Меликишвили 1960: 204—205*).

Противопоставление аффрикат /с ~ с'/, /ѣ ~ ѣ'/ в армянском, считающееся по традиции противопоставлением глухих фонем /с, ѣ/ глухим придыхательным /с', ѣ'/ (*Meillet 1936: 24*), нельзя, очевидно, рассматривать фонологически как противопоставление того же порядка, что и, например, древнеиндийское противопоставление аффрикат /ѣ ~ ѣh/. Судя по рефлексам этих фонем в современных армянских диалектах, а также по армянским заимствованиям в других кавказских языках, можно считать, что дифференциальным признаком, по которому эти фонемы противопоставлялись в древнеармянском, был не признак аспирации, а признак глоттализации: глоттализованные (фонетически неаспирированные) фонемы с и ѣ противопоставлялись неглоттализованным (аспирированным) аффрикатам с' и ѣ', как и в системах индоевропейских кавказских языков.

При такой фонологической интерпретации армянских аффрикат с и ѣ как аффрикат глоттализованных приобретает особую значимость рефлексация ассибиллированных индоевропейских фонем серии I в виде именно глоттализованных аффрикат, в отличие от звонких фонем серии II, отражаемых в армянском в виде звонкой аффрикаты j, и от глухих фонем серии III, отражаемых в виде глухой (неглоттализованной) аффрикаты ѣ'. Признак глоттализации фонем индоевропейской серии I сохраняется в армянском в ассибиллированных рефлексах:

и.-е. *k' → арм. с:

арм. *siṅ* 'рождение': и.-е. *k'ep- (ср. греч. γένος, др.-инд. jāpa- 'род');

арм. сег 'старый, старец': и.-е. *k'et- (ср. греч. γέρων, др.-инд. jāgapt- 'старый', 'старец');

арм. *siṅg* 'колено': и.-е. *k'enu- (ср. греч. γόνυ, др.-инд. jāpi 'колено');

арм. асет 'веду': и.-е. *ak'- (ср. греч. ἄγω, др.-инд. ājāmi 'веду');

арм. аус 'коза': и.-е. *aik'- (ср. греч. αἴξ 'коза').

¹ В редких случаях как рефлекс индоевропейского *k[h] в армянском предстает ʃ, возможно, в позиции перед и: *šun* 'собака', греч. κῶν (ср. *Szemerényi 1964: 295*).

² Первоначальный компактный характер рефлекса палатализованных в армянском можно видеть в передаче в армянском индоевропейского суффикса *-sk[h] в виде компактной аффрикаты ʃ': t'akč'im 'прячусь', ср. греч. πτωσκάζειν 'боязливо отступать', εἰκνέ'im 'боюсь', ср. греч. δεδίομαι 'боюсь' (*Meillet 1936: 109*).

Следы более раннего состояния в славянских языках с аффрикатами, восходящими к соответствующим палатализованным смычным, можно видеть в некоторых ранних славянских заимствованиях в балтийских языках типа лит. *stirna* 'косуля', *tūkstantis* 'тысяча' и др. (Трубачев 1973: 305 и след.). При таком допущении развитие палатальных в славянском полностью соответствует фонетическому развитию этого ряда фонем в других индоевропейских диалектах *satəm* (в частности иранском).

Несколько иной путь деаффрикатизации аффрикат, восходящих к индоевропейским палатализованным, обнаруживается в юго-западноиранском, в частности в древнеперсидском (Morgenstierne 1942; Buddruss 1961), а также, по-видимому, албанском языках (Çabei 1972: 132). В результате деаффрикатизации аффрикат в этих иранских диалектах возникают соответствующие денальные смычные *d*, *t*, а в албанском—интерденальные спиранты *ð*, *ð*, ср. алб. *dīmër* 'зима': др.-инд. *hemantá-*; алб. *dhëmb* 'зуб': др.-инд. *jāmbha-* 'зуб', 'пасть', греч. γόμφος 'колышек'; алб. *báthë* 'полевой боб', греч. φαχός 'чечевица'; ср. типологически комбинаторно обусловленную деаффрикатизацию аффрикат, дающих соответствующие денальные смычные, в мегрело-лазском: ср. мегр. *čxvinž-i → *čxvind-i* 'нос'; *žačxir-i > *dačxir-i* 'огонь' (Гудава 1964: 497 и след.).

В отношении сохранения первоначального фонетического характера рефлексов палатализованных фонем в виде компактных (шипящих) аффрикат древнеиндийский показывает самое архаичное среди остальных индоевропейских диалектов состояние. Только аффриката **č^[h]*, восходящая к индоевропейскому палатальному **k^[h]*, спирантизуется в древнеиндийском и предстает в виде компактного спиранта *ś*. Однако след аффрикаты виден также в церебральном ретрофлексном *t*, возникающем из соответствующей аффрикаты в исходе слова: **suek^[h]* > др.-инд. *śát* 'шесть', ср. аналогичное развитие **ḡ^[h]* в абсолютном исходе: др.-инд. *vát* 'восклицание при жертвоприношении' (и.-е. **ueḡ^[h]*, Whitney 1889); ср. сохранение аффрикаты *s* (при потере компактного — шипящего—ее характера) в кафирском: кати *açī* 'слеза' (ср. др.-инд. *ásru* 'слеза', и.-е. **ak^[h]ru*, Hamp 1968: 128), вайгали *cāw* 'ветка', др.-инд. *śákhā*.

Старая аффриката *č^[h]* остается пережиточно лишь в определенных комбинаторных условиях при сочетании ее с предшествующим денальным смычным или спирантом, которые в свою очередь претерпевают аффрикатизацию по ассимиляции:

Индо-иран. [**sč^[h]*] (из и.-е. **-sk^[h]*.) → др.-инд. *cch*:

Др.-инд. *gáčchati* 'идет', авест. *jasaiti* 'приходит', греч. βάσχε 'иди!', тох. А *kumnäš* 'приходит': и.-е. **k^{'o}(e)m-sk^[h]*;

Др.-инд. *ucchāti* 'сияет', авест. *usaiti* 'озаряет' (об утреннем солнце), лит. *aušti* 'рассветать', хет. *uškizi* 'смотрит', лат. *aurōra* 'заря';

Др.-инд. *prčchāti* 'спрашивает', вед. *aoriscm á-prčchat*, авест. *pərəsaiti* 'спрашивает', др.-перс. *a-p(a)rsam* 'я спрашивал', арм. *e-harc* (аорисм) 'я спрашивал', лат. *poscō* 'требую', лит. *prašyti*, ст.-слав. *prositi* 'просить': и.-е. **p^[h]ḡ-sk^[h]*;

Др.-инд. *ičchāti* 'ищет', 'желает', авест. *isaiti*, лит. *ieškoti*, ст.-слав. *iskati* 'искать', др.-в.-нем. *eiscōn* 'спрашивать', 'требовать'.

Индо-иран. [**tʰh*] (из и.-е. **tʰkʰ*) → др.-инд. *cch*:

Др.-инд. *úccchalati* 'подпрыгивает' из **ut-śalati*, ср. др.-инд. *śalabhāḥ* 'мотылек', лит. *šuoľys* 'бег', латыш. *suolis* 'шаг', ср.-в.-нем. *schel* 'подпрыгивающий', др.-исл. *skelkr* 'боязнь';

Др.-инд. *ucchvaṅkāḥ* 'отверстие', 'отверзание' < **utśvaṅka-*, ср. др.-инд. *śoāṅcale* 'открывается', 'раскрывается'.

В начальной позиции индоевропейское **tʰkʰ* отражается в древнеиндийском как *ch-*, то есть с сохранением древнего рефлекса палатализованной фонемы и утерей спиранта ¹:

Др.-инд. *chāyá* 'тень', 'отражение', авест. *a-saya-* 'не имеющий тени', маних. согд. *sy'k* < **sayāka-*, ново-перс. *sāya* 'тень', белудж. *sāig*, алб. *hē* 'тень', ср. греч. *σῆᾰ* 'тень', тох. В *skiyo* 'тень';

Др.-инд. *chinātti* 'отрезает', 'протыкает', авест. *(ava-)hisiḍyāt* 'он бы разбил', маних. согд. *'w-synd-* 'рвать', белудж. *sindag* 'расщеплять', ново-перс. *gu-sistan*, ср. греч. *σχίζω* 'разрываю', 'раскалываю', лат. *scindō* 'расщепляю';

Др.-инд. *chidrá-* 'проткнутый', *chidrám* 'дыра', авест. *sidarəm* 'дыра', латыш. *šķidrs* 'тонкий', греч. *σχιδάρῶς* 'редкий', 'тонкий'.

3.4. ПОЗИЦИОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПЕРЕХОДА ПАЛАТАЛИЗОВАННЫХ В АФФРИКАТЫ И СПИРАНТЫ В ДИАЛЕКТАХ ГРУППЫ САТЭМ КАК СЛЕДСТВИЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ПАЛАТАЛИЗОВАННЫЙ ~ НЕПАЛАТАЛИЗОВАННЫЙ

Данные индо-иранских языков, и в первую очередь древнеиндийского, дают возможность судить о древнейших моделях распределения индоевропейских палатализованных фонем, во всяком случае в том диалектном ареале, продолжение которого представляют индо-иранские языки.

Есть основания полагать, что палатализованные велярные проявлялись в слове только в определенных позициях.

Можно определить с некоторым приближением такие позиции, в которых происходила нейтрализация противопоставления по признаку палатализации.

В качестве архифонемы в таких позициях, как и следовало ожидать, проявляется соответствующий немаркированный член противопоставления в виде непалатализованного велярного смычного.

Одной из таких позиций нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный в раннедревнеиндийском следует считать позицию перед дентальным смычным, а также позицию перед *s*. Иными словами, в таких позициях не следовало бы ожидать наличия палатализованных велярных смычных.

Такое дистрибутивное поведение палатализованных обуславливает возможность морфонологического чередования алломорф с палатализованными.

¹ Ср. в этой связи сохранение в армянском и кельтском древнего рефлекса лабиального **p[h]* в позиции после начального **s-* (впоследствии исчезнувшего), при утере его в других позициях.

ными и соответствующими чистыми велярными согласными в пределах общей парадигмы.

Следы подобных чередований древних алломорф удается обнаружить в индо-иранском (при сопоставлении форм отдельных его диалектов) или даже в пределах самого древнеиндийского языка, в котором чередующиеся индоевропейские формы отражаются в виде соотносимых морфонологических единиц с различными рефlekсами древних велярных и палатализованных фонем.

В результате позднейших аналогических выравниваний чередующихся форм в парадигме и обобщения одной из древних алломорф стираются исходные модели чередований, что затемняет первоначальные схемы распределения индоевропейских палатализованных фонем¹.

Подобного рода чередования древних алломорф проявляются в древнеиндийском в формах типа *mṛjāti* 'трёт', авест. *marəzaiti* 'касается', 'гладит', хотано-сакск. *ni-malys-*, ср.-парф. *n-mrz-*, при др.-инд. *mṛkṣāti* 'трёт': и.-е. **m(e)lkʰ-/m]kʰ-s-*;

Др.-инд. *daśasyāti* 'служит', 'поклоняется', *dāśati* 'поклоняется богу', (ср. лат. *deceŕ* 'приличествует', греч. *δεικνύμενος* 'приветствующий'), при др.-инд. *dākṣati* 'угождает', 'удовлетворяет': и.-е. **tʰekʰl-/tʰekʰl-s-*;

Др.-инд. *piñśāti* 'украшает', *péśa-* 'форма', 'краска', ср. авест. *paēs-* 'красить', *paēsa-* 'украшение', лит. *piěšti* 'писать', ст.-слав. *pīšati*, рус. *писать*, при др.-инд. *piñkte* 'красит, живописует': и.-е. **pʰiñkʰl-/pʰiñkʰl-s-*;

Др.-инд. *sāhate* 'побеждает', *sāhas-* 'победа', 'власть' при *sakṣa-* 'победитель', ср. греч. *ἔκτωρ*: и.-е. **seǵʰl-/seǵʰl-s-*;

Др.-инд. *vāhati* 'везет', 'едет' (ср. авест. *vazaiti*, лат. *uehō* 'везу', гот. *gawi-gan* 'двигать', 'трясти'), при др.-инд. *āvākṣam* (*аорист*): и.-е. **ueǵʰl-/ueǵʰl-s->*uoks-*;

Др.-инд. *dēh-* 'умаживать', 'мазать' (ср. арм. *dizanem* 'складываю', лат. *fiñgō* 'леплю'), при др.-инд. *degdhi* 'умаживает', 3 л. ед. ч., *digdhá-*, прич. страд.: и.-е. [**deǵʰ-/d(e)ǵʰ-tʰ-*] > [**d(e)ig-dʰ-*];

Др.-инд. *múhyati* 'ошибается', 'заблуждается', хотано-сакск. *mūysarī-dai* 'глупый' (*Bailey 1961: 79*), при др.-инд. вед. *mugdhá-* 'ошибавшийся': и.-е. [**muǵʰ-/mugtʰo-*] > *mugdhá-*. Параллельно с этой формой встречается более поздняя, судя по памятникам, форма *mūdhá-*, с утерей предшествующего согласного.

На стыках морфем в индо-иранском при сочетании древней аффрикаты, возникшей из палатализованных индоевропейских фонем, с последую-

¹ Такое понимание распределения палатализованных и соответствующих непалатализованных велярных фонем в древнейших алломорфах индоевропейских морфем снимает трудности представления исходных корней в виде параллельных форм с палатальной и непалатальной или глухой и звонкой фонемами. Эти искусственные построения индоевропейских форм с непонятным распределением исходных корней, встречающиеся часто в этимологических словарях (ср. о данных формах *Pokorny 1959: 739, 794; Mayrhofer 1963, II: 269, 270, ср. 671*), оправдываются при допущении дистрибутивных ограничений фонем палатализованного ряда в алломорфах индоевропейских корней.

щим смычным дентального ряда возникают контактные последовательности, которые претерпевают ряд последующих фонологических изменений. В частности, при сочетании в индо-иранском глагольной морфемы, оканчивающейся на рефлекс индоевропейских палатализованных (то есть, возможно, на аффрикату или спирант) с согласным $*-t^{[h]}$ - последующей морфемы, возникает сочетание со звонким или глухим $-d^h/t-$ в зависимости от рефлексов в индо-иранском индоевропейских фонем серии II. Так, индоевропейское $*liġ-t^{h}o$ ¹ или $*seġ-t^{h}o$ ² отражается в индо-иранском закономерно как $*liġdha-$ и $*seġdha-$. Первый согласный в этом комплексе теряется в данной позиции с компенсаторным удлинением предшествующего гласного и с передачей признака постериорности последующей смычной фонеме. В результате возникают древнеиндийские формы типа $liḍhā-$, $sāḍhā-$ с ретрофлексным (церебральным) $ḍh$, отражающим в признаке церебральности (ретрофлексности, то есть постериорности³) след предшествующей аффрикаты (ср. Szemerényi 1970 : 95). Такое развитие аффрикат и фрикативных в древнеиндийском служило, очевидно, одним из источников развития церебральных (ретрофлексных) фонем.

Представляется, что формы с закономерным отражением велярного варианта в позиции перед взрывной фонемой являются более древними, согласующимися с моделью распределения палатализованных фонем в алломорфах индоевропейских корней, тогда как отдельные формы, свидетельствующие об отражении в такой позиции ассибилизированных палатализованных фонем, могут указывать на позднейшие выравнивания (ср. формы типа $mṛṣṭā-$ при $mṛjāti$ 'трет, стирает', $diṣṭā-$ при $diś-$ 'указывать' вместо $*dikta-$ и т.д.) в парадигме или, может быть, на существование некоторого колебания в исходной системе в проявлении в позиции перед дентальной смычной палатализованной или чистой велярной фонемы (при стабильности проявления непалатализованной фонемы в позиции перед -s).

Определенные следы моделей распределения палатализованных фонем в разных алломорфах при наличии конкретных позиций нейтрализации, в которых проявлялись лишь соответствующие непалатализованные велярные фонемы, предполагаются и в отношении балто-славянского ареала, в котором исконные палатализованные фонемы, как и в других диалектах группы *satəm*, отражаются в виде спирантов $š, ž$ (в литовском) и s, z (в других балтийских языках и в славянском, примеры см. выше, стр. 94 и след.). Такие спиранты предположительно возникают из аффрикат, в которые должны были перейти непосредственно в соответствующих позициях исконные палатализованные смычные.

¹ И.-е. $*leiġ^{[h]}$ - 'лизать', др.-инд. *lihati* 'лижет', греч. $λείχω$, арм. *lizum*, лат. *linġo*, гот. *bilaigōn* 'лизать', др.-в.-нем. *leschōn*, лит. *liežiū*, ст.-слав. *lizati*, ср. др.-инд. *liḍhā-* 'облизанный'.

² И.-е. $*seġ^{[h]}$ - 'побеждать', др.-инд. *sāhate*, ср. греч. $ἐχεται$ 'упорствует', мик. e-ke; ср. гом. $ἔχτορ$, др.-инд. *sāḍhā-* 'побежденный'.

³ О ретрофлексных фонемах в древнеиндийском как компактных (/—антериорность/) см. диссертацию *Zwicky*, ссылки на которую дают *Chomsky/Halle 1968* : 312; там же ссылки на *Whitney 1889*.

К позициям нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный в балто-славянском диалектном ареале следует отнести позицию перед сонантами *r*, *l* (и, возможно, другими сонантами), а также после спрванта *s*. Эти позиции в качестве позиций нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный в диалектах названной группы устанавливаются на основании отражения постериорных смычных в исторических диалектах. Несмотря на то, что в результате последующих изменений, выразившихся в аналогических выравниваниях форм, в этих диалектах значительно затемнены первоначальные дистрибутивные модели постериорных согласных, тем не менее есть все основания видеть в "исключениях" из закономерного отражения палатализованных в балто-славянском некогда закономерные модели чередования палатализованных согласных в алломорфах индоевропейских морфем.

Имеются в виду следующие балто-славянские формы:

Лит. *smākras*, *smakrà* 'подбородок', латыш. *smākrs* 'подбородок' при др.-инд. *śmāsru-* 'борода', арм. *mawruk*, *moruk* 'борода', алб. *mjékër* 'борода', хет. *zamankur* 'борода'¹, др.-ирл. *smech* 'подбородок': и.-е. *smek^[h]-*r*-/**smek*^[h]-*r*-;

Ст.-слав. *svěky* 'свекровь' при лит. *šėšuras* 'свекор', др.-инд. *śvāšura-* 'свекор', арм. *skesur* 'свекровь', греч. *έχυρός* 'свекровь', гот. *swaihrō*: и.-е. *suək^[h]-*ru*-/**suək*^[h]-*uro-* (ср. Szemerényi 1964: 291 и след.);

Латыш. *krēkls* 'рубашка' при укр. *креснути* 'ударять', сербо-хорв. *krèsati*, др.-англ. *hrægl* 'одежда', др.-исл. *hræll* 'шест для закрепления ткани на станке': и.-е. *k^[h]-*rek*^[h]-*l*-/**k*^[h]-*rek*^[h]-*l*-;

Лит. *klausyti* 'слушать', латыш. *klāusīt*, прус. *klausiton* 'слушать' при лит. *šlovė* 'слава' (Fraenkel 1962—1965, II : 1008), ср. ст.-слав. *slovq*, *sluti* 'слыть', *slušati*, рус. *слушать*: и.-е. *k^[h]-*leu*-*s*-/**k*^[h]-*leu*-*s*-;

Слав. *gōš, рус. *гусь*, польск. *gęś*, словен. *gōš* при лит. *žqsis* 'гусь', латыш. *zūoss*, прус. *sansy*, греч. *χῆν*, др.-инд. *hansá-h*, лат. *ānser* 'гусь': и.-е. *g^[h]-*ns*-/**g*^[h]-*on*-*s*-;

Лит. *akmuõ*, *akmieñs* 'камень', ст.-слав. *kamy* 'камень' при лит. *ašmuõ* 'острие', *āšmens* (мн. ч.), др.-инд. *ášman-* 'камень': и.-е. *ak^[h]-*men*-/**ak*^[h]-*men*-; ср. лит. *ašrùs*, *aštrùs*, ст.-слав. *ostrŭ* 'острый', лат. *ācer* 'острый': и.-е. *ak^[h]-*er*-;

Лит. *ieškóti* 'искать', ст.-слав. *iskati*, рус. *искать*, при др.-инд. *icchāti* 'желает', др.-в.-нем. *eiscōn* 'желать': и.-е. *ei-*sk*^[h]-/**ei*-*sk*^[h]-;

Латыш. *šķidrs* 'негустой', лит. *skiedrà* 'щепка', при греч. *σχιδαρός* 'редкий', авест. *sidarəm* 'дыра', др.-инд. *chidrā-* 'прозенный': и.-е. *sk^[h]-*leit*'-/**sk*^[h]-*leit*'-.

¹ Хеттская форма *zamankur* предполагает метатезу из **z(a)*-*man**ku*, в отличие от лув. иер. *sigpa-* 'рог' (ср. клин. хет. *кагацаг* 'рог'), где ассимиляция палатального *k^[h] происходит закономерно перед *u*, довольно рано возникшим в результате вокализации *u* слогового сонанта.

Аналогичные следы позиции нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный перед сонантами обнаруживаются также в албанском и армянском языках. Древние модели чередования индоевропейских алломорф с палатализованными и соответствующими непалатализованными фонемами в зависимости от позиции перед сонантами можно предположить и в этих языках на основании анализа ряда форм с постериорными смычными:

Алб. *glū-ri* 'колено' (гер. диал.), *gju-ri* (тоск.) 'колено', ср. др.-ирл. *glúin* 'колено', при др.-инд. *-jñu-*, греч. γυνο: и.-е. *k^[h]nu-n- / *k^[h]lu-n-;

Алб. гер. *krýje*, тоск. *kríe*, мн. ч. *krérë* 'голова', ср. др.-инд. *śíras-* 'голова', др.-исл. *hjarni* 'мозг', лат. *cerebrum* 'череп', греч. *κάρᾱ* 'голова', гом. *κάρηυχ* 'головы': и.-е. *k^[h]r-/*k^[h](e)r-;

Алб. *ka* 'бык', мн. ч. *qe* (из *krā, Hamp 1957 и 1960), лит. *kárvė* 'корова', ст.-польск. *karw*, польск. *krowa*, рус. *корова*, прус. *sirwis* 'косуля', лат. *ceruus* 'олень': и.-е. *k^[h]ru-/*k^[h]leru-;

Алб. *mjékër* 'подбородок', арм. *mawrük*, лит. *smākras* 'борода', 'подбородок', ср. др.-инд. *śmāsru-* 'борода': и.-е. *smek^[h]r-/*smek^[h]r-.

Позиция нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный перед сонантом, в частности перед *r, характерна, судя по приводимому выше лингвистическому материалу, не для отдельных индоевропейских диалектов, а для целого диалектного ареала, в который включаются по крайней мере языки балто-славянские, албанский и армянский.

Не исключено, что существовали и другие позиции нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный, следы которых полностью утеряны в исторических индоевропейских диалектах. Если допустить некоторые такие позиции нейтрализации для всего индоевропейского ареала, то в таком случае, естественно, невозможно уже обнаружить в них следы противопоставления палатализованных и непалатализованных фонем.

Вообще говоря, поскольку существуют позиции нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный, в которых проявляются лишь велярные (непалатализованные) фонемы, дистрибуция палатализованных, естественно, уже, ограниченнее дистрибуции соответствующих велярных, что вполне согласуется с положением о немаркированном характере велярных в противовес маркированным палатальным. Однако эта особенность палатализованного ряда не может, разумеется, служить основанием для отрицания его существования в индоевропейской фонологической системе. Палатализованный ряд в индоевропейском и лабиализованный ряд (лабиовелярные) составляли маркированные ряды по отношению к немаркированному ряду велярных, образывавшему вместе с ними единый подкласс постериорных (заднеязычных) фонем.

Однако в языках типа *satəm*, в частности в армянском, обнаруживаются и такие случаи нейтрализации противопоставления палатализованный ~ непалатализованный, где оппозиция снимается при проявлении

именно палатализованного члена. Такой позицией нейтрализации является, очевидно, позиция после *и, где, судя по соответствующим армянским рефлексам, нужно допустить наличие лишь палатализованного члена оппозиции:

Арм. *usanim* 'я учу' при ст.-слав. *ukŭ* 'ученик', 'наука', лит. *jaukùs* 'привыкший к людям', др.-инд. *ókas-* 'дом', 'привычное место', др.-ирл. *toiss-* 'понимать', гот. *bi-ūhts* 'привыкший' и др.;

Арм. *loys* 'свет', с развитием, аналогичным др.-инд. *rúśant-* 'блестящий' при др.-инд. *roká-* 'свет', лит. *laũkas* 'с белым пятном на лбу' (*Meillet 1936 : 37*);

Арм. *boyc 'пища' при др.-инд. *bhógah* 'наслаждение', *bhuñkté* 'наслаждается', алб. *bungë* 'дуб (с питательными желудями)' (*Pokorny 1959: 153*);

Арм. *dustr* 'дочь', при лит. *duktė* (с таким же оглушением *gt > *kt, как и в армянском), др.-инд. *duhitā*, авест. *duγdar-*, гот. *dauhtar* 'дочь' (*Winter 1965 : 104—105 и 112—113; Hamp 1970 b : 229—231*).

Наличие следов аналогичной нейтрализации в древнеиндийском и, возможно, кафирском (ср. выше др.-инд. *rúśant-* 'блестящий' с палатальным *ś* после *и*, ср. прасун *lūšt* 'дочь', *Morgenstierne 1949 : 208*) может указывать на значительную древность этого процесса в языках типа *satəm*.

В определенной системной связи с этим явлением нейтрализации противопоставления "гуттуральных" в позиции после *и*, дающим переход *uk^[h] > *-us* в армянском, находится, очевидно, обратный этому процесс преобразования последовательности *us > *uk*: ср. арм. *mukn* 'мышь' при др.-инд. *mūś-*, ст.-слав. *myšŭ*, греч. *μῦς*, лат. *mūs*; арм. *jukn* 'рыба' при греч. *ἰχθύς* 'рыба' и др.

В этом можно видеть взаимосвязанность, с одной стороны, процесса палатализации, ведущего к возникновению в системе аффрикат и новых спирантов, и, с другой стороны, процессов изменения первичных спирантов в определенных условиях (см. ниже).

3.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ДИАЛЕКТЫ CENTUM И SATƏM КАК РЕЗУЛЬТАТ «ДВИЖЕНИЯ» ПАЛАТАЛИЗОВАННОГО РЯДА «ГУТТУРАЛЬНЫХ» СООТВЕТСТВЕННО В РАЗЛИЧНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ

Рассмотренные выше факты *centum*-ного отражения индоевропейских палатальных в диалектах группы *satəm* свидетельствуют не о вторичном, более позднем характере индоевропейских палатализованных фонем, происшедших якобы от соответствующих велярных в результате позиционной палатализации (ср. *Георгиев 1958*; к истории вопроса ср. *Szemerényi 1972: 128—129*), а о наличии уже в диалектах общиндоевропейского языка особых позиций нейтрализации, в которых проявлялись только велярные смычные. Это вызывало морфонологические чередования между палатализованными и непалатализованными согласными в алломорфах общих индоевропейских морфем. Такое чередование индоевропейских алломорфов отразилось в исторических диалектах группы *satəm* в наличии определенных

форм с велярными согласными на месте рефлексов палатализованных фонем.

Если и можно говорить о “вторичности” индоевропейских палатализованных (как и лабиовелярных) фонем в отношении смычных фонем велярного ряда, то только в функциональном смысле, то есть можно говорить о меньшей функциональной роли палатализованного ряда смычных в индоевропейском по сравнению с велярным рядом, о его маркированном характере и фонетической нестабильности в системе.

Из всего вышеизложенного следует, что индоевропейские диалекты можно разбить на две большие группы по признаку отражения в них палатализованного ряда смычных, элиминируемого в индоевропейской фонологической системе.

Индоевропейские диалекты, в которых палатализованный ряд элиминировался в результате скленвания его с немаркированным велярным рядом, составляют особую группу диалектов *centum*; индоевропейские диалекты, в которых палатализованный ряд элиминировался в результате перехода и преобразования его в аффрикаты и спиранты, составляют другую группу диалектов, определяемую как группа *satəm*.

При этом в диалектах первой группы могут возникать отдельные случаи *satəm*-ного отражения палатализованных (ср. отражение и.-е. *k^h в виде s в хеттском), в диалектах второй группы — случаи *centum*-ного отражения их, объясняемые структурными факторами морфонологических чередований еще в пределах диалектов общеиндоевропейского языка.

Такая интерпретация соотношения между индоевропейскими диалектами группы *centum* и *satəm* совпадает в некотором смысле с традиционными представлениями классической индоевропеистики о делении индоевропейских диалектов на две большие группы по признаку отражения в них индоевропейского палатализованного ряда.

Обнаруженные в позднейшем отклонения от закономерных отражений этого ряда фонем как в языках группы *satəm*, так и в языках группы *centum*, послужившие основанием для попыток пересмотра такой бинарной классификации индоевропейских диалектов, оказываются объяснимыми из древних структурных (фонологических) соотношений в индоевропейских диалектах и могут быть выведены из закономерностей развития общеиндоевропейской системы при допущении двух основных направлений преобразования палатализованного ряда смычных.

Эти два основных направления преобразования палатализованного ряда и привели к классификационному разделению индоевропейских диалектов на два основных типа, характеризуемых условно как диалекты группы *centum* и диалекты группы *satəm*.

В традиционной индоевропеистике наличие всех трех рядов “гutturальных” — основного, лабиализованного и палатализованного — отрицалось на том основании, что ни в одном из известных индоевропейских языков не представлены одновременно все три ряда.

Это положение, разумеется, не может быть выдвинуто как принципиальный довод против постулирования в общеиндоевропейском трех назван-

ных рядов “гutturальных”. Такая постановка вопроса была бы методологически неверной с точки зрения современной диахронической лингвистики. Для постулирования определенной структуры в исходной языковой системе нет необходимости в наличии идентичной структуры в одном из исторических языков, являющихся непосредственным продолжением постулируемой системы. Такой подход к реконструкции исключил бы постулирование в исходной системе таких типологически вероятных (то есть верифицируемых на общезыковом материале) языковых структур, которые отразились во всех без исключения языках этой группы только в преобразованном виде.

В подтверждение принципиальной возможности трех рядов “гutturальных”, постулируемых для общеиндоевропейской системы, можно привести не только общезыковые типологические соображения, подкрепляемые материалом неиндоевропейских языков (ср. выше данные абхазского, а также некоторых северных американских индейских языков, ср. *Kinkade 1963*), но и данными некоторых новоиндо-иранских языков со вторичной системой трех рядов “гutturальных” (ср. систему язгулямского языка, *Эдельман 1973*):

$$\begin{array}{c} k \text{---} k' \text{---} k^0 \\ g \text{---} g' \text{---} g^0 \end{array}$$

Полная система смычных праиндоевропейского языка позднего периода, перед распадом его на самостоятельные диалекты, представлена на Табл. 5:

ТАБЛИЦА 5

(p')	b[h]	p[h]							
t'	d[h]	t[h]							
k*	g[h]	k[h]	k ^o	g[h] ^o	k[h] ^o	k'	g[h]	k[h]	

4. СИСТЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ

4.1. СИБИЛЯНТНАЯ ФРИКАТИВНАЯ ФОНЕМА /*s/

Преобразование палатализованных фонем в диалектах группы *satem* в соответствующие аффрикаты и спиранты создает в этих диалектах группу фонем в виде аффрикат и спирантов, которые совместно с унаследованной от индоевропейского системой спирантов образуют новый подкласс сибилантных фонем — спирантов и аффрикат.

Система сибилантных фонем в индоевропейском реконструируется традиционно в виде единственной сибилантной фрикативной фонемы *s, определяемой в исторических языках следующими соответствиями:

Др.-инд. *sādayati* ‘усаживает’, арм. *nstim* ‘сажусь’, греч. *ἄζομαι* ‘сажусь’, лат. *sedeō* ‘сажу’, гот. *satjan*, лит. *sėdėti* ‘сидеть’: и. е. *set'-;

Др.-инд. *sal-ilā-* ‘море’ (‘соленое’), арм. *ał* ‘соль’, греч. *ἄλς*, лат. *sāl*, *род. n. salis*, ст.-слав. *solŭ* ‘соль’: и.-е. *sal-;

Др.-инд. *ásrk*, род. пад. *asnáh* 'кровь', греч. поэт. $\xi\alpha\rho$, ст.-лат. *aser*, *asser* 'кровь', латыш. *asins*, тох. А *ysār*, хет. *e-ēš-ḥar* 'кровь': и.-е. ***esH(o)g**;

Др.-инд. *ásmi* 'есмы', *ásti* 'есть', лат. *sum*, *est*, греч. $\epsilon\sigma\tau\iota$, гот. *ist*, ст.-лит. *esmi*, ст.-слав. *jestŭ*, тох. В *ste*, хет. *e-ēš-mi*, *e-ēš-zi*: и.-е. ***es-mi**, ***es-t^hi**;

Им. пад. ед. ч. авест. *čiš* 'который, кто', греч. $\tau\acute{\iota}\varsigma$, хет. *kūiš*, лат. *quis*: и.-е. ***k^hiš**;

В позиции перед *μ* индоевропейское *s отражается нормально в исторических диалектах в виде сибиллянта s:

— *μ*:

Др.-инд. *svápnaḥ* 'сон', *svápati*, пасс. *supyate* 'спит', прич. *suptá-* 'уснувший', авест. *x^oar-* 'спать', греч. $\upsilon\pi\alpha\rho$ 'сон (наяву)', лат. *sōpiō* 'усыпляю', *sopor* 'сон', алб. *gjumë*, ст.-слав. *sŭnŭ* 'сон', хет. *šuppariia-* 'спать', тох. А *špān*, В *špane* 'сон': и.-е. ***suep^hl-/sup^hl-**;

Др.-инд. *svarati 'озаряет, освещает', греч. $\epsilon\lambda\eta$ 'солнечное тепло', лит. *svilinti* 'палить, опалять', при др.-инд. *súvar-*, авест. *hvar-*, греч. $\eta\epsilon\lambda\omicron\varsigma$, гот. *sauil*, лит. *sáulė* 'солнце': и.-е. ***suel-/sāuel-** (ср., однако, Fraenkel 1962—1965, II: 954);

Др.-инд. *svídyati* 'потеет', авест. *x^oaēda-* 'пот', греч. $\epsilon\delta\rho\omega\varsigma$ 'пот', алб. *djërsë* 'пот', лат. *sūdor*, др.-англ. *swāt* 'пот': и.-е. ***sueit-**;

Др.-инд. *svādú-* 'сладкий', греч. $\eta\delta\acute{\upsilon}\varsigma$, лат. *suāvis*, др.-англ. *swēte* 'сладкий': и.-е. ***suāt-**;

##sn-:

Др.-инд. *sneha-* (пракрит *siṇeha-*) 'снег', Pokorny 1959: 974, авест. *naēza-* 'идти (о снеге)', греч. $\nu\acute{\iota}\varphi\alpha$ (вин. пад.), лат. *nix*, род. п. *niuis* 'снег', др.-ирл. *snigid* 'капает', 'дождит', др.-в.-нем. *snīwan* 'идти (о снеге)', гот. *snaiws* 'снег', лит. *snīėgas*, ст.-слав. *sněgŭ*, рус. *снег*;

Др.-инд. *snuśá*, др.-исл. *snor*, греч. $\nu\omicron\beta\varsigma$, арм. *nu*, слав. *snŭcha* 'невестка', 'сноха';

Аналогичным образом отражается индоевропейское *s- и в начальной позиции перед согласными, т. е. ##sC-:

sp^hl-:

Др.-инд. *spháyate* 'жиреет', 'сneет', лит. *spėti* 'поспевать', ст.-слав. *spějo* 'спею', лат. *spatium* 'широта, простор', др.-англ. *spōwan* 'процветать', хет. *išpai-* 'насытиться';

Др.-инд. *sphūrjati*, *sphūrjáyati* 'проявляется', греч. $\sigma\varphi\alpha\rho\gamma\acute{\epsilon}\omicron\mu\alpha\iota$ 'шиплю', 'трещу', лит. *sprāga* 'трещать', кауз. *sprāginti*, алб. *shpreh* 'выражать', др.-англ. *sprecan* 'говорить';

*## sk^hl-:

Др.-инд. *skabhñāti* 'опирается', авест. *upa-skambəm*, согд. 'šk'np- (*skamb), лат. *scamnum* (< **scab^hnum*) 'скамья';

Др.-инд. *skhálate* 'спотыкается', 'колеблется', др.-арм. *sxalem* 'спотыкаюсь';

*## st^hl-:

Др.-инд. *tīṣṭhati*, авест. *hištaiti*, греч. $\tau\sigma\tau\eta\mu\iota$, лат. *sistō*, *stō* 'ставить', 'стоять';

Др.-инд. *stighnoti* 'поднимает', греч. $\sigma\tau\epsilon\acute{\iota}\chi\omega$ 'иду, хожу', гот. *steigan*, алб. *shtek* 'тропинка, дорожка', др.-в.-нем. *steg*, латыш. *staiga*;

Др.-инд. *sthálam* 'возвышение', греч. *στέλλω* 'строю, выстраиваю', ст.-лат. *stlocus*, лат. *locus* 'место', др.-исл. *stallr* 'стоянка', 'стойло', др.-прусс. *stallit* 'стоять';

Др.-инд. *starī*¹ 'бесплодная корова', арм. *sterj* 'бесплодный (о животных)', греч. *στειρα* 'бесплодная', алб. *stijerrë* 'молодая телка', лат. *sterilis*, гот. *stairō* 'бесплодный'.

Звонкая разновидность [**z*] реконструируется в ряде диалектных ареалов в виде позиционного варианта общеиндоевропейской сибилантной фонемы **s*, в частности в позиции перед звонким взрывным:

И.-е. **(e)s- + *d^hi* > др.-инд. **(a)z-dhi* > *edhi*, нов. накл. 2-го л. ед. ч. 'будь!', ср. авест. *zdī* 'будь!' (при греч. *ἴσθι*);

И.-е. **ni- + *st'-os* 'гнездо'; 'местопребывание' > др.-инд. **nizda* > *nīdā* 'пристанище', лат. *nīdus*, лит. *lizdas*, ст.-слав. *gnězdo* 'гнездо' (ср. др.-англ. *nest* 'гнездо', арм. *nist* 'местопребывание', *nstim* 'сизу, сажусь'): и.-е. **set'-/*st'-*;

К этому же корню относятся формы греч. *ἄζος* 'ветвь' (< **ozdos*), ср. арм. *ost*, гот. *asts* 'ветвь'.

В приведенных выше формах, как показывают диалекты с сохранением незвонкости фонем серии I, сибилант **s* мог позиционно озвончаться с озвончением глоттализированных фонем. Этот звонкий вариант в подобных формах отражает не общеиндоевропейское состояние, а наличие звонких вариантов сибилантной фонемы в диалектах.

Звонкие варианты фонемы **s* индоевропейской эпохи можно было бы обнаружить лишь в небольшом числе сочетаний с фонемами звонкой серии II — кроме позиций, в которых происходит оглушение по "закону Зибса".

Однако поскольку в сочетании звонких (придыхательных) с начальным **s* по закону Зибса происходит оглушение смычного компонента, а предыдущий звонкий всегда оглушается перед **s*, озвончение спиранта **-s-* можно было бы ожидать лишь в определенных комбинациях в середине слова. Примером такого звонкого варианта [**z*] индоевропейской давности могла бы служить приведенная выше древнеиндийская форма *edhi* < **(a)z-dhi*, восходящая, возможно, к и.-е. [**zd^hi*] 'будь!'; ср. авест. *zdī*².

Не исключено, что в индоевропейском звонкий вариант фонемы [**-z-*] мог проявляться в отдельных случаях в интервокальной позиции, хотя конкретные индоевропейские формы с интервокальным /**s*/ не дают

¹ Отсутствие придыхательности при **t^h* можно объяснить правилом распределения придыхательных аллофонов в основе и оглушением в позиции после *s* по закону Зибса.

² Обнаружение в индоевропейском сибилантной фонемы **s* без соответствующей фонемы звонкой разновидности **z-* ставит общеиндоевропейскую систему в один ряд с многочисленными системами с сибилантом *s* при отсутствии звонкой фонемы *z*; в противопоставлении *s* ~ *z* глухая является немаркированной фонемой. Среди языков мира обнаруживается лишь небольшое число языков, в которых отсутствует фонема *s*. Наряду с фонемами *p*, *t*, *k*, *n* фонема *s* вносится в минимальный фонемный инвентарь языка, *Trubetzkoy 1958; Jakobson 1971a; Milewski 1967; Chomsky | Halle 1968 : 413.*

прямых указаний на проявление в них этой сибилантной фонемы в виде звонкого варианта [**z*]: ср. **syesor*:- др.-инд. *svásar*- 'сестра', авест. *x^oanhar*-, гот. *swistar*, лит. *sesuõ*, рус. *сестра*, при лат. *soror* 'сестра', с более поздним озвончением *s > z > r* (ср. Тронский 1960 : 121).

4.2. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ДЛЯ ПОСТУЛИРОВАНИЯ ОСОБОГО КЛАССА СИБИЛАНТНЫХ СПИРАНТОВ. КОМПАКТНАЯ ФРИКАТИВНАЯ ФОНЕМА /**š*/

Наряду с описанными выше соответствиями сибилантного *s* в исторических индоевропейских диалектах, на основании которых в системе общеиндоевропейского языка следует восстановить фонему /**s*/, в тех же диалектах в идентичных комбинаторных условиях наблюдаются соотношения другого типа, которые предполагают существование в индоевропейском другой сибилантной фонемы, отличной фонологически от постулируемого /**s*/. Этот отличный ряд соотношений в исторических индоевропейских диалектах представлен следующими соответствиями:

Др.-инд. *ráśyati* 'видит', ср. авест. *rašna*- 'взгляд': греч. *σκέπτομαι* 'смотрю' (*σκαп*- < **спех*-), лат. *speciō* 'смотрю', 'вижу', др.-в.-нем. *spehōn* 'рассматривать', др.-исл. *spá* 'предсказание'; в древнеиндийском в срединной позиции *-sp-*: вед. *перф. paspaśé*, *аор. áspaṣta*, *прич. страд. ánuspaṣtaḥ*; отсюда возникают в древнеиндийском и формы с начальным *s*- типа *spáśati* 'видит', *spát* 'наблюдатель';

Др.-инд. *tejate* 'становится острым, заостряется', *tejáyati* 'заостряет', авест. *taēza*- 'острие': греч. *στέζω* 'колю', лат. *in-stigāre* 'подстрекать', гот. *stiks* 'укол', др.-в.-нем. *sticken* 'колоть';

Др.-инд. *túmpati* 'вредит', *tumpáti*, *tupáti*, *tópati*: греч. *τύπτω* 'ударяю', *στύπος* 'шест; палка'; *στυπάζει* • *ὄθει* (*Гесихий*), *στυφέλιζω* 'отбиваю, ударяю', лат. *stuprum* 'стыд' (в срединной позиции др.-инд. *-st-*: *pra-stumpáti* 'толкает рогами');

Др.-инд. *kalá* 'малая часть': арм. *četk'em* 'колю', 'разбиваю', греч. *σκάλλω* 'копаю, рою', гот. *skilja* 'мясник', лит. *skeliù* 'колю', ст.-слав. *skala* 'скала', хет. *iškallai*- 'рвать; резать';

Др.-инд. *kiráti* 'изливает', 'бросает': греч. *σκαίρω* 'прыгаю', 'танцую', др.-в.-нем. *scerōn* 'мужествовать' (в срединной позиции др.-инд. *-sk-*: *apas-karaḥ* 'испражнения', *Mayrhofer 1956, I: 38*);

Др.-инд. *kṛdhú-* 'укороченный', 'малый', сравн. ст. *kradhīyams-*, *прев. ст. kradhiṣṭhaḥ*: греч. *σχυρθάλιος* • *νεανίσκος* (*Гесихий*); *σχύρθαξ* • *μειραξ*, *Гесихий* (в срединной позиции *á-skṛdhoyih* 'неукороченный', ср. др.-рус. *оскърдъ* 'топор').

Приведенные формы с начальным "нулевым спирантом" в древнеиндийском при начальном $\#*s$ в соответствующих формах других индоевропейских диалектов противостоят, очевидно, разобранным выше индоевропейским формам с начальным спирантом $\#s$, который закономерно отра-

жается как сибилант $\#s$ - во всех рассматриваемых индоевропейских диалектах¹.

Такое двоякое отражение в древнеиндийском индоевропейской фонеме в начальной позиции может указывать только на первичное различие этих фонем в индоевропейском².

Индоевропейскую сибилантную фрикативную фонему, отраженную во всех разобранных выше индоевропейских диалектах в виде начального свистящего спиранта $\#s$ -, можно отождествить с глухим диффузным спирантом $/*s/$, проявляющимся и в других позициях в виде свистящего спиранта [s].

Особую сибилантную фрикативную фонему в индоевропейском, отличную фонологически от постулируемой выше фонемы $/*s/$ и отражаемую в древнеиндийском в виде нуля, а в других диалектах, как правило, в виде s -, можно определить как компактную сибилантную фрикативную фонему $/*s̃/$, которая противостояла в системе диффузной фонеме $/*s/$ и может рассматриваться как палатализованный коррелят последней.

Такая фонологическая интерпретация постулируемой второй индоевропейской сибилантной фонемы оправдана типологическими соображениями, касающимися соотношений в системе сибилантных спирантов, а также наличием фонологической корреляции по признаку палатализации среди постериорных смычных.

Допущение палатализованного характера рассматриваемой сибилантной фонемы в индоевропейском может удовлетворительно объяснить и характер рефлексов предполагавшегося ранее сочетания $*-sk^{h1}$ в древнеиндийском и армянском в формах типа др.-инд. *chyáti* 'режет', 'отрезает', авест. *fra-sānəm* 'разрушение', греч. *σχάω* 'расслаиваю', лат. *sciō* 'различаю, знаю'; др.-инд. *chāyá* 'тень', греч. *σχιά* 'тень', тох. В *skiyo*; др.-инд. *gáčhati* 'идет', греч. *βάσχε* 'иди!'; др.-инд. *ucchāti* 'возгорается', лит. *aišti* 'светать' (см. выше) и арм. *erkñč'im* 'боюсь', греч. *δειδίσκομαι* 'опасаюсь'.

Аффриката *ch* и последовательность *cch* в соответствующих древнеин-

¹ "Отсутствующий" в начальной позиции перед согласным спирант в древнеиндийских формах появляется в срединной позиции после гласной при парадигматических чередованиях производных от соответствующих корней. С синхронной точки зрения можно говорить о чередовании в таких формах $s \sim \emptyset$, которое рассматривается как морфонологическое чередование в самом древнеиндийском в пределах общей деривационной или флексивной парадигмы. Характерно, что древнеиндийские формы с чередованием $s \sim \emptyset$ показывают регулярно в начальной позиции непридыхательную глухую смычную, тогда как формы, не проявляющие такого чередования, то есть формы с отсутствующим начальным спирантом по сравнению с соответствующими формами других индоевропейских диалектов обнаруживают, как правило, глухую придыхательную фонему. В этом, вероятно, отражаются различия в развитии индоевропейских глухих придыхательных в древнеиндийском в позиции после фрикативной фонемы.

² Ср. типологически развитие группы $*sp^{h1}$ - в кельтском и армянском, где s может исчезнуть при сохранении рефлекса следующего за ним $*p^{h1}$ (кельт. $\#f < *sp^{h1}$; арм. $\#p < \#sp^{h1}$) и при полной утере $*-p^{h1}$ - в других позициях (см. выше, стр. 44).

дийских формах легко объяснимы из преобразований сочетания $*\acute{s}k^{[h]}$ в начальной и срединной позициях.

Начальное $*\#\acute{s}k^{[h]}$ дает в индийском закономерно аффрикату $*ch$ в результате аффрикатизации палатального $*k^{[h]}$ и утери предшествующей сибилантной фонемы, ср. отражение $\#\acute{s}p^{[h]} \rightarrow \#p^{[h]}$, $\#\acute{s}k^{[h]} \rightarrow \#k^{[h]}$ (см. выше, стр. 119).

В срединной позиции эта же последовательность должна была отразиться в древнеиндийском как комплекс $*-sch-$, который в результате ассимиляции дает засвидетельствованную последовательность $-cch-$, ср. отражение $*-\acute{s}p^{[h]}$, $*-\acute{s}t^{[h]}$, $*-\acute{s}k^{[h]}$ в срединной позиции в древнеиндийском соответственно в виде $-sp-$, $-st-$, $-sk-$ (см. выше, стр. 119).

В армянском комплекс $*-\acute{s}k^{[h]}$ передается в виде компактной аффрикаты $\acute{c}'$ при передаче $*k^{[h]}$ в виде диффузной аффрикаты c' (в результате перехода $\acute{c}' > c'$, см. выше, стр. 106—107). Переход $*\acute{c}' > c'$ в рефлексе комплекса $*\acute{s}k^{[h]}$ в армянском не произошел, по-видимому, под влиянием компактной фонемы $/*\acute{s}/$, задержавшей такой переход.

Фонема $/*\acute{s}/$ в комплексе $*\acute{s}k^{[h]}$, очевидно, задерживала дальнейшее преобразование компактной аффрикаты, возникшей непосредственно в результате палатализации $*k^{[h]}$: в древнеиндийском задерживается переход $ch > \acute{s}$, происшедший во всех других позициях; в армянском задерживается переход $\acute{c}' > c'^1$. Позиция перед $*k^{[h]}$ была в индоевропейском, очевидно, позицией нейтрализации противопоставления $*s \sim *\acute{s}$: в такой позиции могла выступать только фонема $*\acute{s}$ (при возможности появления обеих сибилантных фонем, то есть $*\acute{s}$ и $*s$ в позиции перед $*k^{[h]}$).

Иллюстрацией поведения постулированной сибилантной фонемы $/*\acute{s}/$ в начальной позиции перед гласной могли бы служить такие формально и семантически связанные друг с другом индоевропейские формы, как др.-инд. *áksi* 'глаз', авест. *aši*, арм. *akn*, греч. ὄσσε, лат. *oculus*, лит. *akis*, ст.-слав. *oko*, слав. **okn-* 'источник', тох. А *ak*, В *ek*, при хет. *šakušai* 'глаза', *šakušai-* 'видеть', *šakuni-* 'источник'; гот. *saihvān* 'видеть', др.-ирл. *rosc* 'глаз', с соотношением $\#\emptyset$ - в одной группе диалектов (включая древнеиндийский, ср. развитие $*\acute{s}$ в позиции $\#\text{—}C$ в древнеиндийском) и $\#\text{—}s$ — в другой.

Такое осмысление этих соотношений подтверждает предполагавшуюся и ранее этимологическую связь (*Schmitt-Brandt 1967: 63*) этих форм (без необходимости допущения в них начальной ларингальной фонемы), ср. также соответствия типа греч. *ῥυξ*, род. п. *ῥυχος* 'коготь', лат. *unguis* 'коготь; ноготь'; при хет. *šankušai-*, *šankui-* 'коготь'; лат. *sub* 'под', *super* 'над', оск. *суп*, *supruis* 'superis', умбр. *su(b)-*, *super*, *subra*, др.-ирл. *fo* 'под', *for* (ср. греч. ὑπό, ὑπέρ) при хет. *up-* 'подниматься' (о солнце); др.-инд. *úpa* 'вверх', *upári* 'над' (*Ernout/Meillet 1967:*

¹ Отражение в балтийском остается спорным, так как на основании соответствий типа лит. *ieškóti*, ст.-слав. *iskati*, др.-инд. *icchāti* предполагается развитие $*\acute{s}k^{[h]} > *šk > *šk$ (*Stang 1972: 83—87*), но вместе с тем известны и параллельные формы, допускающие развитие $*\acute{s}k^{[h]} > -st-$ (*Leumann 1942; ср. Топоров 1973*).

660), алб. *hyr*, *Hamp 1965 a*: 126—129; ср. также лат. *sine* 'без', тох. А *sne*, В *snai* 'без': при гот. *inu* 'без' (*Ernout/Meillet 1967*: 628).

Соответствие $\# \emptyset$ - (др.-инд.) $\sim \# s$ - (в других индоевропейских диалектах) следует отличать от случаев, когда подвижное начальное $*s$ (*s-mobile*) обнаруживается в разных индоевропейских диалектах, в которых нельзя установить явной закономерности в распределении форм с *s*- и без *s*-: ср., например, такие формы, как греч. $\tau \acute{\epsilon} \gamma \omicron \varsigma \parallel \sigma \tau \acute{\epsilon} \gamma \omicron \varsigma$ 'крыша' при др.-инд. *sthágatei* 'покрывает, скрывает', лат. *corium* 'кожа' $\approx$ *scortum* 'шкура', ст.-слав. *kora* 'кора' $\approx$ *škora* 'шкура' и др.

Необходимость допущения особой сибилантной фонемы $*\tilde{s}$ для объяснения соответствий $\# \emptyset$ - в одной группе диалектов (включая древнеиндийский) и $\# s$ - — в другой усугубляется и при учете особенностей отражения рефлексов предполагаемой фонемы в пределах одной определенной группы индоевропейских диалектов, в частности азиатской. Дело в том, что обнаруживаются различные отражения индоевропейских сибилантов $*s$ и $*\tilde{s}$ в хеттском и лувийском языках. И.-е. $*s$ отражается, как известно, в хеттском и лувийском единообразно в виде *s* ($\tilde{s}$ в клинописи), что дает соответствие хет. *s* $\sim$ лув. *s*, тогда как и.-е. $*\tilde{s}$ отражается в хеттском и лувийском неединообразно, что дает соответствие между этими языками в виде хет. *s* $\sim$ лув. *t*: ср. хет. *šakuwa* 'глаза' при лув. *tači-* 'глаз' (с закономерным соотношением хет. *k* $\sim$ лув. $\emptyset$, ср. выше, стр. 49); ср. также не в начальной позиции хет. *hūišuatar* 'жизнь' при лув. *hūit-ūalahi* 'жизнь'. Такое соотношение между хеттским и лувийским может быть объяснено фонетически интердентальным характером фонемы, отраженной на письме лув. *t*. Следовательно, индоевропейская сибилантная фонема $*\tilde{s}$ дает отражение в виде сибиланта *s* в одной группе диалектов, совпадая с рефлексом в тех же диалектах другой сибилантной фонемы $*s$; теряется в ряде других диалектов (как, например, в начальной позиции в древнеиндийском) или переходит, по всей видимости, в интердентальный спирант $\tilde{ʃ}$ в диалектах типа лувийского.

4.3. ЛАБИЛИЗОВАННАЯ ФРИКАТИВНАЯ ФОНЕМА $/*s^o/$

Другой ряд соответствий в исторических индоевропейских языках, отличный от рассмотренных выше соответствий форм с начальной последовательностью $\# *sm-$, для которой предполагается исходной диффузная фрикативная фонема $/*s/$, представляют следующие соотносящиеся друг с другом индоевропейские формы:

Галл. *suexos*, валл. *chwached* 'шесть' при др.-инд. *ṣaṭ*, пракрит. *cha* $< *ks-$ (*Wackernagel / Debrunner 1930*, III:354), авест. *xšvaš*; арм. *vec* '6', *vašsun* '60', греч. $\xi \xi$; $\xi \acute{\epsilon} \sigma \tau \rho \iota \xi$, $\chi \rho \iota \theta \acute{\eta}$. $\eta \acute{\epsilon} \xi \acute{\alpha} \sigma \tau \omicron \iota \chi \omicron \varsigma$. *Kvídioi* (*Гесихий*), греч. крит. $\Phi \acute{\epsilon} \xi$ (*Schwyzler 1939*, I: 590), мик. *we-* (в *we-pe-za*, аттич. $\xi \chi$ - $\tau \omicron \upsilon \varsigma$), прус. *uschts* 'шестой', лит. *ušės* 'шесть недель роженицы' ($*u-$, *Szemerényi 1960*: 78; ср. *Stang 1966*: 279); лат. *sex*, гот. *saíhs*, лит. *šeši*, ст.-слав. *šestī* (с вероятным началом $*ks-$), тох. А *šāk*, тох. В *škas*, алб. *gjáshë* 'шесть';

Лит. *sviestas* 'масло', латыш. *sviēsts* 'масло', *svaidīt* 'смазывать':

при авест. *xšvīd-* 'молоко', *Apa-xširā-* (название страны), др.-инд. *kṣīrām* 'молоко', осет. *æxsyr* 'молоко', мундж. *xšīr* 'молоко', алб. *hīrrë* (*Hamp 1965a* : 131);

Гот. *swīglōn* 'играть на флейте', др.-в.-нем. *swēglōn*, *swēgala* 'флейта': при др.-инд. *kṣvṛḍati* 'жужжит, гудит, шепчет', ст.-слав. *svīstati*, польск. *gwizdać* 'свистеть', др.-ирл. *sétim* 'я дую', глосса *ind fet* 'sibilus', валл. *chwytthi* 'играть на инструменте', греч. σίζω, лат. *sībilō* 'шипеть, свистеть';

Гот. (*midja*-)*sweipains* 'потоп' (буквально: 'середины — то есть Мира среднего — смятение'), др.-исл. *sveipa* 'бросать', др.-англ. *swāpan*: при авест. *xšvaēwayat*(*-aštrā-*) 'размахивающий кнутом', *xšviwi.išu-* 'метатель стрел', др.-инд. *kṣipāti* 'бросает, швыряет', *kṣipráḥ* 'быстрый', кауз. *kṣerāyati* (*Mayrhofer 1956, I* : 289—290);

Др.-в.-нем. *swehur* 'свекор', ст.-слав. *svekry*, валл. *chwegr*, лат. *socer*, греч. ἑχρῶς, ἑχρῶ (Szemerényi 1964 : 290—318): при арм. *skesur*, *skesrayr*, алб. *vjehërr* (*Hamp 1957* : 84), др.-инд. *śvaśrū-*, *śváśura-*, лит. *šėšuras* 'свекор; свекровь';

Гот. *swistar* 'сестра', др.-англ. *sweostor*, др.-ирл. *siur* 'сестра', валл. *chwæer*, др.-инд. *svásar-*, арм. *kojr*: при лат. *soror*, греч. ἑορ, лит. *sesuō*, ст.-слав. *sestra*, тох. А *ṣar*, В *ṣer* 'сестра';

Гот. *swaran* 'клясться', ст.-слав. *svarŭ* 'свара': при рус. *ссора*, оск. *sverrunei* 'говорящему', лат. *sermō* 'проповедь';

Гот. *swērs* 'почтенный', ἔντιμος, др.-в.-нем. *swāri* 'тяжелый', 'тяжкий', лит. *svėriù* 'взвешиваю', *svarūs* 'тяжелый': при лат. *sērius* 'серьезный' (*Ernout/Meillet 1967* : 617), греч. ἔρμα 'груз судна', валл. *chwar-*, брет. *c'hoar-* 'происходить' (*'падать');

Гот. *saúrga* 'забота', *saúrgan* 'заботиться', др.-инд. *sūrḥṣati* 'заботится': при др.-ирл. *serg* 'болезнь' (*s* не подвергается лениции), лит. *sergù*, *siřgti* 'болеть', ст.-слав. *sraga* 'болезнь', алб. *dėrgjem* 'я прикован к постели', тох. В *sark* 'болезнь' (ср. хет. *ištark-* 'болеть', *Иванов 1968*);

Др.-в.-нем. *swintan* 'исчезать': при ст.-слав. *uvędati* 'увядать', μαράνυεν, *qđiti* 'коптить', рус. *вянуть*, др.-ирл. *o-sennad* 'наконец', 'postremo' (*Pokorny 1959* : 1047);

Др.-англ. *swinsian* 'петь', 'музицировать', др.-ирл. *senn-* 'играть на музыкальном инструменте', лат. *sonō* 'звучу', др.-инд. *svánati* 'звучит', ср. авест. *xʷanaŋ*(*-čaxra-*): при латыш. *sanēt* 'гудеть', др.-ирл. *sanas* 'шептанье', валл. *hanes* 'история';

Латыш. *svakas*, мн. ч., прус. *sackis* 'сок растений и плодов', лит. *sakaĩ*, рус. *осока*, алб. *gjak* 'кровь', греч. ὀρός 'древесный сок';

Гот. *ga-swōgjan*, *swōgatjan* 'вздохать', др.-англ. *swēg*, *swæg* 'шум', лит. *svagėti* 'звучать': при греч. ἦχη 'звучание'.

В этом ряду соответствий обращает на себя внимание то, что начальной последовательности $\#s\upsilon$ в форме одного или нескольких из индоевропейских диалектов отвечают последовательности разного характера, включающие и заднеязычные согласные, ср. галл. *suexos* при авест. *xšvaš*, др.-

инд. *śat̥* < **kṣat̥*, греч. ξέστριξ; лит. *sviestas* при авест. *xšvīd-*; др.-инд. *kṣī-rām*; гот. *-sweipains* 'потоп' при авест. *xšvaēwayaŋ-*.

В ряде форм такому начальному $\ddot{s}\mu$ - одного из диалектов противостоит в соответствующих формах $\ddot{s}$ - (без последующего μ -), ср. др.-инд. *svásar-* 'сестра', гот. *swistar* при лат. *soror*; гот. *swaran* : лат. *sermō*; гот. *swērs* : лат. *sērius* и другие (примеры см. выше).

Представляется очевидным, что этот ряд соответствий отражает исходную индоевропейскую фонему, фонологически отличную от той, которая предполагается в соответствии начального $\ddot{s}\mu$ -, повторяющегося по всем языкам (см. выше).

Исходная сибилантная фонема, предполагаемая этим рядом соответствий, должна фонологически отличаться и от второй постулированной выше фонемы /**š/*, так как эта последняя определяется такими соответствиями, которые обнаруживают *нуль*, отвечающий *s*- в формах других языков (что отлично от приведенных выше соответствий).

Поскольку сибилантная фонема, постулируемая в качестве исходной для этого последнего ряда соответствий, предполагает и признак веляризации, проявляемый в появлении в исторических рефлексах этой фонемы велярного компонента, ее можно охарактеризовать как компактную лабиализованную фонему, признак "лабиализации" которой отражается в исторических языках в виде самостоятельного лабиального компонента в последовательности.

Характерно, что этот лабиальный элемент, отражающий признак "лабиальности" постулируемой фонемы, может вовсе отсутствовать в некоторых рефлексах. С другой стороны, в рефлексе такой фонемы может отсутствовать и сибилантный компонент.

В этом отношении весьма любопытные соотношения проявляют следующие индоевропейские формы, относящиеся, очевидно, к тому же ряду соответствий:

Тох. В *sālk-* 'тянуть', греч. ἔλκω 'тяну', ἐλκός 'борозда', лат. *sulcus* 'борозда', др.-англ. *seolh* 'борозда', 'плуг': лит. *velkù* 'тяну, влеку', ст.-слав. *vělkq* 'влеку', авест. *varək-* 'тянуть', алб. *heq* 'тащить' (*Hampr* 1965a : 131);

Авест. *x^var-* 'есть', 'пить', ново-перс. *xurdan* 'есть', 'пить', др.-исл. *sollr* 'напиток для свиней', др.-в.-нем. *swelhan* 'глотать': др.-инд. *válbh-* 'глотать', 'жевать' (*Герценберг* 1972 : 22);

Лат. *salix* 'ветла', ср.-ирл. *rod. n. ed. ч. sailech*, греч. ἐλίχη, мик. *e-ri-ka*; ср. греч. Ἐλικών (< *Ἐλκών* 'гора с ветлами', *Chantraine* 1968 : 338): ср.-в.-нем. *wilge*, др.-англ. *welig* (*Friedrich P.* 1970 : 53—55);

Ср. также формы со значением 'шесть': галл. *suexos*, валл. *chwexhed* (**syek^[h]*): лат. *sex*, гот. *saihs*, тох. А *śāk* (*sek^[h]s-*): греч. дор. *Ἑξ*, арм. *vec* (**yeġ^[h]s-*).

Таким образом, рассмотренный выше ряд соответствий предполагает в качестве исходной индоевропейскую компактную лабиализованную фонему /**š^o/* с отражением ее в виде μ -, *s*- или μ - в различных индоевропейских диалектах, что и выдает скорее всего монофонематический характер

сочетания сибиланта с лабиальностью на индоевропейском языковом уровне (ср. выше развитие в исторических индоевропейских языках лабиализованных велярных фонем).

Характерно, что в словах, в которых нами предполагается лабиализованный сибилант, распавшийся в дальнейшем в большинстве отдельных индоевропейских диалектов на две фонемы — лабиальную и сибилантную (что может указывать на двухфонемный характер сочетания для диалектов позднеиндоевропейского языка), для общеиранского реконструируется единая лабиализованная фонема h^w/x^w ¹, происходящая, очевидно, из $/*s^0/$: ср. общ.-иран. $*h^w a s r u$ 'свекровь': согд. 'γωśh, шугн. xīx, тадж. xusrū 'теща' (и.-е. $*s^0 e k^{[h]} r u$ // $*s u e k^{[h]} r u$);

Общ.-иран. $*h^w a s a r$ 'сестра': авест. $x^v a n h a r$ -, согд. $xw'r$, тадж. $hoxar$ 'сестра' (и.-е. $*s^0 e s o r$ // $*s u e s o r$);

Общ.-иран. $*h^w i d$ - 'потеть': авест. $x^v a e d a$ -, ново-перс. $xvay$ 'пот', хотано-сакск. $āhusāte$ 'потеет';

Общ.-иран. $*h^w a n$ - 'звучать': хотано-сакск. $hvañ$ -, осет. $хонун$, тадж. $xondan$ 'произносить'.

Весьма характерны в этом отношении также монофонемные армянские рефлексы начального $*\#sw$ - в виде $*k̄$ (Meillet 1936: 50):

Арм. $kirtn$ 'пот': авест. $x^v a e d a$ -, ново-перс. $xvay$, др.-инд. $svédaḥ$, др.-сакс. $swēt$;

Арм. $koyr$ 'сестра': авест. $x^v a n h a r$ -, др.-инд. $svásar$ -, гот. $swistar$; арм. kun 'сон': др.-инд. $svápnah$.

На основании соответствий типа арм. kun 'сон', авест. $x^v a f s a i t i$ 'он спит' можно было бы предположить наличие начальной фонемы $*\#s^0$ - в словах этого рода, дальнейшее развитие которой привело к вторичному образованию группы $*sw$ / $*su$ -, благодаря чему стали возможны формы типа др.-инд. $supyāt$, $optamiv$ к вед. $sváptu$ 'чтобы он уснул', ср. аналогичные вторичные чередования типа хет. $kūen$ / kun - 'убивать' из и.-е. $*g^{[h]0} en$ / $*g^{[h]0} n$ - и др.

Постулирование такого компактного лабиализованного сибилантного спиранта в качестве исходной фонемы для данного ряда соответствий объясняет и появление велярного элемента в подобных соответствиях. Велярный элемент k появляется в отражениях фонем этого типа как рефлекс признака веляризации, сопутствующего компактным сибилантным фонемам с признаком лабиализации и дающего соответствующее велярное наращение².

¹ О монофонемности x^w в иранском см. также Эдельман 1977.

² В этом отношении весьма характерны рефлексы компактных спирантов и аффрикат в картвельских (южнокавказских) языках. Общекартвельские компактные фонемы $*š$ $*ž$ $*č$ $*č'$, часто сочетающиеся с элементом $ц$, дают в западнокартвельских языках сочетания $šкц$, $žгц$, $čкц$, $č'к'ц$, переходящие позднее в соответствующие свистящие последовательности $skц$, $zgц$, $skц$, $č'к'ц$ (Гамкрелидзе 1959). Аналогичное развитие постулируемой компактной фрикативной фонемы $*s^0$ следует допустить в тех индоевропейских диалектах, в которых ее отражение представлено в виде последовательности фонем с велярным компонентом (след постериорного характера которого виден в ретрофлексном це-

4.4. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ

Таким образом, наряду с фонемами /**s/* и /**š/* в индоевропейском сибилантном ряду следует постулировать компактную лабиализованную фонему /**sʰ/*, которая совместно с двумя другими образовывала в индоевропейской фонологической системе особый ряд сибилантных фрикативных фонем: **s—*š—*sʰ*¹.

В этом ряду сибилантных фонем (см. Табл. 6) в качестве немаркированного члена выступает глухой диффузный спирант **s*, являющийся вообще самым стабильным элементом в системе сибилантных спирантов, которая включала в себя и маркированные члены **š* и **sʰ*. Это отражается и в частотном соотношении сибилантных фонем этого ряда.

ТАБЛИЦА 6
МАТРИЦА ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ

	<i>s</i>	<i>š</i>	<i>sʰ</i>
Слоговость	—	—	—
Смычность	—	—	—
Звонкость	[—]	[—]	[—]
Компактность (палатальность)	—	+	[+]
Лабиализованность	—	—	+

ребральном спиранте *š* в древнеиндийском): н.-е. **sʰekhl-* 'шесть' → др.-инд. **ksat* > *śat*, авест. *xšvaš*, греч. *ξστοριξ* (с вероятной метатезой *-sk-* > *-ks-*, ср. тох. В *škas*); н.-е. **sʰei-* 'молоко' → др.-инд. *kṣīrām*, авест. *xšvīd-*; н.-е. **sʰei-* 'размахивать' → авест. *xšvaēwayaŋ-*; н.-е. **sʰekhluro-* 'свекор' → арм. *skesur*, *skesrayr*. Ср. также загадочное *-k-* в лит. *áuksas*, прус. *ausis* 'золото', лат. *aurum*; лит. *tūkstantis*, латыш. *tūkstuotis* (Stang 1966 : 282) при прус. *tūsimtons* '1000', рус. *тысяча*, гот. *þūsundi*.

¹ Бенвенист (Benveniste 1954) высказал гипотезу, по которой разница между *s* и *z* в хеттской клинописи в словах, соответствующих формам с *s-* в других индоевропейских языках, отражает различие между двумя разными индоевропейскими фонемами. Однако, с одной стороны, хеттские знаки для *š* и *z* могут выступать при передаче одной и той же морфемы (ср. *-šera-* 'дух' в *Kamru-šera-*, но *-zira-* в *dagan-zira-*, после *-n* и т. п.), а с другой, хеттским словам с *-z-* соответствуют формы других языков, в которых *-s-* не отличается от сибиланта *-s-*, соответствующего хет. *-š-*: ср. в частности хет. *zēna-* 'осень', KUB XXXVIII 32 I 8 и др. (см. Ehelolf 1927: 149—150; Goetze 1951: 469; Souček/Siegelová 1974: 43, примеч. 9), лок. *zeni* (КВо II 13, Rs. 25) 'осенью', др.-рус. *осени* 'осенью' (локатив, Топоров 1959: 15, 23, 219), сербо-хорв. *jěsēn*, чеш. *jeseň*, прус. *assanis*, гот. *asans* 'время уборки урожая' (Stang 1972: 74).

Не представляется убедительным и различие двух окончаний — генитива (хет. *-aš*) и аблатива (хет. *-az*), совпавших в формах типа др.-инд. *-as* > *-aḥ* (ген.-абл.); ср. критику теории Бенвениста Lazzeroni 1962.

Значительный интерес для исследования этой проблемы может представить хет. *zakkar*

Такой трехчленный ряд сибилантных фрикативных в индоевропейской фонологической системе создает симметричную структуру по отношению к трем постериорным рядам смычных с основным немаркированным велярным рядом и дополнительными рядами палатализованных и лабиализованных смычных.

В диалектах группы *centum* все три сибилантные фонемы сливаются в одну диффузную сибилантную фонему, то есть в них наблюдается переход /*s/ → /*sʰ/ при отражении фонемы /*sʰ/ в виде последовательности *sz*, с расщеплением ее на две самостоятельные фонемы *s* и *z* (ср. аналогичное развитие палатализованных и лабиализованных велярных в диалектах группы *centum*).

Преобразования сибилантных фонем в диалектах группы *centum* можно представить в виде правила (5):

$$(5) \text{ a. } \left[\begin{array}{l} -\text{компакт} \\ -\text{лабиализ} \end{array} \right] \Rightarrow \left[\begin{array}{l} -\text{компакт} \\ -\text{лабиализ} \end{array} \right] \mid \left[\begin{array}{l} -\text{слогов} \\ -\text{смычн} \end{array} \right]$$

$$\text{ b. } \left[\begin{array}{l} +\text{компакт} \\ -\text{лабиализ} \end{array} \right] \Rightarrow \left[\begin{array}{l} -\text{компакт} \\ -\text{лабиализ} \end{array} \right] \mid \left[\begin{array}{l} -\text{слогов} \\ -\text{смычн} \end{array} \right]$$

$$\text{ c. } \left\{ \begin{array}{l} [+ \text{лабиализ}] \\ [+ \text{компакт}] \end{array} \right\} \Rightarrow \left[\begin{array}{l} -\text{лабиализ} \\ -\text{компакт} \end{array} \right] \mid \left[\begin{array}{l} -\text{слогов} \\ -\text{смычн} \end{array} \right]$$

4.5. ФОНОЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ РЕФЛЕКСОВ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СИБИЛАНТНЫХ СПИРАНТОВ И ПАЛАТАЛИЗОВАННЫХ В ДИАЛЕКТАХ ГРУППЫ SATəm

В диалектах группы *satəm* в отличие от диалектов группы *centum* изменение сибилантного ряда индоевропейских фонем приводит к более существенным преобразованиям, обусловленным возникшими в системе новыми соотношениями между рефлексами палатализованных велярных смычных и рефлексами палатализованных сибилантных фонем.

Ассибиляция индоевропейских палатализованных смычных приводит к образованию в ряде систем сибилантных спирантов, которые при взаимодействии с рефлексами индоевропейских сибилантных спирантов претерпевают структурное перераспределение в системе.

‘кал’ (переводный эквивалент аккад. *zā* в словаре КВо I 45 I 9), по-видимому, являющееся вариантом *šakkar* ‘кал, испражнения’ (КUB XVII 28 I 5, *род. пад.* *šak-naš*, KUB VII 5 I 9), где при *s* в греч. *σάκq* обнаруживается незакономерное соответствие $\acute{s} < *k[h]$ в др.-инд. *śákr̥t̥*.

Для частицы *-za* этимологии Бенвениста следует предпочесть сравнение с равнозначной лувийской частицей *-ti*.

Общую тенденцию преобразования в индоевропейском ряду сибилантных спирантов в диалектах группы *satəm* можно определить как элиминацию дополнительных признаков палатализации и лабиализации и движение маркированных фрикативных фонем в сторону слияния их с немаркированным свистящим спирантом *s.

В этом отношении представляет интерес сходство в поведении палатализованного спиранта *š и смычных фонем палатализованного ряда в диалектах группы *satəm*, в особенности в древнеиндийском, в котором спирант *š полностью элиминируется, превращаясь в $\emptyset$, тогда как палатализованный ряд смычных элиминируется путем перехода их в аффрикаты и спиранты.

Нужно полагать, что дистрибуция самой немаркированной спирантной фонемы *s характеризовалась некоторыми ограничениями, обусловленными наличием нейтрализации противопоставления *s ~ *š в определенных позициях. В качестве таких позиций нейтрализации для противопоставления *s ~ *š выступают позиции после *i, u, r, k*, в которых должен был проявляться именно палатализованный (компактный) член фонемной оппозиции¹.

Дальнейшее развитие сибилантных спирантов в языках группы *satəm* легко объяснимо при допущении общей тенденции диффузности, а также исходной схемы распределения сибилантных фонем: в исторических *satəm*-ных диалектах постулируемые сибилантные фонемы предстают в виде диффузного спиранта s, за исключением позиции после *i, u, r, k*, где они дают компактную сибилантную фонему š, отражающую непосредственно индоевропейское *š (частично *š⁰):

И.-е. [*-iš-]:

Др.-инд. *суфф. прев. ст. -iṣṭha- : svādiṣṭha-* 'сладчайший'; ср. греч. ὄψιτος, др.-англ. *swētest*;

И.-е. [*-rš-]:

Др.-инд. *tṛṣ-nā* 'жажда', *tṛṣyati* 'он страдает жаждой', арм. *taršamim*, ср. греч. *τέρσομαι* 'становлюсь сухим', гот. *þaúrsum* 'сухой';

Др.-инд. *mṛṣyate* 'забывает', арм. *mořanam* 'забываю', лит. *miřšti* 'забывать';

Др.-инд. *varšmán-* 'высота', 'верх', лит. *viršùs* 'верх', ст.-слав. *vrĭchŭ*, рус. *верх*²;

И.-е. [*-uš]:

Др.-инд. *mūḥ, mūṣ-ah* (RV X 33, 3) 'мышь', *mūṣikā* 'testiculus', согд. *mūškyc* 'дикая кошка' < *mūš-kuštar- 'убийца мышей' (*Mayrhofer 1963, II: 668*), белудж. *mušk*³, арм. *mukn* (ср. выше, стр. 114), алб.

¹ Такое дистрибутивное распределение сибилантных спирантов объяснимо фонетическим характером окружения отмеченных позиций нейтрализации; в позиции после палатальной фонемы *i* и заднеязычных *u, k, g* естественно по фонетическим соображениям ожидать появления именно компактной фрикативной фонемы (в древнеиндийском — ретрофлексной, соответственно церебральной *ṣ*).

² Славянское *rš позднее переходит в *rx.

³ Кафир. *mūšə* (вопреки *Burrow 1955: 32; Mayrhofer 1963, II: 668*) следует считать результатом преобразования компактного спиранта в диффузный, отражающего об-

mi, ст.-слав. *myšī* 'мышь', рус. *мышь*; ср. лат. *mūs*, греч. *μῦς*, др.-в.-нем. *mūs*;

Др.-рус. *быхъ*, ст.-слав. *bychŭ*, 1 л. ед. ч. аориста от *byti* 'быть', ср. греч. *ἔφυσσ*;

И.-е. [**-kʰl̥s-*]:

Др.-инд. *dákṣiṇaḥ* 'правый', авест. *dašīnō*¹, лит. *dėšinas*, ст.-слав. *desnŭ*: ср. греч. *δεξιτερός*, лат. *dexter*²;

Др.-инд. *á-vāk-ṣ-am*, аорист от *váhati* 'едет', 'везет';

Др.-инд. *ukṣá* 'бык', авест. *uxšan-* 'бык'; ср. гот. *aúhsa*, др.-в.-нем. *ohso*, валл. *ych*, тох. В *okso*.

Такие *ṣ* и *s* в рассматриваемых диалектах совпадают с рефлексами палатализованного **kʰl̥*, отраженного в виде *ṣ/s*, что и вызывает фонологическое перераспределение первоначальных рефлексов индоевропейских палатализованных смычных и спирантов, ср. др.-инд. *piṣṭá-* < **pis-* + **ta-* < **pikʰl̥* + **-tʰlo-* 'украшенный' (лат. *pictus*) и *piṣṭá-* < **pis-* + **-tʰlo-* 'раздавленный', *Kuryłowicz 1973b*: 67 (совпадение *ṣ* < **s* и *ś* < **kʰl̥* в позиции после *i*, *u*, *r*, *k* в древнеиндийском).

Траектории развития палатализованного ряда смычных и ряда спирантов в диалектах группы *satəm* с позднейшими слияниями их рефлексов и перераспределением фонем в системе могут быть представлены схематично в виде следующих графов (см. Табл. 7, стр. 130).

4.6. СЛЕДЫ ВОЗМОЖНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ФОНЕМ ПОСТВЕЛЯРНОГО И ЛАБИОДЕНТАЛЬНОГО РЯДОВ

Постулирование описанных выше индоевропейских рядов смычных, в том числе и рядов постериорных смычных, основывалось на строгих формулах соответствий между формами исторических индоевропейских диалектов. Устанавливаемые соотношения между отдельными фонемными рядами в исторических диалектах с учетом их позиционно-комбинаторного поведения позволяют реконструировать определенные фонемы-архетипы, лежащие в основе таких соответствий, установить в первом приближении их дистрибутивные модели и определить характер их взаимоотношений в фонологической системе.

Наблюдаемые отклонения от таких соответствий сводятся к позиционным характеристикам постулируемых исходных фонемных единиц.

Эту тенденцию перехода компактных сибилантных фонем в диффузные, ср. дардскую аффрикату *s* из компактной, отражавшей в индо-иранском индоевропейскую палатальную, и аналогичную тенденцию в армянском.

¹ Формы типа авест. *dašīnō* объясняются из **dakšīnō*, ср. авест. *aši* при др.-инд. *ákṣi* 'глаз'. Славянское *desnŭ* — позднейший вариант формы с **š* < **ṣ* типа лит. *dėšinas*. См. о развитии в балтийском и славянском *Каралюнас 1966; Hamp 1967; Andersen 1970*.

² Любопытно появление *i* в приводимых индоевропейских формах, в первую очередь в формах греческого, кельтского (галл. *Dexsiva dea* = греч. **Δεξιτερός*, мик. *de-ki-si-wo*), индо-иранского и балтийских языков при отсутствии этого *-i-* при тождественных формах с теми же суффиксами в других языках (**-uo-*: гот. *taihswa*, **-ter* в латинском *dexter*). Возможно, это графический способ передачи фонетического отражения первоначального палатализованного (мягкого) сибиланта.

При отсутствии удовлетворительного комбинаторно-позиционного объяснения таких отклонений естественно видеть в них определенную закономерность, отражающую особую фонемную единицу, отличную от ранее предполагавшихся. Такая единица должна найти соответствующее место в реконструируемой системе и вступить с остальными ранее постулированными элементами системы в закономерные фонологические отношения.

При анализе отражения постериорных смычных в исторических индоевропейских диалектах обращает на себя внимание ряд отклонений от установленных формул соответствий, не находящих объяснения на основании допущения различий в позиционном распределении исходных фонемных единиц. Такое отклонение от устанавливаемых формул соответствий обнаруживают, в частности, формы с начальным $\#k$ - в ряде индоевропейских языков, которые в других формах соотносятся с нулем:

Лат. *costa* 'ребро', ст.-слав. *kostĭ* 'кость', хет. *ḫaštai* 'кость'¹, при лат. *os(s)* 'кость', род. п. *ossis*, др.-инд. *ásthi* 'кость', авест. *asti-*, греч. *ὄστειον*, алб. *asht*, *ashtë* (ср. *Schmitt-Brandt* 1967 : 106);

Ст.-слав. *koza* 'аѣз', рус. *коза*, алб. *kec*, др.-англ. *hēcen* 'козленок', при др.-инд. *ajáḥ*, ср.-перс. *azak*, алб. *dhi*, лит. *ožys* 'козел', ср.-ст.-слав. *(j)azno* 'шкура', 'рубашка', ср. *Jakobson* 1966a : 341—353; *Иванов/Топоров* 1974;

Гот. *hatis* 'ненависть', *hatan* 'ненавидеть', *кауз. hatjan*; валл. *cawdd* 'гнев', *cas* 'гнев', оск. *cadeis* 'inimicitiae', при лат. *ōdī*, *ōsus sum*; греч. *ὄδοσ(σ)ασθαί* 'гневаться', арм. *ateam* 'я ненавижу', др.-англ. *atol* 'уродливый';

Греч. *κόληψ* 'подколенная впадина', рус. *колени*, лит. *kelėnas*, *kėlis* 'колени', хет. *ḫaliḫa-* 'становиться на колени'², др.-хет. *ḫaliḫla-* 'непрерывно становиться на колени' (2 ВоTU 12 A 21: LUGAL-un-ḫa-az mekki ḫaliḫlatti 'ты-де много раз перед царем становился на колени'; архаический ритуал KUB XXIX 1 IV 1; *nat-šan ḫašši ḫaliḫliandari* 'и они перед очагом все время становятся на колени', архаическая редупликация, *van Brock* 1964: 141), при др.-инд. *āṇīḥ* 'нога выше колена' < *olnis, *aratnīḥ* 'локоть' < **oln-tn-*, греч. *ὀλένη*, лат. *ulna* 'локоть' < *olina, лит. *uolektis*, *alkūnė*, рус. *локоть*;

Греч. *κάρυον* 'орех', пандж. *karuā* < *karu-k (*Turner* 1966 : 140), при греч. *ἄρρα*, алб. *ārrë*, лит. *ruošūtys*, ст.-слав. *orěchŭ* 'орех';

Др.-инд. *karī-* 'обезьяна', греч. *κῆπος* (*κῆβος*) 'длиннохвостая обезьяна', при др.-исл. *apí*, др.-англ. *ara* 'обезьяна', кельт. *āβράνος* (*Гесихий*);

Лат. *cōrat* 'лицом к лицу', при др.-инд. *āḥ* 'рот', род. п. *āsaḥ*, авест.

¹ В начальном $\#ḫ$ в данном слове в хеттском предполагается отражение именно постулируемой поствелярной фонемы, а не "ларингальной" фонемы, которая отражается в хеттском аналогичным образом: в виде глухого велярного спиранта $\#x$ [x] (см. об этом ниже). По-видимому, нужно допустить совпадение в хеттском рефлексов поствелярной смычной и "ларингальной" фонем в глухом велярном спиранте /x/.

² Хет. $\#ḫ$ следует объяснить так же, как в *ḫaštai*.

āh-, лат. *ōs*, род. п. *ōris*, ср.-ирл. *á* (род. п.) 'рот', хет. *aiš* 'рот', род. пад. *iššaš*, др.-исл. *óss* 'устье'.

Наряду с такими примерами, в которых наблюдается чередование начального $\#k-$ с $\emptyset$ (нулем), в разных индоевропейских диалектах, в некоторых случаях в пределах одного языка, обнаруживается и пример соотношения $\#g- \sim \#i- \sim \#0-$:

Лат. *geminus* 'близнец': др.-инд. *yamáḥ* 'близнец', авест. *yāta-* 'близнец', латыш. *jumis* 'двойной плод', др.-исл. *Ymir* 'имя героя', сходного с индо-иранским *Yamáḥ* (Dumézil 1971: 243 и след.), ср.-ирл. *etop* 'близнецы'.

Рассмотренные выше соотношения, отклоняющиеся от отражений индоевропейских рядов велярных смычных, позволяют предположить для объяснения этого ряда соответствий особые поствелярные (возможно, увулярные) смычные фонемы, артикулируемые, вероятно, за зоной артикуляции собственно велярных смычных.

Судя по отражениям в исторических языках, этот гипотетический ряд поствелярных должен был состоять из глоттализованной смычной $*q'$ (давшей впоследствии соотношение $\#g- \sim \#i-$)¹ и глухой (придыхательной) смычной $*q^h$ (давшей впоследствии соотношение $\#k- \sim \#0-$).

В исторических индоевропейских языках не обнаруживается следов возможного третьего члена ряда поствелярных, который в силу своего маркированного характера мог вовсе отсутствовать в ряду поствелярных. В системах с поствелярным (геср-увулярным) рядом смычных наиболее маркированным членом ряда является звонкая поствелярная фонема /G/, образующая пробел во многих системах, в которых наличествует фонемный ряд поствелярных (увулярных) смычных (Гамкрелидзе 1974).

Таким образом, на основании рассмотренного выше ряда соответствий можно с известной долей вероятности предположить наличие в индоевропейской системе поствелярного ряда смычных, члены которого в дальнейшем совпадают с рефлексами велярного ряда или вовсе теряются в ряде индоевропейских диалектов.

Возможность поствелярного ряда смычных в индоевропейской системе диктуется в значительной степени типологическими соображениями, касающимися соотношений в системе постериорных рядов смычных, хотя сам фактический материал исторических индоевропейских языков для постулирования этого ряда не имеет той индуктивной значимости, которая гарантирует реальность реконструкции разновидностей велярных смычных. Поэтому статус поствелярных смычных в индоевропейской системе представляется более гипотетичным.

К такому же разряду весьма гипотетических построений, которые могли бы иметь отношение к более отдаленному периоду в развитии индоевропейской языковой системы по сравнению с периодом ее распада на от-

¹ Ср. типологически аналогичное предполагаемому здесь развитие общедагестанской глоттализованной фонемы $*q'$ в лакском языке, сохранившейся в виде q' в конце слова, но отразившейся как i (=j) в остальных случаях (Гигинейшвили 1973; 1977).

дельные диалекты, относится реконструкция в системе ряда лабиализованных дентальных смычных фонем, предполагаемых таким рядом соответствий, как:

## dʷ-	## d-	## ɟ-	## (e)rk-	## b-
др.-инд. <i>dvāu</i> , авест. <i>dva</i> 'два', греч. δω- < δFω- в δώ-δεκα 'двенадцать', алб. <i>dy</i> 'два', гот. <i>twai</i> , <i>twōs</i> , лит. <i>dui</i> 'две', прус. <i>dwai</i>	хет. <i>ta-a-i-</i> <i>-u-ga-aš</i> 'двухлетний', <i>ta-a-an</i> 'второй', др.-ирл. <i>dāu</i> , <i>dó</i> 'два', греч. δι- (<i>По-</i> <i>kornu</i> 1959: 229)	гот. <i>wi-t</i> 'мы оба', галл. <i>Vo-corii</i> , <i>Vo-contii</i> , тох. А, м. р. <i>wi</i> , ж. р. <i>we</i> ; тох. В <i>wi</i> ² 'два'; зап.-греч. беот., фесс. <i>Fíkati</i> , <i>εἴκοσι</i> , лат. <i>uiginti</i> 'двадцать', др.-ирл. <i>fiche</i> , арм. <i>ksan</i> 'двадцать'	арм. <i>erku</i> ¹ 'два'	авест. <i>baē</i> 'два' кафир. (вай- гали) <i>baš</i> 'двенад- цать'
авест. <i>dvaēdā-</i> 'угроза', греч. δέος (* < δFεος) 'страх'	лат. <i>dīrus</i> 'ужасный' (<i>Ernout / Meil-</i> <i>let</i> 1967: 176)		арм. <i>erknč'im</i> 'я боюсь'	

Подобные колебания в передаче лабиального комплекса с дентальной смычной могут свидетельствовать о монофонематичности такой последовательности. При этом допущении исходную индоевропейскую фонему можно было бы представить в виде глоттализованной дентальной фонемы с признаком лабиализации.

Другими членами дентального лабиализованного ряда могли быть *d[h]⁰ и *t[h]⁰:

Др.-инд. *dhvāratī* 'вредит', прич. *dhrutā-*, хет. *du-ṣa-ar-na-aḥ-ḥu-un* 'я разорвал': ср. лат. *fraus* 'обман', *frūstra* 'ошибочно', умбр. *frosetom* 'fraudātum', др.-исл. *dvergr* 'карлик' (*Mayrhofer* 1963, 11 : 119);

Др.-инд. *tvām* 'тебя', греч. σέ, арм. *kez*: ср. хет. *te*, ст.-слав. *te*;

Др.-инд. *tvārate* 'спешит', авест. *θwāša-* 'поспешный', др.-в.-нем. *dwe-*

¹ Ср. сходное развитие в др.-исл. *kvistr*, *kvísl* 'ветвь', *Pokorny* 1959 : 232.

² *Namp* 1952 : 136, примеч. 1, предполагал начальное *h на основе тох. В *ikām* < *yikān 'двадцать', но это последнее объясняется собственно тохарской палатализацией *w' > y.

ran 'поспешно поворачиваться': ср. греч. *δτρηρός* 'поспешно' (с добавлением *o-* в анлауте), лат. *trulla* 'ковш, черпак', 'жаровня', ст.-лат. *trua*, с последующей метатезой в латинском (Pokorny 1959: 1100);

Др.-инд. *tvacas-*, *tvák-* (ж. р.) 'шкура', греч. *σάκος* 'щит' (из кожи или шкуры), хет. *тцекка-* 'тело', 'существо' (ср. *тцекканти-* 'корпорация' в "Хеттских Законах")¹.

Приведенные примеры, очевидно, могли бы служить только в качестве иллюстрации возможности существования такого ряда в индоевропейской фонологической системе, что было бы типологически вероятно ввиду наличия в группе постериорных смычных ряда лабиализованных согласных.

Однако отсутствие достаточного числа индоевропейских форм, обнаруживающих подобные соотношения, делает такое предположение весьма гипотетическим, не подкрепляемым должным образом конкретными данными индоевропейских языков. Тем не менее, такие построения, выводимые путем внутренней реконструкции с учетом типологических данных, могут отражать соотношения, существовавшие в фонологической системе индоевропейского языка в более ранние периоды его развития, предшествовавшие периоду перед расщеплением его на самостоятельные индоевропейские диалекты.

5. ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА ШУМНЫХ ФОНЕМ (СМЫЧНЫХ, СПИРАНТОВ) В СТРУКТУРНОМ СОПОСТАВЛЕНИИ С ТИПОЛОГИЧЕСКИ БЛИЗКИМИ СИСТЕМАМИ: КАРТВЕЛЬСКОЙ (ЮЖНОКАВКАЗСКОЙ), АБХАЗСКО-АДЫГСКОЙ, СЕМИТСКОЙ

Систему смычных и сибилантных спирантов общиндоевропейского языка с учетом ранних его состояний можно представить в виде следующей парадигматической системы (см. Табл. 8):

ТАБЛИЦА 8

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА СМЫЧНЫХ И СИБИЛАНТНЫХ СПИРАНТОВ

	I	II	III									
1.	(p')	b[h]	p[h]									
2.	t'	d[h]	t[h]									
3.	k'	g[h]	k[h]	k'	g[h]	k[h]	k' ⁰	g[h] ⁰	k[h] ⁰	s	š	š ⁰
4.	q'	—	q[h]									

¹ В этой связи можно было бы привести также индоевропейскую форму *d[h]цег-/*d[h]луг- 'дверь' (др.-инд. *dvārah*, авест. *вин. п. ед. ч. dvarənt* 'ворота', 'двор', лат. *forēs* 'двустворчатая дверь', ст.-слав. *dvorŭ*, греч. *θύρα*, арм. *durk* 'двери'). Чередование в этой индоевропейской форме слогового и неслогового μ может отражать сравнительно позднее развитие при распадении в отдельных диалектах монофонемной единицы на элементы *d[h]+* μ . Ср. в этом отношении развитие лабиального элемента в первоначальной фонеме *s⁰ (см. выше) и в лабиализованных "гуттуральных" фонемах. В этом смысле монофонемное отражение последовательности *-d[h] μ - в кафирском (ашкун: *vekā* 'дверь', *bē* 'вовне', ср. лат. *forēs* 'вне') может восходить непосредственно к древней лабиализованной фонеме.

На Табл. 8 обведена та часть системы, которая представляется наиболее надежно устанавливаемой для индоевропейского языка. Более проблематичные поствелярный ряд $*q' — *q^{[h]}$ и дентальный лабиализованный ряд $*t'^0 *d^{[h]0} *t^{[h]0}$ предполагаются в системе с отмеченными выше оговорками.

В системе остаются незаполненными лабиальный и дентальный ряды в отношении признака палатальности и лабиальный ряд—в отношении признака лабиальности¹.

Такие ряды, в частности палатализованный дентальный и палатализованный лабиальный, возникают уже в отдельных индоевропейских диалектах, которые как бы заполняют недостающие фонологические звенья в индоевропейской системе. Такое заполнение этих “недостающих” рядов происходит в некоторых из тех индоевропейских диалектов, в которых при элиминации палатализованного ряда склеиваются также серия I и серия II, в частности в кельтском и балто-славянском; в последнем образуются противопоставления

b	p	b'	p'
d	t	d'	t'
g	k	g'	k'

(палатальные g' k' заполняют ряд, освобождающийся после элиминации в системе первичных индоевропейских палатализованных).

Реконструированная в таком виде индоевропейская система смычных находит ближайшую типологическую параллель в системах кавказских языков. В частности, система смычных, постулируемая для общекартвельского (южнокавказского) языка, обнаруживает такое же количество серий смычных при том же количестве рядов с примерно теми же фонологическими противопоставлениями между сериями и рядами, что и в общеиндоевропейском языке.

Троичная система смычных в общекартвельском противопоставляет друг другу серию I — глоттализованных, серию II — полувзвонких и серию III — глухих (придыхательных), при четырех локальных рядах: лабиальном, дентальном, велярном, поствелярном (увулярном). Поствелярный ряд обнаруживает пробел на месте максимально маркированного звонкого члена (*Гамкрелидзе 1974:16*).

Общекартвельские полувзвонкие, отличные фонетически от собственно звонких (по более низкой степени сонорности, *Ахвледиани 1949: 58 и след.*) и характеризующиеся при этом интенсивностью², могут быть сопоставлены с индоевропейскими “звонкими придыхательными” или звонкими шепотными звуками (см. выше, стр. 15 и след.).

¹ К типологической возможности лабиального лабиализованного ряда см. выше, стр. 84 (ср. *Chomsky/Halle 1968: 307*).

² Ср. о полувзвонких *Postal 1968: 78, прим. 23*.

ТАБЛИЦА 9

СИСТЕМА СМЫЧНЫХ И СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ ОБЩЕ-КАРТВЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА¹

I	II	III		
p ^h	b	p ^[h]		
t ^h	d	t ^[h]	s	z
k ^h	g	k ^[h]	ʂ	ʐ
q ^h	—	q ^[h]	ʃ	(ž)

Большую типологическую близость к общеиндоевропейской системе обнаруживают северо-западные кавказские языки, в особенности абхазский язык. Троичная система смычных с противопоставлением глоттализированных, звонких и глухих (придыхательных) проявляется в каждом локальном ряду: лабиальном, дентальном, велярном и поствелярном, а также в модификациях велярного (палатализованные, лабиализованные) и дентального (лабиализованные) рядов. Пробелы в системе обнаруживаются в поствелярном ряду и его модификациях (палатализованные, лабиализованные) на месте максимально маркированных звонких членов. Общая система (*over-all pattern*) смычных и сибилантных спирантов диалектов абхазского языка может быть представлена в следующем виде (ср. Deeters 1963; Ломташидзе 1976):

ТАБЛИЦА 10

СИСТЕМА СМЫЧНЫХ И СИБИЛЯНТНЫХ СПИРАНТОВ ДИАЛЕКТОВ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА

I	II	III						
p ^h	b	p ^[h]						
t ^h	d	t ^[h]			t ⁰	d ⁰	t ^{[h]0}	
k ^h	g	k ^[h]	k ^h	g ^h	k ^[h]	k ⁰	g ⁰	k ^{[h]0}
q ^h	—	q ^[h]	q ^h	—	—	q ⁰	—	q ^{[h]0}
			s	z				
			ʂ	ʐ				
			ʃ	ž		ʃ ⁰	ž ⁰	
			ʂ	ʐ		ʂ ⁰	ʐ ⁰	

Обращает на себя внимание полное совпадение, вплоть до идентичности, трех серий индоевропейских смычных с системой картвельского и абхазского консонантизма. Абхазский консонантизм проявляет еще большее сходство с индоевропейским консонантизмом ввиду наличия

¹ Ср. Мачавариани 1965. Эта система смычных воспроизводится без изменений в древнегрузинском языке при слиянии маркированного свистяще-шипящего ряда с диффузным рядом.

дополнительных палатализованного и лабиализованного рядов веллярных смычных, ср. также наличие в абхазском лабиализованного дентального ряда.

В подсистеме глухих сибилантных спирантов примечательно совпадение в этих системах противопоставления сибилантных спирантов по признаку компактности ~ диффузности и лабиализованности. При этом в некоторых диалектах проявляется тенденция к слиянию палатализованного ряда сибилантных фонем с диффузными.

Основным отличием, противопоставляющим абхазскую и картвельскую системы индоевропейской в группе шумных согласных, является наличие в этих последних богатого класса аффрикат, который, очевидно, отсутствует в общеиндоевропейской системе. Система аффрикат образуется лишь позднее в отдельных индоевропейских диалектах группы *satəm*.

Существенное сходство с индоевропейской системой консонантизма в такой интерпретации обнаруживает и общесемитская система согласных: I эмфатические ~ II звонкие ~ III глухие (придыхательные), при наличии богатой системы сибилантных спирантов, ср. *Moscatti /Spitaler/Ullendorff/ von Soden 1980 : 24 (см. Табл. 11)*:

ТАБЛИЦА 11
СИСТЕМА СМЫЧНЫХ И СИБИЛАНТНЫХ СПИРАНТОВ ОБЩЕ-СЕМИТСКОГО ЯЗЫКА

I	II	III				
—	b	p ^[h]				
t̤	d	t ^[h]	ḏ	ḏ̣	ṭ	ṭ̣
k̤	g	k ^[h]				
			s	z	š	
			ś			
			š			

Так называемые “эмфатические” согласные, характеризующиеся в исторических семитских языках признаком фарингализации (ср. *Jakobson 1957b*), интерпретируются для периода семитской языковой общности (а возможно и позднее) именно как глоттализированные (*Cantineau 1952 : 290 и след.*; *Martinet 1953b : 68 и след.*). Это была, очевидно, серия глоттализированных смычных с закономерно отсутствующим лабиальным членом. В этом отношении серия глоттализированных фонем общесемитского языка полностью совпадает с серией индоевропейских глоттализированных фонем с отсутствующим (resp. слабо представленным) лабиальным членом (ср. также *Bomhard 1975; 1977*).

Переход в семитском глоттализированных фонем в соответствующие “эмфатические” (фарингализованные) сопоставим с элиминацией серии глоттализированных в индоевропейских диалектах путем озвончения глоттализированной серии или элиминации признака глоттализации. С другой стороны, озвончение глоттализированных в индоевропейском, объясняемое

фонетической близостью глоттализированных и звонких смычных, находит хорошую типологическую параллель в озвончении семитских “эмфатических” в арабских диалектах типа *gāl* (ср. *Blanc 1965*).

Серия семитских глухих придыхательных сопоставима типологически с соответствующей серией индоевропейских глухих (придыхательных), как и с соответствующими сериями в картвельском и северокавказских языках. Как и в последних, серия семитских “придыхательных” смычных характеризуется фонологически избыточным признаком аспирации и противопоставляется остальным сериям лишь по признаку отсутствия звонкости.

Сходство в развитии между индоевропейским и семитским проявляется также в преобразованиях сибилантных спирантов, при которых палатализированный спирант *š, характеризующийся артикуляционной нестабильностью, в исторических диалектах сливается с соответствующими свистящими или шипящими спирантами.

Общесемитская система отличается от рассмотренных выше индоевропейской и кавказских языковых систем наличием особого рода интердентальных спирантов — звонкого *ḏ (араб. ḏ, зап.-сем. z, аккад. z) и глухого *ṭ (араб. ṭ, зап.-сем. ṣ, аккад. ṣ) наряду с соответствующими “эмфатическими” фонемами: звонкой *ḏ (араб. ḏ, зап.-сем. ṣ, аккад. ṣ) и глухой *ṭ (араб. ṭ, зап.-сем. ṣ, аккад. ṣ).

Допущение первоначальной глоттализированности так называемых “эмфатических” смычных в семитском могло бы служить основанием для того, чтобы рассматривать и семитские эмфатические спиранты как изначально глоттализированные (такowymi могли быть фонемы *š, *ṭ). Однако наличие в системе эмфатических спирантов и звонкой фонемы *ḏ исключает возможность такого допущения по отношению к этой фонеме (признак “глоттализированности” несовместим с признаком “звонкости”), а при принятии принципа единообразности описания — и в отношении ко всей системе спирантов в целом.

Таким образом, система общесемитских спирантов может считаться отличной от системы смычных и отсутствием в ней признака глоттализации, в качестве функционального эквивалента которого в системе спирантов выступает признак фарингализации - эмфатичности. Не исключено, что именно этот признак, выступающий в системе спирантов, повлиял на фонетическое преобразование глоттализированных смычных в соответствующие фарингализованные (“эмфатические”).

Поскольку признак фарингализации и признак лабиализации есть разновидности единого фонологического признака, определяемого как “бемольность” (*Якобсон/Фант/Халле 1962; Jakobson 1971a*, ср. “округлость” — *Chomsky/Halle 1968: 309—311*), то можно допустить лабиализованность в качестве фонологической разновидности общесемитских “эмфатических” спирантов¹.

¹ Характерно, что при артикуляции эмфатических согласных в некоторых современных арабских диалектах, в частности в египетском арабском, наблюдается сопутствующее огубление (*Harrell 1957: 71*).

В такой интерпретации общесемитская система спирантов проявляет еще большую типологическую близость с реконструируемой системой индоевропейского праязыка и кавказских языков (см. Табл. 12):

ТАБЛИЦА 12

СИСТЕМА ОБЩЕСЕМИТСКИХ СПИРАНТОВ
С РЕИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ «ЭМФАТИЧЕСКИХ»
СПИРАНТОВ КАК «ЛАБИАЛИЗОВАННЫХ»

t	d	d^0	t^0
s	z		s^0
$\$$			
$\$$			

6. ПРИНЦИПЫ СОЧЕТАЕМОСТИ ЛОКАЛЬНЫХ РЯДОВ СМЫЧНЫХ В КОРНЕ И СТРУКТУРА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КОНСОНАНТНЫХ КОМПЛЕКСОВ

6.1. ПРАВИЛА СОВМЕСТИМОСТИ В КОРНЕ СМЫЧНЫХ ФОНЕМ РАЗЛИЧНЫХ РЯДОВ И СЕРИЙ

Реконструкция достаточно полной системы смычных в индоевропейском позволяет в более общем виде сформулировать правила сочетаемости смычных в индоевропейском корне структуры C_1VC_2 - и рассмотреть структуру консонантных сочетаний $C_1C_2VC_3$ -, возникающих в формах с нулевой ступенью корня, а также на стыке двух морфем (в структуре $C_1VC_2-C_3$).

После определения в дифференциальных признаках фонологических противопоставлений фонемных серий и локальных рядов, можно однозначно охарактеризовать каждую фонему системы как пучок дифференциальных признаков, возникающий в определенной точке пересечения серий и локальных рядов. В соответствии с этим, правила сочетаемости смычных согласных в корне, то есть в дистантной последовательности, и в консонантном комплексе, то есть в контактной последовательности, могут быть сформулированы в терминах дифференциальных признаков, характеризующих определенные серии и локальные ряды. Расположение правил сочетаемости смычных в определенном порядке позволяет дать полное и последовательное описание комбинаторики смычных в пределах корня (геср. основы), охватывающей как дистантные, так и контактные последовательности.

Сформулированные выше правила сочетаемости согласных в индоевропейском корне (см. правила 1—4, стр. 18—20) можно расположить в иерархическом порядке в зависимости от числа комбинаций согласных, описываемых каждым из следующих правил:

(a)¹ В корне не сочетаются смычные согласные одного локального ряда²;

В индоевропейском нет корней типа *t'ed^[h] / *d^[h]et'- или *k'ek^[h] / *k^[h]ek'-, *k^[h]ek^[h] и т. п.³

(b)⁴ Согласная серии II не сочетается в корне с согласной серии III, и наоборот, согласная серии III не сочетается с согласной серии II;

В индоевропейском нет корней типа b^[h]et^[h] / t^[h]eb^[h]-, *g^[h]ep^[h] / *p^[h]eg^[h] и др.⁵

Исключением из этого правила является на первый взгляд формулируемая часто как дополнение к нему возможность корней типа s+ глухая согласная — звонкая придыхательная (Meiye 1938 : 191; Meillet 1937; Szemerényi 1972: 143), то есть структурный тип STVD^[h]: др.-инд. *stighnoti* 'подымается', ст.-слав. *stignq* 'иду', греч. *στεΐχω* 'иду', гот. *steigan* 'всходить', др.-ирл. *tíagu* 'иду'.

Однако эта индоевропейская структура не является отклонением от сформулированного выше правила (b) о несовместимости в корне фонем серий II и III, поскольку в корнях этого типа с начальным $\#*s$ - выступает не фонема серии III, как предполагается обычно, а архифонема при нейтрализации противопоставления серий II и III в позиции после начального $\#*s$ - (см. выше о нейтрализации противопоставления в связи с законом Зибса). Таким образом, элемент -T- в приводимом выше типе корня в позиции после начального $\#*s$ - представляет архифонему серий II~III, что в принципе соответствует допустимым типам сочетаемости фонем одной и той же серии II или III.

(c)⁶ В корне не сочетаются друг с другом согласные серии I;

В индоевропейском нет корней типа *k'et'-/*t'ek'-⁷; отсутствие в индоевропейском корней типа *k'ek'-, *t'et'- следует из запрета по правилу (a).

(d) Согласная серии II практически не сочетается в корне с согласными серии I и обратно;

¹ Ср. выше правило (I), стр. 18 и (1'), стр. 96.

² Этот запрет касается и дополнительных локальных рядов: палатализованного велярного и лабиализованного велярного, которые выступают в системе в качестве самостоятельных фонемных рядов, эквивалентных с точки зрения дистрибуции фонемных единиц в корне рядам основных артикуляционных зон.

³ Правило о недопустимости в корне двух идентичных согласных представляет частный случай правила (a), предполагающего запрет на сочетание в корне согласных одного и того же локального ряда. Это же самое относится и к правилу несочетаемости двух лабиальных фонем в корне (ср. Magnusson 1967).

⁴ Ср. выше правило (4), стр. 20.

⁵ Запрет на такие сочетания, как g^[h]ek^[h] / k^[h]eg^[h]-, предусматривается более сильным правилом (a).

⁶ Ср. выше правило (2), стр. 18.

⁷ В традиционной теории это правило формулируется как несочетаемость в корне двух звонких смычных.

Крайне ограничены в индоевропейском сочетании типа *b^[h]lek'-/*k'eb^[h].¹

Сформулированные выше правила сочетаемости шумных согласных в индоевропейских корнях позволяют вывести общее правило сочетаемости согласных в корнях C₁VC₂-:

(е) В общеиндоевропейских корнях структуры C₁VC₂- могут сочетаться друг с другом только согласные, гомогенные по признаку звонкости ~ глухости;

То есть C₁, характеризующийся признаком [+звонкость], предполагает признак [+звонкость] при согласном C₂ и наоборот, признак [-звонкость] при согласном C₁ предполагает [-звонкость] при согласном C₂;

Признак [-звонкость] в сочетании с признаком [+глоттализованность], характеризующий один из согласных, автоматически определяет, по правилу (с), другой согласный как незвонкий (придыхательный), то есть определяет признаки [-звонкость], [придыхательность] при другом согласном.

Таким образом, мы получаем следующую схему сочетаемости согласных по сериям в корне структуры C₁VC₂-:

Допустимые сочетания	Недопустимые сочетания
(1) I ~ III, III ~ I	(1) I ~ I
(2) II ~ II	(2) II ~ III, III ~ II
(3) III ~ III	(3) I ~ II, II ~ I ²

Обозначая три серии индоевропейских смычных общими символами, соответственно T', D^[h] и T^[h], правила сочетаемостей серий смычных в пределах общеиндоевропейского корня структуры C₁VC₂- можно представить в следующем виде:

¹ Из общеиндоевропейских корней в качестве исключения такое сочетание показывает корень *b^[h]lak'- (др.-инд. bhag-, bhaj- 'наделять', bhāga- 'доля', греч. φαγεῖν 'есть', тох. А rāk, если это не иранское заимствование, как и об.-слав. *bogŭ) и название 'бука' *b^[h]lak'o- (с некоторыми диалектными ограничениями, см. ниже).

Корень *k'eg^[h]- 'ветвь' представлен только в германском и балтийском (норв. kage) и не может считаться общеиндоевропейским образованием.

В др.-инд. bhad-gā- 'счастливый' иногда предполагается родство с др.-инд. bhand-, что исключает родство с германским, гот. batiza 'лучший' и возведение его к этому типу корней. Два указанных выше 'общеиндоевропейских' корня этой консонантной структуры стоят особняком по отношению к обычным индоевропейским корням и в смысле характерной для них огласовки *ā в отличие от нормальной огласовки корня *e.

² Это сочетание статистически крайне ограничено и может быть проиллюстрировано на небольшом числе не вполне ясных примеров (см. выше).

Допустимые сочетания	Недопустимые сочетания
----------------------	------------------------

$T'eT^{[h]}$ $T^{[h]}eT'$ $D^{[h]}eD^{[h]}$ $T^{[h]}eT^{[h]}$	$T'eT'$ $D^{[h]}eT^{[h]}$ $T^{[h]}eD^{[h]}$ $T'eD^{[h]}$ $D^{[h]}eT'$
--	---

Полученные выводы иллюстрируют крайнюю ограниченность типов сочетаемости смычных в общеиндоевропейских корнях структуры C_1VC_2 , что в некотором смысле расходится с традиционными представлениями о сочетаемости смычных в общеиндоевропейских корнях (как они формулируются, например, у *Meïe 1938; Lehmann 1952; Szemerényi 1970 : 92; Jucquois 1966 и 1971; ср. Magnusson 1967*).

Предложенные выше правила сочетаемости смычных в индоевропейских корнях характеризуются той особенностью, что они позволяют сформулировать общую основу для ограничений, накладываемых на сочетания шумных в корне. Этот общий принцип выражается в недопустимости сочетания в корне структуры C_1VC_2 двух согласных, гетерогенных по признаку звонкости~глухости. Этим принципом легко объяснить остававшуюся непонятной с традиционной точки зрения несочетаемость в общеиндоевропейском корне согласных серий II~III и III~II, то есть звонких (придыхательных) с глухими (придыхательными), и наоборот.

Из сформулированного общего принципа автоматически выводится сочетаемость друг с другом согласных одной и той же серии, с ограничением, предусматриваемым правилом (а). Исключением из этого принципа допустимости согласных одной серии является запрет на сочетания глоттализированных смычных серии I [правило (с)], находящий типологическое фонетико-фонологическое объяснение.

Таким образом, из трех индоевропейских серий смычных серия I противостоит сериям II и III неспособностью консонантных элементов (глоттализированных фонем) сочетаться друг с другом в корне, тогда как фонемы серии II, как и серии III, совместимы друг с другом в пределах корня (с учетом определенных ограничений на сочетаемость согласных различных локальных рядов, см. об этом ниже). При этом глоттализированные фонемы серии I могут сочетаться в корне с фонемами серии III, тогда как серия II выступает в этом случае в качестве наиболее изолированной серии фонем, не вступающей в синтагматические комбинации с остальными двумя сериями. В этом отношении наибольшую дистрибутивную свободу проявляют фонемы серии III, которые, совмещаясь друг с другом в корне, могут сочетаться и с фонемами серии I (но не серии II) [см. правило (b)].

Эти синтагматические отношения между фонемами различных серий представлены на *Табл. 13*:

ТАБЛИЦА 13
СОЧЕТАЕМОСТЬ В КОРНЕ ФОНЕМ
ТРЕХ СЕРИЙ

I	II	III
(p')	b[h]	p[h]
t'	d[h]	t[h]
k'	g[h]	k[h]
k'	g[h]	k[h]
k'o	g[h]o	k[h]o

6.2. ВАРЬИРОВАНИЕ СМЫЧНЫХ В ПРЕДЕЛАХ КОРНЯ

В рамках допустимых дистантных сочетаний в пределах корня (соответственно основы) в индоевропейском возможно варьирование согласных с дальнейшим распределением корневых вариантов по отдельным индоевропейским диалектам.

Такое варьирование согласных при сохранении смысла корня (то есть при нефункциональной взаимозаменяемости согласных) определялось правилами допустимых сочетаний согласных в корне. Исключался такой вид варьирования согласных, который дал бы структуру корня, недопустимую в силу определенных запретов на сочетаемость согласных. Так, например, корень структуры II—II может варьировать со структурой III—III [но не, допустим, с III—II, II—III, ср. правило (b)]; корень структуры III—III может варьировать со структурой I—III и III—I [но не с I—I, ср. правило (c)]:

II—II~III—III:

И.-е. *g[h]ab[h]. ~ *k[h]ap[h].:

Лат. *habēre* 'держать, иметь', др.-инд. *gābhasti-h* 'рука' ~ лат. *capio* 'беру', 'хватая', др.-ирл. *cacht*, лат. *captus* 'плененный, схваченный', др.-инд. *karāfi* 'две пригоршни';

III—III~III—I:

И.-е. *p[h]ak[h]. ~ *p[h]ak'-:

Лат. *pāx* 'мир', 'умиротворенность', род. п. *pācis*; *paciscō* 'закрываю соглашение, мирюсь' ~ лат. *rangō*, *repigi* 'устанавливаю, укрепляю, закрепляю', греч. πῆγνυμι 'укрепляю';

И.-е. *p[h]eik[h]. ~ *p[h]eik'-:

Др.-инд. *piṁśāti* 'украшает', авест. *paēs-* 'раскрашивать, украшать', лит. *piēšti* '(живо)писать', ст.-слав. *pišu* 'пишу', греч. ποικίλος 'пестрый' ~ др.-инд. *piṅgalā-* 'пестрый', греч. πῖγγαλος, ст.-слав. *pěgŭ* 'пегий'¹.

¹ В основах с одной смычной и сонорным или спирантом естественно снимаются ограничения, накладываемые на сочетаемость смычных и поэтому каждая смычная может в принципе варьировать с другой смычной по всем трем сериям. Однако и в таких случаях

6.3. ОГРАНИЧЕНИЯ, НАКЛАДЫВАЕМЫЕ НА ДОПУСТИМЫЕ В КОРНЕ СОЧЕТАНИЯ СМЫЧНЫХ ПО ЛОКАЛЬНЫМ РЯДАМ. АКЦЕССИВНЫЕ И ДЕЦЕССИВНЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ СОГЛАСНЫХ (ДИСТАНТНЫЕ И КОНТАКТНЫЕ)

После исключения запрещенных по правилам (а), (b), (c), (d) сочетаний согласных остается множество комбинаций¹, на которые, в свою очередь, налагаются определенные ограничения, касающиеся сочетания артикуляционных признаков, относящихся к месту образования (лабиальный ~ дентальный ~ велярный)².

Обозначая фонемы отдельных локальных рядов общими символами *B* (лабиальный ряд), *D* (дентальный ряд), *G* (велярный ряд и его модификации — палатализованный и лабиализованный ряды), можно перечислить все теоретически возможные комбинации фонем соответствующих рядов в пределах корня [учитывая запрет, предусматриваемый правилом (а)]:

<i>Tun</i> (a) 1. <i>B</i> ~ <i>G</i>	<i>Tun</i> (b) 1. <i>G</i> ~ <i>B</i>
2. <i>B</i> ~ <i>D</i>	2. <i>D</i> ~ <i>B</i>
3. <i>D</i> ~ <i>G</i>	3. <i>G</i> ~ <i>D</i>

Такие последовательности смычных в корне C_1VC_2 - в формах нулевой ступени корня могут дать соответственно контактные последовательности C_1C_2 -:

(a) 1. <i>BG</i>	(b) 1. <i>GB</i>
2. <i>BD</i>	2. <i>DB</i>
3. <i>DG</i>	3. <i>GD</i>

Такое распределение смычных в дистантной и соответствующей контактной последовательности в пределах корня определяет структуру корня в отношении одной его существенной особенности, а именно в отношении порядка следования в корне (и соответственно в комплексе — контактной последовательности) смычных в зависимости от локальных рядов, то есть от места их образования.

варьирование наблюдается в основном между глухой глоттализованной и придыхательной фонемой:

*seuk[h]- ~ *seuk'-:

Лат. *sūcus* 'сок', др.-англ. *soċian*, латыш. *sūkt* 'сосать' ~ лат. *sūgō* 'cocy';

*meuk[h]- ~ *meuk'-:

Лат. *mūcus* 'мокрота, слизь', греч. *μύκης* 'гриб', латыш. *mukt* 'тонуть в болоте' ~ лат. *mūgil* 'вид рыбы';

*merk[h]⁰- ~ *merk'⁰-:

Лит. *mėgkiū* 'жмуриться' ~ др.-исл. *mugki* 'темный', рус. *моргать* (ср. *Stang* 1967).

¹ То есть комбинации серий I—III, III—I, II—II, III—III. Все такие комбинации считаются допустимыми в стандартных руководствах по индоевропейской грамматике (см. *Meiße* 1938 : 191 и след.; *Szemerényi* 1970 : 90 и след.), в которых обычно рассматриваются допустимые сочетания серий, но не рядов.

² Эти ограничения обычно не формулируются в виде правил структуры корня. Последние изучаются только в работе *Magnusson* 1967; ср. также *Герценберг* 1972 : 130—138; *Меликишвили* И. 1980.

Порядок следования смычных в корне по этому признаку можно определить как два направления: одно — от передней части полости рта к задней, другое — от задней части полости рта к передней; соответственно тип *a* и тип *b* (см. выше).

Первый тип можно назвать децессивной (или интровертной) последовательностью, второй тип последовательности можно определить как акцессивную (экстрровертную)¹.

В системах с тремя основными локальными рядами смычных (лабиальный, дентальный, велярный) каждая из таких последовательностей может различать три конкретных разновидности:

Децессивная последовательность	Акцессивная последовательность
1. <i>B ~ G</i> лабиальная ~ велярная	1. <i>G ~ B</i> велярная ~ лабиальная
2. <i>B ~ D</i> лабиальная ~ дентальная	2. <i>D ~ B</i> дентальная ~ лабиальная
3. <i>D ~ G</i> дентальная ~ велярная	3. <i>G ~ D</i> велярная ~ дентальная

В терминах двух пар дифференциальных признаков — периферийный ~ лабиальный (непериферийный), anteriорный ~ posteriорный — члены этих последовательностей можно идентифицировать следующим образом (см. Табл. 14):

ТАБЛИЦА 14

Локальные ряды	<i>B</i>	<i>D</i>	<i>G</i>
Дифференц. признаки			
Антериорность	+	+	—
Медиальность	—	+	—

Из таблицы видно, что в системе с тремя основными локальными рядами в децессивной последовательности первый член неизменно характеризуется признаком [+ антериорность], тогда как акцессивная последовательность при двух разновидностях с начальным элементом с отрицательным значением признака [—антериорность] показывает в одном случае значение [+ антериорность].

Индоевропейские корни структуры *C₁VC₂* обнаруживают оба рассмотренных выше типа последовательностей, то есть как децессивную последовательность, так и акцессивную при наличии признака [—медиальность] у обоих членов последовательности, то есть при максимальной артикуляторной дистанции между локальными рядами. Иными словами, ла-

¹ Понятие “акцессивных” и “децессивных” комплексов согласных было впервые введено Г. С. Ахвледиани при описании консонантных комплексов грузинского языка и мыслится им как общefonетическая закономерность, объясняющая исторические преобразования комплексов в языках разных типов (Ахвледиани 1949: 107 и след.; 334 и след.).

биальная фонема может сочетаться с велярной независимо от децессивности или акцессивности последовательности $C(V)C_2$: $B \sim G$, $G \sim B$.

Примеры:

(a) $p^{[h]}lek^{[h]}$: др.-инд. *paśú-* 'скот', авест. *pasu-*, лат. *pecū* 'скот', гот. *faihu* 'деньги', ст.-лит. *pėkus*, др.-прус. *pecku* 'скот';

* $p^{[h]}lek^{[h]o}$: др.-инд. *pácati* 'варит', авест. *ham.pācāiti*, алб. *pjek* 'я пеку', ст.-слав. *pekŏ* 'пеку', тох. А и В *pāk-* 'варить, печь';

(b) * $g^{[h]}ab^{[h]}$: др.-инд. *gābhasti-* 'рука', лат. *habeō* 'имею', гот. *gabei* 'богатство', др.-ирл. *gaibid* 'берет';

* $k^{[h]}ap^{[h]}$: лат. *capīō*, *cēpī* 'хватаю', алб. *kam* 'имею', гот. *ha-fjan* 'поднимать';

При наличии у одного из членов последовательности признака [+медиальность], то есть при немаксимальной дистанции между локальными рядами (типы последовательности 2а, 3а; 2б, 3б), различие акцессивности и децессивности играет существенную роль: допустимы децессивные последовательности $B \sim D$ и $D \sim G^1$, но крайне редка акцессивная последовательность $G \sim D^2$, при еще большей ограниченности акцессивной последовательности $D \sim B^3$.

Большая редкость акцессивной последовательности $D \sim B$ в системе по сравнению с последовательностью $G \sim D$ связана, вероятно, с тем, что

¹ Примеры: $B \sim D$: * $b^{[h]}l̥ed^{[h]}$: др.-инд. *bādhate* 'давит', гот. *bidjan* 'просить, молиться', алб. *bīndem* 'сгибаюсь';

* $p^{[h]}let^{[h]}$: др.-инд. *pātati* 'летит', арап. *apatat* (аорист), авест. *fra-pataiti*, греч. гом. *πέτομαι* 'лечу', *ἐπιτάμην*, лат. *petō* 'домогаюсь, стремлюсь, ищу';

* $p^{[h]}let$: др.-инд. *pāt* 'нога', авест. *pad-*, греч. *πόδες*, лат. *pēs*, хет. *pata-*, иер. лув. *pata-*; $D \sim G$: * $d^{[h]}leg^{[h]o}$: др.-инд. *dāhati* 'горит; жжет', авест. *dažaiti*, алб. *djek* 'жгу', лит. *degù*, ст.-слав. *žegŏ* 'жгу', тох. А *tsāk-* 'жечь', В *tsāk-* 'жечь', ср.-ирл. *daig* 'огонь';

* $t^{[h]}ek^{[h]}$: др.-инд. *daśasyāti* 'служит, поклоняется', лат. *decus*, *decet* 'подобает', греч. *δοκέω* 'сужу', тох. А *tāk-* 'судить';

* $t^{[h]}lek^{[h]o}$: др.-инд. *tākti* 'спешит', авест. *taçaiti* 'бежит', алб. *ndjek* 'преследовать', др.-ирл. *techim* 'бегу', лит. *tekù* 'бегу', ст.-слав. *tekŏ*, тох. В *sake* 'поток'.

² Все примеры этого типа исчерпываются следующими корнями: * $k^{[h]}let^{[h]}$, * $k^{[h]}loft^{[h]}$: авест. *kata-* 'комната', 'кладовая', гот. *hēþjō* 'кладовая', ц.-слав. *котьць* 'cella', ср. рус. *котец* (Фасмер 1964—1973, II: 351); относимые к тому же корню технические термины греч. *κοτύλη* 'сосуд', лат. *catīnus* 'сосуд' (Pokorny 1959: 587) могут представлять собой вторичные производные;

* $k^{[h]}lat^{[h]}$: др.-инд. *śatāyati* 'низвергает', *śātru-* 'победитель'; галл. *caiu-* 'борьба', др.-исл. *hǫð* 'борьба' (Pokorny 1959: 1534);

* $g^{[h]}led^{[h]}$: др.-инд. *gadh-*, *gādhyā-* 'то, за что держатся', др.-фриз. *gadia* 'объединять', ст.-слав. *godŭ*, рус. *год* (Фасмер 1964—1973, I: 426; Mayrhofer 1956, I: 320—321; Pokorny 1959: 423).

³ Засвидетельствовано лишь два ясных примера корней этого типа:

И.-е. * $t^{[h]}lep^{[h]}$: др.-инд. *tāpati* 'согревает', вед. *tāpant-* 'горячий', авест. *tapsan* 'им должно быть тепло', лат. *tereō*, др.-ирл. *té* 'горячий', ст.-слав. *toplŭ* 'теплый';

* $d^{[h]}leb^{[h]}$: др.-инд. *dabhnóti* 'вредит', 'обманывает', кауз. *dambhāyati*, авест. *dab-* 'обманывать', хет. *terpu-* 'унижать, умялять', терп. 'малый'.

эта последовательность показывает в качестве своего первого члена фонему медиального ряда в отличие от фонемы постериорного периферийного ряда в последовательности $G \sim D$.

Таким образом, дентальный ряд маркирован с точки зрения построения таких последовательностей. Пропуская дентальный ряд, можно допустить сочетания в обе стороны, тогда как при участии дентального ряда согласные расположены преимущественно в децессивной последовательности.

Обнаружение отдельных примеров корней, показывающих акцессивную последовательность с немаксимальным расстоянием между членами последовательности не может, естественно, нарушить сформулированного выше положения о крайней ограниченности акцессивных последовательностей согласных этого типа.

Можно с уверенностью утверждать, что распределение согласных в индоевропейских корнях подчинялось принципам децессивного или акцессивного построения при учете признака медиальности $\sim$ периферийности, то есть артикуляторной дистанции.

Обращает на себя внимание огласовка $*a$ в корнях структуры C_1VC_2 - с акцессивной последовательностью смычных. Редкие случаи первичной огласовки $*a$ в индоевропейских корнях структуры C_1VC_2 - обусловлены, по-видимому, акцессивной последовательностью смычных при веларной фонеме в качестве начальной согласной корня (ср. в отличие от этого огласовку $*e$ в акцессивных корнях $*t^{hl}ep^{hl}$, $*d^{hl}eb^{hl}$). Синтагматический фактор акцессивности и заднеязычный характер начальной согласной корня влияют, очевидно, на тембр корневой гласной, превращая ее в максимально открытый гласный звук a (ср. Гамкрелидзе 1979).

6.4. СУПЕРАЦИЯ АКЦЕССИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ И «СПИРАНТЫ БРУГМАНА»

Теория акцессивных и децессивных комплексов (или последовательностей) в индоевропейском дает возможность понять целый ряд преобразований последовательностей смычных в индоевропейских диалектах, обнаруживающих фонетически неоднородное развитие. Целый ряд таких преобразований можно свести к тенденции преодоления — суперации комплексов (как правило, акцессивных), возникающих в корнях с нулевой огласовкой или на стыке морфем¹.

Такие сочетания смычных устраняются по правилам, специфичным для каждого из отдельных индоевропейских языков.

Акцессивный комплекс GD (тип b3), возникающий на стыке морфем, претерпевает различные преобразования в зависимости от различных исторических диалектов.

В хеттском, являющемся преимущественно языком децессивного строя, такой акцессивный комплекс суперируется путем ассимиляции или позднего анаптика:

¹ О суперации акцессивных комплексов см. Ахмедияни 1949: 334 и след.

Хет. *lutta-* 'окно' < **luk-ta-* (и.-е. **luk-t^[h]o-*, ср. др.-в.-нем., др.-сакс. *liohht* 'свет');

Хет. *galattar* 'жидкость', 'сок растения', ср. греч. *γάλα* 'молоко', род. п. *γάλακτος*, лат. *lac*, род. п. *lactis*, ср. сохранение акцессивного комплекса в греческом и латинском, как спорадически и в хеттском в форме *galaktar* с тем же значением (*Friedrich 1952: 95*); ср. при этом нормальное сохранение децессивного комплекса *-tk-*: хет. *ḫatkešnu-*, *ḫatk-* 'притеснять';

Хет. *uttar* 'слово', 'дело' из *uk-tar, и.-е. **uek^[h]o-/uk^[h]o-*: др.-инд. *uák*, *vac-*, *uk-*, греч. *ῥέπος*, *ἔπος* 'слово', лат. *uōx* 'голос'.

В подобных случаях графическое удвоение в хеттском передает, по-видимому, геминированный согласный, а не является чисто графическим средством передачи глухих придыхательных, восходящих к индоевропейским фонемам серии III.

Начальный акцессивный комплекс */*-kt-/* суперируется в индо-иранском путем утери велярного члена последовательности: др.-инд. *turíyaḥ* 'четвертый', авест. *tūrya-* 'четвертый' (и.-е. **k^[h]o¹⁰tur-jo-* 'четвертый', **k^[h]o¹⁰et^or-* 'четыре'). След начальной велярной фонемы в акцессивном комплексе виден в ненаачальной позиции: авест. *āxtūirim* 'четыре раза' (*Szemerényi 1960: 80—81; Mayrhofer 1956, I: 515*).

Другим видом суперации акцессивного комплекса типа *-kt-*, *-gd-* в древнеиндийском является замена его на нормальную для этого языка последовательность *-kṣ-* с вторым фрикативным элементом. Примером такой суперации акцессива *-kt-* могут служить следующие формы:

Др.-инд. *raḁśáḥ* 'крыло', 'сторона, бок' при лат. *pectus* 'грудь';

Др.-инд. *táḁṣati* 'делает, мастерит', 'режет', *táḁṣā* 'плотник' при греч. *τέκτων* 'плотник', *τέκτωνια* ($\approx$ др.-инд. ж. р. *takṣṇī*)¹, *Mayrhofer 1956, I: 468; 1963, II: 184*;

Др.-инд. *ḁṣéti*, *ḁṣiyáti* 'обитает', греч. *κτίζω* 'основываю поселение', ср. *περι-κτί-ται* 'соседи' и др.-инд. *pari-ḁṣit* и т. п.;

Др.-инд. *ḁṣaṇóti* 'ранит', 'бьет', др.-перс. *a-xšata-* 'невредимый', греч. *κτείνω* 'убиваю';

Др.-инд. *ḁṣáyati* 'правит', 'обладает', греч. *κτάομαι* 'приобретаю', перф. *κέκτημαι* 'обладаю'.

Особенно характерна в древнеиндийском замена таких комплексов на нормальную для древнеиндийского последовательность *kṣ*, что объяснимо невозможностью начального сочетания смычных в индо-иранском.

Акцессивное сочетание *[-kt-]* *[-gd-]*, преобразуемое путем суперации комплекса в последовательность *kṣ*, может возникать в древнеиндийском

¹ Обратное развитие *ks > *кт* предполагает в этом и других подобных греческих словах Курилович (*Kuryłowicz 1973a: 97*), но для этого приходится допустить в прагреческом наличие особой фонемы *ç: *ks > *kç > *кт*, причем, как отмечает сам Курилович, этот фонетический закон действовал только при отсутствии морфемного шва (*junction*) между двумя фонемами (*Kuryłowicz 1973a: 98; 1977: 205* и след.). Но др.-инд. *raḁśá-* в этом случае остается необъясненным. При таком допущении остаются необъясненными и хеттские соответствия *tekan*, *ḫartagga-* и др.

также в результате перестановки (метатезы) комплексов [-tk-] [-dg-], входящих к соответствующим индоевропейским дистантным или контактными последовательностям.

Такие преобразования в древнеиндийском предполагаются при сопоставлении: др.-инд. *ṛkṣaḥ* 'медведь', с греч. *ἄρκτος* 'медведь', лат. *ursus* (< *orcsos). Обнаруженное в хеттском соответствующее слово в виде *вин. пад. ед. ч. ḫar-tág-gán* 'медведя' (др.-хет. надпись КВо VII 14, 5): ... *nu-ut-ta ḫar-tág-gán ta-a-an...-iš-ki-mi* 'и тебя как медведя я ...ю' (Гамкрелдзе 1961: 275) можно транскрибировать как [*ḫartkan*], что указывает на наличие комплекса -tk- в древнейшей индоевропейской форме. В древнеиндийском, греческом (и, вероятно, в латинском) происходит перестановка этого комплекса в акцессивное сочетание -kt-, которое и суперируется в древнеиндийском в виде последовательности *kṣ*¹.

В ср.-ирл. *art* 'медведь' (ср. о пракеельтской форме *Натр 1965 b: 222*) можно предположить суперацию акцессивного комплекса **-rk^hl̥t-* путем выпадения велярного элемента: **-rk^hl̥t-* > *-rt-*, ср. аналогичное развитие такого комплекса в др.-ирл. *ro-ort* 'он убил', *претерит 3-го л. ед. ч.* от *org-* 'губить', 'убивать', ср. точное формальное соответствие в хет. (*para*) *ḫarkta* 'он погиб' (с сохраненной группой *-rkt-*).

Аналогичного происхождения в древнеиндийском формы *kṣāḥ*, *kṣmā* 'земля', *kṣamyah* 'земной', соответствующие греч. *χθών*, тох. А *tkañ* 'земля' при хет. *te-e-kán* 'земля', *под. пад. tagnaš*, *лок. tagan* (ср. *Schindler 1967; 1975*).

Хеттская форма представляет полную ступень огласовки корня—индоевропейское **d^hleḡ^hl̥-*, чередующуюся с нулевой ступенью **d^hl̥ḡ^hl̥-* (тох. А *tkañ*, хет. лок. [*tkan*]). В греческой и древнеиндийской формах происходит характерная для греко-арийского ареала перестановка согласных и возникновение акцессивного комплекса [*ḡd^h*], [*kt^h*] (греч. *χθ*— по ассимиляции)², который и суперируется закономерно в виде нормальной для древнеиндийского начальной последовательности *kṣ*.

Акцессивный комплекс [**ḡd^h*] устраняется в данной форме в древнеиндийском и другим путем: в результате выпадения элемента *d^h* в неестественной для древнеиндийского начальной акцессивной последовательности **ḡd^h*: ср. др.-инд. *gmāḥ*, *под. н.* (в сочетании *divás ca gmás ca* 'неба и земли', *Wackernagel / Debrunner 1930, III: 243*), *jmá* 'земля' RV VII 39, 2: *jmayá* 'на земле', параллельно с рассмотренной выше последовательностью *kṣāḥ*, *kṣmā*.

¹ В греческих диалектах суперация такого акцессивного комплекса происходит путем упрощения *тх, кт*: греч. *ἄρκος*, *ἄρκειος*, *ἄρκηλος*. В ряде случаев при начальных акцессивах появляется своего рода вокалическая опора в виде начального *ι* (не выводимого из "ларингального", ср. *Beekes 1969: 19*): *ἰχθύς* 'рыба', *ἰκτινος* 'царский сокол', ср. *Schwyzler 1939, I: 413*. В таких случаях в армянском отсутствует протетический гласный: арм. *jukn* 'рыба', *c'in* 'сокол', *Hovdhaugen 1968: 130*.

² К иллюстрации подобной метатезы уже в историческом греческом ср. *τίκτω* 'рождаю, произвожу' < *ti-tk-ō (ср. аор. *ἔτεκ-ον*), *δάκτυλος* 'палец' (возможно, из *даткυ-λος), ср. *Poulinney 1976: 291*.

В указанных случаях перестановка депессива *[dg^h], *[tk^h] в акцессивный комплекс [gd^h], [kt^h] — явление диалектальное, объединяющее греческий с арийским, с дальнейшим замещением *gd^h → kʂ, уже собственно в арийском как результат суперации акцессива¹.

Эта же форма претерпевает аналогичные изменения начального комплекса с выпадением второго дентального элемента и в ряде других диалектов: тох. В *kerñ* (при тох. А *tkarñ*), лит. *žėmė*, ст.-слав. *zemlja*, лат. *humus* 'земля'.

Не только акцессивный комплекс *gd^h заменяется в древнеиндийском в начальной позиции на нормальную последовательность kʂ. Характерно, что в древнеиндийском не обнаруживаются формы с начальным комплексом, состоящим из двух смычных. Единственное распространенное в начале слова сочетание шумных согласных с начальным смычным — это комплекс kʂ². Поэтому всякий начальный комплекс, состоящий из двух шумных согласных (за исключением также распространенного в древнеиндийском в начальной позиции комплекса st, śt), заменяется в древнеиндийском на kʂ.

Такая замена может коснуться начального комплекса как в заимствованном слове, так и в исконно индо-иранской форме, в которой некогда был закономерно представлен комплекс определенного типа. Начальный комплекс kʂ в таких случаях выступает не в качестве фонетического соответствия определенному комплексу в словах, соотносимых с древнеиндийским, а предстает в качестве заместителя некогда существовавшего комплекса в таких формах. Это очевидно на примере таких древнеиндийских форм, как:

Др.-инд. *kṣū-* 'скот', *kṣu-mánt-* 'обладающий скотом', *puru-kṣū-* 'имеющий много скота', авест. *fšū-* 'скот', ср. др.-инд. *paśūh* 'скот', лат. *pecus*. Характерно, что закономерно предполагаемая форма *pśu- заменяется на комплекс kṣu-.

Аналогичную замену комплекса pt на kʂ следует предположить и в слове *kṣivati* 'плюет' при греч. πτώ 'плюю', πτύαλον 'слюна' (с параллельной заменой этого первоначального комплекса и сочетанием śth, ср. śthivati 'плюет').

Ср. также др.-инд. *kṣáp* 'ночь', авест. *xšapan-*, при греч. φέφας, φέφος,

¹ Ср. предполагаемую для древнеперсидского форму *duxsi- 'дочь', отраженную в элам. *du-uk-ši-iš* (*Benveniste 1966b: 43—48*), ср. авест. *duḡadaḡ-*, *duḡdaḡ-*, при др.-инд. *duhitá*, греч. θυγάτηρ 'дочь'. Образовавшийся после выпадения гласного акцессивный комплекс упрощается в соответствующих формах и в других языках, ср. арм. *dustr*, ст.-слав. *dŭšti*, при лит. *duklė*, гот. *daúhtar* 'дочь'.

² Начальное сочетание ts- встречается всего лишь в трех словах, из которых одно — старая комбинация начального корневого #s- с приставкой: *tsárati* 'ползет' < *t-seletí (*Mayrhofer 1956, I: 540—541*), а два других — *tsáru-* 'ползущее животное' и *tsaru-* 'рукоять меча' (змееобразная) — связываются с первым словом (*Mayrhofer 1956, I: 541*). Начальное #ps- встречается в четырех словах ведийского языка: вед. *psága-* 'радость', авест. *psrati-*, хотанско-сакск. *ššar-*; др.-инд. *psáti* 'жует, глотает', *psu-* 'дыхание' (в сложных словах); *psúga-* (неясное значение, встречается в "Ригведе"), ср. *Mayrhofer 1963, II: 388—389*.

κνέφας, δυόφος, ζόφος 'темнота'; хет. (i)špant- 'ночь' (Goetze 1951: 475; 1954: 357).

В свете рассмотренных выше форм и при учете происхождения в древнеиндийском и греческом соответственно форм *kṣam-* ~ греч. χθών 'земля' и *ḥkṣah* ~ греч. ἄρκτος 'медведь' можно наметить пути происхождения в древнеиндийском форм *kṣiṇāti*, *kṣiṇóti* 'разрушает', при греч. φθίνω 'разрушаю' (ср. греч. κλέος ἄφθιτον 'немеркнущая слава' и др.-инд. *śrávaḥ ákṣitam*) и др.-инд. *kṣárati* 'течет', 'утекает, исчезает', при греч. φθειρω 'порчу' (ср. ἄφθορος 'неиспорченный', др.-инд. *akṣára-* 'неувядаемый'). Оба эти ряда форм восходят, по-видимому, к индоевропейскому корню **debh-* / **dbh-* 'вредить; укорачивать; обманывать', полная ступень которого представлена в др.-инд. *dabhnóti* 'вредит, наносит ущерб', 'обманывает', в пассивной форме 'повреждается', авест. *dab-* 'обманывать, лишать чего-либо', ср. греч. ἀτέμνω 'врежу', 'лишаю', 'укорачиваю' (Pokorny 1959: 240). В приведенных выше греческих и древнеиндийских формах представлена нулевая ступень корня **dbh-* с соответствующими суффиксами в полной ступени. Возникающий таким образом акцессивный комплекс¹ перестраивается в децессивный **bdh* (греческое πδ и с ассимиляцией φδ, ср. выше **xδ* > **χδ* в форме χθών), который и устраняется в древнеиндийском путем замены его нормальной последовательностью *kṣ-*, ср. выше о замене **gdh* > *kṣ* в *kṣam-*.

Предложенное выше объяснение происхождения форм др.-инд. *kṣāḥ*, *ḥkṣah*, *kṣiṇāti*, *kṣárati* при греч. χθών, ἄρκτος, φθίνω, φθειρω с допущением суперации первоначального акцессивного комплекса и заменой его на последовательность *kṣ* в древнеиндийском снимает вопрос о наличии в исходных индоевропейских архетипах этих форм особых фрикативных фонем (так называемых "спирантов Бругмана"), которыми пытались объяснить кажущиеся отклонения от закономерных фонемных соотношений, наблюдаемых в этих формах². Анализируемые формы не могут служить основанием для принятия в индоевропейском особые фрикативные фонем, фонологически отличных от тех сибилантных спирантов, которые были выше постулированы в индоевропейской фонологической системе на основании ряда соответствий, отклоняющихся от известных фонемных соотношений и не объясняемых комбинаторными факторами (см. выше, стр. 116 и след.).

¹ Характерно, что рассматриваемый корень является одним из немногочисленных индоевропейских корней с акцессивной последовательностью смычных.

² См. обзор предшествующей литературы вопроса Gunnarson 1971, а также Wright 1965. Морфологическое объяснение посредством допущения особых инфиксов предлагал Karstien 1971: 256 и след.

СИСТЕМА ГЛАСНЫХ И ТЕОРИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ. СОНАНТЫ И «ЛАРИНГАЛЬНЫЕ» В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

1. СИСТЕМА ГЛАСНЫХ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕХАНИЗМА АБЛАУТНЫХ ЧЕРЕДОВАНИЙ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

1.1. УСЛОВИЯ ПОЯВЛЕНИЯ НУЛЕВОЙ СТУПЕНИ ОГЛАСОВКИ

Одним из основных источников контактных последовательностей согласных следует считать возникновение их в корнях с нулевой огласовкой. Структура C_1VC_2 - в нулевой ступени огласовки, обусловленной, по-видимому, передвижением ударения на последующий или предыдущий слог, дает последовательность C_1C_2 - с акцессивным или децессивным распределением согласных:

* $p^{[h]}le^{[h]}$: греч. $\pi\acute{\epsilon}\tau\omicron\mu\alpha$ 'лечу', др.-в.-нем. *fedara* 'перо', др.-инд. *pátram* 'крыло' ~ * $p^{[h]}l^{[h]}$: греч. аор. $\acute{\epsilon}\pi\tau\acute{o}\mu\eta\upsilon$, $\acute{\epsilon}\pi\tau\alpha\tau\omicron$; $\pi\tau\acute{\epsilon}\rho\acute{o}\nu$ 'крыло';

* $t^{[h]}ek^{[h]}$: греч. $\tau\acute{\epsilon}\chi\omicron\varsigma$ 'дитя' ~ * $t^{[h]}k^{[h]}$: греч. $\tau\acute{\iota}\chi\tau\omega$ 'рождаю' < * $\tau\acute{\iota}\text{-}\tau\chi\text{-}\omega$;

Особенно хорошо обнаруживаются древние индоевропейские чередования полной и нулевой ступеней в корневых структурах с начальным спирантом s-:

* $se\acute{g}^{[h]}$: греч. $\acute{\epsilon}\chi\omega$ 'держу', 'имею' ~ * $s\acute{g}^{[h]}$: греч. $\acute{\epsilon}\sigma\chi\omicron\nu$ (аор.);

*set'- : лат. *sedeō* 'сажу', греч. $\acute{\epsilon}\zeta\omicron\mu\alpha$ 'сажусь' ~ **-st*'- : др.-инд. *nīdā-* 'пристанище' < **ni-zd-* < *ni-st'-, арм. *nist*, лат. *nīdus* 'гнездо'.

При анализе общеиндоевропейских форм с нулевой огласовкой, образованных от корней с двумя смычными, обращает на себя внимание то, что они ограничены структурами, содержащими в качестве первого и второго согласного элемента смычные серии III. Общеиндоевропейская нулевая ступень, то есть аблаутная ступень без собственно гласной, обнаруживается исключительно в корнях типа III ~ III. Несомненные случаи нулевой огласовки общеиндоевропейских корней этой структуры представлены следующими формами:

К о р н и с т р у к т у р ы III ~ III

И.-е. * $p^{[h]}ek^{[h]}$ /* $p^{[h]}k^{[h]}$: лат. *pecū* 'скот, имущество', гот. *faihus* 'скот' / авест. *fšu-yant-* 'скотовод', *fšu-šan-* 'приобретающий (имеющий) скот',

др.-инд. *kṣu-mān-*, *kṣu-mānt-* ‘снабженный кормом (пищей)’, *puru-kṣú-* ‘богатый пищей, богато одаряющий’, греч. *κτεῖς*, *род. п. κτενός* ‘гребень’ (< **κχτεν-*, ср. лат. *pecten* ‘гребень’);

И.-е. **ṛ^[h]et^[h] / *ṛ^[h]t^[h]*: греч. *πέτομα* ‘лечу’, др.-в.-нем. *fedara* ‘перо’, др.-инд. *pátatra-* ‘крыло’ / греч. гом. *ἑπτάμηνον*, *ἑπτατο*; *πῆσις* ‘полет’, *πτέρυξ*, *πτέρον* ‘крыло’, арм. *tir* ‘полет’, др.-инд. (*аор.*) *aparjat*, авест. *tāta-* < **ptāta-* ‘падающий’ (о дожде), ср. греч. *πτωτός*;

И.-е. **t^[h]ek^[h] / *t^[h]k^[h]*: греч. *τέχος* ‘род’ / греч. *τίχτω* < *τί-тх-ω ‘рождаю’;

И.-е. **k^[h]et^[h] / *k^[h]t^[h]*: ст.-слав. *četyre*, греч. *τέσσαρες* ‘четыре’ / др.-инд. *turīya-* < **kturīya-*, авест. *tūirya-* ‘четвертый’.

Другие общендоевропейские корни этой структуры, то есть содержащие две смычные фонемы серии III, при наличии полной ступени с огласовкой *e* не показывают нулевой ступени, то есть ступени без гласной:

**t^[h]ek^[h]*¹⁰: др.-ирл. *techid* ‘бежит’, *intech* ‘путь’, лит. *tekù*, латыш. *teku*, ст.-слав. *tekq* ‘течь, бежать’;

**t^[h]ep^[h]*: лат. *tepidus* ‘теплый’, *tepor* ‘тепло’, др.-инд. *tāpah* ‘жар’.

Отсутствие нулевой ступени в этих формах, в отличие от форм первой группы, обусловлено в случае корня **t^[h]ep^[h]* особой его структурой, выражающейся в нехарактерной для индоевропейского акцессивной дистантной последовательности согласных (см. выше), что отразилось в стабильности вокализма *e* в данном корне; в случае корня **t^[h]ek^[h]*¹⁰ это можно было бы увязать с наличием в корне лабиализованного согласного, имеющего тенденцию не сочетаться с другим согласным в контактной последовательности. В этом отношении представляет интерес форма с нулевой ступенью от рассмотренного выше корня **k^[h]et^[h]*, где возникающая акцессивная последовательность с лабиализованной смычной в качестве первого элемента суперируется в древнеиндийском путем утери начального велярного согласного, ср. др.-инд. *turīya-* из **kturīya-* или же путем более позднего возникновения редуцированного гласного, разъединяющего “трудную” последовательность согласных¹: **k^[h]t^[h]* ⇒ **k^[h]et^[h]*: ср. греч. *πίτυρες* ‘четыре’, лат. *quattuor*, слав. *četyre* (> польск. *cztery*, чеш. *čtyři*).

¹ Такой редуцированный гласный позднейшего происхождения необходимо строго отличать от постулируемых нами более древних редуцированных звуков, давших позднее огласовку *o* в результате появления гласного полного образования. Эта первая редуцированная гласная, так называемое schwa Güntert’a, является значительно более поздним явлением, характерным для отдельных поздних индоевропейских диалектов, в частности италийского, греческого (Petersen 1938) и балтийского (Stang 1966 : 45; 1975 : 45). Schwa Güntert’a дает обычно *a* в отличие от первичных индоевропейских редуцированных, восстанавливаемых как гласные полного образования в зависимости от тембра соседних гласных (в основном как гласная тембра *o*). Однако schwa Güntert’a — явление, типологически аналогичное древнему редуцированному гласному; оно возникает для преодоления определенных комплексов, нехарактерных для отдельных диалектов индоевропейского языка.

Если рефлекс древнего редуцированного гласного наличен во всех индоевропейских

К этому же типу с отсутствием нулевой ступени при лабиовелярном смычном относится, очевидно, корень $*k^{[h]o}ek^{[h]}/*k^{[h]o}k^{[h]}$: др.-инд. *kāś-*, *kāśate* 'быть видимым', 'являться', авест. *ākasaŋ* 'он увидел', *čašman-* 'глаз', ст.-слав. *kažō* 'кажу', *kazati*, *u-kazū* 'указ'.

Общеиндоевропейские корни, содержащие смычные серии II (то есть структуры типа II~II), и корни, содержащие согласные серии I в сочетании с согласными серии III и наоборот (то есть структуры типа I~III, III~I), характеризуются отсутствием общеиндоевропейских форм с нулевой огласовкой¹. Вместо нулевой огласовки в этих структурах выступает огласовка *o*, функционально соответствующая нулевой огласовке в разобранных выше корнях структуры III~III:

Корни структуры II~II

И.-е. $*b^{[h]}leg^{[h]}/*b^{[h]}og^{[h]}$: др.-исл. *bága*, *bægja* 'сопротивляться, противиться' (герм. $*ē$, см. *Pokorny 1959 : 115*) / галл. *bāgauda* 'повстанцы', др.-ирл. *bágaid* 'он борется', *bág* 'борьба', латыш. *buōztiēs* 'сердиться';

И.-е. $*b^{[h]}led^{[h]}/*b^{[h]}od^{[h]}$: галл. *bedo-* 'яма', 'канал', лит. *bedū* 'копаю', лат. *fodiō* 'копаю';

И.-е. $*d^{[h]}leg^{[h]o}/*d^{[h]}og^{[h]o}$: ст.-слав. *žegō* 'жгу', *žešti*, лит. *degū* 'жгу', тох. А *tsāk-* 'гореть', лат. *febris* 'горячка', лат. *foveō* 'грею';

И.-е. $*g^{[h]}led^{[h]}/*g^{[h]}od^{[h]}$: др.-инд. *gádhyah* 'то, за что держатся', гот. *gōþs*, др.-в.-нем. *guot* 'хороший; подходящий', ст.-слав. *godŭ*, *godina* 'год';

И.-е. $*g^{[h]}leb^{[h]}$: греч. *κεφαλή* 'голова', гот. *gibla* 'фронтон', тох. А *špāl* 'голова';

И.-е. $*d^{[h]}leb^{[h]}$: хет. *teru-* 'малый', *ternu-* 'умалывать, унижать'/ др.-инд. *dabhnóti* 'повреждает'. Особняком стоят единичные случаи древнеиндийских форм от этого корня с нулевой огласовкой: др.-инд. *á-dbhu-ta-* 'удивительный', *dabdhá-*, прич. перф. пасс. от *dabhnóti*².

Корни структуры I~III, III~I

И.-е. $*p^{[h]}let^{[h]}/*p^{[h]}lot^{[h]}$: хет. *pedan* 'место', греч. *πέδον* 'почва', арм. *het* 'след', лат. *pēs*, *pod. n. pedis* / гот. *fōtus*, хет. *pata-*, греч. *πούς*, *πόδος* (*pod. nad.*) 'нога'³;

диалектах, и, следовательно, он реконструируется для общеиндоевропейской эпохи, то наличие schwa Güntert'a можно установить лишь в отдельных диалектах, и то эти случаи несводимы друг к другу.

¹ То же самое можно сказать и касательно единичных примеров корней структуры II~I типа $*b^{[h]}lak^{[h]}$ 'доля' (см. выше, стр. 141), представляющего нехарактерное для индоевропейского сочетание и поэтому рассматриваемого нами как недопустимое сочетание смычных в общеиндоевропейских корнях [см. выше, правило (d), стр. 140].

² По корням й (*Pokorny 1959 : 240*) реконструирует нулевую ступень и для авестийских форм (2 л. мн. ч. наст. вр. *dabənaiōā*, *dəbāvaçaŋ*), но это не имеет оснований в авестийской графической передаче этих форм (ср. основу *dəvi-*, *Герценберг 1972 : 36*). Тем сомнительнее предлагаемые По корням нулевые ступени для индоевропейских прарформ, ср. стабильное *e* в хет. *teru-* и *ternu-*, соответствующем в точности др.-инд. *dabhnóti*.

³ Часто цитируемые в сравнительных грамматиках формы с нулевой ступенью от этого корня (др.-инд. *-bd-*, греч. *βδ*) встречаются только во втором члене в словосложении

И.-е. *t'ek^[h]l-/*t'ok^[h]l- : греч. δεξιτερός 'правый', лит. dēšinas 'правый', ст.-слав. desnŭ 'правый', греч. δέχομαι 'принимаю' / греч. δόξα 'мнение', δόγμα 'решение'¹;

И.-е. *t'ek^[h]l-m̥ : др.-инд. dáśa 'десять', лит. dėšimts, ст.-слав. desetŭ¹;

И.-е. *k^[h]let'-/*k^[h]lot'- : др.-инд. kadrú- 'коричневый', греч. κέδρος 'кедр' / ст.-слав. kadilo 'кадило', прус. accodis < *at-codis 'дымоход'.

Таким образом, явные примеры с нулевой огласовкой корня в общеиндоевропейских формах со смычными согласными ограничиваются немногочисленными структурами типа III~III. Во всех остальных допустимых корневых структурах со смычными отсутствуют явные формы с нулевой огласовкой при наличии форм с огласовкой *o.

Ясные примеры форм общиндоевропейского происхождения с нулевой огласовкой, аналогичные формам с нулевой огласовкой со смычными согласными структуры III~III, обнаруживаются в корневых структурах с начальным спирантом s, то есть в структурах типа C₁VC₂, где

$$C_1 \rightarrow s, C_2 \rightarrow \begin{cases} \text{I} \\ \text{II} \\ \text{III} \end{cases} :$$

$$\text{Корни структуры } s \sim \begin{cases} \text{I} \\ \text{II} \\ \text{III} \end{cases}$$

И.-е. *set'-/*st'- : лат. sedeō 'сажу', греч. ἔζομαι, лит. sėdžiu, ст.-слав. sězdo 'сажу', sędo 'сяду' / арм. nstim 'сажусь' < *ni-st' iō, nist, лат. nidus 'гнездо', др.-инд. nīdā- 'пристанище';

И.-е. *sek'-/*sk'- : др.-инд. sājati 'примыкает', ср.-ирл. sén 'ловушка', лит. sėgti 'примыкать' / авест. vohuna-zga- (spā) 'пес, приучившийся к крови';

И.-е. *seġ^[h]l-/*sġ^[h]l- : греч. ἔχω 'имею', 'держу', др.-инд. sáhate 'побеждает', гот. sigis 'победа' / греч. ἔσχω (аор. от ἔχω), σχοίμεν (опт. 1-го л. мн. ч.), авест. 1 л. мн. ч. опт. zāētā;

И.-е. *sek^[h]l-/*sk^[h]l- : др.-инд. á-sak-ra- 'неиссякаемый', лит. sėkti 'падать' (о воде), ст.-слав. isęknŭti 'иссякнуть' / греч. гом. ἔσχετο 'упала' (о воде); редуцированная форма в авест. hišku- 'высохший', валл. hysb;

И.-е. *sek^[h]l^o-/*sk^[h]l^o- : гот. saihvan 'видеть' / др.-ирл. ro-sc < *pro-sk^{wo}- 'глаз'.

ях сравнительно позднего образования после озвончения глоттализированных в отдельных языках и с ассимиляцией начальной согласной и не могут быть возведены к общиндоевропейскому, ср. др.-инд. пра-bdā- 'топот', авест. fra-bda- 'передняя нога', a-bda- 'куда нельзя ступить', греч. ἐλί-βδα 'день после праздника'.

¹ В словосложениях с *t'ek^[h]l^{m̥}l^[h]l-, являющихся, очевидно, сравнительно более поздним образованием, происходит суперация возникающего в результате выпадения гласного недопустимого сочетания t'k^[h]l путем полного устранения первого компонента в последовательности t'k^[h]l, ср. функционально сходную суперацию недопустимого сочетания путем вставления редуцированного гласного (ср. рус. тридцать из *tri-dseti).

Нулевая ступень огласовки также обнаруживается в корнях структуры CVs -, то есть в корнях со спирантом s в качестве второго согласного корня:

И.-е. $*b^{[h]es-}$ / $*b^{[h]s-}$: др.-инд. *bābhasti* 'раздробляет'/др.-инд. *psāti* 'дробит', 'пожирает', греч. $\psi\acute{\alpha}\omega$, $\psi\alpha\acute{\iota}\omega$ 'разрезаю на мелкие куски'; $\#*b^{[h]s-}$ упрощается в $\#*s-$ в названии 'песка' уже в общиндоевропейском: греч. $\psi\acute{\alpha}\mu\alpha\theta\omicron\varsigma$, контаминированное с $\acute{\alpha}\mu\alpha\theta\omicron\varsigma$ 'песок', ср.-в.-нем. *samt*, др.-англ. *sand* 'песок', лат. *sabulum* 'песок';

И.-е. $*b^{[h]es-}$ / $*b^{[h]s-}$: др.-инд. *bābhasti* 'надувает, дует' / греч. $\psi\acute{\upsilon}\chi\omega$ 'дую', $\psi\upsilon\chi\acute{\eta}$ 'дуновение', 'душа';

И.-е. $*k^{[h]es-}$ / $*k^{[h]s-}$: хет. *kišai-* 'расчесывать', ст.-слав. *čeřo* 'чешу' / греч. $\xi\acute{\alpha}\iota\nu\omega$ 'чешу', 'расчесываю'.

Из разобранных выше форм, представляющих достаточно полный список корней структуры C_1VC_2 - с шумными согласными, ясно обнаруживается неожиданный факт малочисленности явных общиндоевропейских примеров с нулевой огласовкой и ее фонологическая обусловленность в корнях с шумными согласными. Полное выпадение гласной допускается лишь в немногочисленных корневых структурах, содержащих только смычные фонемы серии III, а также в единичных случаях в корнях, содержащих фонемы серии II, и в структурах с начальным и конечным спирантом s .

В общем случае такое наличие нулевой огласовки только в корнях структуры III~III и в единичных случаях II~II и отсутствие ее в остальных корневых структурах с другими возможными комбинациями смычных следует объяснить фонологически недопустимостью в контактной последовательности, возникающей в нулевой ступени корней структуры C_1VC_2 -, двух смычных различных серий (то есть II~III, I~II). Следовательно, к ограничениям, накладываемым на сочетаемость смычных в дистантной последовательности в корнях структуры CVC - (см. выше, стр. 18—20, правила 1—4), добавляются в нулевой ступени, то есть в возникающей контактной последовательности, дополнительные ограничения, предусматривающие несоединимость смычных фонем различных серий¹.

В корневых структурах, не допускающих по фонологическим причинам нулевую ступень, обнаруживается тенденция к появлению аблаутной ступени с огласовкой $*o$. В разобранных выше корневых структурах со смычными фонемами, недопустимыми в контактной последовательности согласных приводимым выше правилам, формы с огласовкой $*o$ противостоят формам с нулевой огласовкой в корневых структурах, которые допускают контактную последовательность смычных. В отдельных архаичных индоевропейских образованиях безударная ступень $*o$ появляется именно в тех

¹ Этот принцип гомогенности согласных по сериям в контактной последовательности имеет довольно широкий круг действия в различных языках, например, в северокавказских и южнокавказских. В убыхском и других кавказских языках по Фогту действует следующий принцип:

- (а) за звонкими следуют звонкие, за глухими глухие;
 (б) в группе из двух смычных глоттализуются либо оба члена, либо только один из них (см. Vogt 1963 : 29).

случаях, если в структурах с допустимым в контактной последовательности сочетанием смычных обнаруживается нулевая ступень огласовки (ср. *Kuryłowicz 1956*).

Такое функциональное соотношение между нулевой ступенью в определенных фонологических структурах со ступенью *o в других структурах должно указывать на фонологическую обусловленность нулевой ступени и ступени с огласовкой *o и на их дополнительность, определяемую фонологической структурой корня. Тем самым выводится их изначальная функциональная идентичность в общендоевропейских корнях с шумными согласными (ср. формы типа греч. *λοβός*).

1.2. «СЛАБАЯ» И «СИЛЬНАЯ» СТУПЕНИ ОГЛАСОВКИ И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ГЛАСНЫХ $i \sim a \sim u$. СИСТЕМА «ЛАРИНГАЛЬНЫХ» ФОНЕМ В РАННЕМ ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Устанавливаемая изначальная функциональная идентичность нулевой ступени и ступени с огласовкой *o в корнях определенного типа позволяет восстановить с помощью внутренней реконструкции древнейшие индоевропейские модели вокалических чередований и путей образования позднейноиндоевропейского механизма аблаута.

Для древнейшего индоевропейского состояния можно внутренне реконструировать две основные ступени огласовки корня: сильную ступень, то есть корневую структуру с гласной *V*, и слабую ступень, то есть корневую структуру с отсутствием гласной. Такое выпадение гласной фонемы *V* в слабой ступени может быть соотнесено с переносом ударения с корневого слога на префиксальный или суффиксальный слог.

Основная каноническая форма корня в этот период развития общендоевропейского языка должна была быть представлена структурой C_1VC_2 -, где C_1 и C_2 шумные согласные (вероятно, с разобранными выше ограничениями на сочетаемость), а также сонорные согласные *y, w, r, l, m, n* и особого типа постериорные согласные (видимо, более заднего образования, чем увулярные), так называемые «ларингальные» H_1, H_2, H_3 . Вокалическая фонема *V* проявляется в виде своих вариантов *e* и *a*. При этом основной гласной является гласная тембра *e*, обычная для древнейших индоевропейских корней, тогда как *a* характеризуется значительно более ограниченной дистрибуцией. Довольно недвусмысленными примерами гласной тембра *a* могут служить следующие формы:

Лат. *caecus* 'слепой', др.-ирл. *caech* 'одноглазый', валл. *coeg-ddall* 'одноглазый', гот. *haihs* 'одноглазый', др.-инд. *kekaraḥ* 'косоглазый';

Лат. *lëuir*, греч. *δαήρ* < *δαίφηρ, арм. *tauyr*, др.-в.-нем. *zeihhur*, лит. *dieveris*, рус. ц.-слав. *дѣверь* 'деверь, брат мужа';

Ср.-ирл. *géc*, валл. *cainc* 'ветвь', др.-исл. *hár*, ст.-слав. *соку* 'сук', др.-инд. *śaṅkú-* 'крюк', 'подпорка';

Валл. *ceinach* < *kasnī 'заяц', оск. *casnar*, лат. *cānus* 'серый', др.-в.-нем. *haso*, прус. *sasins*, др.-инд. *śaśá-*, афган. *sōe*, вахан. *sūi*¹.

¹ Если не связано с греч. *μηήνας λαγώους* 'заяц' как 'скакун' (*Schwyzger 1939, I: 302; Mayrhofer 1952: 27—32; Kuryłowicz 1956: 193, примеч. 38*).

Греч. αῖος (гом.), αἶος (аттич.) 'сухой', алб. thárë 'высушенный', др.-в.-нем. sōrēn, др.-англ. sēar, лит. saūsas 'сухой', ст.-слав. suchŭ, рус. сухой, др.-инд. śúṣyati 'сохнет';

Греч. χήν, лат. ānser 'гусь', др.-ирл. géiss < *gansi, др.-англ. gōs, лит. žqsis, рус. гусь, др.-инд. haṁsá- 'водяная птица';

Лат. nāsum (ст.-лат.), nāssus, др.-в.-нем. nasa, прус. nozy, лит. nōsis, ст.-слав. nosŭ, др.-инд. naśá 'нос';

Лат. sāl 'соль', греч. ἄλς, др.-ирл. salann, арм. at, гот. salt, латыш. sāls, рус. соль, ст.-слав. solŭ, тох. В salyiye, др.-инд. sal-ilá- 'море' (< *'соленое', Thieme 1953).

Крайняя ограниченность общеиндоевропейских форм с гласной тембра *a* при обычности тембра *e* отражает первоначальную комбинаторную обусловленность, пока еще не поддающуюся более точному определению, огласовки *a*¹. Если и принимать для позднейиндоевропейского гласную тембра *a* как независимую индоевропейскую фонему наряду с гласной *e* (и *o*, см. Szemerényi 1970), то для более ранних этапов развития индоевропейского следует внутренне реконструировать гласную фонему *V* с комбинаторно обусловленными вариантами *e* (в качестве основного, дистрибутивно менее ограниченного варианта) и варианта *a*, ограниченного определенными комбинаторными условиями, которые были утеряны в дальнейшем, что и вызвало фонологизацию гласного *a*.

Другим источником для гласного тембра *a* служило соседство с "ларингальным" H_2 : $VH_2 \rightarrow aH_2$, $H_2V \rightarrow H_2a$. Примером такого *a* в индоевропейском могут служить формы:

Др.-инд. árjunah 'белый', греч. ἀργός 'белый', ἀργή- 'белый', лат. argentum 'серебро', тох. А ārki; хет. ḫarki- : и.-е. * $H_2ark̄$ -;

Др.-инд. āp- 'вода', dvīpá- 'остров' (< *dvi- H_2p -), авест. āfš, хет. ḫap- 'поток': и.-е. * H_2ap^{h1} -;

Др.-инд. ánti 'напротив', 'перед', греч. ἀντί 'перед', лат. ante, хет. ḫant- 'лоб': и.-е. * H_2ant^{h1} -;

Хет. ḫašša- 'очаг', лат. āra 'очаг', оск. aasai 'в очаге': и.-е. * H_2as -;

Лат. pāscō 'пасти', pāstor 'пастух', др.-инд. pāti 'пасет', 'охраняет', ст.-слав. pastŭ, тох. А pās-, В pāsk- 'охранять', хет. paḫš- 'охранять': и.-е. * $p^{h1}aH_2s$ -;

Лат. pouāre 'обновлять', греч. νεῶω, хет. neḫḫ- : и.-е. * $neḫaH_2$ -.

В качестве другого варианта общеиндоевропейской гласной *V* выступал гласный тембра *o* при сочетании *V* с H_3 в предшествующей или последующей позиции: $VH_3 \rightarrow oH_3$, $H_3V \rightarrow H_3o$:

Греч. ὄρνις 'птица', гот. ara, ст.-слав. orŭlŭ, хет. ḫaraš, род. п. ḫarapaš 'орел': и.-е. * H_3or -.

¹ Ср., однако, выше (стр. 147) об огласовке *ā* в индоевропейских корнях структуры C_1VC_2 , обусловленной, по всей вероятности, фактором акцессивности, с велярной смычной в качестве начального согласного корня. Обращает на себя внимание также участие велярной смычной в части из приведенных выше индоевропейских форм с огласовкой *a (ср. Гамкрелидзе 1979).

Лат. *opus* 'работа, труд', *ops* 'изобилие', др.-инд. *árah* 'работа', авест. *afnah-vant-* 'богатый'; хет. *ḫappar* 'цена, стоимость', *ḫappinant-* 'богатый': и.-е. * $H_3op^{[h]}$ -;

Др.-инд. *áviḥ* 'овца', лат. *ovis*, греч. $\beta\upsilon\tau\iota\varsigma$, $\sigma\acute{\iota}\varsigma$, лит. *avìs*, ст.-слав. *ovъca* 'овца', арм. *hov-iw* 'пастух' (др.-инд. *avi-pālā-*), иер. лув. *hawī-*, хет. *ḫauca-* 'овца': и.-е. * $H_3o\upsilon\iota-$;

Греч. $\beta\acute{\upsilon}\tau\omicron\varsigma$ 'ветвь', арм. *ost*, др.-англ. *ōst*, хет. *ḫaštuir* 'хворост': и.-е. * H_3os- ;

Лат. *dō* 'даю', греч. $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$, др.-инд. *dādāmi*, хет. *daḫḫi* 'беру', нр. вр. *daḫḫun*: и.-е. * $t'oH_3-$.

Постулирование трех "ларингальных" фонем H_1 , H_2 и H_3 в раннем индоевропейском объясняет неравномерность дистрибуции гласных *e*, *a*, *o* и ограниченность гласных *a* и *o* начальной позицией в слове и корнями с позднейшими долгими гласными (ср. классическую индоевропейскую триаду гласных в * $d^{[h]}l\bar{e}-$, * $t'\bar{o}-$, * $st^{[h]}\bar{a}-$ в отдельных индоевропейских диалектах, восходящих соответственно к * $d^{[h]}eH_1-$, * $t'oH_3-$, * $st^{[h]}aH_2-$).

Такое тембральное влияние "ларингальных" на общеиндоевропейскую гласную фонему *V* следует объяснить фонологическими признаками самих "ларингальных", характеризовавшихся, очевидно, постериорной артикуляцией, более задней, чем увулярные фонемы.

Типологические соображения дают основание для рассмотрения этих фонем в качестве фарингальных непрерывных звуков. Благодаря фарингальной артикуляции гласная *V* в соседстве с такой фонемой проявлялась в виде гласного тембра *a*. Тембр *o* объясним с допущением при фарингальных дополнительного признака лабиализованности: $H^\circ V \rightarrow H^\circ o$, $VH^\circ \rightarrow oH^\circ$. Проявление гласной фонемы *V* в виде гласного тембра *e* в соседстве с фарингальной фонемой могло быть связано с дополнительным признаком палатализации при фарингальной: $\bar{H}V \rightarrow \bar{H}e$, $V\bar{H} \rightarrow e\bar{H}$.

Таким образом, наши символы H_1 , H_2 , H_3 могут быть переписаны, при определенной их фонологической интерпретации, соответственно как $\bar{H}$, H , H° . В этой триаде фонем $\bar{H}$ выступает в качестве немаркированного члена при маркированных палатализованном и лабиализованном "ларингальных". Такое противопоставление немаркированного члена маркированным — палатализованному и лабиализованному — отражается и в статистической частотности появления этих фонем в индоевропейском корне: $\bar{H}$ палатальное и H° лабиализованное встречаются значительно реже, чем немаркированное фарингальное H .

Несомненными примерами, иллюстрирующими наличие $\bar{H}$ в корнеслове индоевропейского происхождения в позиции перед гласной, являются формы хет. *ḫekur* 'возвышенность' при др.-инд. *ágram* 'возвышенность', и хет. *ḫenkan* 'судьба', др.-ирл. *écen* 'необходимость' (ср.-валл. *anghen*), греч. $\alpha\nu\acute{\alpha}\gamma\chi\eta$ 'судьба, рок' (о возможном наличии * $\bar{H}$ палатального в корнях типа * $Hes-$ 'быть', * $Het-$ 'есть' и других—см. ниже); в позиции после гласной—формы хет. *teḫḫi* 'кладу', греч. $\tau\acute{\iota}\theta\eta\mu\iota$, др.-инд. *dādāmi*: и.-е. * $d^{[h]}e\bar{H}-$; хет. *meḫur* 'время', гот. *mēl* 'время', др.-инд. *māti* 'изме-

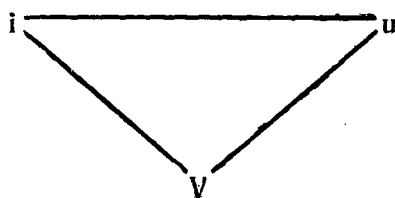
ряет': и.-е. **meH-*; хет. *šeḫur* 'моча', др.-исл. *súrr* 'кислый', ст.-слав. *syǫǫ* 'сырой': и.-е. **seH-*.

Такой трехчленный ряд "ларингальных" фонем создает в системе структурную параллель к трем рядам "гуттуральных": велярному, палатализованному, лабиовелярному (Гамкрелидзе 1960: 89 и след.; ср. Андреев 1957, который рассматривает "ларингальные" согласные как глухие небные спиранты). Такая система фарингальных фонем не только имеет типологические параллели (ср. системы абхазо-адыгских языков, Allen 1956, а также некоторых нововосточно-иранских диалектов, Эдельман 1973), но вместе с тем оправдана внутренними структурными соотношениями в самой индоевропейской системе.

Таким образом, гласная фонема *V*, постулируемая для раннего периода общеиндоевропейской языковой системы, проявлялась в виде гласного тембра *e* (основной вариант фонемы), а также в виде гласного тембра *a* (в отдельных редких случаях и в соседстве с *H*) и гласного тембра *o* (в соседстве с фонемой *H*⁰). Наряду с гласной фонемой *V* для этого периода общеиндоевропейской системы следует постулировать узкие гласные *i (переднего ряда) и *u (заднего ряда)¹, проявляемые в таких стабильных по вокализму общеиндоевропейских формах, как лат. *quis, quid* 'кто, что', оск. *ris, rid*, др.-ирл. *cid*, греч. $\tau\iota\varsigma$, др.-инд. *kíḥ, kím*, ст.-слав. *čĭ-to*: и.-е. **k^[h]oj-*; др.-инд. *kú* 'где', крит. $\delta\text{-}\pi\omega\iota$, сирак. $\pi\omega\varsigma$, алб. *kur*, лит. *kuĩ*, ст.-слав. *kŭ-de*, лат. *-cubi* (*nē-cubi, sī-cubi, ali-cubi*), хет. *kuḫari* 'когда-либо', *kuḫatta* 'куда-либо' и др.

Таким образом, для древнейшего периода общеиндоевропейского языка можно внутренне реконструировать систему гласных в виде двуступенчатого треугольника с противопоставлением гласных по признаку открытости (низкий *V* ~ высокие **i, *u*), переднего образования (антериорные) и заднего образования (постериорные)²:

Схема 1

Такое *V* могло фонетически реализоваться в виде трех открытых гласных звуков — соответственно более переднего (ср. фонетически [æ] откры-

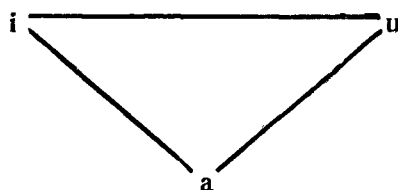
¹ Ср. о возможности допущения *i* и *u* в качестве первичных гласных Kurylowicz 1956: 393 и Szemerényi 1970: 129; см. также Мельничук 1979.

² Такой треугольник гласных ("нейтральный" ~ передний ~ задний) находится в системе в структурном соответствии с тремя рядами "гуттуральных" и "ларингальных": "нейтральный" (велярный) ~ палатализованный ~ лабиализованный.

тое), среднего (чистое [α]) и заднего ряда (заднее [a], фонетически близкое к [ɔ]). В нашей записи эти аллофоны гласной фонемы передаются соответственно латинскими символами *e*, *a*, *o*¹.

Такая система гласных, реконструируемая для определенного этапа развития индоевропейского языка, находит ближайшую параллель в обще-семитской системе вокализма с двухступенчатым треугольником гласных:

Схема 2

1.3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛОГОВЫХ СОНОРНЫХ ЗВУКОВ И ОБРАЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОНАНТОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ. ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ГЛАСНЫЕ *i и *u КАК ЧЛЕНЫ СОНАНТИЧЕСКОГО КЛАССА ФОНЕМ

Для общеиндоевропейского языка раннего периода следует восстановить два основных класса фонем: собственно согласные, включавшие в себя наряду с шумными согласными и сонорные согласные *y*, *w*, *r*, *l*, *m*, *n*, “ларингальные” *H*₁, *H*₂, *H*₃ и собственно гласные *V* (с вариантами *a*, *e*, *o*), *i* и *u*. Система осложнялась фонологически релевантным подвижным динамическим ударением, перенос которого в последовательности с одной морфемы на другую образовывал парадигматические противопоставления при формообразовании и словообразовании (ср. *Kiparsky 1973*). При таком переносе динамического ударения с одного слога на другой следует допустить ослабление безударной гласной, выражаемое в редукции гласной или в полном ее выпадении в корнях, где при таком выпадении возникали допустимые для индоевропейского контактные сочетания согласных.

Разобранные выше общеиндоевропейские формы дают основание предположить, что полное выпадение гласных могло произойти лишь в корнях со смычными серии III или в корнях с начальным или конечным спирантом *s*. В остальных структурных типах можно предположить не полное выпадение гласной в слабой (то есть в безударной) ступени, а редукцию гласной полного образования и появление на ее месте нефонологического сверхкраткого гласного, символизируемого знаком *ə. Такую разновидность слабой ступени, определяемую фонологической структурой корня, можно

¹ Такая система вокализма, реконструируемая для раннего индоевропейского состояния, находится в полном соответствии с типологическим выводом о распространенности вокалических систем с противопоставлением по двум признакам *высокий ~ низкий* и *компактный ~ диффузный* (*Jakobson 1971a*; ср. *Andersen 1972: 1140*).

было бы назвать ступенью редукции с нефонологическим гласным, являющимся вариантом нуля.

Таким образом, наряду с сильной ступенью, то есть со ступенью с нормальной подударной огласовкой корня, следует постулировать слабую, то есть безударную ступень, проявляемую в виде двух вариантов, обусловленных фонологической структурой корня: нулевой ступени и ступени редукции:

I. $C_1V_1C_2-V_2C_3-$

II. $C_1V_1C_2-V_2C_3-$

I. *Сильная ступень* (соответствующая полной или нормальной ступени в терминах традиционной индоевропеистики);

II. *Слабая ступень* } а. *Нулевая ступень* } в зависимости от фоноло-
 } б. *Ступень редукции* } гической структуры корня.

В корнях с сонорными y, ω, r, l, m, n слабая ступень проявлялась, как правило, в виде ступени редукции, то есть при сонорном возникла редуцированный гласный звук, являвшийся своего рода фонетической опорой сонорных в соседстве с шумными.

Обозначая сонорные общим символом S , то есть при

$$S \rightarrow \begin{pmatrix} y \\ \omega \\ r \\ l \\ m \\ n \end{pmatrix}$$

получаем в слабой ступени следующие возможные структуры с редуцированным гласным:

$SVC- \rightarrow S_a C-$

$CVS- \rightarrow C_a S-$

Подобные сочетания редуцированного гласного с сонорным приводили в дальнейшем к образованию слоговых сонорных:

${}_a S // S_a \rightarrow \mathcal{S}$,

то есть

${}_a y // y_a \rightarrow i$

${}_a \omega // \omega_a \rightarrow u$

${}_a r // r_a \rightarrow \mathcal{r}$

${}_a l // l_a \rightarrow \mathcal{l}$

${}_a m // m_a \rightarrow \mathcal{m}$

${}_a n // n_a \rightarrow \mathcal{n}$

Образование слоговых сонорных из сонорных фонем в ступени редукции приводит к установлению субфонемных соотношений между слоговыми сонорными и соответствующими неслоговыми сонорными в формах сильной ступени. В формах типа:

*t'ey-k[h] : t'ay-k[h] → t'i-k[h]
 *b[h]ew-d[h] : b[h]əw-d[h] → b[h]u-d[h]
 *t'er-k[h] : t'ər-k[h] → t'ɾ-k[h]
 *b[h]en-d[h] : b[h]ən-d[h] → b[h]ŋ-d[h]
 *p[h]el-t[h] : p[h]əl-t[h] → p[h]l-t[h]

и им подобных, сонорные *y, w, r, l, m, n* чередуются в формах слабой ступени, то есть в структурах без гласной, соответственно со слоговыми элементами *i, u, ɾ, l, m, n*. Это приводит к их фонологической идентификации и к рассмотрению слоговых *i, u, ɾ, l, m, n* и соответствующих неслоговых *y, w, r, l, m, n* как комбинаторных вариантов единых фонемных единиц, проявляемых в зависимости от фонетического окружения в виде слоговых или неслоговых вариантов.

Образование слоговых вариантов сонантов путем слияния редуцированного гласного с сонорными *y, w, r, l, m, n* приводит к преобразованию редуцированного варианта слабой ступени в ее нулевой вариант, то есть слабая ступень проявляется в корнях с сонантами, происшедшими из более ранних сонорных согласных, не в виде ступени редукции, а в виде нулевой ступени огласовки, совпадающей по признаку полного отсутствия в ней гласной фонемы *V* с некоторыми типами корней с шумными согласными. Тип **lej-k[h]*⁰ дает в слабой ступени **li-k[h]*⁰, тип **b[h]ey-d[h]* дает **b[h]ud[h]* и т.д. с нулевой огласовкой корня. Эти процессы должны были привести к образованию в позднем общеиндоевропейском хорошо известного типа чередования полной и нулевой ступеней огласовки в формах с сонантами *eĭ: i, eĭ:u, er:ɾ, el:l, en:n, em:m*.

Общеиндоевропейский тип аблаута корней с сонантами

Сильная (нормальная или полная) ступень:

eĭ

греч. εἶμι, др.-инд. *éti* 'иду',
греч. λείπω 'оставляю'

eĭ, ĩe

греч. πύθωμαι 'узнаю',
др.-инд. *bódhate* 'пробуждается',
'замечает';
др.-в.-нем. *weban* 'ткать'

греч. ἑκόν (прич.) 'добровольный', др.-инд. *vás-mi* 'хочу', хет. *mek-mi* 'хочу'

er

греч. κῆρ 'сердце', хет. *kir* 'сердце',
прус. *seyr* 'сердце'

Слабая (нулевая) ступень:

i

греч. ἴμεν, др.-инд. *imáh* 'идем',
греч. ἔλιπον 'оставил'

u

греч. ἐπιθεῖν 'заметил',
др.-инд. *bud-dhá-* 'пробужденный';

др.-инд. *ubhnáti, umbhāti* 'ткет',
авест. *ub-daēna-*; греч. ὑφή 'ткань';
др.-инд. *usánt-* 'желающий', авест. *usant-*

ɾ

греч. καρδιά, хет. *kardijaš* 'сердца'
(род. пад.), лит. *širdis*

греч. φέρω 'несу', лат. *ferō*, ст.-слав. *berq*, др.-инд. *bhárati*, арм. *berem* др.-инд. *bhr-tá-h* (прич. прош. вр.)

el

!

греч. ἀμέλω 'дою', др.-инд. *mār-ṣṭi* 'трет', др.-в.-нем. *melchan*, др.-англ. *melcan*, лит. *mélžu* 'дойть' др.-инд. *mṛṣṭá-*, лат. *mulctus* (прич. прош. вр.); ср.-ирл. *mlicht, blicht* 'молоко'

em

m

гот. *qiman* 'приходить', 1 л. мн. ч. *qemim*, тох. А *kām-*, В *kām-*, авест. *jamaiti* < *k^oemeti греч. βάτην (аор. от βαίνω 'иду'), вед. *ágan* (аор. от gam- 'идти'); *gatá-* (прич. пр. вр.) < *k^om-

en

n

греч. πείσμα 'канат', πειθερός 'тесть' (< 'связанный свойством'), др.-инд. *badhnáti* 'связывает', гот. *bindan* 'связывать', лит. *beñdras* 'товарищ'. др.-инд. *baddhá-* (прич. прош. вр.) 'связанный'.

Такие фонетико-фонологические преобразования в индоевропейском должны были привести к расщеплению класса согласных фонем на класс собственно согласных и на класс сонантов [*i, u, r, l, m, n*], то есть фонем, проявляемых в зависимости от позиций в виде своих слогообразующих и соответствующих неслогообразующих аллофонов (в отличие от собственно согласных, которые во всех допустимых для них позициях представлены в виде неслогообразующих элементов, и от собственно гласных, которые во всех позициях проявляются исключительно в виде слогообразующих элементов). Следовательно, сонанты характеризуются признаками [$\pm$ слоговость] в отличие от собственно согласных, имеющих признак [$-$ слоговость], и собственно гласных, имеющих признак [$+$ слоговость].

Эти преобразования в системе общеиндоевропейских согласных и возникновение класса сонантов должны были привести к существенной перестройке системы гласных. В частности, первоначальные высокие гласные *i* и *u* в условиях появления класса сонантов с элементами [*i*] и [*u*] в качестве слоговых аллофонов сонантов *i, u* отождествляются со слоговыми аллофонами последних, выступающих в формах с нулевой огласовкой. Тем самым первоначальные гласные *i, u* причисляются к классу сонантов в качестве слоговых аллофонов соответственно фонем [*i, u*]. Эти гласные, не подвергавшиеся ранее чередованию с какими-либо неслоговыми элементами, вовлекаются в механизм чередований сонантических элементов, чем и стирается окончательно связь этих фонем с классом собственно гласных.

Вторичное переосмысление изначального гласного ([i] или [u]), появляющегося только в нулевой ступени, в качестве слогового аллофона соответственно фонем [i̥] или [u̥] могло привести в отдельных случаях к вторичному образованию сильной ступени (то есть ступени с полным гласным), наряду с этой ступенью без собственно гласной.

Этот процесс имеет, очевидно, место при параллельных показателях индоевропейского локатива *-i/*-ei, из которых форма подударного локатива *-i является несомненно древнейшей, отражающей, очевидно, древнюю гласную фонему *i в сильной ступени: греч. лод-í, др.-инд. *pad-í* 'в ноге', *dat-í* 'в зубе', *janas-í* 'в роде', хет. *periš-i* 'на небе', при позднейшем слав. *nebes-i* 'на небе'. Не исключено, что и другие формы с полной огласовкой, включающие дифтонги *eĭ*, *eĭ*, которые в нулевой огласовке представлены в виде *i* и *u* и приводятся для иллюстрации чередования полной ступени с нулевой, представляют собой более поздние образования от корней с изначальными гласными *i, *u, отождествленными со слоговыми сонантами [i] и [u] в формах с нулевой огласовкой¹.

1.4. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ «ЛАРИНГАЛЬНЫЕ» КАК ФОНЕМЫ СОНАНТИЧЕСКОГО ТИПА

В корнях с «ларингальными» фонемами вокалическая фонема V проявлялась, как было указано выше, в виде гласных *e*, *a*, *o* в зависимости от качества «ларингальной» фонемы. В слабой ступени, как и в корнях с сонорными, возникала не нулевая огласовка, а редуцированная огласовка, выражавшаяся в наличии сверхкраткого гласного звука неясного тембра *a*:

$$\begin{array}{ll} CeH- & \Rightarrow C_a H- & HeC- & \Rightarrow H_a C- \\ CaH- & \Rightarrow C_a H- & HaC- & \Rightarrow H_a C- \\ CoH^o- & \Rightarrow C_a H^o- & HoC- & \Rightarrow H^o_a C- \end{array}$$

Аналогично сочетанию редуцированного гласного с сонорным подобное сочетание непрерывных фарингальных фонем с предшествующим или последующим редуцированным гласным звуком должно было образовывать слоговые единицы, противостоящие соответствующим неслоговым как варианты единой «ларингальной» фонемы². Тем самым ступень ре-

¹ В этом отношении любопытна теория чередований у индийских грамматиков, согласно которой за исходную ступень чередования принимаются формы с *i*, *u*, а формы с дифтонгами *āi*, *ū* считаются ступенью *gīra* (возвышением, дополнительной ступенью). В индоевропейском имели место, по-видимому, как процессы редукции полных гласных и образования слоговых элементов, так и в отдельных случаях процессы вторичного образования гласной в корнях с *i*, *u*, восходящих к первоначальным вокалическим единицам, следы которых зачастую трудно установить ввиду наложившихся новых отношений, затемняющих первоначальную схему распределения фонемных единиц.

² Типологической параллелью фонетическим особенностям предполагаемой индоевропейской «ларингальной» фонемы может послужить фонетический характер семитических фарингальных фонем *ħ* и *ʕ*, определяемых соответственно как глухой фарингальный спирант и ларингализованный фарингальный (*Ferguson/Moukhter et al. 1961; Ladefoged*

дукции в корнях с “ларингальными” превращается в нулевую ступень огласовки со слоговыми элементами, представляющими разновидность соответствующих неслоговых “ларингальных” в формах сильной ступени, то есть в формах с нормальной огласовкой.

Слоговые и неслоговые “ларингальные”, находящиеся в дополнительном распределении, выступают тем самым в качестве особых фонем со слоговыми и соответствующими неслоговыми вариантами, примыкая к классу сонантов.

Такие соотношения и предполагались Соссюром при постулировании в индоевропейской системе особых фонем, определяемых им в качестве “сонантических коэффициентов”¹.

Образовавшиеся таким образом слоговые варианты “ларингальных” и представляют собой так называемое *schwa Indogermanicum*, определяемое в исторических языках соответствиями: др.-инд. *i* ~ греч. *α* (ε, ο) ~ итал. *a* ~ балт.-слав. *a*;

Сильная (нормальная)
ступень:

*d^[h]eh-

Др.-инд. *dádhāmi*, греч. *τίθημι*, хет. *teḥhi* ‘кладу, ставлю’;

*t’oh°-

Др.-инд. *dádhāmi*, греч. *δίδομι*, лат. *dō* ‘даю’, хет. *dahhi* ‘беру’;

*st^[h]ah-

Др.-инд. *tīsthāmi*, греч. *τίσταιμι* ‘ставлю’.

Слабая (нулевая)
ступень:

*d^[h]əh- → *d^[h]h̄-

Др.-инд. *hitá-h* (вед. *-dhita-* в словосложениях), греч. *ἔτος* (прим. нр. вр.);

*t’eh°- → *t’h̄-

Др.-инд. *á-dita*, греч. *δοτός*, лат. *dātus* (прим. нр. вр.);

*st^[h]əh- → *st^[h]h̄-

Др.-инд. *sthitá-*, греч. *στατός*, лат. *stātus* (прим. нр. вр.).

1971: 41—42 и табл. 24). Обладая способностью влиять на тембр соседних гласных, звонкий фарингальный может выступать в определенных позициях в качестве слогового элемента. В частности, в начальной позиции перед согласным или в конечной позиции после согласного, а также в позиции между начальным согласным и гласным, ср., например, в арабском диалекте Бейрута такие формы, как *tʒallam* ‘он выучил’ (позиция #C—V), *sabʒ* ‘семь’, *ʒamʒ* ‘петь’ (позиция C—#), *ʒtaraf* ‘он признался’ (позиция #—C), см. *Mattson 1911: 100—101*; о двойственной консонантной и слоогообразующей фонетической природе, присущей звонкому ларингализованному фарингальному согласному, см. также *Vergote 1945: 72—73*; ср. *Keiler 1970: 83* и след. о семитских фонетических параллелях индоевропейским “ларингальным”. Любопытны в типологическом отношении также данные кабардинского языка, в котором, согласно *Яковлеву 1923*, фарингальная фонема *h̄* может реализовываться в виде слоогообразующего элемента. Такие фонетические параллели из разных языков, иллюстрирующие слоговой характер некоторых проявлений фарингальных звуков, могут служить надежной типологической основой для допущения слоогообразующего и неслоогообразующего характера постулируемых индоевропейских “ларингальных”.

¹ К критическому библиографическому обзору “Ларингальной теории”, начиная с “Мемуара” Ф. де Соссюра, см. *Polomé 1965*; ср. также *Szemerényi 1973*.

1.5. ФОРМЫ ПОЛНОГЛАСНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ РЕДУЦИРОВАННОЙ
СТУПЕНИ ОГЛАСОВКИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТРЕУГОЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
ГЛАСНЫХ $e \sim a \sim o$

В корнях с шумными согласными структуры C_1VC_2 -, в которых фактически отсутствуют формы со слабой ступенью, в отличие от корней того же типа с определенной фонологической структурой, в которых слабая ступень представлена в виде нулевой огласовки (см. выше), отсутствие слабой ступени следует объяснить позднейшими преобразованиями и вторичным появлением форм с полной огласовкой. Слабая ступень в корневых структурах могла быть представлена, как было указано выше, лишь в виде редуцированной ступени с наличием сверхкраткого гласного неясного тембра, который и разъединял недопустимые в контактной последовательности согласные, составляющие консонантные элементы корня.

В отличие от структур с сонорными фонемами такой редуцированный звук в структурах описываемого типа не сливался со смежным консонантным элементом, образуя его слогообразующий вариант, а восстанавливался в корне в безударной позиции в виде гласной полного образования. Такой восстановленный редуцированный гласный характеризовался, как правило, тембром o или в редких случаях тембром e , в зависимости от влияния соседних фонем вокалического или консонантного класса.

Довольно ясным примером такого восстановления гласного полного образования с тембром e из первоначального редуцированного может служить основа $*neb^{[h]}les-$ < $*n_{\text{э}}b^{[h]}lés-$: др.-инд. *nābhaḥ* 'туман', 'небо', хет. *nepiš* < *nepes-*, ст.-слав. *nebo*, *nebesе*, *nebesi* 'небо', лит. *debesis*, греч. *νέφος* 'облако, туча'; ср. также типологически хеттские формы типа *ueten-i* 'в воде' с подобной гармонией гласных¹.

В других случаях нормальным развитием постулируемого редуцированного гласного нужно считать развитие его в гласный тембра o . Этим может быть объяснено отсутствие в целой группе корней определенной структуры форм со слабой (нулевой) огласовкой и наличие в них функционально тождественной во многих случаях огласовки o .

Такое o , возникшее из редуцированного гласного, можно допустить в указанных выше индоевропейских корневых структурах с шумными согласными (см. стр. 154—155), в которых закономерно отсутствуют формы с нулевой огласовкой². Основанием для подобного утверждения

¹ Другое направление развития, ведущее к возникновению огласовки o , могло быть связано с влиянием соседних фонем, в частности сонантов. Послеударное e могло привести в подобных позициях к образованию огласовки o , в результате чего возникало парадигматическое чередование типа греч. *λέγομεν* 'говорили' при *λέγετε*, *πατήρ* 'отец' при *ἀπ'ατ'ωρ* 'не имеющий отца'; *δοτήρ* 'дающий' при *δότηωρ*; *φρήν* 'душа', 'разум' при *ἄφρων* 'безумный' и др., ср. *Mańczak 1960*.

² До возникновения полного гласного o из $*\text{э}$ нужно допустить существование в системе "слоговых" шумных $*\text{э}C$, которые преобразовываются в дальнейшем в последователь-

является именно тот факт, что такие формы с огласовкой *o не обнаруживают, как правило, форм с нулевой огласовкой. К этому же типу относятся следующие индоевропейские формы с огласовкой *o при отсутствии нулевой огласовки, проявляющие особую древность (ср. *Kuryłowicz 1956: 280*):

Др.-инд. *kákṣā* 'подмышка', авест. *kaša-* 'плечо', лат. *coxa* 'бедро', др.-ирл. *cois* 'нога', др.-в.-нем. *hāhsina* 'голень': и.-е. *k^[h]ek^[h]s-;

Лат. *corulus* 'орех', 'желудь', др.-ирл. *coll* 'орешник', др.-в.-нем. *hasal(a)*, ст.-лит. *kasulas*: и.-е. *k^[h]os-(e)lo-;

Лат. *hosti-s* 'гость', 'чужой', 'враг', др.-исл. *gestr* 'гость', ст.-слав. *gostĭ*: и.-е. *g^[h]os-t^[h]i-;

Др.-инд. *pāti-*, авест. *paiti-* 'господин', 'супруг', греч. *πόσις* 'хозяин' (ср. *δέσ-πότης*), лат. *potis* 'могущий', гот. *-faps* (в сложениях типа *brūþ-faps* 'жених'), тох. *pats* 'супруг', лит. *pàts* 'супруг', *pāt* (частица), хет. *-pat* 'именно', 'сам(ый)' (частица): и. е. *p^[h]ot^[h]-;

Лит. *núogas* 'голый', латыш. *niōgs*, ст.-слав. *nagŭ*, лат. *nūdus*, гот. *naqaps*, др.-ирл. *nocht*, греч. *γυμνός*: и.-е. *nog^[h]o-.

В единичных случаях, в частности в греческом, редуцированный гласный звук восстанавливается в виде *u* под влиянием лабиального элемента (признака) последующей смычной фонемы, который передается предшествующему гласному:

*neg^[h]o- ⇒ *nəg^[h]o- ⇒ *nug^[h]o-.

К этому же типу относится индоевропейское *nek^[h]o-t^[h]-: хет. *nekut-* 'вечер'. Степень *o из первоначальной редуцированной огласовки представлена в формах лат. *nox*, *rod. n. noctis*, гот. *nahts*, ст.-слав. *noštĭ* 'ночь'. В греч. *νύξ* 'ночь' -υ- возникает под влиянием признака лабиализации фонемы *k^[h]o, благодаря чему образуется засвидетельствованная в греческом форма с огласовкой *u*.

Сюда же следует отнести индоевропейскую форму *uok^[h]o-, по-видимому, с вторичной огласовкой *o из редуцированного гласного в слабой степени: лат. *uox* 'голос', др.-инд. *uāk* 'слово', авест. *uāxš*. Нормальная степень с огласовкой *e* представлена в греч. *ἔπος* < *Ἔπος* 'слово'.

Приведенные выше индоевропейские основы с огласовкой *o* могут быть возведены к формам, в степени редукции которых редуцированный гласный восстановился в виде гласного полного образования тембра *o*. Этим и объясняется отсутствие в них форм с нулевой огласовкой, хотя по общей структуре корня нулевая огласовка в них была фонетически допустимой. По-видимому, в основах этого типа существовали дополнительные ограничения, исключавшие возможность появления нулевой степени.

ность -oC. Процесс этот, очевидно, аналогичен более позднему процессу превращения слоговых *ɣ*, *ɟ*, *ɥ*, *ɥ* (которые фонетически представляли собой сочетание *ə* с последующими сонорными) в последовательности согласных *g*, *l*, *m*, *p* с гласными полного образования.

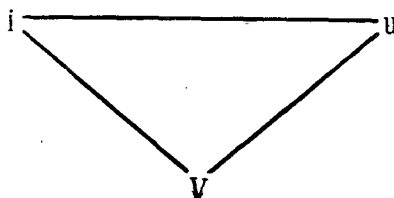
Обращает на себя внимание то, что эти структуры, как правило, характеризуются наличием смычных заднего образования (“гutturальных”). Не исключено, что появление гласного полного образования тембра *o* из первоначального редуцированного было обусловлено характером заднеязычных смычных. В этом отношении весьма любопытна греческая форма γυφύς ‘голый’, корневая гласная которой в виде *u* носит явные следы влияния последующей лабиовелярной фонемы.

Таким образом, одним из источников гласного звука тембра *o* в раннем общеиндоевропейском можно считать, наряду с тембральным влиянием “ларингального” H_3 , восстановление редуцированного гласного в виде гласного тембра *o* в корневых структурах со смычными согласными. Тот же редуцированный звук, выступавший в качестве вокалической опоры консонантных элементов, давал в сочетании с “ларингальными” и сонорными, сливаясь с ними, соответствующие слоговые элементы (см. об этом выше), в результате чего в индоевропейском возникает особый класс сонантических фонем [*i*, *u*, *ɣ*, *l*, *m*, *n*], к которому примыкает класс “ларингальных” или “сонантических коэффициентов” [H_1 , H_2 , H_3]. Такое развитие редуцированного звука *a при шумных согласных, с одной стороны, и при сонорных и “ларингальных”, с другой, предполагает отсутствие в общеиндоевропейском этого периода гласного *o* в корнях с сонантами.

Появление гласного тембра *o* в соседстве с “ларингальным” H_3 и возникновение гласного тембра *o* из редуцированного гласного в корневых морфемах с шумными согласными, а также в некоторых определенных условиях в ряде служебных морфем (ср. частицы типа * $k^{[h]}$ om, *som, окончания типа *-os, *-om), с одной стороны, и появление гласного тембра *a* в соседстве с “ларингальным” H_2 , а также в некоторых других фонетических окружениях, с другой, должно было вызвать возникновение контрастных позиций, в которых гласные *e*, *o*, *a* противопоставлялись друг другу как самостоятельные фонемные единицы.

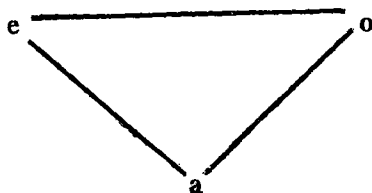
Переход гласных *i* и *u* из класса собственно гласных в класс сонантов преобразовывает первоначальную систему индоевропейских гласных без существенных изменений внутренних соотношений между эле-

Схема 3

ментами системы. Двухступенчатая треугольная система гласных раннего индоевропейского периода (см. Схему 3) трансформируется в двухступенчатую же треугольную систему (см. Схему 4):

Схема 4

Гласные *e* и *o* противопоставляются гласному *a* как закрытые гласные открытому, а *e* противопоставляется *o* как гласный высокой тональности гласному низкой тональности.

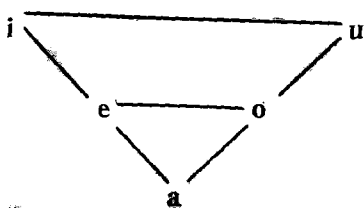
Вся разница между системами I и II сводится в сущности к степени открытости при противопоставлении компактной фонемы диффузным¹.

1.6. ДЕФОНОЛОГИЗАЦИЯ «ЛАРИНГАЛЬНЫХ» ФОНЕМ И СЛИЯНИЕ ИХ В ЕДИНУЮ «ЛАРИНГАЛЬНУЮ» ФОНЕМУ. ВЛИЯНИЕ «ЛАРИНГАЛЬНОЙ» НА ВОКАЛИЧЕСКОЕ КОЛИЧЕСТВО

Фонологизация гласных повлекла за собой по необходимости дефонологизацию трех «ларингальных» фонем *Ā*, *Ĥ* и *Ĥ°* и слияние их в общую «ларингальную» фонему («сонантический коэффициент»)², кото-

¹ Поскольку невозможно определить релятивную хронологию фонологизации гласных аллофонов вокалической фонемы по отношению к процессу слияния редуцированного гласного с сонорным и образования соответствующих слоговых единиц, не исключено, что система гласных индоевропейского языка на определенном этапе (при допущении процесса фонологизации гласных аллофонов до эпохи образования слоговых сонантов) характеризовалась трехступенчатой треугольной структурой, образуя классическую схему противопоставления гласных по трем степеням открытости и двум рядам (передний~задний):

Схема 5

Существенным при проведенной внутренней реконструкции систем индоевропейского языка на различных этапах его развития является то, что ни на одном хронологическом уровне не восстанавливается моновокалическая система (ср. *Schmitt-Brandt 1967 : 117*), типологическая реальность существования которой оспаривается в лингвистике последнего времени: ср. *Jakobson 1957a; Hockett 1958 : 94; Szemerényi 1967; Halle 1970; Kuipers 1960; 1968; 1970; Allen 1964; Кацнельсон 1958; Pulleyblank 1965; ср. Газов-Гинзберг 1974: 71—72; Aronson 1969; Roberts 1972 : 190—200; Кумахов 1973; Палмайтус 1979; ср. также Palmailis 1979.*

² Такое представление о динамике развития «ларингальных» снимает в принципе споры о наличии в индоевропейском одной «ларингальной» фонемы или нескольких фонем (ср. *Beekes 1969: 271—274*, против *Szemerényi 1967*). Все сводится, очевидно, к точному определению хронологических срезов общиндоевропейского языка, для которых постулируются одна или несколько «ларингальных» фонем.

рую можно представить общим символом H (ср. Гамкрелидзе 1960 : 90; Gamkrelidze 1968). Эта общиндоевропейская “ларингальная” фонема и отразилась в хеттском в виде глухого велярного спиранта $h(h)$.

Этот процесс должен был быть естественным следствием появления фонологически противопоставляемых гласных $*a, *e, *o$, в соседстве с которыми три разновидности “ларингальных” трактуются по необходимости как фонологически обусловленные варианты одной общей фонемы в зависимости от соседства с вокалическими фонемами разных тембров. При этом есть все основания полагать, что лабиализованный “ларингальный” H° еще раньше начал совпадать с основной немаркированной фонемой H в результате возможной передачи признака лабиализации последующей гласной фонеме V , выступающей в таком случае в виде гласного $*o$:

$$H^\circ V \rightarrow Ho$$

(ср. типологически аналогичное развитие гласного под влиянием лабиализованных согласных в ряде кавказских языков, Гамкрелидзе 1960 : 90), а также в результате превращения в некоторых случаях признака лабиализации при “ларингальной” в независимую фонему:

$$H^\circ \rightarrow H\psi$$

Иллюстрацией такого развития H° может служить целый ряд форм общиндоевропейского происхождения (Martinet 1953a : 254 и след.; 1955; 1957; Hamp 1955; Cowgill 1965 : 178—179; Polomé 1965 : 33—36):

Умбр. *purdouitu*, фалиск. *douiad*, ст.-лат. *duim*, лит. *daviai* ‘я дал’, *dovanà* ‘подарок’, латыш. *dāvana* ‘подарок’, ст.-слав. *davati* ‘давать’ (ср. Schmalstieg 1956), вед. *dāvāne* ‘дать’, *dadāu*, 1 л. ед. ч. перф., авест. *dāvōi*, ср. греч. кипр. $\delta\omicron\text{F}\epsilon\nu\alpha\iota^1$: и.-е. $*t'oH^\circ \rightarrow *t'oH\psi$;

Др.-инд. *jajñāu* ‘узнал’, лат. *nōui*, др.-англ. *snēow* (*snēwan*) (ср. греч. $\acute{\alpha}\nu\omicron(F)\epsilon\iota\nu$): и.-е. $*k'n-oH^\circ \rightarrow *k'n-oH\psi$;

Лат. *lauō*, *lāui*, греч. $\lambda\acute{o}\omega$, $\lambda\acute{o}\omega$ ‘мою’, хет. *laḫiḫai* ‘льет’: $*loH^\circ \rightarrow *loH\psi$ -².

H , возникшее из H° , могло в дальнейшем повлиять на тембр соседнего гласного o , превращая его в гласный тембра a , аналогично влиянию на гласный первичного H . Этим и следует объяснить наличие в индоевропейских корнях с “ларингальной” фонемой при огласовке o параллельной огласовки a : ср. параллельные формы лит. *dovanà* (с o из a) и греч. кипр. *dowenai*; лат. *lāui* при греч. $\lambda\acute{o}\omega$, лат. *nāuus* ‘усердный’ (ср.-лат. *gnāuus*) при лат. *nōui* (аор. от *nōscō* < *gnōscō* ‘познавать’ и др., ср. Гамкрелидзе 1960 : 90).

Аналогичное объяснение можно было бы предложить и для ряда корней с долгим $*ē$, обнаруживающих в родственных формах не относя-

¹ Ср., однако, Cowgill 1964 : 354—355 и след.

² Согласно Турнейзену (Thurneysen 1921: 194 и след.), каждое $\bar{o}$ в индоевропейском обнаруживает параллельную форму $\bar{u}$ (ср. также Hirt 1921-: I, § 56; Thumb/Hauschild 1959, II : § 527, 292).

шийся к корню дополнительный элемент *i. Такое *i могло бы быть рефлексом признака палатальности постулируемой “ларингальной” фонемы в позиции после гласной *e (ср. *Diver* 1959; *Polomé* 1965 : 31; *Puhvel* 1960 : 53 и след.; *Risch* 1955);

*d^hleH → *d^hl̄e- // *d^hl̄eḱi- :

Др.-инд. *dhā-* в *dādḥāti* ‘ставит’, *dhāyate* ‘ставит себе’, латыш. *dēju*, *dēt*, лит. *demi*, *dest*, ст.-слав. *dějo*, хет. *daitti* ‘ставишь’;

*reH → *rē- // *rēḱi-, ср. др.-инд. *rāḥ* ‘вещь’, ‘имение’, *rāyáḥ*, *rayi-*, авест. *raēš*, лат. *rēs* (*Szemerényi* 1956).

Различавшиеся разновидности “ларингальных” H и H после фонологизации гласных превращаются в палатализованный и непалатализованный аллофоны общеиндоевропейской “ларингальной” фонемы, реализуемой в виде этих аллофонов в зависимости от характера соседней гласной:

Хет. *šehur* ‘моча’, др.-исл. *súrr* ‘кислый’, ст.-слав. *syrŭ* ‘сырой’: и.-е. *seH-;

Хет. *mehur* ‘время’, гот. *mēl* ‘время’, др.-инд. *māti* ‘измеряет’: и.-е. *meH-;

Хет. *paḥḥaš-* ‘охранять’, лат. *pāstor* ‘пастух’, др.-инд. *pāti* ‘охраняет’: и.-е. *p^hlaH-;

Хет. *naḥḥan* ‘почитание’, ‘боязнь’, др.-ирл. *nár* ‘боязливый’: и.-е. *naH- (ср. *Puhvel* 1965 : 86 и след.).

1.7. ОГЛАСОВКА «о» КАК ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ СЛАБОЙ СТУПЕНИ И СТАНОВЛЕНИЕ «о» КАК ОСОБОГО ЗВЕНА В СИСТЕМЕ ПОЗДНЕИНДООЕВРОПЕЙСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ ПО АБЛАУТУ

Рассмотренное выше развитие редуцированного гласного в соседстве с “ларингальными” и сонорными, давшее соответственно слоговые элементы, противопоставлявшиеся неслоговым элементам в сильной ступени как комбинаторные варианты единых сонантических фонем, предполагает изначально наличие ступени *o*, происшедшей из редуцированного гласного, только в корневых структурах с шумными фонемами и отсутствие ее в корнях с сонорными.

Огласовка *o* в корнях с сонорными засвидетельствована в древнейших индоевропейских типах образований лишь в отдельных случаях, объясняемых ассимилятивным влиянием соседних лабиальных фонем. В нормальных случаях такие корни выступают с огласовкой *e* или с нулевой огласовкой, восходящей в корнях с сонорными, как было показано выше, к первоначальной редуцированной ступени с гласным звуком *a*. Такой гласный в отдельных редких случаях мог и в этих формах дать под влиянием соседней лабиальной фонемы в определенной позиции гласную полного образования тембра *o* (ср. *Walde* 1924).

Демонстративно отсутствует ступень *o в таком древнейшем индо-

европейском образовании, как $*k^{[h]}er-t'$ -, $*k^{[h]}er-t' \rightarrow *k^{[h]}r-t'$ 'сердце' (Szemerényi 1970 a: 515—533)¹:

$*k^{[h]}er(-t')$	$*k^{[h]}r-t'$
греч. $\kappa\eta\rho$	греч. аттич. $\kappaαρδί\alpha$, ион. $\kappaραδί\eta$
гот. $hairtō$	лат. $cor, cordis$ (под. пад.)
прус. $seyr$	др.-ирл. $cride < *kridian < *k^{[h]}r't'jom$
вост. лит. диал. вин. п. $šėrdį$,	лит. $širdis$
арм. $sirt < *k^{[h]}ert'-i$	ст.-слав. $srūdīce$
хет. $kir (ki-ir)$	хет. под. п. $kardijaš$

Другая древнеиндоевропейская именная основа $*k^{[h]}er-$ 'голова', 'рог' наряду с закономерными ступенями аблаута $*k^{[h]}er-$ и $*k^{[h]}er' \rightarrow *k^{[h]}r-$, показывает фонологически обусловленную огласовку o :

$*k^{[h]}er-$	$*k^{[h]}r-$
греч. $\kappaέρας$ 'рог'	греч. $\kappaάρ, κάρη$ 'голова'
лат. $cerebrum$ 'мозг',	др.-инд. $śṛiṅga-$ 'рог'
$ceruus$ 'олень'	др.-англ. $horn$ 'рог' < герм. $*hornaz$;
(этимол. 'рогатый')	др.-англ. $heorot$ 'рог'
др.-в.-нем. $hirni$ 'мозг'	лат. $cornū$ 'рог'

Огласовка $*o$ проявляется в этой основе лишь в том случае, если к корню присоединяется суффиксальный элемент, содержащий лабиальный сонант $*u$ -. Редуцированный гласный звук в формах слабой ступени в таких случаях не сливался с сонорным, давая соответствующий слоговой, а фонологизировался под влиянием лабиального в виде гласного o :

$*k^{[h]}er- + -u- \rightarrow *k^{[h]}er-u/u- \rightarrow *k^{[h]}or-u-$

Греч. $\kappaορυδός$ 'вид жаворонка с гребешком', $\kappaόρυς$ 'шлем', гом. $\kappaορυσσεται$ 'встает на дыбы', $\kappaόρυμβος, \kappaορυφή$ 'вершина', $\kappaορύπτω$ ² 'ударять головой, рогами'; слав. $*korw-$ > ст.-слав. $krava$, польск. $krośa$, рус. *корова*, лит. $kārvė$ 'корова'.

Древнеиндоевропейская основа $*k'ep-u-$ 'колено' (лат. $genū$, хет. $genu$) с нулевой огласовкой представлена в форме $*k'n-u-$ (гот. $kniu$, ср. др.-инд. $-jñi-$, авест. $-šni-$, греч. $-γυυ$ в $πρόγυυ < *πρόγυυ, γυύξ$ 'на колени'). Такая основа в слабой ступени давала редуцированную форму $*k'ep-u-$, которая и восстанавливается в виде $*k'on-u/u-$ с огласовкой $*o$, являющейся рефлексом редуцированного гласного под влиянием последующего $*u$: греч. $γόνυ, γουνός < *γονυός$, др.-инд. $jāni$.

¹ В др.-инд. $hārd-i$ 'сердце', иран. авест. $zərd-$ предполагается вторичное смешение с другим индоевропейским производным на $*-t'$ от корня $*gher-$, др.-инд. $hārdi$ 'живот Индры' (в 9-ой мандале "Ригведы"), ср. греч. $\chiορδή$, Szemerényi 1970a: 519.

² Греч. $\kappaόρυς$ 'голова', очевидно, основывается на древней форме $\kappaορ-$ с огласовкой o .

Аналогичные соотношения следует предположить и в древнеиндоевропейской основе *t'eg- μ /*t'g- $\epsilon\mu$ /*t'эг- μ /u- $\rightarrow$ *t'og- μ /u- 'дуб', 'дерево'.

*t'eg- μ :- др.-ирл. *deruss*, валл. *derwen* 'дуб', др.-исл. *tjara*, др.-англ. *teoru*, *tierwe*; ст.-слав. *drěvo* 'дерево', лит. *deroà* 'смола';

*t'g- $\epsilon\mu$:- гот. *triu* 'дерево', ср. греч. $\delta\rho\upsilon$ - в сложных словах ($\delta\rho\upsilon$ - $\tau\acute{o}\mu\omicron\varsigma$ 'дровосек' и т. п.), $\delta\rho\upsilon\mu\acute{\alpha}$ 'лес', алб. *dru* 'дерево';

*t'og- μ :- греч. $\delta\acute{o}\rho\upsilon$, $\delta\omicron\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$ < * $\delta\omicron\rho\mathcal{F}\acute{o}\varsigma$, др.-инд. *dāru*, хет. *taru* 'дерево'.

К этому же типу основ с огласовкой *o* в основах с сонорными фонемами, возникшей из редуцированного гласного под влиянием μ , относится и древняя индоевропейская форма *m ϵ rg- $\rightarrow$ *mog- 'муравей': др.-ирл. *moirb*, лат. *formica*, авест. *maoiri-*, согд. *zm'wrc*, др.-исл. *maurr*, греч. $\mu\acute{o}\rho\mu\omicron\varsigma$, $\mu\acute{o}\rho\mu\eta\zeta$, $\beta\acute{o}\rho\mu\alpha\zeta$, арм. *mrjwn*.

В древнеиндоевропейских образованиях с сонорными, в которых не обнаруживаются следы лабиальных фонем, при наличии форм с нулевой огласовкой, происшедшей, очевидно, в результате слияния редуцированного гласного с сонорным, как правило, отсутствуют первоначальные формы с огласовкой *o*. Ясными примерами этой немалочисленной группы форм с сонантами, в которых обычно (если не считать позднейших образований) отсутствует первичная огласовка *o*, могут служить следующие общеиндоевропейские образования:

*b^hlend^hl. / *b^hənd^hl. $\rightarrow$ *b^hŋd^hl.

Греч. гом. $\kappa\epsilon\iota\sigma\mu\alpha$ 'причал', 'канат, веревка, которой судно привязывается к берегу' (x 167); $\kappa\epsilon\nu\theta\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$ 'тесть', др.-инд. *bāndhuḥ* 'родственник', *bandhāti* 'связывает', лит. *beñdras* 'товарищ';

*b^hlenġ^hl. / *b^hənġ^hl. $\rightarrow$ *b^hŋġ^hl.

Др.-инд. *bahú-* 'многочисленный', 'плотный', греч. $\kappa\alpha\chi\acute{o}\varsigma$ 'толстый', 'густой';

*b^hlerġ^hl. / *b^hərg^hl. $\rightarrow$ *b^hrg^hl.:

Арм. *-berj* 'вершина' (*erkna-berj*), *barjr* 'высокий', хет. *parku-* 'высокий', тох. А и В *pärk-* 'подниматься', др.-в.-нем. *berg* 'гора', авест. *bəragi-* 'высокий', др.-инд. *bṛhánt-* 'высокий';

*b^hleud^hl. / *b^həud^hl. $\rightarrow$ *b^hud^hl.

Греч. $\kappa\epsilon\acute{\alpha}\theta\omicron\mu\alpha\iota$, др.-инд. *bódhate* 'бодрствует', 'замечает'; греч. $\epsilon\pi\upsilon\theta\acute{o}\mu\eta\upsilon$, $\kappa\epsilon\pi\upsilon\sigma\mu\alpha\iota$, др.-инд. *buddhá-* (прич. нр. вр.);

*b^hleug^hl./*b^həug^hl. $\rightarrow$ *b^hug^hl.

Греч. $\phi\epsilon\acute{\upsilon}\gamma\omega$ 'бегу', аор. $\xi\phi\upsilon\gamma\omicron\nu$, перф. $\kappa\acute{\epsilon}\phi\epsilon\upsilon\gamma\alpha$, лат. *fugiō*;

*t'eu^hl./*t'əu^hl. $\rightarrow$ *t'uk^hl.

Лат. *dūcō* 'веду' (ст.-лат. *ducō*), гот. *tiuhan*, др.-в.-нем. *ziohan*; лат. *ductus*;

*t'eik[h]l- / *t'əik[h]l- → *t'ik[h]l-

Греч. δείκνυμι 'указываю', гот. *gateihan*¹, оск. *deikum* 'dicere'; др.-инд. *diṣ-ṭá-*, прич., лат. *dictus*, др.-инд. *diṣṭi-* 'предписание, указание', авест. *ā-diṣti-š* 'указание', лат. *dictiō*;

*t'ens- / *t'əns- → *t'ns-

Лат. *dēnsus* 'густой'; греч. *δασύς* 'густой', 'частый', хет. *daššuš* 'сильный';

*k'°el- / *k'°əl- → *k'°l-

Греч. *δέλεαρ*, род. п. *δέλεατος* 'пища'; лат. *gula* 'горло', рус. *глотать*, чеш. *hlít-*, ср. лат. *glutiō* 'глотая';

*k'enH- / *k'ənh- → *k'ḥH-

Греч. *γένεσις* 'происхождение', *γενέσθαι*, ст.-лат. *genō* 'рождаю', др.-ирл. *-genathar* (конъюнктив); др.-инд. *jātá-h* 'рожденный', лат. *nātus*, галл. *-gnātus*, ж. р. *gnātha* 'дочь', др.-исл. *kundr* 'сын';

*k'enH- / *k'ənh- → *k'ḥH-

Лит. *žėnklas* 'опознавательный знак', гот. *kunnan* 'знать', 'ведать'; лит. *žinaũ*, *žinóti*, латыш. *zināt* 'знать';

*k'erH- / *k'ərH- → *k'ḥH-

Греч. *γέρων* 'старик', др.-инд. *járant-* 'старый', 'дряхлый', осет. *zəronđ* 'старый'; лат. *grānum* 'зерно' < *k'ḥ-n-, др.-инд. *jīrná-* 'старый', др.-ирл. *grán* 'зерно', лит. *žirnis*, латыш. *ziṛnis* 'горошина', прус. *syrne* 'зерно', ст.-слав. *zrīno*, гот. *kaurn* 'зерно';

*g[h]erd[h]l- / *g[h]ərd[h]l- → *g[h]ḥd[h]l-

Гот. *bigairdan* 'опоясывать', *gairda* 'пояс', тох. В **kerciyi* 'дворец', др.-инд. *gṛhá-* < *gṛdha- 'жилище, обиталище', авест. *gərəda-* 'дыра как жилище дэвовских существ';

*k'°er- / *k'°ər- → *k'°ḥ-

Гот. *-qairnus* 'мельница', др.-исл. *kværn* 'мельничный жернов'; др.-инд. *gurú-* 'тяжелый', греч. *βαρύς*, лат. *gravis* 'тяжелый', латыш. *dziṛņus* 'жернов', лит. *gìrnos* мн. ч. 'жернов', ср. ст.-слав. *žrūnovŭ* 'мельница';

*g[h]°el- / *g[h]°əl- → *g[h]°l-

Греч. *θέλω* 'желаю', ст.-слав. *želěti*, *želati* 'желать', др.-исл. *gildra* 'западная', греч. *φάλλει*. *θέλει* (*Гесихий*);

¹ Родственное этим формам гот. *taikns* 'знак' (*Pokorny 1959: 189*), отклоняющееся от последних в отношении закономерных консонантных соответствий (гот. *k* вместо ожидаемого *h*), является результатом собственно германских фонетических преобразований и не может служить основанием для реконструирования в индоевропейском параллельной фонологически незакономерной основы *t'eik'- с двумя глоттализированными фонемами, ср. правило (с), стр. 140.

*g^{[h]o}er- / *g^{[h]o}gr- → *g^{[h]o}g-

Греч. θερός 'летняя жара', арм. ĵer 'тепло'; др.-инд. ghr̥ṇá- 'жара', ghr̥ṇóti 'сияет, освещает', лат. formus 'теплый';

*k^{[h]o}er- / *k^{[h]o}gr- → *k^{[h]o}g-

Греч. τέρας 'знамение', лит. ker̃iù 'зачаровывать', kēras 'чара', ст.-слав. čara, рус. чара; др.-инд. kṛṇóti 'делает', прич., kṛtá-, sam-kṛt 'один раз', оск. petiro-pert 'четырежды', др.-ирл. cruth 'образ', валл. pryd- < *k^{[h]o}g-tu- 'образ';

*men- / *mən- → *mŋ-

Лат. meminī 'помню', лит. menù 'думаю', mēnas 'искусство', хет. meta- 'говорить'; др.-инд. matá- 'обдуманый', греч. αὐτόματος 'самодействующий; самопроизвольный', лат. commentum 'изобретение', лит. mintis 'мысль', др.-ирл. der-mat 'запоминание', гот. munan 'полагать, думать';

*p^{[h]o}rk^[h]l- → *p^[h]gk^[h]l-

Др.-инд. pṛschāti 'спрашивает', авест. pərəsaiti 'спрашивает', лат. poscō 'прошу', 'требую', др.-ирл. arco 'прошу';

*-st^[h]er- / *-st^[h]gr- → *-st^[h]g-

Греч. ἀστὴρ 'звезда', лат. stēlla < *ster-l-, ср.-ирл. ser 'звезда', гот. stairnō; др.-инд. тв. п. мн. ч. stṛbhīh, авест. дам. п. starəbyō 'звезда';

*t^[h]el- / *t^[h]ol- → *t^[h]l-

Тох. А, В täl- 'нести', прет. А cacäl, В cāla (c < t'), лат. tollō 'поднимаю' < *thlŋ-; лат. lātus прич. прош. вр. к ferō 'несу', греч. τλατός 'терпеливый', гот. þulan 'выносить', 'терпеть';

*t^[h]er-H- / *t^[h]gr-H- → *t^[h]g-H-

Греч. τρίρω 'тру', алб. tjer 'пряду', лат. terō 'тру'; лат. tritum 'растертый', лит. tiriù, tirti 'исследовать', ст.-слав. tīrŋ 'тру';

*u^olk^[h]o- → *u^olk^[h]o-

Др.-инд. vṛka-, греч. λύκος, гот. wulfs, лит. vilkas, алб. ulk 'волк'.

Возникшая в основном на фонетической почве огласовка o, которая по происхождению представляется разновидностью слабой ступени и тем самым приравнивается функционально к нулю, формируется на определенном этапе развития индоевропейских чередований в особую аблаутную ступень, противостоящую уже собственно нулевой ступени и ступени с нормальной огласовкой (древняя сильная [ступень]).

Этот процесс вовлечения ступени *o в механизм индоевропейских аблаутных чередований мог, естественно, совершиться после того, как была утеряна фонетическая обусловленность появления огласовки *o в морфемах определенной фонетической структуры, что повлекло за собой морфонологизацию ступени с огласовкой *o. Этот процесс должен был вызвать, в свою очередь, проникновение огласовки *o в определенные морфологические структуры, парадигматически противопоставляемые структурам с другой огласовкой, то есть с нормальной огласовкой *e (*a) и Ø.

Подобным процессом морфонологизации огласовки *o следует объяснить то, что целый ряд продуктивных индоевропейских структур, таких как редуцированный перфект, каузатив, отглагольное имя и другие, сравнительно позднего происхождения, характеризуется аблаутной ступенью *o в противовес другим структурам в пределах общей парадигмы, что явилось результатом проникновения ступени *o и обобщения ее на определенные парадигматические структуры.

Подобная морфонологизация огласовки *o и проникновение ее в определенные морфологические структуры привело к расширению сферы употребления огласовки *o и к появлению ее в целом ряде парадигматических новообразований, характерных для общеиндоевропейского языка позднего периода.

Возникающая унифицированная парадигма еще более затемняет фонетико-фонологическую обусловленность появления огласовки *o, обнаруживающейся уже и в таких структурах, которые первоначально исключали по фонологическим причинам огласовку тембра o. Лишь внутренний анализ индоевропейских корневых структур позволяет обнаружить следы изначальной фонетической обусловленности огласовки *o и ее исконной связи с фонологическими структурами определенного типа.

Особенно ясно видно сравнительно позднее проникновение морфонологической ступени *o в каузативные и перфектные формы, а также в тематические именные образования.

Перфектные формы:

Огласовка *o появляется в перфектных формах, в частности при редупликации в корнях с сонантами:

Др.-инд. 3 л. ед. ч. перф. *ajāna*, греч. *γέγονα* 'родился', ср. нулевую ступень в др.-инд. 1 л. ед. ч. *ja-jñ-é* 'я родился', 3 л. мн. ч. *ajānúr*, греч. *γέγαμεν, *γεγαώς* (Schwyzer 1939, I: 767, 769), др.-ирл. *rogénar* 'я родился' (**ge-gn-*);

Греч. 1 л. ед. ч. *μέμονα* 'думаю', 'хочу' при нулевой ступени в *μέμαμεν*, *μεμαώς*, импер. перф. *μεμάτω*, др.-инд. перф. *ta-mne* 'думал', ср. хет. *meta-*, лув. *tattanna-* 'говорить', гот. *tan* 'полагаю', 'думаю', ср. также нулевую ступень в ряде родственных перфекту форм от того же корня (Kuryłowicz 1964: § 24, 79);

Др.-инд. перф. 1 л. ед. ч. *śakāra*, 3 л. *śakāra* от корня *kar-* 'делать': и.-е. **k^her-*, 1 л. мн. ч. *śakṛmā*;

Др.-инд. 1 л. ед. ч. перф. *véda* 'знаю', греч. οἶδα, гот. *wait* (ср.-ст.-слав. *vědě*) при нулевой ступени в 1 л. ед. ч. др.-инд. *vidmā*, греч. (гом.) ἴδμεν, гот. *witum*;

Греч. 1 л. ед. ч. перф. λέλοιπα 'оставил', лат. *liqui* < **loik^hoi*, др.-инд. *riréca*, гот. *laihv* 'id.';

Греч. δέδορκα 'смотрел', др.-инд. *dadārśa* 'id.'

Обращает на себя внимание отсутствие ступени *o в перфекте с сочетанием *ei* (возможно, ввиду диссимилятивного влияния лабиального *ϕ*) в отличие от корней с *eḷ*, *en*, *em* и т. д., в чем проявляется изначальная фонологическая обусловленность ступени *o в перфекте, а это, в свою очередь, указывает на сравнительно позднее образование ступени *o в перфекте путем морфонологизации этой ступени и распространения ее на определенные глагольные структуры, которые ранее могли характеризоваться нулевой ступенью (ср. *Kuryłowicz 1956: § 330, 258—259*).

Ср. греческие перфекты с огласовкой *e от глагольных форм, входящих к общиндоевропейским формам: πεύθομαι 'убеждаюсь', перф. πέπεισμαι; ср. также отсутствие ступени *o в фонологически сходном корне **b^hleu-*: др.-инд. *bhāvati* 'есть', 'происходит', авест. *bavaiti* 'происходит', греч. φύω 'произвожу', перфект πέφυκα; φύομαι 'становлюсь', лат. *fuī* 'был'.¹

Ступень *o в единственном числе в перфектных образованиях проявляется и в хеттских глагольных формах спряжения на *-ḫi*, имеющих, вероятно, общее происхождение с перфектом, ср. формы типа хет. *šaga-ḫi* 'знаю', 1 л. ед. ч.; *šekuḫeni*, 1 л. мн. ч.; хет. *arḫi* 'достигаю', 1 л. ед. ч.; 1 л. мн. ч. *erḫeni*; хет. *kank-* 'висеть', при лат. *cunctor* 'медлю', 'колеблюсь', ср. чередования типа *sahv-* ~ *sēhv-* в готских глаголах (ср. *Kammenhuber 1980: 35* и след.).

Аблаутная ступень *o характерна также для индоевропейской каузативной структуры, связанной, возможно, исторически с перфектными образованиями. И каузативные образования характеризовались, очевидно, нулевой ступенью огласовки. Проникновение ступени *o в каузативные образования—явление сравнительно позднее. Рядом с итеративами—каузативами типа **louk^hoje/o-* сохраняются еще пережиточные формы типа **luk^hleje/o-*; в "Ригведе" засвидетельствовано еще 18 таких форм (*Kuryłowicz 1964: 277*), ср. др.-инд. *rocāya-* при *rocāya-* 'освещать' (*Kuryłowicz 1956: 86*, ср. хет. *lukki-* 'светить', для которого возможна сходная интерпретация, *Cowgill 1972*, вопреки *Hoffmann 1968*), *ukśāya-* 'усиливать', *sūdāya-* 'делать вкусным' (*Kuryłowicz 1956: 93*) и др., ср. *Bammesberger 1980*.

Проникновение ступени *o* в каузативные образования может быть иллюстрировано следующими формами с суффиксом **-eje/o-* ~ **oje/o-*:

¹ Греч. φωλιός 'берлога, нора' (см. *Pokorny 1959: 147*), очевидно, не связано с этим корнем.

Лат. *mulgeō* 'дою', лит. *málžyti, málžau*;

Лит. *bauginti* 'пугать' (ср. отсутствие форм с огласовкой *o* в родственных греческих формах группы φεύγ-);

Др.-исл. *teygja* 'вести', др.-англ. *tiegan* < *taugian (ср. отсутствие огласовки *o во всех приведенных выше формах от того же корня);

Гот. *kannjan* 'делать известным', 'оповещать', др.-англ. *ceppan*, др.-в.-нем. *ar-kennen* (ср. огласовку *o у типа ст.-слав. *goritiŭ*, *Kuryłowicz 1965 a*).

Особенно продуктивной становится аблаутная ступень *o в тематических именных образованиях. Практически от каждой основы может образовываться тематическая именная форма в ступени с огласовкой *o. Проникновение ступени *o в именные образования этой структуры, очевидно, сравнительно более позднее явление. Судя по пережиточно сохранившимся формам с нулевой огласовкой, огласовка *o в этом типе заменила более древнюю нулевую огласовку. Процесс проникновения ступени *o в тематические именные образования можно сравнить с образованием перфекта с огласовкой **o*¹.

В этом смысле показательно древнейшее общиндоевропейское тематическое образование с корнем в нулевой ступени **juk'-om*: хет. *iugan*, др.-инд. *yugá-*, греч. ζυγόν, ст.-слав. *igo*, лат. *iugum* 'ярмо'. В других именных структурах этого типа уже обобщена ступень с огласовкой *o с параллельной ступенью *e в отдельных случаях:

Греч. τόκος 'род' (при ступени *e* в греч. τέκος 'дитя'); греч. πόκος 'руно' (при ступени *e* в греч. πέκος 'руно');

Греч. τοίχος 'стена', гот. *daigs* 'тесто' (при ступени *e* в греч. τείχος 'стена');

Греч. γόμος 'груз' (на корабле) (при параллельной ступени *e* в греч. γέμος 'плоть' к γέντο < *γэм-то и т. п.);

Греч. φορός, др.-инд. *-bhara-h*, авест. *-barō* 'носящий' (от греч. φέρω, др.-инд. *bhārāmi* 'несу');

Лат. *forus* 'палуба', ср.-в.-нем. *barre* 'бревно', рус. *забор*;

Греч. δόμος 'дом', др.-инд. *dāma-h* 'дом, жилище', лат. *domi* 'дома';

Греч. φρός 'мужское семя', др.-инд. *dhārā* 'струя', 'семя', ср.-ирл. *dáir*, отглагольное имя к *dar-* 'оплодотворять';

Ст.-лит. *navas* 'новый', ст.-слав. *novŭ* (при ступени *e* в греч. νέ(F)-ος, хет. *neṃaš*);

Греч. γόνος, м. р. 'рождение', др.-инд. *jāna-h* (род. п. *jānasya*) 'род', авест. *zana-* 'народ', 'род людской' (ср. греч. γένος, ср. р. 'род', др.-инд. *jānaḥ*, род. п. *jānasaḥ* 'род', арм. *cin* 'рождение', лат. *genus* 'род');

Греч. βρός 'прожорливый', лат. *carni-uorus* 'плотоядный', др.-инд. *aja-garā-* '(змея) пожирающий козлов';

¹ Ср. в этой связи идею Хирта (*Hirt 1921-*, IV) и Куриловича (*Kuryłowicz 1964: 62*) об именном происхождении индоевропейских перфектных образований.

Греч. *πόλος* 'ось (точка опоры)', лат. *collum* 'шея', 'горлышко', др.-ирл. *cul* 'повозка', ст.-слав. *kolo* 'колесо';

Др.-инд. *kāra-* 'делающий', м. р. 'дело' (ср. выше об огласовке этого корня);

Греч. *λοπός* 'лишний', лит. *pālaikas* 'остаточный', *laiikas* 'определенное время', латыш. *laiks* 'время';

Лит. *laũkas* 'поле', др.-в.-нем. *loh* 'кустарник', лат. *lucus* 'роща', 'лес', др.-инд. *lokā-* 'мир', 'пространство';

Греч. *νορός* 'пастбище', 'жилище', алб. *nëmë* 'проклятие' (при греч. *νέμος* ср. р. 'место пастбы');;

Др.-в.-нем. *rōz* 'плач', лит. *raudà* 'плач', др.-инд. *rudāti* 'плачет';

Ст.-слав. *sněgŭ* 'снег' < *snoigtho-s, лит. *snaĩgala* 'снежинка', гот. *snaiws* 'снег' (ср. нулевую ступень в греч. гом. *νιφάξ* при *νιφόεις* 'снежный');

Греч. *ῥόος*, кипр. *ῥόϜος* 'течение', ст.-слав. *o-strovŭ* 'остров', др.-инд. *sravāt-* 'поток';

Греч. *στοῖχος* 'ряд', 'линия', алб. *shtek* 'вход', 'проход', лит. *staigà* 'внезапно';

Греч. *τόνος* 'напряжение', лит. *tānas* 'опухоль';

Греч. *οἶκος* 'дом', лат. *uicus* 'деревня', др.-инд. *veśá-* 'сосед'; 'селение' (при огласовке *i* в *viś-*), прус. *wais-pattin* 'хозяйка дома'.

Характерно в этом отношении проникновение ступени *o* в отдельных индоевропейских диалектах в изначально явно нулевые формы на суффикс **-t^hlo*:

Ср. греч. *φόρτος* 'груз; бремя', при др.-инд. *bhr-tá-h* 'принесенный', авест. *barate-*;

Греч. *μортός* 'смертный', лат. *mortuus* при др.-инд. *mṛ-tá-h* (Thieme 1952 : 31);

Греч. *χόρτος* 'двор', гот. *gards* 'дом' при лат. *hortus* 'двор', оск. *húrz* (ср. Pokorny 1959 : 442);

К сравнительно поздним образованиям с огласовкой *o нужно отнести и формы с суффиксом **-mo-*, ср. греч. *οἶμος* 'полоса', 'путь', др.-инд. *éta-* 'проход', корень **e_i/i-* 'идти', греч. *εἶμι* 'иду';

Др.-в.-нем. *leim* 'глина', лат. *limus* < *loimos 'грязь'; греч. *κόμη* 'деревня' < *koimā, др.-ирл. *cóim*, гот. *haims* 'деревня', латыш. *sàime* 'семья', лит. *káimas* 'деревня';

Прус. *gorme*, лат. *formus* 'теплый', нем. *warm* при *e* в греч. *θερμός* и арм. *ǰerm* 'теплый', 'горячий'.

Помимо рассмотренной выше огласовки *o в позднейших индоевропейских парадигматических образованиях, гласная *o проявляется в отдельных изолированных именных формах типа **d^hur-*: лат. *forēs* 'двустворчатая дверь', др.-ирл. *dorus*, гот. *daúr*, др.-в.-нем. *tor* 'дверь', ст.-слав. *doorŭ* 'дверь', алб. *derë* 'дверь', др.-инд. *dvārah* 'дверь', ср. рус. *дверь*, при регулярном **d^hur-* с нулевой огласовкой: греч.

θύρα 'дверь', арм. *dur-* 'дверь', др.-инд. *dūr-* 'дверь' (вин. п. мн. ч. *dur-āḥ*)¹.

Такое же *o представлено в индоевропейской форме *k^[h]uon- 'собака': греч. *κύων*, лит. *šūb*, др.-инд. *śvā*.

Гласная *o постулируется также в структурно не вполне ясной форме *en(o)mp 'имя': греч. *ἔνομα*, др.-инд. *nāma*, хет. *la-a-ma-an*, лат. *nōmen*. Ср. также o в позднем диалектном слове *mori-, засвидетельствованном только в "западных" индоевропейских языках: др.-ирл. *muir*, гот. *mare*, лит. *mārėi*, ст.-слав. *morje* (Stang 1972), рус. море при лат. *mare* 'море'.

1.8. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СТУПЕНИ РАСТЯЖЕНИЯ В СИСТЕМЕ ИНДООЕРОПЕЙСКОГО АБЛАУТА

Наряду с нормальной ступенью с огласовкой *e (в редких случаях *a) и производными от нее ступенями *o и Ø (нуль), в общеиндоевропейской системе аблаута восстанавливается ступень с долгой гласной — так называемая ступень растяжения.

Эта аблаутная ступень ясно проявляется в парадигматических противопоставлениях типа греч. им. п. ед. ч. *πατήρ* 'отец' при вин. п. ед. ч. *πατέρα*; др.-инд. вин. п. ед. ч. *dātāram* 'дающего' при мест. п. ед. ч. *dātāri*; греч. *δωτήρ*: род. п. *δωτήρος*; *τέκτων* 'строитель': род. п. *τέκτονος*; др.-англ. *nōse* 'предгорье' (*ō* < *a): *nasu* 'нос' (< *nāsu 'оба носа'), ср. ст.-слав. *nosŭ* 'нос' и т. д. К чередованию нормальной и долгой ступени в глагольных формах ср. лит. *ėdmi* 'ем', 1 л. ед. ч., ст.-слав. *jamŭ* < *ēmŭ < *ēt'-mi, арм. *utem* (< *ōt'-), лат. *ēdimus*, гот. *ētum*.

В подобных аблаутных структурах каждому краткому гласному противостояла долгая гласная. Благодаря этим противопоставлениям в системе возникает количественная оппозиция гласных, выражавшаяся в противопоставлении гласных фонем по признаку к р а т к и й ~ д о л г и й. Наряду с треугольной системой (Схема 6) для поздне-

Схема 6

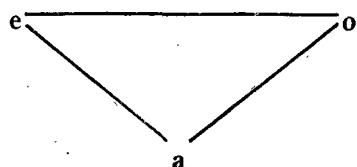
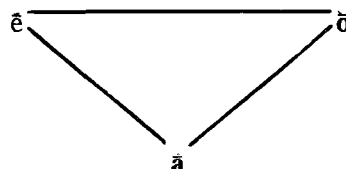

Схема 7

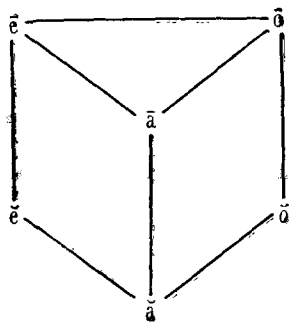

индоевропейского периода следует постулировать аналогичную подсистему гласных с долгими вокалическими единицами (см. Схему 7).

¹ Ср. отсутствие ступени o в структурно идентичной именной форме *ǵ^[h]uwer-: греч. *θήρ* 'зверь', лат. *ferus* 'дикий', лит. *žvėris*, м. р., ст.-слав. *zvěřŭ* 'дикий зверь'.

Комбинированно эти вокалические подсистемы можно представить в виде треугольной призмы с краткими и соответствующими долгими гласными в каждом из ее углов:

Схема 8

Возникновение долгих гласных в индоевропейском было связано с целым рядом фонетико-фонологических преобразований первоначальных кратких гласных под влиянием фонетического окружения. Возникшие таким образом долгие гласные, фонологизовавшиеся в результате утери комбинаторной обусловленности их проявления, противопоставлялись в дальнейшем соответствующим кратким гласным, образуя при этом автономные аблаутные ступени огласовки. Такая ступень аблаута могла позднее проникнуть и в другие аблаутные структуры и образовать сформировавшийся уже к позднеиндоевропейскому периоду сложный механизм противопоставлений ступени растяжения соответствующим нулевой и нормальной ступеням огласовки.

Возникновение долгих гласных из соответствующих первоначальных кратких гласных в силу определенных фонетико-фонологических условий можно предположить изначально в ограниченной группе общеиндоевропейских структур. Это в первую очередь атематические именные основы, выступающие с краткими гласными *e, *o (в редких случаях *a) в морфеме, предшествующей флексийным показателям, с последующим компенсаторным удлинением этих гласных при утере в конкретных фонетических условиях определенных окончаний.

В именных основах, оканчивающихся на неслоговые *-r* (*-l*), *-n*, *-m*, а также на *-i* (*-u*), *-H* и *-s*, то есть в основах, оканчивающихся на несмычный, при присоединении к ним показателя субъекта активного класса *-s* (древний именительный падеж слов активного класса) возникла последовательность $-V\bar{S}+s$ или соответственно $-Vs+s$; в таких последовательностях терялся по фонетическим причинам спирант *-s* (показатель субъекта активного класса) при компенсаторном удлинении предшествующей краткой гласной (или слоговых *i* и *u*). В результате возникали структуры с долгими гласными при отсутствии показателя именительного падежа *-s*, которые противопоставлялись формам с краткими гласными, имеющим этот показатель.

С синхронной точки зрения возникшие таким образом структуры с нулевым показателем именительного падежа активного класса, имеющие характерный долгий гласный основы, противопоставлялись именным структурам с показателем субъектного падежа активного класса -s при краткой гласной основы. К этой группе относились, в первую очередь, тематические основы на гласные типа:

- И.-е. ***Нои**-s: др.-инд. *áviḥ*, греч. *οἶς* < *ὄβις* 'овца', лув. *ḫaṣi-š*;
- И.-е. ***ek^[h]цо**-s: лат. *equus*, др.-инд. *áśvaḥ*, греч. *ἵπλος* 'лошадь, конь';
- И.-е. ***k'enu**-s: др.-инд. *hánu-ḥ* 'подбородок', греч. *γένυς* 'подбородок', др.-ирл. *gi(u)n* 'рот', гот. *kinnus* 'подбородок';
- И.-е. ***Нор**-s: лат. *ops* 'изобилие', ср. хет. *ḫappar* 'стоимость', 'цена';
- И.-е. ***nok^[h]ot^[h]**-s¹: лат. *nox*, род. пад. *noctis* 'ночь', греч. *νύξ*;
- И.-е. ***sneig^[h]**-s: лат. *nix*, род. пад. *niuis* 'снег' (ср. греч. *νίφα* *вин. п.*).

В отличие от этих форм индоевропейские формы структуры CVC-с заднеязычными и дентальными смычными в качестве второго согласного элемента корня давали в формах именительного ~ винительного падежа общего рода, то есть перед окончанием -s, формы с долгими гласными. Сочетание -VC-s преобразуется в -VC-s:

- И.-е. ***uok^[h]**- + -s → ***uōk^[h]**-s: лат. *uōx* 'голос', авест. *vāxš* 'слово', др.-инд. *vāk* 'слово', род. пад. *vācáḥ*;
- И.-е. ***rek'**- + -s → ***rēk'-s**: лат. *rēx* 'царь', др.-инд. *rāt* 'царь';
- И.-е. ***p^[h]le/ot'**- + -s → ***p^[h]l̄e/ōt'-s**: лат. *pēs*, род. пад. *pēdis*, греч. дор. *πός* 'нога', род. пад. *ποδός*, др.-инд. *pāt*, род. пад. *padāḥ* 'нога';
- И.-е. ***nep^[h]ot^[h]**- + -s → ***nep^[h]ōt^[h]**-s: лат. *nepōs* 'внук', род. пад. *nepōtis*, др.-инд. *nāpāt* 'внук';
- И.-е. ***p^[h]ak^[h]**- + -s → ***p^[h]āk^[h]**-s: лат. *pāx*, род. пад. *pācis* 'мир'.

Долгота гласной возникала в таких формах на фонетической почве в позиции C+s, где C → дентальная или заднеязычная смычная, ср. сходные принципы образования долготы по позициям в индоевропейских метрических системах.

Такое сочетание C+s упрощалось уже в истории отдельных индоевропейских диалектов при сохранении вокалической долготы в формах именительного падежа. При этом схожее развитие этих групп, выражающееся в утере предшествующей дентальной смычной при сохранении s, наблюдается в греческом и латинском, тогда как в древнеиндийском, наоборот, сохраняется предшествующий смычный при утере s: ср. греч. дор. *πός*, лат. *pēs*, при др.-инд. *pāt*. В древнеиндийском этот процесс упрощения группы согласных наблюдается не только при дентальных, как в греческом и латинском, но и при велярных: др.-инд. *vāk* при лат. *uōx*, др.-инд. *rāt* при лат. *rēx*.

¹ В ***nok^[h]ot^[h]**-s представлена группа из двух смычных с последующим показателем именительного падежа -s, чем объясняется отличие от приводимых ниже форм типа *uōx*, *rēx* с долгими гласными.

В отличие от именных структур с конечными смычными согласными, вокалическая долгота которых возникала перед сочетанием $-C+s$, выступающим в формах именительного падежа, долготы в основах с конечными неслоговыми сонантами образуются перед возникающей в формах именительного (субъектного) падежа последовательностью $-S+s$. Такой спирант в позиции после неслогового $-S$ теряется уже в общиндоевропейском. Возникновение долгой гласной перед таким сочетанием в основе может быть приписано компенсаторному удлинению гласной при утере конечного спиранта в последовательности $-S+s$. Подобное объяснение происхождения долгот в именных основах с сонантами, предложенное Szemerényi 1970: 109 и след., подтверждается на примере многих индоевропейских именных форм древнего общего рода:

Др.-инд. *mātā* 'мать', греч. μήτηρ (вин. п. μητέρα), лат. *māter* 'мать', лит. *mótė* 'женщина': и.-е. * $māt^{[h]}er-s \rightarrow *māt^{[h]}ēr-Ø$;

Др.-инд. *pitā* 'отец', греч. πατήρ (греч. εὖ-πάτωρ 'хороший отец'), лат. *pater*, др.-ирл. *athir*, тох. В *pācer*: и.-е. * $p^{[h]}t^{[h]}er-s \rightarrow *p^{[h]}t^{[h]}ēr-Ø$;

Др.-инд. *bhrātā* 'брат', греч. φρήτηρ (ион.), φράτηρ (аттич.), лат. *frāter*, тох. В *procer*: и.-е. * $b^{[h]}rāt^{[h]}er-s \rightarrow *b^{[h]}rāt^{[h]}ēr-Ø$;

Др.-инд. *duhitā* 'дочь', греч. θυγάτηρ (ср. θυγατέρα), оск. *futir*, лит. *duktė*, тох. В *tkācer*: и.-е. * $d^{[h]}ug^{[h]}t^{[h]}er-s \rightarrow *d^{[h]}ug^{[h]}t^{[h]}ēr-Ø$;

Др.-инд. *svāsā* 'сестра', арм. *koyr*, др.-ирл. *siur*, лат. *soror*, лит. *sesuo*: и.-е. * $suesor-s \rightarrow *suesōr-Ø$;

Др.-инд. *dātā* 'дающий', 'податель', греч. δῶτωρ (ср. δωτήρ), лат. *dātor*: и.-е. * $t'oH_3-t^{[h]}er-s \rightarrow *t'oH_3-t^{[h]}ēr-Ø$;

Др.-инд. *nā* 'человек', 'мужчина', арм. *ayr*, греч. ἀνήρ 'человек', 'мужчина', алб. *njeri* 'человек', 'мужчина', валл. *ner* 'герой', др.-ирл. *ner* 'вебрь'.

Характерно, что в формах вокатива, в которых изначально предполагается нулевое окончание, гласная выступает, как и следовало ожидать, в виде своей краткой разновидности (ср. греч. им. п. πατήρ, но зват. πάτερ; им. п. φράτηρ, но зват. φράτερ; им. п. δωτήρ, но зват. δῶτερ и т. п.);

О с н о в ы н а -п:

Др.-инд. *śivoā* 'собака', греч. κῶυν, лит. *šiū* 'пес', др.-ирл. *cú*, при нулевой ступени в др.-инд. род. пад. *śinah*, греч. род. пад. κυνός, др.-ирл. род. пад. *con*: и.-е. * $k^{[h]}uon-s \rightarrow *k^{[h]}uōn-Ø$;

Др.-инд. *āsmā* 'камень', 'небо', греч. ἄχμων 'наковальня', лит. *akmiū* 'камень': и.-е. *(H) $ak^{[h]}mon-s \rightarrow *(H)ak^{[h]}mōn-Ø$;

Лат. *homō* 'человек', гот. *guma* 'человек': и.-е. *($d^{[h]}$) $g^{[h]}(o)mon-s \rightarrow *(d^{[h]})g^{[h]}(o)mōn-Ø$;

Греч. χιών 'снег', авест. *zyā* 'зима', арм. *jiwn* 'снег', лат. *hiems* 'зима': и.-е. * $g^{[h]}iōm-s \rightarrow *g^{[h]}iōm-Ø$.

К немногочисленным примерам на конечное *-i* с предшествующим удлинением гласной можно отнести др.-инд. им. п. ед. ч. *sákhā* 'друг, товарищ', род.-отлож. пад. *sákhuyiḥ*, авест. им. п. ед. ч. *haḥa*, ср. греческие образования типа *Λητώ* (род. пад. *Λητούς*), *πειθῶ* 'убеждение' (Thumb/Hauschild 1959, II: § 272, 53; Schwyzer 1939, I: 479).

Индийская и авестийская формы предполагают исходные формы именительного падежа на **-ōi* (с последующим отпадением *-i*, ср. в приведенных выше формах такое же отпадение *-r*, *-n* в индо-иранском и балтийском). Такое **-ōi* восходит, в свою очередь, к индоевропейскому **-ōi-s*, с показателем *-s* субъектного падежа имен активного класса.

В качестве примеров на "ларингальные" перед тем же показателем *-s*, с последующим его отпадением и компенсаторным удлинением гласных и слоговых *i* и *u*, могут служить следующие общеиндоевропейские формы:

Греч. *γυνή* 'женщина', др.-инд. *gnā* 'жена бога', арм. *kin*, др.-ирл. *ben*, ст.-слав. *žena*; и.-е. **k⁰(e)nāH₂-s* → **k⁰(e)nāH₂-∅*.

К этому же типу с реконструкцией форм субъектного падежа активного класса на *-s* следует отнести именные образования на долгое конечное **-ī*, представленные в исторических языках формами мужского и женского родов, отражающими древний класс активных имен, ср. др.-инд. *devī* 'богиня' (и.-е. **t'ejūiH-s* → **t'ejūiH-∅*); *stri* 'женщина' (и.-е. **sriH-s* → **sriH-∅*).

Аналогичное влияние показателя субъектного падежа *-s* на предыдущую гласную основы предполагается и в структурах с конечным спирантом основы типа и.-е. **Hausos-s* → *Hausōs-∅*:

Др.-инд. *uśāḥ* 'утренняя заря', авест. *uśā*, греч. *ἠώς*, *ἕως* (эол. *αὔως*), лат. *aurōra* 'заря'.

Ср. также латинские образования типа *honōs*, *flōs*, греч. *αἰδώς* (Szemerényi 1970: 159 и след.);

Др.-инд. *candrāmāḥ* 'месяц', *apsarāḥ* 'нимфа Апсара' (водяное женское существо *Apsara*).

Подобными же структурами следует объяснить долгое *ō* в именительном падеже адъективных образований сравнительной степени:

И.-е. **mek'-iōs*: лат. *maior* 'бóльший' (из и.-е. **mek'-iōs-s*), ср. ст.-лат. *mel-ios-em* (вин. пад.) с кратким *ō*;

И.-е. **sen-iōs*: лат. *senior* 'старший' (из и.-е. **sen-iōs-s*) (Szemerényi 1970: 109 и след.).

К этому же типу относятся, вероятно, индоевропейские формы именительного падежа **mūs* 'мышь': греч. *μῦς* 'мышь' (*ū* долгое при кратком *ī* в других падежах: *μύς*), др.-инд. *mūś-*, др.-исл. *mús*, ср. ст.-слав. *myšŭ*, а также форма именительного падежа **nās* < **nas-s* 'нос'.

Характерно, что именные формы среднего рода на *-s*, субъектный падеж которых не предполагает окончания *-s*, как и следовало ожидать, показывают краткую гласную основы:

И.-е. *k'enos 'род': лат. *genus*, род. пад. *generis*, греч. γένος, род. пад. γένε-ος, др.-инд. *janas-*, род. пад. *jānas-aḥ*;

И.-е. *nebl^hles- 'небо': греч. νέφος 'облако', 'туча', др.-инд. *nábhās-* 'небо', 'туман', хет. *periš*, род. пад. *perišaš* 'небо'.

1.9. ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ В ИМЕННЫХ ФОРМАХ СРЕДНЕГО РОДА. РАСШИРИТЕЛИ ИМЕННЫХ ОСНОВ КАК МАРКЕРЫ ИМЕН ИНАКТИВНОГО КЛАССА

К особому типу слов среднего рода, отражающих древний инактивный класс, следует отнести основы с долгой гласной в формах именительного-винительного падежа (древний инактивный падеж). Одной из наиболее ясных форм этого типа является общиндоевропейское слово для 'сердца' *k^hlēr (им.-вин. п.), *k^hlēr-t'-:

Греч. *κῆρ*, *καρδία*, *καρδίη*, хет. *kir*, мест. п. *kardi*; прус. *seyr* (= *sēr), лит. *širdis* (*Szemerényi 1970 : 110*; ср. *Saussure 1922*).

Долгая гласная в форме именительного-винительного падежа среднего рода *k^hlēr, характеризовавшаяся нулевым окончанием (то есть значимым отсутствием окончания в противоположность формам активного класса на -s), возникает уже в индоевропейском в результате компенсаторного удлинения как следствия утери в абсолютном исходе слова согласного элемента *-t', очевидного, расширителя корня в основах среднего рода (ср. аналогичные основы среднего рода, разбираемые ниже):

*k^hlēr-t' → *k^hlēr.

Фонетически этот процесс сопоставим с процессом утери конечного -s после неслоговых сонантов с компенсаторным удлинением гласной основы. В косвенных падежах, где сочетание *-rt' находилось не в абсолютном исходе, оно сохраняется без упрощения. В результате в парадигме возникает чередование основ типа *k^hlēr- : *k^hlēr-t'-, которое в дальнейшем может устраняться в результате обобщения на всю парадигму одной из чередующихся форм (ср. греч. гом. *κῆρ*, *κῆρος*, с одной стороны, *καρδίη*, *καρδίης*, с другой); огласовка ē с унификацией ее на всю парадигму представлена также в гот. *hairtō*, род. пад. *hairtins* (ср. нулевую огласовку в лат. *cor*, род. п. *cordis*, ст.-слав. *srūdīce*, лит. *širdis*, вин. п. *širdį* при диал. вост.-лит. *šerdis*, вин. п. *šerdį*). Отчетливее всего древнее индоевропейское парадигматическое чередование представлено в хет. *kir*, им.-вин. п. ср. р. 'сердце', род. п. *kardiḡaš*, мест. п. *kardi*, напр. пад. *karta*.

В анатолийском к этому же типу относилась, очевидно, пара *ser 'вверх' (ср. др.-хет. *šer-šet* 'верх его', в значении 'за него', см. в "Законах", § 95: *šer-šit-ua šarnikmi* 'я-де возмещу за него' с позднейшим вариантом *šer-ua-šši šarnikmi*) и *sr-k-u 'высокий' (хет. *šarku-*, ср. о других производных от основы *sar- в анатолийском *Laroche 1959b*).

Основа *sēr восходит, по-видимому, к форме им.-вин. пад. ср. р. с утерянными в абсолютном конце элементом *k, с удлинением предшест-

вующей гласной, в то время как хет. *šarku-* происходит от той же основы в косвенных падежах с сохранением расширителя *k в позиции перед слоговым элементом и последующей гласной.

Подобный расширитель основы, состоящий из смычной согласной, выделяется и в других основах, принадлежащих среднему роду — древнему инактивному классу. Здесь в первую очередь следует привести древнеиндийские именные основы среднего рода, противостоящие соответствующим основам других индоевропейских диалектов наличием в них особых окончаний, как бы характеризующих этот класс имен среднего рода:

Др.-инд. *ásrk* (в “Ригведе” засвидетельствовано 1 раз: *ásrg*, 164, 4), род. п. *asnáḥ* ‘кровь’, AV 5, 5, 9, твор. п. *asnā*, AV 5, 5, 8, хет. *ešhar* ‘кровь’, род. пад. *ešhanaš*, лат. *aser* ‘кровь’, латыш. *asins* ‘кровь’;

Др.-инд. *yákr̥t* ‘печень’, AV 10, 9, 10, род. пад. *yaknáḥ* (RV 989, 3), афган. *yīna* < **yaḥna-*, перс. *jigar*, авест. **ha-yākana-*;

Греч. *ἥπαρ*, род. пад. *ἥπατος*; лат. *iecur*, род. пад. *iecinoris* (из *iecinis, ср. также позднейшее *iecoris*, Szemerényi 1956; Schindler 1967), ср. арм. *leard*, др.-исл. *lifr* ‘печень’, Benveniste 1935: 8 и след.; Schwyzler 1939, I: 518.

Сохранению расширителей именных основ среднего рода **-k̑* > *-g/*-*j*, **-t^h* > *-t* в древнеиндийском в формах *ásrk* и *yákr̥t* способствовала, очевидно, позиция их после слоговых сонантов¹. В позиции после неслоговых эти согласные должны были теряться в древней индоевропейской парадигме при компенсаторном удлинении предыдущей гласной основы.

Форма косвенного падежа без *-t* в древнеиндийском *yaknáḥ* восходит к индоевропейским формам с закономерным отсутствием расширителя. С другой стороны, в греческом *ἥπαρ*, *ἥπατος* отражена эта форма с расширителем **-t^h* в косвенных падежах. Это подтверждает древность и обще-

¹ Этим же фактом, то есть позицией после слогового сонанта, следует объяснить сохранение конечного *-s* в показателе винительного падежа **-ṛ-s*, в отличие от утери сибиланта *-s* (показателя именительного падежа) в позиции после неслоговых сонантов, ср. анализ разобранных выше форм (при этом предполагается позднейшее обобщение показателя *вин. пад. мн. ч.* в виде **-ṛs-* в тематических основах и в формах на слоговые сонанты *-i* и *-u*). В отличие от этого окончания, исчезновение такого конечного *-s* можно предположить в окончании род. пад. мн. ч. **-ōm*, восходящего при таком предположении к форме **-om-s-*, то есть **-om-*+ показатель множественности **-s*, в которой конечное *-s* закономерно теряется после неслогового сонанта при (компенсаторном) удлинении предшествовавшей гласной. Предположение подобного архетипа для индоевропейского окончания родительного падежа множественного числа устанавливает единообразные соотношения между показателями единственного и соответствующими показателями множественного числа, образованными путем прибавления к окончаниям единственного числа показателя множественности **-s*, ср. показатель *вин. п. ед. ч.* *-ṛ* и окончание *вин. п. мн. ч.* **-ṛ-s* из более древнего **-ṛ-s*. Аналогично этому получаем показатель род. пад. ед. ч. **-om* (ср. хет. *-ap* в одушевленном — общем — роде: *šunan* ‘бога’) и показатель множественного числа **-om-s* → **-ōm*, см. об этом подробнее ниже.

индоевропейский характер др.-инд. *-t-* в форме *yákr̥t̥*¹. В этом отношении весьма показательна др.-арм. форма *leard*, род. пад. *lerdi* с сочетанием *-rd-* и с позднейшими парадигматическими выравниваниями форм.

По-видимому, ни в одном из исторических индоевропейских диалектов не сохранилась первоначальная индоевропейская модель парадигматических чередований в именных основах этого типа, которые в историческую эпоху подверглись действующим в различных направлениях тенденциям к парадигматическому выравниванию форм. В таких парадигмах сохраняется только древний индоевропейский принцип распределения основ на *-r* и *-n* соответственно в формах прямого и косвенных падежей так называемого “гетероклитического склонения”, тогда как картина закономерного распределения первоначальных расширителей основы в парадигматических формах нарушается².

С аналогичным “расширителем”, вызвавшим долготу гласной основы, следует реконструировать общеиндоевропейскую форму со значением ‘вода’, отраженную в греческом в парадигме ὕδωρ, род. пад. ὕδατος < **ut̥*̥ntos, хет. *uatar*, род. пад. *uetenas̥*, умбр. *utur* ‘вода’, твор. пад. *une* < *udni, гот. *watō*, род. п. *watins*, др.-англ. *wæter*, др.-нсл. *vatr*, *vatin*, др.-в.-нем. *wazzar*.

Греческая форма род. пад. ὕδατος < **ūd̥ntos* предполагает древнюю индоевропейскую форму с расширителем **-t̥hl̥-*, отпадение которого в форме именит.-винит. падежа в абсолютном конце слова перед неслоговым сонантом *-r-* должно было вызвать компенсаторное удлинение гласной основы: **u(e)t̥or-t̥hl̥* → **u(e)t̥ōr* → греч. ὕδωρ при нулевой ступени в **u(e)t̥-ŋ-t̥hl̥-(os)*, греч. ὕδατ-ος. В исторических индоевропейских формах этого слова без *-t* (хет. *uatar*, *uetenas̥* и др.) произошло парадигматическое выравнивание основ по форме именительного-винительного падежа с закономерным отпадением *-t*.

¹ Лат. *iesug* возводится к *iesugt, как сог к *cozd, ср. Щерба 1974: 108. О возможной связи греч. *-τ-* в гетероклитическом типе имен с суффиксальным *-t-* в древнеиндийском *yákr̥t̥* ‘печень’, *śákr̥t̥* ‘нечистоты’ см. также Arbeitman 1976. Автор считает возможным увязать с этим же морфологическим типом на *-t* также древнее индоевропейское название ‘имени’: иер. лув. *atimanza* при греч. *δνομα*, род. пад. *δνόματος*. В этой связи обращает на себя внимание лидийское окончание *им.-вин. п.* имен среднего рода *-d*: ср. *trivaad* ‘стела’, *qelad* ‘поле’ и др. (Neumann 1961: 405; Gusmani 1964: 168, 181).

² Аналогичные чередования сонантических элементов, выражавших, очевидно, определенную функциональную закономерность, следует допустить и в отношении фонем *-l/-n*. Такое чередование предполагается на основании индоевропейских основ со значением ‘солнце’, реконструируемых в виде **s̥cel-/s̥c̥en-*: др.-инд. *s̥urya-*, греч. *ἥλιος*, *ἄελιος*, *ἥλιος* (< **d̥F̥éλιος*), лат. *sōl*, др.-ирл. *súil* ‘глаз’, гот. *sauil*, лит. *sáulė*, латыш. *saiule*, авест. *xvāng* (род. п.) < **s̥c̥en-s*, гот. *sunno*, ст.-слав. *sǫlŋce* (Vaillant 1950). Из древнеиндоевропейских функционально чередующихся основ на *-l/-n* одна форма сохранилась в одних индоевропейских диалектах, другая — в остальных, что явилось следствием элиминации в системе функционального чередования типа *-l/-n* (в отличие от чередования *-r/-n*, следы которого сохраняются в пределах парадигмы в ряде индоевропейских диалектов).

Наличие расширителя в древней индоевропейской форме со значением 'вода' проявляется и в родственной древнеиндийской основе, выступающей в форме среднего рода *udaka-* < **udṛko-*, ср. в "Ригведе" *udakām*, им.-вин. п. ср. р. из *udṛkom, рядом с обычным *udan-*, ср. р., с предполагаемой основой на *-*on* (Thumb/Hauschild 1959, II : 42; Grassmann 1873 : 252). Древний след такого расширителя -*t*- в косвенных падежах виден также в хеттском в особой форме направительного падежа от слова *uatar* : *uētant-a*¹ (при более позднем *uēten-a*, KUB XXX 34 III 10, возникшем при парадигматическом выравнивании форм)².

Фонетическая возможность такого отпадения конечной смычной, в частности -*t*, в позиции перед неслоговым сонантом может быть проиллюстрирована на материале ряда исторических индоевропейских языков, а именно хеттского и греческого.

В древний период развития хеттского отпадает конечное -*t* после сонорного -*n*, ср. форму среднего рода *human* 'все' при род. пад. *human-taš*, а также причастные формы на -*nt*- среднего рода *adan* 'съеденное', *pan* 'идушее' (при общем роде *panza* [*pant-sl*]) и т. п. Аналогичные процессы засвидетельствованы в греческом, ср. греч. *πᾶν* 'все', ср. р. им.-вин. п. при род. п. *παντός*, причаст. ср. р. *φέρων* из **φεροντ-* и др.

Обращает на себя внимание то, что подобные расширители основ, представленные смычными фонемами *-*t*-, *-*k*-, *-*tʰl*-, образуют основы имен среднего рода, то есть древнего индоевропейского инактивного класса. Такие расширители являлись как бы экспонентами этого класса имен, показателями их соотношенности с инактивным классом. Показатели эти, очевидно, маркировали определенные основы с точки зрения их принадлеж-

¹ Ср. в "Инструкциях служителям храма" (KUB XIII 4 III 46—47): *ma-aḫ-ḫa-an-ta MI-[a]ḫ-na-ga ki-i-ša na-aš-ta pa-aḫ-ḫur ku-it A.NA GUNNI (47) a-aš-zi na-at-[kán] u-e-da-an-da SIG₅-in ki-eš-ta-nu-ul-tin* "когда же наступит ночь, и огонь, который в очаге остается, хорошо потушите водой" (буквально: 'в воде потушите'), см. о директиве на -*a* в подобной функции Laroche 1970; ср. также сходное образование направительного падежа *uddanta* (KUB XXX 10 I 18 след.) от хет. *uttar*, род. пад. *uddanaš* 'слово', 'вещь', 'дело'.

Некоторые хеттские формы типа *uddar* переосмыслились как формы множественного числа из древнего собирательного среднего рода, ср. к такому развитию форм собирательных ср. р. на *-*g-t* аналогичное развитие собирательных на *-*nt* в формы мн. ч. (тох. мн. ч. на -*nt*), Benveniste 1935; Benveniste 1955. Ср. к хеттскому типу на -*ag* *paḫḫiḫar* 'огонь' (KUB VII 6 II 11), дублетная форма к *paḫḫur* 'огонь', тох. В *ruwar*, мн. ч. *rwāra* (Winter 1965a : 192—193, там же о реконструкции *rawōg 'огонь', предложенной Bartholomae).

² След подобного -*t*- можно видеть в хеттском также в формах так называемого инфинитива (супина) на -*uapzi* из более древнего *-*uapt-i* : *šešūanzī* 'спать', *tiḫanzī* 'ставить, класть'.

Сопоставление этих форм с инфинитивом на -*uag* (*šešūgar*, KUB XV 15 I 4; *tiḫagar*, KUB XXII 72 II 61) позволяет объединить их в общую парадигму: имен.-вин. п. -*uag*, косвенные падежи -*uapt-*, откуда и возникла форма локатива -*uapt-i* (Laroche 1970) с последующей ассимиляцией *i* перед *ḫ* в -*uapzi*, характерной для дописьменного периода развития хеттского языка. Для самих форм на -*uag* следует реконструировать более древнее *-*uagt-* с закономерным отпадением конечного -*t* в позиции после неслогового сонанта (и удлинением предшествующей гласной).

ности к инактивному классу имен. Соответствующие формы активного класса могли выступать в качестве немаркированных основ.

В этом отношении вызывает интерес общиндоевропейская основа *nēr 'мужчина', восходящая, очевидно, к форме именительного падежа активного класса *ner-s: греч. *ἀνήρ* 'муж', др.-инд. *nā* 'мужчина', оск. *nīr*, валл. *ner* 'герой', арм. *ayr* (ср. форму вин. п. *ner-ŋ: др.-инд. *nāgam*, греч. *ἀνέρας*; род. пад. *nr-os: вед. *nāras*, греч. *ἀνδρός*).

Маркированная в отношении принадлежности к инактивному классу форма от того же корня может быть представлена в основе с расширителем **-tʰl*, ср. основу, реконструируемую (Pokorny 1959: 765) на основании форм типа др.-инд. *sū-nṛtā* 'жизненная сила', соответствующей др.-ирл. *sonirt* 'сильный', *sonairt* 'сильный', валл. *hy-nerth* 'сильный', др.-ирл. *nerth* 'мужественность'; 'войско', осет. *Nart-*, хотанско-сакск. *naḍaun-* 'мужчина', 'герой' (из **nṛtāvan-*, Bailey 1976a: 37; ср., однако, возражения Абаев 1973, II: 159—160); др.-герм. *Nerthus* 'имя богини', др.-исл. *Njörðr* 'имя бога', ср. лит. *nėrtėti*, *nirtinti* 'сердить', *i-niŗtęs* 'помрачневший', *naŗtsas* 'гнев', прус. *nerdien* 'гнев', *er-nerdimai* 'мы гневаемся'¹.

Возникновение долгих гласных и соответственно аблаутной ступени растяжения может быть сведено к аналогичным фонетическим причинам и в некоторых древнейших индоевропейских глагольных структурах. Это, в первую очередь, касается ряда глагольных структур с долгими гласными в формах аориста. Показатель аориста в сочетании с предшествующим смычным согласным мог вызвать количественное удлинение предшествующей гласной, превратившееся в дальнейшем в морфонологический признак глагольных форм индоевропейского аориста. Подобное происхождение долготы общиндоевропейских глагольных форм можно предположить в образовании от корней типа *uet- 'вести' и *et- 'есть'²:

Ст.-слав. *věsŭ* 'я вез', аорист к *vesti*, лат. *uēxī* 'я вез', др.-инд. *á-vāks-am* 'я ехал' (Watkins 1962a: 29 и след.);

Ст.-слав. *jasŭ* 'он ел' (Watkins 1962a: 43).

В латинском и славянском сохраняется ряд сигматических образований, долгота которых может быть объяснена по такому же принципу, ср. аористные образования типа лат. *uēx-ī*, ст.-слав. *rěchŭ* <

¹ Ср. к семантике хет. *kartimmiša*- 'сердиться', слав. *šrditi. На этом фоне соблазнительно сопоставление общиндоевропейской основы среднего рода (древнего инактивного класса) **kʰl̥er-tʰ*- 'сердце, сердцевина' (см. выше) с немаркированным корнем **kʰl̥er-* со значением 'гибель': греч. *κῆρ* (от *ker-s) 'смерть, гибель', род. пад. *κῆρός*; др.-ирл. *ic̥hge* 'гибель': *agachgin* (Thurneysen 1946: 449).

Возможно допустить семантический переход 'резать' → 'доставать внутренности, сердцевину' → 'убивать' (последнее значение отражено в греческом; в ирландском отражаются первичные значения 'разрезать' → 'убивать', ср. алб. *ther* 'убиваю', 'разрезаю'). Производное значение 'сердце', 'сердцевина' в связи с первичным значением 'резать' не кажется семантически столь отдаленным от первоначального значения индоевропейского корня.

² О фонетической основе долгой гласной в формах этого типа с древней глоттализованной см. выше, стр. 69 и след.

< *rēks- (от *rekṣ* 'я говорю'), *tēchī* < *tēks- (от *tekṣ* 'бегу') и т. д. Древнеиндийский показывает обобщение этого принципа на все основы, в том числе и на основы с древними сонантами, регулярно показывающими в активе сигматического аориста ступень *vṛddhi* (ср. *Kuryłowicz 1956*). Как инновацию древнеиндийского следует рассматривать и *vṛddhi* в перфектных образованиях типа *āsa* (перфект к *as-* < *es- 'быть'), *āda* (перфект к *ad-* 'есть'), *āja* (от *aj-* 'вести') и т. д.

Другим источником возникновения долгих гласных могло быть преобразование сочетания гласная + *μ*, *i* в преконсонантной позиции. Такое возникновение долготы гласной можно фонетически охарактеризовать как стяжение гласной с последующим сонантом. Хорошим примером, иллюстрирующим такое происхождение долгот, может служить индоевропейское слово для обозначения 'быка, коровы, крупного рогатого скота', восстанавливаемое в виде *k'ou-: греч. βῶς 'бык', др.-инд. *gāuh* 'бык', др.-в.-нем. *chuo*, арм. *kou*, латыш. *gūovs* 'бык'. Последовательность -*ou-* в преконсонантной позиции дает *ō*: им. пад. ед. ч. *k'ou-s → *k'ō-s: греч. дор. βῶς, лат. *bōs*; вин. пад. ед. ч. *k'ou-m → *k'ōm: греч. дор. вин. п. ед. ч. βῶν, др.-инд. *gām*. В превокальной позиции такое сочетание сохраняется, ср. греч. род. пад. βο(F)ός, дат. пад. βο(F)ι, лат. род. пад. *bovis*, др.-инд. дат. пад. *gāve*, мест. пад. *gāvi*, род. пад. мн. ч. *gāvām* (ср. *Thumb/Hauschild 1958, I, 1: 231—232; 1959, II: 72—74*)¹.

1.10. ДИНАМИКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ ПО АБЛАУТУ

Представленный выше анализ механизма аблаутных чередований в индоевропейском и внутренняя реконструкция древнейших моделей индоевропейского аблаута позволяют представить в динамике механизм индоевропейского аблаута и восстановить последовательные этапы его развития.

Исходная система индоевропейского аблаута, которую можно восстановить путем внутренней реконструкции, должна была быть представлена двумя основными вокалическими ступенями в зависимости от действия фонологически значимого на предшествовавшем этапе динамического (силового) ударения. Эти две основные ступени можно охарактеризовать как сильную ступень (восходящую к слогу под ударением) и слабую ступень (восходящую к безударному слогу). Слабая ступень представлена на этом этапе в виде двух своих фонологических разновидностей — нулевой ступени и редуцированной ступени:

¹ Аналогичным образом можно объяснить возникновение долгой гласной и в индоевропейской форме для 'рта', реконструируемой в индоевропейском в форме *ous-/*ois-: др.-инд. *ās-*, род.-отл. п. вед. *āsás*, твор. п. вед. *āsā*, авест. *āh-*, лат. *ōs*, род. пад. *ōis* 'рот', др.-ирл. *á* 'рот', др.-исл. *óss* 'устье'. Постулирование *μ-//*ι- в преконсонантной позиции в данном слове оправдано наличием таких индоевропейских образований, как др.-инд. *ósṛha-*, авест. *aošta-* 'губа', ст.-слав. *usta* 'уста', прус. *austo* 'рот', при хет. *aiš*, род. пад. *iššaš* 'рот'.

- I. Сильная ступень — V , где $V \rightarrow [e, a, o]$
- II. Слабая ступень $\rightarrow \left\{ \begin{array}{l} \text{Нулевая ступень} \\ \text{Ступень редукции} \end{array} \right\}$
- Нулевая ступень $\rightarrow \emptyset$
- Ступень редукции $\rightarrow \text{э}$

Следующий этап в формировании позднеиндоевропейского аблаута начинается с восстановления редуцированного * э в виде гласного полного образования преимущественно тембра o в корнях определенной структуры и слияния его с соседними сонорными и “ларингальными” фонемами в корнях другой структуры. Возникшие в результате этого слоговые сонорные i, u, r, l, m, n и H_1, H_2, H_3 оказываются в отношении дополнительного распределения с соответствующими сонорными y, ω, r, l, m, n и неслоговыми “ларингальными” H_1, H_2, H_3 , что и приводит к объединению этих элементов в общие сонантические фонемы со слоговыми и соответствующими неслоговыми аллофонами.

Первичные гласные * $i, *u$ в результате этих преобразований становятся слоговыми аллофонами соответствующих сонантов * $i, *u$. При этом гласные аллофоны $[e, a, o]$ превращаются в особые вокалические фонемы тембра $[e, a, o]$, что влечет за собой дефонологизацию “ларингальных” H_1, H_2, H_3 и превращение их в общую “ларингальную” фонему со слоговыми и неслоговыми аллофонами, примыкающую тем самым к классу сонантических фонем.

Фонологизация вокалических противопоставлений обуславливает фонологизацию гласного * o , возникшего из редуцированного гласного, и превращение ступени * o из варианта слабой ступени в особую морфонологическую ступень аблаута, выступающую рядом с нормальной, отражающей старую сильную ступень, и нулевой ступенью, отражающей другой вариант старой слабой ступени (то есть старую редуцированную в корнях с сонантами и “ларингальными”).

Такая морфонологическая ступень * o начинает проникать в целый ряд именных и глагольных структур, образуя новые парадигматические противопоставления аблаутной ступени * o нормальной и нулевой ступеням, отражающим в основном старую сильную и слабую ступени. Тем самым механизм индоевропейского чередования гласных выступает как чередование ступеней * $e (*a) \sim *o \sim \emptyset$ (нуль) с новым распределением по диалектам ударений в пределах парадигмы.

В результате этих процессов возникает механизм аблаутных чередований, характеризующийся бинарностью противопоставления ступеней с гласной (e или o) и ступени без гласной (нулевая ступень). Аблаутные ступени с гласной, в которых выступает морфонема $e \sim o$, могут быть охарактеризованы как полная ступень огласовки в противоположность нулевой ступени.

В свою очередь внутри полной ступени огласовки можно функционально различить нормальную или основную ступень аблаута * e и производную ступень с огласовкой * o . Характерно, что производность ступени

*о в противоположность ступени *е воспринимается вплоть до современных языков, сохранивших тип чередования *e/o*, поскольку ступень *о выступает в явно производных морфонологических категориях. Производность ступени *о в механизме индоевропейского аблаута ясно отражается и в древнеиндийском, в котором при фонологическом слиянии *e, o, a* в *a* древнее чередование *e : o* было переосмыслено и выражено как чередование краткого *o* и долгого $\bar{a}$ (ср. также описание ступеней чередования *нуль: a : \bar{a} как трех ступеней в древнеиндийской традиции).*

К этому периоду уже образуются первоначально фонологически обусловленные долгие гласные $\bar{a}, \bar{e}, \bar{o}$, которые превращаются в долгие гласные фонемы при устранении комбинаторных факторов, вызвавших появление фонетических долгот. Долгие гласные $\bar{e}, \bar{a}, \bar{o}$ противостоят уже соответствующим кратким $\check{e}, \check{a}, \check{o}$ как независимые вокалические элементы, находящиеся в оппозиции к первым по признаку долготы $\sim$ краткости. Формы с долгими гласными представляют соответственно уже долгие аблаутные ступени или так называемые ступени растяжения, противостоящие морфонологически в пределах единой парадигмы аблаутным ступеням с соответствующими краткими гласными $\check{e}, \check{a}, \check{o}$.

Полная ступень		Нулевая ступень
Основная (нормальная) ступень	Производная ступень	∅
e	o	

Таким образом, к правилу индоевропейских аблаутных чередований

$$\begin{bmatrix} e \\ (a) \\ o \end{bmatrix} \rightarrow \emptyset \text{ (нуль)}$$

добавляется правило

$$\begin{bmatrix} \check{e} \\ \check{a} \\ \check{o} \end{bmatrix} \rightarrow \begin{bmatrix} \bar{e} \\ \bar{a} \\ \bar{o} \end{bmatrix}$$

Первоначальные отношения позднее заменяются, и могут возникать не взаимоднозначные по качеству гласной соответствия между чередующимися краткими и долгими гласными, то есть $\check{e}$ может чередоваться не только с $\bar{e}$ долгим, но и с $\bar{o}$ долгим, $\check{o}$ краткое может чередоваться не только с $\bar{o}$ долгим, но и с $\bar{e}$ долгим. Таким образом, предполагаемое изначально одно-однозначное соотношение между аблаутными ступенями с краткими и соответствующими долгими гласными превращается в дальнейшем в результате различных аналогических выравниваний и других изменений в одно-многозначное соотношение:

$$\begin{bmatrix} \check{e} \\ \check{a} \\ \check{o} \end{bmatrix} \rightarrow \begin{bmatrix} \bar{e} \\ \bar{a} \\ \bar{o} \end{bmatrix} \Rightarrow \begin{bmatrix} \check{e} \\ \check{a} \\ \check{o} \end{bmatrix} \rightarrow \left\{ \begin{array}{l} \bar{e} \\ \bar{a} \\ \bar{o} \end{array} \right\}$$

Механизм аблаутных чередований позднеиндоевропейского периода может быть охарактеризован уже как чередования двух типов: чередования качественные и чередования количественные. Качественные чередования выражаются в чередовании *e*, *a* с *o*; количественные чередования характеризуются двойной направленностью (при условии, что нормальная степень принимается за исходную, что согласуется и с диахронией): *ě*, *ǣ*, *ō* либо сводятся к нулю (отсутствие любой из этих гласных), либо преобразуются в соответствующие долгие *ē*, *ā*, *ō*:

$$\emptyset \leftarrow \begin{bmatrix} \check{e} \\ \check{a} \\ \check{o} \end{bmatrix} \rightarrow \begin{bmatrix} \bar{e} \\ \bar{a} \\ \bar{o} \end{bmatrix}$$

1.11. ПОЗДНЕОБЩЕИНДРОЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА АКЦЕНТУАЦИИ

Позднеиндоевропейская система акцентуации, связанная с такой системой гласных и функционировавшая одновременно с ней, характеризовалась подвижным ударением, зависящим от типа слова и парадигматической формы. Подобный характер позднеиндоевропейской акцентуации хорошо сохраняется еще в соответствующих древнеиндийских и балтославянских парадигмах типа др.-инд. *duhitā́* 'дочь' (им. пад. ед. ч.) ~ *dúhitar* (зват. п. ед. ч.) ~ *duhitáram* (вин. п. ед. ч.) ~ *duhitré* (дам. п. ед. ч.); лит. *duktė́* 'дочь' (им. п. ед. ч.) ~ *dùkterį* (вин. п. ед. ч.) ~ *duktėryjė* (мест. п. ед. ч.) ~ *duktė* (зват. п. ед. ч.); рус. диал. *дочі́* (им. п. ед. ч.) ~ *дóчери* (дам. п.) (ср. *Kurylowicz 1958; 1968; Иллич-Свитыч 1963: 149; Kiparsky/Halle 1977; Garde 1976*), а также, вероятно, в хеттском, ср. *Hart 1980*.

В отличие от постулируемой для индоевропейского более древней системы акцентуации с подвижным динамическим ударением, вызывавшим выпадение или редукцию безударных гласных (что и привело, в сущности, к образованию исторического механизма чередований по аблауту, см. выше, стр. 152 и след.), поздний тип индоевропейской акцентуации с подвижным в пределах парадигмы ударением должен рассматриваться как "неинтенсивный", не приводящий к выпадению или редукции безударных гласных. Таким образом, следует допустить перестройку индоевропейской системы акцентуации с интенсивного динамического ударения в систему с весьма слабым по интенсивности ударением, не обуславливающим изменения в вокалическом составе акцентуированных словоформ.

Вместе с тем это явление можно было бы объяснить перестройкой системы динамического ударения в систему тоновых различий со слабой интенсивностью слогов, находящихся под тоном, что не должно было вызывать редукции безударных слогов.

В пользу тональной интерпретации позднеиндоевропейской системы акцентуации свидетельствуют исторические рефлексы этой системы в целом ряде индоевропейских диалектов: древнеиндийская (ср. *Barrou 1976: 108—109; Thumb/Hauschild 1958, I, 1: 208—209*), древнегреческая (*Vendryès 1929*) и балто-славянская (*Garde 1976*) системы акцентуации характе-

ризуются, как известно, тоновыми различиями, следы которых косвенно отражены и в германском, в типологически связанном с тоном явлении озвончения фрикативных согласных в древнем предтоновом положении, описываемом “законом Вернера”, ср. Maddieson 1974.

Наряду с таким подвижным типом тонового ударения система позднейнеиндоевропейской акцентуации характеризуется и наличием “колонных парадигм” с фиксированным ударением на одном определенном слоге: ср. др.-инд. *bhrātā* ‘брат’ (им. п. ед. ч.) ~ *bhrātāram* (вин. п.) ~ *bhrātre* (дат. п.); серб.-хорв. *brāt* (им. п. ед. ч.) ~ *brāta* (вин. п. ед. ч.) и др. (ср. Kuryłowicz 1958; 1968; Иллич-Свитыч 1963)¹.

2. ПОЗДНЕИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА СОНАНТОВ И «ЛАРИНГАЛЬНОЙ» ФОНЕМЫ

2.1. ПОЗИЦИОННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АЛЛОФОНОВ СОНАНТИЧЕСКИХ ФОНЕМ. ТРИ ПОЗИЦИОННЫХ АЛЛОФОНА СОНАНТОВ. ВАРЬИРОВАНИЕ НЕСЛОГОВЫХ АЛЛОФОНОВ

Слияние редуцированного гласного с последующим сонорным и образование слоговых вариантов сонантов *i*, *u*, *r*, *l*, *m*, *n* способствует в позициях, определенных Э. Зиверсом и Ф. Эджертоном (Edgerton 1934; 1943; ср. Sihler 1969; 1971; Nagy 1970), возникновению нового, третьего аллофона сонанта, а именно сочетания слогового элемента с неслоговым.

В позициях *CC — V*, *VHC — V* или $\#C — V$, то есть в контексте перед *V*, древние сочетания, возникшие в формах слабой ступени, а именно, *CCəSV*, *VHCəSV* или $\#CəSV$, которые переходят соответственно в *CCṢV*, *VHCṢV* или $\#CṢV$, дают последовательность $\S S$, то есть $\S$ (слоговое) + *S* (неслоговое) в результате образования глайда перед последующим гласным, являющегося как бы знаком словораздела между слоговым $\S$ и последующей гласной.

Возникновение сочетания $\S S$ может быть объяснено правилами синтагматической сочетаемости двух слоговых элементов: два слоговых элемента (слоговой сонант или гласная, а также два слоговых сонанта) не могут следовать друг за другом. Такие сочетания, то есть слоговой сонант + гласная или слоговой сонант + слоговой сонант разбиваются глайдом, представляющим собой неслоговую разновидность первого слогового элемента.

Следовательно, *S* в сочетании типа $\S S$ в таких позициях есть фонетическая разновидность слогового $\S$ перед другим слоговым элементом — гласной или слоговым сонантом.

Таким образом, сонантические фонемы в индоевропейском представ-

¹ Помимо акцентируемых словоформ в индоевропейском выделяется группа служебных слов и частиц, акцентируемых в зависимости от их сочетаний с полнозначными словами в предшествующей или последующей позициях. В функции проклитик такие служебные элементы оттягивали на себя ударение с главного слова, ср. др.-инд. *rāga daḥ* ‘отдай’, рус. *прó-дал*, древнеирландский ударный префикс *ro-* и др.

лены в виде трех комбинаторно обусловленных вариантов, определяемых однозначно конкретным фонетическим окружением:

- А. Неслоговые варианты [*i, u, r, l, m, n*]
 В. Слоговые [*i, u, r, l, m, n*]
 С. Слоговые~неслоговые [*ii, uu, rr, ll, mm, nn*]

А. Неслоговые аллофоны сонантических фонем S были представлены в позициях:

V—V	греч. φέρω
VC—V	др.-инд. <i>mādhyā-</i>
VC—§	греч. δόγμα (-μα < *-μη)
V—SV	*t'ermo-s

В индоевропейском наблюдаются случаи чередований неслоговых аллофонов сонантов. В ряде случаев такие чередования чисто фонетического характера, в других подобные чередования связываются с морфологической функцией, что может объясняться позднейшей морфологизацией первоначальных фонетических чередований (ср. Абаев 1973а; Swadesh 1970). При этом в одних исторических индоевропейских диалектах сохраняется форма с одним из чередующихся сонантов, в других — с другим: ср. др.-инд. *kṛmi-*, лит. *kirmis* 'червь', но ст.-слав. *črŭvi*; лит. *pirmas*, но ст.-слав. *prŭvi* 'первый' (и.-е. чередование [m] ~ [u]); греч. δῶρον, арм. *tur*, ст.-слав. *darŭ* 'дар', но лат. *dōnum*, др.-инд. *dāna-*, др.-ирл. *dán* 'дар' (и.-е. чередование [r] ~ [n]); др.-инд. *súvar-*, авест. *hvar-* 'солнце', 'свет', греч. гом. ἥλιος, лат. *sōl*, гот. *sauil* 'солнце', но авест. *xvəng*, род. пад. 'солнца', гот. *sunnō*: и.-е. *sāmel- ~ *sūen- (чередование [l] ~ [n]); др.-инд. *-ta(r)*, греч. *-τηρ* (суффикс *nomina agentis*), но ст.-слав. *-tel-* (ср. *ter в слав. *větrŭ* 'ветер'), хет. *-talla-* (с тем же значением, ср. наряду с этим хет. *-tara-* в *meš-tara-* 'пастух', *eku-tara-* 'тот, кто пьет', 'чашник') (и.-е. чередование [r] ~ [l]).

В. Слоговые аллофоны сонантических фонем § были представлены в позициях:

‡—C	др.-инд. <i>úd-</i>
‡—S	др.-инд. <i>ṛṇóti</i> , *ṛ-n- > хет. <i>arnu-</i>
C—C	др.-инд. <i>kṛ-tá-</i> , <i>pṛthú-</i>
S—C	греч. λιλ-
S—‡	греч. δόρυ, γόνυ
C—‡	*-t ^[h] ṛ, *t'ek ^[h] l-ṇi

С. Слоговые~неслоговые аллофоны сонантических фонем §S были представлены в позициях:

VCC—V	*sp ^[h] ṛr- > др.-инд. <i>sphuráti</i>
VCS—V	др.-инд. <i>ásviya-</i> (греч. ἄσπιος)
VSC—V	
VHS—V	
VHC—V	

$\#C - V$ др.-инд. *tuwám, siyám*, лат. *diēs*

$\#S - V$

$CC - \mathcal{S}_{\#}^C$

$CS - \mathcal{S}_{\#}^C$

$SC - \mathcal{S}_{\#}^C$

$HS - \mathcal{S}_{\#}^C$

$HC - \mathcal{S}_{\#}^C$

$\#C - \mathcal{S}_{\#}^C$

$\#S - \mathcal{S}_{\#}^C$

Из формул дистрибуции слоговых и слоговых ~ неслоговых аллофонов сонантов можно вывести заключение о том, что пауза $\#$ эквивалентна в дистрибутивно-функциональном отношении согласной: $C \approx \#$.

2.2. ДИСТРИБУТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ЛАРИНГАЛЬНОЙ» ФОНЕМЫ

Аналогичную дистрибуцию слоговых и неслоговых аллофонов следует предположить в общендоевропейской системе и для «ларингальной» фонемы H . Возникший в результате слияния H с редуцированным гласным слоговой элемент $\dot{H}$ объединяется с соответствующим неслоговым H в общую «ларингальную» фонему, проявляемую в зависимости от распределения в слове в виде слогового или неслогового аллофона. Словоразделяющий глайд мог появляться и при слоговом элементе $\dot{H}$ перед последующим слоговым (гласным или слоговым сонантом). При этом могло возникнуть сочетание $\dot{H}H$ как третья разновидность (аллофон) «ларингальной» фонемы наряду с собственно слоговым и неслоговым аллофонами в полном соответствии с аллофонами сонантических фонем.

Допущение аллофона $\dot{H}H$ для «ларингальной» фонемы наряду с аллофонами $\dot{H}$ и H могло бы объяснить своеобразное отражение «ларингальных» в хеттском (об этом подробнее ниже).

«Ларингальная» фонема $*H$, являясь в принципе сонантическим элементом (по признаку слогаобразования), отличалась тем не менее от собственно сонантических фонем целым рядом структурных особенностей — как синтагматических, так и парадигматических, что и дает основание относить ее к особому фонемному классу в системе общендоевропейского языка. По месту, занимаемому «ларингальной» фонемой в основе, строящейся по принципу возрастающей сонорности к центру, «ларингальные»

¹ Некоторые из комбинаций сонантов, предусмотренных общими схемами, не реализуются в языке ввиду ограничений, накладываемых на сочетания из двух и более сонантов, а также на сочетания некоторых шумных согласных с сонантами. Даже допустимые в индоевропейском сочетания шумных и сонантов или двух и более сонантов преобразуются в исторических диалектах путем их разделения каким-либо согласным или выпадением одного из элементов, ср. преобразования последовательностей $-ng->-ndr-$ в греческом $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{o}\varsigma < *á\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$, ср. $\acute{\alpha}\nu\eta\eta$; др.-инд. $strī$ 'женщина' $< *srī$ (хет. $-šar$).

характеризуются большей сонорностью, чем шумные, но меньшей, чем собственно сонанты (ср. Гамкрелидзе 1960: 86 и след.).

Этой фонетической особенностью “ларингальных” следует объяснить и то, что “ларингальная” фонема в сочетании с собственно сонантом ведет себя как неслоговой элемент, то есть в позициях появления слоговых в таких сочетаниях в виде слогового аллофона проявляется собственно сонант, но не “ларингальная” фонема. В индоевропейских основах типа *k'enH- (др.-инд. *jani-tá* ‘родитель’, греч. γένετωρ), *senH- (др.-инд. *sanó-ti* ‘выигрывает’, ‘приобретает’, хет. *šanḫ-* ‘искать’, ‘стремиться’), *b^hleuH- (др.-инд. *bhāvítum* ‘быть’), *p^hleH- (др.-инд. *pári-man-* ‘полнота’, ср. хет. *palḫ-i-* ‘широкий’), *t^herH- (греч. τέρμα ‘цель’, τέρμω ‘граница’, ср. хет. *tarḫ-* ‘побеждать’), *t'emH- (др.-инд. *damitá* ‘укротитель’) нулевая ступень представлена формами соответственно *k'ṛH- (др.-инд. прич. пр. вр. *jā-tá-* ‘рожденный’), *sṛH- (др.-инд. прич. пр. вр. *sā-tá-* ‘приобретенный’), *b^huH- (др.-инд. прич. пр. вр. *bhūtá-* ‘ставший’), *p^hṛH- (др.-инд. *pūr-ná-* ‘полный, наполненный’, хет. *palḫ-i-* ‘широкий’), *t^hṛH- (др.-инд. *tīrná-*), *t'ṛH- (др.-инд. прич. пр. вр. *dārná-* ‘укрощенный’, греч. дор. δμᾰτός) со слоговым сонантом, но не со слоговым “ларингальным”, как и в позициях между двумя согласными.

Тем самым “ларингальная” фонема противопоставляется собственно сонантам меньшей сонорностью, примыкая в этом смысле к классу шумных

2.3. РЕФЛЕКСЫ АЛЛОФОНОВ СОНАНТОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Реконструируемая для позднего общеиндоевропейского периода система сонантов со слоговыми и неслоговыми аллофонами разрушается в отдельных индоевропейских диалектах в результате вокализации слоговых сонантов и возникновения гласных полного образования. Такую вокализацию слоговых сонантов следует рассматривать как фонологизацию при сонорных редуцированного гласного, который и определил фонетически сонорность слоговых элементов. Это развитие слоговых сонантов в исторических индоевропейских диалектах вызывает элиминацию в системе класса собственно сонантов и появление сонорных в качестве особого подкласса фонем.

Появляющиеся при вокализации сонантов гласные полного образования в ряде диалектов приводят к существенным преобразованиям в системе вокализма, в которой слоговые *i* и *u* выступают в качестве элементов вокалического класса в результате расщепления сонантов [*i* *u*] на собственно гласные [*i* *u*] и согласные фонемы.

Развитие индоевропейских слоговых сонантов в отдельных диалектах представлено схематически в следующей таблице:

	Индо-иран.	Др.-греч.	Лат.	Кельт.	Герм.	Балт.	Слав.
И.-е. *ǵ	-ǵ-	-ra-, -ar-	-or-, -ur-	-ri-, -ar-	-ur-	-ir-, -ur-	-īr-, -ūr-
И.-е. *ǵ	-ǵ-	-la-, -al-	-ol-, -ul-	-li-, -al-	-ul-	-il-, -ul-	-īl-, -ūl-

И.-е. *k^[h]rt^h-: греч. καρδίᾱ, κρᾱδίη; лат. cor, род. п. cordis, др.-ирл. cride, лит. širdis, ст.-слав. *sirdice > srüdice 'сердце';

И.-е. *t^hrk^[h]l-: др.-инд. dṛś- 'вид', греч. δρακεῖν 'посмотреть', 'увидеть', др.-ирл. drech 'лицо' (<*t^hrk^[h]lā), валл. drych 'вид', 'зеркало';

И.-е. *u^hlk^[h]o-: др.-инд. vṛka-h, гот. wulfs, лит. vilkas, ст.-слав. vlikū 'волк';

И.-е. *p^[h]lt^[h]hu-: др.-инд. pṛthū- 'широкий', греч. πλατύς, др.-ирл. lethan 'широкий';

Индо-иран. Др.-греч. Лат. Кельт. Герм. Балт. Слав.

И.-е.*m a α em am, em um im -e- < -im-

И.-е.*n a α en an, en un in -e- < -in-

И.-е. *t^hek^[h]mt^[h]l-: др.-инд. daśat 'десяток', греч. δεκάς, ст.-слав. desetī, гот. taihun, лит. dēsimts 'десять';

И.-е. *k^omt^[h]os: др.-инд. gatá-, греч. βατός, лат. uentus 'пришедший' (прич. пр. вр.);

И.-е. *sep^[h]lt^[h]m: др.-инд. sapṭá, греч. ἑπτά, лат. septem 'семь';

И.-е. *m^hlt^[h]is: др.-инд. matih 'размышление', 'мысль', лат. mēns, род. п. mentis 'мысль', 'разум', гот. ga-munds 'память', лит. mintis 'мысль', ст.-слав. pa-meŕi 'память'.

Аллофон сонантов слоговой~неслоговой частично совпадает с отражением слоговых аллофонов. Отличное отражение их представлено в латинском и греческом в виде -am-, -am-, -an-, -an-, -ar-, -ar-, -al-, -al-; в древнеиндийском — в виде -am-, -an-, -ir-, -ir- (обычно после лабиовелярных), в славянском как -im-, -in-, -ir-, -il-, в иранском в виде -am-, -an-, -ar-, -al-:

И.-е. *t^hhnu-: др.-инд. tanú- 'тонкий', греч. τανύ- 'долгий' (лат. tenuis 'тонкий'), др.-ирл. tan(a)e, др.-в.-нем. dunni, ст.-слав. tīnūki 'тонкий';

И.-е. *smmo-: др.-инд. samá- 'такой же, подобный', др.-перс. hama-, греч. ἄμῶ-θεν, οὐδ-ἄμῶς 'никакой', гот. sums 'какой-нибудь';

И.-е. *p^[h]gros: др.-инд. puráh, авест. parō, греч. παρος 'раньше';

И.-е. *p^[h]lu-: др.-инд. purú- 'многочисленный', авест. pouru-, др.-ирл. il, гот. filu, лит. pilus 'много', 'многочисленный';

И.-е. *k^ogru-: др.-инд. gurú- 'тяжелый', греч. βαρύς 'тяжелый', гот. kaurjōs (им. п. мн. ч., ж. р.) < *kaurus 'тяжелый'.

Отражение слоговых аллофонов индоевропейских сонантических фонем в виде последовательностей гласных со смежным сонорным зависит, очевидно, от древней системы гласных и согласных в древних индоевропейских диалектах. Можно предположить, что огласовка a при вокализации слоговых сонантов (индо-иранский, греческий) характеризует те индоевропейские диалекты, в которых ко времени возникновения гласных полного образования при вокализации слоговых сонантов узкие гласные u, i не составляли собственно гласных и относились к сонантам. После вокализации слоговых сонантов *t, *l, *n, *n класс сонантов некоторое время был представлен только фонемами /*i, *u/, со слоговыми аллофонами [i u] и соответствующими неслоговыми [i u], ср. в греческом чередования типа λείλω : ἔλιπον, φεύγω : ἔφυγον и др.

В другой группе индоевропейских диалектов, таких как кельтские, италийские, германские, балтийские, славянские, в которых возникающая при слоговом сонанте гласная характеризуется тембром *i*, *u*, фонологические связи между вариантами соответствующих сонантов *i̇* и *i*, *u̇* и *u* были разорваны и эти элементы были представлены как два независимых ряда согласных /*u w*/ и гласных /*i u*/, ср., например, соотношения в латинском, в котором к моменту вокализации слоговых сонантов уже сложилась пятичленная вокалическая система *a, e, i, o, u*, типологически совпадающая с одним из древних состояний общиндоевропейского языка.

В этом отношении интересно отражение слоговых сонантов *ɾ, ʎ, ʞ, ɲ* в хеттском языке. Эти слоговые сонанты, вокализирующиеся в виде сочетания *a* + сонорные, дают рефлексы, соответственно *ar, al, am, an*, которые совпадают внешне с рефлексами сочетаний **or, *ol, *om, *on*. Это же касается сочетания *en* + *C* (согласный), которое отражается в хеттском как *-ant-*. Поэтому в формах с последовательностью *a* + сонорный + *C* могут быть отражены как индоевропейские слоговые сонанты, так и формы с огласовкой *o перед сонорными. Так, например, хет. *arpu-* 'приносить', 'уводить' может быть истолковано как рефлекс и.-е. **ɣneɯ-*, ср. др.-инд. *ṛṇóti* 'двигается', и как рефлекс и.-е. **orpu-*, ср. греч. *δρνῦμι* 'двигаю' и др.-инд. *árṇa-* 'волна', 'поток'.

Характерно, что в хеттском *u* и *i* образуют вместе соответственно *s* и *i* единые фонемные единицы, которые могут быть охарактеризованы как сонанты, ср. хет. 3 л. ед. ч. наст. вр. *kuenzi* 'убивает' ~ 3 л. мн. ч. *kunanzi*; *hnekzi* 'зачаровывает', 'заклинает' ~ *hukanzi*; *kuerzi* 'режет' ~ *kuranzi*; *uešiija-* 'покупать' ~ *ušaniija-* 'продавать'; *autti*, 2 л. ед. ч. наст. вр. 'ты видишь' ~ *uḫḫi*, 1 л. ед. ч. наст. вр.; *aiš* 'рот' ~ род. пад. *iššaš* и др.

И.-е. *ɣ: хет. *parku-* 'высокий', др.-инд. *bṛhánt-* 'высокий', авест. *bərəzant-*, арм. *barjr* (и.-е. **b^[h]ɾɣ^[h]l-u*); хет. *parḫ-* 'гнать', 'прогонять', др.-инд. *pūrta-, pūrti-* 'мзда', 'доля', 'часть' (и.-е. **p^[h]ɾɣH-*); хет. *tarḫ-* 'побеждать', др.-инд. *táratī* 'преодолеывает', *-tīr, -tūr* (в сложных словах): и.-е. **t^[h]ɾɣH-*;

И.-е. *ʎ: хет. *paltana-* 'плечо', греч. *πλάτανος* 'платан', *πλάτη* 'лопата', *ᾠμο-πλάτη* 'лопатка', др.-инд. *pṛthú-* 'широкий', др.-ирл. *lethan* 'широкий', ст.-слав. *plešte* 'плечо' (и.-е. **p^[h]ʎ-t^[h]l-*); хет. *palḫ-i-* 'плоский', 'широкий', лат. *plānus* (и.-е. **p^[h]ʎ-H-*);

И.-е. *ɲ: хет. *dankui-* 'темный'; др.-сакс. *dunkar*, др.-в.-нем. *tunkal* (и.-е. **d^[h]ɲ-k'-*); хет. *pankuš* 'весь', 'целый', др.-инд. *bahú-* 'густой', 'многочисленный', греч. *παχύς* 'толстый': и.-е. **b^[h]ɲɣ^[h]l-u-*.

Индоевропейское слоговое *ɲ в позиции перед *s* отражается в хеттском в виде *a*, восходящего, по-видимому, к более древнему сочетанию *a* с последующим назальным, который позднее ассимилируется, давая последовательность *-aš-*:

Хет. *kuāšk- uterativ* к *kuen-* 'ударять': *kunsk → *kuask-*;

Хет. *daššu-* 'сильный' из **da(n)su-* < **dṇsu-*, греч. *δασύς* 'густой', 'частый', лат. *dēnsus* 'плотный', 'густой' (и.-е. **t^[h]ɲs-u-*);

Хет. *a-šiuatt-* 'убогий', 'нищий' (из 'обездоленный'), др.-инд. *a- < *ṛ-* 'не-' (в сложных словах типа *a-deva-*), греч. *ἀ- < *ṛ-* 'не-': и.-е. **ṛ-t'iu-* 'не-бог' (ср. к семантике слав. *ne-bogŭ, u-bogŭ* 'бедный', 'убогий').

Такое развитие в хеттском слогового **ṛ* в позиции перед *s* позволяет видеть в хеттских словах *ḥaš(š)-* 'рождать', *ḥaššant-* 'сын', *ḥaššu-* 'царь' отражение этого сочетания.

Сопоставление данного хеттского слова с др.-инд. *ásuḥ* 'жизненное дыхание', 'жизнь' (Schlerath 1968), *ásurah* 'повелитель', 'чародей', авест. *anhu-* 'жизнь', др.-исл. *áss* 'ас' позволяет реконструировать исходную индоевропейскую форму в виде **Hṛs(-u-)* со слоговым **ṛ*, отраженным в хеттском закономерно как *-ašš-*. Подобная интерпретация данной хеттской формы устанавливает несомненную связь ее со сложным словом *ḥašša ḥanzašša* со значением 'внуки и правнуки' (ср. Melchert 1973). Первый компонент этого словосложения содержит ту же основу в нулевой ступени **Hṛs-* при ступени *o* **Hons-* во втором компоненте: **Hṛs-* / **Hons-¹*. Первый компонент закономерно отражается в *ḥašš-*, тогда как второй компонент дает **Hans-* → хет. *ḥanz-²*, ср. лув. *ḥamša-* 'внук'.

Некоторые отклонения от рассмотренного выше характера слоговых сонантов наблюдаются при передаче индоевропейского слогового **ṛ*. Такое **ṛ* представлено в хеттском, в отличие от остальных слоговых, в вокализованной форме с гласным *u* с последующими характерными для хеттского изменениями сонорного *m* (переход *m* → *n* в абсолютном исходе слова). Такое *u* при *m* в хеттском в качестве рефлекса индоевропейского **ṛ* можно было бы объяснить лабиальностью вокализуемого слогового сонанта.

Вокализацией слогового **ṛ* можно объяснить такие формы, как окончание *1-го л. ед. ч. претерита -un* (из и.-е. **-ṛ*, ср. окончание *1-го л. ед. ч. наст. вр. -mi* при *2 л. ед. ч. претерита -š* в противопоставлении *2-му л. ед. ч. наст. вр. -ši*); окончание аккузатива единственного числа в некоторых местоимениях типа *kin*, вин. п. от *kaš* 'этот', *arun*, вин. п. ед. ч. от *araš* 'тот', а также окончание вин. пад. мн. ч. *-uš* из **-ṛ-s*.

Более последовательно и единообразно отражается в хеттском слоговой~неслоговой аллофон индоевропейских сонантических фонем. Такие аллофоны, как **ṛr*, **ll*, **ṛn*, **ṛm* дают закономерно в соответствующих позициях сочетания *arr*, *all*, *ann*, *amm* с удвоением сонантных согласных.

Необъясняемые удвоения сонорных в хеттском получают удовлетворительное истолкование при увязке их с индоевропейскими аллофонами сонантов типа слоговой~неслоговой. Это особенно ясно видно при передаче аллофонов этого типа сонантов **i* и **u* последовательностью *-ii-* и *-uu-* (ср. выше модели распределения этого вида сонантических аллофонов):

¹ Ср. др.-инд. *putra-* 'внук', ступень *vṛddhi* при *putrá-* 'сын' (Thumb/Hauschild 1958, I, 1: § 113, 273).

² К переходу *-ans* → *-anz-* ср. *dagan-šepa-* → *daganzipa-* 'Дух земли' с изменением первоначального *s* под влиянием неслогового сонорного *n* в хеттском, ср. также Oettinger 1980: 44 и след.

Ср. хет. *šūcaī-* 'толкать', 'теснить', 'вытеснять': др.-инд. *śwāti* 'приводит в движение' (Couvreur 1937: 221 и след.);

Хет. *tuca* 'далеко', *tucaz* (отл. п.) 'издали', ср. др.-инд. *dū-ráḥ* 'далекий', сравн. ст. *dāvīyas-*, превосх. ст. *daviṣṭha-* (Benveniste 1932c : 142 и след.; Goetze/Pedersen 1934 : 71);

Хет. *ḫūcant-* 'ветер': лат. *uentus*, гот. *winds*;

Хет. *išḫiia-* 'связывать': др.-инд. *s(i)ya-* 'связывать';

Хет. *ḫaštiiaš* (ср. **-iḫ-es* в формах им. п. мн. ч. при хет. *ḫaštai* 'кость'): др.-инд. *ásthi*, греч. *ὀστέον* 'кость';

И.-е. **ḡr-*: хет. *parranda* 'прочь', 'сверх того', 'над', ср. др.-инд. *puráḥ*, авест. *parō*, греч. *πάρω* при хет. *para* < **pro*;

И.-е. **l-*: хет. *malla(i)-* 'молот', арм. *malem* 'разбиваю', валл. *malu* 'молот': и.-е. **ml-(o)-*; хет. *kalleš-* 'звать', греч. *καλέω* 'зову': и.-е. **k^hl-l-e(s)-*; хет. суффикс имени деятеля *-tallaš*: *maniiaḫḫatalla-* 'правитель' (из **-t^hl-l-os*), ср. слав. **-tel'* < **-t^hl-el-jo-*. Характерно, что другой суффикс имени деятеля *-tara-* в хеттском представлен, как правило, в простом написании *r*, что, очевидно, предполагает его происхождение от формы с полной огласовкой **-t^hlor(-os)*, ср. греч. *-τορ*, *-τωρ*;

И.-е. **ḡm/*ḡp-*: хет. *šanna-* 'единый', 'один', *šannari šannari* 'порознь', др.-инд. *sama-*, др.-перс. *hama-*, греч. *ἄμβ-θεν*, гот. *sums* 'кто-нибудь': и.-е. **smmo-*; хет. *innara-* 'мужественность', восходящее, вероятно, к архетипу **Hnaras*: ср. др.-инд. *nár-* 'мужчина', греч. *ἀνήρ*, др.-инд. *sūnára-* 'полный жизненной силы'. След начального "ларингального" проявляется в долготе *ū* в др.-инд. *sūnára-* и, возможно, в протетическом гласном греческого. Благодаря таким формам с удвоением сонорных *r*, *l*, *m*, *n* в интервокальной позиции, закономерно отражающим слоговой~неслоговой вариант сонантов, в хеттском возникает модель распределения сонорных с удвоением в интервокальной позиции, которая позднее обобщается на все случаи с сонорными согласными в позиции между гласными. Этим объясняются удвоения сонорных в сочетаниях энклитических частиц в начале предложения: *ni + nas* → *ni-un-na-aš*, в некоторых более поздних словосложениях типа *u-nna-* 'пригонять', *repna-* 'угонять', ср. хет. *nai-* 'вести', др.-инд. *nī-*, *ṇau-* 'вести', а также в отдельных хеттских словах с сонорными в интервокальной позиции: хет. *gi-im-ta-an-za* 'зима', ср. др.-инд. *hemantá-ḥ* 'зима', а также в отдельных словах типа *ḫellu-* 'луг', *šalli-* 'большой' и др.

2.4. АЛЛОФОНЫ «ЛАРИНГАЛЬНОЙ» ФОНЕМЫ И ИХ РЕФЛЕКСЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Изменение системы сонантов и гласных в позднеиндоевропейском было тесно связано с преобразованиями, которые претерпела в отдельных индоевропейских диалектах "ларингальная" фонема. "Ларингальная" фонема хотя и образовывала подкласс сонантических фонем в том смысле, что наподобие собственно сонантов характеризовалась слоговыми и неслоговыми аллофонами, однако в своем дальнейшем развитии в отдельных диалектах она ведет себя отлично от собственно сонантических фонем *r*, *l*, *m*,

В отдельных индоевропейских диалектах неслоговой вариант “ларингальной” фонемы проявляет тенденцию к утере в позиции после гласной с компенсаторным удлинением предшествовавшей гласной¹:

И.-е. *eH-, *aH-, *oH- → диал. *ē, *ā, *ō (хет. *eh*, *ah*):

*d^hleH- → *d^hlē- : греч. τίθημι ‘ставлю’, др.-инд. *dádāmi*, ст.-слав. *dějǫ*, латыш. *dēju*;

*t'oH- → *t'ō- : греч. δίδωμι ‘даю’, др.-инд. *dādāmi*, лат. *dō*, ст.-лит. *dūomi*;

*st^hlaH- → *st^hlā- : греч. δор. ἵστανμι, др.-инд. *tisṭhāmi* ‘стою’;

*p^hlaH- → *p^hlā- : др.-инд. *pāti* ‘охраняет’, лат. *pāscō*, *pāui* ‘пасти’, *pāstor* ‘пастух’, тох. В *pāsk-* ‘охранять’;

Диалектальный характер исчезновения неслогового аллофона “ларингальной” фонемы в такой позиции с удлинением предшествующей гласной выводится из факта сохранения в анатолийской группе индоевропейских языков, в частности хеттском, “ларингальной” фонемы с кратким гласным в предшествующей позиции, ср. хет. *teḫḫi* ‘ставлю, кладу’ (*d^hleH-), *daḫḫi* ‘беру’ (*t'oH-), *paḫṣ-* ‘охранять’ (*p^hlaHs-).

В начальной позиции перед гласными неслоговой аллофон “ларингальной” фонемы в первой группе диалектов теряется бесследно, тогда как в анатолийском он отражается в виде сегментной фонемы *ḫ*:

И.-е. *ḫHe-, *ḫHa-, *ḫHo- → диал. *e-, *a-, *o- (хет. *ḫe-*, *ḫa-*):

*ḫek'o- → *ek'o- : др.-инд. *ágram* ‘острие’, ‘вершина’, хет. *ḫegur* ‘скала’, ‘вершина’, ‘возвышенность’; *ḫan- → *an- : лат. *anus* ‘старуха’, греч. ἀνίς, μήτηρς ἢ πατρός μήτηρ, *Гесихий* (хет. *ḫannaš* ‘бабушка’, лик. *ḫāna* ‘мать’, ср. арм. *han* ‘бабушка’); *ḫant^h- → *ant^h- : лат. *ante* ‘перед’, греч. ἀντί, др.-инд. *ánti* (хет. *ḫant-* ‘передняя сторожа’, ‘лоб’); *ḫas- → *as- : лат. *āra* ‘алтарь’, ‘жертвенник’, оск. *aasaí* (хет. *ḫašša-* ‘очаг’); *ḫis- → *is- : др.-инд. *īśá* ‘дышло’, греч. οἴηξ ‘кольцо на ярме’, слав. *oje; *ḫos-t^h- → *ost^h- : гот. *asts*, др.-в.-нем. *ast*, греч. ὄζος ‘ветвь’ (ср. хет. *ḫašduir* ‘сухие ветви’, ‘хворост’).

Описанное выше удлинение гласных в ряде индоевропейских диалектов можно было бы истолковать также как слияние предшествовавшей краткой гласной с непрерывным звуком фарингальной артикуляции². В результате в таких индоевропейских диалектах возникают долгие гласные различных тембров, которые сливаются в системе с соответствующими долгими

¹ Ларингальные в этом отношении проявляют некоторую близость к сонантам *i*, *u*, которые в определенных позициях стягиваются с предшествующей гласной, давая соответствующую долгую гласную. Близость первоначальных “ларингальных” фонем к сонантам *i*, *u* проявляется и в том, что многие индоевропейские формы с “ларингальными” обнаруживают в позднейших рефlekсах как бы дополнительные *i*, *u* в пределах основы, восходящие, по-видимому, к определенным признакам “ларингальных” фонем (ср. выше, стр. 171—172). В этом смысле любопытна типологическая параллель с кабардинским, в котором, согласно данным Койперса (Kuipers 1960), поведение *h* аналогично синтагматическому поведению фонем *y* и *w*.

² Возникновение индоевропейских долгих гласных благодаря возмещению “одного из исчезнувших спирантов -h// s → γ//y (ʕ)” было с присущей ему проникаемостью предположено еще Н. Я. Марром на примере развития *maḥl → māl- (mél-) в др. *mālon*, лат. *mālum* ‘яблоко’ (Марр 1922 : 328), которое позднее нередко сопоставляли с хет. *maḫlaš* ‘виноградная лоза’.

ми гласными, возникшими исторически в степени растяжения. Характерно в этом отношении то, что индоевропейские диалекты, в которых под влиянием “ларингальной” фонемы возникают новые долгие гласные, совпадающие с исторически возникшими долгими гласными в степени растяжения, еще в период их обособленного развития сохраняют и в некоторых случаях, как, например, в древнеиндийском, расширяют сферу действия вокалической долготы как фонологически значимого признака.

Увеличению функциональной нагрузки фонологической долготы в индоевропейских диалектах первой группы должно было содействовать также возникновение долгих гласных в результате вокализации долгих слоговых сонантов. В отдельных индоевропейских диалектах эти последние возникают из соответствующих кратких слоговых сонантов при потере последующей неслоговой “ларингальной” фонемы (ср. *Lindeman 1970; 1979; Beekes 1969*). В последовательности *-CŠH-* *S* проявляется в виде своего слогового аллофона $\S$ при “ларингальной” фонеме в качестве неслогового элемента: *-CŠH-* (в этом, в частности, проявляется более высокая степень сонорности сонантов в отличие от “ларингальной”).

Процесс падения неслогового аллофона “ларингальной” фонемы в позиции перед слоговым элементом, обусловивший в одной группе индоевропейских диалектов образование соответствующих долгих гласных, приводит к аналогичным изменениям и предшествующего слогового сонанта, вызывая его компенсаторное удлинение. В анатолийских языках, и в частности хеттском, в котором неслоговой “ларингальный” в позиции перед гласной дает рефлекс в виде соответствующей гласной + h , тот же неслоговой элемент в позиции после слогового сонанта отражается закономерно в виде последовательности, включающей рефлекс краткого слогового сонанта + h .

Тем самым возникновение долгих слоговых сонантов, как и возникновение долгих гласных, выступавших в позиции перед неслоговым “ларингальным”, нужно отнести к сравнительно позднему периоду в истории развития отдельных индоевропейских диалектов. Это же проявляется и в факте неединообразного отражения вокализации долгих слоговых сонантов в отдельных диалектных группах. Даже такие олизкородственные диалекты, как индийский и иранский, обнаруживают различие в характере рефлексов и вокализации долгих слоговых сонантов:

И.-е.	Др.-инд.	Др.-иран.	Греч.	Лат.	Кельт.	Хетт.
*-rH → -r̄-	-īr, -ūr ¹	-ar-	-rā(-αρα-)	-ra(-ar[a]-)	-rā-	-arh̄-
*-lH → -l̄-	-īr-, -ūr-	-ar-	-lā(-αλα-)	-la(-al[a]-)	-lā-	-alh̄-
*-mH → -m̄-	-ā-	-ā-	-mā(-αμα-)	-ma(-am[a]-)	-mā-	—
*-nH → -n̄-	-ā-	-ā-	-nā(-ανα-)	-na(-an[a]-)	-nā-	-anh̄-
*-iH → -ī-	-ī-	-ī-	-ī-	-ī-	-ī-	
*-uH → -ū-	-ū-	-ū-	-ū-	-ū-	-ū-	-uh̄ ²

¹ Вокализм $\bar{u}$ возникает при вокализации долгих слоговых сонантов и лабиовелярных. В этом обнаруживается след лабиовелярного ряда в древнеиндийском, существовавшего по крайней мере в период вокализации долгих слоговых сонантов $\bar{i}r$, $\bar{u}r$, ср. выше вокализацию * $\bar{r}$ в $gūr̄$ с начальным * k^{o} (стр. 93).

² Возникающие в фонологических системах индоевропейских диалектов после па-

И.-е. $*t^{[h]}erH-/*t^{[h]}rH- \rightarrow *t^{[h]}r̄-$: др.-инд. *tīrṇá-*, прич. прош. вр. от *táratī* ‘переходит’, ‘побеждает’, греч. *τρῆτός* ‘просверленный’, ср. хет. *tarḥ-* ‘побеждать’;

И.-е. $*k^{[h]}erH-/*k^{[h]}rH- \rightarrow *k^{[h]}r̄-$: др.-инд. *kīrti-* ‘мысль’, ‘упоминание’, ‘слава’ от др.-инд. *carkarti* ‘возвещать славу’, *kāru-* ‘певец’, греч. *κῆρυξ* ‘глашатай, вестовой, герольд’, гот. *hrōþeigs* ‘славный’, др.-исл. *hrōðr* ‘слава’, прус. *kirdīt* ‘слушать’;

И.-е. $*k^{[h]}erH-/*k^{[h]}rH- \rightarrow *k^{[h]}r̄-$: др.-инд. *gūrtá-ḥ* ‘желанный’, лат. *grātus* ‘приятный’, ‘приемлемый’, лит. *girti* ‘прославлять’;

И.-е. $*k^{[h]}erH-/*k^{[h]}rH- \rightarrow *k^{[h]}r̄-$: др.-инд. *śīrṣān-* ‘голова’, греч. *κάρᾱ*;

И.-е. $*k^{[h]}erH-/*k^{[h]}rH- \rightarrow *k^{[h]}r̄-$: др.-инд. *jīrṇá-* ‘старый’ при греч. *γέρων* ‘старик’;

И.-е. $*sp^{[h]}erHk-/*sp^{[h]}rHk- \rightarrow *sp^{[h]}r̄k-$: др.-инд. *sphúrjati* ‘проявляется’, авест. *fra-sparəṣa-* ‘отпрыск’, ‘ветка’, греч. *σφαραγέομαι* ‘раздуваюсь, набухаю’, ‘лопаюсь’, лат. *spargō* ‘рассыпаю’;

И.-е. $*t^{[h]}elHg^{[h]}-/*t^{[h]}rHg^{[h]}- \rightarrow *t^{[h]}r̄g^{[h]}-$: др.-инд. *dīrghá-*, авест. *daraga-* ‘долгий’, ст.-слав. *dlügŭ*, серб.-хорв. *dŭg*, рус. *долгий*, ср. хет. *dalu-ga-* ‘долгий’;

И.-е. $*p^{[h]}elH-/*p^{[h]}rH- \rightarrow *p^{[h]}r̄-$: др.-инд. *pūrṇá-* ‘полный’, лит. *pilnas* ‘полный’, лат. *plānus* ‘плоский’, ср. хет. *palḥ-i-* ‘широкий’;

И.-е. $*k^{[h]}enH-/*k^{[h]}rH- \rightarrow *k^{[h]}r̄-$: др.-инд. *jā-tá-*, прич. пр. вр. от *jan(i)-* (др.-инд. *jani-tár-* ‘родитель’, греч. *γενέτωρ*);

И.-е. $*t^{[h]}emH-/*t^{[h]}rH- \rightarrow *t^{[h]}r̄-$: др.-инд. *dāmtá-*, прич. пр. вр. от основы др.-инд. *damáyati* ‘укрощает’, греч. дор. *δμᾶτός* ‘укрощенный’;

дения “ларингальных” долгие $\bar{i}$, $\bar{u}$ из соответствующих сочетаний “ларингальной” с предшествующими краткими i и u , бывшими слоговыми аллофонами сонантов, могли существовать в дальнейшем расщеплении оставшихся в системе сонантов $i/\bar{i}$ и $u/\bar{u}$ на собственно гласные i и u и собственно согласные (полугласные) j и w . Возникающие долгие гласные $\bar{i}$, $\bar{u}$ первоначально выступают в системе в качестве долгих слоговых аллофонов сонантов i и u (наряду с краткими аллофонами i и u), ср. типы фонологически обусловленных чередований в древнеиндийских парадигмах типа им. пад. *devī* ‘богиня’, род. пад. *devyāḥ*, *vadhī-* ‘жеищина’, род. пад. *vadhvāḥ*. Позднее долгие $\bar{i}$ и $\bar{u}$ начинают контрастно противопоставляться в таких системах кратким i , u (слоговым аллофонам сонантов) и выступают уже как единицы, находящиеся в корреляции друг с другом по признаку вокалического количества (гласных). Тем самым сонанты $i/\bar{i}$ $u/\bar{u}$ расщепляются на собственно гласные i и u и согласные (полугласные) j и w . Этот процесс вызывает в таких системах полную элиминацию класса сонантов и формирование двух основных фонемных классов — класса собственно гласных (включающих и гласные i , u) и класса собственно согласных (включающего и сонорные g , l , m , n , j , w).

Долгие слоговые сонанты отразились в балто-славянском в виде рефлексов сочетаний i , u с сонорными с особыми интонациями (акутом) в отличие от отражения соответствующих кратких слоговых сонантов, характеризующихся отсутствием акута.

И.-е. $*b^{[h]}euH-/*b^{[h]}uH- \rightarrow *b^{[h]}\bar{u}-$: др.-инд. *bhū-tá-*, прич. прош. вр. к *bhāvi-tum* ‘быть’;

И.-е. $*d^{[h]}euH-/*d^{[h]}uH- \rightarrow *d^{[h]}\bar{u}-$: др.-инд. *dhūmáh* ‘дым’ (ср. буд. вр. *dhavisyati* к *dhūnóti* ‘трясти’, ‘раздувать’), лат. *fūmus* ‘дым’, лит. *dūmai*, прус. *dumis* ‘дым’, ст.-слав. *dymŭ* ‘дым’, ср. хет. *tuhh-ima-* ‘удушье’, ‘одышка’, *tuhhiia-*, *tuhhai-*, *tuh-ḥa-a-it* (KUB XXXII 33, 18, 12) ‘тяжело дышать’, ‘задыхаться’.

В начальной позиции перед сонантом μ “ларингальная” фонема выступала, по-видимому, в форме своего неслогового аллофона, отразившегося в хеттском в виде $\check{h}$, но утерянного в других диалектах:

Хет. *ḥuḥant-* ‘ветер’, род. пад. *ḥuḥandaš*, им. пад. мн. ч. *ḥu-ḥa-an-te-eš*, лат. *uentus* ‘ветер’, гот. *winds*, др.-инд. *vāti* ‘дует’, арм. *hovem* ‘дую’: и.-е. $*Hue/ont^{[h]}$. В родственном этим формам греч. $\delta\phi\eta\sigma\iota$ ‘дует’, $\delta\epsilon\lambda\lambda\alpha$ ‘ветер’, ‘буря’ протетическая гласная указывает на возможность проявления в данной позиции слогового аллофона $*H$.

Такая же позиция неслоговой “ларингальной” отражена в хеттском *ḥueš-* ‘жить, существовать’, 3 л. ед. ч. *ḥu-e-eš-zi* ‘живет, существует’, кауз. *ḥuešnu-* ‘оживлять’, ‘оставлять’: и.-е. $*Hues-$, ср. др.-инд. *vāsati*, гот. *wisan* ‘быть, существовать’, греч. $\lambda\acute{\alpha}\beta\omega$, наст. вр., аор. $\acute{\alpha}(F)\epsilon\sigma\alpha$ ‘проводить ночь’, ‘спать’;

Хет. *ḥulana-* ‘шерсть’ (ср. *ḥu-la-a-li* ‘веретено’), лат. *lāna* < $*wlāna$, гот. *wulla*, лит. *vūlna*, др.-инд. *ūrṇā* ‘шерсть’: и.-е. $*Huln-$, с отражением неслогового $*H$ в виде начального $\check{h}$ в хеттском и передачей слогового $*l$ в позиции после μ в виде последовательности *ul*. Это же слоговое $*l$ в других индоевропейских диалектах претерпевает удлинение под влиянием “ларингальной” фонемы в последовательности из нескольких сонантов.

Неслоговой аллофон “ларингальной” отражается в хеттском в виде согласного $\check{h}$ и в позиции между неслововым сонантом или *s* и гласной. В других индоевропейских диалектах “ларингальная” фонема теряется в этой позиции: хет. *ešḥa-* ‘хозяин’, др.-хет. *ešḥe* ‘господину’, лат. *erus* ‘господин, хозяин’: и.-е. $*esHo-s$;

Хет. *ešḥar* ‘кровь’, род. пад. *ešḥanaš*, лув. *ašḥar*, др.-инд. *ásṛk*, род. пад. *asnáh*, греч. $\xi\alpha\rho$ ‘кровь’, лат. диал. *asser*, латыш. *asins*, тох. А *ysār*;

Хет. *išḥiia-* ‘связывать’, лув. *ḥišḥiia-* ‘связывать’, др.-инд. *syāti* ‘связывает’;

Хет. *erḥa-* ‘граница’, ‘предел’, ‘область’, *arḥa* (ступень с огласовкой $*o$ или нулевая); лат. *ōra* ‘граница’, ‘предел’, лит. *oras* ‘воздух’, *iš óro* ‘извне, снаружи’: и.-е. $*erH-os$. Долгое $\bar{o}$ в латинской и балтийской формах может быть объяснено влиянием последующей “ларингальной” фонемы.

Характерно в этом отношении, что сочетание гласной с последующим сонантом и “ларингальной” приравнивается к единому слогу, состоящему из гласной + ларингальной. Такое сочетание составляло как бы фонемно долгий компонент (в отличие от сочетания гласной + шум-

ны й+ларингальный без удлинения предшествующей гласной), который выступал как непрерывная последовательность в пределах слога. Ср. в этом отношении разобранную выше последовательность **Huḷn-* ‘шерсть’ со сходным дистантным влиянием ларингальной фонемы на сонант¹.

В рассмотренных выше позициях “ларингальная” фонема, выступавшая в форме неслогового аллофона, дает в хеттском рефлекс в виде согласного *ḫ* (очевидно, глухого заднеязычного спиранта [x]). Такое же отражение в виде спиранта *ḫ* наблюдается и в отношении индоевропейской глухой поствелярной (увулярной) фонемы, о которой говорилось выше (стр. 131). “Ларингальная” фонема в некоторых позициях совпадает в хеттском с отражением поствелярной согласной, что объяснимо фонетической близостью неслогового аллофона и глухого увулярного согласного.

Неслоговой аллофон “ларингальной” не дает рефлекса в виде сегментной фонемы в индоевропейских диалектах (включая и хеттский) в позиции между нена начальной смычной и гласной фонемами².

Примерами, иллюстрирующими утерю такого аллофона “ларингальной” фонемы в хеттском, могут служить следующие формы:

Окончание 2-го л. ед. ч. *-tti* спряжения на *-hi*, греч. *-θα*, др.-инд. *-tha*, восходящие к и.-е. **-t(h)Na*. След “ларингальной” фонемы (ее неслогового аллофона) виден в факте сохранения аспирированной глухой смычной, ср. выше о дистрибуции придыхательных аллофонов глухих смычных в индоевропейском.

Аналогичное развитие неслоговой “ларингальной” следует допустить и в позиции после индоевропейских глоттализированных заднеязычных смычных. В древнеиндийских формах *māhi* (ср. р.) ‘большой’ (при греч. *μέγας*, *μέγας* ‘большой’, лат. *magnus*, арм. *mes*, гот. *mikils*); *ahām* ‘я’ (при греч. *ἐγώ*, лат. *egō*, гот. *ik*); *duhitā* ‘дочь’ (при авест. *dugadar-*, греч. *θυγάτηρ*, лит. *duktė*) может быть восстановлена “ларингальная” фонема, след которой в

¹ Такое поведение сочетаний гласная+сонант, которые в позиции перед “ларингальной”, начиная с определенной эпохи, по-видимому, к периоду падения “ларингальных”, трактуются как фонемно долгие компоненты, то есть как фонологически унитарные единства, как единое целое, показывает, что они могут быть истолкованы как особые фонологические единицы, противостоящие отдельно гласным и сонантам. Такие единицы могут быть охарактеризованы как дифтонги, состоящие из последовательности гласная+сонант (в неслоговой функции) или сонант (в неслоговой функции)+гласная. Это положение, возникающее на позднеиндоевропейском диалектном уровне в эпоху падения “ларингальных”, продолжается уже в отдельных исторических диалектах (в частности в балтийском и славянском) и проявляется в интонационных и акцентуационных противопоставлениях целых дифтонгов.

² Ср. отсутствие в хеттском слов с сочетанием смычная+*ḫ* или *ḫ*+смычная. Обнаруживаемые в хеттском языке немногочисленные формы с подобными сочетаниями типа *tetḫa-* ‘гремять’ (о громе), *GIŠnathita-* ‘вид сосуда’, *Duḫaliija-* (царское имя) иноязычного происхождения входят в число слов периферийной лексики и поэтому не отражают фонетических закономерностей хеттского языка; даже в морфологических сочетаниях обнаруживается тенденция к устранению подобных комбинаций, ср. форму 2-го л. ед. ч. *idalayaḫti* (*i-da-la-ya-aḫ-ti*) от *idalayaḫḫ-* ‘делать зло’ с переходом в форму *idalayaatti* в результате устранения неестественного комплекса *ḫt*, ср. в качестве типологической фонетической параллели развитие сочетания **t→ti* в аккадском.

тех же формах виден в рефлексах ее слогового аллофона *H: др.-инд. *i*, греч. *α*, или в долготе гласной (ср. греч. *ἔγω*). Нужно предположить, что в определенных парадигматических формах двух первых слов с чередованиями гласных возникали структуры, в которых “ларингальная” оказывалась в позиции между согласной и гласной и проявлялась в виде своего неслогового аллофона. Такое *H придает эффект аспирации предшествующему (уже к тому времени озвончившемуся) согласному, с которым оно сливается в звонкую аспирированную фонему. В хеттском *mekki* (*me-ik-ki*, ср. р. вин. п., *me-ik-ka-e-eš* “многочисленный”, ср. тох. А *māk* “многий”), соотносящемся с др.-инд. *māhi*, греч. *μέγα*, представленном регулярно с удвоенным написанием *kk*, неслоговой аллофон “ларингальной” фонемы в позиции C—V, очевидно, так же вызывал придыхательность предшествовавшего согласного, совпавшего в этом отношении с рефлексами смычных серии III (*Гамкрелидзе 1960: 60 и след.*).

Особый случай отражения “ларингальной” фонемы, также повлиявшей на аспирацию в древнеиндийском, где она отражается в дальнейшем в виде слогового аллофона, представлен в форме др.-инд. *duhitā*, греч. *θυγάτηρ* ‘дочь’. Диалекты, которые сохраняют “ларингальную” фонему (точнее, ее неслоговой аллофон) в виде особой сегментной фонемы в позиции после гласных, то есть те диалекты, где не возникают долгие гласные из сочетания кратких гласных с последующей “ларингальной” фонемой, как, например, в хеттском, проявляют тенденцию к элиминации фонологического признака долготы гласных фонем.

Такое развитие признака вокалической долготы в различных индоевропейских диалектах представляет любопытный с типологической точки зрения пример, с одной стороны, закрепления и расширения функциональной нагрузки фонем, носящих эти признаки (при вторичном комбинаторном появлении этого признака в системе), а с другой стороны, постепенного отмирания, элиминации в системе определенного фонологического признака при отсутствии источника вторичного порождения фонем с этим признаком.

В формах с нулевой огласовкой корня “ларингальная” фонема в позиции между двумя согласными (или соответственно между согласной и паузой или паузой и согласной—о функционально-дистрибутивной эквивалентности согласной и паузы см. выше, стр. 197) выступает в виде своего слогового аллофона *H:

И.-е. *H → др.-инд. *i*, лат. *a*, греч. *α*¹:

*d^[h]eH-/*d^[h]H-t^[h]o- : греч. *θετός*, др.-инд. *hitá-h*;

*t'oH-/*t'H-t^[h]o- : греч. *δοτός*, лат. *dātus*;

*st^[h]aH-/*st^[h]H-t^[h]o- : греч. *στατός*, лат. *stātus*.

В хеттском слоговой аллофон “ларингальной” фонемы H отражается, как и в некоторых других индоевропейских языках, в виде гласного *a*:

¹ В греческом *H отражается нормально через *α*, ср. *θήνημι: ἐρράτην, χρήμα: χράομαι, τρήμα: τράομαι* (*Schwyzler 1939, I: 340—341*). Отражение H в греческом через краткие *ε* и *ο* в формах нулевой ступени от *τίθημι* и *ἵστημι* можно объяснить влиянием долгого гласного (*Brugmann 1904: 174; Kuryłowicz 1956: 201*).

·iš. Хет. *ta-ak-la-an-te-eš* им. п. мн. ч. 'худой, тощий': греч. μακρός 'длинный', μήκος 'длина'.

Форма *taklant-* предполагает основу **tak-la-*, чередующуюся с **tak-ro-* (и.-е. **mHk^[h]-ro-*); полная ступень огласовки представлена в дор. μήκος, из **maHk^[h]-*;

Хет. *tamaš-* 'теснить, притеснять', 'мучить', *ta-ma-aš-zi*, *ta-ma-aš-šir*, ср. греч. дор. δάμωμι, аор. ἐ-δάμα(σ)σα, дор. δμῶτος 'укрощенный', лат. *domāre* 'обуздывать', 'покорять', др.-инд. *damáyati* 'укрощает', *damitā* 'укротитель'. Хеттская форма восходит к архетипу со слоговой "ларингальной" между двумя неслоговыми элементами: **t'om-H-s-*;

Хет. *dašk-*, 1 л. ед. ч. *da-aš-ki-mi*, итеративно-дуративная форма к глаголу *daḥḥi* 'беру', и.-е. **t'oH-*. Итеративная форма восходит к форме в нулевой ступени огласовки, характерной для хеттских глаголов на -šk (*Bechtel 1936: 10*): **t' H-šk^[h]-*.

Можно предположить, что такие же формы с нулевой огласовкой представлены в парадигме мн. ч. того же корневого глагола *daḥḥi* 'беру'

ср. мн. ч. 1 л. *daḥeni*
2 л. *datteni* (*da-at-te-ni*)
3 л. *danzi* (*da-a-an-zi*)

с чередованием полной и нулевой ступеней огласовки.

При допущении этимологической связи хет. *paš-* 'глотать' (3 л. ед. ч. *pa-aš-zi*, *pāši*, 3 л. ед. ч. пов. накл. *pašdu*) с др.-инд. *pānti* 'пьют', греч. πῶδι 'пей!', πῶμα 'напиток' (*Sturtevant 1942: 53*, ср. хет. 3 л. ед. ч. *pa-aš-ta* KUB XXIX 7 II 55 при вед. мед. аор. *pāsta* 'он выпил'), индоевропейскую праформу для этих форм следовало бы восстановить в виде **p^[h]oH-s- → *p^[h]H-s-*;

Хет. *paš-* восходит в таком случае к основе с нулевой огласовкой **p^[h]H-s-* с отражением **H- → -a-* в позиции между двумя согласными.

Наряду с отражением слогового *H в виде *a* в хеттском можно предположить его отражение и в виде других гласных, в частности *u*, в форме *daluga-* 'долгий' (ср. *da-lu-ga-aš-ti* 'длина', польск. *dtugośc*), им. пад. мн. ч. *da-lu-ga-e-eš* 'долгие'. Хет. *daluga-* восходит, очевидно, к индоевропейскому **t'IHg^[h]-*, ср. др.-инд. *dīrghá-*, авест. *darəḡa-*, *darəga-*, ст.-слав. *dlŭgŭ*, серб.-хорв. *dŭg*, рус. *долгий*. Вокализация слогового **!* приводит в хеттском к образованию формы **talHk-* с поздним собственно хеттским *H*, отразившимся в виде гласного *u*. Вокализация сонантов в хеттском, по-видимому, предшествовала процессу замены неслоговых аллофонов "ларингальной" фонемы спирантом *ḥ* и вокализации слогового аллофона *H*. Характерно, что в славянском родственная форма показывает аналогичное отражение группы слоговой сонант + ларингальный: ст.-слав. *dlŭgŭ*; неоднократно отмечавшиеся черты сходства хеттской формы со славянской могут объясняться не как общая хетто-славянская изоглосса, а как параллельное развитие первичных элементов независимо в отдельных индоевропейских диалектах.

Ср. также отражение H в виде u в формах 1-го л. мн. ч. *tuçeni*, *tummeni* (*du-um-me-e-ni*), ср. *u-tum-me-ni* 'приносим' *pí-e-tum-me-ní* 'уносим' (с префиксами $u-$, $pe-$), из и.-е. $*t^h\text{H}$ -. В отличие от этого, в формах мн. ч. от глагола *dai*- 'класть': и.-е. $*d^{[h]}\text{eH}$ -, 1 л. *ti-(i)a-u-e-ni*, 3 л. *ti-(i)a-an-zi*, в которых представлена, несомненно, нулевая ступень огласовки, рефлекс и.-е. H можно было бы видеть в проявляющихся в этих формах палатальных гласных, согласующихся с тембром гласной в полной ступени огласовки (ср. рассмотренные выше факты появления i и u при рефлексах соответственно палатализованной и лабиализованной "ларингальных" фонем). В этом смысле показательно также отражение H в греческом в виде ϵ , α , o в зависимости от тембра гласной в формах с полной ступенью огласовки.

В позициях, определяемых правилами Зиверса-Эджертонна как позиции проявления слогового~неслогового аллофона сонантов (см. выше, стр. 196—197), "ларингальная" фонема должна была проявляться в виде особого аллофона, аналогичного слоговому~неслоговому аллофону сонантов, который можно было бы представить в символической записи как HH . Необходимость постулирования такого аллофона "ларингальной" фонемы диктуется целым рядом фактов хеттского языка, в котором рефлекс "ларингальной" фонемы в позициях после начального согласного и перед гласной представлены, как правило, последовательностью $-ahh-$, с удвоенным написанием велярного спиранта h (ср. аналогичное отражение слогового~неслогового аллофона сонанта в хеттском в виде сочетания a с последующим удвоением сонорного согласного):

Хет. *paḥhur* (*pa-aḥ-hur*, *pa-aḥ-ḥu-ḥa-ar*), род. пад. *pa-aḥ-ḥu-u-e-na-aš* 'огонь', греч. $\pi\upsilon\rho$, род. п. $\pi\upsilon\rho\acute{o}\varsigma$ 'огонь', др.-исл. *fiurr*, гот. *fōn*, арм. *hur* 'огонь', *hn-oc* 'печь'. Долгое $\bar{u}$ в этих индоевропейских формах можно объяснить как результат стяжения u с предшествующим a из слоговой "ларингальной" фонемы¹. Слоговой же вариант "ларингальной" с учетом хеттской формы следует реконструировать в виде архетипа $*p^{[h]}\text{H}\text{H}\text{ur}$, отразившегося закономерно в хеттском в форме *paḥhur* с удвоенным написанием hh , ср. отражение $*r$ → хет. $-arr-$, $*l$ → хет. $-all-$, $*n$ → хет. $-ann-$;

Хет. *naḥḥan* 'почитание', 'страх' (ср. написание *na-aḥ-ḥa-a-an*, Nat. I 8), прич. *naḥḥant-* 'почитающий, почтительный' предполагает исходную форму $*n\text{H}\text{H}-om$, $*n\text{H}\text{H}-ont^{[h]}$ с нулевой огласовкой корня (обязательной в хеттском для причастий на $-ant-$)² при форме полной ступени в гла-

¹ Ср., например, соотношение $\bar{u}$ в др.-инд. *sūrya-* 'солнце', возникшего из индоевропейской последовательности $*sā\check{u}el-$ (лат. *sōl*), при лит. *saulė* 'солнце', латыш. *saule*, гот. *sauil*.

² К этому же типу образования может относиться и хеттская форма *ša-aḥ-ḥa-an*, обозначающая определенный вид повинности. В случае наличия этимологической связи данного слова с хет. *išhiḥa-* 'связывать' (ср. *išhiul* 'договор', в том числе с подчиненными, др.-инд. *syāti* 'связывает', 'привязывает': и.-е. $*sH-i\check{o}-$), рассматриваемое хеттское слово можно вывести закономерно из архетипа $*s\text{H}\text{H}-óm$ с "ларингальной" фонемой в виде слогового~неслогового аллофона в позиции $\#C-V$.

гольной основе *naḥ-* ‘бояться’, ‘почитать’, 1 л. ед. ч. *na-aḥ-mi* ‘я боюсь’, *naḥšarija-* ‘бояться’ (др.-ирл. *nár* ‘скромный, стыдливый’ < *nāšros, *nāire* ‘скромность’ < **nāšriā-*);

Хет. *lah(h)u-* ‘лить, наливать’, 3 л. ед. ч. *la-aḥ-ḥu-u-i* ‘льет’, *la-aḥ-ḥu-u-ṣa-i* KUB IX 31 II 9, 3 л. мн. ч. *la-aḥ-ḥu-u-ṣa-an-zi*, предполагает форму со слоговым~неслоговым аллофоном “ларингальной” фонемы: ***ИН**-и-. Эта же форма с нулевой огласовкой лежит в основе таких индоевропейских форм, как лат. *lauō*, греч. *λόω* < *λόϜω*, буд. вр. *λοῦσομαι* ‘мою’. Долгая гласная под влиянием “ларингальной” представлена в латинской форме перфекта *lauī*.

Архетип ***ИН**и- удовлетворительно объясняет исторически засвидетельствованные хеттские формы *lahḥu-* с последовательностью *-aḥḥ-* в качестве рефлекса слогового ~ неслогового варианта **НН** “ларингальной” фонемы. В редуцированной хеттской форме *leḥḥuṣa-*, 3 л. ед. ч. наст. вр. *li-il-ḥu-ṣa-i* (VBoT I 14), восходящей к **leḥḥu-*, корневая морфема представлена также в нулевой ступени огласовки, но уже с неслоговым вариантом “ларингальной” фонемы *Н* в позиции между неначальной согласной и гласной (ср. выше схемы распределения аллофонов сонантов). Чередование *lahḥ-/lḥ-* в данной хеттской форме отражает, очевидно, разновидность аллофонов “ларингальной” фонемы, проявившихся в позиции между неслоговым и слоговым элементами в виде различных слогаобразующих вариантов в полном соответствии с распределением в аналогичных позициях вариантов собственно сонантических фонем. Ср. аналогичное отражение идентичных отношений в исходных формах, к которым восходят греч. гом. *λόϜω* (хет. *lahḥu-*) и редуцированная форма греч. гом. *λελουμένος* ‘выкупавшийся’ (гом. *λελουμένος* *Ἐκεανοῖο* ‘выкупавшийся в Океане’, о Сириусе, Е 6), ср. хетт. *leḥḥuṣa-*.

Описанное развитие аллофона слоговой~неслоговой в хеттском создает модели распределения спиранта *ḥ* в позиции после *a*: удвоенное написание в отличие от простого его написания в позиции после *e*, где *ḥ* отражает неслоговой аллофон “ларингальной” фонемы. В дальнейшем такая модель простого и удвоенного написания *ḥ* (*ḥ*) могла распространиться на все случаи употребления *ḥ* после *a* и *e* в хеттском.

Преобразование слоговых сонантов и “ларингальной” вызвало в исторических индоевропейских диалектах значительную трансформацию унаследованной от общеиндоевропейского системы гласных, которая ко времени падения “ларингальных” и вокализации сонантов различала три гласных единицы с тембральными противопоставлениями *e, *a, *o и долгими коррелятами *ē, *ā, *ō.

2.5. ТИПОЛОГИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ «ЛАРИНГАЛЬНЫХ» В СОЧЕТАНИИ С ГЛАСНЫМИ ЗВУКАМИ

Постулируемые схемы развития индоевропейских гласных в сочетании с “ларингальными” фонемами могут быть в некотором отношении типологически поддержаны данными некоторых кавказских и семитских языков, в которых наблюдается аналогичное поведение и развитие соче-

таний гласных с предшествующими или последующими “ларингальными” согласными. В частности, в северо-западнокавказском кабардинском языке сочетания фонем *-eh-*, *-he-* преобразуются в *ā* долгое (Яковлев 1923; 1948; Kuipers 1960 и 1968). Аналогичное поведение “ларингальных” обнаруживается, согласно описанию Ко́й перса, и в америндейском языке скуомиш (сэлишская группа) с синхронными чередованиями типа */əh/ ~ /ā/* и с последовательностями фонем */əj, əu, əh/*, близкими функционально соответственно к */i* и *a/*, с которыми они образуют чередующиеся варианты (Kuipers 1967: 28—29, 31, 401).

В одном из древнейших исторически засвидетельствованных семитских языков — аккадском фонемы *ʿ* и *ḥ* теряются в начале слова при изменении тембра последующего гласного, ср. сем. *ʿaprum > аккад. *ʿepru(m)* ‘пыль’ (сем. **ʿapr-*), *ʿarābum > аккад. *ʿerēbu(m)* ‘входить’ (сем. *ʿ-r-b), **ḥamm-* > аккад. *ʿemmi(m)* ‘горячий’.

Но те же согласные, следующие за гласным, наряду с изменением тембра гласных вызывают их удлинение, ср. сем. **baʿl-* > аккад. *bēlu(m)* ‘господин’, сем. **rahm-* > аккад. *rēmu(m)* ‘любовь’, ‘сострадание’ и др., Гамкрелидзе 1960: 88; Keiler 1970: 54.

Однако существенное отличие индоевропейской системы “ларингальных” от системы ларингальных общесемитского языка заключается в их соотносительности с различными фонемными классами соответственно в индоевропейском и семитском языках. В индоевропейском — это фонемы, примыкающие к классу сонантических фонем, которые обнаруживают соответственно слоговые и неслоговые варианты, тогда как в общесемитской системе — это типичные консонантные фонемы, проявляемые исключительно в виде неслоговых элементов.

Таким образом, фонемы эти при их возможном фонематическом сходстве в индоевропейском и семитском, существенно отличаются по фонологической функции. Бóльшее функциональное сходство между индоевропейской и семитской системами можно было бы констатировать для древнейшего индоевропейского состояния, когда “ларингальные” фонемы функционировали в качестве собственно консонантных фонем. На этом этапе развития общиндоевропейского языка, когда в системе наряду с “ларингальными” наличествовал подкласс особых сонорных согласных и треугольная система гласных *V~i~u*, типологическая близость к общесемитской системе становится особенно наглядной.

Дальнейшие преобразования системы общиндоевропейского языка обуславливают появление новых языковых структур, вызвавших некоторое типологическое отдаление индоевропейской структуры от семитской модели.

То же самое можно сказать и относительно сходства системы индоевропейских “ларингальных” и ларингальных фонем северо-кавказских языков (Kuipers 1960; Allen 1956), сопоставимых с индоевропейскими “ларингальными” в их консонантной функции, предполагаемой для индоевропейского на ранних этапах его развития.

2.6. ПОДСИСТЕМА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ФОНЕМ С ТРОИЧНЫМИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯМИ И ЕЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

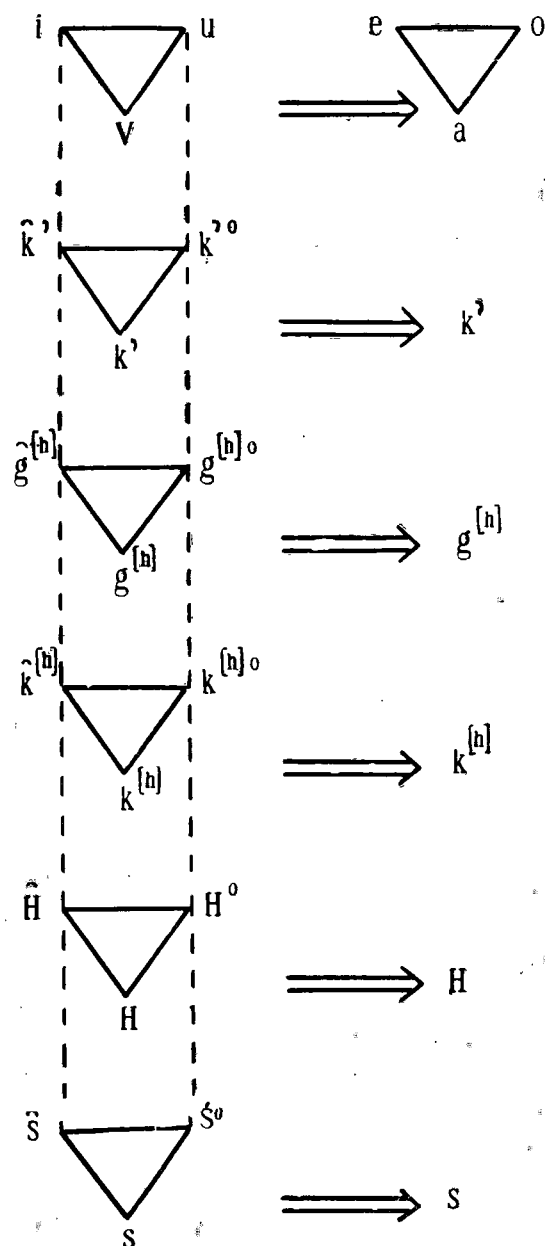
Реконструированная древнейшая индоевропейская система постериорных смычных и спирантов с дополнительными признаками палатализации и лабиализации, наряду с нейтральными членами оппозиции, позволяет выделить в системе изоморфные трехчленные фонемные корреляты, противопоставляемые по признаку отсутствия или наличия в них этих признаков.

Интересно, что наряду с постериорными тройками смычных $k' \sim k'^0 \sim k'$, $g^{[h]} \sim g^{[h]0} \sim g^{[h]}$, $k^{[h]} \sim k^{[h]0} \sim k^{[h]}$ в эту подсистему включается и тройка “ларингальных” фонем $h \sim h^0 \sim h$ и тройка сибилантных спирантов $\hat{s} \sim \hat{s}^0 \sim s$. Дополнительные признаки таких троек индоевропейских фонем как бы отражают дифференциальные признаки первичной треугольной системы индоевропейских гласных $i \sim u \sim V$, образуя тем самым взаимосвязанную подсистему индоевропейских фонем с идентичными троичными противопоставлениями¹.

В такой подсистеме аналогичны и результаты диахронического преобразования каждого из ее троичных звеньев, выразившегося в элиминации фонемных коррелятов с дополнительными признаками палатализации и лабиализации и в возникновении в конечном счете одночленных звеньев этой подсистемы. Лишь первичная трехчленная подсистема гласных преобразуется в сторону характера оппозиций при сохранении числа противопоставленных членов (см. Табл. 1).

¹ Такая связь между признаками треугольника гласных и тройками согласных оправдана и общностью определенных фонетических признаков, которые могут быть описаны в единых артикуляторных или акустических терминах для гласных и согласных (Peterson/Shoup 1966; Ladefoged 1971 : 42). Ср. аналогичные выводы по поводу троичной противопоставленности “открытости” (openness), “палатализованности” и “лабиализованности” как некоторых признаков, проявляемых также и при согласных: Kuipers 1960 и 1968.

ТАБЛИЦА 1

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ФОНЕМЫ С ТРОИЧНЫМИ
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯМИ И ИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

СТРУКТУРА ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ

1. КАНОНИЧЕСКИЕ ФОРМЫ КОРНЕВЫХ МОРФЕМ

1.1. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ МОРФЕМ : КОРЕНЬ, СУФФИКС

Проведенная выше реконструкция индоевропейской фонологической системы с выделением особых классов согласных, гласных, “ларингальных”, сонантов и с механизмом аблаутных чередований гласных позволяет восстановить в общих чертах основные структурные типы (так называемые “основные канонические формы”) морфем общиндоевропейского языка позднего периода и установить правила их синтагматической сочетаемости.

Для позднего индоевропейского периода, то есть для общиндоевропейского языка перед членением его на отдельные диалекты, реконструируется несколько структурных типов морфем.

В целях описания структуры морфем целесообразно выделить два класса структурных единиц: корневые морфемы и аффиксальные морфемы. Корневая морфема определяется, строго говоря, как та сегментная часть словоформы, которая остается после вычленения аффиксальных элементов в реконструированных архетипах соотносимых друг с другом слов родственных языков. В качестве аффиксальных элементов кроме продуктивных морфологических элементов могут рассматриваться и некоторые окаменелые форманты, выделение которых в таких случаях основывается на сопоставлении с другими родственными образованиями, где этому форманту противостоят другие форманты, фонетически не сводимые к одному источнику с первым.

Так, например, сопоставление родственных форм лат. *hiems* ‘зима’, др.-инд. *hēman* ‘зимой’, др.-греч. *χέμων* ‘зимняя буря’, ‘зима’, хет. *gim-mant-* ‘зима’, авест. *zayan-* ‘зима’ позволяет реконструировать индоевропейские основы $*\check{g}^{[h]}e\check{i}-$ и $*\check{g}^{[h]}e\check{i}m-$, в которых вычленяется аффиксальный элемент $*-m-$, противостоящий нулю в реконструированной родственной основе $*\check{g}^{[h]}e\check{i}-$. На этом основании эта последняя должна рассматриваться как корневая морфема, лежащая в основе всех производных от нее форм.

Аналогичным образом, при сопоставлении родственных форм др.-инд. *náktam* ‘ночь’, лат. *nox*, род. п. *noctis*, греч. *νύξ*, род. п. *νυκτός* ‘ночь’, хет. *nekut-* ‘вечер’, *neku-zzi* ‘смеркается’ восстанавливаются общиндоевропейские архетипы этих форм в виде основ $*ne/ok^{[h]0}t^{[h]}$ и $*nek^{[h]0}$ с выделением $*-t^{[h]}$ в качестве аффиксального элемента и постулированием соответ-

ственно форм *nek^{[h]0}- как корневой морфемы, содержащейся во всех образованиях этой группы.

В качестве основных структурных типов корневой морфемы в общеиндоевропейской языковой системе позднего периода могут быть выделены следующие канонические формы:

1. C⁰₁VC⁰₂-

Символом C⁰ в этой структуре обозначаются фонемы как класса шумных (C), так и класса сонантов (S) и "ларингальных" (H). Это дает следующие возможные комбинации этих фонем в пределах корневой морфемы, с ограничениями, сформулированными выше (см. Гл. II, правила 1—5):

1. CVC-:	*p ^[h] et ^[h] -	(греч. πέτομαι, др.-инд. <i>pátati</i> 'лететь')
	*sek ^{[h]0} -	(греч. ἔπομαι, лат. <i>sequitur</i> 'следовать')
	*k ^[h] es-	(хет. <i>kišai-</i> , ст.-слав. <i>česati</i> 'чесать')
2. CVS- ¹ :	*b ^[h] er-	(греч. φέρω, др.-инд. <i>bhārāmi</i> 'нести')
	*ġ ^[h] ej-	(греч. χειμῶν, др.-инд. <i>hemantāh</i> 'зима')
3. SVC- ² :	*nek ^{[h]0} -	(греч. ῥέπος, др.-инд. <i>vāk</i> 'слово', 'речь')
	*nek ^{[h]0} -	(хет. <i>neku-</i> , лат. <i>nox</i> 'ночь')
	*iak'-	(др.-инд. <i>yājati</i> 'совершает жертвоприношение', греч. ἄζομαι, ἄγιος 'священный')
	*ues-	(др.-инд. <i>vāsu-</i> 'хороший', лув. <i>ušu-</i> 'хороший', греч. εὖς 'хороший')
	*iek ^[h] -	(др.-инд. <i>yācati</i> 'требует', лат. <i>iocus</i> 'шутка')
	*leg ^[h] -	(греч. λήγεται 'ложится', λέκτρον 'ложе', λόγος 'ложе', лат. <i>lectus</i> 'постель')
	*rek'-	(лат. <i>rēx</i> 'царь', др.-ирл. <i>rí</i> , др.-инд. <i>rāj-</i> , <i>rājan-</i> 'царь')
	*ret ^[h] -	(др.-инд. <i>rātha-</i> 'колесница', др.-ирл. <i>rethim</i> 'качусь', лит. <i>ritù, risti</i> 'катиться', <i>rātai</i> 'колесница')
4. SVS-:	*men-	(др.-инд. <i>mānah</i> , греч. μένος 'дух')
	*ger-	(лат. <i>uermum</i> 'слово', греч. ῥέπω 'говорю')
5. CVH-:	*d ^[h] eH-	(хет. <i>tehhi</i> , др.-инд. <i>dādhami</i> 'класть')
6. SVH-:	*loH-	(хет. <i>lahhu-</i> 'лить', греч. λόω, лат. <i>lauō</i> 'мыть')

¹ Этой же структурой характеризуются некоторые суффиксальные морфемы: *-t^[h]er (др.-инд. *jani-tār-*, греч. γενέτωρ 'производитель'), *-sor (суффикс числительных ж. р.: др.-инд. *tisráh* 'три', авест. *tišrō*, др.-ирл. *téoir*, валл. *tair*).

² Наблюдается статистическая ограниченность корней с начальным сонантом в индоевропейском. В некоторых древних индоевропейских диалектах (хеттском, греческом, армянском) формы с начальным г- полностью отсутствуют; индоевропейские корни с начальным г- подвергаются различным фонетическим преобразованиям в основном путем появления протетических гласных, см. *Kuryłowicz 1927; Benveniste 1954: 32—54; Lehmann 1951; Ondruš 1966: 109* (статистические данные о корнях с сонантами по словарю Покорного), но ср. *Герценберг 1972: 160; Wyatt 1972* (попытка объяснения протетических гласных собственно греческими закономерностями).

7. HVC-: *Hap^[h]- (хет. *hap-*, др.-инд. *āp-* 'поток', 'вода')
8. HVS-: *Hor- (хет. *harana-* 'орел', греч. *ὄρνις* 'птица')
- II. C₁^oVSC₂^o- со следующими возможными подтипами:
1. CVSC-: *b^[h]euđ^[h]- (греч. *πεύδομαι*, др.-инд. *bódhate* 'пробуждаться')
- *b^[h]erĝ^[h]- (хет. *parku-*, др.-инд. *bṛhánt-* 'высокий')
- *t^[h]erk^[h]- (греч. *δέρκομαι*, др.-инд. *kauz. darśáyati* 'смотреть', 'рассматривать')
- *t^[h]ers- (греч. *τέρσομαι*: 'сохнуть', лат. *torreo* 'сушить')
- *b^[h]end^[h]- (гот. *bindan*, др.-инд. *badhnāti* 'связывать', греч. *πενθερός* 'зять')
- *serp^[h]- (др.-инд. *sárpati* 'ползти')
2. SVSC-: *leik^[h]^o- (греч. *λείπω*, др.-инд. *riṇákti* 'оставлять')
3. HVSC-: *Hark'- (греч. *ἀργός*, др.-инд. *árjuna-*, хет. *harki-* 'белый')
4. CVSS-: *t'or-u- (греч. *δόρυ*, др.-инд. *dāru*, хет. *taru* 'дерево')
5. CVSH-: *k'erH- (др.-инд. *jīrná-*, греч. *γέρων* 'старый')
- III. C₁^oSVC₂^o- со следующими возможными подтипами:
1. CSVC-: *suep^[h]- (др.-инд. *svap-* 'спать', греч. *ὑπνος* 'сон')
- *t^[h]rep^[h]- (др.-инд. *trápate*, греч. *τρέπω* 'поворачивать(ся)')
2. CSVS-: *t^[h]rem- (лат. *tremō*, греч. *τρέμω* 'дрожать')
- *d^[h]uer- (др.-инд. *dvār-*, лат. *forēs* 'двери')
- *t^[h]rej- (др.-инд. *tráyaḥ*, греч. *τρεῖς*, лат. *trēs* 'три'; лат. *tri-gintā* 'тридцать')

Во всех разобранных выше структурах корня с начальным $\#C-$ C может быть представлено группой $\#sC-$, которая дистрибутивно приравнивается к $\#C-$:

- sCVH- (др.-инд. *tíṣṭhati* 'стоять')
- sCVSC- (хет. *ištark-* 'болеть')

- IV. VC^o- с возможными подтипами:
1. VC- *es- 'быть' (лат. *est*, гот. *ist*, др.-инд. *ásti*, хет. *ešzi*)
- *et'- 'есть' (лат. *edō*, греч. *ἔδομαι*, др.-инд. *átti*, хет. *etmi*, ст.-слав. *jamī*)
- *ep^[h]- 'хватать' (лат. *apiscor*, соēpī, хет. *epzi*, 2 л. *e-ip-ši*, др.-инд. *āpnóti*)
- *ek^[h]^o- 'пить (воду)' (хет. *ekuzzi*, тох. А *yoktsi*; ср. лат. *aqua* 'вода', гот. *ahva* 'река', др.-исл. *ǣger* 'бог моря')
- *es- 'сидеть' (хет. *e-ša-ri*, др.-инд. *áste*, греч. *ἵσθαι*)

2. VS- *e_i- 'ходить, идти' (др.-инд. *émi*, греч. εἶμι, хет. *it*)
 *er- 'двигаться', 'достигать' (др.-инд. *ṛṇóti*, греч. ῥῥῶμι, хет. *arnuzzi*)
 *em- 'брат' (лат. *emō*, др.-ирл. *em-*, лит. *imù*, ст.-слав. *imati*)

Морфемная структура VC°- особенно характерна для суффиксальных элементов:

- *-e_u- как атрибутивный суффикс (греч. *παχέος*, род. пад. от *παχύς* 'густой'; др.-инд. *bahúh*, ср. хет. род. п. *rangaçaš* 'собрание')
 *-e_i- как именной суффикс (др.-инд. род. пад. *agnéh* от *agnih* 'огонь')
 *-er- как именной суффикс: *p^[h]t^[h]-er- (греч. *πτερόν*, *πτεροξ* 'крыло')
 *-el- как именной суффикс: *Horel- (лит. *erēlis*, ст.-слав. *orilŭ* 'орел')
 *-aH- как глагольный суффикс деноминативных глаголов (хет. *pe_u-ahh*, греч. *ναίω*, лат. *novāre* 'обновлять')
 *-aH- как суффикс собирательных имен: *g^[h]en-aH 'жена' (др.-ирл. *ben*, ст.-слав. *žen a*)
 *-es- в глагольных основах: *luk^[h]-es- 'светать; освещать' (хет. *lukk-eš-*)
 *-es- в именных основах: *neb^[h]-es- 'небо', 'туман' (греч. *νέφος*, др.-инд. *nábhas-*)
 *-es как окончание им. пад. мн. ч. (греч. *μητέρας*, др.-инд. *mā-tār-ah*)
 -et^[h]-/-ot^[h]- как именной суффикс (хет. *šiyatt-* 'день', др.-инд. *dyūt-* 'блеск')

V. VSC°-

- *e_is- (лат. *ira* 'гнев', др.-инд. *éṣati* 'скользит', *éṣa-* 'спешка', авест. *aēš-* 'быстро двигаться', греч. *οἴμα* 'натиск')
 *e_ib^[h]- 'futuere' (греч. εἴρω)

VI. C°V-

Корневые морфемы этой структуры представлены главным образом в местоименных основах:

- *me 'меня' (греч. *με*, др.-инд. *mā*, авест. *mā*)
 *t^[h]e 'тебя' (лат. *tē*)
 *i_o- относительное местоимение (др.-инд. *yáh*, ст.-слав. *i-že*, фриг. *ios vi*)
 *so указательное местоимение (др.-инд. *sá*, греч. *ὁ*)
 *t^[h]o указательное местоимение (др.-инд. *tád*, греч. *τό*)
 *k^[h]o соединительная местоименная частица (др.-инд. *ca*, греч. *κα*)

В препозиционных основах (частицах):

- *ne отрицание (лат. *ne-*, *neque*, ст.-слав. *ne-bogŭ*, греч. *ἀ-*)
 *p^[h]e- преверб (хет. *pe-*: *pe hark-* 'держат'; *pehute-* 'уносить')

В глагольных формантах — окончаниях:

◆ VII. C°SV- ***-На** оконч. *перфекта* (греч. -α, др.-инд. -а в *oīd-α, véd-a*)

Этот структурный тип выступает исключительно в прономинальных основах, участвующих также и в сложении (но ср. выше о возможной мо-нофонематической интерпретации начального комплекса в ряде примеров):

***se-** 'свой': **se-sor-* 'сестра'

***tʰe-** 'ты', 'твой': др.-инд. *t(u)vám*

***tʰo-** 'два': др.-инд. *dvá*, лат. *duo*, греч. *δω* < *δFω-.

1.2. КОРНИ С НАЧАЛЬНЫМ СИБИЛЯНТНЫМ СПИРАНТОМ

Выше была предложена интерпретация фонемного соответствия др.-инд. $\#s \sim \#s-$ в других индоевропейских языках (др.-инд. *páśyati* 'видит': лат. *speciō* 'смотрю', греч. *σκέπτομαι* 'смотрю', др.-в.-нем. *sprehōn* 'рассматривать' и др.) как отражающего древнюю индоевропейскую сибилантную фонему $\#*s-$, при соответствии др.-инд. $\#s \sim \#s-$ в других индоевропейских языках (др.-инд. *sphāyate* 'жиреет', 'спеет': лат. *spatium* 'широта, простор', лит. *spėti* 'поспевать', хет. *išpai-* 'насытиться'), отражающем древнюю индоевропейскую фонему *s- (см. выше, стр. 116 и след.).

Это позволяет увидеть в соответствующих индоевропейских формах корневые структуры с начальными сибилантными спирантами *s- и *s-, которые не входят в каноническую структуру C_1VC_2- и поэтому могут быть интерпретированы как древнейшие префиксы, хотя их морфологическая функция остается неясной: $s-/s-C_1VC_2-$.

Эти структуры (в частности структуры с начальным *s-), определявшиеся как структуры с *s-mobile*, оказываются в индоевропейском структурами с префиксальным *s-, утерянным в древнеиндийском на чисто фонетической основе и перешедшим в s- в других индоевропейских диалектах. Поэтому соответствующие структуры не могут рассматриваться исторически как структуры с "подвижным" s-. Такое "подвижное" s- можно видеть лишь в отдельных изолированных формах с наличием или отсутствием начального s- без какой-либо явно улавливаемой закономерности, ср. формы типа греч. *τέγος/στέγος* 'крыша', ср. др.-инд. *sthāgati* 'покрывает', 'скрывает'; лат. *corium* 'кожа'//*scortum* 'шкура', ст.-слав. *kora* 'кора'//*skora* 'шкура', др.-инд. *apa-skara-* 'испражнения' (то, что исключается, отделяется, ср. *ara-s-kr-* 'выделять', *Mayrhofer 1956, I:38*) и др. (ср. выше, стр. 122).

1.3. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ РЕДУПЛИКАЦИИ КОРНЯ

Корень структуры $C^{\circ}VC^{\circ}_2-$ (где общий символ C° покрывает все фонемы невокалического класса, то есть собственно согласные и сонанты) может образовывать и редуцированную основу по нескольким структурным типам: путем частичной редупликации, то есть повторения в производной форме элемента C_1 : $C^{\circ}_1V-C^{\circ}_1VC^{\circ}_2-$ и с помощью полной редупликации, то есть повторения в производной основе всего корня, путем его удвоения: $C^{\circ}_1VC^{\circ}_2-C^{\circ}_1VC^{\circ}_2-$.

И. Частичная редупликация:

(а) Повторение начального согласного корня плюс *i: $C^{\circ}_1 i C^{\circ}_1 V C^{\circ}_2 i$:-

И.-е. *t'it'oH- : греч. διδομι 'даю', оск. *didest* 'он даст'; др.-инд. *dādāmi* (с начальным *a*, возникшим на индийской почве, ср. пали *dinna*, *Schwyzler 1939, I : 686*, примеч. 8; *Chantraine 1968* -: 280);

И.-е. *d[h]id[h]aH- : греч. τιθημι 'кладу', хет. *tittanu-* 'устанавливать'; др.-инд. *dādāmi* 'ставлю' (в отличие от др.-инд. *dādāmi* форма *dādāmi* может отражать параллельный тип редупликации с гласной *e* после редуплицированной согласной, ср. оск. *fefacit* 'он сделал бы');

И.-е. *s/[t]ist[h]aH- : греч. ισταμι 'ставлю', лат. *sistit* 'он ставит'; др.-инд. *īṣṭhati* 'он стоит'²;

И.-е. *p[h]ip[h]oH- > *p[h]ibH- : др.-инд. *pībati* 'пьет', др.-ирл. *ibid*, лат. *bibō* 'пью';

И.-е. *p[h]ip[h] (o)H- : др.-инд. *pīparmi*, гом. *πίπλημι* 'наполняю';

И.-е. *k'ik'n- : греч. γίγνομαι 'рождаюсь', лат. *gignō* 'рождаю';

И.-е. *b[h]ib[h]er- : лат. *fiber* 'бобер', галл. *Vibracte*, имя собств. и имя реки, др.-брет. *Vibroci*, собств. имя, ср.-ирл. *Vibraige*, ст.-слав. *bībrŭ, др.-в.-нем. *bibar*; параллельная индоевропейская форма показывала гласную *e при редуплицированном согласном, ср. лат. *feber*, др.-инд. *babhrūh* 'красно-коричневый; ихневмон', лит. *bėbras* 'бобер', ср. чередующиеся формы с *i/e* в глагольной основе от корня *d[h]aH-;

√ (b) Повторение начального согласного корня плюс *e/o* (нормальное удвоение): $C^{\circ}_1 e C^{\circ}_1 V C^{\circ}_2$:-

И.-е. *k[h]ek[h]o- : др.-инд. *sakrá-* 'колесо', авест. *čaxra-*, др.-англ. *hwēol*, греч. κύκλος, тох. А *kukäl*, В *kokale*, фриг. *κίχλην. τήν ἄρκτην τὸ ἄστρον. Φρύγες (Chantraine 1968* -: 597); ср. и.-е. *k[h]el- 'вращаться', греч. πέλομαι;

*meml- : хет. *memal* 'мука' (<'размолотое'), ср. и.-е. *mel- 'молоть' (ср. ниже греч. *παι-πάλη* 'мелкая мука' к *πάλη* 'мука'); ср. также слав. **pe-pl-* в рус. *пепел*, ст.-слав. *ropelŭ* 'пепел', 'зола'.

Помимо рассмотренных выше параллельных редуплицированных форм на *i/e* ср. также индоевропейские перфектные формы типа греч. гом. *γέ-γους* 'родился' (ср. др.-инд. *jajāna* 'родил') (ср. нулевую ступень в греч. гом. *ἐκγεγάτην*, др.-инд. *jajñūr* 'родили', и.-е. *k'ek'on- : *k'ek'ŋ-, ср. выше редупликацию *k'ik'n- от того же корня); др.-инд. *sakāra* 'сделал' и др.

¹ Такое *i* может отражать древнейшую вокалическую фонему *i в архаичной индоевропейской системе с тремя гласными $V \sim i \sim u$ (см. выше, стр. 160 и след.).

² Особую подгруппу образует тип редупликации в корневых морфемах с начальным *s-*. Модели таких редупликаций могут быть представлены следующими формулами (*Meillet 1937; Meise 1938 : 199; Beekes 1969 : 123*):

$si-sC^{\circ}$:- лат. *si-stō* 'ставлю', др.-ирл. *-si-ssiur* 'держусь', авест. *hi-štaiti* 'стоит', греч. *ισταμι* 'ставлю'; $C^{\circ}i-sC^{\circ}$:- др.-инд. *tī-ṣṭhati* 'стоит', лув. *ḫi-šḫiia-* 'связывать'.

Этот же структурный тип редуцированной основы отражают хеттские глагольные формы *цѣцак*- 'требовать' (авест. *vas*- 'требовать', 'желать', др.-инд. *vaś*-), *лѣлѣца*- 'лить, наливаться' (ср. лат. *lauō* 'мою', греч. гом. *λελουμένος* 'искупавшийся'), *тема*- 'говорить', лув. *tamanna*- 'говорить' (ср. греч. *μέμνηα*, лат. *memini* 'помню'), *van Brock 1964*.

В хеттском, как и в других индоевропейских диалектах, наряду с огласовкой *e* в редупликации представлена и огласовка *o > хет. *a*: хет. *lalukkima*- 'лучезарный', 'сияние', 'свет', *lalukki*- 'светлый', ср. хет. *цацаркима*- 'дверные петли' (ср. корень *цѣрк'- 'поворачивать', *Pokorny 1959: 1154*).

Особый тип редупликации следует видеть в корнях, содержащих фонему *u, которая может выступать в редуцированной части основы, ср. др.-ирл. *-cúal(a)e* 'он услышал', *-cúala* (< *kuklow, *Thurneysen 1946: 425*), ср.-валл. *cigleu*, др.-инд. *śu-śrāv-a* 'он услышал'; *tu-tudé* 'я толкнул', лат. *tu-tudi* 'я ударил'. При наличии параллельных редуцированных форм с огласовкой *e и огласовкой *u типа др.-инд. *babhūva*// авест. *bubāva* 'он стал, сделался' огласовка *u* считается более древней (*Meiye 1938: 198; Meillet 1937; Szemerényi 1970: 271; Benveniste 1965; Watkins 1969: 150; но ср. Strunk 1972*). Такое *u* в редуцированной части основы может отражать древнейший индоевропейский гласный *u* (ср. *Schmitt-Brandt 1967: 26*), ср. выше о гласном *i*.

Π Полная редупликация (удвоение):

$C_1^{\circ}VC_2^{\circ}-C_1^{\circ}VC_2^{\circ}1^{\circ}$

Полная редупликация, именуемая также интенсивным (усилительным) удвоением, характеризует так называемые интенсивные глаголы и имена экспрессивного характера (*Meiye 1938: 197, 223, 233, 287*):

Др.-инд. *vár-var(t)-ti* 'вертит', 3 л. мн. ч. *vár-ṛt-ati*;

Др.-инд. *jó-huv-ānaḥ* 'призывающий', авест. *zao-zao-mi* 'зову'; арм. *hot-ot-im* 'нюхаю', *Meillet 1936: 113*;

греч. *μῶρμῶρ* 'быстро теку', *γαργαίρω* 'кишу';

Др.-хет. *hulhulija*- 'поражать', 'убивать' (*van Brock 1964: 134—135*); хет. *pariparai*- 'играть на духовом музыкальном инструменте', ст.-слав. *glagoljŕ* 'говорю', рус. *мараторить*, чеш. *tratoriti*; ст.-слав. *klakolŕ* 'колокол', рус. *колокол*, лит. *kañ-kl-ės* 'струнный инструмент', др.-инд. *kar-kar-ī*- 'музыкальный инструмент';

Греч. *μάρμαρος* 'камень', 'мрамор' (ср. лат. *mar-mor*).

В экспрессивных именах с усилительным удвоением регулярно обнаруживается вариативность сонантов: греч. *πιπίαλη* 'мелкая мука' (ср. *πάλη* 'мука', ср. выше хет. *temal* 'мука');

Лат. *cancer* 'рак' < *car-cros, др.-инд. (из праkrita) *karkata*- 'рак', греч. *καρκίνος* 'рак'.

¹ В случае, если $C_2^{\circ} = SC$, удваивается только корневая часть, включая элемент *S*. Например, корни **fl^her-* и **fl^herpl^h-* удваиваются одинаковым образом: **fl^hor-fl^hor-* и **fl^hor-fl^horpl^h-*, *Meiye 1938: 197*.

В греч. *καρχίνοσ* представлен тип так называемого “ломаного” удвоения, в котором за полным редуцированным слогом следует усеченная до первого согласного форма корня: $C^{\circ}_1VC^{\circ}_2 - C^{\circ}_1$ - (связанная, возможно, с первоначальной постановкой ударения на первом слоге в редуцированной основе), ср. также лат. *for-m-(idō)* ‘пугало’, греч. *μωρ-μ-ώ* ‘пугало’ (бука), *μῶρ-μωρ-οσ* ‘страх’.

Очевидно, к этому же типу ломаного удвоения относится индоевропейская форма **mor-m(o)-* ‘муравей’: лат. *formīca* (< **mormi-*, *Ernout/Meillet 1967: 247*), греч. *μύρμηξ*, *μύρμος*, и с вариативностью сонантов *m ~ μ*: **mor-μ-*: авест. *maurva-*, согд. *zm'wrc*, ст.-слав. *mravi*, рус. *муравей* ~ **mor-m-*: др.-инд. *valmīka-* ‘муравейник’, *vamrā-* ‘муравей’, греч. *βύρμαξ*, *βόρμαξ*, *Гесихий* (*Pokorny 1959: 749*). Экспрессивность ломаного удвоения в данном слове можно было бы охарактеризовать как “визуальную оноματοпоею” (ср. удвоение в названии ‘муравья’ в картвельском, см. ниже), сопоставимую в принципе с удвоением в глаголе вращения (др.-инд. *var-vart-*) и в слове для колеса (греч. *κύκλωσ*)¹.

2. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СОПРЯЖЕННЫХ ОСНОВ

2.1. ОСНОВНЫЕ АБЛАУТНЫЕ СТУПЕНИ КОРНЕВЫХ МОРФЕМ И ИХ СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Каждая из рассмотренных выше морфемных структур может быть представлена в позднеиндоевропейском в различных аблаутных состояниях: в полной ступени (огласовка **e* или **o*) или в нулевой ступени. Чередование полной и нулевой ступеней в пределах единой парадигмы составляет основной вид аблаутных чередований в общеиндоевропейском языке.

Нулевая ступень огласовки, противостоящая формам с полной огласовкой, возникает в синтагматических последовательностях морфем при присоединении к корню суффиксальных элементов в полной ступени. При суффиксальных элементах в нулевой ступени полную ступень огласовки показывает, как правило, корневая морфема. Присоединение дальнейших аффиксальных элементов в полной ступени огласовки вызывает закономерный переход предшествующей морфемы — корневой или аффиксальной — в нулевую ступень.

При этом действуют, очевидно, циклические правила сочетаемости морфем в определенной морфемной последовательности, составляющей единую словоформу. Можно вывести общее аблаутное правило сочетаемости морфем в индоевропейском:

¹ В связи с этим можно было бы видеть ломаное удвоение и в индоевропейском названии ‘червя’ **mor-m-* (из возможного **mor-μ-* с диссимилятивным переходом *μ > m* от корня **μeg-* ‘изгибаться, крутиться’): лат. *uermis*, гот. *waigms* ‘змея’, др.-англ. *wugm* ‘червь’, лит. *vaigmas* ‘насекомое’, прус. *wogtuap* ‘красный’ (< ‘краска червя’), др.-рус. *вермие*, др.-фриз. *wogta* ‘пурпур’, др.-англ. *wigta*, греч. *ὄβμος* ‘древесный червь’ < **Fobmos* < **μctos* (*Pokorny 1959: 1152*). К типологии удвоения ср. в языке шусвоп редуцированную форму *pəp'p'ese* ‘червь, гусеница’ (ср. *pəp'i?se* ‘змея’), *Quijpers 1974: 38*.

В синтагматическом сочетании морфем только одна морфема может выступать в нормальной ступени огласовки (то есть в ступени с огласовкой *е):

Ср. *t'er- 'сдирать кожу' (рус. *дeрy*) ~ *t'er-и-, *t'or-и- 'дерево' (др.-инд. *dāru*, греч. *δόρυ*) ~ *t'r-еи- 'дерево' (гот. *triu*, лит. *drėvė*) ~ *t'r-и- (греч. *δρῦς* 'дуб');

*k^[h]les- (хет. *kišai-* 'чесать') ~ *k^[h]ls-en- (греч. *ξάινω* 'чесать' < *k^[h]lsn-*iō-*) ~ *k^[h]ls-n-еи- (др.-инд. *kṣṇāuti* 'трет', 'точит', *kṣṇōtram* 'точильный камень', *kṣṇutā-* прич., авест. *huxšnuta-* 'хорошо отточенный');

*t'i-еи- ~ *t'i-и-es (греч. *Ζεύς* 'Зевс, Бог Ясного Неба', род. п. *Διὸς*, ср. др.-инд. *dyáuh* 'небо', род. пад. *diváh*).

В отдельных индоевропейских языках в большинстве случаев сохраняется, как правило, только одна из возможных ступеней огласовки — нормальная или нулевая — в результате разрушения первичных парадигматических чередований и распространения на всю парадигму в историческую эпоху одной из чередующихся форм.

Такие парадигматические выравнивания затемняют первичные аблаутные отношения, существовавшие в индоевропейском в пределах единой парадигмы, и устанавливают в системе новые аблаутные отношения, обобщая уже существовавшие отношения на целую парадигму. Реконструкция общеиндоевропейского аблаутного состояния может быть достигнута путем проецирования отдельных ступеней аблаута, отраженных порознь в конкретных формах отдельных исторических диалектов, на общеиндоевропейский уровень и сведения этих форм к общей парадигме праиндоевропейского языка.

Так, например, греческий глагол *ἔρω* 'запирать', 'содержать' имеет стабильную огласовку *е во всей парадигме (гом. *Ἐρώω, ἐρώουσι, аор. ἔρξα; ἐρξέντα, перф. ἔρχαται, плюсквамперф. ἔρχατο; ἐῤῥώω*), тогда как в индо-иранском (др.-инд. *vrajá-* 'огороженное место', др.-перс. *v(a)rdana-*, авест. *varəgāna-* 'город', глагол *varəz- = vərəz-*) эта же основа во всех формах показывает нулевую огласовку. Такие формы проецируются на общезыковой уровень при индоевропейской парадигме с чередованием полной и нулевой ступеней огласовки: *uerk'- / *ur-(e)k'- при предположении дальнейшего распространения одной из ступеней аблаута на всю парадигму независимо друг от друга в греческом и индийском.

С еще большим основанием можно проецировать на общеиндоевропейский уровень парадигму с двумя ступенями аблаута при сохранении обеих чередующихся ступеней хотя бы в одном из исторических языков и унификации одной из ступеней в других.

Примерами таких реконструкций на основании чередующихся форм в одном языке при обобщении одной из ступеней в других могут служить: др.-инд. *uśáh* 'заря' (нулевая ступень), греч. гом. *ἠώς* 'утренняя заря', лат. *aurōra*, лит. *aušti* 'светать' (полная ступень), хет. *auš-*, *uš-* 'видеть': и.-е. *aus-, *us-; др.-инд. *sárpāti* 'ползет', *sarpá-* 'змея', греч. *ἔρπω* 'ползу, пресмыкаюсь', алб. *gjárpër* 'змея', лат. *serpō* 'ползу', *serpens* 'змея'

(нормальная огласовка *e*), при греч. лосб. $\delta\rho\kappa\epsilon\tau\omicron\nu$ 'зверь' (Pokorny 1959: 912): и.-е. * $\text{serp}^{[h]l}$: * $\text{srp}^{[h]l}$.

Чередование полной и нулевой ступеней в индоевропейских формах приводило к чередованию слоговых и неслоговых аллофонов сонантов и "ларингальной" фонемы. Сонанты и "ларингальная" фонема, представленные в формах полной ступени огласовки в виде неслоговых аллофонов, выступают в формах с нулевой огласовкой в виде своих слоговых аллофонов, то есть в позициях, определенных выше как позиции для слоговых аллофонов и для аллофонов типа слоговой ~ неслоговой (см. выше, стр. 195 и след.). Характер проявления сонантов и "ларингальной" фонемы находился, следовательно, в зависимости от аблаутных чередований индоевропейских форм в пределах единой парадигмы (флексионной или деривационной).

Каждая из рассмотренных выше структур корневых морфем, представленных в полной ступени огласовки (см. стр. 216—219), характеризуется и нулевой ступенью, обусловленной аблаутными ступенями сочетающихся с ней морфем и представленной хотя бы в одной из исторических форм:

- Ср. I 1 * $\text{p}^{[h]l}\text{et}^{[h]l}$ /* $\text{p}^{[h]l}\text{t}^{[h]l}$ 'лететь' (греч. $\acute{\epsilon}\lambda\tau\acute{o}\mu\eta\nu$, $\acute{\epsilon}\lambda\tau\alpha\tau\omicron$; $\pi\tau\eta\sigma\iota\varsigma$ 'полет')
- I 2 * $\text{b}^{[h]l}\text{er}$ /* $\text{b}^{[h]l}\text{r}$ /* $\text{b}^{[h]l}\text{t}^{[h]l}$ (лат. fors 'случай', fortuna 'судьба', др.-ирл. brith , breth 'доля; рождение')
- * $\text{g}^{[h]l}\text{ei}$ /* $\text{g}^{[h]l}\text{i}$ 'зима' (лат. hiems , греч. $\chi\iota\acute{\omega}\nu$)
- I 3 * $\text{uek}^{[h]l}$ /* $\text{uk}^{[h]l}$ 'говорить' (др.-инд. uk-tá-h)
- I 4 * men /* mṇ 'думать'; 'мысль' (др.-инд. matī-h , лат. mēns , род. mentis)
- I 5 * $\text{d}^{[h]l}\text{eH}$ /* $\text{d}^{[h]l}\text{H}$ 'ставить' (др.-инд. hitáh , греч. $\theta\epsilon\tau\acute{o}\varsigma$)
- I 6 * loH /* lH 'лить' (хет. lahhuuāi)
- I 7 * $\text{Nar}^{[h]l}$ /* $\text{Ṇr}^{[h]l}$ (др.-инд. dvīpá- 'остров', pratīpá- 'против течения', anūpá- 'лежащий в воде')
- II 1 * $\text{b}^{[h]l}\text{eud}^{[h]l}$ /* $\text{b}^{[h]l}\text{ud}^{[h]l}$ 'будить', 'пробуждать(ся)' (др.-инд. buddhá- , греч. $\acute{\alpha}$ - $\pi\upsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$, $\pi\acute{o}\sigma\tau\omicron\varsigma$ 'замечание', авест. paiti-busti- 'замечание')
- * $\text{b}^{[h]l}\text{erg}^{[h]l}$ /* $\text{b}^{[h]l}\text{rg}^{[h]l}$ (др.-инд. bṛh-ánt- , арм. barj 'высокий')
- * $\text{t}^{[h]l}\text{erk}^{[h]l}$ /* $\text{t}^{[h]l}\text{rk}^{[h]l}$ (др.-инд. dṛś-tá- 'увиденный', греч. $\acute{\epsilon}\delta\rho\alpha\chi\omicron\nu$, аор.)
- II 2 * $\text{leik}^{[h]l}$ /* $\text{lik}^{[h]l}$ 'оставлять' (греч. $\acute{\epsilon}\lambda\pi\omicron\nu$, аор., др.-инд. riktá- 'оставленный', прич. pr. vr.)
- II 4 * $\text{t}^{[h]l}\text{or-ṁ}$ /* $\text{t}^{[h]l}\text{r-eṁ}$ 'дерево' (гот. triu)
- II 5 * $\text{k}^{[h]l}\text{erH}$ /* $\text{k}^{[h]l}\text{rH}$ 'старый' (др.-инд. jīrṇá-)
- III 1 * $\text{t}^{[h]l}\text{rep}^{[h]l}$ /* $\text{t}^{[h]l}\text{rp}^{[h]l}$ 'поворачивать(ся)' (греч. $\acute{\epsilon}\tau\rho\alpha\pi\epsilon\nu$, аор. 2 л., $\acute{\epsilon}\delta\tau\rho\acute{\alpha}\pi\epsilon\lambda\omicron\varsigma$ 'подвижный')
- * $\text{suerp}^{[h]l}$ /* $\text{sup}^{[h]l}$ (хет. šuppariija- 'спать', греч. ὑπαρ 'наяву', ὑπνος 'сон')
- III 2 * $\text{d}^{[h]l}\text{uer}$ /* $\text{d}^{[h]l}\text{ur}$ 'дверь' (греч. $\theta\acute{\upsilon}\rho\alpha$, лит. duris , ст.-слав. dvŕri)
- * $\text{t}^{[h]l}\text{rei}$ /* $\text{t}^{[h]l}\text{ri}$ (греч. $\tau\rho\acute{\iota}\pi\omicron\upsilon\varsigma$ 'треножник', лат. tripēs , др.-инд. tripád- , ср. лит. trikōjis 'треногий')
- IV 1 * es /* s 'быть' (лат. sunt , гот. sind , др.-инд. sánti)
- * et /* t 'есть' (лат. dēns 'зуб', род. nad. dentis , др.-инд. dán)

IV 2 *eġ- / *i- 'идти' (др.-инд. *i-máh*, греч. ἴμεν, лат. *iter* 'путь', хет. *itar* 'хождение')

*er- / *r- 'двигаться' (др.-инд. *rñóti*, хет. *arnuzzi* 'приносит')

*em- / *m- 'иметь', 'держатъ' (лит. *imù*, ст.-слав. *imati*).

Аналогичные чередования полной и нулевой ступеней нужно реконструировать и в суффиксальных морфемах типа *-eu- / *-u- (греч. παχύς, им. пад., др.-инд. *bahúh* 'густой', 'многочисленный', хет. *pankuš*, им. пад.);

*-eġ- / *-i- (др.-инд. *agníh*, лат. *ignis* 'огонь'); *-er- / *-r- (др.-инд. *yákr-t* 'печень'); *-es- / *-s- (ср. тип глаголов на s-: тох. *luk-s* 'освещать' при хет. *lukk-eš* 'становиться светлым')

V *eġs- / *is- (др.-инд. *iṣṇáti* 'посылает', 'погоняет')

VI *ne- / *n- (др.-инд. *a-*, греч. ἄ-, лат. *in-* в привативных словосложениях)

VII *t^[h]ne- / *t^[h]n- (греч. σῦ, лат. *tū*, гот. *þu* 'ты').

2.2. ДВА АБЛАУТНЫХ СОСТОЯНИЯ СОПРЯЖЕННЫХ ОСНОВ И БИНОМЫ БЕНВЕНИСТА

Корень структуры C₁VC₂^o- при присоединении суффикса структуры -VC^o образует двуморфемную, сопряженную именную или глагольную основу, различающую два основных аблаутных состояния:

Состояние I: корневая морфема в полной ступени огласовки (с первоначальным ударением) — суффикс в нулевой ступени;

Состояние II: корневая морфема в нулевой ступени огласовки — суффикс в полной ступени с первоначальным ударением ('биномы Бенвениста').

Такие аблаутные состояния сопряженной основы могут быть порождены в соответствии с правилами (1), (2):

Правило (1)

Полная огласовка корня предполагает нулевую огласовку суффикса:

$$C^oVC^o \sim C^o \Rightarrow C^oVC^o-C^o-$$

Правило (2)

Полная огласовка суффикса предполагает нулевую огласовку корня:

$$C^oC^o \sim VC^o \Rightarrow C^oC^o-VC^o-$$

Чередование аблаутных состояний в сопряженной основе должно было различать некоторые грамматические или словообразовательные категории, первоначальное значение которых можно реконструировать лишь в отдельных случаях.

Глагольные основы с двумя аблаутными состояниями в ряде поздних индоевропейских диалектов распределяются по временным (или по более ранним—видовым) противопоставлениям: *Состояние I* — настоящее время, *Состояние II* — аорист: ср. греч. πέτομαι 'лечу', в противопоставлении аористу ἐ-πέτα-μεν 'я полетел', гом. κητα-πέτη-την, ἔξ-πητη, Мейе 1938 : 216.

Аблаутные состояния сопряженной основы представлены в исторических диалектах часто порознь. В частности, в древнегреческом в ряде форм

сохраняется лишь второе (аористное) состояние основы (Schwyzer 1939, I: 742—743; Strunk 1967: 48; Beekes 1969: 226—227).

Сведёние этих состояний, засвидетельствованных порознь по историческим диалектам, к единому механизму аблаутных чередований достигается посредством объединения в пределах единой деривационной или флексивной парадигмы отдельных членов исторического ряда чередований:

Состояние I	Состояние II
*p ^[h] let ^[h] -r/-n-	*p ^[h] l̥t ^[h] -er/-n-
Хет. <i>pattar</i> , род. пад. <i>pattanaš</i> 'крыло', лат. <i>penna</i> 'перо', др.-ирл. <i>én</i> 'птица', др.-в.-нем. <i>fedara</i> , др.-англ. <i>feðer</i> 'перо'	Греч. πτερόν, πτέρυξ 'крыло'

Именной суффикс *-er/*-n- вычленяется ввиду хеттской парадигмы и наличия корня *p^[h]let^[h] со значением 'лететь', 'падать': др.-инд. *pátati*, греч. πέτομαι, лат. *petere*;

I	II
*ǵ ^[h] lej̥-m-	*ǵ ^[h] l̥j̥-em-
Греч. χειμών, др.-инд. <i>hémān</i> 'зимой', <i>hemantá-</i> 'зима', ср. хет. <i>gimant-</i> , ст.-слав. <i>zima</i> , лит. <i>žiemà</i> 'зима'	Лат. <i>hiems</i> , греч. χίων, авест. <i>zuyā</i> 'зима', арм. <i>jīwn</i> 'снег'

Суффикс *(e)m- в данной индоевропейской основе вычленяется ввиду наличия чистого корня *ǵ^[h]lej̥-/*ǵ^[h]l̥j̥- с тем же значением: авест. *zayana-* 'зимний', *zaēn-* 'зима', н.-перс. *day*, др.-инд. *hāyana-* 'годовой', *hāyaná-* 'год', др.-исл. *gói* < *ǵ^[h]ōyō(n) 'февраль — март' (Szemerényi 1959; Anttila 1969: 134). Основа в Состоянии I *ǵ^[h]lej̥mo-, *ǵ^[h]l̥oj̥mo- представляется производной с тематическим суффиксом, в чем проявляется ее более поздний характер по сравнению с основой в Состоянии II (Szemerényi 1970: 73, 188; Anttila 1969: 164—165). Возможная вторичность Состояния I по отношению к Состоянию II в пределах индоевропейского языка не дает, однако, оснований для отрицания общиндоевропейского характера двух состояний этой основы и может указывать лишь на относительную хронологию возникновения Состояния I по сравнению с Состоянием II в пределах индоевропейского языка. При этом следует иметь в виду, что др.-инд. форма локатива *hémān*, отражающая древние локативные образования (Benveniste 1935; Бенвенист 1955), может указывать на исключительную древность форм с Состоянием I основы;

I	II
*t'ej̥-ŋ-	*t'j̥-eŋ-
Др.-инд. <i>deváh</i> 'бог', <i>devī</i> 'богиня', авест. <i>daēva-</i> 'демон', лат. <i>deus</i> , оск. <i>deivaí</i> , умбр. <i>deseia</i> , др.-ирл. <i>dia</i> , род.	Др.-инд. <i>dyáuh</i> 'небо', 'пространство—эфир', греч. Ζεύς 'Зевс—Бог ясного неба', <i>zvat. n. Zeb</i>

пад. *dé* 'бог', др.-исл. мн. ч. *tívar* 'боги', др.-англ. *Tig* 'Марс', лит. *diēvas*

пáтер, др.-инд. *Dyāus pitaḥ*, лат. *Iuppiter*, зван. п., умбр. *Iupater*, ст.-лат. *Diouis*, оск. *Diúveí*, лат. *diēs* 'день', лув. *Tiḡat-* 'Бог солнца', хет. *šiuatt-* 'день'

Суффикс **-u-/*-eu-* в этом именном образовании выделяется при сопоставлении этой основы с индоевропейской основой **t'ej-* со значением 'излучать свет': др.-инд. *dídeti* 'освещает', греч. гом. *δέατο* 'казалось', *δηλος* 'видимый'. На это же указывает наличие основ от того же корня с суффиксом **-n-*: др.-инд. *dína-m*, ст.-слав. *dǐnǐ*, лит. *dienà*, др.-прус. *вин. п. deīnan* 'день', ср. сходный суффикс в хет. *šiuana-* 'бог' (Laroche 1969). По предположению некоторых исследователей (Nehring 1940), суффикс **-n-* может указывать на наличие гетероклитического склонения этого слова. Судя по семантике слов, образованных от нее, основа в Состоянии I обнаруживает производность по отношению к Состоянию II. При этом Состояние I представлено в адъективных формах с тематическим суффиксом (Szemerényi 1970; Anttila 1969). Однако отражение Состояния I в различных индоевропейских диалектах дает решительное основание постулировать основу в Состоянии I уже в пределах общеиндоевропейской системы при допущении относительно более позднего происхождения его по сравнению с Состоянием II;

I

**ser-u-*Лат. *serū* (ср. Anttila 1969 : 113)

II

**sr-eu-*Др.-инд. *srávati* 'течет', авест. *ravan-* 'поток', греч. *ρέω* 'теку', др.-ирл. *srúaim* 'река', лит. *sraviù* 'протекать', ст.-слав. *struja*, *ostrovŭ*, рус. *струя*, *остров*

Суффикс **-u-/*-eu-* в реконструируемой сопряженной основе выделяется ввиду наличия в индоевропейском корня с аналогичным значением **ser-* 'двигаться', др.-инд. *sárati* 'течет', 'спешит', *sarít* 'речка', 'ручей', *sárma-* 'течение', греч. гом. *δρμή* 'напор', 'стремление', 'порыв', лат. *serum*, греч. *δρός* 'сыворотка', 'кислое молоко'. Состояние I засвидетельствовано только в латинской форме, известной из грамматики (Benveniste 1935 : 151; Бенвенист 1955), что вызывает сомнение в ее первичности (Anttila 1969 : 113);

I

**p^[h]el-H-*Греч. *πέλας* 'кожа', 'шкура'

II

**p^[h]el-eH-*Лит. *plėvė* 'перепонка', прус. *pleynis*, словен. *pléva* 'веко', рус. *плева*

Суффикс **-H-/*-eH-* выделяется в основе ввиду наличия корня **p^[h]el-* с тем же значением, а также основ от этого же корня с суффиксом **-n-*:

греч. ἄ-πέλος 'незалеченная рана', πέλιμα 'подошва', др.-англ. *filmen* 'кожа'; образования с суффиксом *-n-: греч. πέλλᾱς 'кожи', лат. *pellis* 'шкура', др.-в.-нем. *fel*, др.-англ. *fell*, др.-исл. *fjall* 'кожа', 'шкура'. Основа в Состоянии I представлена в индоевропейском достаточно слабо (ср. греч. πέλας). Видеть в конечном -ας окончание по аналогии с δέρας 'шкура' (*Anttila 1969: 149*; ср. *Schwyzler 1939, I: 514*) не представляется возможным;

I

*k^[h]eu-H-

Др.-инд. *śāvīra-* 'сильный' (с долгим *ī* из *ĭ*), галл. *καύαρος* (*Pokorny 1959: 592*, но ср. *Anttila 1969: 142*), др.-ирл. *caur* 'герой'

II

*k^[h]u-aH-

Др.-инд. *śvā-tr-ā-* 'помощник', *śvān-tā-* 'полезный', греч. дор. *πάμα* 'собственность', *πάσασθαί* 'владеть'

Основа без суффикса *-H-/*-aH- представлена в таких формах, как др.-инд. *śavas* 'геройская сила' (при *śāvīra-* 'сильный', 'могучий'), ср. хет. *šucca-* 'наполняться', 'набухать' (*šuccattari*, 3 л. ед. ч. мед. наст. вр.; *šuccattat*, 3 л. ед. ч. пр. вр.), греч. *κυέω* 'наполняться', 'быть беременной', аорист *ἔκυσα*;

I

*p^[h]le/ol-t^[h]l-

Гот. *falpan* 'складывать'

II

*p^[h]l-ek^[h]l-

Др.-в.-нем. *flehtan*, лат. *plectō*, греч. *πλέκω* 'плету', др.-инд. *praśna-* 'плетение', ст.-слав. *plesti* 'плести'¹

I

*k^{'0}er-H-

Др.-инд. *garimā* 'тяжесть'

II

*k^{'0}r-eH-

Др.-инд. *grāvan-* 'камень для выдавливания сомы', др.-ирл. *bráiu* 'ручная мельница'

Индоевропейский суффикс *-H-/*-eH- в данной основе выделяется ввиду наличия чистого корня *k^{'0}er- с близким значением 'тяжелый' (др.-инд. *gurú-*, греч. *βαρύς*, лат. *gravis*), от которого, очевидно, образовано название мельничного жернова путем осложнения основы суффиксом *-H-(n-) (вопреки сомнениям *Anttila 1969: 139*). Поэтому можно предположить наличие суффикса *-H- и в германских формах (гот. *-qairnus*, др.-исл. *kuern*, др.-англ. *sweorn* 'ручная мельница').

¹ Здесь предполагается наличие соответствующих сопряженных состояний *p^[h]lel-ek^[h]l- и *p^[h]l-ek^[h]l-, реально не засвидетельствованных. Соположение этих основ оставляет вне сомнения вычленимость корня *p^[h]lel- с чередованием нулевой и полной ступеней.

I

*t'ek^[h]-m-

Др.-инд. *dāśa*, лат. *decem*, греч. *δέκα*, Греч. (τριά-)κοντα, брет. (tre-)gont
гот. *taihun*, др.-ирл. *deich* 'десять' ' (три-)дцать' (Szemerényi 1960:
IV)

II

*t'k^[h]-om-

Выделение суффикса *-m-/*-om- в этой основе обосновывается наличием формы на суффикс *-u- от данного корня: *t'ek^[h]-u-: лат. *decuria* 'десяток', герм. **tigu-* 'декада': гот. *fidwōr-tigjus* 'сорок', др.-исл. *fjórer-tiger*, др.-англ. *fēower-tig*, др.-в.-нем. *fior-zug* 'сорок';

I

*Har-k'-

Др.-инд. *árjuna-* 'свет', 'белый', лат. Др.-инд. *rajatá-* 'беловатый', 'серебро', тох. А *ārki*, 'серебряный'
хет. *ḥarki-* 'белый', греч. *ἄργός*
'белый'

II

*Hr-ek'-

Суффикс *-k'-/*-ek'- в данной основе вычленяется ввиду наличия в индоевропейском такой формы с аналогичным значением, как греч. *ἄρη λευκή* 'белизна' (*Гесихий*) (корень *Har-, ср. *Specht 1944: 114*);

I

*au-s-

Лат. *aurōra* 'заря', лит. *aušti* 'светать', *aušrà* 'утренняя заря', греч. Лат. *Vesta* 'богиня очага', *Vesu-vius*
гом. *ἠώς* 'утренняя заря' (Anttila 1969: 119), др.-инд. *vā-sarā-* 'утренний', 'день', др.-инд.-аор. *avasran* 'они осветили', *va-vasra*, перф.

II

*u-es-

Суффикс *-s-/*-es- выделяется на основании сравнения с хеттской формой *uḥḥi*, 1 л. ед. ч. 'вижу', 3 л. ед. ч. *aušta*, 1 л. мн. ч. *auteni*, 2 л. мн. ч. *aušteni*¹;

I

*g^[h]er-s-

Греч. *χεῖρον* 'хуже', ср.-ирл. *gerr* Др.-инд. *hrasvá-* 'меньше', 'маленький', *hrasati* 'уменьшается'

II

*g^[h]r-es-

¹ Противопоставление суффиксов *-s-/*-es- (нулевая ступень ~ полная ступень) могло выражать переходность ~ непереходность глагольной основы, ср. *aus- 'светать' (непереходное значение) и *ues- 'освещать, сжигать' (ср. др.-инд. *avasran* 'они осветили', лат. *Vesta*). Такое значение, выражаемое различными огласовками данного суффикса, особенно наглядно сохранилось в некоторых древних индоевропейских языках: ср. хет. *luḥk-eš-* 'гореть, светить' при тох. В *luk-s-* 'освещать'; хет. *raḥ-š-* с переходным значением 'сохранять, соблюдать', 'защищать', при *ra-š-* 'глотать'; продуктивный в хеттском суффикс -eš- (полная огласовка) образует непереходные отыменные глаголы при нулевой ступени суффикса -š- с переходным значением, вероятно сохранившегося лишь в отдельных глагольных образованиях.

Суффикс *-s-/*-es- в данной основе выделяется на основании таких форм, как др.-ирл. *gair* 'короткий' без этого суффикса (*Anttila 1969: 134*).

2.3. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ОСНОВЫ С «ЛАРИНГАЛЬНЫМ» СУФФИКСОМ, ПРЕДСТАЮЩИЕ В ОДНОМ ИЗ ДВУХ ВОЗМОЖНЫХ АБЛАУТНЫХ СОСТОЯНИЙ

Наряду с такими основами, показывающими чередующиеся друг с другом два аблаутных состояния основы (Состояние I и Состояние II по Бенвенисту), в индоевропейских основах выделяется небольшая группа форм, состоящих из последовательности корневой и суффиксальной морфем, показывающих одно из возможных состояний — Состояние I или Состояние II. При этом наблюдается преобладание форм с аблаутным Состоянием II при исключительной редкости форм с Состоянием I:

Корень	Состояние II
*t'el-	*t'ɪ-Н-g ^[h] l-
Ст.-слав. <i>-dǫliti</i> 'длить', рус. <i>длить</i> , др.-исл. <i>talma</i> 'останавливать', 'задерживать'	Др.-инд. <i>dīrghá-</i> 'длинный', авест. <i>darāga-</i> , <i>darəṇa-</i> , хет. <i>dalugaeš</i> , <i>dalugašti-</i> 'длина'
*Нak ^[h] l-	*Нk ^[h] l-eН-
Др.-инд. <i>ásmā</i> 'камень', авест. <i>asman-</i> 'небо', греч. <i>ἄκμων</i> 'наковальня'	Ст.-слав. <i>kamy</i> 'камень', др.-инд. <i>śi-śā-ti</i> 'заостряет, точит' (<i>Anttila 1969: 63</i>)
*Нau-	*Нu-aН-
Лит. <i>áusti</i> 'плести', <i>прош. вр. áudžiau</i> , 'я плел'	Др.-инд. <i>vā-</i> 'плести', <i>váyati</i> 'плетет', др.-исл. <i>váð</i> 'плетенье', лит. <i>vóras</i> 'прялка', греч. <i>ἄτριον</i> 'пряжа'
*k ^[h] leɪ-	*k ^[h] ɪ-eН-
Ст.-слав. <i>sěry</i> 'серый'	Др.-инд. <i>śyāvā-</i> 'темный', авест. <i>syāva-</i> , ново-перс. <i>siyāh</i> , лит. <i>šėmas</i> 'синий'
*t'eu-	*t'ɯ-aН-
Арм. <i>tevet</i> 'остаюсь', др.-инд. <i>dāvīyas-</i> 'дальше' (сравн. <i>степень</i> к др.-инд. <i>dūrā-</i>), др.-ирл. <i>doë</i> < *dōwyo- 'медленный', ст.-слав. <i>davě</i> , <i>davīnŭ</i> 'давний', ср. нулевую ступень от этого корня в хет. <i>tuca</i> 'издали'	Греч. <i>δῆν</i> < *dṵān, <i>δῆρόν</i> < *dṵāron 'долго', арм. <i>erkar</i> < *dṵāro- 'долгий'

Корень	Состояние II
* <u>u</u> er-	* <u>u</u> r-eH-
Хет. <i>uer-ia</i> 'звать', греч. εἶρω < * <i>uer-iō</i> 'зову', лат. <i>uerbum</i> , гот. <i>waird</i> 'слово'	Греч. ῥῆμα 'слово', ῥήτωρ 'оратор'
*t ^[h] er-	*t ^[h] r-eH-
Греч. τέρω 'тру', лат. <i>terō</i> , рус. <i>тру, тереть</i>	Греч. τίτρομι 'прокалываю', др.-в.-нем. <i>drāen</i> , др.-англ. <i>drāwan</i> 'крутить; точить'
*mel-	*ml-eH-
Лат. <i>molō</i> 'мелю', др.-ирл. <i>melim</i> 'мелю', хет. <i>malla-</i> 'молоть', ст.-слав. <i>meljo</i> 'мелю'	Греч. дор. βλάξ 'мягкий' (<i>Anttila 1969 : 110</i>)
*k ^ʷ er-	*k ^ʷ r-oH-
Др.-инд. <i>girāti</i> 'пожирает', авест. <i>jaraiti</i> , греч. βόρος 'прожорливый', др.-греч. βόρος, лат. <i>carniuorus</i> , арм. <i>ker</i> 'пища'	Др.-исл. <i>krás</i> 'лакомый кусочек', греч. βρώμη 'еда', 'пища'
*t ^ʰ er-	*t ^ʰ r-oH-
лит. <i>diriu</i> , <i>derù</i> , <i>dirti</i> 'отрезать', лат.-тыш. <i>niōdara</i> 'шест с отрезанными ветвями', рус. диалект. дор 'дрова, которые легко колоть'	Др.-исл. <i>tróð(a)</i> 'шест', ср.-в.-нем. <i>truoder</i> 'стержень', рус. <i>драть</i>

В этой группе основ обращает на себя внимание фонемный состав суффикса, выступающего в основе в Состоянии II. Он, как правило, состоит из гласного элемента с последующей "ларингальной" фонемой: структура *CS-VH-*.

В первом состоянии такая основа должна была быть представлена структурой *CVS-H-*. Следы такого *-H- можно было бы видеть в наличии соответствующих индийских форм, отчасти и греческих (в виде соответственно гласных *ι* и *α*). В других индоевропейских диалектах, за исключением, возможно, хеттского, такое H в указанной позиции бесследно терялось. При отсутствии соответствующих форм в индийском и греческом, а также хеттском исчезает возможность сколько-нибудь достоверной реконструкции подобных основ в Состоянии I. Этим следует объяснять, по-видимому, наличие в разобранных выше формах Состояния II основы с суффиксом *-H-, противостоящей формам с чистыми корневыми морфемами.

Таким образом, проанализированные выше индоевропейские формы дают основание реконструировать для общеиндоевропейского языка корневые морфемы структуры *C^oVC^o-*, образующие с суффиксом структуры *-VC^o-* сопряженные основы, морфонологически чередующиеся в виде двух состояний по схеме Бенвениста:

Состояние I

 $C^{\circ}VC^{\circ}-C^{\circ}-$

Состояние II

 $C^{\circ}C^{\circ}-VC^{\circ}-$ 24. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ «ТРЕХКОНСОНАНТНЫЕ» КОРНИ С SCHWE-
BEABLAUT'OM

Наряду с корнями структуры $C^{\circ}VC^{\circ}-$, образующими в сочетании с суффиксами структуры $-VC^{\circ}-$ сопряженные основы в двух аблаутных состояниях, для общиндоевропейского языка позднего периода следует постулировать также нечленимую основу с одной гласной фонемой и с аблаутным чередованием типа

$$C^{\circ}_1VC^{\circ}_2C^{\circ}_3- \sim C^{\circ}_1C^{\circ}_2VC^{\circ}_3-, \text{ где } C^{\circ}_2 \rightarrow S.$$

Такую основу в свете сформулированного выше принципа классификации морфем следует рассматривать дескриптивно как корневую морфему с тремя «консонантными» (то есть неслоговыми) элементами (в отличие от структуры $C^{\circ}VC^{\circ}-$). В отличие от «двухконсонантной» корневой структуры такая «трехконсонантная» корневая структура показывает два аблаутных типа в формах полной степени огласовки в зависимости от позиции вокалической фонемы по отношению ко второму «консонантному» элементу корня, то есть к S :

Т и п А

Гласный элемент в позиции перед S : $C^{\circ}VSC^{\circ}-$

Т и п В

Гласный элемент в позиции после S : $C^{\circ}SVC^{\circ}-$.

Соотношение этих двух типов, представляющих две разновидности полной степени в пределах одного корня, которое можно описать как движение гласной фонемы, как бы меняющейся местами с «консонантным» сонантом в пределах «трехконсонантного» корня, называется «подвижным аблаутом» или *Schwebeablaut*'ом.

Наряду с нормальной степенью с двумя типами, каждый из корней этой структуры может характеризоваться закономерно нулевой степенью аблаута, выражаемой в выпадении гласной в типе A или типе B и возникновении формы с отсутствием гласной типа $C^{\circ}SC^{\circ}-$, представляющей аблаутную разновидность одновременно и по отношению к типу A и к типу B , выступающим в качестве полной степени огласовки.

Легко видеть, что тип корней с *Schwebeablaut*'ом структуры $C^{\circ}VSC^{\circ}-/C^{\circ}SVC^{\circ}-$ дескриптивно объединяет в себе корневые структуры типа II 1: C_1VSC_2- и типа III 1: C_1SVC_2- с позиционно стабильными гласными перед вторым или после второго неслогового элемента корня. Однако принципиальное отличие корней с *Schwebeablaut*'ом от структурно аналогично построенных корней типа II 1 и III 1 со стабильным гласным в формах полной степени заключается в морфонологической характеристике типа со *Schwebeablaut*'ом с чередующимися аблаутными разновидностями в формах полной степени огласовки.

Индоевропейские корни, показывающие *Schwebeablaut*, могут быть реконструированы для следующих индоевропейских форм с “трехконсонантными” корневыми морфемами:

Т и п А	Т и п В
*t'e/oru-	*t'reu-
Др.-инд. <i>dāru</i> , греч. <i>δόρυ</i> , хет. <i>taru</i>	Гот. <i>triu</i> ‘дерево’, лит. <i>drėvė</i> ‘дуп-
‘дерево’, валл. <i>derwen</i> ‘дуб’	‘дуб’

Возможность установления семантической связи данной основы со значением ‘дерево’, ‘дуб’ (*Friedrich P. 1970 : 140 и след.*; *Benveniste 1954 : 257—259*) с корнем *t'er- (лит. *derù, dirti* ‘отрезать’, латыш. *niōdara* ‘шест с отрезанными ветвями’, рус. диалект. *дор* ‘дрова, которые легко колоть’) и основой *t'г-оН- (др.-исл. *trōð(a)* ‘шест’, слав. *drati* ‘драть, сдирать кору с дерева’, см. об этом корне выше, стр. 231), могла бы свидетельствовать (вопреки *Anttila 1969 : 121*) в пользу отнесения данной основы к разобранному выше типу корней с двумя аблаутными состояниями сопряженных основ по схеме Бенвениста: *t'or-u-/*t'г-еу-;

*k'e/onu-	*k'neu-
Др.-инд. <i>jānu</i> , лат. <i>genū</i> , хет. <i>genu</i> , Гот. <i>kniu</i> , др.-в.-нем. <i>kniō</i> , др.-исл. <i>kné</i> ‘колени’, авест. <i>huxšnaōdra-</i> ‘хорошее колени’ (<i>Bartholomae 1904; Anttila 1969 : 133</i>)	Греч. <i>γόνυ</i> ‘колени’

Наличие т и п а В в германских языках и в авестийском указывает на возможность постулирования обоих чередующихся типов для общиндоевропейского;

*k'0eru-	*k'0reu-
Лат. <i>uerū</i> ‘заостренный стержень’, умбр. <i>beroa</i> ; др.-ирл. <i>biur</i> ‘копье’, гот. <i>qairu</i> ‘заостренная палка’	Авест. <i>grava-</i> ‘камышевая палка’

*se/onu-	*sne/ou-
Др.-инд. <i>sānu</i> ‘спина’, ‘задняя часть’	Греч. <i>ὄψα</i> мн. ч. ‘спина’, ‘задняя часть’ < *hnowāta (<i>Szemerényi 1967 : 17—24; Anttila 1969 : 151</i>)

*Haui-	*Huei-
Лат. <i>avis</i> , арм. <i>haw</i> ‘птица’, греч. <i>αἰετός</i> ‘орел’, брет. <i>houad</i> ‘утка’	Др.-инд. <i>véḥ</i> , мн. ч. <i>vāyah</i> ‘птица’, <i>vāyasá-</i> ‘птица’, ‘ворона’

Тип А

*k'enH-

Др.-инд. *janitá*, греч. γενέτωρ 'родитель', ср. нулевую ступень: др.-инд. *jātá*-, лат. *nātus*, галл. *gnātha* 'дочь', др.-исл. *kundr* 'сын', ср. греч. (κασί-)γγητος 'сын'

Тип В

*k'neH-

Др.-ирл. *gníu* 'я делаю' < *gnēyō, др.-инд. *jñātí*- 'родственник', греч. γυνωτός 'родственник', 'брат', гот. *knōdai* 'род', *dat. пад.* от *knōþs, др.-в.-нем. *knōt* 'род', лат. тыш. *znuōts*, ср. лит. *žentas* 'зять'

Формы с корнем типа В (*k'neH-), дающие названия родства, др.-инд. *jñātíh* 'родственник', греч. γυνωτός 'родственник', 'брат', и др. связываются некоторыми исследователями не с корнем со значением 'рождать' (тип А *k'enH-), а с корнем со значением 'знать, познавать', показывающим обычно тип В (*k'neH-: др.-инд. *jñā*- 'знать', др.-перс. *xšnā*-, греч. ἔγνων, лат. (*ig*)*nōscō*, др.-англ. *snāwan*, ст.-слав. *znati* 'знать', тох. А *āknats* 'невежественный'). Такая интерпретация вышеприведенных терминов родства и этимологическая связь их с корнем со значением 'знать, познавать' может служить основанием для объединения в одну семантическую группу значений 'рождать' и 'знать, познавать'. При таком объединении этих семантем индоевропейские корни, их обозначающие, предстанут как основы, распределенные по двум аблаутным типам корня: тип А *k'enH-, в основном 'рождать', тип В—*k'neH-, в основном 'знать, познавать' (ср., однако, *Anttila 1969: 129—133*);

*k^[h]erH-

Греч. κεράσω 'буду смешивать', аор. ἐχέρασ(σ)α

*k^[h]raH-

Др.-инд. *śrāyali* 'варит', др.-англ. *hrēr* 'только слегка сваренный, всмятку' (*Pokorny 1959: 582*)

Тип А в данном корне выступает лишь в греческом, где он может быть интерпретирован как вторичное образование (ср. *Anttila 1969: 67 и след., 140*). В таких условиях реконструкция типа А₁ и соответственно корня с *Schwebeablaut*'ом для общиндоевропейского (а не для раннегреческого) весьма условна. Вероятность такой реконструкции находится в зависимости от исторической интерпретации греческих форм;

*p^[h]leH-

Др.-инд. *pāriṇas-ā* 'богато', вед. *pāri-man-* 'богатство', 'полнота', авест. *parənah-vant-* 'богатый'; др.-инд. *pāriman-i* 'полно', ср. нулевую ступень в др.-инд. *pūrṇá-* 'полный', лит. *pilnas*, ст.-слав. *plūnŭ* (серб.-хорв. *pŭn*), гот. *fulls*, др.-ирл. *lán* 'полный'

*p^[h]leH-

Др.-инд. *prāyaḥ* 'по большей части', авест. *frāyō*, греч. πλῆ(ι)ωυ, ст.-лат. *pleores*, др.-ирл. *lía* 'плюс' (*Szemerényi 1964: 256*)

Тип А данного корня представлен явно в индо-иранских формах (*Anttila 1969: 145—147*), на основании чего Анттила сомневается в обще-

индоевропейском характере формы $*p^{[h]}elH-$ от этого корня. Поскольку, однако, эти формы трудно объяснить в индо-иранском как новообразования, снимаются и сомнения в отношении общеиндоевропейского характера корня типа А. При этом следует учесть, что общеиндоевропейские нулевые формы являются скорее производными от корня типа А, судя по их семантической близости к последнему;

 $*HerH-$ $*HreH-$

Др.-инд. *arítár-* 'гребец', ср. греч. *ῥέτης* 'гребец' (из $*\acute{e}p-\acute{e}t\eta p$), др.-инд. *aríttra-* 'весло', др.-прус. *ar-twes* 'морское путешествие' Лат. *rēmus* 'весло', др.-англ. *rōðor* 'весло', др.-исл. *róþr*, др.-в.-нем. *ruodar* 'весло'

Наличие корня т и п а А в индийском и греческом является достаточным основанием для постулирования этого состояния в общеиндоевропейском;

 $*k^{0}e_{i}H-$ $*k^{0}ieH-$

Др.-инд. *gáya-* 'имение', 'имущество', 'домашнее хозяйство', авест. *gayō* 'жизнь', греч. гом. *βέομαι* 'я буду жить', арм. *keam* 'я живу', лит. *gajùs* 'легко исцеляющий', ср. нулевую ступень в др.-инд. *jirá-*, *jivá-* 'живой', лат. *uivus*, ст.-слав. *živŭ*, лит. *gúvas* 'живой' Авест. *ǰyātum* 'жизнь' (греч. ζῶω, ср., однако, *Anttila 1969: 137*), тох. В *śaul*, тох. А *śol* 'жизнь' (*Winter 1965: 190*)

В данном случае, в отличие от других корней этой структуры, корень типа В представлен слабее в индоевропейских диалектах, однако общеиндоевропейский характер его не вызывает сомнений¹;

 $*k^{[h]0}e_{i}H-$ $*k^{[h]0}ieH-$

Ст.-слав. *rokojŭ* 'покой', ср. нулевую ступень в ст.-слав. *ročiti*, при лат. *tranquillus* 'спокойный', гот. *hveila* 'досуг', 'время' Авест. *šyāta-* 'обрадованный', др.-перс. *šiyāti-* 'благоденствие', лат. *quiēs* 'спокойствие', *quiēscō* 'покоюсь'

В отличие от предшествующего корня в данном корне преобладает тип В, однако тип А устанавливается славянскими формами при отсутствии в славянском типа В. Предполагаемое Антилиой (*Anttila 1969: 143*) образование ст.-слав. *rokojŭ* внутри собственно славянского не может считаться удовлетворительным ввиду отсутствия других примеров аналогичного новообразования;

¹ Э. Хемп (*Hamp 1976*) рассматривает эту форму как основу в двух аблаутных состояниях по схеме Бенвениста:

I $*k^{0}e_{i}H-$: др.-инд. *gáya-*, авест. *gayō* 'житье' ~ II $*k^{0}i-eH-$: авест. *ǰyātum*, греч. *βέομαι*, арм. *keam* 'живу'.

Тип А	Тип В
*Hnng-	*Hner-
Греч. <i>ῥναρ</i> 'сон', алб. гег. <i>ândërr</i> , тоск. <i>ëndërrë</i> 'сон' (<i>Hamp 1967:187</i>)	Арм. <i>anurj</i> , греч. <i>ῥνειρον</i> 'сон' (<i>ср. Anttila 1969 : 90, 127, 160</i>)
*uerd^[h]	*ured^[h]
Греч. <i>ῥρθός</i> 'прямой', др.-инд. <i>vár-dhati</i> 'растет', 'размножается', ср. нулевую ступень <i>vṛddhá-</i> 'выросший, большой', <i>vṛddhi-</i> 'усиление'	Греч. <i>ῥέθος</i> 'член', 'тело', 'лицо', алб. <i>rit</i> 'расту'; 'увеличиваю', ст.-слав. <i>rodŭ</i> 'род', <i>roditi</i> 'рождать'
*k^[h]ent^[h]	*k^[h]net^[h]
Греч. <i>κευτέω</i> 'пырнуть', гом. <i>κέυτρον</i> 'бодец', <i>κέυτωρ</i> 'погоняющий коней', <i>κοντός</i> 'шест', ср. др.-в.-нем. <i>hantag</i> 'острый', латыш. <i>sits</i> (нулевая ступень) 'охотничье копье'	Др.-инд. вед. <i>śnath-</i> 'пронзить' (<i>Grassmann 1873 : 1414 — 1415</i>), авест. <i>snatθ-</i>
Нет положительно никаких оснований для предположения вторичности греческой формы (<i>ср. Anttila 1969: 140 и 175</i> , где нет доказательств влияния отсутствующих в греческом форм с нулевой ступенью). Формы могут служить хорошим примером чередующихся типов А и В в индоевропейском корне;	
*Hueg^{[h]o-}	*Hueg^{[h]o-}
Греч. <i>εὔχος</i> 'слава', <i>εὔχομαι</i> 'славлю', 'молюсь', др.-инд. <i>ohate</i> 'славит', авест. <i>aojaitē</i> 'сказал', <i>aogadā</i> 'объявил'	Др.-инд. <i>vāghát-</i> 'молящийся', лат. <i>uioeō</i> 'обещаю', <i>uōtum</i> 'обет', умбр. <i>uifetes</i> 'vōlīs', арм. <i>gog</i> 'скажи!'
Индоевропейский характер т и п а А данного корня довольно четко реконструируется на основании данных греческого языка при некоторых сомнениях в отношении первичности иранских форм, <i>ср. Anttila 1969: 128—129</i> ;	
*Hauk'-	*Huek'- x - ... й
Лат. <i>augeō</i> , греч. <i>αὔξω</i> 'расту', лит. <i>áugti</i> , гот. <i>aukan</i> 'расти', тох. А <i>oksis</i> 'растет'	Лат. <i>uegeō</i> 'расту', гот. <i>wahsjan</i> 'расти', др.-англ. <i>wōsor</i> 'будущие поколения', др.-инд. <i>vaks-</i> 'расти', греч. <i>ἀέξω</i> 'умножаю'
*uerk'-	*uerk'-
Греч. <i>ῥρω</i> (из <i>ῥέρω</i>) 'подпираю', 'окружаю'	Др.-инд. <i>vrajá-</i> 'огороженное место', 'загон', авест. <i>varagāna-</i> , др.-перс. <i>v(a)rdana</i> 'поселение', др.-ирл. <i>fraig</i> 'стена', 'плетень'

Тип А	Тип В
*p ^[h] er̥k ^[h] -. Лит. <i>peršù</i> 'сватаюсь', др.-в.-нем. <i>fergōn</i> 'просить', умбр. <i>persnimu</i> (Szemerényi 1959: 237), арм. <i>pesay</i> 'искатель', 'истец'	*p ^[h] re̥k ^[h] -. Др.-инд. <i>praśná-</i> , авест. <i>frašna-</i> 'вопрос', лат. <i>precor</i> 'прошу', гот. <i>fraihnan</i> 'спрашивать', лит. <i>prašai</i> 'требую', ст.-слав. <i>prošiti</i> , тох. А <i>prak-</i> , тох. В <i>prek-</i> 'спрашивать'

Оба аблаутных типа от этого корня можно с достаточной уверенностью постулировать для общиндоевропейского, объединяя их в единую парадигму. Нулевые формы в др.-инд. *pr̥chāti* 'спрашивает', лат. *poscō* < *poscō, др.-в.-нем. *for̥scōn*, лит. *pi̥šti* могут быть выведены теоретически как из типа А, так и из типа В данного корня;

*d ^[h] e _{us} -	*d ^[h] ues- → бестия
Лит. <i>daĩsos</i> 'рай', 'тропические страны', ст.-слав. <i>duchŭ</i> 'дыхание', 'дух', <i>duša</i> 'душа', рус. <i>дух</i> , <i>душа</i> , гот. <i>dīus</i> 'дикий зверь'	Греч. <i>θῆός</i> 'бог', лат. <i>bēstia</i> 'дикий зверь', лит. <i>duvasas</i> , <i>duvasià</i> 'дух', латыш. <i>dvēsele</i> 'дух', 'душа', 'жизнь'

Тип А от этого корня представлен исключительно в балто-славянском и германском, в чем проявляется некоторая диалектная ограниченность распространения этого типа данного корня в индоевропейском;

*t ^[h] ers-	*t ^[h] res- ᠑᠙᠑᠑᠑᠑
Авест. <i>taršta-</i> 'страшный', греч. <i>ἔτρεσεν</i> 'дрожал', лат. <i>terreō</i> 'пугаю'	Др.-инд. <i>trāsati</i> 'дрожит', авест. <i>θrāñhayete</i> 'пугает' (ср. др.-перс. <i>tarsatiy</i> 'боится', авест. <i>taras-</i> 'бояться'), греч. <i>τρέω</i> 'дрожу, боюсь'

Предположенная Антиллой (Anttila 1969: 114) вторичность типа А от данного корня при допущении метатезы представляется не вполне обоснованной. Эти формы могут служить достаточным основанием для постулирования индоевропейского характера основы типа А для данного корня.

2.5. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ «ТРЕХКОНСОНАНТНЫЕ» КОРНИ С SCHWEBE- AVLAUT'OM И ПРОБЛЕМА ИХ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ЧЛЕНИМОСТИ

При сопоставлении корневых структур с *Schwebeablaut*'ом и проанализированных выше структур основ в первом и втором Состояниях, чередующихся по схеме Бенвениста, явственно обнаруживается морфонологическая идентичность схемы аблаутных чередований. Основное различие между двумя этими группами форм выражается в разложимости или неразложимости отрезка, в котором осуществляется аблаутное чередование гласных.

Однако такое различие сводится целиком к морфологии и не значимо с точки зрения механизма морфонологических чередований. С точки зре-

ния морфонологического поведения основы разложимость или неразложимость отрезка на морфемы не имеет функционального значения. Аблаутное поведение этого отрезка остается одним и тем же как в первом, так и во втором случае. При рассмотрении корневой и суффиксальной морфем как единого целого в пределах основы в первой группе форм или при толковании синхронно нечленимой основы во второй группе форм как последовательностей корня и суффикса обе синхронно различающиеся структурные группы можно свести друг к другу.

Эти две теоретические возможности сведения данных структурных групп друг к другу отражают, очевидно, процессы возможного дальнейшего развития чередующихся форм первой структурной группы, выражающегося в эвентуальном слиянии суффиксальных морфем с корневыми морфемами структуры $C^{\circ}VC^{\circ}$ - и образовании новых неразложимых основ в отдельных индоевропейских диалектах¹, с одной стороны, а с другой, представляют вероятное происхождение чередующихся структур второй группы в истории самого общеиндоевропейского языка из слияния корневых морфем структуры $C^{\circ}VC^{\circ}$ - с суффиксальными и образования при этом нового структурного типа корневой морфемы². Второе допущение есть фактически проведение внутренней реконструкции в пределах самого общеиндоевропейского языка с целью восстановления более древнего типа корневой морфемы в период, предшествующий позднему общеиндоевропейскому состоянию.

Действительно, корневые структуры второй группы, то есть морфемы с *Schwebeablaut*'ом, обнаруживают в качестве третьего "консонантного" элемента фонемы, в основном совпадающие с фонемами суффиксальной морфемы основ, чередующихся по схеме Бенвениста, ср. в одной и в другой структурных группах конечные элементы $-t$ -, $-h$ -, $-t^{[h]}$ -, $-k^{[h]}$ -, $-r$ -, $-s$ -. Конечные консонантные элементы корней с *Schwebeablaut*'ом — это фактически те же древние суффиксальные морфемы, слившиеся в дальнейшем с корнем и образовавшие тем самым новый структурный тип корневой морфемы "трехконсонантного" состава. Иными словами, структура $C^{\circ}VSC^{\circ}$ -/ $C^{\circ}SVC^{\circ}$ - представляет собой результат преобразования структур

¹ Такое развитие индоевропейских морфемных сочетаний корня и суффикса, давших в дальнейшем в отдельных индоевропейских языках неразложимые основы, воспринимаемые как нечленимый корень, может быть проиллюстрировано на примере многих из приводимых выше форм с корневой и суффиксальной морфемами в состояниях I и II, ср. морфологическую неразложимость лат. реппа 'перо', рус. *перо*, др.-в.-нем. *fedara* 'перо'; лат. *hiems* 'зима', ст.-слав. *zima*, лит. *žiemà* 'зима'; греч. *πέλας* 'шкура', лит. *plėvė* 'перепонка', рус. *плева*; гот. *falþan* 'складывать'; др.-инд. *dáśa* 'десять'; лат. *argentum* 'серебро'; лат. *aurogā* 'заря'. Примеры на преобразование индоевропейских сложных основ в неразложимые основы в германских языках см. Макаев 1970.

² Такое "слияние" суффикса с корнем и образование новой нечленимой основы могло произойти при разрыве словообразовательных связей между исходным корнем и производной основой. О подобных морфологических процессах ср. Макаев 1970.

$C^{\circ}VS-C^{\circ}$ - (Состояние I) и $C^{\circ}S-VC^{\circ}$ - (Состояние II) путем слияния суффиксального элемента с корнем.

Какой-либо корень с *Schwebeablaut*'ом $*p^{[h]}erk^{[h]}/*p^{[h]}rek^{[h]}$ возводится к более раннему корню $*p^{[h]}er-$ с суффиксом $*ek^{[h]}$, образующим основу в двух аблаутных состояниях: I $*p^{[h]}er-k^{[h]}$ и II $*p^{[h]}r-ek^{[h]}$. Таким образом, все неразложимые основы второй структурной группы можно представить как результат преобразования морфемных последовательностей корня и суффикса в двух аблаутных состояниях:

$*t'e/oru-/t'reu \Rightarrow *t'e/or-u-/t'r-eu$ ¹
 $*k'e/onu-/k'neu \Rightarrow *k'e/on-u-/k'n-eu$
 $*k'oru-/k'rou \Rightarrow *k'or-u-/k'o-r-eu$
 $*se/onu-/sneu \Rightarrow *se/on-u-/sn-eu$
 $*Hau-/Huei \Rightarrow *Hau-i-/Hu-ei$
 $*k'enH-/k'neH \Rightarrow *k'en-H-/k'n-eH$
 $*k^{[h]}erH-/k^{[h]}raH \Rightarrow *k^{[h]}er-H-/k^{[h]}r-aH$
 $*p^{[h]}elH-/p^{[h]}leH \Rightarrow *p^{[h]}el-H-/p^{[h]}l-eH$
 $*HerH-/HreH \Rightarrow *Her-H-/Hr-eH$
 $*k^{[h]e}iH-/k^{[h]e}ieH \Rightarrow *k^{[h]e}i-H-/k^{[h]e}i-eH$
 $*Honr-/Hner \Rightarrow *Hon-r-/Hn-er$
 $*uerd^{[h]}/ured^{[h]} \Rightarrow *uer-d^{[h]}/ur-ed^{[h]}$
 $*k^{[h]}ent^{[h]}/k^{[h]}net^{[h]} \Rightarrow *k^{[h]}en-t^{[h]}/k^{[h]}n-et^{[h]}$
 $*Heug^{[h]0}/Hueg^{[h]0} \Rightarrow *Heu-g^{[h]0}/Hu-eg^{[h]0}$
 $*Hauk'-/Huek' \Rightarrow *Hau-k'-/Hu-ek'$
 $*uerk'-/urek' \Rightarrow *uer-k'-/ur-ek'$
 $*p^{[h]}erk^{[h]}/p^{[h]}rek^{[h]} \Rightarrow *p^{[h]}er-k^{[h]}/p^{[h]}r-ek^{[h]}$
 $*d^{[h]}eus-/d^{[h]}ues \Rightarrow *d^{[h]}eu-s-/d^{[h]}u-es$
 $*t^{[h]}ers-/t^{[h]}res \Rightarrow *t^{[h]}er-s-/t^{[h]}r-es$

Внутренняя реконструкция древнейших типов индоевропейских основ с чередующимися двумя аблаутными состояниями в результате диахронического истолкования неразложимых индоевропейских основ с *Schwebeablaut*'ом и установления структурных типов, им предшествующих, дает довольно единообразную картину структурного построения последовательностей морфем в общеиндоевропейском языке раннего периода с аблаутными состояниями, распределяемыми по схеме Бенвениста.

Та схема построения именных и глагольных основ, которую Бенвенист предполагает для общеиндоевропейского, описывает по существу морфемную структуру и синтагматику морфем в разные периоды развития общеиндоевропейского языка. Схема Бенвениста является скорее вневременной моделью описания [индоевропейской] структуры морфем и механизма их синтагматических сочетаний, нежели представляет конкретные правила, описывающие этот механизм для определенного периода развития общеиндоевропейского языка.

¹ Символ $\Rightarrow$ в этих формулах означает возведение более поздних индоевропейских форм к исходным формам, постулируемым в более раннем индоевропейском путем внутренней реконструкции.

Тем самым классическая модель Бенвениста не может быть, естественно, опровергнута ссылками на хронологическую несоотнесенность ее с каким-нибудь одним из периодов в развитии общиндоевропейского языка. Тем не менее можно утверждать, что в развитии общиндоевропейского языка существовал период с преобладанием механизма чередований, частично описываемого схемой Бенвениста. Такой период предполагается нами как период истории общиндоевропейского языка, предшествовавший образованию нечленимых основ с *Schwebeablaut*'ом.

Однако и для этого периода нет оснований считать модель Бенвениста полностью адекватной описываемой индоевропейской системе, поскольку при определенных корнях структуры $C^{\circ}VC^{\circ}$ нет фактического доказательства наличия обоих состояний в основе с каким-либо одним суффиксом, не говоря уже о наличии таких состояний при каждом из присоединяющихся суффиксов. Какая-либо основа в смысле Бенвениста могла бы показывать одно определенное аблаутное состояние, другая основа — другое. Это положение фактически и отражается в наличии в индоевропейском позднего периода основ типа II I и III I с позиционно стабильным гласным.

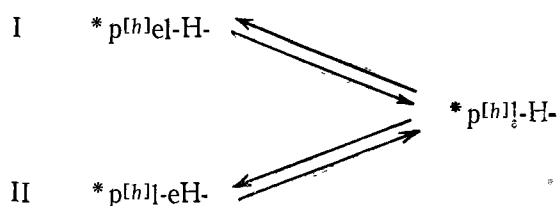
В ряде случаев представляется возможным установить сравнительно поздний характер одного из аблаутных состояний. Тем самым для более ранней эпохи в таких основах следует допустить только одно из двух аблаутных состояний, чередующееся с нулем, при отсутствии другого. Возникновение в подобных структурных образованиях другого аблаутного состояния и формирование полного механизма аблаутных чередований в основе, соответствующего схеме Бенвениста, можно объяснить исходя из формы с нулевой огласовкой как формы нейтрализации Состояний I и II с последующим восстановлением по продуктивной схеме чередований одного из отсутствовавших в основе аблаутных состояний.

Так, например, какая-либо основа $*p^{[h]}el-H$ (др.-инд. *pāri-man-* 'полнота') и $*p^{[h]}eH$ (др.-инд. *prāyaḥ* 'по большей части'), представленная в индоевропейском в двух аблаутных состояниях, выступает в нулевой степени в виде $*p^{[h]}I-H$ (др.-инд. *pūrṇá-* 'полный'), в которой фактически нейтрализуется противопоставление Состояний I и II в формах полной степени. Форма с нулевой огласовкой может быть по существу нулевым морфонологическим вариантом как Состояния I основы, так и Состояния II.

Иными словами, нулевую степень можно рассматривать в качестве производной как от I, так и от II степени аблаута. В этом смысле нулевая степень неоднозначна по отношению к двум состояниям основы. В этой особенности нулевой степени заложены возможности появления ранее отсутствовавшего в конкретной основе первого или второго Состояния при чередовании нулевой степени огласовки с полной. Такие вновь образовавшиеся аблаутные состояния основы, отсутствовавшие в конкретных структурных образованиях, как бы заполняют пробелы в продуктивных к тому времени аблаутных моделях.

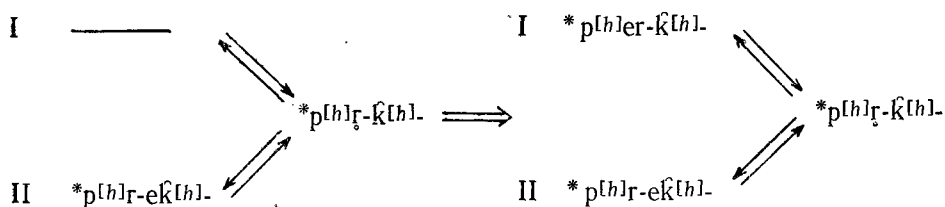
Так, например, индоевропейская основа $*p^{[h]}er\bar{k}^{[h]}$, с вероятностью более поздним Состоянием I $*p^{[h]}er\bar{k}^{[h]}$ (лит. *peršù* 'сватаюсь', см. Anttila 1969) и более древним Состоянием II $*p^{[h]}r\text{-}ek^{[h]}$ (др.-инд. *praśná-*), оформилась в основу с двумя аблаутными состояниями в соответствии с продуктивной в системе моделью аблаутных чередований в результате новообразования Состояния I из формы с нулевой огласовкой $*p^{[h]}r\text{-}k^{[h]}$ (др.-инд. *pr̥cchāti*, лат. *poscō*), являвшейся формой нейтрализации противопоставления аблаутных Состояний I и II.

Схема 1: Модель аблаутного перехода Состояний I и II основы в нуль и нуля в первое или второе Состояние:

В соответствии с этой продуктивной аблаутной моделью должны были происходить преобразования дефектных аблаутных структур и заполнение в модели отсутствующего аблаутного Состояния I или II.

Схема 2

Аналогичным образом можно объяснить происхождение поздних аблаутных Состояний I или II в целом ряде индоевропейских основ.

2.6. КОРНЕВЫЕ СТРУКТУРЫ С ИСХОДОМ НА *-i- И *-u- И БОЛЕЕ ПОЗДНИМ АБЛАУТНЫМ СОСТОЯНИЕМ I И ПРОБЛЕМА ДРЕВНИХ НЕАПОФОНИЧНЫХ *-i- И *-u-

Состояние I представляется более поздним в именных образованиях от и.-е. $*d^{[h]}u\text{-}es\text{-}$ (греч. *θῆρς*, лат. *bēstia*). Состояние I $*d^{[h]}eu\text{-}s\text{-}$ зафиксировано только в балто-славянском и германском: лит. *dāisos* 'рай', 'тропические страны', ст.-слав. *duchŭ* 'дыхание', 'дух', гот. *dīus* 'дикий зверь'. Можно предположить сравнительно позднюю диалектную особенность появления в данной основе Состояния I, ограниченного определенной ареальной группой.

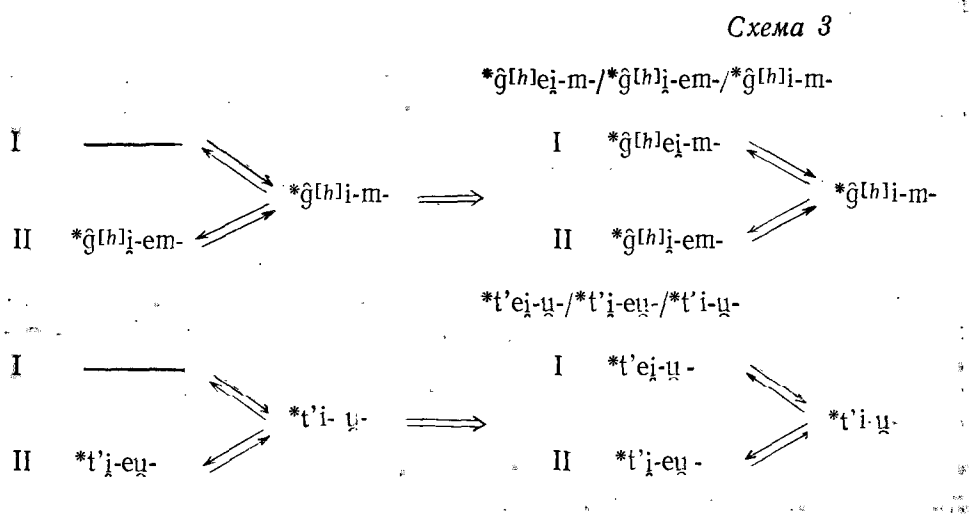
Такое же истолкование можно дать появлению Состояния I $*k^{hl}e_j\text{-H-}$ в корне $*k^{hl}i\text{-eH-}$ (авест. *šyāta* 'обрадованный'): ст.-слав. *rokojī* 'покой', при нулевой ступени *ročiti* 'отдыхать', 'почивать'.

В этой связи вызывает особый интерес анализ древних индоевропейских основ $*ḡ^{hl}e_j\text{-mo-}$ 'зима' (лит. *žiemà*, ст.-слав. *zima*) и $*t'e_j\text{-o-}$ 'бог' (др.-инд. *devāh*, лат. *deus*, др.-ирл. *día*, лит. *diėvas*).

Общеиндоевропейские формы этих основ показывают уже вполне сложившийся механизм аблаутных чередований по схеме Бенвениста:

Состояние I	Состояние II
$*ḡ^{hl}e_j\text{-m-}$	$*ḡ^{hl}i\text{-em-}$
	(лат. <i>hiems</i> 'зима', греч. <i>χίωv</i> 'снег')
$*t'e_j\text{-u-}$	$*t'i\text{-eu-}$
	(др.-инд. <i>dyāuh</i> 'небо', греч. <i>Ζεός</i>)

Основы в Состоянии I являются производными с тематическим суффиксом, в чем проявляется их сравнительно более поздний характер по сравнению с основой в Состоянии I. Исходной формой для образования основы в Состоянии I послужила, очевидно, основа в нулевой ступени: соответственно $*ḡ^{hl}i\text{-m-}$ (др.-инд. *himá-* 'снег', 'мороз', авест. *zətaKa-* 'снежная буря', греч. *δύσ-χιμος* 'зимний', ср. *Kuryłowicz 1973b: 65*) и $*t'i\text{-u-}$ (др.-инд. *div-*, *divyá-* 'божественный', греч. *δῖος*, лат. *dius* < *diuḡios* 'божественный', ср. лув. *Tiyat-* 'бог солнца'), *Osthoff 1881; Anttila 1969: 164; Szemerényi 1959: 107 и след.; 1970*. Следовательно, древнейшие индоевропейские аблаутные основы от этого корня восстанавливаются в виде $*ḡ^{hl}i\text{-em-}$ / $*ḡ^{hl}i\text{-m-}$; $*t'i\text{-eu-}$ / $*t'i\text{-u-}$ без Состояния I, появившегося позднее в индоевропейском по типу продуктивного аблаутного механизма с чередованием основ в Состоянии II:

Таким образом, в качестве древнейших корневых морфем в этих формах выделяются не структуры $*\hat{g}^{[h]}e\dot{i}-/*\hat{g}^{[h]}i-$; $*t'e\dot{i}-/*t'i-$ (то есть CVS-/CS-), а структуры $*\hat{g}^{[h]}i-$ и $*t'i-$, то есть *Согласная + i*.

Такой тип корня в принципе отличается от типа корня структуры CVS-, представляющей основную каноническую форму корня в индоевропейском.

Такое $*i$ в корнях $*\hat{g}^{[h]}i-$ и $*t'i-$ отражает, вероятно, древнейшую гласную фонему $/*i/$, образывавшую, наряду с $*u$ и V , первичную систему индоевропейских гласных (см. выше о формах со стабильным $*i$: $*k^{[h]}\circ i-s$, локатив на $*-i$ и др., стр. 160 и след.).

Наличие подобной гласной в позиции после C позволяет постулировать для древнейшего индоевропейского состояния также корни структуры CV-, то есть *согласная + гласная*. Такая корневая гласная $-i$, а также, вероятно, и u , переходила в фонетически неслоговую разновидность $\dot{i}$, соответственно $\dot{u}$, в позиции перед гласной V при присоединении к корню со структурой $Ci-$ суффикса $-VC$: $*\hat{g}^{[h]}i-+*em- \Rightarrow *\hat{g}^{[h]}\dot{i}em-$; $*t'i-+*eu- \Rightarrow *t'\dot{i}eu-$. Этот фонетический процесс, естественно, содействовал возникновению чередования $-i/-\dot{i}$ (а также $-u/-\dot{u}$), что и привело к образованию сонанта $/*i/$ (а также $/*u/$) с аллофонами $[i, \dot{i}]$, $[u, \dot{u}]$ в результате переосмысления гласных i , u , перераспределения звуков i , u (соответственно $\dot{i}$, $\dot{u}$) и их объединения с ранее существовавшими сонорными y , w в один класс сонантов. Перед появившимся таким образом сонантом $/*i/$ в позиции после C легко могла возникнуть в дальнейшем гласная V в полном соответствии с продуктивным аблаутным механизмом:

$$*t'i- \Rightarrow *t'e\dot{i}-, \quad *\hat{g}^{[h]}i- \Rightarrow *\hat{g}^{[h]}e\dot{i}-.$$

Такое же объяснение можно было бы дать и возникновению полной ступени в разобранной выше диалектной индоевропейской форме $*d^{[h]}eu-s-$, в которой для более раннего времени можно предполагать наличие нечередующегося $-u-$ в корне $*d^{[h]}\dot{u}$, восходящего, по всей вероятности, к первичному гласному $*-u-$.

Следы таких гласных фонем i и u , отражающих первоначальную индоевропейскую систему гласных, можно было бы видеть в "стабильных" i и u позднеобщиндоевропейского периода, которые в это время представляют уже слоговые аллофоны соответственно сонантов i и u , но выдают свой изначально вокалический характер отсутствием других аблаутных ступеней (ср. Schmitt-Brandt 1967: 21 и след.).

Примерами таких форм со стабильным i и u могут служить общеиндоевропейские основы со стабильным $*u$, не чередующимся с $*-eu-$: $*k^{[h]}\dot{u}on-$ 'пес', 'собака' (греч. $\kappa\acute{\upsilon}\omega\nu$, др.-инд. $\acute{s}(u)v\acute{a}$, лит. $\dot{s}i\ddot{o}$, иер. лув. $suwana-$ 'пес', 'собака'); $*d^{[h]}\dot{u}g^{[h]}\dot{u}t^{[h]}er-$ 'дочь' (греч. $\theta\upsilon\gamma\acute{\alpha}\tau\eta\rho$, др.-инд. $duhit\acute{a}$); ср. также стабильное u в превербе $*ut^{[h]}/*ut-$: др.-инд. $\acute{u}t-$, $\acute{u}d-$ 'вверх, сверх, над', авест. $us-$, $uz-$, греч. $u-$ в $\acute{\upsilon}\beta\rho\iota\varsigma$ 'гордыня', $\acute{\upsilon}\sigma\tau\epsilon\rho\nu$ 'позже', лат. $us-que$, гот. $\acute{u}t$; лит. $\acute{u}\check{z}$, ст.-слав. $v\check{y}z-$; ср. также суффиксы $*-ti$, $*-tu$ имеет действия типа греч. $\phi\acute{\upsilon}\sigma\iota\varsigma$ 'природа', др.-инд. $bh\ddot{u}-t\acute{i}$ - 'становление'; $*-ri$, $*-ru$ типа хет. $etri$ 'корм', лит. $\acute{e}dr\ddot{u}nas$ 'прожорливый', а так-

же суффикс косвенных падажей *-b^hi со стабильным *i* (др.-инд. *-bhi*, греч. *-φι*, микен. *-pi*).

Такой же изначальный гласный *i можно видеть в нечередующемся суффиксе архаичных именных основ на *-i* типа др.-инд. *rāti-* 'хозяин', *род. пад. rātuṃh* (ср. лат. *potis*, греч. *πόσις*, гом. *род. пад. πόσιος*), *ávi-* 'овца', *род. пад. ávyaḥ* (греч. *ἄβις*, *род. п. οἴς*; лат. *ovis*, *род. пад. ovis*), *arīh* 'незнакомец', 'чужой', *род. пад. aryáḥ*, Szemerényi 1970: 163 и след.

Аналогично этому склоняются некоторые именные основы на *-u-*, отражающие в стабильном, нечередующемся *u* его первоначально вокалический характер: др.-инд. *mádhu* 'мед' (*род. пад. вед. mádhvas, mádhvasas*), ср. греч. *μέθυ* 'вино'; др.-инд. *raśú-* 'скот', *вед. род. пад. raśváh* (ср. лат. *pecū* 'скот', *род. п. pecūs*), гот. *faīhu*; др.-инд. *hánu-* 'подбородок', *инстр. пад. hánuā*, авест. *zānu-*, греч. *γένυς*, *род. п. γένυ(φ)ος*, гот. *kinpus* 'щека'.

К этому же типу относятся хеттские основы существительных на *-i* и на *-u*, не показывающие аблаутной ступени с полной огласовкой: хет. *ašši* 'добро', *дат.-мест. пад. мн. ч. aššiṣaš* 'добро', *kutru-* 'свидетель', *дат. пад. kutruī*, *ṣeši-* 'пастбище', *твор. пад. ṣešiṣaz* и др.

Вокалический характер такого *i* и *u* постепенно стирается в процессе возникновения форм с полной степенью огласовки и дистрибутивного перераспределения слоговых и соответствующих неслоговых элементов. Наряду с древними парадигмами с нечередующимися *-i*, *-u*, в отдельных языках появляются парадигматические формы с суффиксальными *-i* и *-u* в полной степени огласовки, ср. др.-инд. *rātiḥ*, *вед. дат. пад. rátye (RV)*, наряду с позднейшим *rátaye (AV)*, *raśúḥ*, *дат. пад. rášve* (3 раза в *RV*) при позднейшем *raśáve* (1 раз в *RV*), *mádhu* 'мед', *род. пад. mádhvas, mádhvasas* при позднейшем *mádhos*, ср. Kuiper 1942.

В хеттском языке произошло дальнейшее системное перераспределение аблаутного и безаблаутного типов суффиксов *-u-* и *-i-*. Древние *-u-*, *-i-* (без аблаута) закрепились за именами существительными, тогда как аблаутные типы этих суффиксов стали характеризовать адъективные типы имен, ср. *ašši* 'добро', *дат.-мест. пад. мн. ч. aššiṣaš*, но *aššiš* 'хороший', *род. пад. aššiṣaš*. Аналогично этому, *parku-* 'высокий', *род. пад. pargaṣaš*, *panku-* 'весь', *род. пад. pangaiṣaš* и т. д.

Такое же формальное противопоставление наблюдается в основах на *-i*: хет. *ṣeši-* 'пастбище', *ṣešiṣaz*, но *šurri-* 'чистый', *род. п. šurraṣaš*, *ḥarki-* 'белый', *род. п. ḥarkaṣaš* и др.

В отличие от кратких *-i-*, *-u-* долгие суффиксы *-ī-*, *-ū-*, возникшие из сочетания **-iH-*, **-uH-*, более консервативны и в древнеиндийском не обнаруживают вторичных форм с полной степенью, ср. парадигмы *devī* 'богиня', *род. пад. devyāḥ*, *tanūḥ* 'тело', *род. пад. tán(ū)vaḥ* и др.

2.7. СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КОРНЕВЫХ МОРФЕМ С НАЧАЛЬНОЙ ИЛИ КОНЕЧНОЙ ГЛАСНОЙ: VC^o-, C^oV-

Для древнейшего периода развития общиндоевропейского языка можно постулировать корневые морфемы структуры C^oV-, в которых гласная фонема могла быть представлена и гласными *-i-*, *-u*. Такая струк-

тура морфемы представлена в качестве закономерного структурного образования в прономинальных основах, строящихся по типу $C^{\circ}V$ -.

Эта же структура древнеиндоевропейской морфемы отражена в индоевропейских глагольных окончаниях типа **-Ha* (1 л. ед. ч. перфекта, ср. лув. *-ha*, 1 л. ед. ч. прош. вр.), **-[h]Ha* (2 л. ед. ч. перфекта). Тем самым устанавливается первоначальная общность структуры морфем с различными грамматическими функциями: именными и глагольными, местоименными и аффиксальными (окончания), а также препозиционных основ (отрицание *ne*, проверб *re-* и др.).

Другой вид корневых морфем, совпадающий структурно с аффиксальными морфемами, представлен типом VC° -. Такая корневая структура засвидетельствована в древнейших индоевропейских образованиях (см. выше тип IV 1, 2). Все исторически засвидетельствованные индоевропейские языки, включая и хеттский, показывают в этих корнях начальную гласную. Поэтому нет достаточных оснований (в том числе и структурных) считать такие корни восходящими к структуре $C_1^{\circ}VC_2^{\circ}$ - — с дальнейшей утерей C_1° .

На таком предположении строится теория корня Бенвениста — Куриловича, согласно которой в большинстве корневых структур типа VC° - постулируется начальная “ларингальная” фонема. Некоторые корни структуры VC° - в исторических индоевропейских диалектах действительно восходят к стандартной структуре $C_1^{\circ}VC_2^{\circ}$ - с позднейшей утерей “ларингальной” фонемы, шумной или сонанта, явные следы которых обнаруживаются в некоторых индоевропейских диалектах¹. Однако при

¹ Кроме разобранный выше вопроса об исчезновении начального “ларингального”, след которого сохранялся в виде спиранта *h*- в хеттском, а также приведенных выше (стр. 131) примеров с предполагаемыми поствелярными и спирантами, можно указать на случаи потери в аналогичной позиции начальных сонантов *ç* (ср. Герценберг 1972: 145—146) и *š*. Индоевропейская лексема со значением ‘хороший’ восстанавливалась традиционно в виде **esu-* (греч. *ἔς* ‘добрый, хороший, благородный’, *εῖ-* в сложных словах ‘хороший, благородный’, хет. *aššu-* ‘хороший, благой’). Обнаружение в анатолийских языках формы *wašu-* (иер. лув. *wasu*, лув. *wašu-*, пал. *wašū-*), соответствующей хет. *aššu-*, подтверждает высказывавшееся ранее предположение (Schwyzer 1939, I: 421) о связи всех указанных форм с др.-инд. *vāsu-*. Для индоевропейского слова восстанавливается форма **çesu-*. В хеттском языке представлена ступень с огласовкой *o* в отличие от греч. *ἔς* и, вероятно, др.-инд. *vāsu-*. Начальное *ç* было утеряно в хеттском языке, как и в греческом, еще в дописьменную эпоху. Форма с нулевой огласовкой представлена в индийском в сложных словах с первым компонентом *su-* (Гамкрелидзе 1960: 69—70), ср. греч. *ὄνις* ‘здоровый’ (< ‘хорошо живущий’, по Ш в и ц е р у: Schwyzer 1939, I: 298; Boisacq 1916: 997), ср. Puhvel 1980. Праформа для лат. *equus* ‘конь’, др.-инд. *áśva-*, авест. *aspa-*, галл. *epo-*, др.-англ. *eoh*, лит. *ašvā*, сопоставляемого с греч. *ἵπλος* (микен. *i-ko* ‘конь’), восстанавливается в виде **ek[h]wo-*. Однако наличие в греческой форме начального *i-* и густого придыхания может указывать и на общую исходную **iek[h]wo-* с начальным сонантом **i-*, след которого можно было бы видеть в тох. В *uakwe*, тох. А *uik* (*u-* в родственных ваханском и осетинском словах, вероятно, объясняется вторичными процессами).

К потере начального *i-* в хеттском, ср. хет. *ekupa-* ‘холодный’ при др.-исл. *jakí* ‘льдина’, ср.-ирл. *aig* ‘лед’, н.-е. **iek’-*.

обнаруживающемся многообразии первоначальных корневых морфемных структур в индоевропейском было бы не оправдано сводить тип VC° - к какому-либо другому типу при отсутствии бесспорных свидетельств этого в исторических языках.

Такую структуру корня представляли древние индоевропейские глагольные корни **es-* 'быть', **et-* 'есть', **ek^hl^ho-* 'пить', **ep^hl^ho-* 'брат', 'хватать', **eg-* 'двигаться', 'вставать', **ej-* 'идти'. Постулирование начальной "ларингальной" в этих корнях не подтверждается данными хеттского языка, в котором соответствующие корни представлены в виде чередующихся основ в формах единственного и множественного числа *eš-/aš-*, *et-/at-*, *ek^hu-/ak^hu-*, *ep-/ap-* (без начального *h-*, которое ожидалось бы при наличии "ларингальной" фонемы в этих корнях)¹. Это чередование в хеттском соответственно в формах единственного и множественного числа отражает индоевропейское чередование полной и нулевой ступеней огласовки, ср. др.-инд. 3 л. ед. ч. *ásti*, 3 л. мн. ч. *sánti*, лат. *est*, *sunt*, ст.-слав. *jesti*, *sotī* 'есть', 'суть'. Огласовку *a* в хеттских формах мн. ч., соответствующую функционально нулевой ступени (ср. в хеттском нормальный тип чередования *e ~ Ø* [нуль] в формах *h^hek-* 'колдовать' в ед. ч., *h^hik-* во мн. ч., *kuen-* 'убивать' в ед. ч., *ku^hn-* во мн. ч. и т. п.), можно объяснить преобразованием более древних отношений, отражающих функциональное чередование *e : Ø* (нуль). Такое *a* могло возникнуть в формах с нулевой огласовкой из редуцированного гласного, появившегося в начальной позиции при переходе корневой морфемы в нулевую ступень.

В этом отношении показательно восстановление в формах множественного числа огласовки *e* в греческом уже у Гомера². Тембр гласного полного образования *a* в хеттских формах мн. ч. мог бы объясняться ассимилятивными факторами, то есть такое *a* могло быть вызвано характером огласовки последующих окончаний 1 л. мн. ч. *-u/ani*, 2 л. мн. ч. *-te/ani*, 3 л. мн. ч. *-anzi*³.

Наряду с этим обращает на себя внимание и то, что огласовка *a* в формах, соответствующих функционально нулевой ступени, выступает также в других языках, ср. лат. *apiscor* 'достигаю', *aptus* 'удобный', ст.-лат. *coepi* 'я начал', хет. *appant-* 'пленный'; лат. *aqua* 'вода', гот. *ahva* 'река', хет. *akkuant-* 'выпивший'; ср. также начальный гласный в греч. *ὀδών* 'зуб', арм. *atamn* 'зуб', хет. причастие *adant-* 'съеденный; едящий'

¹ 3 л. ед. ч. *e-eš-zi* 'есть', 3 л. мн. ч. *a-ša-an-zi*; 3 л. ед. ч. *ez-za-zi* 'ест', 3 л. мн. ч. *a-da-an-zi*; 3 л. ед. ч. *e-ku-zi* 'пьет', 3 л. мн. ч. *a-ku-a-an-zi*; 3 л. ед. ч. *e-ip-zi* 'хватает', 3 л. мн. ч. *ap-ra-an-zi*; ср. в древних текстах 1 л. мн. ч. *a-tu-e-ni*, *a-ku-e-ni* (КВо XVII 1+III 15 I IV 6 II 13, ср. Otten/Souček 1969).

² Ср. у Гомера мн. ч.: 1 л. *εἰμέν*, 2 л. *ἔστέ*, 3 л. *ἔσσι* при формах ед. ч. 1 л. *εἶμι*, 2 л. *ἔσ(ε)*, *εἶς*.

³ Такие окончания 1 л. мн. ч. *-u/ani*, 2 л. мн. ч. *-tani* выступают уже в древнехеттском языке при некоторых глаголах и отражают определенные ассимилятивные процессы, имевшие место в хеттском в доисторический период, см. об этих окончаниях в древнехеттском Otten/Souček 1969: 79.

от *et* 'есть' и нулевые формы в др.-инд. *dán*, *da(n)t* 'зуб', авест. *dan-tan-*, лат. *dēns*, род. п. *dentis*, др.-ирл. *dét*, лит. *dantìs*.

Постулирование архаичного корня структуры VC° позволяет предположить для древнейшего индоевропейского состояния тип одногласного корня $-C^\circ$ со структурой VC° в качестве одного из его аблаутных состояний при оформлении на более позднем этапе механизма чередований гласных по аблауту:

- *s- : *es- 'быть'
- *t'- : *et'- 'есть, кушать'
- *k[h]^o- : *ek[h]^o- 'пить'
- *p[h]- : *ep[h]- 'брать, хватать'
- *ǵ- : *eǵ- 'двигаться', 'вставать'
- *i- : *ei- 'идти'

2.8. ВНУТРЕННЯЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНЕЙШИХ СИНТАГМАТИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ И ПРАВИЛА ИХ ПОРОЖДЕНИЯ

Для раннего индоевропейского состояния выделяются три основных структурных типа морфем : C°_1V- , VC°_1- и $C^{\circ}_1VC^{\circ}_2-$.

В таких структурах C° могло быть представлено в виде сложного сочетания $C^{\circ}_1 \rightarrow CS$ (в открытом слоге) или $C^{\circ}_2 \rightarrow SC$ (в закрытом слоге). Другим вариантом C°_1 , то есть начальной согласной, в древнейших морфемных структурах может быть сочетание sC° . При этом V на этом хронологическом уровне индоевропейского представляет одну из трех возможных гласных [e a o], *i* и *u*, образующих треугольную вокалическую систему праяндоевропейского языка. Структуры $-C^{\circ}V-$ и $-VC^{\circ}-$ представляли, очевидно, как корневые, так и аффиксальные морфемы¹.

Тип $C^{\circ}VC^{\circ}$ характеризует в основном корневые морфемы. Однако и некоторые суффиксальные морфемы при основной канонической форме VC° представлены структурой $-C^{\circ}VC^{\circ}$. К суффиксальным образованиям подобной структуры относятся, в первую очередь, суффиксы имен деятеля **-t[h]er-* [др.-инд. *damitā(r)* 'укротитель', *janitā(r)* 'родитель', греч. *γενέτωρ*], **-t[h]el-* (хет. *aršanijatalla-* 'завистник', ст.-слав. *dělatelǐ* и др.), некоторые глагольные окончания множественного числа (греч. 1 л. мн. ч. *-μεν*, например: *λέγομεν* 'говорим'; хет. 1 л. мн. ч. прош. вр. *-цен*, *дацен* 'мы брали', *-ten*, 2 л. мн. ч. *datten* 'вы брали', 1 л. мн. ч. греч. *-μες*, др.-инд. *-mah* и т. п.).

Такие суффиксальные морфемы структуры $-C^{\circ}VC^{\circ}$ могут быть разложены с помощью сравнительного анализа на составные элементы $-C^{\circ}V-C^{\circ}$

¹ Следовательно, из рассмотренных выше (см. стр. 216—219) структурных типов корневых морфем позднеобщиндоевропейского языка часть корней типа II $C^{\circ}_1VSC^{\circ}_2$ - и III $C^{\circ}_1SVC^{\circ}_2$ - можно свести к корням типа I $C^{\circ}_1VC^{\circ}_2$ - в сочетании с типом IV VC° -, с аблаутным чередованием полной и нулевой ступеней огласовки. Представленный спорадически тип VII $C^{\circ}SV-$ возводится в ряде случаев для наиболее раннего периода к типу VI $C^{\circ}V-$, где C° —лабиализованные шумные фонемы (см. выше, гл. II, стр. 122 и след.).

и $-C^{\circ}VC^{\circ}$ - с нулевой огласовкой одного из компонентов, в чем и проявляется их составной характер на общиндоевропейском языковом уровне¹, при полном слиянии этих элементов в единую суффиксальную морфему в истории отдельных индоевропейских диалектов.

Такое происхождение суффиксальных элементов структуры $-C_1^{\circ}VC_2^{\circ}$ дает основание для внутреннего анализа корневых морфем структуры $C_1^{\circ}VC_2^{\circ}$ - как первоначально составных структур, образованных путем сложения в определенной линейной последовательности структур типа $C_1^{\circ}V$ - и $-VC_2^{\circ}$ - при нулевой огласовке одной из морфем².

Вероятность подобного глубинного разложения корня структуры $C_1^{\circ}VC_2^{\circ}$ - можно было бы иллюстрировать своеобразными корневыми структурами типа др.-инд. *unátti* 'брызгает, окропляет водой', анализируемого как **u-n-at-ti* (ср. Strunk 1972: 175), мн. ч. *u-n-d-áti* (и.-е. **u-n-et*- $\{h\}i$ /**u-n-t*'- ηt $\{h\}i$), ср. лат. *unda* 'волна' (*u-n-d-a*), лит. *vanduō* 'вода', и связываемого с корнем **uet*'- 'вода', др.-инд. лок. *udáni* 'в воде' (ср. хет. лок. *uēteni* 'в воде'), *udá* 'воды' (собирает. мн. ч. ср. р.). Сопоставление этих форм дает возможность выделить в исторической корневой морфеме **uet*'- 'вода' **u* в качестве первичного корневого элемента и **-et*'- в качестве основообразующего суффикса (допущение начальной "ларингальной" фонемы, основывающееся лишь на авестийской форме *aoda*- 'источник', Бенвенист 1955: 189, не имеет под собой прочного основания). Такое разложение подкрепляется также сопоставлением

¹ О составном характере этих суффиксов свидетельствуют такие соотношения, как суффиксы $-t\{h\}er$ и $-t\{h\}$ - в словосложении в древнеиндийском (*Wackernagel/Debrunner 1930, III*); соотнесение суффиксов $*-t\{h\}er$ - и $*-t\{h\}en$ -, в частности в гетероклитической парадигме при наличии именного суффикса $*-r/*-n$ -, ср. хет. тип основ на $-tar$: *papratar* 'ритуальная нечистота', род. пад. *paprannaš* < **paprattas*; *idalatatar* 'зло', род. пад. *idalatannaš*; с другой стороны, соотнесение суффикса $*-t\{h\}er$ -/ $*-t\{h\}en$ - с суффиксом $*-t\{h\}el$ - уже в самом индоевропейском свидетельствует о составном его характере с выделением первоначальных элементов $*-t\{h\}er$ -/ $-en$ -/ $-el$. О составном характере свидетельствует также соотнесение уже на реконструированном уровне суффиксов $*-te$ -, $*-t\{h\}en$ -, $*-tes$ с местоименными основами (с выделением элементов $*-te$ -, $*-t\{h\}e$ - и $*-en$ -, $*-es$ и переходом одного из компонентов в нулевое состояние или нулевую ступень при образовании составного суффиксального элемента).

² Такое происхождение корневых морфем структуры $C_1^{\circ}VC_2^{\circ}$ - из слияния двух морфем, расположенных в определенной последовательности, могло бы объяснить отдельные случаи явных нарушений запрета на сочетаемость идентичных согласных в пределах корня. Отдельные и крайне редкие случаи таких нарушений могли бы отражать то состояние индоевропейского праязыка, когда последовательность $C_1^{\circ}VC_2^{\circ}$ - воспринималась еще как сложная структура, охватывающая отрезок, больший, чем единая морфема. Такие реликтовые структуры можно было бы видеть в индоевропейских корнях типа $*ses$ - 'спать', 'отдыхать' (др.-инд. *sás*- 'спать', хет. *šēš*- 'спать', 'покоиться'). Не исключено, что корень $*ses$ - является для древнейшего периода редуцированной формой от одноконсонантного корня $*s$ - 'лежать' с вокалическим элементом e (см. выше о редупликации, стр. 219 и след.). Истолкование корневой структуры $C^{\circ}VC^{\circ}$ - как сложения по происхождению корневой и суффиксальной морфем $C^{\circ}VC^{\circ}$ - позволило бы выделить обширный класс одноконсонантных глагольных корней, остатки которого можно видеть в позднеиндоевропейском в глагольных образованиях структуры VC° -.

этих древнеиндийских форм с др.-инд. *vār-* 'вода', тох. А *wār*, тох. В *war* 'вода'. К архаичной одноконсонантной структуре корня ср. также некоторые другие основы с носовым аффиксом типа др.-инд. *unābdhi* 'связывает' < **u-n-eb^[h].t^[h]i* (ср. Strunk 1972 : 175) и индоевропейские образования типа *(e)l-*eu-d^[h]*. (греч. ἐλεύθερος 'свободный', лат. *liber* 'свободный', слав. *ljudi* 'люди', гот. *liudan* 'расти', см. Dihoux 1973).

Такое диахроническое истолкование корневой структуры $C_1^{\circ}VC_2^{\circ}$ - в качестве позднейшего деривата последовательности $C_1^{\circ}V-C_2^{\circ}$ - или $C_1^{\circ}-VC_2^{\circ}$ - сводит возможные структурные типы к двум основным структурам: к открытому слогу $-C_1^{\circ}V-$ и закрытому слогу $-VC_2^{\circ}$ -. Все более сложные структурные образования возникают в результате сложения этих исходных структур, располагаемых в определенной линейной последовательности. При этом основной тенденцией морфемного сложения в раннем индоевропейском языке должен был быть принцип закономерного чередования открытых и закрытых слогов, выразившийся в следовании в линейной последовательности за морфемой с открытым слогом морфемы с закрытым слогом при факультативном выборе морфемы с открытым или закрытым слогом.

Процесс порождения сложных последовательностей морфем, предполагаемых для этого языкового состояния, может быть описан циклическими по своему характеру правилами (3), (4), (5):

П р а в и л о (3)

В морфемной последовательности за морфемой структуры открытого слога $C^{\circ}V-$ может следовать только морфема структуры закрытого слога VC° -;

П р а в и л о (4)

В морфемной последовательности за морфемой структуры закрытого слога VC° - может следовать либо морфема с открытым слогом, либо с закрытым VC° -;

П р а в и л о (5)

Начальный элемент морфемной последовательности задается в виде структуры с открытым или закрытым слогом.

Путем многократного применения правил (3) и (4) при заданном первом элементе последовательности можно получить сколь угодно длинную цепочку морфем, которые предположительно лежат в основе структур, реконструируемых для позднейиндоевропейского состояния.

Процесс порождения таких последовательностей морфем представлен на схемах (4) и (5):

С х е м а (4)

Процесс порождения морфемной последовательности с начальным открытым слогом:

$$C_1^{\circ}V-VC_2^{\circ}- \begin{cases} VC_3^{\circ}- \begin{cases} VC_4^{\circ}- \\ C_4^{\circ}V- \end{cases} \\ C_3^{\circ}V- VC_4^{\circ}- \end{cases}$$

Схема (5)

Процесс порождения морфемной последовательности с начальным закрытым слогом:

$$VC^{\circ}_1 - \begin{cases} VC^{\circ}_2 - \begin{cases} VC^{\circ}_3 - \\ C^{\circ}_3 V - \end{cases} \\ C^{\circ}_2 V - VC^{\circ}_3 - \end{cases}$$

Полученные таким путем морфемные последовательности подвергаются морфонологическому преобразованию в виде слияния однотипных смежных гласных или синкопирования одного из двух вокалических элементов соседних морфем (прототип нулевого аблаута, ср. правило синкопирования по Боргстрёму, *Borgström 1949 и 1954*).

Такое синкопирование гласных можно представить как выпадение вокалического элемента в соответствии с "принципом моновокализма" морфемной последовательности, согласно которому в многоморфемной последовательности только одна морфема может быть представлена с вокалическим элементом (ср. выше, стр. 222).

Действие "принципа моновокализма" можно видеть в некоторых архаичных индоевропейских образованиях с одной морфемой в нормальной ступени (ср. др.-инд. *3 л. мн. ч. undāti* 'окропляют водой' из **u-n-t'i-t^[h]i*, др.-инд. *prthūh*, греч. *πλατύς* 'широкий' из **p^[h]l^[h]-t^[h]-H-e^[h]-/*p^[h]l^[h]-t^[h]-H-u*).

Такие правила синтагматической сочетаемости морфем в сложной морфемной последовательности могут объяснить происхождение таких поздних многоморфемных индоевропейских форм, как, например:

I **t'i-e^[h]-io-os* ⇒ и.-е. **t'iujos* (др.-инд. *divyáh*, греч. *δῖος*, лат. *dīvus* 'божественный')

**ǵ^[h]li-em-e^[h]-en-et^[h]-os* ⇒ и.-е. **ǵ^[h]limouont^[h]os* (др.-инд. *himávant-* 'снежный', 'ледяной'; 'Гималаи')

**t'e-er-ek^[h]-e^[h]-i-o-t^[h]i* ⇒ и.-е. **t'erk^[h]-e^[h]-i-o-t^[h]i* (др.-инд. *darśáyati* 'показывает')

**p^[h]re¹-ek^[h]-e^[h]-s-k^[h]e-mi* ⇒ и.-е. **p^[h]rek^[h]-sk^[h]e-mi* (др.-инд. *prcchāmi* 'спрашиваю')

**b^[h]e-eud^[h]-o-m(a)i* ⇒ и.-е. **b^[h]eud^[h]-o-mai* (греч. *πεύδομαι* 'замечаю', 'наблюдаю', др.-инд. *bódhate* 'бодрствует')

**p^[h]He-t^[h]e-er-b^[h]i-om* ⇒ и.-е. **p^[h]Ht^[h]er-b^[h]i-om* (др.-инд. *pitṛbhyām*, *инстр.-дат.-абл. дв. ч.*);

II *(*e*)*t'-me-en* ⇒ и.-е. **et'-men* (др.-инд. *ádmān* 'пища')

*(*e*)*t'-ri* ⇒ и.-е. **et'-ri* (хет. *etri* 'корм, еда')

*(*e*)*t'-mi* ⇒ и.-е. **et'-mi* (др.-инд. *ádmī*, хет. *e-it-mi*)

*(*e*)*s-en-t^[h]i* ⇒ и.-е. *(*e*)*s-ont^[h]i* (хет. *ašanzi*, др.-инд. *sánti*, лат. *sunt*).

¹ Такие многофонемные начальные структуры в последовательности могут объясняться разложением их на еще более архаичные структуры *C^o-C^oV-*.

2.9. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ АРХАИЧНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ МОРФЕМНЫХ СТРУКТУР

Предложенная выше диахроническая интерпретация позднеиндоевропейских морфемных структур различного типа и сведение их к двум основным структурным типам с определенными правилами синтагматической сочетаемости при оформлении сложных морфемных образований позволяет внутренне реконструировать такое древнейшее состояние общиндоевропейского языка, при котором структура морфемы не определялась ее функциональным назначением. Как корневые (именные, глагольные), так и аффиксальные (служебные) морфемы характеризовались одними и теми же структурными типами.

Такая структурная недифференцированность является, возможно, отражением функциональной недифференцированности морфем различных классов, характерной для древнейшего состояния индоевропейского языка. Дальнейшая формальная дифференциация морфем различных функциональных классов (корневые морфемы, суффиксальные морфемы, окончания) происходит в результате слияния последовательности $C^{\circ}V-VC^{\circ}$ в корневую морфему структуры $C^{\circ}_1VC^{\circ}_2$, которая стала формально отличаться от первичных морфем структуры $C^{\circ}V$ - и VC° -, отражавших древний общий тип морфемных структур. Лишь небольшая часть корневых структур типа VC° - отражает структурную недифференцированность морфем различной морфологической функции.

С другой стороны, структура окончаний и прономинальных основ $C^{\circ}V$ - сохраняется в тех случаях, когда морфема с открытым слогом оканчивается в конце морфемной цепочки.

Рассмотренные построения представляют собой глубинные реконструкции первоначальной структуры индоевропейского корня и основываются целиком на чисто формальных соотношениях морфемных структур различных типов, реконструируемых для позднего индоевропейского состояния.

Такие теоретические построения обладают определенной объяснительной силой, поскольку сводят наблюдаемые в индоевропейском языке структуры к минимальному числу типов, из которых путем правил преобразования выводятся исторически засвидетельствованные структуры (ср. для индоевропейского языка ранней эпохи аналогичные построения Боргстрёма).

При таких глубинных внутренних реконструкциях определенных языковых структур следует иметь в виду разную степень гипотетичности предлагаемых построений. Так, например, сведение трехконсонантных корневых структур с *Schwebeablaut*'ом к более ранним структурам с основами в Состояниях I и II по схеме Бенвениста является менее гипотетичным, чем дальнейшая операция возведения двухконсонантных корневых структур к первоначальному сочетанию морфем с открытым и закрытым слогами структуры $C^{\circ}V$ - и $-VC^{\circ}$, представляющая собой сугубо гипотетические построения.

Однако принцип внутреннего структурного анализа объединяет и ту и другую процедуру при разной степени гипотетичности получаемых построений, вследствие отражения в них различных хронологических этапов истории общеиндоевропейского языка. Предложенная древнейшая модель представляет собой один из возможных путей становления общеиндоевропейского аблаутного механизма и правил синтагматической сочетаемости морфем в сложной синтагматической последовательности, характерной для позднеиндоевропейского состояния.

Таким образом, хронологическая стратификация индоевропейских структур, засвидетельствованных для позднеиндоевропейского языкового состояния (см. выше структуры типов I—VII), позволяет рассматривать их как результат взаимного наложения друг на друга и сведения в единую систему структурных образований различных периодов в развитии индоевропейского языка, начиная с древнейшего состояния с системой гласных *V*, *i*, *u* и системой согласных, включавшей и сонорные фонемы.

В дальнейшем образуется класс сонантических фонем при формировании класса гласных в виде трехчленной системы с фонемами *e*, *a*, *o*. Этот процесс вызывает позднее перераспределение структур и закрепление определенных типов морфем за корневыми и аффиксальными морфемами, которые на древнейшем этапе развития общеиндоевропейского языка представляли собой недифференцированные структурные образования.

3. ТИПОЛОГИЯ РЕКОНСТРУИРУЕМОЙ ОБЩЕИНДРОЕВРОПЕЙСКОЙ МОРФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ

3.1. КАНОНИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И СТРУКТУРА КОРНЕВЫХ МОРФЕМ В ОБЩЕКАРТВЕЛЬСКОМ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИНДРОЕВРОПЕЙСКИМ

Реконструированная выше система морфонологических чередований и схема структуры корня, характерная для позднеиндоевропейского языкового состояния, может быть сопоставлена типологически с аналогичными структурными моделями, реконструированными для общекартвельской языковой системы. Основные общекартвельские модели, определявшие структуру корневых и суффиксальных морфем и правил их синтагматической сочетаемости, проявляют разительное типологическое сходство с описанными выше индоевропейскими структурными моделями, постулируемыми для позднеиндоевропейского состояния. Можно утверждать, что индоевропейская морфонологическая система изоморфна системе общекартвельской (*Гамкрелидзе/Мачавариани 1965*).

Основная каноническая форма общекартвельской корневой морфемы определяется структурой $C^{\circ}_1VC^{\circ}_2$ -, где символ C° , обозначающий вообще согласную, может быть заменен либо символом для собственно согласного *C*, либо символом *S*, обозначающим сонант в неслоговой функции. Следовательно, имеются следующие возможные типы корней: *CVC*-, *CVS*-, *SVC*-, *SVS*-, с краткой гласной *V* (принимающей одно из возможных значений: **e*, **a*, **o*) между элементами *C* и *S*. На корневую морфему структуры $C^{\circ}VC^{\circ}$ - накладываются определенные ограничения:

- (1) В корне не сочетаются смычные согласные одного локального ряда;
 (2) В корне не сочетаются друг с другом согласные глоттализированные (ср. также Меликишвили И. 1980);

Ср. аналогичные правила сочетаемости согласных в индоевропейском корне [ср. выше, стр. 140, правила (а) и (с)].

Эти правила в картвельском не распространяются на случаи сочетания в корне идентичных согласных, в том числе глоттализированных. В этом отношении ограничения, наложенные на картвельскую структуру корня, отличаются от индоевропейских.

В качестве основных структурных типов корневой морфемы в общекартвельской языковой системе позднего периода могут быть выделены следующие канонические формы:

I CVC-:

*tes- 'сеять'

*t'ep- 'согревать', 'греться' (груз. 1 л. ед. ч. аор. ^lgan^l-v-t'ep 'я согрелся', 3 л. gan-t'p-a, др.-груз. t'p-il-i 'теплый', новогруз. tb-il-i, мегр. t'ibi, ср. и.-е. форму *t^hep^hl- 'теплый', проявляющую аномальную структуру корня, см. выше, стр. 146);

*qed- 'идти', 'двигаться'

*k'ac- 'муж', 'мужчина'

II CVS-:

*ber- 'дуть' < ðr-

*ban- 'мыть'

*qan- 'пахать' (ср. *qar- 'бык')

*col- 'жена'

III SVC-:

*wed- 'идти'

*rek- 'трясти'

*wac- 'козел'

IV SVS-:

*wal- 'идти'

*ior- 'два'

Наряду с основной канонической формой корня структуры C^oVC^o на позднем общекартвельском уровне выделяются и другие структурные типы, в частности CVSC- (*zard- 'расти', 'воспитать'), CSVC- (*xleç- 'рассекать'), VC- (*aš- 'сто'), VSC- (*ert- 'один'). Следует отметить, что структура с гласной инициальной характерна лишь для именных основ в отличие от основ глагольных, выступающих, как правило, с корневой структурой с начальным согласным. В таких случаях можно предположить утерю в корневой структуре начального неслогового элемента. Такой же процесс можно предположить и в отношении индоевропейских структур типа VC^o-, проявляющихся на позднеиндоевропейском уровне и в глагольных основах.

С другой стороны, структура -VC^o (то есть -VC и -VS) являет-

ся канонической для суффиксальных морфем (как и в индоевропейской структуре):

- VC: *-ed, *-et', *-et, *-eb, *-ek', *-eš, *-eš, *-ež, *-ex;
 -VS: *-el, *-er, *-en, *-em, *-ew, *-ej-.

Корневые структуры типа C°V- (то есть CV- и SV-), а также CSV- характерны в картвельском преимущественно для местоименных основ и ряда адвербиальных основ и частиц (ср. выше местоименные основы в индоевропейском, стр. 218):

Личные местоимения		Притяжательные местоимения	
	ед. ч.	мн. ч.	
1 л.	* <i>me</i> -[na]	* <i>č-we</i> -[na] // * <i>na</i> - (инкл.) (экскл.)	* <i>č-we</i> - <i>m</i> - * <i>č-we</i> - <i>n</i> -
2 л.	* <i>š-we</i> -[na]	* <i>štk-we</i> -[na]	* <i>š-we</i> - <i>n</i> - * <i>štk-we</i> - <i>n</i> - (Гамкрелидзе 1959)

Указательные местоимения:

*ma-

Адвербиальные основы:

*že 'вверх', *kwe 'вниз'

Частицы:

Частицы отрицания: *we- 'не, нет' (в нулевой ступени *u- в словосложении в качестве первого элемента в последовательности морфем, ср. индоевропейскую частицу отрицания *ne 'нет': др.-инд. *ná*, лат. *ne*-, греч. *νε*-, гот. *ni*, хет. *natta*, *nači*, ст.-слав. *ne*, *netŭ*), в нулевой ступени *n- в словосложении в качестве первого элемента в последовательности морфем: др.-инд. *a*-, греч. *ἀ*-, лат. *in*-, гот. *in*-, Гамкрелидзе/Мацавариани 1965: 323.

Обращает на себя внимание формальное сходство общекартвельской прономинальной системы с системой общеиндоевропейских местоименных образований (в особенности безударных форм личного местоимения):

Личные местоимения (безударные)		Притяжательные местоимения	
	ед. ч.	мн. ч.	
1 л.	* <i>me</i>	* <i>če</i> (инкл.) // * <i>ne</i> (экскл.)	*[m]e <i>me</i> * <i>ŋsme</i>
2 л.	*[h]e	*[i]e- // * <i>sye</i> - ¹	*[h](e) <i>ye</i> * <i>sye</i> (e) <i>me</i> ²

¹ *sye- предполагается на основании хет. *šumteš*, др.-урл. *si*, *sissi* 'вы', *iai-b* 'ваш', валл. *chwi* 'вы', гот. *izwis* 'вас', Pokorny 1959: 514.

² К реконструкции форм ед. ч. и 1-го л. мн. ч. см. Schwyzler 1939, I: 608; 2 л. мн. ч. предполагается на основании данных хеттского языка (-*šmi*- 'ваш') в сопоставлении с греческим.

Личные местоимения (ударные)

	ед. ч.	мн. ч.	
1 л.	* <i>m-mé</i>	* <i>ns-mé</i>	
2 л.	* <i>ʰh1-wé</i>	* <i>us-mé</i>	
3 л.	* <i>s-wé</i>		(Cowgill 1965: 169—170).

Наряду с рассмотренными выше общекартвельскими корнями сложной консонантной структуры, в ряде случаев выделяется также моноконсонантная структура корня C° , характерная, главным образом, для глагольных основ. Этот тип корня, сближающий картвельскую структуру с северокавказской, можно сопоставить типологически с постулируемыми для раннего индоевропейского состояния одноконсонантными глагольными корнями (см. выше, стр. 247):

- *b- 'связывать' (3 л. ед. ч. наст. вр. груз. *a-b-am-s*, сван. *a-b-em*, мегр. *gi-o-b-u-ʰn*);
- *g- 'строить' (3 л. ед. ч. наст. вр. груз. *a-g-eb-s*, мегр. *o-g-an-s*, сван. *a-g-em*);
- *r- 'быть' (1 л. ед. ч. наст. вр. груз. *v-a-r*, мегр. *v-o-r-e-k*, лаз. *v-o-r-e*, сван. *xw-ä-r-i*);
- *z- 'лежать' (3 л. ед. ч. др.-груз. *z-e-s*, мегр.-лаз. *z-u-ʰn*, сван. *z-i*).

3.2. СТРУКТУРНЫЕ СЛЕДЫ «ВЕЛЯРИЗОВАННЫХ» И «ЛАБИАЛИЗОВАННЫХ» СОГЛАСНЫХ В ПРАКАРТВЕЛЬСКОМ И ИХ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АНАЛОГИ В ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Во всех рассмотренных выше типах корневых морфем вместо единичного неслогового элемента корня $-C^\circ$ могут выступать так называемые гармоничные комплексы дещессивного ряда¹, а также лабиальные сочетания типа $-C^\circ\omega$ (где C° может быть и гармоничным комплексом дещессивного ряда). Таким образом, с точки зрения структуры корня гармоничные комплексы дещессивного ряда, а также сочетания типа $C^\circ\omega$ (то есть единичная согласная или гармоничный комплекс плюс ω) представляют собой гомогенные единицы, функционально отождествляемые в корне с единичной согласной. В пределах одной морфемы допустим только один комплекс подобного типа:

* <i>c'q'al-</i>	'милость'	* <i>šwed-</i>	'оставаться'
* <i>rečx-</i>	'мыть'	* <i>šwer-</i>	'уствовать'
* <i>t'q'aw-</i>	'шкура'	* <i>žwar-</i>	'кол'
		* <i>leγw-</i>	'инжир'

¹ Гармоничными комплексами дещессивного ряда являются двухэлементные комплексы согласных с начальной смычной и последующим гомогенным заднеязычным смычным или спирантом (Ахведиани 1949: 107 и след.):

<i>bγ</i>	<i>dγ</i>
<i>pχ</i>	<i>tχ</i>
<i>p'q'</i>	<i>t'q'</i>

- *č'w- 'жечь' (груз. 3 л. ед. ч. наст. вр. c'w-aw-s 'жгет', мегр.-лаз. do-b-č'v-i 'я сжег', сван. a-č'-i 'печет');
- *šw- 'пить' (груз. 3 л. ед. ч. наст. вр. sw-am-s, мегр. šu-n-s, сван. прош. вр. x-ō-šw-a);
- *tx- 'искать', 'просить' (груз. 3 л. ед. ч. s-tx-ov-s 'просит', мегр. tx-u-al-a 'просьба', сван. 3 л. ед. ч. x-e-tx-ēl-i 'ищет')¹.

Отмеченная структурно-дистрибутивная особенность гармоничных комплексов, а также сочетаний согласных с лабиальным элементом позволяет интерпретировать их исторически в качестве монофонематических единиц системы. Дистрибутивная идентичность этих комплексов в структуре корня с единичными согласными фонемами и сонантами обусловлена исторически их функциональной идентичностью в парадигматической системе. Это должны были быть единичные согласные, занимавшие в структуре корня место, отводимое единичному согласному или сонантическому элементу. Монофонематическая интерпретация таких комплексов согласных дает возможность внутренне реконструировать сложную систему пракартвельского консонантизма, включавшую в себя, наряду с консонантными фонемами, непосредственно отраженными единичными согласными в исторических картвельских языках (см. выше, Табл. 21, стр. 136), дополнительные ряды согласных с особыми фонологическими признаками, утраченными в дальнейшем при расщеплении соответствующих фонем еще на позднекартвельском уровне и элиминации этих рядов. В частности, гармоничные комплексы дещессивного ряда можно интерпретировать как унитарные консонантные фонемы с некоторым фонологически релевантным признаком веляризации, который при расщеплении соответствующих фонем дает заднеязычные смычные или спиранты.

Аналогично этому, комплексы типа C+ʃ следует рассматривать для раннего общекартвельского уровня как лабиализованные согласные, претерпевшие в дальнейшем фонемное расщепление и превращение в бифонемный комплекс Cʃ (то есть согласный плюс сонант ʃ). Такое развитие, предполагаемое для пракартвельских лабиализованных, можно сопоставить с аналогичным развитием постулируемых лабиализованных фонем в индоевропейском (см. выше, стр. 86 и след.).

Такая сложная система консонантизма, предполагаемая для пракартвельского языка на основе внутренней реконструкции, сближает пракартвельскую систему с богатым консонантизмом западнокавказского языкового ареала (абхазско-адыгская система).

¹ Особый тип корня представляют в картвельском немногочисленные основы с начальным *š-/*s-, являющимся, по-видимому, древним префиксальным элементом: *š-tagw- (груз. tagv-i, лаз. mtug-i, сван. šdugw 'мышь'); *š-taw- (груз. tav-i 'голова', лаз. ti 'id.', сван. šda 'колос'); *š-txar- (груз. txar- 'копать', сван. čot-štxar 'выкопал'); *s-tw- (груз. stvel-i, лаз. stvel-i 'сбор винограда'). Такие картвельские формы могут быть сопоставлены с индоевропейскими формами с "префиксальным" *š-/*s-, ср. выше, стр. 119 и след.

3.3. ТИПЫ РЕДУПЛИКАЦИИ КОРНЯ В КАРТВЕЛЬСКОМ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ РЕДУПЛИКАЦИЕЙ

Расщепление таких фонемных рядов согласных в позднеобщекартвельском приводит к образованию консонантной системы, а также системы сонантов, приближающейся к позднеобщеевропейскому структурному типу, разобранным выше.

Немногочисленная группа именных основ в общекартвельском обнаруживает структуру с редупликацией и озвончением корневого сибиланта типа *zi—s-*, *ži—č'*- (со слоговым [i] после начальной согласной, Гамкрелидзе / Мачавариани 1965 : 317):

**zisx!*- 'кровь' (груз. *sisxl-*, мегр. *zisxir-*, лаз. *dicxir-*, сван. *zisx!*)¹;

**ži'n!č'wel-* 'муравей' (груз. *žinč'wel-*, лаз. *dimč'k'u*, мегр. *č'k'ič'k'it'ia*)²;

**ži'n!č'ar-/ži'n!č'ɾ-* 'крапива' (груз. *žinč'ar-*, лаз. *dič'k'iž-*)³.

Постулирование редуплицированных основ в общекартвельском, явные следы которых проявляются в рассмотренных выше формах, позволяет видеть в некоторых общекартвельских именных образованиях, показывающих несоответствие с правилом I (о несовместимости в одном корне двух фонем одного локального ряда), редуплицированные основы аналогичного структурного типа с собственно гласной *V* после начальной озвонченной согласной:

**žecx!*- 'огонь' (груз. *secxl-*, мегр. *dačxir-*, лаз. *dačxur-* // *dačxir-*); корень **čex-/čx-*, ср. груз. *sx-el-i* 'горячий', сван. *šix* 'угли'; 3 л. ед. ч. *ā-šix* 'сжег', *ā-šx-i* 'сжигает', груз. *si-sx-e* 'жара', мегр. *čx-e* 'горячий'; к семантике редупликации ср. ст.-слав. *popelū* 'зола', 'пепел', см. выше, стр. 220, 222; ср. также с *куомиш* *i'i?uɫ < *iə'-iəɫ* 'огонь' (корень *iɫ*- 'гореть', Kuipers 1967: 107)⁴;

¹ Такая структурная интерпретация общекартвельского слова для 'крови' **zisx!*- позволяет выделить первичную основу **-sx!*-, проявляющую формальное сходство с общиндоевропейским словом 'кровь' *esH-ɾ.

К типологии редупликации слова 'кровь' ср. тип образования в америндейском языке с *куомиш*, сэлшская группа: *s-ca'-ci?n* 'кровь' (Kuipers 1967: 105).

² Интересно сопоставление картвельского редуплицированного названия 'муравья' с индоевропейской редупликацией в слове 'муравей', характеризуемой как "визуальная оноματοпозэ" (см. выше, стр. 222). Ср. типологически редуплицированную форму названия 'муравья' в *куомиш* *c'a-c'mi'čn*, Kuipers 1967:107.

³ Экспрессивная редупликация в слове для 'крапивы' характерна и для некоторых индоевропейских диалектов, что указывает на некоторую общность в способах выражения данной семантемы. Индоевропейский корень **noł'/*ni'*- 'крапива' (греч. *ἀδίμη*, др.-исл. *noŕ* 'крапива', др.-в.-нем. *nezzila*, нем. *Nessel*, др.-англ. *neŕele*, англ. *nettle* и др.) выступает и в редуплицированном виде: кельт. **ninati-*, ср.-ирл. *penaid*, ср.-валл. *dynad*, брет. *linad* 'крапива' (Льюис/Педерсен 1954: 194).

⁴ Обнаружение редуплицированных форм в названиях 'огня', что может быть типологически охарактеризовано как "визуальная оноματοпозэ", характеризующая специфические семантемы, позволяет видеть в индоевропейском названии 'огня' (др.-инд. *agnī*- 'огонь', 'Бог огня', лат. *ignis*, лит. *ugnis*, латыш. *uguns*, ст.-слав. *ogni*) форму с редуплицированной основой **ŋ-k'n-i-*, с закономерным отражением слогового *ŋ по диалектам: др.-инд. *a-*, лат. **in->i-*, балт. **in->u-* (с диссимилятивной утерей элемента *-n-*), слав. **ǰ-(=*eN-*) (также с вероятной диссимилятивной

**zezv-* 'колючник' (груз. *zezv-i*, лаз. *danz-i*);

**zasxw-* 'липа' (груз. *sasxv-i*, лаз. *disxu*, сван. *zesxra*) (Гудава 1964: 497 и след.);

**žasw-* 'дрозд' (груз. *šasv-i*, мегр. *zeskv-i*, лаз. *ʔmʔzesk'u*);

**žac'w-* 'цепь' (груз. *žac'v-i*, мегр. *zec'k'v-i*) (Гигинейшвили 1965);

На том же основании к этому структурному типу с редупликацией можно отнести общекартвельскую основу **daštʷ-* 'медведь' (груз. *datv-i*, мегр. *tunt-i*, чан. *mtut-i*, сван. *däšdʷ*)¹.

Редулицированный характер этой основы можно видеть также в фонеме *š в позиции перед *t, которая представлена, как правило, в начале корня в качестве префиксального элемента. Такая редупликация может быть сопоставлена с индоевропейской редупликацией типа *C—sC-* от корня с начальным *s-* (ср. др.-инд. *tisṭhati*, см. выше, стр. 220). К типологии редуликации в названии 'медведя' ср. с к у о м и ш *siʔ-sinʔ* 'медведь' (Kuipers 1967: 107), ш у с в о п *kəknm-elp* 'медведь' (корень *knm-*, ср. Kuipers 1974: 208).

Особым видом редуликации в картвельском, представленным довольно слабо по диалектам, но архаичным по структурному типу, является полная редупликация корня с аблаутными чередованиями.

От корня **bar-/br-* 'вращаться' (ср. груз. *br-un-av-s* 'вращается') образуется редулицированная именная основа **br-bar-* 'колесо' с нулевой ступенью первого компонента основы и с полной ступенью второго компонента: груз. *borbal-* 'колесо'.

В этом отношении любопытно семантическое сопоставление этих картвельских форм с индоевропейским словом для 'колеса', образованным путем редуликации от корня **kʰh^loel-* 'вращать': **kʰh^loekʰh^loL-o-* (см. выше, стр. 220).

Формально этот тип редуликации сопоставим с индоевропейским полным усилительным удвоением с различием лишь в распределении ступеней аблаута: нулевая ступень в редулицированной морфеме ~ полная ступень в корневой морфеме в картвельском при их обратном распределении (возможно, связанном с постановкой ударения на первом слоге редулицированной основы) в индоевропейском.

Картвельская редупликация обнаруживает сходство с индоевропейским типом и в отношении вокалического элемента, выступающего после

утерей носового и изменением гласного), ср. Hamp 1970c: 77; Szemerényi 1977b: 30. Такое и.-е. **n-k'n-i-* может, в конечном счете, восходить к праформе **k'n-k'n-i-* с полной редупликацией корня и последующей диссимилятивной утерей начального консонантного элемента.

¹ В таких "редулицированных" основах наблюдается децессивный комплекс согласных или лабиальный комплекс в качестве неначального элемента основы. Для более раннего периода интерпретация подобных сочетаний согласных в качестве монофонематических единиц, представлявших на раннеобщекартвельском уровне особые ряды веляризованных и лабиализованных согласных, могла бы объяснить очевидное нарушение в этих основах правила о несочетаемости в пределах корня двух фонем одного локального ряда. Характерно, что в общекартвельских основах такой комплекс не может выступать дважды в пределах одного корня.

начального согласного корня. Специфику картвельской редупликации составляет лишь озвончение начального согласного элемента, что не находит аналогии в индоевропейском типе редупликации.

3.4. МЕХАНИЗМ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРЕДОВАНИЙ В КАРТВЕЛЬСКОМ И ДВА АБЛАУТНЫХ СОСТОЯНИЯ СОПРЯЖЕННЫХ ОСНОВ

Каждая общекартвельская морфема при линейном сочетании с словообразовательными или формообразовательными элементами выступает в одном из аблаутных вариантов, представляющих различные ее алломорфы. Аблаутные чередования гласных в таких основах являют собой одну из основных морфонологических характеристик картвельского слова. Морфема может манифестироваться в зависимости от морфонологического типа образования как в форме с гласной, так и без гласной. Соответственно различаются морфемные варианты (алломорфы) в полной и нулевой ступенях огласовки.

Полная огласовка морфемы включает в себя нормальную ступень, то есть ступень аблаута с морфемным вариантом с краткой гласной, и ступень растяжения, то есть ступень аблаута с морфемным вариантом с долгой гласной. Наряду с нулевой ступенью различается ступень редукции, характеризующаяся огласовкой *i* (результат операции перегласовки нормальной ступени $e \rightarrow i$).

Отмеченные выше аблаутные ступени находят полную аналогию в индоевропейских ступенях аблаута за исключением ступени редукции, которая в картвельском, в отличие от индоевропейского, характеризуется функциональной значимостью¹.

Картвельские аблаутные ступени морфем, обуславливающие алломорфные чередования в пределах единой парадигмы (флексионной или деривационной), определяются в основном синтагматическими правилами линейной сочетаемости морфем.

При присоединении к корню последующего морфемного элемента в полной ступени корневая морфема из полной ступени переходит в нулевую ступень, редуцированную ступень или в ступень растяжения в зависимости от морфонологического типа образования. Такие аблаутные переходы в определенной морфемной последовательности определяются в соответствии с "принципом моновокализма" картвельской словоформы, в кото-

¹ В этом плане представляют, однако, интерес редкие случаи перегласовки $*e \rightarrow *i$, наблюдаемые в отдельных индоевропейских формах типа др.-инд. *sīmá-* 'сам' при *saṃa-* 'какой-нибудь'; 'тот самый'; др.-инд. *sīnam* 'снабжение' при и.-е. $*senH-$, др.-инд. *saṇóti* 'приобретает', прич. *пр. вр. sātá-* (в которых исключается происхождение такого *i* в древнеиндийском из редуцированного гласного Гюнтерта, *schwa secundum*, отражаемого в индийском как *a*), могущие быть истолкованы как остатки особой ступени аблаута (ср. о *sīma-* Wackernagel/Debrunner 1930, 111: 578; Kuiper 1946; ср. там же о формах типа *sīkvan-* 'способный', 'умный', *śákvan-*, а также *śiras-*, *kirāti* с не вполне ясным по происхождению *i*, Kuiper 1947: 199; Polomé 1965: 29, прим. 126); ср. также Мельничук 1979: 5 и след.

рой в нормальной ступени огласовки должна быть представлена лишь одна морфема (корневая или аффиксальная):

Аблаутные варианты простой
(одноморфемной) основы

Нормальная ступень	Нулевая ступень
*t'ep- 'нагреваться' (груз. 1 л. ед. ч. аор. [gan ¹ -v-t'ep])	*t'p- (груз. 3 л. аор. gan-t'p-a; t'p-il-i 'теплый'; лаз. 3 л. аор. go-t'ub-u)
*dew- 'класть' (груз. 1 л. ед. ч. аор. da-v-dew)	*dw- (груз. 3 л. аор. da-dv-a, лаз. 1 л. do-b-dv-i)
*č'er- 'резать' (груз. 1 л. ед. ч. аор. da-v-č'er)	*č'r- (груз. 3 л. da-č'r-a; мегр. 3 л. do-č'k'ir-u, лаз. do-č'k'or-u)
*šwer- 'высыхать', 'уставать' (груз. 1 л. ед. ч. аор. da-v-šwer)	*šur- (груз. 3 л. da-šwr-a; лаз. me-škur-u 'потухло', мегр. go-škir-u 'высохло')

Ступень редукции

*qed-: *qid- 'приносить' (сван. 3 л. ед. ч. аор. an-qid)
 *rep-: *rin- 'стлать' (груз. 1 л. ед. ч. аор. v-rin-e, мегр. 3 л. go-rin-u)
 *žen-: *žin- 'лежать', 'спать' (лаз. 3 л. ед. ч. наст. вр. žan-s, мегр. žan-u-¹ⁿ 'лежит', груз. 1 л. ед. ч. наст. вр. m-žin-av-s 'сплю', лаз. di-žin-u 'он лег спать')

Ступень растяжения

Перегласовка *Ø*: *ā

наст. вр. *-tl-ej 'строгать' (груз. 1 л. ед. ч. v-tl-i): аор. *-tāl-e (груз. 1 л. ед. ч. v-tal-e; мегр. 1 л. ед. ч. go-v-tol-i);

Перегласовка *e: *ē

наст. вр. *ber 'дуть', 'надувать' (груз. 1 л. ед. ч. v-ber-^{1av}): аор. *-bēr-e (груз. 1 л. ед. ч. v-ber-e, сван. 3 л. ед. ч. [čw¹-ad-bēl-e; мегр. 3 л. ед. ч. du-u-bar-u).

Рассмотренные типы аблаута должны были характеризовать в общекартвельской системе в принципе любую глагольную основу структуры C°VC°. В зависимости от парадигматического типа образования выступала одна из возможных аблаутных моделей. В исторических картвельских языках лишь в немногих глагольных основах можно обнаружить некоторые из этих аблаутных моделей, притом распределенных по отдельным языкам. В большинстве же случаев каждая конкретная глагольная основа показывает в исторических языках одну из возможных общекартвельских аблаутных типов образования, тогда как остальные типы были, очевидно, утеряны в процессе развития и преобразования исторических языков.

Особый тип аблаутных структур в картвельском представляет сочетание корня с деривационным суффиксом, при котором возникает так называемая сопряженная основа, характеризующаяся двумя аблаутными состояниями:

Состояние I: корневая морфема в нормальной степени, суффиксальная морфема в нулевой степени огласовки;

Состояние II: суффиксальная морфема в нормальной степени, корневая морфема в нулевой степени огласовки;

Основа I (непереходные глаголы)

*der-k'- 'сгибаться'

*ser-t'- 'гаснуть'

**k'er-b*'- 'собираться'

Основа II (переходные глаголы)

*dr-ek'- 'сгибать'

*sr-et'- 'гасить'

**k'r-eb*'- 'собирать'

Аналогичные структурные отношения обнаруживают также двуморфемные именные основы, характеризующиеся теми же аблаутными состояниями:

Основа I

**k'wen-r*'- 'куница'

*zay-l'- 'собака'

*sax-l'- 'дом'

Основа II

*zm-ar'- 'уксус'

*cm-el'- 'жир'

*km-ar'- 'муж'

Но если одна и та же глагольная основа может предстать в зависимости от морфологического типа образования в обоих аблаутных состояниях, то именная основа всегда фиксирована в одном из возможных состояний, без характерного для глагольных основ чередования этих состояний. Этим аблаутная структура именной основы принципиально отличается от основы глагольной. Такие именные структуры, "застывшие" в одном из аблаутных состояний, представляют, очевидно, остатки древних общекартвельских чередующихся моделей, внутри каждой из которых сохранился лишь один из аблаутных вариантов¹.

Присоединение к основе (в Состояниях I или II) полногласной суффиксальной морфемы обуславливает замену ее соответственно вариантом в нулевой степени или степени редукции согласно морфонологическому правилу недопустимости в многоморфемной последовательности более од-

¹ Анттила (*Anttila 1969 : 177*) сопоставляет такое распределение аблаутных моделей соответственно в глагольных и именных основах в картвельском с реконструируемым положением в индоевропейском, в котором наличие двух чередующихся аблаутных состояний усматривается им в древних именных основах в противовес архаичным глагольным основам, представленным лишь в одном из аблаутных состояний. Проведенный выше анализ индоевропейских глагольных основ доказывает архаичность подобного типа аблаутных чередований и в глагольных основах, см. выше, стр. 225 и след. Тем самым картвельские и индоевропейские модели глагольных форм оказываются структурно идентичными, при разрушении в позднекартвельском подобного механизма аблаутных чередований в именных основах.

ной морфемы в нормальной ступени огласовки — “принцип моновокализма” (ср. следы действия принципа моновокализма в индоевропейском):

Состояние I

*der-k' → *d_r-k'-a*šer-t' → *š_r-t'-a*k'er-b → *k'_r-b-a

Состояние II

*dr-ek' → *dr-ik'-e

*šr-et' → *šr-it'-e

*k'r-eb → *k'r-ib-e

При сопоставлении реконструированных таким путем картвельских аблаутных моделей с индоевропейскими, разобранными выше, бросается в глаза прежде всего разительное сходство в аблаутном поведении двуморфемных глагольных и именных основ или основ с *Schwebeablaut*'ом. Картвельская аблаутная модель в этом отношении полностью совпадает с так называемыми биномами Бенвениста, функционирование которых следует отнести к позднему периоду истории общиндоевропейского языка, соотносимому с эпохой перед его распадом на отдельные диалекты (ср. выше, стр. 225 и след.).

3.5. СИСТЕМА СОНАНТОВ В КАРТВЕЛЬСКОМ В ЕЕ СОПОСТАВЛЕНИИ С ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ СОНАНТАМИ. ВАРИАТИВНОСТЬ СОНАНТОВ В КАРТВЕЛЬСКОМ И ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ. «ЛАРИНГАЛЬНЫЕ» ФОНЕМЫ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ФОНЕМНОЙ СИСТЕМЫ

Аблаутные чередования в индоевропейском и в картвельском соотносимы вплоть до их сходства на фонологическом уровне ввиду существования в картвельском, как и в индоевропейском, особого класса фонем — так называемых сонантов, проявляющихся в виде различных вариантов — слоговых и неслоговых — в зависимости от аблаутных чередований.

Система сонантов в картвельском, как и в индоевропейском, включает фонемы /**r *l *m *n *w *j*/, каждая из которых проявляется в виде неслоговых [**r *l *m *n *w *j*] и слоговых [**r̥ *l̥ *m̥ *n̥ *u̥ *i̥*] вариантов в зависимости от занимаемой сонантом позиции в слове.

Слоговые элементы определялись позициями:

‡—C, C—C, C—‡

Неслоговые элементы определялись позициями:

‡—V, V—C, V—‡, V—V, VC—V

При аблаутных чередованиях, выражающихся в проявлении определенной морфемы в нормальной или нулевой ступенях огласовки, сонантические фонемы манифестировались в зависимости от окружения то в виде слоговых, то в виде неслоговых аллофонов. Аблаутные чередования вызывают чередования слоговых и неслоговых аллофонов сонантов. Такой механизм чередования полностью соответствует структуре, реконструируемой для определенного этапа в развитии общиндоевропейского языка (см. выше, стр. 195 и след.).

Сходство с индоевропейской системой сонантов в картвельском распространяется и на механизм чередования самих сонантов, на переменную

ность сонантических фонем, с чем в картвельском, как отчасти и в индоевропейском, увязывается функциональная значимость, являющаяся, возможно, результатом морфологизации подобных чередований (Deeters 1958: 14 и след.; ср. Абаев 1973а):

Чередование $n \sim r$:

* <i>qan</i> - 'пахать' (груз. <i>to-v-qan</i> 'я вспахал', мегр. <i>do-b-xon-i</i> , сван. <i>o-qan</i>)	* <i>qar</i> - 'бык' (груз. <i>qar-i</i> , мегр. <i>xož-i</i>)
* <i>zman</i> - 'сниться', 'казаться' (груз. <i>me-zman-ebis</i> 'мне кажется')	*- <i>zmar</i> - 'сновидение' (груз. <i>si-zmar-i</i> , лаз. <i>i-zmož-e</i>)

Чередование $n \sim l$:

* <i>zin</i> - 'спать' (груз. <i>m-zin-av-s</i> 'сплю', лаз. <i>di-zin-u</i> 'лег', ср. лаз. <i>žan-s</i> , мегр. <i>žan-u¹n¹</i> 'лежит')	* <i>zil</i> - 'сон' (груз. <i>zil-i</i> , лаз. <i>žir-i</i>)
--	--

Такие чередования в картвельском (глагольная основа *-n*: именная основа *-r/l*-) могут быть типологически сопоставлены с индоевропейскими чередованиями сонантов типа др.-инд. *ukšan*- 'бык', 'самец': лат. *uxor* 'супруга'; лат. *dominus* 'господин': греч. *δάμαρ* 'супруга'; греч. *ὑπνος* 'сон, сновидение', др.-инд. *svápnah* 'сон': хет. *šupparija-* 'спать', греч. *ὑπαρ* 'наяву' и др. (ср. выше, стр. 196).

В отличие от индоевропейской системы сонантов, к которой примыкают и "ларингальные" фонемы с их слоговыми и неслоговыми аллофонами, картвельская система сонантов включает в себя только собственно сонорные и полугласные — глайды, при отсутствии фонем, могущих быть типологически сопоставленными с индоевропейскими "ларингальными" по их месту в парадигматической сонантической системе и по их взаимодействию с вокалическими фонемами. "Ларингальные" в индоевропейском сближают индоевропейскую языковую систему скорее с семитской и некоторыми северокавказскими системами.

Структурно-типологическое сопоставление в динамике общиндоевропейской языковой системы с общекартвельской позволяет сделать вывод о возрастании структурного сходства между этими системами по мере их развития и приближения к состоянию, непосредственно предшествовавшему их распаду на отдельные диалекты. В этом смысле характерно и падение особых "ларингальных" фонем в индоевропейском, которые определяли существенное отличие фонологической системы картвельского и индоевропейского языков. Преобразование индоевропейской и картвельской систем осуществлялось в направлении сближения их языковых структур, приведшего в результате к формированию столь далеко идущего изоморфизма морфонологических систем, который, очевидно, исключает возможность независимого развития в типологически сходном направлении и свидетельствует скорее о возможных исторических контактах (ср. Gamkrelidze 1966; Gamkrelidze 1971 : 34 и след.; об этом подробнее — ниже).

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

**АНАЛИЗ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЫ
ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО
ЯЗЫКА**

ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКИЙ КАК ЯЗЫК АКТИВНОЙ ТИПОЛОГИИ

1. "БИНАРИЗМ" ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ. БИНАРНАЯ СТРУКТУРА ИМЕННЫХ КАТЕГОРИЙ

1.1. ОБРАЗОВАНИЯ ГЕНИТИВА НА *-os и *-om В ИНДООЕВРОПЕЙСКОМ И ИХ СООТНЕСЕНИЕ С БИНАРНОЙ КЛАССИФИКАЦИЕЙ ИМЕН: АКТИВ ~ ИНАКТИВ

При исследовании древнейшей системы индоевропейских грамматических категорий (флексионных и деривационных) нетрудно установить явные черты бинаризма, пронизывающего всю индоевропейскую языковую систему, как грамматическую, так и лексико-семантическую.

Бинаризм этот проявляется как в наличии дублетных форм в лексико-грамматической системе, так и в бинарных противопоставлениях в плане содержания общеиндоевропейского языка.

Наличие параллельных рядов флексионных показателей особенно наглядно проявляется в системе именного склонения. В частности, древнейшие показатели индоевропейского генитива могут быть реконструированы в виде некоторых дублетных форм как в единственном, так и во множественном числе.

Окончание генитива *-os (*-es) реконструируется для общеиндоевропейского состояния на основании сопоставления форм типа греч. ποδός (род. пад. от ποῦς, πός 'нога'), др.-инд. pad-ás (род. пад.) 'нога', лат. pedis (род. пад. от pēs), хет. *periš-aš*, род. пад. от *periš* 'небо' и др.

Окончание *-os в индоевропейском следует предположить и для форм множественного числа на основании данных хеттского языка, в котором окончание -aš может выражать родительный падеж как единственного, так и множественного числа: хет. род. пад. *ud-dan-aš* (от *uddar* 'слово'), ед. ч. и мн. ч. (Friedrich 1960).

Таким образом, окончание *-os в индоевропейском выражает как грамму родительного падежа в сочетании с граммемой единственного числа, так и грамму родительного падежа в сочетании с граммемой множественности.

Наряду и параллельно с морфемой родительного падежа *-os в индоевропейском выделяется морфема *-om, выступающая в аналогичной функции, в качестве форманта родительного падежа в единственном и во множественном числе:

Родительный падеж единственного числа: хет. *antuḫš-an* (KUB XXIII 77, 51) 'человека', *LÚLabarnan* 'Царя-Лабарны' IBoT I 30, 3; *LUGAL-an* 'царя', *LÚKUR-an* 'врага', *GĪR-an* 'ноги' (Friedrich 1960; Laroche 1965a: 33—41).

Родительный падеж множественного числа: лат. *ped-um* < *ped-ōm 'ног', *dentum* 'зубов', *hominum* 'людей', *nominum* 'имен'¹, ст.-слав. *imenŭ, materŭ* (ср. лат. *matrum*), *nebesŭ, synovŭ*, хет. *pa-ta-a-na* 'ног' (*pa-tan-* + *-a* 'и', 114/d I, 19, чередуется с *GĪR^{UL.A}-na* в параллельном тексте 256/e I, 5, Friedrich 1952: 165), Laroche 1965a: 36 и след.; хет. *ú-it-ta-an-na* 'лет' (*mittan-a*) в контексте *ú-it-ta-an-na ku-ut-ri-eš-mi-it NU.GĀL* 'и лет краткость моя отсутствует', ритуал KUB XXIX 1 Vs. I 22; др.-хет. *DUMUMES^S-an* (Otten/Souček 1969: II 16, 65). В некоторых случаях в хеттском не ясно, представляет ли окончание *-an* форму единственного или множественного числа, ср. др.-хет. *šunan antuḫša-* (документ Телепину, 2BoTU 23 A II 32) 'человек богов' или 'бога', 'божий человек', Laroche 1969; др.-хет. [(*ka*)]-*a-ša-ta-aš-ma-aš-kán ut-ni-ja-an-da-an la-a-lu-uš da-a-aḫ-ḫu-un* "смотри! Я взяла у вас дурные речи населения" (Otten/Souček 1969, Vs. I 11', 18—19; Оттен и Соучек понимают как *Gen. Pl.*, там же, 65, 126).

Наряду с окончанием *род. пад. ед. и мн. ч. *-om²* совершенно недвусмысленно восстанавливается окончание **-ōm* с долгим *ō* (греч. *πῆδ-ῶν*, др.-инд. *pad-ām* 'ног', лит. *vilkiŭ* 'волков'), которое можно свести к тому же окончанию родительного падежа **-ōm*, осложненному показателем множественности **-s*, выступающим и в других формах (ср. окончание *вин. пад. ед. ч. *-om*, *вин. пад. мн. ч. *-om-s*, *локатив ед. ч. *-i*, *мн. ч. *-si*). Долгое *ō* возникает под влиянием конечного *-s* в позиции после сонанта: **-om* + **-s* → **-ōm* (ср. выше, стр. 184).

След такого **-s* можно было бы видеть в хеттском окончании родительного падежа множественного числа *-enz-lan³*, выступающем в прономинальных основах: *apenzan* 'этих', *šimenzan* 'ваших' и др. Это же окончание возможно видеть и в форме *perišanza*, точная интерпретация которой не

¹ Окончание **-om* в функции генитива единственного числа проявляется и в латинских прономинальных формах *nostrum* 'наш', *uestrum* 'ваш', которые противопоставлены формам генитива *nostrī* 'наш', *uestri* 'ваш', выражающим дистрибутивность: *pars nostrī* 'наша часть' в отличие от *pars nostrum* 'часть каждого из нас' (ср. *Minus habeo virium, quam uestrum uteris* 'я имею меньше сил, чем каждый из вас (обоих)', Cic. Sen. 32, Соболевский 1939: §§ 507, 508). Такое употребление элемента **-om* указывает на недифференцированность морфемы генитива в отношении числа. Она употребляется в функции как единственного, так и множественного числа. О первоначальной недифференцированности генитива **-om* > лат. *-um* в индоевропейском ср. также Sommer 1914: 412; Knobloch 1954/1955: 255; 1958: 236—239.

² Отражение такой падежной формы на **-om* видят и в **k^hʰe^hl^hur-om* 'четыре', *род. пад.*; ср. форму ст.-слав. *род. пад. četyrŭ* < **k^hʰe^hl^hur-om* в Маринском Евангелии (Марк 13, 27; Матфей, 24, 31; Лука 2, 37), а также и в Зографском Евангелии и в Супрасльской рукописи: Супрун 1961: 50; 1969: 122, где делается вывод, что эта форма и была древнейшей.

дана до сих пор¹; ср. также лув. *-nzan* как окончание *род. пад. мн. ч.* (Laroche 1959a : 137, § 27) при возможном окончании *-nz-aš*.

Возникновение такого форманта *род. пад. мн. ч. *-om-s* и дифференциацию форм единственного и множественного числа следует отнести к более позднему периоду — эпохе оформления в системе индоевропейского склонения особых форм множественного числа, противопоставления родительного единственного числа и родительного множественного числа. Появление форманта *род. пад. мн. ч. *-om-s > *-ōm* вызывает перераспределение в системе морфем родительного падежа и дифференциацию показателей родительного падежа в зависимости от граммы числа:

Первичные противопоставления

<i>Род. пад. ед./мн. ч.</i>	<i>Род. пад. ед./мн. ч.</i>
<i>*-os</i>	<i>*-om</i>

Реконструируемые для древнейшего состояния индоевропейской именной парадигмы два параллельных показателя родительного падежа, не дифференцированных по категории числа: **-os/*-om*, в исторических индоевропейских языках наилучшим образом отражены в клинописном хеттском языке, в котором формант *-aš*, наряду с *-an*, образует формы родительного падежа единственного и множественного числа. При этом в хеттском проводится недвусмысленное противопоставление этих формантов в том отношении, что *-an* выступает в качестве форманта родительного падежа только лишь в именных образованиях так называемого общего рода. Хотя примеры форм на *-an* в хеттском ограничены, но можно с полным основанием утверждать, что родительный падеж на *-an* не характерен для именных образований среднего рода, тогда как окончание *-aš* представлено в формах как среднего, так и общего рода.

Такое распределение указанных формантов в историческом хеттском языке отражает, очевидно, первоначальную соотношенность этих формантов с именами определенных грамматических классов: формант *-an* соотносился с общим родом, то есть с классом одушевленных имен, тогда как *-aš* соотносилось, по-видимому, исключительно со средним родом, то есть с классом неодушевленных имен.

В дальнейшем окончание *-aš* проникает и в класс одушевленных имен (имена общего рода), чем и стирается первоначальная грамматическая соотношенность окончаний родительного падежа *-aš* и *-an* (последнее в качестве пережиточных архаических форм все еще сохраняет и в письменной истории хеттского связь исключительно с именами общего рода).

Семантика пережиточно представленного в хеттском окончания родительного падежа *-aš* и *-an* отражает, очевидно, древнейшее общеиндоевропейское состояние, когда подобные морфологические дублиеты **-os* || **-om* характеризовались различными семантическими функциями. Судя по дан-

¹ z в этих хеттских формах, вместо ожидаемого š, объясняется озвончением s в позиции после сонорного n, ср. *daganzipa* -< **dagan-†-šera* 'Дух Земли'.

ным древнехеттского языка, окончание *-os следует реконструировать в качестве форманта генитива (единственного ~ множественного числа) имен неодушевленного класса в отличие от окончания *-om, постулируемого в качестве форманта генитива (единственного ~ множественного числа) имен одушевленного класса. Тем самым древнейшему индоевропейскому состоянию можно приписать строгое формальное разграничение выражения морфологических категорий (в частности генитивных отношений) в зависимости от противопоставления (классификации) имен по признаку одушевленности ~ неодушевленности.

В исторических индоевропейских диалектах происходит полное перераспределение первоначальных индоевропейских формантов генитива. Возникновение показателя генитива собственно множественного числа *-ōm < *-om-s нарушает симметричность отношений между первичными формантами и приводит к вытеснению форманта *-om в качестве показателя генитива. Показатель *-ōm в таких системах, например, в греческом и древнеиндийском, занимает место форманта родительного падежа множественного числа при форме единственного числа, выражаемой окончанием *-os.

Такое *-os в качестве генитива единственного числа, очевидно, совпадает с *-os имен активного класса¹. С целью дифференциации этих окончаний возникает осложненное окончание *род. п.* *-osjo (по-видимому, первичное окончание -os + энклитический элемент местоименного происхождения, ср. хет. -ja- 'и', тох. *A yo* 'и' и и.-е. относительное местоимение *jo- 'который', ср. типологически и.-е. *k[h]¹⁰e 'и' и *k[h]¹⁰i-s 'который'): др.-инд. *vṛkasya*, *род. п.* от *vṛkaḥ* 'волк' (ср. др.-перс. *kāra-hyā*, *род. п.* от *kāra-* 'войско'), греч. *λύκοιο*, *род. п.* от *λύκος* 'волк', арм. *gayloy*, *род. п.* от *gayl* 'волк'².

Перераспределению первоначальных показателей генитива содействовали в большой степени также разрушение бинарной системы индоевропейских именных классов и переход отдельных именных форм из одного класса в другой, что привело к наблюдаемой в исторических индоевропейских диалектах пестрой картине образования генитивных форм, обусловленных структурным типом именных основ. В результате подобного перераспределения форм в отдельных диалектах по различным именным парадигмам распределяются форманты генитива, соотносившиеся первоначально с

¹ Такое состояние индоевропейской именной парадигмы наилучшим образом сохраняется в хеттском, в котором формы именительного и родительного падежей не различаются по составу сегментных фонем, ср. *им. пад. annaš* 'отец', *род. пад. annaš*, *им. пад. annaš* 'мать', *род. п. annaš* и др.

² *Knobloch 1965 : 155—156* указывает на возможность интерпретации и.-е. *k[h]¹⁰o-s-jo *μōk[h]¹⁰s* 'волчья речь' как аналога кабард. *ade-m ji hune*, т. е. как структуры "определяющее имя + падежный показатель + посессивный показатель + определяемое имя", в связи с чем автор связывает -jo в этой конструкции с посессивным -jo в балт.-слав. *mo-jo, *i[h]mo-jo, *smo-jo и с более древним значением *-jo как соединительного синтаксического элемента, из которого объясняется позднейшее его употребление в функции относительного местоимения, *Gonda 1954; ср. Knobloch 1951*.

именной классификацией. Соотнесенность с именными классами стирается, и эти форманты становятся чисто парадигматическими элементами, проявляемыми по-разному в зависимости от структурного типа именного склонения.

1.2. ПОКАЗАТЕЛИ НОМИНАТИВА *-os И АККУЗАТИВА *-om КАК ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ СООТВЕТСТВЕННО АКТИВНОГО И ИНАКТИВНОГО КЛАССОВ ИМЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Первоначальные индоевропейские окончания генитива *-os и *-om совпадают в плане выражения соответственно с окончанием номинатива *-os и аккузатива *-om. При этом совпадение здесь не только формальное, но в некотором смысле и функциональное, поскольку в отношении формантов именительного и винительного падежей можно реконструировать для общеиндоевропейского состояния их особую соотнесенность с именной классификацией.

В традиционных реконструкциях форма именительного падежа единственного числа выражается формантами *-s и *-os. При этом формант *-os считается тематическим образованием на -o+s:

И.-е. *-s:

- *t^[h]ent^[h]-s 'зуб': лат. *dēns*, греч. *ὀδών, ὀδοός*, др.-инд. *dán*;
- *p^[h]et^[h]-s 'нога': лат. *pēs*, греч. *πός (πός)*, др.-инд. *pāt*;
- *son^[h]-s 'сущий', 'истинный': лат. *-sēns* (в *ab-sēns, prae-sēns*), греч. *ἔων*, др.-инд. *sán*, хет. *ašanza*;
- *b^[h]āg^[h]-u-s 'рука': др.-инд. *bāhūh*, греч. *πῆχυς*;
- *Hoi-s 'овца': др.-инд. *āvi-*, лат. *ouis*, греч. *ὄψις*; < kuj
- *Hner-s 'муж': др.-инд. *nā*, греч. *ἀνήρ*, арм. *ayr*;
- *t^[h]oH-t^[h]er-s 'дающий': др.-инд. *dātā*, греч. *δῶτωρ*;
- *suesor-s 'сестра': др.-инд. *svásar-*, лат. *soror*;
- *ǵ^[h]iem-s 'зима': лат. *hiems*, греч. *χίων*;
- *k^[h]uon-s 'собака': греч. *κῶνυ*, др.-инд. *śuvā*, лит. *šuo*;
- *k^oenaH-s 'жена': греч. *γυνή*, гот. *qinō*, ст.-слав. *žena*;

И.-е. *-os:

- *u^[h]lk^[h]-os 'волк': др.-инд. *vṛkaḥ*, греч. *λύκος*, лат. *lupus*, лит. *vilkas*, ст.-слав. *vlíkū*, гот. *wulfs*;
- *ek^[h]u-os 'конь', 'лошадь': др.-инд. *ásvaḥ*, греч. *ἵππος*, лат. *equus*;
- *t^[h]eju-os 'бог': др.-инд. *devāḥ*, авест. *daēva-* 'демон', лат. *dīuus*, др.-исл. *Týr* 'бог войны', лит. *diēvas* 'бог'.

Формы аккузатива от имен, имеющих номинатив на *-s и *-os, образуются заменой их соответственно на *-m и *-om:

им. п. *t^[h]ent^[h]-s : вин. п. *t^[h]ent^[h]-m (лат. *dentem*, греч. *ὀδόντα*, др.-инд. *dántam*);

им. п. *p^[h]et^[h]-s : вин. п. *p^[h]et^[h]-m (лат. *pedem*, греч. *πόδα*, др.-инд. *pādām*);

- им. п. *sont^[h]-s : вин. п. *sont^[h]-m (лат. *-sentem*, греч. ἐόντα, др.-инд. *sántam*);
- им. п. *b^[h]āg^[h]u-s : вин. п. *b^[h]āg^[h]u-m (др.-инд. *bāhūt*, греч. πῆχυς);
- им. п. *Hoṣi-s : вин. п. *Hoṣi-m (др.-инд. *āvīt*, лат. *ouit*, греч. ὄψις);
- им. п. *Hner-s : вин. п. *Hner-m (греч. ἀνέρα);
- им. п. *t'oHt^[h]er-s : вин. п. *t'oHt^[h]er-m (др.-инд. *dātāram*, греч. δωτήρα, лат. *datorem*);
- им. п. *suesor-s : вин. п. *suesor-m (др.-инд. *svāsāram*);
- им. п. *g^[h]iem-s : вин. п. *g^[h]iem-m (греч. χιόνα, лат. *hiemem*);
- им. п. *k^[h]uon-s : вин. п. *k^[h]uon-m (др.-инд. *śvānam*, греч. χόνα);
- им. п. *k^oenaH-s : вин. п. *k^oenaH-m (ст.-слав. *ženq*);
- им. п. *u^[h]k^[h]o-os : вин. п. *u^[h]k^[h]o-om (др.-инд. *vṛkam*, греч. λύκον, лат. *lupit*, лит. *vīlka*, ст.-слав. *vīlkŭ*);
- им. п. *ek^[h]u-os : вин. п. *ek^[h]u-om (др.-инд. *ásvam*, греч. ἵππον, лат. *equit*);
- им. п. *t'e^[h]u-os : вин. п. *t'e^[h]u-om (др.-инд. *devām*, авест. *daēvaṃ*, лат. *dīuit*, лит. *dīėva*);

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что окончание аккузатива *-om совпадает в плане выражения с окончанием *-om именных форм среднего рода в именительном и винительном падежах, ср.:

И.-е. им.-вин. п. *iuk'-om 'яго, ярмо': др.-инд. *yugām*, греч. ζυγόν, лат. *iugum*, хет. *iukan*, ст.-слав. *igo*;

им.-вин. п. *p^[h]let'-om 'след', 'почва', 'место': др.-инд. *padām*, греч. πῆδον, хет. *pedan*;

им.-вин. п. *t'eru-om 'древесина': гот. *triu*, др.-англ. *teoru*, ст.-слав. *drěvo* (древнее индоевропейское значение 'arborum': 'id, quod ex arbore nascitur', *Lohmann 1932: 13*);

им.-вин. п. *ai-om 'жизненное [время]': лат. *aeuum* 'вечность', 'годы';

им.-вин. п. *p^[h]er-om 'крыло': греч. πτερόν (ср. др.-инд. *pātram* 'крыло');

им.-вин. п. *uest^[h]r-om 'одежда': др.-инд. *vāstram*.

Такое совпадение этих показателей в плане выражения не может считаться случайным и должно указывать на определенную функциональную взаимозависимость этих категорий.

Характерно, что все именные образования среднего рода на *-om объединяются единой семантической чертой принадлежности к классу неодушевленных имен (ср. такие значения разобранных выше форм среднего рода, как 'яго', 'почва', 'одежда' и другие). В этом отношении они резко отличаются семантически от класса имен, образованных с помощью показателя *-s/*-os, ср. приводимые выше значения 'муж', 'мужчина', 'сестра', 'волк' и др.

Семантическое противопоставление этих двух классов имен совершенно очевидно. Можно с полным основанием утверждать, что окончания **-s*, **-os* образуют именные формы, относящиеся к одушевленному классу (включая имена, обозначающие предметы, мыслившиеся как таковые), в противовес именам на суффикс **-om*, обозначающим объекты, относимые к неодушевленному классу (ср. также *Shields 1978*). “Одушевленный” класс имен можно мыслить как собственно активный класс имен, то есть как класс имен, обозначающий объекты, способные к активной деятельности (или мыслимые как таковые), в отличие от “неодушевленного” класса имен, объединяющего имена, которые обозначают объекты, неспособные к активной деятельности.

Подобную классификацию имен на два класса, противопоставленных друг другу по этому семантическому признаку, можно охарактеризовать как классификацию по активности — инактивности денотатов, выражаемых этими именами. В этом случае индоевропейские именные образования, оформленные суффиксами **-s*, **-os* и **-om*, можно рассматривать как формы, образованные с помощью деривационных суффиксов — маркеров, соотносящих конкретные имена с одним из бинарных классов — активным или инактивным. Суффикс **-s*, **-os* является деривационным маркером имен активного класса, суффикс **-om* — деривационным маркером имен инактивного класса.

1.3. МАРКЕРЫ ИМЕН ИНАКТИВНОГО КЛАССА И ОСНОВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ БИНАРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕН НА АКТИВНЫЕ И ИНАКТИВНЫЕ

К тому же типу маркеров имен инактивного класса относятся и рассмотренные выше суффиксы **-t'*, **-t[h]* и **-k[h]*, в частности, в таких именных образованиях, как **uot'or-t[h]* ‘вода’ (греч. ὕδωρ, род. п. ὕδατος, хет. *uatar*), **iek[h]t-t[h]* ‘печень’ (др.-инд. *yákr̥t*, род. п. *yaknāḥ*, греч. ἥπαρ, род. п. ἥπατος), **k[h]er-t* ‘сердце’ (лат. *cor*, род. п. *cordis*, хет. *kir*, *kardija-*, см. выше, стр. 186 и след.).

К числу маркеров инактивного класса нужно отнести также нулевой показатель: $-\emptyset$.

Основным структурно-семантическим принципом древнейшего индоевропейского языкового состояния была, очевидно, бинарная классификация на активные и инактивные имена по характеру обозначаемых ими денотатов.

К именам активного класса относятся именные образования, обозначающие людей, животных, деревья, растения, то есть имена, денотаты которых характеризуются наличием у них жизненной активности, в противовес именам инактивного класса, денотаты которых являются объектами, лишенными жизненного цикла (ср. к типологии *Климов 1973: 216 и след.*). Поэтому имена, обозначающие деревья в индоевропейском, относятся к активному именному классу (ср. лат. *pirus*, *mālus*, рус. *яблоня*), тогда как плоды этих деревьев мыслятся как инактивные объек-

ты, соотносимые с инактивным именным классом (ср. лат. *pīrum, mālum*, рус. *яблоко*), ср. Meillet 1948, I: 211—229.

Помимо имен с естественно-активными денотатами к активному классу относятся, очевидно, и такие “неодушевленные” объекты, которые мыслятся носителем языка как выразители активного начала, наделенные способностью к активной деятельности. К таким именам, относимым к активному классу, принадлежат названия подвижных или наделенных способностью к активной деятельности частей человеческого тела: *рука, нога, глаз, зуб* и другие, а также названия персонифицированных, активно мыслимых явлений природы и абстрактных понятий: *ветер, гроза, молния, осень, вода, река; рок, судьба, доля, благо* и др.

В этом отношении интересны относимые к различным именным классам лексические дублиеты, выражающие некоторые из этих понятий, ср. например: и.-е. *Нар^[h] ‘вода’, ‘река’ (др.-инд. *ārah* ‘воды’, *мн. ч.*, ср. *arāt nārāt* ‘внук вод’, авест. *ājš* ‘поток’, хет. *ḫar-* ‘поток’, латыш. *upē*) при и.-е. *uot^[h] ‘вода’ (хет. *uatar* ‘вода’, греч. *ῥῶδρ*, *род. п.* *ῥῶδος*, др.-англ. *wæter*), ср. Laroche 1973; и.-е. *ṛk^[h] ‘огонь’ (др.-инд. *Agnī-* ‘огонь’, ‘Бог Огня’, лат. *ignis* ‘огонь’, ‘небесное светило’, ‘молния’, ст.-слав. *ognĭ*, латыш. *uguns* ‘огонь’) при и.-е. *ṛ^[h] ‘огонь’ (хет. *raḫḫur* ‘огонь’, тох. А *por*, тох. В *puwar*, гот. *fōn*, греч. *πῦρ* ‘огонь’, арм. *hur* ‘огонь’, *hn-oc* ‘очаг’, чеш. *pýří* ‘горящий уголь, головешка’), где первые элементы этих пар выражали активную семантику и относились поэтому к активному классу (‘вода’ как движущееся активное начало, поток; ‘огонь’ как активный обожествляемый элемент, стихия), тогда как вторые элементы выражали эти же понятия в качестве элементов неживой природы, имена которых соотносились с инактивным классом (ср. соотношения в славянском, где слав. *ognĭ*, рус. *огонь* может обозначать персонифицируемый элемент, ср. *Царь-Огонь* в восточнославянских сказках, в отличие от форм на основу *pur-*, обозначающих процесс горения, Mastrelli 1958: 7). К активному классу относятся также названия светил и космических тел (‘солнце’, ‘месяц’, ‘звезды’).

Такое деление имен на активные и инактивные, реконструируемое для индоевропейского языка, находит широкие типологические параллели на материале многих языков с бинарной именной классификацией (ср. Климов 1973: 213 и след.).

Подобная бинарная именная классификация мотивирует все основные структурные грамматические и синтактико-семантические особенности общиндоевропейского языка древнейшего периода, которые могут быть восстановлены путем сравнительной и внутренней реконструкции по данным индоевропейских языков. Исходя из такого допущения, легко найти структурную мотивацию многим особенностям индоевропейского языка

как в сфере грамматики, так и в плане синтактико-семантических отношений.

Предположение о наличии в индоевропейском двух именных классов, противопоставляемых друг другу по признаку активности—инактивности денотатов, которые выражаются соответствующими именами, индуцирует разбиение всего множества глагольных образований на два основных класса, соотносимых с соответствующими именными классами: на класс глагольных форм, сочетающихся с активными именами, и на класс глагольных форм, сочетающихся с инактивными именами.

Это приводит в свою очередь к естественному делению всего множества глаголов на два семантических класса: на класс глагольных форм с активной семантикой — *ходить, гнать/бежать, губить/гибнуть, есть, жить, дышать, говорить, смеяться, убивать, расти* и др. (то есть выражающих действие или состояние, характерное исключительно для активных денотатов), и класс глагольных форм с инактивной семантикой (то есть выражающих действие или состояние, характерное для инактивных денотатов).

Следует отметить, что с чисто логической точки зрения класс семантем, сочетающихся исключительно с инактивными членами, весьма ограничен и совпадает, как правило, с некоторыми семантемами, выражаемыми глагольными формами, которые могут сочетаться с активными именами — *лежать, падать, быть тяжелым, быть маленьким, быть большим*. В таких случаях формальное противопоставление активного — инактивного выражается в наличии параллельных рядов грамматических показателей в парадигме имени или глагола, а также в наличии дублетных лексических именных и глагольных форм.

1.4. КЛАСС СЕМАНТИЧЕСКИ ИНАКТИВНЫХ ИМЕН И СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ИНАКТИВ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Для древнейших ступеней развития индоевропейской именной системы можно предположить бинарную именную классификацию и разделение в зависимости от семантики выражаемых денотатов всего множества именных образований индоевропейского языка на активный и инактивный классы с деривационными маркерами **-s//*-os* для активного и **-om, *-t', *-f[h], *-k[h], -Ø* для инактивного классов.

В соответствии с этим активная актанта в сочетании с глагольной формой характеризовалась суффиксом **-s//*-os*, инактивная актанта — суффиксами **-om, *-t', *-f[h], *-k[h], -Ø*¹.

¹ Некоторые из этих суффиксов, выступающих в качестве деривационных элементов, маркирующих принадлежность именного образования к активному или инактивному классам, можно увязать с соответствующими прономинальными основами. Местоименного происхождения, очевидно, маркер активного класса **-lois* (ср. индоевропейское местоимение **so*: др.-инд. *sá*, авест. *ha-*, греч. *ó*, гот. *sa* 'этот'), а также маркер инактивного класса (ср. индоевропейские местоименные основы: др.-инд. *ta-*, авест. *ta-*, греч. *tó*, гот. *þa-*, ст.-слав. *tŭ, to*). Местоименное происхож-

Характерно при этом, что от одного и того же корня, в зависимости от присоединения словообразовательных суффиксов активного или пассивного классов, могли образовываться соответствующие именные основы, относимые к этим двум классам:

И.-е. *p^[h]et'-s 'нога', *активный класс* (др.-инд. *pāt*, лат. *pēs*, греч. *πούς*) и и.-е. *p^[h]et'-om 'след', *пассивный класс* (греч. *πέδιον*, др.-инд. *padām*, хет. *pedan*);

И.-е. *iuk'-s 'связанный', *активный класс* (лат. *coniū(n)x*, род. п. *coniugis* 'супруг, супруга') и и.-е. *iuk'-om 'ярмо' (лат. *iugum*, др.-инд. *yugām*, хет. *iukan*);

И.-е. *Hner-s 'муж', *активный класс* (греч. *ἀνήρ*, др.-инд. *nā*, арм. *ayr*) и и.-е. *Hner-t^[h].

От подобных образований следует отличать имена собственно активного класса, получающие окончания пассива *-m или *-om в зависимости от исходной формы, соответственно *-s или *-os: *-s ⇒ *-m, *-os ⇒ *-om¹. Такое *-m/*-om, в отличие от рассмотренного выше семантического показателя *-om, появляется в именах активного класса, выступающих в качестве одной из актантов при глаголах активной семантики, сочетающихся с формой на *-os / *-s. Иными словами, двухместная глагольная форма с активной семантикой сочетается с одной актантой, оформленной активным окончанием, при другой актанте, оформленной по необходимости пассивным маркером.

Так, например, в индоевропейском лексемы с такими значениями, как *человек* или *зверь*, относились по семантике к именам активного класса, оформляемым маркером *-s/*-os. Однако в предложении типа *человек убил зверя* с двухместной активной глагольной формой — *убил* — толь-

дение маркеров в подобной функции может быть проиллюстрировано на материале многих языков, см. Шухардт 1950а: 105 и др., 1950б: 252 ('активный падеж может иметь при себе также суффикс или местоимение'). Еще Шмидт (*Schmidt J. 1889: 190*) отождествил -t в др.-инд. *yākr-t*, *sākr-t* с -t в окончании местоименных форм ср. р. типа *t^[h]lo-t^[h] > др.-инд. *tāt*, *t^[h]lo-t^[h] > др.-инд. *yād*. Эта мысль впоследствии была сопоставлена (*Kuryłowicz 1964: 211*) с допущением, согласно которому такое же отождествление возможно и по отношению к -s в им. пад. ед. ч. существительных и в местоимениях (несреднего рода); ср. показательную параллель (видимо, чисто типологическую) в таком позднем индоевропейском языке хетто-лувийской группы, как лидийский, в котором все имена среднего рода имеют показатель -d (видимо, из местоименного *-t^[h]), все имена несреднего рода — показатель -s.

¹ Формальное различие в окончании имен активного класса *-s/*-os, реконструируемое уже для древнейших индоевропейских праформ, может отражать дополнительное семантическое подразделение собственно активных имен, принципы которого в настоящее время не поддаются сколько-нибудь последовательному определению. Поэтому эти именные формы приходится рассматривать как полностью параллельные образования, которыми, однако, мотивируются другие, зависимые члены парадигмы. Включение обеих таких форм с разными функциями (соответственно им. и род. пад.) и с разным местом ударения в одну парадигму (греч. *πούς* 'нога' < *p^[h]lo^t-s, род. пад. *πόδος*, др.-инд. *pāt*, род. пад. *padāh*, ср. об этом акцентуационном типе *Kiparsky 1973: 799 и 806*) следует считать результатом последующего развития.

ко одна актанта, в частности выражающая семантический *Agens*, могла выступать представителем активного класса на *-s, тогда как другая актанта, то есть семантический *Patiens*, мыслится в подобной конструкции как инактивное имя, оформляемое маркером инактивного класса.

Такую инактивную форму со специфическим маркером инактива можно истолковать как структурно-синтаксически инактив в отличие от первичных, лексически заданных инактивов с постоянными маркерами инактивности. Такое структурно-синтаксическое употребление инактива можно рассматривать как зачатки становления падежных форм, в частности аккузатива, в противовес номинативу на *-s/*-os. Этим и следует объяснить давно отмеченное в индоевропейской сравнительной грамматике совпадение формы винительного падежа с формами имени-винительного падежа имен среднего рода.

Таким образом, для древнейших ступеней развития индоевропейской номинальной системы можно восстановить бинарную классификацию имен по активному—инактивному классам с последующим оформлением активного падежа формантами *-s/*-os и инактивного падежа — формантами *-m// -om, -Ø. При этом инактивный падеж выражает инактивную актанта как при одноместных глагольных формах, так и при двух-, а, возможно, и трехместных глаголах с семантикой типа 'давать', 'называть' и др.:

$$\begin{cases} \text{Актив (A):} & *-s/*-os \\ \text{Инактив (In):} & *-om, -\emptyset \\ \text{Структурно-синтаксический инактив (A}^{In}\text{):} & *-m/*-om. \end{cases}$$

1.5. АТРИБУТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ НА *-os И *-om

Окончания *-os и *-om выступали не только в качестве маркеров соответствующих классов активных и инактивных имен, но и по характеру своей функции эти показатели должны были характеризовать и атрибутивные конструкции в синтагме, из которых возникают в дальнейшем possessивные конструкции. При этом определительная синтагма с определяемым словом, относящимся к активному классу, оформляется окончанием *-os вне зависимости от классной принадлежности определяющего слова, и, наоборот, определительная синтагма с определяемым словом, относимая к инактивному классу, оформляется окончанием *-om вне зависимости от классной принадлежности определяющего слова:

- (1) A—A-¹o¹s
- (2) A—In-¹o¹s
- (3) In—In-¹o¹m
- (4) In—A-¹o¹m

Из конструкций типа (1) и (3) возникают аппозитивные формы, дающие сложные слова типа др.-инд. *rāja-putra* 'сын царя, царевич', *mānuṣa-rākṣasa* 'демон-человек', то есть 'демон в человеческом облике', греч. *ιατρο-μαυτις* 'врач-предсказатель', нем. *Werwolf* 'человек-волк' (*Thumb/Hauschild 1959, II : § 661, 401*).

С другой стороны, определительные конструкции типа (2) и (4) с окончаниями *-os и *-om при соответственно инактивном и активном именах дают начало особым падежным формам, впоследствии развившимся, очевидно, уже в индоевропейском языке, в особые формы генитива — определительного и посессивного¹. При этом, в силу характера определяемого слова в синтагме, окончание генитива *-os, совпадающее с маркером активного класса *-os², закрепляется за именными формами инактивного класса, тогда как окончание генитива *-om, совпадающее с маркером инактивного класса *-om, а также с показателем структурно-синтаксического инактива при двухместном предикате, закрепляется за именными формами активного класса.

Таким путем возникают генитивные конструкции на *-os и на *-om, конструкции как атрибутивные, так и посессивные, закрепленные исключительно за именами соответственно инактивного и активного классов³.

Такая трактовка происхождения и развития генитива на *-om может объяснить факт формального совпадения окончания генитива *-om с окончанием *-om, выступающим при структурно-синтаксическом инактиве и развившимся в дальнейшем в аккузативный падеж.

Характерно, что подобные синтаксические отношения, выражающиеся в совпадении форм родительного и аккузатива, наблюдаются и при некоторых позднейших преобразованиях индоевропейских структур. Аналогичным образом следует объяснить неоднократно отмечавшийся в сравнительной грамматике индоевропейских языков факт совпадения роди-

¹ До возникновения посессивного генитива посессивные отношения выражались, очевидно, с помощью конструкции с притяжательным местоимением типа 'человек — сын его' = 'сын человека', ср. др.-хет. SAG.GEME.İR MEŠ *e-eš-ḫar-še-mi-it* (BoTU 9 I 9) 'слуги—их кровь', ср. аналогичные конструкции в шумерском: *e melam-bi* 'храм—блеск его' = 'блеск храма', *e-e lugal-bi* 'этот храм — царь его'. Посессивный родительный падеж на -a(k) появляется в шумерском позднее: *lugal e-ak* 'царь дома' (ср. Рифтин 1946а : 42; Дьяконов 1967: 83).

² Такое формальное совпадение показателей номинатива и генитива особенно отчетливо видно в древнехеттском окончании -aš, выражающем как номинатив единственного числа тематического склонения на -a, так и соответствующий генитив, что должно отражать древнейшие индоевропейские отношения имен активного класса и определительных синтагм на *-os, развившихся в генитивные конструкции. Отраженное в греческом языке и санскрите передвижение ударения в формах родительного падежа типа греч. *σῆωρ*, *им.-вин. п. ед. ч. ср. п.* < *sk[h]²ort[h]- 'нечистоты', *род. п. σκατός*, др.-инд. *śákr̥t* 'испражнения', *śaknás* (ср. хет. *zakkar, zakkanaš*) с точки зрения излагаемой концепции следует считать вторичным, т. е. имена этого типа первоначально не присоединяли к себе окончания *-os, см. об ограниченности этого типа изолированными именами среднего рода Kiparsky 1973: 803 и 819.

³ Такое распределение окончаний генитива *-os и *-om, при *-om, употребляемом в качестве генитива именных форм активного класса, отчетливо сохраняется еще в древнехеттском, в котором окончание -ap характеризует исключительно именные образования среднего рода (см. выше, стр. 272). В частности, сформулированным принципом можно объяснить употребление форм на -aš от имен среднего рода в генитивных конструкциях в определительной функции в предложениях типа *pa-aš ḫuišyannaš* 'и он живущий' // 'и он жизни', *pa-aš ḫarkannaš* 'и он гибнущий' // 'и он гибели', *pa-aš taḫazilaš* 'и он воровства' = 'и он вор' (X3, § 73, KUB XIII 9 II 8).

тельного и винительного падежей в определенном классе одушевленных имен в славянском. В частности, имена с основами на -o, принадлежавшие к классу одушевленных существ, еще в праславянском начали характеризоваться совпадением формы родительного падежа на -a с формой винительного падежа; такое же совпадение форм винительного и родительного падежей обнаруживается в полных формах местоимений 1-го и 2-го лица (*мене, тебе*) и вопросительного местоимения (*kogo* от *kŭto*), *Мейе* 1951: 349, 355; *Кузнецов* 1953: § 33, 117¹.

1.6. ВОЗНИКНОВЕНИЕ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ АДЪЕКТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ИЗ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ И ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ДВОИЧНАЯ (БИНАРНАЯ) СТРУКТУРА РОДОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Рассмотренные выше определительные конструкции типа (1) —(4), из которых развиваются в дальнейшем формы генитива как особого падежного элемента в системе именного склонения, порождают и особый синтаксический класс именных образований, оформившийся позднее в качестве адъективов. Это особый класс имен-определителей, характеризующийся окончанием *-ŕo's или *-ŕo'm в зависимости от сочетания в синтагме с определяемым словом, относящимся соответственно к активному или пассивному классам. Тем самым адъективные окончания *-ŕo's и *-ŕo'm отражают тот функциональный характер, который должны были иметь эти окончания в исходных определительных синтагмах. Этим объясняется совпадение позднейших адъективных окончаний *-ŕo's и *-ŕo'm с падежными формантами в системе индоевропейского именного склонения.

Адъективные формы с *-ŕo's и *-ŕo'm употреблялись в атрибутивных синтагмах в сочетании с именами активного (с окончанием *-ŕo's) и пассивного (с окончанием *-ŕo'm) классов. Тем самым адъективные образования на *-ŕo's и *-ŕo'm на этой стадии развития индоевропейской структуры представляли собой согласовательные категории, выражавшие синтаксическую связь имени с адъективом-определителем.

Эти соотношения отражаются в общем виде в древнехеттском языке, в котором проводится бинарная классификация имен, характеризующая традиционно как деление на общий (одушевленный) и средний (неодушевленный) роды с согласовательным адъективным окончанием общего рода -[a]š̄ и среднего (неодушевленного) рода -an // -Ø, ср. *neçaš̄* 'новый, новая': *neçan* 'новое', *aš̄š̄uš̄* 'хороший, хорошая': *aš̄š̄u* 'хорошее', *š̄alliš̄* 'большой': *š̄alli* 'большое' и др. (ср. *Risch* 1980: 263). Это же древнейшее индоевропейское состояние отражено и в адъективных формах целого ряда индоевропейских диалектов с общей формой прилагательного для мужского и женского родов, отличающейся от формы среднего рода: ср. латинские прилагательные двух окончаний типа *fortis* 'сильный, сильная': *forte*

¹ Типологическую параллель единообразного маркирования падежа в функции генитива и аккузатива можно усмотреть в семитских образованиях множественного числа с падежом на -ī в качестве единого недифференцированного косвенного падежа, противопоставлявшегося в семитском (протоаккадском) прямому падежу на -ū (*Gelb* 1969: 72—73).

‘сильное’; древнеиндийские прилагательные типа *tanú-h* ‘тонкий, тонкая’, *tanú* ‘тонкое’ (Meillet 1931 с).

Особенно четко прослеживается первоначальное бинарное деление прилагательных на типы с **-os* и **-om* в древнегреческом при позднейшем соотношении адъективов на **-os* с мужским-женским родом и адъективов на **-om* — со средним, ср. греч. *πάτριος* ‘отцовский’, ‘отцовская’ (муж.-жен. р.) при *πάτριον* (ср. р.), ср. также у Гесиода *ἱερός* ‘священный, священная’ (муж.-жен. р.), *ἱερόν* (ср. р.), гом. *κλυτός* ‘Аμφιτρίτη, ε 422; *κλυτός* ‘Ἰπποδάμεια, В 742; *βροτός ἐστι*, ε 218 ‘смертная есть’ (о Пенелопе) и др. Ср. также отсутствие изменения по родам в сложных прилагательных: гом. *ῥοδοδάκτυλος* ‘розовоперстая’ (об Эос-Заре), *λευκώλενος* ‘с белыми локтями’ (о Гере) и др.; ср. также мик. *a-na-to-to* (= *ánárhocto) *i-qi-ja* ‘незапряженная колесница’; о подобных формах в древнегреческом см. Kastner 1967.

Такое бинарное противопоставление адъективных образований в индоевропейских диалектах отражает, очевидно, бинарную классификацию имен на активные и инактивные, преобразившуюся в исторических диалектах в родовую грамматическую классификацию, которая сохраняет наибольшую близость к первичной индоевропейской классификации в древнехеттском языке с его двумя родами — общим (одушевленным) и средним (неодушевленным) при дальнейшем расщеплении общего (одушевленного) рода на мужской и женский роды в целом ряде древних индоевропейских диалектов — древнеиндийском, древнегреческом, латинском и других¹.

До расщепления общего (одушевленного) рода (древнего активного класса имен) на собственно мужской и женский роды, дифференцируемые чисто грамматически, но не по принципу строгой принадлежности денотатов этих имен к существам женского или мужского пола, такая принадлежность к классу женщин или мужчин должна была выражаться с помощью присоединения к именной основе особого элемента **-sor* (по происхождению особого слова, обозначавшего ‘женщину’: др.-инд. *stri*), маркировавшего имена существ женского пола в противовес немаркированным именам, обозначавшим имена мужского пола.

К таким образованиям относятся общиндоевропейские формы типа **sue-sor* ‘сестра’ (др.-инд. *svásar-*, лат. *soror*, ст.-слав. *sestra*, лит. *sesuo*); ср. также хеттские формы типа *ḫaššuššara-* ‘царица’ при *ḫaššu-* ‘царь’, *išḫaššara-* ‘госпожа’ при *išḫaš* ‘господин’, лув. *nanašri-* ‘сестра’ при *nani-* ‘брат’, др.-инд. формы *ap-sarā-* ‘нимфа’ (ср. *ap-* ‘вода’, О. Н. Трубачев,

¹ Предположение о следах форм женского рода в хеттском, в частности в адъективных формах с *-i* типа *parkui-* ‘чистый’ (ср. Pedersen 1938; Kammenhuber 1961a), не может считаться убедительным, поскольку *-i* в этих формах следует рассматривать не как показатель женского рода прилагательных, аналогичный *-ī* долготу в древнеиндийском (ср. др.-инд. *svādú-* ‘сладкий’: *svādvī* ‘сладкая’), а как принадлежность основы, возможно деривационного происхождения, с синхронной точки зрения неразложимой (ср. значения *parku-* ‘высокий’, но *parkui-* ‘чистый’), ср. Laroche 1970; Brosnan 1976.

устное сообщение), *tisráh* 'три' (ж. р. к *tráyah*, ср. авест. *tišrō*, др.-ирл. *téoir*, валл. *tair*), *cátasrah* 'четыре' (ж. р. к *catōārah*, авест. *čatamrō*, др.-ирл. *cethéoir*); лат. *uxor* 'супруга' < **uk^[h]-sor-*, ср. др.-инд. *ukṣán-* 'бык-производитель', где основа **-son-*, возникшая благодаря морфологическому чередованию *-r/-n*, имеет противоположное **-sor* значение мужского начала (Pisani 1951).

2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ИМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ

2.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ НА *-aH ДРЕВНЕГО ИНАКТИВНОГО КЛАССА

Реконструируемая древнейшая система индоевропейских именных парадигм с показателями **-os* и **-om* соответственно для активного и инактивного классов характеризуется явным отсутствием в первичной системе особых показателей множественности, возникающих позднее, уже во вполне оформившейся системе именного склонения с особыми формами родительного и винительного падежей: родительный падеж на **-om*, выражавший первоначально как единственное, так и множественное число, дифференцируется впоследствии на **-om* (ед. ч.) и **-om-s* (в качестве показателя тех же отношений во множественном числе). Подобным образом падеж структурного инактива на **-om* осложняется таким же элементом **-s* для выражения множественности.

Множественность основной структурной формы именных образований активного класса на **-s*/**-os* выражается простым аблаутным преобразованием окончания **-s*/**-os* ⇒ **-es*, в чем, впрочем, и видна вторичность форманта множественности в подобных структурных образованиях¹.

¹ Поскольку типологически двойственное число имплицитно подразумевает множественное, но не наоборот (Greenberg 1963: 74), возникновение особого рода двойственного числа в индоевропейском следует отнести к периоду, последовавшему за появлением в системе категории множественности. Семантическим основанием к такому появлению особой категории двойственного числа могли послужить бинарные оппозиции в представлениях о внешнем мире, а также такие реалии, как парные органы и т. д. Древнейшие именные формы двойственного числа были, по-видимому, деривационными образованиями (Cuny 1924), восходящими, вероятно, к словосложению с участием числительного **t̥u-* 'два' (ср. др.-инд. формы дв. ч. на -u: *áśmanau* 'два камня', *devyāu* 'две богини', *devāu* 'два бога', *vṛk̥au* 'два волка', Thumb/Hauschild 1959, II: § 245, 34). Типологические параллели к таким образованиям двойственного числа и/или названий парных органов посредством постпозиции или препозиции числительного 'два' обнаруживаются в абхазско-адыгских языках (кабард. *la-q⁰a* 'нога', 'ноги', *bža-q⁰a* 'рог', 'рога', абхаз. *a-t⁰-ω⁰a* 'рога' при *ω⁰-ba* '2'), бурушаски (*lt-ur* 'рог', *lt-umal* 'ухо', *lt-anc* 'нога' при *ālti* '2', Климов/Эдельман 1974: 160); ср. интересную в свете параллелизма четверичного счета в индоевропейском, Loewe 1936, и бурушаски, Hamp 1969: 340, аналогию бурушаски *w-ālti* '4', и.е. **ok^[h]l^[h]l^[h]l^[h]l^[h]bi* > др.-инд. *aṣṭāu*, гот. *ahtau* '8', ср. Erhart 1965, и восточноавстронезийских, в частности меланезийских языков (арага: 1 л. инклюз. *gida-ru* 'мы оба', 1 л. экскл. *ka-ta-ru* 'мы оба без него', 1 л. *kimi-ru* 'вы оба'; добу: *si-te-rua*, Capell 1971: 335,

Любопытно, что в подобных парадигмах множественное число выражается формально с помощью особого показателя множественности *-s при окончаниях на *-m- (в формах генитива и структурно-инактивного падежа) и с помощью морфонологического чередования при окончании на *-s (в формах активного падежа):

Актив. п. ед. ч.	множ. ч.
-s/-os	*-es
Род. п. ед. ч.	множ. ч.
*-om	*-om-s
Структ.-инактив. п. ед. ч.	множ. ч.
*.lɔm	*.lɔm-s

Существенно отличную в этом отношении картину показывают имена инактивного класса, характеризующиеся маркерами инактивности -om, -t', -t[h], -k[h], -∅. Имена этого класса на всем протяжении истории не обнаруживают следов особых специфичных форм множественного числа. Семантике инактивного именного класса, очевидно, чужда категория множественности. Это проявляется в факте отсутствия особой формы множественного числа среднего рода, отражающего в основном древний инактивный класс; единственная форма множественности для них — это множественное (собирательное) число, согласующееся с глаголом в единственном числе (Schmidt J. 1889; Тронский 1946¹).

Такие формы собирательного (коллективного) множественного числа, характеризующие имена изначально инактивного класса, образуются путем присоединения к именной основе показателя собирательности *-ā < *-aH:

Ср. и.-е. *t'er-α-aH: слав. *drŭva*, рус. *дрова* (ед. ч. *t'erα-om: гот. *triu* 'дерево');

И.-е. *ak[h]⁰-aH: лат. *aqua* 'вода', др.-англ. *ēa*, *ēagor* 'вода', 'поток', гот. *ahva* 'река'²;

с препозицией числительного *drusa или *D₁ewsā- '2'; фиджн: *gua*, см. *Schuhmacher* 972: 204—205; аиудха: *ro-gita* 'мы оба', *mo-ro-gami* 'мы оба без него', *tu-ru-ga-mi* 'вы оба' и т. п. с препозицией того же числительного '2', как в бурушаски).

¹ По формулировке И. М. Тронского, "единой категории множественности, свойственной историческим индоевропейским языкам, предшествовало языковое состояние, при котором раздельная множественность распространялась только на имена активного класса, а в пассивном классе имела только категория собирательности; в именах, принадлежащих к этому последнему классу, множественность появляется лишь позже, и, вероятно, уже в связи с переходом к номинативному строю, в котором снимается старое противопоставление классов активного и пассивного" (Тронский 1946: 61).

² Форма *ak[h]⁰aH в качестве слова инактивного класса предполагается ввиду наличия противопоставленной ей индоевропейской формы *Hap[h]-s с активной семантикой (хет. *ḫar-* 'вода, поток, река', авест. *āf-š* 'поток, река', др.-инд. *āraḥ* 'Воды').

И.-е. $*b^{[h]}rāt^{[h]}r-aH$: греч. φρήτρα ‘фратрия’ (ср. форму инактива на $*-om$: др.-инд. *bhrātrām* ‘братство’).

В определительных конструкциях с адъективными образованиями форма определяющего слова оформляется в силу принципа формального согласования теми же окончаниями, которые характерны в данной синтагме для определяемого слова, то есть адъективы оформляются окончаниями соответственно $*-os$, $*-om/\emptyset$ и $*-es$, $*-aH > *-ā$ в зависимости от класса, падежа и числа определяемого имени.

Формы собирательного множественного имен инактивного класса на $*-aH > *-ā$ в дальнейшем совпадают с определенными именными образованиями активного класса на $*-aH-s \rightarrow *-ā^1$. Какое-либо $*k'oenaH-s > *k'oenā$ ‘жена’² (активный класс) уже формально не отличается от $*ak^{[h]o}aH > *ak^{[h]o}ā$ ‘воды’ (инактивный класс). При позднейшей перестройке первоначальной именной классификации в исторических индоевропейских языках и образовании классификации по грамматическому роду с выделением в активном классе “мужского” и “женского” родов часть собирательных по происхождению форм инактивного класса на $*-ā$ начинает мыслиться как форма на $*-ā$, восходящая к первоначальному активному классу. Этому содействовал также согласовательный принцип употребления глагола в ед. ч. при собирательных формах. Таким образом, индоевропейская форма типа лат. *aqua*, по происхождению форма собирательного множественного числа инактивного класса, превращается в форму женского рода единственного числа. Многие формы единственного числа женского рода на $*-ā$ могут отражать по происхождению собирательную форму инактивного класса на $*-aH$.

В ряде случаев трудно дифференцировать форму коллективного множественного слов среднего рода и форму единственного числа слов женского рода, как, например, в др.-инд. *tānā*, которое может быть как формой *множеств. ч. ср. р.* (‘потомки’, букв. ‘потомства’, *RV 774, 2*, от *tānam* ‘потомство’), так и формой *ед. ч. ж. р.* *tānā* ‘потомок’, ‘отпрыск’ (*RV 259, 1*, ср. *Lehmann 1958a : 190*).

Такое окончание $*-ā$ появляется, естественно, и в адъективных образованиях, сочетающихся с именами на $*-ā$ (по происхождению окончание особой группы активных имен, превратившихся позднее преимущественно в формы женского рода). Позднейшая субстантивация в отдельных индоевропейских диалектах таких адъективов приводит к образованию нового вида именных образований женского рода на $-ā$ типа лат. *uidua* ‘вдова’ (при *uiduus*), *noxia* ‘ошибка’ (при *noxius* ‘вредоносный’), греч. *τομή* ‘отрезок’ (при *τομός* ‘режущий, острый’), *πνυτή* ‘разум’ (при *πνυτός* ‘разумный’, ср. *Kuryłowicz 1964 : 212—213*).

¹ О таком фонетическом переходе $*-aH-s > *-ā$ см. выше, стр. 185.

² Согласно гипотезе Кноблоха (*Knobloch 1955 : 213 ; 1958 : 240*), следы старшего собирательного значения греч. *γυνή* $< *g^w(e)nā$ ($< *k'oenaH$) сохраняются в особых “сингулятивных” образованиях типа *γυναικός* (с суффиксом $*-k$ - того же типа, что и в авест. *pasuka-* ‘домашнее животное’, ср. *pasu-* ‘скот’).

2.2. СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ НА *-iH ДРЕВНЕГО ИНАКТИВНОГО КЛАССА И РАЗВИТИЕ ФОРМ ГЕНИТИВА НА *-ī

В некоторых поздних индоевропейских диалектах наряду с окончанием женского рода *-ā* выделяется в именных и адъективных образованиях окончание *-ī*: ср. др.-инд. *vṛkī-* 'волчица' (ср. др.-исл. *ylgr* < **u̯|k^[h]l⁰-is*) при *vṛkaḥ* 'волк'; *rājñī* 'царица' при *rājan-* (основа на *-n*) 'царь'; *devī* 'богиня' при *deváh* 'бог', *balinī* 'сильная' при *balín-* 'сильный', *pr̥thivī* 'земля' (буквально: 'широкая') при *pr̥thúḥ* 'широкий'.

В некоторых других индоевропейских диалектах этимологически то же окончание **-ī* образует форму генитива, ср. лат. *lupī* 'волка' (ср. др.-инд. *vṛkī-* 'волчица') при *lupus* 'волк' (ср. др.-инд. *vṛkaḥ*), *cerebrī* 'головы' (род. п.) при *cerebrum* 'голова', ср. др.-инд. *śīrśān-* 'голова'.

Функция принадлежности (генитива) данного форманта, засвидетельствованная в кельто-италийском, становится понятной при допущении исходного значения **-ī* 'относящийся к', 'принадлежащий'. Такое значение суффикса **-ī* можно еще установить на основании данных исторических индоевропейских диалектов. В частности, такое значение суффикса **-ī* можно усмотреть в древнеиндийских формах *rathī-* 'колесничий' (первоначально: 'относящийся к колеснице'), при *rátha-* 'колесница', *grāmi-* 'относящийся к деревне' (в словосложении *grāmi-bhū-* 'становиться владельцем деревни', *grāma-* 'деревня'). К этому же структурному типу относится и славянское **sqdī*, ст.-слав. *sqdi* 'судья' (при *sqdū* 'суд'), тождественное кельтскому **kondi*: др.-ирл. *cuind* (при *cond* 'iudiciūm', Lohmann 1932: 70).

Такое употребление суффикса **-ī* < **-iH* отражает древнейшую его функцию словообразовательного аффикса, выражавшего отношение принадлежности к денотату имени на **-os* или **-om*, то есть к именам соответственно активного или инактивного классов (ср. **u̯|k^[h]l⁰-os* ~ **u̯|k^[h]l⁰-iH* и **k^[h]erHsr-om* ~ **k^[h]erHsr-iH*).

Тем самым такое **-ī* < **-iH* реконструируется как деривационный суффикс, образующий именную основу, которая относилась к активному или инактивному классу. В зависимости от этого именная основа на суффикс **-iH* характеризовалась окончанием активного класса **-s* (которое уже весьма рано теряется по фонетическим причинам, см. выше, стр. 185) или же нулевым окончанием при именах инактивного класса. Из подобных маркированных образований на суффикс принадлежности **-ī* возникают поздние адъективные формы принадлежности, параллельно с адъективами на **-os*, **-om* и **-ā*. В ряде индоевропейских диалектов такие маркированные адъективные формы принадлежности на **-ī* квалифицируются позднее как адъективы женского рода: **u̯|k^[h]l⁰ī* 'волчья', **rēk'(-n)-ī* 'царская', **p^[h]l^[h]tu-ī* 'относящаяся к ширине, широкая'. Дальнейшая субстантивация адъективов этого типа приводит к образованию имен женского рода на **-ī*, ср. др.-инд. *vṛkī-* 'волчица', *rājñī* 'царица', *pr̥thivī* 'земля' (буквально: 'широкая'); см. об этом процессе Kuryłowicz 1964: § 10, 218.

В тех индоевропейских диалектах, в которых адъективный суффикс принадлежности **-ī* начинает применяться в качестве генитива (ср. лат. *lipī, cerebrī*), он вытесняет древний суффикс единственного числа генитива имен активного класса **-om*:

$$*u|k^{[h]}-om // *u|k^{[h]}-ī$$

След такого генитива ед. ч. можно видеть в латинском местоимении *uestrum* 'каждого из вас', соотносящемся с формой *uestri* 'ваш' аналогично приводимому выше индоевропейскому дублету:

$$\begin{array}{l} uestrum // uestri \\ nostrum // nostri \end{array}$$

2.3. РАЗВИТИЕ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА И ЛОКАТИВА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ И СТАНОВЛЕНИЕ ИМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ

Полная именная парадигма в индоевропейском, отраженная в исторических индоевропейских диалектах, складывается при образовании в системе индоевропейского склонения особых форм дательного и локативного падежей.

Основные отношения, выражаемые в исторических индоевропейских диалектах дательным и местным падежами, — такие отношения, как отношения адресата действия, цели и направленности действия — должны были выражаться в древнейшей индоевропейской системе с бинарным противопоставлением классов именными образованиями на **-om//∅* (структурно-синтаксический инактив). Структурно-синтаксический инактив на **-om//∅* преобразуется впоследствии в системе индоевропейского именного склонения в падеж прямого дополнения (аккузатив), который и обнаруживает в исторических индоевропейских диалектах, наряду со своим основным значением передачи *Patiens'a* при переходных глаголах, следы первоначальной функции диффузного падежа, выражавшего целый ряд отношений, дифференцированных позднее по отдельным падежам (в частности дательному и местному).

Подобную первоначальную семантическую диффузность, недифференцированность функций прототипа исторического аккузатива в индоевропейском можно усмотреть в конструкциях с двойным винительным падежом типа др.-инд. *taṁ sarvasvaṁ adaṇḍayat* 'у него (*taṁ*, вин. п.) он берет в наказание все имущество'; *satyaṁ taṁ rājaruṭraṁ upreyaṭuḥ* 'они пришли к принцу за правдой' (ср. Thumb/Hauschild 1959, II : § 237, 1, 19); ср. конструкции с формой дат. пад. в аналогичной функции, а также конструкции типа *Damaṅantiṁ anuṛataḥ* 'преданный Дамаянти' (кому, вин. пад.), а также вин. пад. при глаголах 'следовать' (*anu-pra-sthā-*) и др.

Прототип вин. п. первоначально также выражал отношения направленности действия и цели. В этом смысле характерны такие конструкции с аккузативом, как др.-инд. *āro divam ud vahanti* 'они ведут воды к небу' (вин. п. *divam*), AV; *tāv ubhāv adhatām tato payati* 'он ведет их обоих в глубочайшую тьму'; лат. *eō Rōmam* 'иду в Рим', греч. гом. (H

363) κτήματα δ', ἔσσ' ἀγόμενῃ ἐξ Ἄργεος ἡμέτερον δῶ 'вещи, какие я принес из Аргоса к нам домой'; ср. параллельные конструкции с формами *вин. п.* и *дат. п.*, выражающие направленность: *vapatī gacchatah* 'мы идем в лес' ('лес' — *вин. п.*) и *vanāya pratiṣṭhati* 'он направляется в лес' (Speyer 1886: § 79; 1896: § 43; Haudry 1978: 145 и след.).

Таким образом, именное образование на **-om*, оформившееся впоследствии в структурно-синтаксический инактив (прототип позднейшего индоевропейского аккузатива), выражает отношения и прямого дополнения, и косвенного дополнения классической системы, передавая отношения как адресата, так и направления действия. Иными словами, актанта на **-om* выражала функции падежа *Patiens*'а и ряда других падежей, оформившихся позднее как падежи дательный, местный, направительный. В этой структурной особенности древнейшей индоевропейской именной системы с двумя основными актантами на **-os* и на **-om*, выражавшими все основные синтаксические отношения, проявляется типичная специфика языка с бинарной структурой именных классов — класса активных и класса инактивных имен¹.

Весьма характерны для иллюстрации первичной недифференцированности отношений аккузатива - датива, выражавшихся изначально единой именной формой, древнехеттские прономинальные формы 1-го и 2-го лица, соответственно *amtik* 'меня, мне' (*вин.-дат. пад.*), *tuk* 'тебя, тебе' (*вин.-дат. пад.*), а также энклитические местоименные формы *-mi* 'меня, мне', *-ta* 'тебя, тебе'; *-naš* 'нас, нам', *-šmaš* 'вас, вам'. Все эти хеттские прономинальные формы отражают древнейшее состояние индоевропейской системы с двумя основными именными образованиями, оформившимися впоследствии в качестве субъектного и общеобъектного падежей, выражавших все основные синтаксические отношения при предикативной форме. Собственно дательный-местный падеж, выражавший отношения адресата действия, а также отношения направленности действия и цели, появляется в системе индоевропейского склонения позднее, при разрушении бинарной системы склонения с двумя основными актантами и образовании именной парадигмы с более сложными падежными соотношениями.

В таких условиях целый ряд функций, выражавшихся первоначально в индоевропейской бинарной системе именными образованиями на **-om*, переходит позднее к вновь возникшим в системе падежным формам.

Такие особые падежи в системе индоевропейского склонения, давшие впоследствии конкретные формы дательного и местного падежей, очевидно, главным образом адвербиального происхождения. Это были сирконс-

¹ Типологическую параллель в этом отношении представляет картвельская языковая структура с пережиточно сохранившимся бинарным противопоставлением именных классов, в которой падеж на *-s* выражает функции как прямого дополнения, так и дательного и направительного падежей: ср. груз. *k'aci azlevs c'ign-s bavšu-s* 'человек дает книгу (*c'ign-s*) ребенку (*bavšu-s*); *midis kalak-s* 'идет в город (*kalak-s*)'; ср. также английские конструкции типа *he gave him a book* 'он дал ему книгу', *he went home* 'он пошел домой'.

анты при глаголах, выражавшие обстоятельственное уточнение к глагольной синтагме с основными актантами¹.

Дательный падеж на **-ei* и местный падеж на **-i* в индоевропейском — это в сущности аблаутные формы общего по происхождению обстоятельственного падежа при именах соответственно активного и инактивного классов, который в дальнейшем стал выражать синтаксические отношения собственно дательного и местного падежей, ранее выражавшихся общим инактивным падежом на **-om*, *-Ø*. Такая обусловленность падежа на *-ei* (позднейшего дательного падежа) именами активного класса в отличие от падежа на **-i* (позднейшего локатива), связанного с именами инактивного класса, проявляется в особых синтаксических конструкциях гдельных индоевропейских языков, в которых дательный падеж применяется исключительно к именам лиц или персонифицированных объектов, ср. *Kuryłowicz 1964: 191 и 196; Neu 1979: 187²*.

Такое употребление дательного падежа может объяснить применение его в конструкциях с аффективными глаголами, что, в свою очередь, свидетельствует о дополнительном подразделении класса активных имен на подкласс одушевленных активных имен, способных к чувственному восприятию и ощущениям, и подкласс активных имен, лишенных этой способности (например, растения, некоторые животные и другие “неодушевленные” члены активного класса). Выделение в языках аффективной конструкции редполагает, очевидно, особую подклассификацию в пределах активного класса и вычленение такой группы имен, денотатам которых приписывалась способность к чувственным восприятиям и ощущениям. Это — особый класс имен, денотаты которых способны видеть, слышать, испытывать холод, боль, страх и др. Такие имена, естественно, выступают в сочетании с глагольными формами, имеющими эту семантику, в особой конструкции, отличной от конструкций на **-os* при глаголах, выражающих общую семантику активных имен. Употребление дательного падежа в подобных конструкциях отражает, по-видимому, древнейшую функцию дательного падежа, восходящую к начальным этапам индоевропейского состояния.

Ср. такие конструкции с дательным субъекта, как ст.-лит. *nīžti mī* ‘меня зудит, сверлит’ (у Ширвида), *Schmid 1963: 69; Sabaliauskas 1957:*

¹ Ср. в отдельных индоевропейских диалектах функции дательного абсолютного и местного абсолютного (в конструкциях с причастными и деепричастными формами), в частности дательный абсолютный при названиях лиц в славянском: др.-рус. *деревяномъ же пришедъшимъ, повелѣ шльга мовь створити* (когда древяне пришли...); *Мстиславу сѣдящу на обѣдѣ, приде ему вѣсть* (когда Мстислав сидел за обедом, ему пришла весть); и *на долзѣ борюцemasя има. нача изнемагати Мстиславъ* (так как они долго боролись, начал изнемогать Мстислав), ср. о старославянском *Nečásek 1957*. Ср. локатив абсолютный в древнеиндийском: *astamana-velāyām* ‘времени захода солнца’, *evañ gacchati kāle* ‘тогда как время прошло так’.

² В этом отношении интересна падежная классификация Филлмора, где дательный падеж относится к одушевленному объекту, затронутому выражаемым глаголом действием, ср. дательный падеж при аффективных глаголах в катвельском: *hanidzé 1963; Schmidt 1974b*.

111; *Būga* 1958—1961, II: 388 и 468; *Stang* 1942: 100 и 1966: 316—317; *Zinkevičius* 1966: 350; латыш. *kat niež* ‘у кого зудит’ (*niež* вместо архаического латыш. *niēzt*, *Endzelins* 1951: 572 и 725—726); ср. авест. *naēza-* (название болезни); лит. *nesimiegojo ir Jonui* ‘не спалось и Иоанну’, *Fraenkel* 1928: 117 (ср. лит. диал. *miegti* ‘сплю’, *Stang* 1966: 311; *Sabaliauskas* 1957: 99—100; *Zinkevičius* 1966: 349; родственно прус. *meicte* ‘спит’; рус. *мжить* ‘щуриться, полудремать’);

Хет. *[ku-e-d]a-ni-ik-ki me-er-zi* дословно: ‘по отношению к кому-нибудь исчезает’, КВо XVI 25 I 43; *na-at-tāk-kān me-er-du* дословно: ‘и пусть для тебя исчезнет’, КUB XVII 105 IV 24.

Некоторые формы косвенных падежей долгое время сохраняют недифференцированность по отношению к категории числа, ср. формы на **-b[hl]i/*-b[hl]i-s* адвербиального происхождения, ср. мик. *e-re-pa-te-jo ro-pi* = ἐλεφαντεῖος ποπρῖ ‘с ножками из слоновой кости’, *a-ra-ru-ja a-ni-ja-pi* = ἀραρυῖα[ι] ἀνῖαφ: ‘снабженный удилами’ и т. п. (*Schmidt* 1963; *Lejeune* 1958; ср. *Шарипкин* 1971).

3. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

3.1. ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ АКТИВНОЙ СТРУКТУРЫ. ГЛАГОЛ «БЫТЬ» В ПОСЕССИВНОМ ЗНАЧЕНИИ

Одним из древних употреблений индоевропейского дательного падежа является применение его в конструкциях с глаголом **es-* ‘быть’ для выражения отношения обладания (*Benveniste* 1949 и 1966a: 188, 197; *Бенвенист* 1974; *Watkins* 1967; *Allen* 1964a: 338). Конструкции типа лат. *mihi aliquid est* ‘у меня нечто есть’, ср. хет. *tuqqa UL kuitki ešzi* ‘тебе ничего нет’ = ‘у тебя ничего нет’¹, греч. ἐστὶ σοι χρῶς ‘у тебя есть золото’ отражают древнеиндоевропейскую конструкцию с семантикой посессивности². Показательно, что в системе отсутствует глагол ‘иметь’ для обозначения этого семантического отношения, что характерно для языков активного строя (*Климов* 1973: 217; ср. также *Сахокия* 1974).

Трансформация в истории латинского языка конструкции *mihi aliquid est* в *habeo aliquid* отражает появление в отдельных исторических индоевропейских диалектах собственно глагола ‘иметь’ как с самостоятельной семантикой посессивности, так и в качестве вспомогательного глаго-

¹ Ср. А.НА D*Titiutti* NINDA.KUR₄.RA UDM₁ UL ešzi ‘для божества Титиутти нет дневного жертвоприношения’, КUB XXXVIII 14, Vs. 51.

² Эта конструкция сохранялась и при замене конкретного глагола **es-*, например, *ta* в древнеирландском: др.-ирл. *ni-t-ta* ‘у тебя нет’ и *nes-* в тохарском: *Бенвенист* 1974: 204 (‘одну из семантических функций *es-* или его субститутов в конструкциях с дательным падежом представляет выражение отношения обладания, то есть ‘быть у’ в значении ‘иметься’”), ср. в тох. В: *Nesān ksa nī yesā-šc aīma-šše reki* ‘у меня есть к вам мое личное слово’ = ‘я имею что вам сказать’; ср. такие же конструкции с лит. *grà*, латыш. *ir(a)* ‘есть’.

ла в сложных глагольных образованиях¹ (Benveniste 1966a; Бенвенист 1974). Такие глаголы со значением 'иметь' в отдельных языках развиваются из глаголов с конкретной семантикой 'держатъ' (ср. хет. *ḫark-* 'держатъ') → 'иметь'; ср. лат. *arceō* 'держатъ', 'удерживатъ'; греч. ἔχω 'иметь', из и.-е. *seǵ^[h]- 'держатъ': ср. др.-инд. *sáhate* 'одолеватъ'; ср. также лат. *habeō* 'иметь' при лат. *inhibeō* 'удерживаю', из и.-е. **g^[h]ab^[h]*:- др.-ирл. *gai-bid* 'хватает', 'берет'.

Конструкции с дательным падежом в сочетании с глаголом **es-*, выражавшие отношение посессивности, характеризуются семантической спецификой, допускающей отрицание этого отношения. Конструкция *mihi est aliquid* 'у меня (дат. пад.) есть нечто'¹ допускает отрицательную: *mihi non est aliquid* 'у меня нет чего-либо'.

3.2. ВЫРАЖЕНИЕ «ОТЧУЖДАЕМОЙ» И «НЕОТЧУЖДАЕМОЙ» ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Такие негативные формы в конструкциях принадлежности, как приводимые выше: хет. *tugqa UL kuitki ešzi* 'у тебя нет ничего', др.-ирл. *ni-t-ta* 'у тебя нет', а также ряд других подобных конструкций (в балтийских и славянском, ср. ст.-слав. *jedīnomu něstū věnīca* 'у одного нет венца-короны', Супр. 58, 16; *i ne bě ima čęda* 'каὶ οὐχ ἦν αὐτοῖς τέκνον', 'и не было у них самих детей (ребенка)', *Еванг. от Луки*, 1, 7, ср. *Vondrak 1900* : 288; *Топоров 1959* : 290—291 и 1960 : 9; *Benveniste 1949*), указывают на выражение ими отношения "отчуждаемой" (неорганической) принадлежности, то есть той разновидности отношения принадлежности, при которой предмет мыслится как неотносящийся органически к обладателю, как нечто, что может быть отчуждено от обладателя².

Однако в языке представлены и такие реляционные имена, которые (в противоположность "абсолютным") мыслятся по необходимости в сочетании с какими-то другими именами. К именам подобной семантики относятся, например, такие, как 'рука', 'брат', 'сторона' и другие, которые уже по самой своей семантике предполагают соотносительность с другим объектом 'чья-то рука', 'чей-то брат', 'сторона по отношению к кому-то'. Такое отношение принадлежности, предполагаемое семантикой подобных слов, характеризуется как "неотчуждаемая" (органическая) принадлежность. В целом ряде языков проводится формальная дифференциация выражения органической и неорганической принадлежности (*Fillmore 1968*), которая отражает особый принцип именной классификации, очевидно, в пределах активного класса.

¹ Рассмотренное выше диахроническое преобразование конструкции дательного падежа с глаголом **es-* в конструкцию с глаголом 'иметь', имевшее место в отдельных индоевропейских диалектах, объясняется универсальными семантическими соотношениями различных посессивных конструкций, выводимыми при типологическом сопоставлении языковых систем (*Fillmore 1968* : 61 и след.).

² О подобной функции дательного падежа см. также *Boeder 1972*.

Следы такой формальной дифференциации отношения органической (неотчуждаемой) и неорганической (отчуждаемой) принадлежности можно видеть в параллельных хеттских конструкциях принадлежности с самостоятельными притяжательными местоимениями типа *ammel* 'мой', *tuel* 'твой', *apel* 'его' и энклитическими притяжательными местоимениями *-miš*, *-mit* 'мой, моя, мое'; *-tiš*, *-tit* 'твой, твоя, твое'; *-šiš*, *-šit* 'его'. Регулярное употребление в древнехеттских текстах энклитических притяжательных местоимений с реляционными именами¹ при применении независимых притяжательных местоимений преимущественно с абсолютными именами [ср. др.-хет. *a-a-ma an-zi-[el] SAL.LUGAL URUKa-ni-iš XXX SAL.DUMU I.ŠU ḫa-aš-ta* 'однажды наша царица города Канес (Несы) тридцать дочерей за один раз родила', КВо XXII 2 A, Vs. 12—13; ср. обычное соединение такого родительного падежа личного местоимения *an-zei* перед титулами типа [*an-]zi-el BE-LI* 'господин наш', КВо XIV 12 IV 17 в новохеттских текстах, что сопоставляется и с древнехеттским употреблением (Ottén 1973 : 31)] может указывать на такое формально выраженное языковыми средствами разграничение отношения отчуждаемой (неорганической) и неотчуждаемой (органической) принадлежности².

В этом отношении интересную типологическую параллель представляют данные фиджийского языка. В этом языке отношение неотчуждаемой принадлежности выражается суффиксальными элементами, отношение отчуждаемой принадлежности — препозитивными притяжательными местоимениями: ср. *ulu-qu* 'моя голова' (то есть голова как часть моего тела) и *kequ ulu* 'моя голова' (например, чужая голова, принесенная мне для еды, *Леву-Брюль 1950 : 210—211; Milner 1971 : 409*).

Предполагаемое для древнехеттского противопоставление конструкций, выражающих органическую и неорганическую принадлежность, отражает, очевидно, древнейшее общиндоевропейское состояние с противопоставлением посессивных конструкций по семантической специфике выражаемого ими отношения посессивности. След такой дифференциации в выражении посессивных отношений, восстанавливаемый по древнехеттским данным, можно видеть и в наличии в отдельных исторических индоевропейских диалектах местоименных форм, отражающих существование в исходной системе двух рядов посессивных прономинальных конструкций: в одних из этих диалектов сохраняются независимые притяжательные местоимения, в других — энклитические прономинальные элементы, этимологически соответствующие хеттским энклитическим притяжательным местоимениям:

¹ Хет. *attaš-miš* 'отец мой', *ešḫaš-miš* 'господин мой', *keššaraš-miš* 'рука моя', *ker-met* 'сердце мое', *laman-mit* 'имя мое', *pir-mit* 'дом мой', 'хозяйство и семейство мое', *kattan-šet* 'низ его', *piran-šet* 'передняя сторона его' и другие.

² В этом отношении интересно употребление независимого притяжательного местоимения 3 л. ед. ч. *šel* (вместо *-šiš*, *-šeš*) в древнехеттской билингве Хаттусили: *ši-i-e-el IRMEŠ.SU [I.NA I AM]A ḫa-aš-ša-an-te-eš* 'его подданные [от одной матер]и рождены' (НВВ II 47), ср. в тексте Телепину *kainaš-šeš* 'его свойственники', с энклитическим притяжательным местоимением.

Ср. независимые местоимения: греч. *ἐμός* 'мой'¹, *σός* 'твой', эол. *ἄμμες* 'наш', *ὑμμες* 'ваш'; авест. *ma-* 'мой', *θwa-* 'твой'; др.-инд. вед. *tvá-* 'твой' (RV, AV) при энклитических: лат. *meus*, *зват. n. mi* (ср. хет. *зват. n. -mi* в *atta-mi* 'отец мой!', *išha-mi* 'господин мой!'), ст.-слав. *mojŭ*, гот. *mei-* в *meins* 'мой' (*Brugmann 1904; Schwyzer 1939, I: 608; Szemerényi 1970: 203, § VIII. 4. 5*).

При сопоставлении независимых и энклитических прономинальных форм, представленных в приводимых выше индоевропейских диалектах, можно было бы реконструировать для исходного состояния два параллельных ряда прономинальных посессивных конструкций — ряд самостоятельных посессивных местоимений и ряд энклитических прономинальных форм, то есть такое языковое состояние, которое исторически засвидетельствовано в древнехеттском языке, что лишний раз подтверждает общиндоевропейский характер этого противопоставления, выводимого на основании исторических данных хеттского языка.

4. БИНАРНАЯ СТРУКТУРА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОНОМИНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

4.1. ИНКЛЮЗИВ — ЭКСКЛЮЗИВ

Бинарная именная классификация с противопоставлением активного и инактивного классов имен, реконструируемая для древнейшего общиндоевропейского состояния, особенно отчетливо видна в бинарной структуре прономинальной системы. Личные местоимения в индоевропейском ориентируются не на передачу противопоставлений грамматического рода, возникающего в индоевропейской структуре значительно позднее, в эпоху оформления и развития отдельных диалектов, а на передачу классификации по двум основным группам — актива и иактива. Это видно, прежде всего, в наличии двух основных форм указательного местоимения (**is* 'этот, эта', **it* 'это'), из которых одна *{*is}* связывается с именами активного класса (исторически мужской—женский или общий род), другая соотносится исключительно с именами инактивного класса (исторически средний род)¹: ср. лат. *is, id*; гот. *is, it-a*; др.-инд. *au-át* (м. р.), *iy-át* (ж. р.), *id-át* (ср. р.). В этом отношении свидетельства этих индоевропейских диалектов совпадают с данными хеттского языка, в котором прономинальная система, как и именная, различает грамматическую классификацию по двум родам — общему и среднему, что, в сущности, отражает общиндоевропейское противопоставление имен по двум классам — активному и инактивному.

Такая первоначальная бинарная именная классификация в индоев-

¹ Ср. выше о возможности соотнесения местоименных показателей **-s* и **-[h]* (**-t'*) с соответствующими именными маркерами активного и инактивного классов, а также о типологической параллели, заключающейся во вторичном оформлении этими местоименными показателями двух именных классов в лидийском, ср. стр. 188 и след.

ропейском проявляется и в факте наличия в прономинальной системе категории инклюзива—экслюзива.

По общетипологическим соображениям можно заключить, что языковая структура с бинарной именной классификацией типа “активный ~ инактивный”, “одушевленный ~ неодушевленный”, “человек ~ вещь” и др. предполагает наличие категории инклюзива—экслюзива в прономинальной системе (ср. данные большинства австралийских языков, австронезийских языков, языков дравидской группы, некоторых африканских языков группы нигер-бенуа и многих америндейских, а также кавказских языков).

Категория инклюзива—экслюзива выражается в противопоставлении друг другу двух форм личного местоимения 1-го л. мн. ч., из которых одна форма выражает множественность при объединении 1-го лица со вторым (‘мы’ в инклюзивном значении, то есть представители одного общего класса, они же участники акта коммуникации), другая же форма выражает множественность при объединении 1-го лица с 3-им, исключая второе (‘мы’ в эксклюзивном значении, то есть представители разных классов).

При строгом формальном разграничении таких двух классов в языке естественно противопоставляются в плане выражения местоименные формы 1-го л. мн. ч., объединяющие только элементы одного класса, и местоименные формы 1-го л. мн. ч., объединяющие элементы разных классов. Иными словами, язык с бинарной структурой именных классов имплицитно подразумевает категорию инклюзива—экслюзива в прономинальной системе (Гамкрелидзе 1959: 11). Индоевропейская языковая система с бинарной классификацией именных образований на класс активных и инактивных имен должна носить в себе следы инклюзива—экслюзива в прономинальной системе.

Действительно, для 1-го лица множественного числа в индоевропейском восстанавливаются две формы: **wei-* (*wes) и *tes, распределенные по различным историческим диалектам: др.-инд. *vaṣāt*, авест. *vaēt* (= *vaṣāt), гот. *weis*, хет. *weš*, тох. В *wes* и лит. *mēs*, ст.-слав. *my*, арм. *mek*.

Реконструкция обеих местоименных основ в функции 1-го л. мн. ч. в индоевропейском становится понятной при их семантической дифференциации и определении их как инклюзивной и эксклюзивной форм местоимения, ср. Прокош 1954: 308—309; Prokosch 1939; Liebert 1957: 95—107; Benveniste 1959a. Совпадение начального элемента формы 1 л. мн. ч. **wei-* с формой 2 л. мн. ч. местоимения (ср. ст.-слав. *vy*, лат. *uōs*) может свидетельствовать в пользу инклюзивности общиндоевропейского местоимения 1 л. мн. ч. **wei-*//*wes в противовес форме *tes, выразившей, очевидно, эксклюзивное множественное число¹.

¹ Основываясь на таких же типологических соображениях, согласно которым инклюзив 1-го л. включает элементы показателей 2-го л. (Forchheimer 1953: 98 и след., 114 и др.), делали, однако, и иное заключение, согласно которому инклюзивные формы отражены в др.-инд. *-asma-* (основа косвенных падежей личного местоимения 1 л. мн. ч.), греч. эол. *ἄμμες* < *ásmes, лат. *pōs*, гот. *win. пад. uns(is)*, поскольку

При такой интерпретации этих двух форм местоимения 1-го лица множественного числа в индоевропейском становится понятным применение формы **уе-* для выражения двойственного числа в балто-славянском и германском: лит. *uè-du*, ст.-слав. *уѣ*, гот. *wit* 'мы оба'¹.

Разрушение бинарной структуры именных классов в индоевропейском приводит к элиминации мотивированной ею категории инклюзива—эксклюзива в прономинальной системе, вследствие чего только одна из двух форм индоевропейского местоимения 1-го л. мн. ч. сохраняется в отдельных индоевропейских диалектах в общем значении местоимения 1-го л. мн. ч. В балто-славянском и армянском—это основа **mes*, в индо-иранском, германском, анатолийском и тохарском—основа **уеi*-².

5. БИНАРНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

5.1. ДУБЛЕТНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ЛЕКСЕМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ БИНАРНОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ИМЕН ПО АКТИВУ—ИНАКТИВУ

Реконструируемая для древнейшего индоевропейского состояния бинарная классификация имен по признаку активности—инактивности со всеми вытекающими из такой классификации структурными импликациями в системе именного склонения приводила к естественному делению всего множества глагольных образований на два структурно-семантических класса: на класс активных глаголов, сочетающихся исключительно с активными актантами, и класс инактивных глаголов, сочетающихся синтаксически с инактивными именами.

Такое разбиение всего множества глаголов на подмножества, индуцируемое бинарной классификацией именных образований, приводит к естественной семантической группировке глагольных форм по двум основным классам в зависимости от выражаемой ими активной или инактивной семантики.

ку в них имеется тот же элемент *-s-*, что и в др.-инд. формах косвенных падежей личного местоимения 2 л. мн. ч. от основы *yusma-*, греч. зол. *ὑμεῖς* < **ῥμεῖς* (Erhart 1970: 38—41; 1973: 253).

¹ Уоткинс, высказываясь в специальном экскурсе (Watkins 1969: 46—48) в пользу гипотезы о вторичности двойственного числа в индоевропейском, реконструирует для общиндоевропейских местоименных форм **уе-*, **пе-* **ју-* (и соответствующих глагольных окончаний **-уе*, **-пе*, **-i/hle*) значения 1 л. мн. ч. инклюзива, 1 л. эксклюзива, 2 л. и выдвигает предположение, что "только позднее из-за потери противопоставления эксклюзив—инклюзив и распространения (из категории имени?) двойственного числа в различных языках они были перераспределены" между другими значениями; ср. также о **уе* (инкл.), **пе* (экскл.) Jensen 1930, с предполагаемым и.е. **пе* 'мы' (экскл.), ср. эксклюзивное **па-* в общекартвельском, Гамкрелидзе 1959: 46—47.

² Ср. аналогичное развитие категории инклюзива—эксклюзива в прономинальной системе в картвельских языках, в которых общекартвельское эксклюзивное местоимение 1-го л. мн. ч. *па-* сохраняется в общем значении местоимения 1-го л. мн. ч. в сванском, тогда как в грузинском и мегрело-лазском представлены местоименные формы 1 л. мн. ч., восходящие к общекартвельскому инклюзивному местоимению 1-го л. мн. ч. **šwep-*, Гамкрелидзе 1959.

Изначальный семантический принцип классификации индоевропейских глагольных форм выражался не в делении глаголов на транзитивные (переходные) и интранзитивные (непереходные), которое представляет собой независимый от именной классификации принцип семантического противопоставления глагольных форм¹, а в семантически индуцированной классификации глагольных форм на класс активных и класс неактивных глаголов в зависимости от характера выражаемого ими глагольного действия или состояния².

В зависимости от сочетания глагольных форм с именами активного или неактивного класса возникают как дублетные глагольные лексемы (в случае общей глагольной семантики для имен активного и неактивного классов, такой как *быть, лежать, падать, двигаться* и др.)³, так и параллельные морфологические показатели глагола, соотносимые с именами активного или неактивного класса.

К остаткам таких древних индоевропейских дублетных глагольных лексем, мотивированных активным и неактивным именными классами, сле-

¹ Таким автономным характером семантической классификации глагола на классы транзитивных и интранзитивных объяснимо то, что во многих языках с противопоставлением глаголов по переходности — непереходности может отсутствовать последовательно проводимая именная классификация (за исключением родовой классификации в ряде языков, не имеющей прямой связи с глагольной переходностью — непереходностью). Следовательно, глагольная классификация по транзитивности — интранзитивности не мотивируется структурой какой бы то ни было классификации именных образований. В этом отношении нельзя принять гипотезы Педерсена (*Pedersen 1905: 129 и след.; 1933; 1938: 80—86*), который предполагал противопоставление в индоевропейском транзитивного и интранзитивного спряжения, связанное с различием эргатива и неэргатива в имени. Эти семантические характеристики именных и глагольных противопоставлений, как у Педерсена, так и у следовавших за ним ученых (см. критику: *Watkins 1969: 66, § 46*), не согласуются с фактами индоевропейских языков, говорящих о позднем возникновении категории переходности — непереходности (*Десницкая 1951*), хотя само формальное противопоставление двух сходных типов в глаголе и имени было Педерсеном замечено правильно (однако неверно семантически истолковано).

² Факты многих древних индоевропейских языков свидетельствуют о вторичности противопоставления глаголов по переходности — непереходности в истории индоевропейского языка, ср. намеченное еще Швицером более древнее деление глаголов на энергетические и анэргетические, перекрывающее противопоставление по переходности — непереходности (*Schwyzler/Debrunner 1950, II*; ср. о сопоставлении с северо-западнокавказским *Schmidt 1973*). Целый ряд глагольных форм, оформившихся в исторических индоевропейских диалектах как переходные или непереходные, реконструируется для более ранних языковых состояний как диффузные глаголы, переходно — непереходные, без признаков последующего их противопоставления по транзитивности — интранзитивности: ср. хет. *ḫark-* 'гибнуть', *ḫarkta* 'погибал' (каузатив *ḫarganu-*, *ḫarnink-* 'губить'), др.-ирл. *-ort < *or-k-t* 'губил', *Десницкая 1951; Иванов 1965: 62*.

³ Ср. дублетные глагольные формы в исторически засвидетельствованных языках активного строя, например, н а в а х о: *ʔi* 'быть (о людях, животных)' // *ʔél* 'быть (о предметах)'; *tiʔ* 'лежать (о людях, животных)' // *-á* 'лежать (о предметах)'; *hááh*, *-ya* 'двигаться (о людях, животных)' // *kə̀əs* 'двигаться (о предметах)', *Reichardt 1951: 352—357*.

дует отнести в первую очередь такие глагольные формы, как и.-е. *es- 'быть' // *b^huH- 'быть'; *ses- 'лежать', 'спать' // *k^hleǵ- 'лежать', *st^hah- 'стоять' // *og- 'стоять', *es- 'сидеть' // *set'- 'сидеть' и другие¹.

Реконструируемые для общиндоевропейского языка два ряда личных показателей глагола, с одной стороны, так называемые первичные и вторичные показатели исторического презенса - аориста *m(i), *s(i), *t^h(i) и исходные показатели исторического перфекта и медиума *-Ha, *t^hHa, *-e² (ср. греч. οἶδ-α, οἶσ-θα, οἶδ-ε, др.-инд. véd-a, vêt-tha, véd-a), с другой, должны быть в конечном счете соотносены с разграничением сочетающихся с глаголом актанта соответственно по активному и инактивному классам. Характерно, что члены приводимых выше глагольных дублетных пар противопоставляются в плане выражения также и по принадлежности к одному из этих рядов:

Ряд *-m(i)	Ряд *-Ha
И.-е. *es- 'быть' (хет. eš-mi 1 л. ед. ч., eš-zi; др.-инд. ás-mi, ás-ti; греч. εἰμί, ἐστί, лат. sum, est; ст.-слав. es-мѣ, es-тѣ);	И.-е. *b ^h uH- 'быть' (др.-инд. 1 л. ед. ч. перф. babhūva 'я был', 'я стал'; греч. πέφῶκα, перф.; лат. fui 'я был', др.-англ. bēom, 1 л. ед. ч. 'быть');
И.-е. *ses- 'лежать', 'спать' (хет. šeš-zi, 3 л. ед. ч. 'спит', др.-инд. sásti 'спит');	И.-е. *k ^h leǵ- 'лежать' (хет. kittari, 3 л. ед. ч. мед. 'лежит' ³ , греч. κεῖται 'лежит', др.-инд. sé-te 'лежит');
И.-е. *st ^h ah- 'стоять' (греч. ἵστημι, 1 л. ед. ч., др.-инд. tíṣṭhati, 3 л. ед. ч., авест. hištaiti, 3 л. ед. ч. 'стоит', ср. хет. tijami 'выступаю');	И.-е. *og- 'стоять'; 'вставать' (хет. arḥaḥari, 1 л. ед. ч., греч. ὄρτο, лат. orior 'встаю');
И.-е. *es- 'сидеть' (хет. eš-zi, 3 л. ед. ч., ср. греч. ἵσταται, др.-инд. áste);	И.-е. *set'- 'сидеть' (др.-инд. sáda, перф.).

¹ Согласно выводам недавних работ Ф. Бадера (Bader 1976: 108), глаголы *es- 'быть', *eǵ- 'идти', *(a)u- 'видеть' (хет. uḥḥi), *et'- 'есть', *ek^hl⁰- 'пить' и некоторые другие первоначально принадлежали к числу инактивных и лишь позднее перешли в серию активных.

² Об исторической связи индоевропейского медиопассива с перфектом см. Kuryłowicz 1932, ср. 1956: 41—44; 1964: 56—89; 1977: 65; Stang 1942: 29 и след.; Watkins 1969: 66—67; Puhvel 1970; Cowgill 1972: 924—925; к индоевропейским окончаниям действительного и среднего залога ср. также Schmalstieg 1976.

³ Ср. ki- в значении 'лежать', 'существовать' с названиями "неодушевленных" семантем: в среднехеттском тексте KBo XV 10 I 8: KÜ.BABBAR GUŠKIN NA₄ ZI.GI NA₄ KÁ.DINGIR.RA NA₄ pa-ra-aš-ḥa-aš NA₄ DU.ŠI NA₄ tu-ul-lu-ri NAGGA URUDU ki-it-ta 'имеется (лежит) (то есть, наличествует) серебро, золото, ляпис-лазурь, вавилонский камень, камень parašḥa-, горный хрусталь, камень lulluri, олово и медь'. В древнехеттском ритуале KBo XVII 1+I 31': še-er-še-me-ta [G]IR ZABAR ki-it-ta 'и над ними (наверху их) бронзовый нож лежит', ср. также хет. na-aš-za a-ar-ši-ki-it ta ṁa-a-tar DINGIRMEŠ-aš e-eš-ri-ja ku-it ki-it-ta-ti 'и он течет (поток), и вода, которая лежит (положена) на образах богов' KUB IX 28, Rs. IV 5—6.

5.2. ДВА РЯДА ГЛАГОЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ: *-mi и *-Ha, СООТНОСИМЫХ С АКТИВНОЙ И ИНАКТИВНОЙ АКТАНТАМИ. ОТРАЖЕНИЕ ЭТИХ РЯДОВ В ХЕТТСКОМ И ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Из двух рядов показателей ряд *-m(i) соотносится, очевидно, с активной актантой, ряд *-Ha — с инактивной. Такая интерпретация этих двух рядов показателей представляется правдоподобной ввиду семантики тех глагольных структур, которые возникают позднее из форм с окончаниями ряда *-Ha в противовес структурам, характеризующимся показателями ряда *-m(i)¹. Индоевропейские структуры, характеризовавшиеся показателями ряда *-Ha, лежат в основе перфектных и медиальных образований в большинстве индоевропейских диалектов, а также в глагольных структурах спряжения на -hi/-ha в анатолийских языках.

Первоначальной функцией индоевропейского перфекта было выражение состояния объекта (которое возникало в результате предшествующего действия), ср. гом. *ἔοικα* 'быть похожим', *ἔδωδα* 'пахнуть' (Chantraine 1927). Тем самым устанавливается естественная формальная и семантическая связь между образованиями перфекта с окончаниями *-Ha, *-th)Ha, *-e и индоевропейским медиопассивом, ср. греч. гом. *ἔστηκα* 'я стою' при *ἵσταμαι* 'я встаю, становлюсь'; *ἐγρήγορα* 'бодрствую' при *ἐγείρομαι* 'я пробуждаюсь' (Wackernagel 1924: 168). Характерно, что хеттское спряжение на -hi ориентировано преимущественно на передачу тех глагольных окончаний, которые в других языках передаются соответствующими формами медиопассива, ср. хет. *paḥḥašhi* и лат. *pāscō* 'пасу', хет. *arhi* 'достигаю' и лат. *orior* 'встаю' (Rosenkranz 1953 и 1958).

Совершенно очевидна историческая связь в хеттском окончаниях спряжения на -hi: 1 л. ед. ч. -hi, 2 л. -ti, 3 л. -i (наст. вр.), 1 л. -hun, 2 л. -ta, 3 л. -ta (пр. вр.) с окончаниями медиопассива: 1 л. ед. ч. -haḥa(ri), 2 л. -ta(ti), 3 л. -ta(ri).

Такое развитие в индоевропейских диалектах глагольных структур с окончаниями на ряд *-Ha является довольно недвусмысленным указанием на первоначальную функцию глагольных показателей этого ряда.

¹ След морфологического противопоставления имен активного и инактивного классов можно было бы видеть и в парадигмах спряжения некоторых индоевропейских глагольных форм, в частности глагола *es- 'быть'. Выше этот глагольный корень был квалифицирован как лексически соотносенный с именами активного класса и характеризуемый морфологически спряжением на *-mi, в противовес корню *b^[h]uH-, лексически соотносимому с именами инактивного класса и характеризующемуся спряжением на *-Ha. Однако наличие ряда морфологических структур глагола *es- в отдельных индоевропейских диалектах может указывать и на древнее противопоставление данной лексемы по активу—инактиву в зависимости от типа спряжения на *-mi и *-Ha. Такие реликтовые формы на *-Ha можно видеть в формах типа лув. *ašha* 'я был' и др. (ср. Bader 1976), если эти формы не представляют позднейшего новообразования в отдельных индоевропейских диалектах.

Это были первоначально особые маркеры в глагольной форме, соотносимые с актантами инактивного класса, в противовес окончаниям ряда **-mi*, являвшимся своего рода экспонентами именных образований (актант) активного класса.

Семантическая интерпретация глагольной парадигмы, оформляющейся окончаниями **-Ha*, **-tʰNa*, **-e* при именах инактивного класса, позволяет судить об ее более позднем характере по сравнению с глагольной парадигмой ряда **-mi*.

Ввиду семантических особенностей глагольной структуры при именах инактивного класса парадигма эта должна была быть дефектной по сравнению с глагольной парадигмой ряда **-mi*. Дело в том, что семантика имен инактивного класса исключает в глагольных структурах ряда **-Ha* глагольные формы 1-го и 2-го лиц, представляющих собой участников акта коммуникации¹, которыми не могут быть представители инактивного класса ввиду их особой семантической специфики. Следовательно, инактивная одновалентная глагольная парадигма характеризовалась изначально лишь единственной формой 3 л. ед. ч. на **-e*, которая не противопоставлялась особым формам 1-го и 2-го лица. Глагольная форма 3-го «лица» являлась, тем самым, структурно безличной формой, не знавшей парадигматических противопоставлений по лицам.

Какая-либо синтагма *In — V-e*, предполагаемая для древнейшего индоевропейского состояния, должна была представлять собой в сущности предикативную адъективную конструкцию, выражавшую состояние или качество денотата имени инактивного класса. Предикат в такой синтагме мыслится не как собственно глагольная форма, а как адъективное (именное) образование в предикативной функции. Так, например, индоевропейская инактивная синтагма типа **ak^[h]men k^[h]ej-e* «камень лежит»² или **uot'ort^[h] p^[h]He* «вода широка», **neb^[h]es-leuk^[h]-e* «небо светлое» содержала предикативный элемент, который в равной мере можно интерпретировать либо как безличный глагол (то есть глагольную форму, не противостоящую другим лицам), либо как адъектив в функции предиката.

Именно к этой структуре предиката в таких инактивных конструкциях восходят отмечаемые Куриловичем (*Kurylowicz 1956: 44*) наиболее архаичные формы прилагательных на **-e/o* типа **leuk^[h]-e*, а также адъективные элементы на тематический гласный **-e/o* в сложных словах типа хет. *šallakard-* «большое сердце» [в производном глаголе *šallakardai-* «причинять вред (или сердить) высокомерием»], хет. *pattar-palḫi-* «ширококрылое» (буквально: «крыло — широкое»), ср. лат. *palūs*, род. п. *palūdis* «болото», рус. *половодье*, *Трубачев 1972*.

Возникновение полной парадигмы глагольных форм в конструкциях

¹ О 1-м и 2-м лицах как участниках акта коммуникации в отличие от 3-го лица как объекта коммуникации см. *Benveniste 1966a*; ср. также *Benveniste 1974*; *Jakobson 1971b*, II: 130 и след.

² Ср. др.-хет. *linkija kattan kija* «клятве подлежит», KUB XXXVI 109, 11 (*Watkins 1969: 86*, § 68).

с именами инактивного класса с оппозитивными формами 1-го, 2-го и 3-го лица следует отнести к более позднему периоду и приписать влиянию парадигм с двухвалентными глагольными структурами в сочетании с именами активного и инактивного классов в функции соответственно *Agens*'а и *Patiens*'а. При оформлении двухвалентной глагольной структуры обеими актантами из класса активных имен в функции соответственно *Agens*'а и *Patiens*'а глагольная структура присоединяла к себе окончания ряда **-mi* в качестве показателей имен активного класса.

Можно реконструировать следующую парадигматическую модель спряжения двухвалентных глагольных структур при активных актантах:

	<i>Agens</i>	<i>Pred.</i>	<i>Patiens</i>
1 л.	<i>A</i>	— <i>V-mi</i> —	<i>A¹ⁿ</i>
2 л.	<i>A</i>	— <i>V-si</i> —	<i>A¹ⁿ</i>
3 л.	<i>A</i>	— <i>V-ti</i> —	<i>A¹ⁿ</i>

Человек убивает зверя

Такая парадигма древнего индоевропейского спряжения хорошо засвидетельствована во многих индоевропейских диалектах.

Однако, наряду с такой парадигмой двухвалентных глагольных структур с обеими исключительно активными актантами, в индоевропейском должны были быть представлены, естественно, и такие синтагматические структуры, в которых двухвалентная глагольная форма сочеталась с одной из актант инактивного класса в качестве *Patiens*'а, при активной актанте в качестве *Agens*'а, примерно типа: **человек кладет камень**. В языке, строго разграничивающем активный и инактивный классы имен, такая конструкция должна была, естественно, отразиться в глагольной структуре иначе, чем в конструкции с обоими актантами активного класса.

Такое структурное отличие выразилось в синтаксических конструкциях второго типа посредством присоединения к глагольной форме другого ряда показателей, отличного от ряда **-mi*, а именно суффиксов 1-го л. **-Ha*, 2-го л. **-t^[h]Ha*, 3-го л. **-e*, являвшихся как бы показателями представленной в синтагме инактивной актантами:

	<i>Agens</i>	<i>Pred.</i>	<i>Patiens</i>
1 л.	<i>A</i>	— <i>V-Ha</i> —	<i>In</i>
2 л.	<i>A</i>	— <i>V-t^[h]Ha</i> —	<i>In</i>
3 л.	<i>A</i>	— <i>V-e</i> —	<i>In</i>

Суффикс **-e* в этой парадигме, очевидно, тот же показатель, что и формант **-e* в одновалентных глагольных формах с инактивной актантами. Тем самым можно утверждать, что в синтагме *A—V-e—In* глагольная форма содержит в себе экспонент инактивной актантами, выступающей в функции *Patiens*'а.

Аналогичным образом следует интерпретировать в приведенной парадигме показатели 1-го л. **-Ha* и 2-го л. **-t^[h]Ha*. Формант 2-го лица **-t^[h]Ha*, в котором, по-видимому, выделяется элемент **-Ha*, совпадающий с показателем 1-го лица **-Ha*, является сложным образованием на **-t^[h]-Ha*,

где элемент $*-t^{h1}$ указывает на активную актанту 2-го лица (ср. основу с $*t^{h1}$ в личных и притяжательных местоимениях: хет. *zik*, вин. п. *tuk* 'ты', *-ta* 'тебе, тебя', *-tiš* 'твой', *-tet* 'твое', др.-инд. *tvám*, лат. *tē* и др.), а элемент $*-Ha$ является экспонентом актанты инактивного класса, выступающей в такой синтагме в качестве *Patiens'*а. Этот же показатель представлен и в окончании глагольной формы 1-го лица $*-Ha$ при структурном нуле ($\emptyset$) в качестве показателя активной актанты, выступающей в функции *Agens'*а¹.

Следовательно, структуру 1-го лица

A — $V-Ha$ — In

следовало бы переписать как

A — $V-\emptyset-Ha$ — In

при структуре 2-го лица

A — $V-t^{h1}-Ha$ — In

Описанная выше парадигма двухвалентных глагольных форм с активной и инактивной актантами наиболее полно сохранилась в хеттском языке в типе переходных глаголов спряжения на $-hi$.

Еще в историческую эпоху развития анатолийских языков, в частности древнехеттского, можно видеть определенную тенденцию употребления переходных глаголов на $-hi$ с прямым дополнением неодушевленного (среднего) рода. Такие переходные глаголы спряжения на $-hi$, как *da-* 'брать', *dai-* 'класть', *rai-* 'давать', *meta-* 'говорить', *nai-* 'поворачивать', 'посылать', 'вести' и др., выступают с прямым объектом преимущественно в среднем роде. В этом проявляется явная связь таких конструкций с древнейшими индоевропейскими конструкциями с глагольной формой на ряд $*-Ha$ при инактивных актантах:

Ср. в древнехеттском: *GIŠTUKULHI.A-uš-šu-uš-ta ZAG.LU-za da-aḫ-ḫu-un nu-uš-ma-aš* ^{GIŠ X} *pí-iḫ-ḫu-un* 'оружие их с плечей я взял и им дал (нечто из дерева)', *Tel.*, *BoTU* 23 A II 30; *[na]-at-ta-aš-ta ku-it-ki ku-e-da-ni-ik-ka da-aḫ-ḫu-un* 'я ни от кого ничего не взял(а)', *BoTU* 14a, *Rs.* 4²;

nu-uš-ša-an KUR-e še-er KUR-e te-eḫ-ḫu-un 'и я ставил страну на страну' (*HAB*, *BoTU* 8 III 15); *ke-e-ša-an ḫu-u-ma-an-d(a)* [*plád-pa-ni-i te-e-eḫ-ḫi* 'все это я кладу в корзину', *KBo* XVII 1 IV 20—21.

¹ К типологии в активных языках ср. *Климов* 1973: 222.

² Ср. употребление в хеттском глагола спряжения на $-mi$: *ep-* 'хватать', 'брать' (др.-инд. *āpnóti* 'достигаю', прич. *āptá-*; ст.-лат. *co-ēpi* 'начал', лат. *apīscor*, *āptus* 'достигать') преимущественно с именами одушевленного рода, ср. в древнехеттском: *LUGAL-ša-an e-ip-pi-un* 'я, царь, его схватил', *HAB*, *BoTU* 8 II 8; *LÚNÍ.ZU-an na-at-ta e-ip-zi* 'он его не поймает как вора' (*XЗ*, § 66, *KBo* VI 2 III 50); *nu LUGAL-un e-ip-pir* 'и царя схватили', *KBo* XII 14, *Rs.* 6; *ma-a-an* [*MUSEN ḫa-a-ra-na-an ḫu-š(u-ya-an-da-an ap-ra-an-zi)*, *KBo* XVII I+II 19 'если орла живым они схватят'.

URU *Ša-la-ti-ua-ra me-e-ni-me-et ne-e-eh-[hu-un]* 'я повернул свое лицо к городу Салативара', BoTU 7, 58; A.NA ^{GIŠ}GIGIR-*ia-kán* ^{GIŠ}GIGIR *me-ek-kán ne-eh-hu-un* 'и к колесницам много колесниц я направил' (то есть 'я значительно увеличил число имевшихся колесниц'), KUB XXXVI 98b, Rs. 11.

Полная парадигма на ряд **-Ha*, выступающая с двухвалентными глаголами при неактивной актанта, которая в качестве глагольной формы 3-го лица включает форму на **-e*, выступающую в функции безличного одновалентного глагольного образования с неактивной актанта, формируется впоследствии в особый тип спряжения с преимущественно неактивной семантикой (отражающей первоначально участие в передаваемом глаголом процессе неактивной актанта). В результате этого такая глагольная парадигма (то есть глагольные формы ряда **-Ha*) переносится на моновалентное глагольное спряжение с неактивной актанта.

Этот процесс, очевидно, свидетельствует о нарушении строго бинарного принципа классификации индоевропейских имен на активные и неактивные и переосмыслении их в качестве некоторых грамматических согласовательных групп именных образований без различения их по семантическому признаку активности или неактивности. Этот процесс в свою очередь приводит к последующему перераспределению имен внутри этих групп.

Таким образом, из безличной одновалентной "глагольной" парадигмы *In V-e* возникает полная парадигма с различением глагольных форм по трем лицам (см. примеры выше):

1 л. ед. ч.	<i>In</i>	<i>V-Ha</i>
2 л. ед. ч.	<i>In</i>	<i>V-th^hHa</i>
3 л. ед. ч.	<i>In</i>	<i>V-e</i>

Понятно, что символ *In* в такой парадигме уже не имеет своего первоначального значения как выражающий представителя исключительно класса неактивных имен. Этот символ скорее указывает на историческую связь актанта в подобной глагольной парадигме с именными образованиями неактивного класса.

Такая индоевропейская парадигма одновалентного глагола ряда **-Ha* (так же как и парадигма двухвалентного глагола ряда **-Ha*) отражается непосредственно в хеттских непереходных глаголах спряжения на *-hi*: ср. хет. 1 л. ед. ч. *arhi* 'достигаю', 2 л. *arti*, 3 л. *ari*; 1 л. *gangahhi* 'я вишу', 3 л. *gangi*¹.

5.3. ИСТОРИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ПЕРФЕКТА И МЕДИУМА

Возникшая в индоевропейском одновалентная парадигма ряда **-Ha* при актантах, отражающих исторически класс неактивных имен, передает значение глагольной структуры, выражающей специфическое состоя-

¹ К спряжению на *-hi* в хеттском и его месте в системе индоевропейского спряжения см. также Cowgill 1979; Jasanoff 1979; Kuryłowicz 1979; Lindeman 1979; Kammenhuber 1980.

ние субъекта действия (или состояния). Из этого общего значения постулируемой индоевропейской глагольной парадигмы могли возникнуть в дальнейшем в отдельных индоевропейских диалектах такие центростремительные глагольные структуры, как индоевропейские перфектные и медиопассивные образования (ср. Jamison 1979; 1979a).

Древнейшей функцией индоевропейского перфекта, восстанавливаемой по данным древних индоевропейских диалектов, было выражение состояния (в частности психического) или свойства, характерного для соответствующей актанты (ср. Перельмутер 1977: 5 и след.). При этом частым формальным средством, противопоставлявшим исходную основу перфектной, становится редупликация в некоторых диалектах: ср. греч. μέμολα 'желать', лат. *memini* 'помнить', гот. *man* 'полагать'; греч. οἶδα, др.-инд. *véda*, гот. *wait* 'знать'; лат. (g)*nōui*, гот. *kann* 'знать'; др.-инд. *dadhārṣa*, гот. *ga-dars* 'осмеливаться'.

Характерным значением для перфектных образований в индоевропейском является выражение звучания, приписываемого данному денотату. Тем самым такие глагольные структуры выражают свойство описываемого объекта — издавать характерные звуки.

Перфектное происхождение "глаголов звучания" в индоевропейском объясняет их редулицированные формы и огласовку в исторических диалектах, ср. греч. гом. τέτρυχα 'щебетать', γέγυυα 'кричать, быть слышным', μέμολα 'мычать', βέβρυχα 'реветь', 'рычать' и другие, Перельмутер 1967: 90, 93—94¹ (к архаическим формам индоевропейского перфекта ср. также Adrados 1963: 100 и след.).

Та же парадигма инактивных глагольных форм ряда *-*Ha* лежит в основе древнейшего индоевропейского медиума с окончаниями 1-го л. *-*Hai*, 2-го л. *-*ihHai*, 3-го л. *-*ei*, первоначальным значением которого было выражение центростремительного действия в противоположность действию вовне. Такое значение медиальных глагольных структур легко выводимо из первоначального инактивного значения глагольной парадигмы *-*Ha*.

Подобные медиальные структуры хорошо сохранились в отдельных индоевропейских диалектах, ср. хет. 1-е л. *ešḫaḫari* 'сажусь', 2-е л.

¹ Ср. отражение характерных особенностей древних глагольных форм, развившихся в перфект, и в огласовке соответствующих редулицированных глаголов типа хет. *pariparai* 'он играет (на духовом инструменте)' (спряжение на -*hi*, Watkins 1969: § 7, 31; там же сравнение с др.-инд. *saniṣvaṇat* 'звучит', RV VIII 69, 9, ст.-слав. *glagoljǫ* < *golgol-jo 'глаголю, говорю', ср. о глаголах звучания и говорения спряжения на -*hi* также Cowgill 1972); ср. огласовку *o* в формах типа слав. *stonjǫ (рус. *стону*) при вед. 3 л. ед. ч. нъюнктива *stan* 'гремит гром', *so-pǫ (рус. *соплю*), *pojǫ (рус. *пою*), *godǫ (рус. *гужу*), Meillet 1906; Stang 1942: 41—43 и 103; Schmid 1963: 71 и 73; Stang 1966: 312; ср. слав. *tortoriti > чеш. *tratořiti*, рус. *тараторить* при лув. *tatarija-* 'проклинать': хет. *tar-* 'говорить', van Brock 1964: 141; Иванов 1968: 242—248. В качестве типологической параллели можно указать на наличие особого грамматического класса глаголов звучания в енисейских языках, в частности кетском (Крейнович 1968: 114—121; Иванов 1970).

eštari, 3-е л. *ešari* // *eša* 'он садится', 1-е л. *ašḥaḥari* 'стою', 2-е л. *artati* // *artari*, 3-е л. *artari* // *arta*; др.-инд. *bruv-é* 'я говорю', авест. *mruy-ē*, ст.-слав. *věd-ě* 'я знаю' (ср. *Kuryłowicz 1965a: 54*; ср. перфектные формы с тем же значением: греч. *οἶδα*, др.-инд. *véda*); лат. *teminī* < *temenai 'помню' (ср. перфектные формы с тем же значением: греч. *μέμνηα*, гот. *man*), ср. слав. *mīni(tū)* 'мнит' (см. о типе на *-i-* в славянском *Kuryłowicz 1965a* и *1973b: 143*; *Иванов 1968*), лит. *mīni* 'мнит'¹.

5.4. СУФФИКС *-nt^[h]- КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СООТНЕСЕННОСТИ ИМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ С АКТИВНЫМ КЛАССОМ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРИЧАСТНОЙ ФОРМЫ НА *-nt^[h]- В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

В древнейшей индоевропейской системе с бинарной классификацией имен на активные и инактивные отглагольные имена образовывались путем присоединения к глагольной основе специфических суффиксов, номинализирующих глагольные основы и относящих при этом оформленную именную основу к активному или инактивному классу имен.

Одним из самых распространенных именных суффиксов в такой функции выступает формант *-^[o/e]nt^[h], ставший своего рода маркером класса активных имен в отличие от суффикса *-r, образовывавшего отглагольные именные основы инактивного класса.

Наглядные примеры таких именных образований представляют отглагольные именные формы *(e)t'-ont^[h]- и *et'-r-, соотносимые соответственно с активным и инактивным классом (от глагольного корня *et'- 'есть, кушать').

Именная форма *(e)t'-ont^[h]- принимает в исторических языках активное значение 'едящий' → 'зуб': хет. *adant-* 'едящий'², ст.-слав. *ěd-ęt-* 'едящий', др.-инд. *da(n)t-*, авест. *dantan-*, греч. *δδών*, арм. *atamn*, лат. *dēns*, др.-ирл. *dét*, гот. *tunþus*, др.-в.-нем. *zand*, лит. *dantis* 'зуб'³. К такому именному образованию восходит отраженный во всех индоевропейских диалектах тип индоевропейского активного причастия на *-nt^[h]-.

В противовес таким формам выступает образование от того же глагольного корня на *-r с явно инактивной семантикой: хет. *etri* 'еда, корм для скота' (КВо X 37 II 17, *Goetze 1962: 30*), ср. греч. гом. *εἶδαρ*, р. п.

¹ По предположению Бадера (*Bader 1975; 1976*), "залоговое" противопоставление на раннем этапе развития индоевропейского праязыка выражалось тематическими формами на *-e/o-, имевшими значение "среднего" залога. В свете данных о связи *-e/o- с первоначальными инактивными формами глагола скорее нужно предположить, что формы на *-e/o- могли быть в древности инактивными.

² Существенно, что образования на *-nt^[h] обозначали первоначально имена активного класса. Это отражается и позднее уже при образовании собственно партиципальных форм на *-nt^[h] разных родов. Даже возникшие позднее пассивные причастные формы на *-nt-* сохраняют явную связь с исторически активным классом имен, соотносясь преимущественно с одушевленными семантемами, ср. хет. *arpanz(a)* 'схваченный, пленный', лат. *sōns* 'достойный наказания' и др.

³ Ср. о связи названия 'зуба' с *et'- 'есть' *Kořinek 1934: 151*, примеч. 429; *Иванов 1968: 238—239*; *Oettinger 1979: 89*, примеч. 14.

εἶδατος 'еда как объект, который приносят', Chantraine 1964 : 16; лит. *ėdrà* 'корм для скота'.

Аналогичное противопоставление именных основ первоначальному активу—инактиву от общего глагольного корня представлено также в хет.-*ašant-* 'сущий, истинный' (ср. др.-инд. *sánt-* 'существующий, истинный', авест. *hant-*, греч. τὰ βυτα 'истина', лат. *sōns* 'виновный, достойный наказания, преступник', ср. *Benveniste 1966a: 160, 188; Бенвенист 1974*; др.-исл. *sannr* 'истинный', др.-англ. *sōð* 'правдивый, действительный'), ср. хет. *ešri-* 'образ, изображение', 'облик' (*Иванов 1968: 233—234*).

Этот же показатель *-nt^hl- применяется в дальнейшем не только для активной номинализации глагольных основ, но и для активации именных форм инактивного класса — для преобразования инактивных имен в имена активные:

In+*-nt^hl-* → *A*

Такое образование на *-nt^hl- является формальным выражением семантического процесса активации (персонификации или одушевления) изначально классификационно инактивных имен. Этот формально-семантический акт трансформации изначально инактивных имен наиболее наглядным образом отражен в хеттских образованиях общего рода на *-nt-* от соответствующих форм среднего рода в конструкциях с переходными глаголами на *-mi*¹ (*Laroche 1962; Tchekhoff 1978*):

Средний род	Общий род
<i>uatar</i> (род. пад. <i>uetenas̄</i>) 'вода'	⇒ <i>uenant-</i> 'вода' (как активное начало): <i>kuedani-u uddani uanun numi TUL-</i> <i>-anza pinušdu uenenanza</i> 'по какому-де делу я пришел, пусть меня источник спрашивает (и) 'вода';
<i>ešhar</i> (род. пад. <i>ešhanaš</i>) 'кровь'	⇒ <i>ešhanant-</i> 'кровь' (как активное начало): <i>ešhananza ešhanaš inan karapzi</i> 'кровь снимает болезнь крови';
<i>šeḫur</i> (род. пад. <i>šeḫunaš</i>) 'моча'	⇒ <i>šeḫunant-</i> 'моча': <i>man-an-za-kán šeḫunanza-pát tamašzi</i> 'если моча его сама по себе давит...';
<i>uttar</i> (род. пад. <i>uddanaš</i>) 'слово'	⇒ <i>uddanant-</i> 'слово' (как активное начало): <i>na-at-za ammel uddananteš tarahḫir</i> 'и их мои слова покорили';

¹ В конструкциях аналогичной семантики от некоторых имен среднего рода образуются активные формы путем сложения со вторым элементом *-šera-*, ср. *tekan* 'земля' (ср. р.), но *dagan-zira-* 'земля' как персонифицированный 'Дух Земли' (ср. тот же второй элемент в именах богов типа *Kamru-šera-*, *Laroche 1947; Hanta-šera-* 'Дух лба', *Kammenhuber 1961b: 185; Čop 1960*); ср. в том же тексте "Заклятия огня": *IŠ.TU SU-ma-kán GIG.SU MI-iš KI-an-zi-ra-aš kar-ap-du* 'рукой же болезнь его Темная Земля да отбросит', KUB XVII 8 IV 9 и др.; хет. *-šera-* возводится, вероятно, к и.-е. *sebh^hlo-, отраженному в ст.-слав. *sobí* 'особенность', рус. *о-соба*, прус. *subs* 'сам' и т. д.

<i>utne</i> 'страна'	⇒ <i>utnejant-</i> 'страна': <i>utneanza kurur erzi</i> 'страна начинает враждовать';
<i>periš</i> 'небо'	⇒ <i>perišant-</i> 'небо' (как активное начало): <i>na-an-za še-er ne-pi-ša-an-za tar-aḥ-du</i> 'и ее (болезнь) вверху Небо да победит' (KUB XVII 8 IV 9, "Заключение огня богини Камрусепы").

Следы аналогичных трансформаций можно видеть и в других индоевропейских диалектах в формах типа др.-инд. *himá-*, ср. р. 'снег' → *hemantá-* 'зима', м. р. Форма среднего рода со значением 'зима' представлена, по-видимому, в древнем образовании локатива *hēman* 'зимой'. Исходную форму среднего рода можно реконструировать в виде формы $*\tilde{g}^{[h]}ejm-om$, ср. греч. $\chiειμων$, трансформируемой в активную форму $*\tilde{g}^{[h]}ejm-ont^{[h]}$, которая представлена в др.-инд. *hemantá-*, хет. *gimmant-* 'зима' (Benveniste 1962b). Наличие в хеттском формы дат.-лок. *gimmi* 'зимой' (KUB XIII 2 IV 223), *gemi* (KUB XIII 1 IV 12; XXX 37 I 9, 11), *gimi* (IBoT II 6 II 10), Goetze 1951: 467, предполагает исходную хеттскую форму ср. р. $*geman$ (ср. хет. *pedan* 'место' при дат.-лок. *pidi*), сопоставляемую с др.-инд. *hēman*, греч. $\chiειμων$.

Аналогичное соотношение следует реконструировать в индоевропейском и для форм ср. р. греч. $\xiαρ$ 'весна', лат. *uēr*, др.-инд. *vasar-* 'весной' (лок.), при формах "одушевленного" рода на $*-nt^{[h]}$ в др.-инд. *vasantá-* 'весна' м. р. (ср. тот же суффикс при другой основе в хет. *ḥammešḥant-* 'весна' при *ḥamešḥi* 'весной', лок. *man ḥamešḥi*, KUB X 27 I 22, *ḥamešḥi kišari*, KUB XIII 32, Rs. 7).

5.5. ГЛАГОЛЬНЫЕ ОКОНЧАНИЯ $*-nt^{[h]}$ И $*-r-$ И ОФОРМЛЕНИЕ ПАРАДИГМЫ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ГЛАГОЛА

Окончания $*-nt^{[h]}$ и $*-r-$, выделяемые для отглагольных именных образований соответственно активного и инактивного классов, можно увязать с показателями 3-го л. множественного числа в двух рядах глагольных форм — соответственно в формах ряда $*-mi$ и ряда $*-Ha^1$.

В формах ряда $-mi$ в 3 л. мн. ч. представлен показатель $*-e/o^{[h]}nt(i)$: хет. *ašanzi* 'они суть', *arriñanzi* 'они приводят', ср. лув. *armaminti*, 3 л. мн. ч., вед. *yujānti* 'они связывают', *ṛjvānti* 'они двигаются', греч. $\tauύουσι$ 'они платят', лат. *sunt*, *ferunt* 'несут', ст.-слав. *berotǔ*;

Др.-инд. *āsan* 'они были' (< $*a-asant$), греч. $\etaεν$ (< $*e-es-ent$), авест. *gətan* 'они пришли', тох. В *kamən*, лув. *nakkuššaunta* 'они заменили'.

¹ В этом смысле любопытна хеттская финитная глагольная форма 3-го л. мн. ч. на $*-nt^{[h]}i > -nzi$ и причастная форма на $-nt-$ в предикативной функции от глагола *ak-* 'умирать, гибнуть', что могло бы иллюстрировать типологически возможную историческую связь таких структур; ср. *li-e ak-kán-zi* 'пусть они не умирают—пусть они не будут убиты', KBo III 23 I 8', и 2 DUMU^{MES} *ak-kán-te-eš* 'двое сыновей умерли', Rud. I 24(4'); ед. ч. *akkanza* 'умерший' в значении 'умирает, умрет' (Kammenhuber 1973, 1, *ak-*, 26—32).

В формах ряда *-*Ha* в 3 л. мн. ч. представлен показатель *-r*, ср. ст.-лат. формы 3 л. мн. ч. перфекта *fecēre* 'делали', *fuēre* 'были', *serēre* 'брали', хет. *akir* 'умерли — были убиты' (BoTU 17 A, Rs. 38), *arir* 'достигли' (KUB XXVI 101 II 4), *ašešir* 'поселились' (HAB, BoTU 22 A I 11, 12 A II 25, 26), *ti-i-e-er* 'они поставили' (Tel., BoTU 23 A I 21), др.-инд. перфект *dadhūh* 'они поставили', ср. *ā-dh-ur* 'id.'

В хеттском языке (в отличие от лувийского) окончание 3-го л. мн. ч. *-er* ряда *-*Ha* проникает и в парадигму претеритных форм глагола спряжения на *-*mi*, вытесняя первоначальное окончание *-*ant*-. ср. *ešer* 'они были', *eter* 'они ели' при лув. 3 л. мн. ч. претерита *nakkuššaunta* 'они заменили'.

Аналогичное парадигматическое выравнивание, нарушившее первоначальное распределение, происходит и в древнеиндийском: в большинстве глагольных форм кроме тематического типа вторичное окончание заменяется окончанием *-uḥ* < *-ur* (ср. Thumb/Hauschild 1959, II : 204, § 427, IIb; Watkins 1969 : § 21, 42).

Окончания множественного числа 1-го и 2-го лица в парадигмах как ряда *-*m(i)*, так и ряда *-*Ha* реконструируются суммарно в виде формантов *-*me*- и *-*th^he*- с многочисленными вариантами в различных исторических диалектах:

	Хет.	Вед., др.-инд.	Греч. ион.	Лат.	Ст.-слав.
1 л.	<i>eš-ḡen(i)</i>	<i>s-más(i)</i>	<i>εἶ-μέν</i>	<i>su-mus</i>	<i>jesmŭ</i>
2 л.	<i>eš-ten(i)</i>	<i>s-thá(na)</i>	<i>ἔσ-τέ</i>	<i>es-tis</i>	<i>jeste</i>
3 л.	<i>aš-anzi</i>	<i>s-ánti</i>	<i>ἐντί</i> (дор.)	<i>s-unt</i>	<i>sotŭ</i>

Эти окончания *-*me*- и *-*th^he* проявляют ясную связь с местоименными образованиями 1-го л. на *-*m*- и 2-го л. на *-*th^h*-, в чем и сказывается прономинальное происхождение этих глагольных окончаний. В хеттском наряду с окончанием 1-го л. мн. ч. *-ḡen(i)* выделяется в той же функции и окончание *-men(i)*: *arnumeni* 'приносим', *pí-e-tu-me-ni* (KBo XVII 1 32 (1), II 29 (6), 43(1)), *tu-me-e-ni* 'берем' (KBo XVIII 1 III 44, IV 25, KUB XIII 35 IV 6, KUB XVII 8 IV 17, 22, ср. при этом *daḡeni*, KUB XVI 16 II 20, *daḡani*, KUB XII 63 II 3), *ḡa-aḡ-nu-me-ni*, KBo XVII 1 II 35.

Ввиду местоименного происхождения этих индоевропейских глагольных окончаний не исключена возможность интерпретации параллельных хеттских формантов *-ḡen*, *-men* как отражения двух местоименных форм: 1-го л. инклюзивного *-*me*- и эксклюзивного *-*me*-, см. выше, стр. 291 и след.; ср. Watkins 1969 : 46—48.

В хеттском эти функционально дифференцированные окончания перераспределяются по определенному фонетическому признаку, так что с синхронной точки зрения уже в древнехеттском они выступают как два фонетически обусловленных варианта общей морфемы 1-го л. мн. ч.: с *-m*- после основ, оканчивающихся на *-u*-, с *-ḡ*- в других позициях (Sturtevant 1942). Следы первичного функционального распределения можно было бы видеть лишь в отдельных глаголах спряжения на *-ḡi* (ср. Dressler 1968).

5.6. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ АКТАНТ В ГЛАГОЛЬНОЙ ФОРМЕ. РЕДУПЛИКАЦИЯ, СУФФИКС *-šk[ʰ].

Глагольные окончания множественного числа, восходящие к личным местоимениям 1-го и 2-го лица, а также к древнейшим показателям отглагольных форм активного и пассивного классов, представляются сравнительно поздними образованиями, выразившими множественность активной или пассивной актанты.

Такому флективному выражению множественности путем особого суффиксального показателя в глагольной форме должно было предшествовать словообразовательное выражение множественности актант посредством разных деривационных модификаций глагольной основы, следы чего можно обнаружить в ряде исторических индоевропейских диалектов и в особенности в древнейших из них — анатолийских языках. Подобный рудиментарный характер деривационного выражения множественности может служить дополнительным аргументом в пользу его древности. Такое глагольное выражение множественности типологически синхронно тому состоянию индоевропейского языка, когда множественность обозначаемого именем референта не выражалась особым морфологическим показателем в самом имени¹.

Одним из основных средств выражения в глагольной форме множественности актанты путем деривации была, судя по реликтовым данным анатолийских языков, редупликация начального согласного основы, приводящая формально к совпадению с глагольной основой, выступающей позднее в перфектных структурах. Характерно при этом, что редуплицированная глагольная форма, выражающая множественность, соотносится, как правило, с исторически пассивной актантой в одновалентных глаголах (субъект при непереходных глаголах в хеттском) или со структурным пассивом (прямое дополнение при переходном глаголе в хеттском) при двухвалентных глаголах. В этом проявляется функциональный архаизм этого способа выражения множественности, ориентирующегося на исторически пассивную актанту одновалентной или двухвалентной глагольной конструкции:

Ср. хет. IZKIM^{HI.A} HUL^{HI.A} *kikkištari* 'дурные предзнаменования свершатся' (IBoT I 331 след.);

n-aš-šan katta damedas A.NA GAL^{HI.A} leḥḫūai 'и он наливает (вино) в другие чаши', ABoT 7 V 8 след. (ср. в том же тексте: *nu-ššan A.NA GAL LUGAL leḥḫūai* 'и в чашу царя наливает');

nu-ṣar-aš-ta EGIR-ra kuit ʕeʕakkinun 'и-де их у тебя так как назад я просил', AM, KBo III 4 II 10 след. (ср. *nu A.NA ABI.IA DUMU*).

¹ В этой связи следует также обратить внимание и на давно отмеченные факты наличия в индоевропейском глаголов *pluralia tantum* (Meyer 1909, там же типологическое сравнение с убыхским), ср. Knobloch 1955: 214—215, который высказывает предположение о наличии особых сингулятивных деривационных форм в суффиксе *-k-* ед. ч. аориста глаголов *tīdḫm, dīdḫm, iḫm*, ср. Knobloch 1951a.

ŠU LUGAL-*uiznanni anku Ʒekir* ‘и у отца сына его на царствование прямо просили’, Pestgebete, II § 4);

nu GIŠ^{ur}*aršaman mahḥan lukkanzi našta anda 4-taš ḥalḥaltumariaš lalukkišzi* DMAḥ-*ni-ja-kan* A.NA ZI.KA *karateš-teš-a anda QA.TAM.MA lalukkišdu* ‘и как хворост жгут (*lukkanzi*), и 4 стороны света он освещает (*lalukkišzi*), так и Богиня-Мать жизнь твою и внутренности твои пусть освещает (*lalukkišdu*)’, KUB XXXIII 51 5—7;

ḥuḥappaš-a-kan LÚ^{MES}-*uš* GIŠ-*ru man lilakki* ‘и злых людей подобно дереву сгибает’, KUB XXIV 8 I 3;

10 MĀŠ.GAL *nanniḫanzi* ... ‘и 10 козлов ведут’, KUB XI 23 V 16; *na-aš-ta ŠA KUR* URU^A-*aš-šū-ua* 2 SIG₇ ERÍN^{MES} Ū 6 ME LÚ^{MES} *iš-me-ri-ja-aš* EN^{MES}-*uš ta-at-ra-aḥ-ḥa-aš* ‘и он призвал к восстанию 10.000 воинов и 600 колесничих страны Ассува’ (KUB XXIII 11 III 5—6), ср. *tarḥ-* ‘побеждать, принуждать’.

Особенно показательны в этом отношении древнехеттские формы с пассивным значением: 2 LÚ^{MES} *ḥulḥulijanteš* ‘2 человека сражены (мертвы), BoTU 14 12 (*van Brock 1964: 135*); *nu* URU^{DIDL}-*ḫi-a* GAL.GAL.TIM *tittijanteš ešir* ‘и большие города были основаны (или объединены?)’, *Tel.*, 2 BoTU 23 B I 12.

Особенно наглядно видна множественность объекта в клинописном и иероглифическом лувийском: лув. *lalaiddu-tta papraddu-tta IV-ti partati* ‘да возьмет он, да отгонит он с четырех сторон’, KUB XXXV 43 II 12 (ср. там же, IV 16—17: *a-du-tta ipalatin latta* ‘и он у него взял левую сторону’, то есть все плохое), ср. также *elēḥa-* с множеством объектов при *elḥa-* с одним объектом в KUB XXXV 21 V 30.

Ср. также лув. *tammanna-* ‘говорить’ (множество слов) в отличие от *mana-* ‘произнести’ (одно слово) (*van Brock 1964: 137*).

В аналогичной функции для выражения множественности субъектной или объектной актанты при глаголе выступает в хеттском и форма на суффикс *-šk-*, представляющая как бы новую основу, противостоящую основе *ed. ч.* без *-šk-*:

Др.-хет. *nu* DUMU^{MES}.ŠU *an-da-an zi-ke-e-et* ‘и сыновей своих она внутрь (горшков) положила’, KBo XXII 2, Vs. A 3 (повесть о городе Цальпе и детях царицы Канеса);

* Хет. *lingauš šarriškir* ‘клятвы нарушали’, KBo IV 4 I 46, II 9 (ср. *lingain šarrier* ‘клятву нарушили’, KBo II 5 IV 13);

KUR-*e-kán an-da ak-ki-iš-ki-it-ta-ri* ‘в стране очень много умирают’, KUB IX 31 II 40, HT 1 II 15 след.;

ma-a-an-kán ŠA KARASḫi.A UG₆-*an ki-ša-ri UN^{MES}-tar ANŠE.* KUR.RA^{hi.A} GUD^{hi.A} KAL.GA-*za ak-kiš-ki-it-ta-ri* ‘когда среди войска вспыхнет чума (и) люди, лошади и быки в большом количестве (сильно) умирают’, *Dressler 1968: 162, 180—182, §§ 30—32* (ср. о литовском там же, 61), *Kammenhuber 1973-, 1, ak(u), 20*.

Те же морфологические элементы, маркирующие множественность актант в глаголе, применяются и для выражения аспектуальных противо-

поставлений — вида глагольного действия или состояния, ср. хет. *-šk-* в видовом значении итератива (*Bechtel 1936*) при *-šk-* как маркере множественности актанты. Такое функционально-морфологическое соотношение можно сопоставить с характеристиками языков активной типологии, в которых глагол противопоставляется по видовому принципу, а не по темпоральному (*ср. Dressler 1968*).

6. АКТИВНАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

6.1. СТРУКТУРНЫЕ ИМПЛИКАЦИИ АКТИВНОСТИ В ИНДООЕВРОПЕЙСКОМ

Проведенная выше сравнительная и внутренняя реконструкция древнейших индоевропейских структур дает возможность постулировать для древнейшего индоевропейского состояния бинарную структуру именных классов, определяемых как классы активных и инактивных имен по характеру их денотатов. Такое разбиение имен на два класса по признаку активности—инактивности их денотатов имплицитно в языке целый ряд структурных характеристик, связанных непосредственно с бинарной именной классификацией.

Это, в первую очередь, описанный выше бинаризм в морфологическом оформлении именных основ на **-os* (для основ активного класса) и **-om, -o* (для основ инактивного класса), мотивирующий нерасчлененность именных парадигм, в частности парадигм имен инактивного класса. Падежные синтаксические отношения выражаются в основном двумя падежными формами на **-o's* и **-o'm, -o*, восходящими фактически к деривационным образованиям. Другие падежные формы (позднейшего дательного и местного падежей) являются вторичными структурами, возникшими из адвербиальных образований, которые ранее употреблялись как сирконстанты при глагольных формах.

Бинарная классификация именных основ индуцирует в языковой системе разбиение класса глаголов на подклассы активных и инактивных глагольных форм, характеризующихся специфической семантикой, которая определяется характером денотатов имен соответственно активного и инактивного классов. Вся древнейшая глагольная система индоевропейского языка, характеризующаяся структурным бинаризмом (наличие двух рядов глагольных форм спряжения на **-m(i)* и на **-Ha*; лексикализация глагольных форм по признаку их сочетаемости с активными—инактивными именами; первоначально безличный характер спряжения ряда **-Ha* и др.), мотивирована бинарной структурой именной системы, распадающейся на класс активных и инактивных имен.

Такой бинаризм глагольной системы определяется именным бинаризмом. Тем самым семантической доминантой языковой системы этого типа следует считать противопоставление имен по двум классам по признаку активности—инактивности выражаемых ими денотатов. Именным бинаризмом определяется и наличие в системе особых конструкций при аффективных глаголах, наличие особых посессивных конструкций для выраже-

ния обладания при отсутствии глагола *иметь*, а также категории инклюзива—эксклюзива в прономинальной системе и др.

Все эти структурные особенности, реконструируемые для общиндоевропейского языка древнейшей эпохи, дают основание считать общиндоевропейский язык этого периода языком активного строя, ориентирующимся на бинарную именную классификацию по активности—инактивности со всеми вытекающими из этого структурными импликациями в языковой системе. В соответствии с этим реконструированную общиндоевропейскую языковую систему древнейшего периода следует отнести к языкам активной типологии¹.

6.2. ОБЩАЯ ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВ АКТИВНОГО СТРОЯ

Основной характеристикой языка активной типологии, проявляемой в морфологической и синтаксической его структуре, может считаться формальное противопоставление имен активного и инактивного классов. В соответствии с этим оформляются активная или инактивная актанта при одновалентных глаголах:

$$(1) \quad V+A \\ V+In$$

В двухвалентных глагольных конструкциях актанта, выражающая деятеля (*Agens*), оформляется, естественно, маркером активного класса; другая же актанта, выражающая *Patiens* (то есть актанта, на которую направлено действие, передаваемое глаголом), оформляется как имя инактивного класса (независимо от лексической соотнесенности с активным или инактивным классом):

$$(2) \quad V+In^{*2}+A$$

Несколько модифицируя символику типологической схемы Сэпир-Филлмора (*Sapir 1917—1920; Fillmore 1968: 54*), структуру предложения активного строя можно представить в следующем виде:

$$(3) \quad V+A \\ (4) \quad V+In^{*}+A \\ (5) \quad V+In$$

¹ Это положение, по-видимому, было намечено уже в работах Кацнельсона 1947 и 1967 и впервые эксплицитно сформулировано в связи с определением самой структуры языка активной типологии Г. А. Климовым: *Климов 1973, 1973а, 1974, 1977*. Некоторые из соответствующих черт индоевропейского праязыка были давно уже выявлены, но соотносились обычно с эргативностью, см. *Uhlenbeck 1901; 1937; Уленбек 1950; Шухардт 1950а и 1950b; van Wijk 1902; Pedersen 1905: 152—154 и 1938: 83—85; Vaillant 1936; Hendriksen 1940; ср. Кацнельсон 1936; Савченко 1967*.

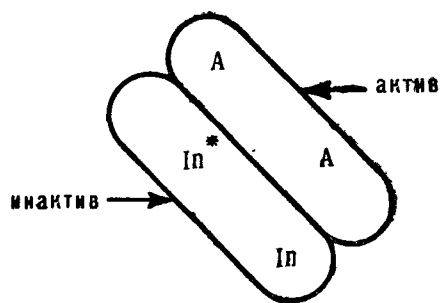
² *In** в конструкции (2) является символом как лексического, так и структурно-синтаксического инактива.

Опуская в этих формулах символ *V*, получаем именные формы для трех разных структурных типов предложения:

- (6)   *A*
 (7) *In**   *A*
 (8)   *In*

Все эти три структурных типа предложения характеризуются формальной общностью элемента *A* и элемента *In*, выражаемой в совпадении их падежных форм, символизируемом на Схеме 1:

Примером языков активной типологии может служить целый ряд америндейских языков с дихотомией имен на активные и инактивные как одной из основных их структурных характеристик. Такая структура представлена, в частности, в америндейских языковых группах на-дене и сиу (*Sapir 1958*), атапаскских, тупи-гуарани и др.

Одной из основных структурных характеристик этих языков является классификация имен существительных на активные и инактивные, основанная на противопоставлении соответствующих денотатов по признаку наличия в них жизненной активности, в частности жизненного цикла. К активному классу в этих языках относятся имена людей, животных, деревьев и растений, к инактивному — названия всех других предметов (ср. в языке навахо *tó* 'вода', *yas* 'снег', *tsé* 'камень', *tsin* 'палка' и др.), *Hoijer 1951*; *Hoijer/Joel 1963*.

Такая именная дихотомия имплицитно бинарную глагольную классификацию по признаку активности — инактивности передаваемого действия. Активные глаголы передают различные действия, движения, состояния, характерные для имен активного класса, тогда как инактивные глаголы передают то или иное состояние или качество, приписываемое инактивным именам.

Характерной особенностью языков рассматриваемой структуры является наличие в них особой структурной группы аффективных глаголов (*Pinnow 1964* : 84—85).

Одной из наиболее характерных черт лексики этих языков является наличие в них глагольных дублетов, то есть соотносеинного друг с другом ряда глаголов с близким значением, но сочетающихся лишь с одним из

двух именных классов—с активным или инактивным (см. выше примеры из навахо, стр. 294).

Бинарной именной классификацией мотивировано в этих языках и наличие категории инклюзива—эксклюзива в прономинальной системе.

Характерно также отсутствие глагола *иметь* для выражения посессивных отношений, которые в этих языках передаются описательными конструкциями с глаголом *быть*, ср. навахо *n-tcij xóló* 'у вас есть дрова', буквально: 'ваши дрова есть' = 'вы имеете дрова' (Reichardt 1951: 362—363). Посессивные отношения выражаются с помощью особых форм органической (неотчуждаемой) и неорганической (отчуждаемой) принадлежности, см. Sapir/Swadesh 1950 : 105.

Именная морфология языков активного строя развита весьма слабо. Чрезвычайно бедно представлена в них, в частности, категория числа, характеризующая лишь определенные группы существительных, главным образом, активного (одушевленного) класса. Множественность актант выражается здесь преимущественно в пределах глагольной словоформы, ср. в языке квильют *t'cítciqa* 'они были мертвы' (от *t'ciqa* 'умирать', ср. выше хет. *akkiškittari*), *kwe.'kutsa* 'многие голодны' (редупликация к *kwe.'tsa* 'он голоден' и т. п., ср. Adrade 1911: 191; Dressler 1968 : 66—67). В ряде языков такого рода выражение множественности приводит к супплетивизму глагольных форм единственного и множественного числа.

В языках активного строя деклинационная система сводится в основном к выражению бинарного противопоставления двух основных падежей—активного и инактивного. Например, в языках галф представлено противопоставление активного падежа на *-t* и инактивного на *-n/-Ø* (Speck 1907: 481). Активный падеж на *-t* характеризует активную актанту, падеж на *-n/-Ø* выражает функцию инактивной актанты, выступающей в роли подлежащего при одновалентных глаголах и в функции *Patiens'a*—при двухвалентных.

В глагольных системах америндейских языков активного строя различаются два ряда личных аффиксов, соответственно активный и инактивный, соотносимые с активной или инактивной актантами в сложной синтаксической конструкции.

6.3. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОГО АКТИВНОГО СТРОЯ В НОМИНАТИВНЫЙ (АККУЗАТИВНЫЙ) КАК РЕЗУЛЬТАТ СДВИГОВ В ГЛУБИННОЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА

Рассмотренные выше языковые структуры, имплицитруемые дихотомией имен на активный и инактивный классы, придают типологическую вероятность реконструируемым индоевропейским структурам, в частности древнейшему индоевропейскому принципу классификации именных образований на классы активных и инактивных имен со всеми вытекающими из такой бинарной классификации структурными импликациями.

Целый ряд структурных особенностей исторических индоевропейских языков становится понятным при сведении их к древнейшему праиндоев-

ропейскому языковому состоянию с дихотомией имен на два структурно-семантически противопоставленных класса — класс активных и инактивных имен — и с индуцированной такой дихотомией классификацией глагольных образований на активные и инактивные глаголы. Лишь позднейшие структурные трансформации этого исходного индоевропейского языкового типа приводят к образованию той более поздней индоевропейской языковой системы, непосредственное продолжение которой представлено в исторических индоевропейских языках.

Язык активной типологии ориентирован не на передачу субъектно-объектных отношений, а на передачу отношений между активными и инактивными актантами предложения. Семантической доминантой языка активной типологии является именная классификация бинарного типа (актив — инактив), определяющая, в сущности, всю структуру языка — как систему склонения, так и систему спряжения. Морфологические и синтаксические потенции глагола зависят от заданной бинарной классификации имен. Бинарная именная классификация лежит в основе глубинной структуры языка активной типологии, определяющей весь комплекс структурных черт языка, проявляемых в его поверхностной структуре.

Естественно поэтому, что определенные структурные преобразования, затрагивающие глубинную структуру языка, в частности принципы дихотомической классификации имен, должны вызвать по необходимости трансформацию целого ряда имплицитруемых ею характеристик, проявляющихся в поверхностной структуре языка. Такое преобразование глубинной структуры активной типологии должно было иметь место на определенном этапе развития праиндоевропейского языка.

Преобразование глубинной структуры праиндоевропейского языка выразилось в переносе доминантной классификации из сферы имени в сферу глагола, который начинает различаться по бинарному принципу транзитивности — интраитивности, становящемуся определяющим классификационным принципом, имплицитрующим целый ряд характеристик в поверхностной структуре языка. Содержательная оппозиция с класса имен переносится на класс глаголов.

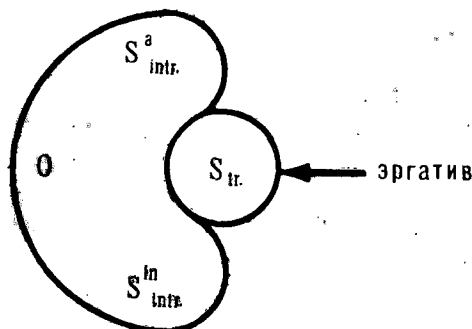
Такой сдвиг в глубинной структуре языка с именной оппозиции на оппозицию глагольную отражает, по-видимому, процесс перехода с более конкретного именного противопоставления на более абстрактное глагольное, с противопоставления конкретных денотатов на противопоставление типов действий и деятельности.

С противопоставлением типов глагольного действия (переходный — непереходный) увязывается непосредственно и появление субъектно-объектных отношений, выражающих определенные актанта, которые принимают участие в подобных процессах в качестве субъекта действия или его объекта.

6.4. ЭРГАТИВНОСТЬ И НОМИНАТИВНОСТЬ (АККУЗАТИВНОСТЬ) КАК ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ В ПОВЕРХНОСТНОЙ СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА ТОЖДЕСТВЕННЫХ ГЛУБИННЫХ СООТНОШЕНИЙ. ТРАНЗИТИВНОСТЬ — ИНТРАНЗИТИВНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ЯЗЫКОВ ЭРГАТИВНОГО И НОМИНАТИВНОГО (АККУЗАТИВНОГО) СТРОЯ

Классификация глагола по признаку транзитивности — интранзитивности и возникновение субъектно-объектных отношений, сменивших противопоставление именных образований по признаку активности — инактивности, вызывают существенные преобразования в поверхностной структуре языка. Такой языковой тип, ориентирующийся на передачу субъектно-объектных отношений, имплицитно в поверхностной структуре формальное противопоставление падежа субъекта и падежа объекта.

При маркировании падежа субъекта в конструкциях с переходным глаголом возникает языковая структура, характеризующаяся как эргативная. Такая структура может быть представлена в виде Схемы 2:

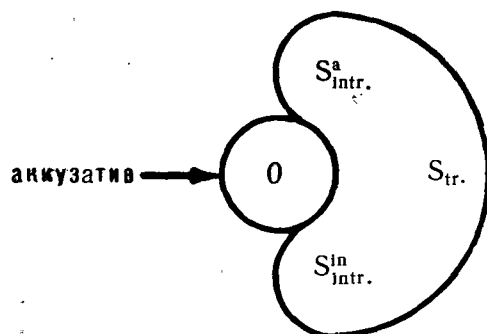
$S^a_{intr.}$ символизирует субъект при непереходных глаголах, отражающий имена с первоначальной активной семантикой;

$S^in_{intr.}$ символизирует субъект при непереходных глаголах, отражающий имена с первоначальной инактивной семантикой.

Такое различие субъекта с активной или инактивной семантикой при непереходных глаголах не играет уже никакой роли в языке эргативного типа и сохраняется в схеме лишь для иллюстрации связи между активной и эргативной типологиями. Существенно на этой схеме то, что на ней отражается формальная недифференцированность субъекта при интранзитивных глаголах и объекта при транзитивных, противопоставляемых формально падежу субъекта при транзитивных глаголах, выступающего с особым маркером.

При маркировании падежа объекта в конструкции с переходным глаголом возникает языковая структура, характеризующаяся как акк у з а т и в н а я (“номинативная конструкция” в традиционной терминологии). Такая структура может быть представлена в виде Схемы 3:

Схема 3

На этой схеме существенно то, что в ней отражена формальная недифференцированность субъекта при транзитивных и интранзитивных глаголах при маркированности объекта транзитивных глаголов.

Эргативный и аккузативный (номинативный) типы объединяются в единый типологический класс, для которого существенным является наличие в глубинной структуре языка субъектно-объектных отношений и противопоставление глаголов по признаку транзитивности—интранзитивности (ср. Schmidt 1973), в противовес языкам активной типологии, структурная детерминанта которых определяется наличием именной дихотомии по признаку активности—инактивности.

Следовательно, различия между эргативным и аккузативным (номинативным) строем касаются лишь поверхностной структуры, относясь, в основном, к принципам различного маркирования субъектно-объектных различий при идентичности этих типов на уровне глубинных отношений, основывающихся на противопоставлении транзитивности—интранзитивности действия и связанных с этим субъектно-объектных соотношений. Эргативность и аккузативность (номинативность) — это два различных поверхностно-структурных выражения одних и тех же глубинных отношений. Поэтому говорить, что при переходе эргативной конструкции в номинативную или наоборот меняется нечто существенное в языке, было бы неоправданно с точки зрения структурных детерминант языка. При таких переходах меняются лишь поверхностные структуры, выражающие глубинные субъектно-объектные отношения, которые остаются инвариантными при подобных поверхностно-структурных преобразованиях (ср. Курилович 1946; ср. также критику самого термина эргативность, Wilbur 1970).

6.5. ТИПОЛОГИЯ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЯЗЫКА АКТИВНОГО СТРОЯ

Структурные сдвиги в языке, затрагивающие глубинные языковые соотношения, происходят не при переходе эргативной конструкции в аккузативную или наоборот (ср. новоиндоарийские, новоиранские языки, Пирейко 1968; ср. Елизаренкова 1967; Regamey 1954; Allen 1950), а при переходе активной конструкции в эргативную или аккузативную (номинатив-

ную), что предполагает существенные сдвиги в плане содержания языка со всеми вытекающими отсюда последствиями в его глубинной структуре (возникновение противопоставления действия по транзитивности—интранзитивности, заменяющее противопоставление имен по активности—инактивности, и появление субъектно - объектных отношений), отраженными соответственно в поверхностной структуре (появление новых синтаксических и морфологических структур при сохранении некоторых старых структур, не мотивированных новыми отношениями, но пережиточно остающихся в системе в качестве реликтов старых— активно~инактивных—отношений).

При этом новые отношения в глубинной структуре языка (субъектно-объектные) могут проявляться в поверхностной структуре в виде эргативной или в виде аккумулятивной (номинативной) типологии. Процесс смены бинарной классификации имен по признаку актива—инактива глагольной классификацией по транзитивности—интранзитивности и возникновение субъектно - объектных отношений в глубинной структуре должен был начаться на ранних этапах развития праиндоевропейского языка, поскольку общеиндоевропейский язык периода распада его на отдельные диалекты, давшие впоследствии исторические индоевропейские языки, реконструируется как язык в основном аккумулятивной (номинативной) типологии, хотя и с явными структурными следами активного строя.

Разрушение именной дихотомии по признаку активности—инактивности и возникновение соответственно глагольного противопоставления по транзитивности—интранзитивности, повлекшее за собой появление субъектно - объектных отношений, вызывает функциональное отождествление инактивной по происхождению актанта при одновалентных непереходных глаголах с исторически активной актанта при одновалентных непереходных и двухвалентных переходных глаголах.

Тем самым инактивная актанта при одновалентных непереходных глаголах синтаксически противопоставляется историческому структурному инактиву, выступавшему в двухвалентных глагольных конструкциях, который таким образом выделяется в особый (аккумулятивный) падеж прямого дополнения при переходных глаголах. Из праиндоевропейской активной структуры, представленной на *Схеме 4*, возникает типичная для языка аккумулятивной типологии синтаксически-морфологическая структура, символизируемая *Схемой 5*.

Схема 4

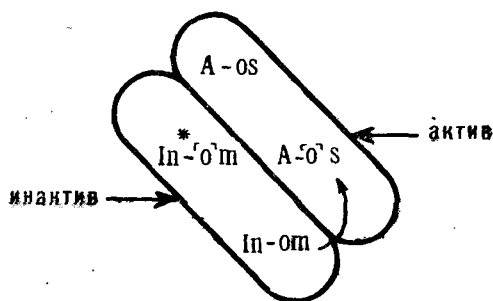
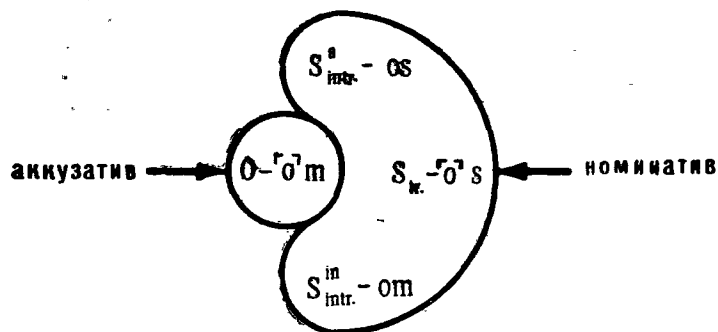

Схема 5

Возникновение полной парадигмы спряжения ряда **-Ha* (под влиянием двухвалентных глагольных конструкций) из безличных глагольных конструкций при семантически инактивных актантах вызывает, естественно, нарушение первоначальной функции спряжения ряда **-Ha* и проникновение в конструкции этого спряжения именных образований активного класса на **-os*.

Этот процесс, в свою очередь, должен был повлечь за собой превращение глагольных структур ряда **-Ha* в особый тип спряжения индоевропейского глагола независимо от классификационной принадлежности имени. Эта ситуация представлена уже в древнехеттском языке с двумя оформившимися типами спряжения на *-mi* и на *-hi*¹.

С другой стороны, в глагольные конструкции ряда **-m(i)* проникают именные образования по происхождению инактивного класса на **-om//∅*, поскольку первоначальное противопоставление имен активного и инактивного классов не имеет уже функциональной семантической значимости. Происходит нейтрализация противопоставления именных образований на **-os* и **-om//∅*, которые могут уже выступать в качестве актанта—субъекта при одновалентных глагольных структурах как ряда **-mi*, так и ряда **-Ha*².

¹ Так, например, с глаголом *ar-* 'приходить', 'наступать' спряжения на *-hi* выступают и имена общего рода уже в древнехеттских и среднехеттских текстах: *ták-ku LÜ-aš EL.LUM GEME-aš-ša ši-e-li-eš na-at an-da a-ra-an-zi* 'если свободный человек и рабыня и они придут...', X3, § 31, KBo VI 3 II 61; *ma-a-an^I Tu-ut-ḫa-li-ia-aš LUGAL (GAL) URU Ḫa-at-tu-ši a-ar-ḫu-un* 'когда я, Тудхалия, великий царь, в Хатусу пришел', KUB XXIII 11; VI 12, и т. п. Наряду с этим глагол *ar-* в хеттском сочетается и с именами среднего рода (в 3 л. ед. ч.), в особенности в безличных конструкциях, в чем и проявляется древнейшее его употребление исключительно с именами инактивного класса: *ku-it-ma-an MU.KAM-za te-e-ḫu-ni a-ri* 'пока год не приходит к своему завершению' X3, § 165; *kuedanikki kašti ari* 'кому-нибудь становится голодно' (буквально: 'к голоду кому-нибудь приходит').

² Ср. хеттские конструкции типа *ṣatar šešzi* 'вода будет покоиться (лежать)': *nu ú-i-da-a-ar... še-eš-zi* (KBo X 2 II 28); *na-aš-ta E^{MES} D^{EN}.LÍL ku-it A.NA URU^{LIM} a-ra-aḫ-za e-eš-ta* 'и храмы Энлиля, которые были за пределами города' (BoTU 3, 7).

Древние активный и инактивный падежи, выступавшие при актан-тах в одновалентных глагольных конструкциях, нейтрализуются и совпадают в виде общего падежа субъекта, противопоставленного структурно-семантическому инактивному падежу в конструкциях с двухвалентной глагольной формой, оформившемся тем самым в падеж объекта.

Падеж субъекта — традиционный именительный падеж — противопоставляется в возникшей таким образом системе склонения падежу прямого дополнения — родительному-винительному. На этой ступени складывается система со строгим противопоставлением субъектно-объектных отношений и соответствующих форм, выражающих эти отношения при глаголе.

В результате возникает общая категория падежа с алломорфами *-os, *-om, -Ø, противопоставляющаяся объектному падежу на *-o¹m// -Ø:

Система субъектно-объектных противопоставлений:

Падеж субъекта	_____	Падеж объекта
*-o ¹ s	_____	*-o ¹ m
*-om	_____	*-om
*-Ø	_____	*-Ø

В этой системе следует различать еще одно противопоставление:

*-Ø	_____	*-m ¹
-----	-------	------------------

Падеж субъекта на *-Ø при падеже объекта на *-m есть результат фонологического преобразования активного падежа на *-s в позиции после сонорных и “ларингальной” фонемы (утрача конечного *-s при компенсаторном удлинении предшествующей гласной, см. выше, стр. 183 и след.)².

Аналогичные процессы преобразования именной дихотомии могут привести к возникновению языка эргативной типологии из первоначально-го активного строя. В путях преобразования активного строя в эргативную

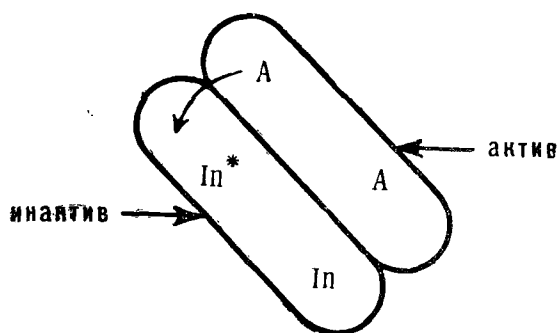
¹ Ср. др.-инд. *dātā* ‘дающий’, *вин. п. dātāram*, греч. *δοτήρ*, *вин. п. δοτήρα*, лат. *dātor*, *вин. п. datorem*; др.-инд. *pitā* ‘отец’, *вин. п. pitāram*, греч. *πατήρ*, *вин. п. πατέρα*, лат. *pater*, *вин. п. patrem*; др.-инд. *āsvā* ‘лошадь’, *вин. п. āsvām*, лат. *equa*, *вин. п. equam* и т. п.

² Такому фонологическому преобразованию, приведшему к утере маркера активности *-s, могло способствовать при возникновении общего падежа субъекта (в противовес аккузативному падежу объекта—прямого дополнения) тенденция к немаркированности общего падежа субъекта в отличие от строго маркированного характера аккузатива. Такая тенденция к немаркированности падежа субъекта в языках аккузативно-номинативного типа проявляется постоянно на протяжении исторического развития отдельных индоевропейских языков (*Martinet 1956: 13—16*), ср. историю славянских падежей, где после падения редуцированных в формах типа **domī*, *им. пад. < *domos* возникает и сохраняется немаркированная форма именительного падежа, тогда как в маркированном винительном падеже одушевленных имен заново создается окончание -a (*Мейе 1951: § 439, 306*). Именно обязательная маркированность винительного падежа в отличие от именительного дает основание называть этот строй “аккузативным”.

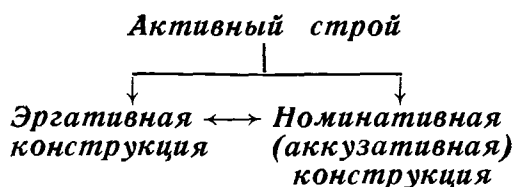
или accusativную (номинативную) структуру нет принципиальной разницы. Различие в процессе преобразования сводится лишь к разным способам перегруппировки и маркирования исходных актанта активного строя:

Схема 6

Следовательно, соотношение между языками активной, эргативной и accusativной (номинативной) типологии можно схематически представить в виде дерева зависимостей с эргативной и accusativной структурами, выводимыми из активной, с возможными преобразованиями номинативной структуры в эргативную и наоборот¹:

Схема 7

Картвельская языковая структура, обнаруживающая явные следы исконной активности, детально разбираемые в работе Г. А. Климова (Климов 1973; ср. Климов 1973а и 1974), перестроилась, очевидно, к периоду распада на диалекты в язык эргативного строя, проявляющегося в морфологическом и лексическом оформлении классов переходных и непереходных глаголов и в системе именной парадигмы с особым эргативным падежом, наряду с падежом субъекта при непереходных глаголах и прямого объекта при переходных.

При этом эргативность проявляется формально в глагольной парадигме прошедшего времени (ср. в этом отношении индо-иранские языки), тогда как в настоящем времени падеж субъекта при переходных глаголах совпадает с падежом субъекта непереходных глаголов, при прямом объекте

¹ К аналогичному заключению о соотношении активного строя с эргативным и номинативным приходит в своем более позднем исследовании и Г. А. Климов (Климов 1977: 304 и след.; ср., однако, Климов 1973, где эргативная структура рассматривается как промежуточный этап в языковом движении от активного строя к номинативной конструкции).

в дательном падеже (Чикобава 1948). Такая “непоследовательная” эргативность картвельской языковой структуры еще более сближает ее с номинативно-аккузативной структурой, представляющей, в сущности, разновидность поверхностного выражения одних и тех же глубинных структур. Таким образом, позднеиндоевропейская номинативно-аккузативная структура и позднекартвельская эргативная структура являются, в сущности, различными поверхностными проявлениями единообразных преобразований, имевших место в глубинной структуре пракартвельского и праиндоевропейского языков.

Интересно отметить, что в некоторых современных картвельских диалектах происходит преобразование непоследовательной эргативной структуры общекартвельского языка в номинативную в одном случае (в мегрельском) и последовательно эргативную — в другом (чанском), *ср. Климов 1967: 154*.

При таком понимании аккузативной и эргативной типологии становится очевидной несостоятельность утверждений о следах “эргативности” в индоевропейском языке (*Uhlenbeck 1901; Уленбек 1950а: 101—102 и 1950b: 97; Vaillant 1936; Hendriksen 1940; Martinet 1956; Савченко 1967*).

Наличие в индоевропейском языке формально выраженного аккузативного падежа, противостоящего как особый падеж прямого дополнения субъектному падежу как при транзитивных, так и при интранзитивных глаголах, является достаточным основанием для отрицания эргативности в отношении индоевропейской структуры (*ср. Десницкая 1947 и 1951*). Индоевропейский язык позднего периода является типичным представителем языка аккузативной (номинативной) конструкции, сохраняющим, однако, в виде пережиточных реликтов недвусмысленные черты активного строя, который удастся восстановить для древнейшего периода праиндоевропейского состояния путем сравнительной и внутренней реконструкции именных и глагольных структур исторических индоевропейских диалектов.

ТИПОЛОГИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИНТАГМАТИКИ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

1. СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЯДРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИНДООЕВРОПЕЙСКОМ

1.1. РЕКОНСТРУКЦИЯ МОДЕЛИ SOV И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДООЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Порядок слов в двухвалентной модели ядра предложения индоевропейского праязыка древнейшего периода как языка активного строя может быть передан последовательностью

$$A \text{ — } In^* \text{ — } V^1.$$

Этот же порядок слов, бывший характерным для индоевропейского языка как языка активной типологии, сохраняется в общеиндоевропейском языке и при переходе его на аккумулятивный (номинативный) строй с возникновением субъектно-объектных отношений.

Модель ядра предложения индоевропейского языка аккумулятивного строя может быть представлена схематически в виде $S \text{ — } O \text{ — } V$. Такой порядок слов в ядре индоевропейского предложения того периода может быть реконструирован на основании синтаксических данных целого ряда древних индоевропейских диалектов.

Еще в конце прошлого века Дельбрюк на основании анализа известных к тому времени памятников древних индоевропейских языков (ведийского, латинского и других) установил характерную синтаксическую особенность вынесения глагольной формы в конец предложения. Иными словами, эти древние индоевропейские диалекты показывают модель простого повествовательного предложения типа OV^2 .

¹ Такое расположение членов предложения с вынесением глагольной формы в конец предложения является характерной чертой языков активного строя, ср. в языке камаюра конструкции типа *waragiwija wa toja o-u* 'собака змею укусила', или в языке хидатса *wacdo wii-ta-suka ikaos* 'человек нашу собаку увидел' (*Speck 1907: 475; Fang-Kuei Li 1946: 413—415; Landar 1961: 175—177; Matthews 1965: 41, 47, 55, 145; Климов 1973: 218—219*).

В этой связи могут представить интерес данные, приводимые в работе *Schwartz A. 1972*, в которой рассматриваются чисто 'эргативные' языки (в частности австралийские и америндейские), где невозможен порядок SVO , но возможен SOV .

² В формулах SOV и SVO можно опустить S как инвариантный элемент, представленный в определенной (начальной) позиции.

Для индо-иранского порядок *OV* реконструируется в целом ряде формул, одинаково отражаемых в ведийском и авестийском, типа **kšatram *uap-* 'власти достичь': вед. *kšatráṃ... vanatām RV I, 162, 22*, авест. *xšaθrəm ... vanaēmā, Y 31, 4*; **ṛtam *dhā-* 'правду (порядок) устанавливать': вед. *ṛtām dadhá, RV VIII, 27, 19*, авест. *ašəm ... daduyē, Y 46, 15*; **ṛtam *dhar-* 'правду удерживать (основывать)': вед. *ṛténa ṛtām dharú-ṇam dhārayanta, RV V, 15, 2*, авест. *ašəm dərāidyāi, Y 43, 1*; ср. **sthūnām *dhar-* 'опору удерживать': вед. *sthūṇām ... dhārayantu, RV X, 18, 13*, авест. *stunā vīdārayeiti, Yt 10, 28*; **ṛtam *sap-* 'правду удерживать': вед. *ṛtām sapāmi* 'правду я удерживаю', *RV V, 12, 2*, авест. *ašəm ... hapti, Y 31, 22*; **uāgram *ghar-* 'дубинку (палицу бога) метать': вед. *vājram ā jigharti* 'дубинку он метнул', авест. *vazrači ī ... niyraire, Y 10, 40*; **uāgram *sik-* 'палицу отлить (из металла)': вед. *vājram ... asiñcata, AV 11, 10, 12, 13*, авест. *vazrəm ... frahixtəm, Yt 10, 96* (Mayrhofer 1976, III: 127); **(a)idhmat *bhar-* 'топливо носить': вед. *idhmām jabhārat, RV IV, 2, 6*, авест. *aēsməm ... bəratəm, Y 62, 9*; **katam *i-* 'идти навстречу желанию': вед. *kātam étyāsmē, RV X, 66, 14*, авест. *kāmahyā...yām itā*; **mantram *takš-* 'заклинание создавать' (= 'обтесывать'): вед. *māntram ... āta-kšan, RV VII, 7, 6*, авест. *mənθrəm tašaī, Y 29, 7*; **taūisim *dhā-* 'телесную силу приложить': вед. *tāvišim dādhanah, RV I, 35, 4*, авест. *tāvišim dasvā, Y 33, 12*; **uṛtram *tar-* 'сопротивление преодолеть (победить)': вед. *uṛtrām tar-, RV VII, 48, 2*, авест. *vəṛəθrəm tar-, Yt 13, 38* (Schmitt 1967: § 382); ср. **uīkūa- *dūais-ā ... *tar-* 'всех врагов одолевая (побеждать)': вед. *višvā dvēsānsi tarati, RV IX, 111, 1*, авест. *tauroayeintim višpā tbaēšā, Yt 10, 34*.

Аналогичные конструкции с индоевропейским глаголом **t[h]e/orH-* 'побеждать', 'преодолевать', в которых существительное, обозначающее объект при этом действии, предшествует глаголу, могут быть реконструированы и для общиндоевропейского, в частности для текстов, относящихся к 'Мифу о змееборце', ср. хет. *nu-za^{MUS} Il-lu-ja-an-ka-aš^{DI-M-an} tar-aḫ-ta* 'и змей-дракон бога бури победил', КВо III 7 I 11; *na-an-za nam-ta^{MUS} Il-lu-ja-an-ka-a[n] tar-aḫ-ḫu-u-ua-an da-a-iš*, там же, III 24 'и тогда его, змея-дракона, он побеждать начал' (ср. о глаголе *tarḫ-* в этих конструкциях, Иванов/Топоров 1974: 134). Ср. такое же соответствие в формулах с конечным положением индо-иран. **(par-) nai-* ~ хет. *(para) nai-* 'вести': вед. *pāry āsvaṇ nāyanti* '(они) ведут коня', *RV I, 162, 4*, авест. *aspa para ... nayente, Yt 10, 42*, ср. хет. *na-šta^{IKišnapilin ERĪN^{MES} ANŠE}*. *KUR-RA^{UI.A} A.NA^I Attariššija menahhanta zahhiija para naiš* 'он (царь) послал Киснапили с пехотой и конным войском (колесницами) сражаться с Аттариссией', KUB XIV I, Vs. 61.

Такой же порядок *OV* засвидетельствован и в общиндоевропейских *figura etymologica* типа индо-иран. **subhṛtam *bhar-* 'вознаграждение (= благою дань) приносить': вед. *sūbhṛtam bibhārti, RV IV, 50, 7*, авест. *ḥubəratəm barāī, Yt 15, 40*; **iāḡnam *iāḡ-* 'жертвоприношение совершать':

вед. *yajñám ayajanta*, RV I, 164, 50; *saumat **su-* 'сому выжимать': вед. *sómat...sunoti*, RV I, 109, 4.

В германских языках прослеживаются следы конечного положения глагола (MacKnight 1897; Hopper 1975), в частности в наиболее архаических поэтических текстах, хотя в исторических памятниках эта позиция уже не является статистически преобладающей (Werth 1970); ср., однако, показательные примеры в рунических надписях типа рун. *ek HlewagastiR HoltijaR horna tawido* 'я, Хлевагастиз из Холтиев, рог сделал' (с ослабленным ударением конечного глагола, Lehmann 1956: 77). В древнегерманском стихе (как и в приведенной рунической строке) глагол чаще всего занимает последнее (четвертое) место в строке и поэтому не участвует в аллитерациях (Sievers 1893: 44; Lehmann 1956: 74 и 1958: 5).

Такую же модель ядра предложения обнаруживает в основном и хеттский язык. Немаркированный порядок слов в предложении характеризуется конечной позицией глагола-предиката: ср. др.-хет. LUGAL-*uš* 3-*iš* GUD-*un* 1 *ši-i-na-an-na al-la-ap-pa-aḫ-ḫi* SAL.LUGAL-*aš-ša-an* 3-*iš* *al-la-ap-pa-aḫ-ḫi* (КВо XVII.1+1 4'—6') 'царь трижды на быка и на изображение плюет. И царица на него трижды плюет'; NINDA-*an e-ez-za-aš-ši* *ḫa-a-tar-ra e-ku-uš-ši* 'хлеб ты будешь есть и воду ты будешь пить' (HAB, BoTU 8 III 29); *ú-uk ku-in ḫar-mi* 'я которого держу' (КВо XVII I+III 28); *ša-an at-ta-aš-mi-iš* ¹*Ki-iz-zu-ḫa-an na-at-ta ḫu-uš-nu-ut* (BoTU 10 γ, 18) 'и его, Киццуву, отец мой не оставил в живых'; EGIR-*an-da-ma-kán* ¹*IR.MEŠ.ŠU LÚ.MEŠ GAL.GAL ud-da-a-ar-še-et ḫu-ur-tal-le-e-er* (HAB, BoTU III 43) 'и потом его слуги (рабы) и большие люди слово его нарушили'; *nu ḫUL-lu ut-t[ar i-e-e]r nu-k[án]* ¹*Mur-ši-li-in ku-(en-nir) [(nu)] e-eš-ḫar i-e-er* (Tel. 2BoTU 23 A I 33) 'и они совершили злое дело, и убили Мурсили, и кровь они пролили'; *še* EGIR-*pa A.NA* ¹*NA.RA.AM-DSIN-na EN(?) aš-ši ḫa-lu-kán pí-e-te-ir* (BoTU 4 A + II 14) 'и они обратно Нарамсину господину (?) послание отнесли'; *nu-za ŠA A.BI.ŠU* [*e-eš-ḫar* EG]IR-*an ša-an-aḫ-ta* (2BoTU 20 II 10) 'и он отца своего кровь назад требовал (то есть отомстить хотел за убийство отца)'; GIŠTUKUL^{HI.A}-*uš-šu-uš-ta* ZAG.LU-*za da-aḫ-ḫu-un* 'я взял у них оружие с плеч' (Tel., BoTU 23 A II 30); *nu* ¹*Te-li-pi-nu-uš* ^{URU}*ḫa-at-tu-ši tu-li-ia-an ḫal-zi-iḫ-ḫu-un* (Tel., BoTU 23 A II 34) 'и я, Телепину, в Хаттусе собрание созвал'; LUGAL-*uš* 3-*ŠU a-i-iš-še-et a-ar-ri* (КВо XVII 1 + I 15) 'царь трижды свой рот моет'.

Такое же положение V по отношению к "объекту" предложения устанавливается и в древнегреческом (Houben 1977), тохарском (Zimmer 1976) и кельтском (Schmidt 1980: 188 и след.).

Таким образом, синтаксический анализ ядра предложения по основным древним индоевропейским диалектам позволяет судить о модели ядра предложения структуры SOV, представляющей немаркированный

порядок слов в предложении (*Delbrück 1888; 1893—1900; Watkins 1962; 1963a; Lehmann 1972a, b; 1973a; 1974: 39 и след.; Dressler 1971*)¹.

Вследствие своей конечной позиции в предложении глагольная словоформа характеризуется безударностью, поскольку общий тоновый кон-

¹ В древних индоевропейских диалектах в ряде случаев устанавливается также структура предложения с глагольной формой в начальной позиции. Такие предложения представляются, как правило, различными трансформами ядра простого повествовательного предложения, возникающими в результате трансформации модальности и статуса, а также в контекстно обусловленных позициях (*Иванов 1965: 259; Dressler 1969; Werth 1970; Watkins 1962a; 1963a; 1968—1969*). Такие трансформации приводят к инверсии немаркированного порядка слов в предложении с вынесением предиката в начальную позицию (ср. также *Hopper 1975; Zimmer 1976*).

В частности, в хеттском предложения с предикатом в начальной позиции часто характеризуются частицей -та 'но', 'ведь', 'же', а также отрицательным словом *patta* (=UL), стоящим в конечной позиции. В этом проявляется характер этих предложений как эмфатической трансформы простого предложения: ср. в др.-хет. *akiš-ma-aš* 'он ведь умер!' (2 ВоТУ 12 А II 12, Дворц. хрон.), *šakruṣanzi-ma-aš UL* 'но их ведь не поят' (*Иванов 1965: 257*); *datta-ma-at* 'он ведь взял это' (Rs. 17, 109 gesto 4; *Schuler 1971: 228; Haase 1971: 71*).

Примером контекстно обусловленной инверсии, то есть трансформации, мотивированной структурой всего определенного отрезка текста, могут служить такие гомеровские структуры, как...*λύσαν δ'ἀγορήν* (Α 305) 'распустил собрание' (после придаточного предложения); ...*βῆ δ'ἄρ' ὄνειρος* 'пришел Сон' (Β 16); *βῆ δ'ἄρ' ἐπ' Ἀτρεΐδην* 'он пришел к Атрейду' (отпрыску Атрея) (Β 18); *στῆ δ'ἄρ' ἐπὲρ κεφαλῆς* 'он стал над (его) головой' (Β 20); ср. другие примеры *Rosén 1973: 317—329*. Ср. предложения аналогичной структуры в хеттском с глаголами *pai-* 'идти' и *uša-* 'приходить'. Начальное положение глагола в структуре VSO с инверсией V отмечается и в микенском (ср. *Risch 1967*).

Такая структура предложения, трансформированная с общеиндоевропейской точки зрения, обобщается в ряде диалектов, становясь немаркированной (славянский, албанский, армянский). Однако более ранняя структура OV все еще ясно проявляется в этих диалектах, в частности в славянском и греческом, в сложных словах, отражающих первичный порядок синтаксических компонент предложения. Ввиду позднего характера такого обобщения, в отдельных индоевропейских диалектах такая структура с вынесением глагола на первое место не может считаться немаркированной для общеиндоевропейского состояния (ср., однако, *Friedrich P. 1976*).

Данные сравнительной синтаксической акцентологии также подтверждают вывод, по которому индоевропейский глагол в древнейший период мог выноситься на первое (ударное) место в маркированной позиции в подчиненном предложении, тогда как в главном предложении он всегда занимал последнее место и не имел на себе ударения, ср. *Bader 1976: 31, 43—44, 85—86*.

Маркированность порядка с вынесением глагола на первое место в системе общеиндоевропейского языка не исключает, однако, возможности наличия структуры VSO (то есть ядра предложения с глаголом в начальной позиции) для более ранних этапов развития общеиндоевропейского языка. Более того, саму возможность этой синтаксической трансформации следует рассматривать как свидетельство наличия такой структуры в истории общеиндоевропейского. Такая структура отражена в ряде реликтовых явлений в отдельных древних индоевропейских диалектах (ср. архаические словосложения с глаголом в начальной позиции типа греч. *ἀγέ-λαος* 'ведущий войско' и др.; структуры с запретительным словом в начальной позиции (не перед глаголом) типа др.-инд. *mā va eno anyakṣtam bhujeta* 'да не будем мы отвечать за грехи, совершенные другими' и др., ср. *Miller 1975*).

тур индоевропейского предложения отличался, очевидно, резким понижением к концу (ср. *Lehmann 1974: 51*). Глагольная форма становилась ударной лишь при вынесении ее в маркированную позицию в начало предложения, совпадающее с наивысшей точкой тонового контура.

1.2. СТРУКТУРА СЛОЖНЫХ СЛОВ В ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОРЯДКА OV

Тот же порядок *OV* предполагается и сложными словами, представляющими собой сочетание глаголов с именным образованием:

Ср. др.-инд. *dhana-dā-* 'расточающий богатство', *mādhu-pā-* 'пьющий вино', *bhū-ṛa-* 'защищающий землю, страну' (= 'царь'), *avi-pālā-* 'пастух овец' (ср. др.-арм. *hoviw* < **Hoṣi-ṛaH-*, греч. *αἰ-πόλος* 'пасущий коз', 'козий пастух', *βου-πόλος* 'пасущий быков', вообще 'пастух'), *śatru-hān-* 'побеждающий врагов', *haviṛ-ād-* 'вкушающий жертвоприношения'; *madv-ād-* 'мед едящий', ст.-слав. *medvoǎdī* 'медведь' < этим. 'медоед'; др.-инд. *pathi-kṛt-* 'жрец' ('делатель пути', ср. лат. *ponti-fex*), ст.-слав. *čarodějī*, лат. *arti-fex* 'мастер', *au-cers* 'птицелов', *iū-dex* 'право указывающий = судья', *tubi-cen* 'трубач', *rēm-ex* 'гребец' (*rem-+eg-*);

Греч. *χέρ-νψ* 'моющий руки', *βοό-κλεψ* 'крадущий быков', *ἵππό-δαμος* 'укротитель лошадей' (*Benveniste 1967; Бенвенист 1974; Jacobi 1897: 7 и след.*), *θανато-φόρος* 'смертоносный', *στρατ-ηγός* 'войско ведущий', 'предводитель', *παιδο-τρόφος* 'кормящий детей', *δρυ-τόμος* 'дровосек', *αἵματο-λοιχός* 'лижущий кровь', *λυκο-κτόνος* 'убивающий волков' (семантически соответствует лидийскому имени 'Кандавл' *Καν-δαύλης*, ср. также слав. *volko-davŭ*, рус. *волкодав* при *волколак*, *волкодлак*, др.-рус. *въл-коядьный* = греч. *λυκόβρωτος*, *Иванов 1965: 288—289*); *ἀσπιδη-στροφός* 'вращающий, вооруженный щитом', *πυρ-πνός* 'огнедышащий', *οἶνο-χόος* 'наливающий вино, виночерпий', *ἀνδρο-φάγος* 'людоед' (*ἀνθρωπο-φάγος* с тем же значением), *παιδο-βόρος* 'пожирающий детей', *ψυχο-πομπός* 'провожающий души' (*о Гермесе, Хароне*), *παιδο-γόνος* 'рождающий детей', *βροτο-φθόρος* 'губящий людей (смертных)', *βου-φορβός* 'кормящий быков = пастух', *οἰκο-δόμος* 'строитель жилищ', *ἀρματο-πηγός* 'делающий колесницы', *γαῖή-οχος* 'объемлющий землю' (*о Посейдоне*), *ἀστυ-υόμος* 'градоблюститель', *αἵματο-ῥρόφος* 'лакающий кровь', *δήμ-αργός* 'глава дела', *λιθο-κόπος* 'каменотес', *οἰωνο-σκόπος* 'наблюдающий птиц', 'птицегадатель' (ср. *Десницкая 1948: 146—147*); ср. микенские формы: *ku-ru-so-wo-ko* = *χρυσοφοργοί* 'золотых дел мастера'; *to-ko-so-wo-ko* = *τοξοφοργοί* 'мастера луков'; *na-u-do-mo* = *ναυδόμοι* 'корабельные мастера'; *a-to-ro-qa* = *ἀρτοκόπος* 'хлебопеки'; *a-re-pa-zo-o* = *ἀλειφαχοί* 'изготовители масел' (*Лурье 1957: 254—255*); ср. лат. *signi-fer* 'знаменосец', др.-перс. *aršti-bara-* 'копьеносец', *asp-bāra-* 'наездник', др.-инд. *śrad-dhā-* 'положить доверие' = 'верить', авест. *zrazdā-*, ср. лат. *crēdō*, др.-ирл. *cretim*¹; др.-инд. *jñubādho*

¹ Ср. тот же порядок элементов в родственном древнехеттском сочетании *ka-ra-tan dai-* 'внутренность давать': *nu-uš-ma-aš DINGIR DIDLI-eš ta-ma-i-in ka-ra-a-ta-an da-i-ir* 'и им боги другую внутренность вложили', КВо XXII 2, Vs. A 16.

‘колена преклонивший’, *RV VI, 1, 6*; др.-исл. *knébeðr*, др.-сакс. *kneobeda*, др.-англ. *snēowgebed* ‘молитва’ (*Schmitt 1967: § 405*); хет. *tarumaki*- ‘дятел’ < *taru ‘дерево’ + *wak-i (*цак-* ‘кусать’, ‘откусывать’, синоним к ‘есть, кушать’, *Kammenhuber 1973-*, 2: *ta, 38* и *65*); ср. *Friedrich 1966: 33*; *Чхеидзе 1969: 73*; *Haudry 1978: 256* и след.

Порядок именного и глагольного элементов во всех этих композитах отражает нормальное синтаксическое распределение слов в синтагме *OV* (ср. *Lehmann 1969; 1974: 76* и след.).

2. СТРУКТУРНЫЕ ИМПЛИКАЦИИ ЯЗЫКА С МОДЕЛЬЮ ПРЕДЛОЖЕНИЯ *SOV* В СТРОЕНИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ГЛАГОЛА

2.1. ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ СТРУКТУРЫ *SVO* И *SOV*. ВЗАИМОРАСПОЛОЖЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ СИНТАГМЫ *OV* КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ГРАММАТИЧЕСКУЮ СИНТАГМАТИКУ ЯЗЫКА

Язык с моделью *SOV* ядра простого предложения, отражающего немаркированный порядок членов предложения (ср. структурный тип турецкого и японского языков), в противовес модели *SVO* (ср. структурный тип семитских языков, например, древнееврейского) имплицитно целый ряд структурных особенностей языка, относящихся к порядку морфологических показателей в глаголе, а также к правилам развертывания именных конструкций (образование генитивных и объектных конструкций). Язык типа *OV* предполагает, в частности, общий агглютинативный характер при суффиксации морфологических элементов глагола и препозиции генитивных и адъективных структур. Характерной чертой языков этого типа является также наличие послелогов, в отличие от предлогов в языках структуры *VO* (о типологии языков структуры *OV* и *VO* и их структурных импликациях см. *Greenberg 1963; Lehmann 1973a; 1974: 15* и след.).

Следует иметь в виду, что структурные импликации, обусловленные линейным порядком членов предложения, являются импликациями, относящимися только к поверхностной структуре языка и касаются в сущности лишь порядка распределения элементов в линейной последовательности в отношении друг друга. Поэтому эти поверхностные импликации являются более слабыми импликациями, чем мотивированные глубинными отношениями в языке импликации, которые рассматривались выше. Перестройка *SOV* ⇒ *SVO* или наоборот *SVO* ⇒ *SOV* (со всеми возможными вариациями) может происходить в языке без перестройки его глубинной структуры. Следовательно, все эти преобразования и связанные с ними структурные изменения в языке не предполагают существенных сдвигов в языковой системе и могут быть вызваны целым рядом экстралингвистических факторов (субстрат, взаимовлияние языков). Это именно то, что мы наблюдаем в истории отдельных индоевропейских диалектов, которые перестраиваются с *SOV* на структуру *SVO* со всеми структурными преобразованиями в поверхностной структуре языка, вызванными таким переходом¹.

* ¹ Трудно согласиться с Уоткинсом, считающим вопрос о порядке *OV* или *VO* в индоевропейском “псевдопроблемой” (*Watkins 1976: 316*). Дело тут, конечно, не

Суффиксальный характер глагольных показателей при препозиции адъективных и генитивных конструкций в языке модели *OV* выводится из некоторых общих характеристик синтагм *OV* и *VO*, представляющих собой на определенном синтаксическом уровне единое нерасчленимое целое внутри структуры предложения¹.

Естественно поэтому, что элементы (морфологические или синтаксические), соотносимые исключительно только с одним или другим из двух этих элементов синтагмы, могут линейно присоединяться к ним со свободной стороны, то есть слева или справа от всей синтагмы. Для синтагмы *-OV-* такое правило “свободного места” предполагает присоединение глагольных показателей к *V-* в качестве суффиксальных элементов при препозиции адъективных и генитивных конструкций по отношению к *-O-*. Для синтагмы же *-VO-* из того же синтагматического правила линейного распределения элементов следует преимущественная префиксация в глагольной структуре при постпозиции адъективных и генитивных образований при элементе *O-* (ср. Серебренников 1974: 310 и след.).

Служебные слова, указывающие на связь между элементами *V* и *O* в синтагме и в этом смысле относящиеся как к *V*, так и к *O*, то есть к обоим членам синтагмы, помещаются, естественно, между этими элементами синтагмы и соотносятся синтаксически как с одним членом синтагмы, так и с другим. В синтагме *OV* такие элементы представляют собой так называемые послелогои, в синтагме *VO* элементы в аналогичной функции выступают в качестве предлогов. Согласно традиционной терминологии (послелогои, *postpositions* — предлоги, *prepositions*), эти элементы воспринимаются как соотносимые лишь с членом синтагмы *O*, тогда как на самом деле эти элементы — особые синтаксические связки, соотносимые как с одним членом синтагмы, так и со вторым. Это положение можно проиллюстрировать на примере так называемых постпозиций или препозиций многих языков, где ясно обнаруживается их двойственная синтаксическая направленность на именную и глагольную члены синтагмы.

Общеиндоевропейский язык, являющийся языком модели *SOV*, показывает в основном все характерные морфологические и синтаксические черты, мотивируемые линейной структурой элементов *-OV-*.

в том, что для индоевропейского следует восстановить как последовательность *OV*, так и последовательность *VO*, характерную для некоторых конструкций; проблема заключается в установлении для индоевропейского предложения именно основной, нейтральной или “немаркированной” последовательности (как бы ни понимать термин “маркированный” — “немаркированный”). Таковой для общеиндоевропейского следует считать именно последовательность *OV*, что признается и самим Уоткинсом, допускающим в индоевропейском “маркированную” конструкцию с “начальным глаголом” (*verb-initial*) и “немаркированную” конструкцию с глаголом в конечной позиции (*verb-final*).

¹ Характерно, что в грамматике непосредственно составляющих и в соответствующей части трансформационной грамматики синтагмы *OV* или *VO* рассматриваются на определенном уровне анализа как единая составляющая предложения, выражаемая символом *VP* (“глагольная группа”). Этот способ описания соответствует языковой интуиции, свидетельствующей об особо тесной связи между рассматриваемыми членами предложения.

2.2. АГГЛЮТИНАТИВНАЯ СТРУКТУРА «ПЕРВИЧНЫХ» И «ВТОРИЧНЫХ» ОКОНЧАНИЙ ГЛАГОЛА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Особенно наглядно проявляется агглютинативный характер суффиксальных элементов в системе глагольного спряжения ряда **-m(i)* и ряда **-Na* и его производных.

Первичные окончания:	Вторичные окончания:
1 л. <i>*-mi</i>	<i>*-m</i>
2 л. <i>*-si</i>	<i>*-s</i>
3 л. <i>*-fʰli</i>	<i>*-fʰl</i>

Уже соотношение первичных и вторичных окончаний, выражающих в отдельных индоевропейских диалектах формы настоящего и прошедшего времени¹, указывает на вычленяемость элемента *-i* в качестве маркера определенной категории:

$$*mi, *si, *fʰli \rightarrow *m+i, *s+i, *fʰl+i^2.$$

Темпоральные противопоставления глагольных форм с “первичными” и “вторичными” окончаниями, отражаемые в исторических индоевропейских диалектах, сводятся изначально к видовым противопоставлениям, выражавшим характер глагольного действия. Следы такого аспектуального противопоставления глагольных форм с первичными и вторичными окончаниями, которые в дальнейшем приобретают функцию выражения темпоральных противопоставлений, еще ясно видны в древнеиндийских глагольных структурах с инъюнктивной семантикой (Thurneysen 1885; Gonda 1956; Елизаренкова 1960: 51 и след., 120—122; ср. также Hoffmann 1967; Watkins 1969), в отсутствии следов временных противопоставлений первичных и вторичных окончаний в кельтских языках (Meid 1963; Watkins 1962: 47—48; ср. Thurneysen 1946: §§ 559—565; Льюис / Педерсен 1954), ср. лат. *sum* < **es-m* (см. Foley 1965: 64, но ср. Szemerényi 1964: 191 и след.), в характерных внутрдиалектных различиях в происхождении окончаний 3 л. мн. ч. наст. вр. в тохарском (тох. А *-ñc* < **-nti* при тох. В *-ñ* < **-nt*, то есть первичные окончания в А, вторичные в В; такие различия должны быть очень древними, Lane 1966: 219); о вероятном происхождении славянского окончания 1-го л. ед. ч. наст. вр.

¹ Ср. наст. вр.	Хет.	Др.-инд.	Греч.
1 л.	<i>eš-mi</i>	<i>ás-mi</i>	<i>εἰμι</i>
2 л.	<i>eš-ši</i>	<i>ási</i>	дор. <i>εσσι</i>
3 л.	<i>eš-zi</i>	<i>ás-ti</i>	<i>εστι</i>
пр. вр. 1 л.	<i>eš-un</i>	имперф. <i>ásami</i>	имперф. гом. <i>ἦα</i> < <i>*ēs-m</i>
2 л.	<i>eš-ta</i>	<i>ásih</i> , вед. <i>*ās(s)</i>	
3 л.	<i>eš-ta</i>	<i>ásit</i> , вед. <i>ās(t)</i>	<i>ἦν</i>

² Понимание окончаний **-mi*, **-si*, **-fʰli* как **-m-i*, **-s-i*, **-fʰl-i*, где с синхронной точки зрения элемент *-i* имеет функцию противопоставления двух разных грамматических типов, еще в 1908 г. было сформулировано Л. В. Щербой (Щерба 1974: 103); о соотношении форм на окончания *-m-i*, *-s-i*, *-t-i*: *-m*, *-s*, *-t* ср. также Neu 1976.

на *-q* из вторичного окончания **-om*, см. Белић 1932; ср. Кузнецов 1961: 89 и след.; Топоров 1961: 64.

Показательно также недифференцированное во временном плане употребление первичных и вторичных окончаний как в древнеиндийском, так и в греческом (Wackernagel 1924 : 47), ср. *πάρος γε μὲν οὐ τι θαμίλλεις* ‘раньше ты ко мне не часто приходил’, Σ, 386. Согласно Мейду (Meid 1963), в сочетании **b^hleret^hi* частица **-i* имела актуализирующее значение; ср. предложенное Мартине (Martinet 1956) сравнение форм на **-i* с английским *continuous*. Уоткинс (Watkins 1962 : 47) видит в **-i* знак *hic et nunc*.

Первоначальная аспектная, но не темпоральная¹, функция противопоставления первичных и вторичных окончаний в индоевропейском особенно отчетливо проявляется в глагольных формах аориста, выступающих с вторичными окончаниями: ср. др.-инд. *ávidat* ‘он увидел’, греч. *ἔβιδε*, арм. *egit* ‘нашел’, ср. греч. *ἦλυθον* ‘я ушел’ и др.; др.-инд. *á-dhā-m, á-dhā-s, á-dhā-t* ‘положил’. Первоначальная функция аориста в индоевропейском заключалась в выражении аспектных противопоставлений по отношению к формам ‘имперфекта’ с теми же вторичными окончаниями и ‘настоящего времени’, характеризующегося первичными окончаниями, ср. семантику древнеиндийского аориста (Kuryłowicz 1964 : 13 и след.; Watkins 1969; Елизаренкова 1960; ср. об индоевропейских глагольных категориях Hoffmann 1970).

Вычленяемость элемента **-i* в так называемых первичных окончаниях и его первоначальная аспектуальная (но не темпоральная) семантика явствуют и из форм императива 3-го л. на *-u*, занимающего место *-i*²: хет. 3 л. ед. ч. импер. *eš-d-u, aš-and-u*³, лув. *aš-d-u, aš-and-u*, пал. *aš-d-u, aš-and-u* ‘пусть будет’, ‘пусть будут’; др.-инд. *ástu, śántu*, авест. *astū*.

¹ Для доказательства того, что формы с вторичным окончанием типа хет. *-ten* имели первоначально не временное, а видовое значение, существенно то, что они совпадали с окончанием 2-го л. мн. ч. императива (хет. *-ten*, др.-инд. *-tana*). При анализе типологически сходного явления в енисейском кетском языке, в котором форма прошедшего совершенного времени (*boṭ-na* ‘разжег огонь’, при настоящем-будущем времени *b-ok-s-it* ‘разожгу огонь’) совпадает с формой повелительного наклонения (*boṭ-na* ‘разожги огонь’), Е. А. Крейн ов и ч замечает: “Отмечаемое совпадение форм повелительного наклонения с формами прошедшего совершенного времени в этих глаголах отчетливо свидетельствует, что интересующие нас форманты не являются показателями времени. Ведь повелительное наклонение указывает на действие, которое только еще должно осуществиться. Как же могут транспонироваться аффиксы со значением прошедшего времени в словоформы, соотносимые с будущим? Следовательно, это показатели завершенности действия (перфекта), а не времени”, Крейн ов и ч 1968 : 15.

² По нормам ранговой грамматики элементы как относимые к одному рангу и поэтому взаимоисключающие должны были выражать некую общую категорию, что исключает первичность темпоральной функции окончания *-i*.

³ Ср. также в хеттском форму “повелительного” наклонения 1 л. ед. ч. *ašallu* ‘да буду я’, где выступает то же окончание *-u*. Это же *-u* можно видеть и в форме повелит. наклонения 2-го лица медиопассива: *-ḫut*, др.-хет. *-ḫuti*; ср. *ešḫut* ‘садись!’, *kišḫut* ‘становись!’, *arḫut* ‘встань!’.

Существенным фактором при наращивании к личным окончаниям элемента **-i* является также характер глагольной основы, к которой присоединяются личные окончания. Дело в том, что окончания **-m-*, **-s-*, **-tʰi-* характеризуют атематическую основу, тогда как тематическая основа характеризуется окончаниями *-[o]H*, *-s-*, *-tʰi-*:

Т е м а т и ч е с к и й т и п

Наст. вр.

И.-е. 1 л. ед. ч. <i>*-[o]H</i>	др.-инд. <i>bhāvāmi</i>	лат. <i>uehō</i>
	‘становлюсь’	‘везу’
2 л. ед. ч. <i>*-e-si</i>	<i>bhāvasi</i>	<i>uehis</i>
3 л. ед. ч. <i>*-e-tʰi</i>	<i>bhāvati</i>	<i>uehit</i>

Прош. вр.

1 л. ед. ч. <i>*-o-m</i>	греч. <i>ἔφερον</i>	др.-инд. <i>ābhavam</i>
	‘я нес’	
2 л. ед. ч. <i>*-e-s</i>	<i>ἔφερες</i>	<i>ābhavas</i>
3 л. ед. ч. <i>*-e-tʰi</i>	<i>ἔφερε</i>	<i>ābhavat</i>

Следовательно, специфика тематических и атематических глагольных основ с точки зрения присоединения к ним личных глагольных окончаний заключается в различии первичных окончаний 1-го л. ед. ч.: **-[o]H* в тематическом типе, **-m-i* — в атематическом.

При наличии форманта **-o-m* в качестве вторичного окончания 1-го л. ед. ч. при тематических основах первичное окончание **-oH* можно рассматривать как некоторое перекодирование закономерного **-o-mi*, причем нейтрализуется функция элемента **-i* как показателя настоящего времени (более древнего аспектного противопоставления). Не исключено, что такое окончание **-oH* для 1-го л. ед. ч. настоящего времени могло быть связано с окончанием 1-го л. ед. ч. глаголов парадигмы ряда **-Ha*. В таком случае налицо пример взаимовлияния двух глагольных парадигм с проникновением форм одной парадигмы в другую (см. другие подобные примеры ниже при разборе взаимоотношений парадигм медиального спряжения).

Представляется, что и это противопоставление тематических глагольных форм с первичными и вторичными окончаниями, отражающими соответственно настоящее и прошедшее время (или еще более древние аспектные оппозиции), является некоторой инновацией в пределах индоевропейских диалектов под влиянием парадигм атематического спряжения. Дело в том, что в древних индоевропейских диалектах сохранились явные следы первоначальной недифференцированности тематического спряжения в зависимости от первичных и вторичных окончаний и соответственно недифференцированности тематического спряжения по темпоральному или более древнему аспектному признаку.

Полная парадигма тематического спряжения с противопоставлением первичных и вторичных окончаний представлена только в древнеиндийс-

ком, при чем форма 1-го л. ед. ч. осложняется дополнительно окончанием *-mi по аналогии с атематической парадигмой с последовательным противопоставлением первичных окончаний на *-i и вторичных окончаний без *-i: bhāvāmi из *bhavā- + *-mi (с сохранением первоначального *-ō < *-oH в греческом, латинском и других языках).

В других диалектах так называемые первичные окончания тематического спряжения, очевидно, вовсе не восходят к окончаниям с конечным *-i. Они скорее показывают окончания без *-i, проявляя тем самым связь с "вторичными" окончаниями: ср. лат. uehis, uehit, греч. φέρεις, φέρις и др. Такое соотношение можно истолковать в том смысле, что "первичные" и "вторичные" окончания в тематическом спряжении не противопоставляются друг другу по признаку наличия или отсутствия *-i. В тематическом типе спряжения как бы нейтрализуется это противопоставление, выражающееся в атематическом типе путем последовательного противопоставления окончаний на *-i и окончаний без *-i, которое проводится в древнеиндийском (и только в древнеиндийском) и для тематического типа, в чем можно видеть собственно древнеиндийскую инновацию (ср. Saussure 1879: 10; Meillet 1931a; Renou 1925; 1932; 1952: § 326; Hoffmann 1967; Watkins 1969: 63, §§ 41 и 42).

Отсутствие в тематическом спряжении противопоставления первичных и вторичных окончаний, передающего темпоральные или более ранние аспектные оппозиции в атематических формах глагола, можно истолковать как указание на первоначальную функцию тематического гласного, выражавшего, очевидно, некоторый видовой оттенок, при котором было бы избыточным (или семантически противоречивым) дополнительное маркирование с помощью элемента *-i, который выражал определенное аспектное противопоставление. Эти элементы представляли собой дополнительные друг в отношении друга форманты, передававшие несовместимые (или, возможно, идентичные) грамматические значения.

При утере первоначальной функции тематической гласной в ряде диалектов возникает, уже вторично, противопоставление первичных и вторичных окончаний на *-i в тематическом спряжении, в результате чего появляется некоторая симметричность в обоих этих типах спряжения, в наиболее полном виде проявляемая в древнеиндийском.

2.3. АГГЛЮТИНАТИВНОЕ СТРОЕНИЕ МЕДИАЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОКОНЧАНИЙ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Агглютинативное строение глагольных показателей в индоевропейском особенно ясно проявляется в принципах образования индоевропейских медиальных глагольных структур. Глагольные формы, выражавшие в индоевропейском рефлексивность и реципрокность, образуются от обоих глагольных рядов на *-mi и на *-Ha путем присоединения к этим окончаниям особых агглютинативных показателей медиальности при контаминации определенных форм ряда *-mi и ряда *-Ha. Несводимость разных типов образования медиальных форм в индоевропейских диалектах к общей исходной модели свидетельствует о позднем характере медиума как особой

категории и его ареально-диалектной обусловленности в пределах общеиндоевропейского языка¹.

Один из диалектных типов медиальной структуры образовывается путем присоединения к показателям ряда **-m(i)* маркера медиума **-o-*. В соответствии с этим возникают два ряда форм, отражающих "первичные" и "вторичные" окончания:

Первичные окончания: Вторичные окончания:

1 л. <i>*-m-o-i</i>	1 л. <i>*-m-o</i>
2 л. <i>*-s-o-i</i>	2 л. <i>*-s-o</i>
3 л. <i>*-tʰl-o-i</i>	3 л. <i>*-tʰl-o</i>

Другой диалектный тип представляют медиальные формы, образованные от окончаний ряда **-Ha* путем добавления к ним агглютинативного элемента **-r(-i)* и **-dʰl(-i)* в формах 2-го лица (ср. о структуре форм Cowgill 1970 : 142; 1972):

1 л. <i>*-Ha-r(i)</i>
2 л. <i>*-tʰl_a-r(i) // *-tʰl_a-dʰl(i)</i>
3 л. <i>*-e/o-r(i)</i>

Возникновение двух парадигм медиального спряжения в индоевропейском, характеризовавшихся ареальным распределением, приводит к контаминации этих типов спряжения и к проникновению определенной формы одной парадигмы в другую.

Так, например, медиальная парадигма ряда **-mi* обнаруживает явные следы окончания 1-го лица парадигмы ряда **-Ha*, тогда как окончание 3-го лица медиальной парадигмы ряда **-mi* проникает в парадигму ряда **-Ha*. В результате возникают контаминированные парадигматические системы медиума в отдельных индоевропейских диалектах, обнаруживающие связь с каждой из этих двух парадигм.

Медиальные формы ряда **-mi* представлены прежде всего в греческом:

Первичные окончания: Вторичные окончания:

Греч. 1 л. <i>-μαι</i>	<i>-μᾶν</i>
арк.-кипр. 2 л. <i>-σαι</i>	<i>-σο</i>
арк.-кипр. 3 л. <i>-τοι</i>	<i>-το</i>

В греч. *ᾱ* в форме 1-го л. ед. ч. можно видеть контаминацию с окончанием 1-го л. ед. ч. ряда **-Ha*.

Сходная контаминация имела место, очевидно, и в форме 1-го л. в древнеиндийской парадигме:

Первичные окончания: Вторичные окончания:

1 л. <i>-é</i> < индо-иран. <i>*-ai</i>	<i>-i (-á)</i> (ср. Cowgill 1968)
2 л. <i>-sé</i> < индо-иран. <i>*-sai</i>	<i>-thás</i>
3 л. <i>-té</i> < индо-иран. <i>*-tai</i>	<i>-tá</i>

¹ См. об истории и преобразовании медиальных форм в отдельных диалектах Meid 1971; 1977; Jasanoff 1973.

Вторичное окончание 2-го лица проявляет явную связь с соответствующим окончанием ряда *-*Ha*.

Медиальная парадигма, образованная от глагольных форм ряда *-*Ha*, наиболее отчетливо отражена в хеттском языке:

Наст. вр.	Прош. вр.
1 л. -(<i>ḫa</i>) <i>ḫa</i> (<i>ri</i>)	-(<i>ḫa</i>) <i>ḫa</i> - <i>t</i> (<i>i</i>)
2 л. - <i>ta</i> (<i>ti</i>)	- <i>ta</i> - <i>t</i>
3 л. - <i>a</i> (<i>ri</i>)// <i>-ta</i> (<i>ri</i>)	- <i>a</i> - <i>t</i> // <i>-ta</i> - <i>t</i>

Наличие в хеттском окончаниях медиума 3-го л. -*ta*(*ri*) наряду с -*a*(*ri*) (ср. *kiš-ari* 'становится'; *np. вр. kišat*; *eš-ari* 'садится', *np. вр. eš-at*, но *ki-tari* 'лежит', *np. вр. ki-tat*), синхронно отражающее в хеттском два типа спряжения: на -*mi* и на -*ḫi*, объясняется диахронически отражением в хеттской медиальной парадигме индоевропейских медиальных форм ряда *-*mi*.

Аналогичным образом объясняются медиальные парадигмы в кельтских и итальянских языках:

Др.-ирл. 1 л. - <i>ur</i>	Лат. -(<i>o</i>) <i>r</i>
2 л. - <i>ther</i>	- <i>re</i> - <i>ris</i> < *- <i>so</i> //*- <i>sis</i>
3 л. - <i>thir</i>	- <i>tur</i>

Окончания 2-го л. в этих парадигмах (как и форма 2-го л. в латинском) отражают окончание 3-го л. в медиальной парадигме ряда *-*mi*.

Своеобразную структуру обнаруживает медиальная парадигма в тохарском, в котором окончание -*r* присоединяется не к окончанию ряда *-*Ha*, а к медиальному окончанию ряда *-*m*(*i*), тогда как окончание 2-го лица отражает ряд *-*Ha* (ср. Cowgill 1972):

Тохарский А	Тохарский В
1 л. - <i>mār</i>	- <i>mar</i>
2 л. - <i>tār</i>	- <i>tar</i>
3 л. - <i>tār</i>	- <i>tār</i>

Таким образом, медиальные окончания в исторических индоевропейских языках объяснимы при допущении двух медиальных парадигм, основанных на окончаниях ряда *-*mi* и ряда *-*Ha*.

Ни одна из этих парадигм не представлена в отдельно взятом историческом индоевропейском языке без следов контаминации со второй парадигмой. Для общиндоевропейского состояния следует постулировать оба этих типа медиальных парадигм, ареально распределенных, что может служить свидетельством их сравнительно позднего возникновения в системе индоевропейского языка.

Действительно, медиальная парадигма могла возникнуть в системе индоевропейского глагола с появлением субъектно-объектных отношений и возникновением в системе склонения особых форм прямого и косвенного дополнения.

3. ТИПОЛОГИЯ «ВЕРСИОННЫХ» ОТНОШЕНИЙ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ МЕДИУМ

3.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ «МЕДИУМ» КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ВЕРСИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Возникновение “медиального” спряжения в индоевропейском было связано с необходимостью передачи семантики глагольной версии, то есть категории, выражающей направленность и предназначение действия. Категория версии могла естественным образом развиться из семантики центростремительных глагольных структур, выразивших направленность действия на субъект, в противоположность структурам, выразившим центростремительную направленность действия от субъекта.

Категория предназначения действия или версии предполагает в силу своей семантики участие в действии или в ситуации, описываемой глаголом, дополнительного лица, которому предназначено данное действие. Если производитель действия характеризуется в плане содержания языка в семантических терминах как *Agens*, лицо же, испытывающее действие, как *Patiens*, лицо, которому предназначено действие, можно квалифицировать как “десигнат” (*D*) в отличие от “адресата” (*Ad*), выражающего функцию актанта в косвенном (дательном) падеже (ср. Гамкрелидзе 1979а).

В предложении типа (1)

(1) *Я написал ему письмо*

актанта *ему* (в дательном падеже) является адресатом действия, тогда как в предложении (2)

(2) *Я убил ему (то есть для него) зверя*

форма *ему* выражает десигнат, обозначающий лицо, для которого совершается обозначаемое действие.

Десигнат может выступать в предложении наряду с адресатом, как в (3):

(3) *Я послал ему (адресат) книгу для него (десигнат)*

Особо тесную связь обнаруживает категория версии с категорией неотчуждаемой принадлежности, выражаемой притяжательным местоимением.

Конструкции с десигнатом в дательном падеже могут быть часто трансформированы в посессивные конструкции, ср. немецкое предложение (4):

(4) *Er hat mir die Hand verwundet,*

которое может быть трансформировано с сохранением смысла в предложение (5):

(5) *Er hat meine Hand verwundet*

Ср. также лат. *manūs sibi lavat* ⇒ *manūs suās lavat* ‘моет руки’ (ср. Kuryłowicz 1964).

Часто первая из этих конструкций с выражением версии представлена как грамматически правильная в одном языке, вторая же — с посессивной конструкцией — в другом: ср. немецкое

(6) *Ich wasche mir die Hände,*

[ср. русское (7) *Я мою [себе] руки*, французское *Je me lave les mains*], при английском

(8) *I wash my hands* (ср. Fillmore 1968: 61 и след.; Kurytowicz 1964: 75).

Универсальная категория версии, выражаемая в плане содержания всех языков, не во всех языках находит эксплицитное грамматическое выражение в глагольной структуре. В этом отношении представляют типологический интерес данные картвельских языков, в которых версионные отношения выражаются с помощью особых префиксальных морфологических показателей в глагольной структуре. Этими показателями являются в грузинском префиксы *-i-* для субъектной версии ('для себя') и *-u-* для объектной версии ('для него'), ср.

(9) *v-a-k'eteb* 'я делаю' (нейтральная версия)

(10) *v-i-k'eteb* 'делаю для себя' (субъектная версия)

(11) *v-u-k'eteb* 'делаю для него, ему' (объектная версия), см. Шанидзе 1973: 323 и след.; Boeder 1968.

Ср. также грузинское

(12) *v-i-ban xels* 'мою себе руки'

при немецком (6) *Ich wasche mir die Hände* и английском (8) *I wash my hands*.

Именно на передачу аналогичной семантической категории версии была ориентирована первоначально индоевропейская структура медиума, возникшая на базе глагольных парадигм с центробежной семантикой.

Древнейшая версионная семантика медиальных глагольных структур ясно проступает еще в наиболее ранних формах древних индоевропейских диалектов. Так, например, сопоставление др.-инд. *yájati* 'он совершает жертвоприношение' (для кого угодно в качестве жреца) и *yájate* 'он приносит жертву для самого себя в качестве жертвователя' явно свидетельствует в пользу версионного характера индийского медиума¹, что было с поразительной для того времени пронизательностью замечено еще Панини. Медиум для Панини — это 'слово для себя' (*ātmane-padam*) при активной форме, характеризуемой им как *parasmai-padam* 'слово для другого'.

Ср. также греческое *δανείζειν* *актив* 'дать в долг' (то есть 'одолжить другому') и *δανείζεισθαι* 'взять в долг' (то есть 'одолжить для себя'), при готском переводе этих греческих форм *leihvan* 'дать в долг' и *leihvan sis* 'одолжить для себя' (Wackernagel 1924; Lehmann 1973: 87).

¹ О версионном характере индоевропейского медиума см. Шанидзе 1946: 170 и 1969; Schmidt 1965.

Греч. δῶρα φέρει 'он несет дары' при δῶρα φέρεται 'он несет дары, которые предназначены ему самому' (Benveniste 1966a: 173; Бенвенист 1974: 184 и след.).

Эта древнейшая семантика индоевропейского медиума, устанавливаемая на основании сопоставления глагольных структур актива и медиума в древнейших индоевропейских диалектах—хеттском¹ (Neu 1968), древнеиндийском, древнегреческом (Перельмутер 1974: 76—77; 1977: 160 и след.), указывает на появление в пределах центростремительной глагольной структуры двучленной категории версии, различающей субъектное и несубъектное версионное значение (ср. Strunk 1980).

“Медиальные” окончания придают глагольной форме значение субъектной версии, “немедиальные” (активные) окончания характеризуют несубъектную версию глагола.

В отличие от категории версии, например, в картвельских языках, различающих трехчленное противопоставление: субъектная версия~объектная версия~нейтральная версия, индоевропейская категория версии характеризовалась с самого начала двучленным противопоставлением: субъектная версия~несубъектная версия.

Иными словами, в качестве десигната в структуре предложения выступало всегда субъектное лицо:

'я — себе — V—то'
'ты — себе—V—то'
'он — себе—V—то',

тогда как объектное лицо в качестве десигната не получает в индоевропейском глаголе морфологического выражения. Этим и объясняется двучленность индоевропейской категории версии (субъектная~несубъектная) в отличие от трехчленной категории версии (субъектная~объектная~нейтральная) в картвельских языках. Такая двучленная версионная категория в индоевропейском отражает бинарное противопоставление древних индоевропейских глагольных форм по признаку центростремительности~центробежности, отражающее старое деление именных и соответственно глагольных образований на активный и инактивный классы.

Семантика субъектной версии, выражающей направленность действия на субъект, является своеобразным отражением центростремительной семантики первоначальных индоевропейских глагольных образований ряда *-Ha.

С формально-описательной точки зрения субъектную версию глагола в индоевропейском можно рассматривать как результат версионной трансформации соответствующей активной формы, благодаря которой из глагольной структуры типа

$$S \quad V \left\{ \begin{array}{l} -e \\ -t[h]i \end{array} \right\} \quad [O] \quad \text{возникает структура} \quad S \quad V \left\{ \begin{array}{l} -o-(ri) \\ -t[h]-o-i \end{array} \right\} \quad D \quad [O]$$

¹ ср. хет. nu-za-kán ŠU^{HI.A}-uš a-ar-ri (КВо IV 2 III 26) 'и моет себе руки'; LUGAL-uš-za-kán ŠU^{HI.A}.ŠU a-ar-ri (KUB XX 99 III 18) 'царь себе руки (свои) моет', при др.-инд. pāñī āva nenikīe 'он моет себе руки' и греч. гом. νίψατο (≈ хет. -za) ὁ αὐτὸς χεῖρας (≈ хет. ŠU^{HI.A}), II 230 'он помыл себе руки'.

где *D* — десигнат, выражающий субъектное лицо.

Агглютинативные элементы *-o- [в глагольных формах ряда *-*m(i)*] и *-*r(i)* (в глагольных формах ряда *-*Ha*) являются тем самым выразителями семантики субъектной версии, морфологическими суффиксальными маркерами категории версии.

3.2. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ МЕДИУМА В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ В СВЯЗИ С КАТЕГОРИЕЙ ТРАНЗИТИВНОСТИ ~ ИНТРАНЗИТИВНОСТИ И ПОЯВЛЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ВЕРСИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ. МЕДИУМ И ПАССИВ

Позднейшее семантическое преобразование медиума из глагольных структур, выражающих версионные противопоставления, в структуры, выражающие значение непереходности (в противовес активным переходным формам глагола), вызывает появление аналитических форм выражения версионных отношений в структуре предложения с помощью особых прономинальных образований.

Наряду с единственным древнеиндоевропейским местоимением *s- (или *s^o-: лат. *sē, suī, sibi*, греч. *ἐ, οὔ, οἱ*, ст.-слав. *svojŭ*, др.-инд. *svá-* 'свой', *svayám* 'сам', авест. *x^{va}-* 'свой') для выражения субъектного десигната в структуре предложения в отдельных индоевропейских диалектах появляются слова различного происхождения: греч. *αὐτός, φίλος, σφέτερος*, др.-инд. *atmán-*, лат. *ipse*, нем. *selbst* и др., ср. ниже о хет. *-za*, лув. *-ti*. Слово, выражавшее отношение рефлексивности, то есть лексический эквивалент версионных отношений, отсутствовало в индоевропейском праязыке (*Delbrück 1893—1900, III: 477 и след., 497*).

По мере становления и оформления в индоевропейском глагольной категории переходности ~ непереходности структура медиума, выражавшая первоначально версионные отношения, приобретает функцию выражения глагольной непереходности, противопоставляясь активным формам ряда *-*mi* и *-*Ha*, выразившим соответственно глагольную переходность.

Индоевропейская глагольная система преобразуется в сторону формального выражения центральной категории переходности ~ непереходности, для чего и используются соответствующие формальные средства языка. Семантически центрированные структуры субъектной версии становятся естественным средством выражения глагольных структур с непереходной семантикой.

Такое семантическое развитие медиальных структур можно проследить на данных ряда древних индоевропейских диалектов. Это уже касается такого древнего индоевропейского диалекта, как хеттский язык, в котором подобный формально-семантический переход можно проследить уже в письменный период его развития (*Neu 1968: 56, 62, 63, 80, 106*), а также греческого (*Schwyzler/Debrunner 1950, II: 235; Debrunner/Scherer 1969: 113*) и древнеиндийского (с рефлексивным значением в позднем санскрите, *Bloch 1934*).

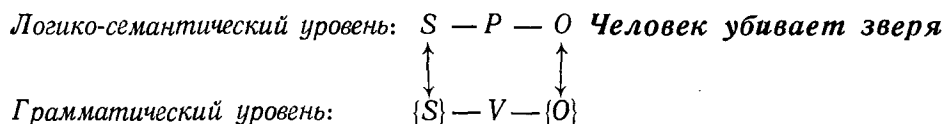
В процессе такого преобразования медиальные глагольные формы приобретают значение по преимуществу непереходных глаголов, а далее

грамматикализуются как пассивные, что отражено в медиальных формах с исключительно непереходной семантикой таких индоевропейских языков, как латинский (пассив из индоевропейского медиума, *Wackernagel 1924*), тохарский (преимущественно пассивное значение при следах старого медиального, *Краузе 1959: 63*), германские (*Гухман 1964: 262*), позднейший греческий (*Перельмутер 1974: 77; 1977: 137 и след.*).

На уровне глубинных отношений пассив как особую диатезу следует отличать от категории версии, выраженной в индоевропейском так называемом медиумом. В синхронно действующей языковой системе пассив есть результат пассивной трансформации соответствующих активных структур, при которой происходит конверсия отношений между логико-семантическим субъектом и объектом:

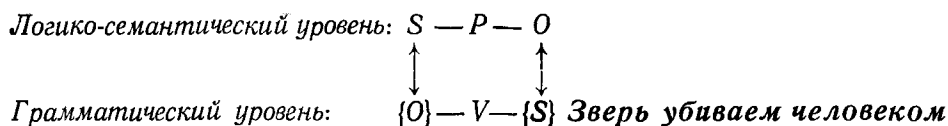
Если при активной конструкции выступает прямое соотношение между логико-семантическим субъектом *S* и объектом *O*, с одной стороны, и грамматическим субъектом $\{S\}$ и объектом $\{O\}$, с другой,

Схема 1

то при пассивной трансформации логико-семантический субъект выражается уже с помощью грамматического объекта, тогда как логико-семантический объект выступает в функции грамматического субъекта:

Схема 2

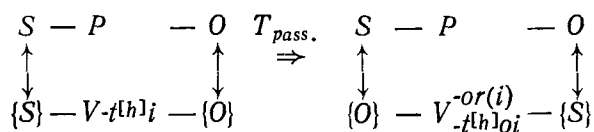

То есть при пассивной трансформации возникшая диатеза характеризуется конверсией соотношений между логико-семантическими единицами и единицами грамматического уровня:

$$S \rightarrow \{O\} \text{ и } O \rightarrow \{S\}$$

При такой трансформации транзитивная глагольная форма преобразуется в интранзитивную:

Схема 3

В версионных глагольных структурах грамматический субъект и объект находятся в прямом соотношении с логико-семантическими единицами.

Существенно здесь только то, что логико-семантический десигнат — *D* находит эксплицитное грамматическое выражение в глагольной форме наряду с логико-семантическим объектом *O*, то есть версионная глагольная форма отражает логико-семантическую структуру:

$$S — P — D — O$$

При совпадении лица *D* с лицом *S* возникает субъектная версия, выраженная индоевропейскими медиальными формами.

3.3. «ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЕ» ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ И «ГИПОТЕТИЧНОСТЬ» ВЫРАЖАЕМОГО ПЕРФЕКТОМ ЗНАЧЕНИЯ

Преобразование медиальных версионных форм в индоевропейском в конструкции с пассивным значением может быть объяснено общей для этих конструкций семантикой центростремительности действия, направленности действия вовнутрь на грамматический субъект (то есть логико-семантический субъект или объект). Семантика субъектной версии индоевропейских медиальных конструкций дает естественное основание для последующего преобразования этих конструкций в собственно пассивные. Она же служит основанием для возможности преобразования медиальной конструкции субъектной версии в структуры с рефлексивным значением (при отождествлении прямого объекта с субъектом, чему должно было особенно содействовать отношение неотчуждаемой принадлежности, имплицитно представленное в субъектной версии, ср. *Kuryłowicz 1964 : 75*).

Признак центростремительности индоевропейских медиальных образований объединяет их также с индоевропейскими перфектными формами и целым рядом других непереходных глагольных структур. Только с этой точки зрения можно понять идентичность парадигмы медиума и непереходного глагола и объяснить их связь с индоевропейским перфектом, выражавшим первоначально также состояние как результат прошлого действия.

Эта особенность индоевропейских перфектных образований объясняет и семантику “гипотетичности”, имплицитно содержащуюся в глагольных формах перфекта. Поскольку действие произошло в прошлом, а автор коммуникации (*1-е лицо*) является лишь свидетелем состояния как результата этого действия, это последнее воспринимается им как акт, совершенный вне его присутствия, как некоторое гипотетическое событие, о котором он судит только по результатам этого действия¹.

¹ Такая семантика перфектных образований особенно отчетливо выступает в картвельских так называемых “заглазных” глагольных формах III (инверсивной) серии времен, ср. груз. *dauc'eria* ‘он, оказывается, написал’, *gauk' etebia* ‘он, оказывается, сделал’. Типологически различение ‘группы виденного’ (*naxulis žguri*) и ‘группы невиденного’ (*unaxavis žguri*) в грузинской грамматике (*Шанидзе 1973 : 211 и след.*) сопоставимо со сходным различением по отношению к перфекту у П а н и н и (*parokṣā—aparokṣe*), *Schmidt 1964 : 9*; ср. типологически также болгарские формы “очевидности”, восходящие к славянским перфектным образованиям: *з а м и н а л а* ‘как будто

Перфект в греческом и индо-иранском обычно употреблялся при отрицании, *Grünenthal 1933*. Этим можно объяснить и то, что в отдельных диалектах, в частности в славянском, функции перфекта позднее перенимают такие глагольные структуры, которые первоначально имели значение гипотетичности: славянские формы на *-l(ǫ)* (ср. *Kuryłowicz 1970—1972*), сохранившие модальное значение (*Бородич 1963; Galton 1962*), как и родственные им тохарские формы на *-lye* (*Thomas 1952; ср. Бенвенист 1959: 97; Benveniste 1936*), армянские (*sireli* 'тот, кого нужно любить', 'милый'), хетто-лувийские формы типа *dalugnula-* '(те, которые) должны быть удлинены', *barganula-* '(те, которые) должны быть возвышены', *Pedersen 1947; van Brock 1962; Benveniste 1962a: 18—20; Иванов 1968: 270—272; Solta 1970*. В старославянских текстах отмечается, в частности, перфектная трансформация в форму на *-l(ǫ)*, сопровождающая отрицательную трансформацию: перфект *něstī sŭtvorilŭ* 'не сотворил' = 'не сделал' при аористе *sŭtvori* 'сотворил' (*Бородич 1963: 9, 12, 15*), ср. аналогичное соотношение перфектных форм при отрицательной трансформации в грузинском, где положительная форма глагола в прошедшем времени (аорист *da-v-c'er-e* 'я написал', *da-v-xat'e* 'я нарисовал') преобразуется при отрицательной трансформации в форму III (перфектной) серии: *ar da-m-i-c'er-ia* 'я не написал', *ar da-m-i-xat'av-s* 'я не нарисовал'.

В балтийских языках старый индоевропейский перфект находит отражение только в форме отрицания: латыш. *nevaids* 'нет' < 'неизвестно'¹, *Endzelīns 1951: § 601a; Stang 1966: 416*, ср. там же о лит. *grā* 'есть', в отрицании *nėrà* 'нет' (при ст.-лит. *ėsti* 'есть', ср. в старолитовских переводах с польского: *ėsti* в положительных предложениях, *nėrà* в отрицании: *nėrà Diėvo* 'нет бога' = польск. *nie masz Boga*², ср. *Ford 1967*. К этимологии *-r* в *nėrà* ср. *Иванов 1968: 235—238 и 269; Watkins 1969: 195—197*, о формах с **-r* в глаголе как связанных с частицей **r* в греч. гом. $\alpha\rho$, $\beta\alpha$: $\sigma\tau\tilde{\eta}$ $\beta\alpha$, Н 225, тох. В *ra*).

4. РАНГОВАЯ СТРУКТУРА ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СЛОВОФОРМЫ

4.1. ВЗАИМОРАСПОЛОЖЕНИЕ СУФФИКСОВ В ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВОФОРМАХ РЯДА **-mi*

В соответствии с типом языка структуры *OV* целый ряд глагольных категорий, таких как конъюнктив, оптатив, каузатив и другие, выражается морфологически в глагольных формах с помощью особых суффиксальных

(по слухам) отплыл (о корабле)' (*Jakobson 1971a: 135; Andrejčin 1938*; ср. о македонском *Lunt 1952*; к общей типологии "очных" форм ср. о японском *Холодович 1946: 196—197*).

¹ Частичную типологическую параллель можно видеть в развитии 'знать' > 'испытать' ('know' < 'experience') при отрицательной трансформации (*Buyssens 1959*).

² Относительно польск. *nie masz* (XV—XIX вв.), позднее *nie ma* 'нет', ср. *Šmiech 1966; Bendix 1966: 131*; ср. о типологических параллелях подобному различению отрицательных форм глаголов бытия (польск. *nie ma* — лит. *nėrà*) и положительных форм (польск. *jest* — ст.-лит. *ėsti*) *Locker 1955: 549—550*.

показателей агглютинативного характера. В этих показателях, как и в анализированных выше показателях медиальных глагольных структур, выдерживается основной принцип агглютинации — свободной вычленимости специфических показателей, каждый из которых выражает, как правило, одно грамматическое значение, одну грамему.

При этом конкретный показатель или группа показателей занимает строго определенное место в морфемной последовательности в глагольной словоформе.

Непосредственно за глагольной основой следуют так называемые тематические гласные **-e-/*-o-*, выступающие тем самым в качестве морфем Ранга I. За тематическими гласными, занимая 2-ое место в ранговой структуре морфем, выступают показатели конъюнктива **-e-/*-o-* или оптатива **-jeH-/*-iH-*:

Атематический тип:

Индикатив: **eḷ-mi* 'иду', **eḷ-si* 'идешь', **eḷ-tʰli* 'идет'

Др.-инд. *é-mi*, *é-si*, *é-ti*

Конъюнктив: **eḷ-oH* 'я шел бы', **eḷ-e-s(i)* 'ты шел бы', **eḷ-e-tʰli(i)* 'он шел бы'

Др.-инд. *áy-ā(ni)*, **ay-as(i)*, *áy-at(i)*

В атематических структурах Ранг I остается свободным и морфема Ранга II (показатель конъюнктива) примыкает непосредственно к основе. Оба этих ранга представлены сегментными морфемами в тематических глагольных формах:

Тематический тип:

Индикатив: **bʰler-oH* 'несу', **bʰler-e-si* 'несешь', **bʰler-e-tʰli* 'несет'

Др.-инд. *bhárāmi*   *bhárasi*   *bhárati*

Греч.   φέρω   φέρεις   φέρει

Конъюнктив: **bʰler-oH*   **bʰler-ē-si*   **bʰler-ē-tʰli*

'я нес бы'   'ты нес бы'   'он нес бы'

Др.-инд. *bhárā(ni)*   **bharās(i)*   *bhárāt(i)*

Долгое **-ē-* в индоевропейских формах объяснимо, очевидно, слиянием двух показателей: тематической гласной **-e-/*-o-* и показателя конъюнктива **-e-*: то есть

$*bʰler-ē-si < *bʰler-e-e-si$

$*bʰler-ē-tʰli < *bʰler-e-e-tʰli$

В тот же второй ранг суффиксальных морфем попадает и показатель индоевропейского оптатива **-jeH-/*-iH-*

Атематический тип:

Оптатив: **s-jeH-m* 'я был бы' **s-jeH-s* 'ты был бы' **s-jeH-tʰli* 'он был бы'

Др.-инд. *syām*   *syās*   *syāt*

Ст.-лат. *siem*   *siēs*   *siet*

Тематический тип:

Оптатив: *b^[h]er-o-iH-m 'я нес бы', *b^[h]er-o-iH-s 'ты нес бы', *b^[h]er-o-iH-t^[h] 'он нес бы'

Др.-инд. bhāreyam bhāres bhāret

Принадлежность обоих этих показателей к Рангу II указывает на функциональную близость этих формантов, выражающих различные аспекты единой категории модальности (при индикативе, выражаемом отсутствием аффикса в этом ранге)¹, ср. Gonda 1956. Совпадение аффикса Ранга I—тематических гласных *-e-/*-o- — с показателем конъюнктива, относящимся в позднеиндоевропейском к Рангу II, может служить указанием их исторической тождественности и функциональной соотнесенности. Лишь в позднеиндоевропейском происходит, очевидно, расщепление этого ряда показателей и формирование формантов двух различных рангов.

Признаком исторической функциональной близости показателя конъюнктива к исторической, так называемой тематической гласной может служить и форма 1-го л. ед. ч. на *-lo¹H, как и в тематическом спряжении, ср. индоевропейские формы от глагола *es- 'быть' [конъюнктив 1 л. ед. ч. *es-oH, 2 л. *es-e-s(i), 3 л. *es-e-t^[h](i)], отраженные в латинских формах будущего времени *erō, eris, erit* и в кельтских формах настоящего времени конъюнктива: др.-ирл. 1 л. ед. ч. *beo* < *(b)esō, *(b)eses, *(b)eset, Watkins 1969: § 40, 62; Szemerényi 1970: 238—239. Противопоставление в индоевропейском спряжении конъюнктива первичных и вторичных окончаний с *-i и без *-i (в окончаниях 2-го и 3-го лица) относится к более позднему периоду, к эпохе становления полной системы парадигм спряжения с первичными и вторичными окончаниями в древнеиндийском.

Еще в "Ригведе" обнаруживаются ясные следы недифференцированности конъюнктива по темпоральному признаку в зависимости от "первичных" и "вторичных" окончаний: ср. вед. *ásat* 'был бы' (24 раза в "Ригведе") со значением вневременного конъюнктива, параллельно *ásati* (6 раз в "Ригведе"), *kárat, káрати* (при индикативе *kṛnóti* 'делает'), *gámat* (при индикативе *gácchati* 'идет'), *yámati* (при индикативе *yácchati* 'преподносит'), Watkins 1969: § 44, 64—65; ср. Kuryłowicz 1964; Gonda 1956).

К тому же Рангу II, что и оптатив и конъюнктив, относится и показатель каузатива *-je-, занимающий место в последовательности морфем за тематической гласной:

*b ^[h] er-e-t ^[h] i	⇒ кауз.	*b ^[h] er-o-je-t ^[h] i
'несет'		'заставляет нести'
Др.-инд. bhāрати		bhāráyati
Греч. φέρω		φορέω

¹ Такое значимое отсутствие аффикса в форме индикатива следует рассматривать как функционирование нулевого аффикса в качестве показателя индикатива в противовес сегментным аффиксам, образующим другие аналогичные категории—конъюнктив, оптатив.

Соотнесенность суффикса каузатива с Рангом II, где представлены такие модальные показатели, как конъюнктив и оптатив, может свидетельствовать о первоначальной модально-видовой семантике этого показателя в индоевропейском, лишь позднее превратившегося в выразителя категории каузации.

Такое первоначальное видовое значение показателя “каузатива” прослеживается в индоевропейских сопоставлениях типа др.-инд. *bhārayati*, греч. гом. φορέω в таких контекстах, как αὐτὰρ ὁ αὐτὲ θεῖστ' Ἀγαμέμνονι λείπει φορέηναι ‘Тизст же Агамемнону оставил (его) носить (т. е. завещал ему скипетр)’, В 107, где φορέηναι переводится как ‘носить’ (Kurylowicz 1964: 86), ср. у Гомера такие пары, как

φοβέομαι : φέβομαι ‘бояться’
 τρομέω : τρέμω ‘дрожать’
 τροπέω : τρέπω ‘поворачиваться’,

в которых представлено скорее видовое противопоставление, нежели противопоставление по каузативности; ср. также ст.-слав. *iz-baviti* ‘избавить’ при др.-инд. *bhāvayati*, каузатив к *bhū-*, *bhāvate* ‘быть’; ст.-слав. *saditi* ‘садить, сажать’, при др.-инд. *sādayati* ‘сажать’, каузатив к *sad-* ‘сидеть’; лат. *spondeō* ‘совершать торжественную церемонию’ при греч. σπέυδω ‘совершаю возлияние, жертву’, хет. *šipandahhi* ‘совершаю жертвоприношение’ и др.

Суффикс *-je- со значением каузативности в позднеиндоевропейской системе отражает, очевидно, первоначальный суффикс с определенным модально-видовым оттенком, противопоставлявшим глагольные формы на *-je- глагольным формам, образованным с помощью других суффиксов того же ранга с различными модальными оттенками. Лишь впоследствии, при появлении в системе бинарного противопоставления глагола по транзитивности — интранзитивности, один из модально-видовых суффиксов приобретает транзитивную функцию каузальности, превращая непереходные глаголы в переходные или увеличивая валентность переходных глаголов на единицу.

В следующий третий морфемный ранг попадают личные показатели глагола 1-го, 2-го и 3-го лица *-m, *-s, *-t^hl.

Четвертый ранг представлен показателем субъектной версии *-o-. Форма без *-o- в этом ранге, противостоящая форме с *-o- как несубъектная версия субъектной, предполагает наличие нулевого форманта -∅ как показателя несубъектной версии.

Пятый крайний ранг представляют разобранные выше суффиксы настоящего времени *-i и повелительного наклонения *-u, свидетельствующие о первоначальной аспектуальной (но не темпоральной) функции показателя *-i.

Формы без такого *-i, противостоящие последним как формам настоящего времени (ранее инъюнктива), заставляют рассматривать значимое отсутствие сегментного форманта “прошедшего времени” как нулевой показатель -∅- прошедшего времени.

В определенном смысле вне ранговой структуры глагола находится форма императива 2-го л. ед. ч. В качестве такой формы используется чистая глагольная основа, осложненная лишь суффиксом Ранга I—тематической гласной. Все остальные ранги снимаются:

Атематическая основа: *eĭ 'иди!' (лат. *ĭ*, ср. формы с позднейшими частицами: др.-инд. *i-hi*, греч. *ἴ-θι*, лит. *eĩ-k*);

Тематическая основа: *ak'e 'веди!' (лат. *age*, греч. *ἄγε*, др.-инд. *ája*).

Повелительная форма 2-го л. ед. ч. как форма внеранговой структуры (то есть чистая глагольная основа) широко распространена в разных языках мира и может считаться типологической универсалией, находящей возможное объяснение в особенностях детского языка.

Ранговая структура сегментных индоевропейских глагольных форм ряда *-mi может быть схематически представлена в виде Табл. 1:

ТАБЛИЦА 1
РАНГОВАЯ СТРУКТУРА СЕГМЕНТНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ РЯДА *-mi

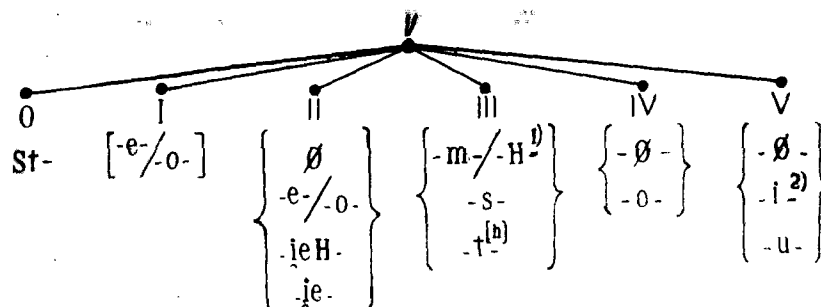
Морфемный ранг	0	I	II	III	IV	V
Последовательность морфем	<i>St</i>	Тематическая гласная	Конъюнктив Оптимив Каузатив	Личные показатели	Субъектная версия	Наст. время (аспект) Повелит. накл.

1. *St* → Глагольная основа нулевого ранга, включающая в себя и деривационные суффиксальные элементы типа *-škʰl-, *-aH-, *-o- и др.
2. Тематическая гласная → *-e-/*-o-
3. Конъюнктив → *-e-/*-o-
4. Оптимив → *-ieH-/*-iH-
5. Каузатив → *-ie-
6. Личные показатели → $\left\{ \begin{array}{l} 1 \text{ л. } *-m-/*-H- \\ 2 \text{ л. } *-s- \\ 3 \text{ л. } *-ʰh1. \end{array} \right\}$
7. Субъектная версия → *-o-
8. Настоящее время (аспект) → *-i-
9. Повелительное наклонение → *-u-

С учетом и нулевых аффиксов в соответствующих рангах полную морфемную последовательность в глагольной словоформе ряда *-mi можно представить в виде следующей диаграммы, иллюстрирующей развертывание глагольной формы V на составные элементы¹:

¹ Это по существу представляет ранговую грамматику индоевропейского глагола, аналогичную по общему методу той, которая была построена Гельбом для протоаккадского (семитского) языка (Gelb 1969).

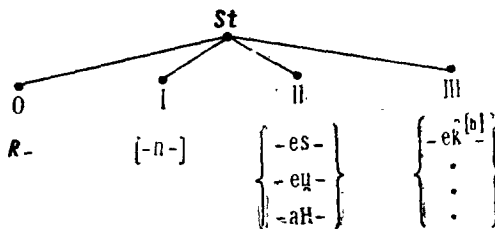
Схема 4

4.2. ВЗАИМОРАСПОЛОЖЕНИЕ СУФФИКСОВ В ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВЕ

Структурный компонент *St*, подпадающий под нулевой ранг глагольной словоформы, представляет собой в свою очередь сложное структурное образование, состоящее из нерасчленимого далее ядра (корня) с присоединяемыми к нему морфологическими элементами, образующими вместе с корнем *R* глагольную основу *St*. Этот класс структурных элементов представлен в индоевропейском суффиксами **-n-*, **-k̑^{[h]}*, **-eϥ-*, **-es-*, **-aH-* и др., присоединяемыми к корню *R* в определенном ранговом порядке, объясняющем отражение глагольных основ с этими элементами в исторических индоевропейских языках:

Схема 5

¹ **-H-* в качестве показателя 1-го л. ед. ч. вместо **-m* при условии заполнения в морфемной последовательности Ранга I элементом **-e-/o-*, то есть в тематических глагольных основах. В этом проявляется некоторая взаимозависимость в глагольной форме Рангов I и III. Этот же показатель 1-го л. ед. ч. **-H* выступает и при суффиксе конъюнктива Ранга II **-e-/o-*, что указывает на взаимозависимость аффиксов Рангов II и III.

Эти синхронные отношения аффиксов различных рангов можно свести к диахронической тождественности тематического показателя Ранга I **-e-/o-* с показателем конъюнктива, выступающим в качестве аффикса Ранга II (ср. о других свидетельствах этого тождества *Renou 1932; Watkins 1969: 63—65*).

² Наличие в морфемной последовательности морфемы Ранга I или морфемы **-e-/o-* из Ранга II исключает морфему Ранга V **-i* в качестве конечного элемента в морфемной последовательности. Несовместимость в морфемной последовательности указанных элементов Рангов I—II и V указывает либо на их семантическую противопоставленность в пределах единой грамматической категории, либо на их семантическую несовместимость.

Глагольная основа с максимальным количеством ранговых элементов $R-I-II-III$ характеризуется окончанием $*-n-es-ḱ^{[h]}$, ср. класс глаголов на $-nāšk-$ в тохарском, $-nešk-$ в хеттском¹, отражающих, очевидно, общиндоевропейские глагольные основы с максимальной ранговой структурой. Ограничение, накладываемое на основу трехранговой структуры, заключается только в том, что из Ранга II избирается лишь элемент $*-es-$. Иными словами, суффикс $*(e)ḱ^{[h]}$ может присоединяться в трехранговой структуре только к элементу Ранга II $*-es-$ при наличии элемента Ранга I $*-n-$.

Двухранговая структура основы выражается возможными сочетаниями Рангов I—II, II—III, I—III:

$R-I-II$

$*-n-(e)s-$:

Хет. $iḱanneš$ 'он постоянно двигался (в походе)' (3 л. ед. ч. прош. вр., представленное в виде древней чистой основы, ср. форму императива 2-го л. ед. ч. $iḱanniš$ KUB XXIV 8 II 7, Sommer/Falkenstein 1938: 176 и след.);

Хет. $tarniš-ten$, 2 л. мн. ч. повел. накл. (ср. $tarna-$ 'пускать'); др.-инд. $śi-n-aṣ-ṭi$ 'оставляет' (Kuiper 1937: 40), греч. $χουέω$ 'целую': $*ḱ^{[h]}u-n-es-$ (Puhvel 1960: 31);

$*-n-(e)u-$ (ср. др.-инд. класс V):

Хет. $arnu-$ 'приводить, приносить', др.-инд. $ṛnóti$ 'он двигается, поднимается', греч. $ῥρυῖμι$ 'возбуждаю'; др.-инд. $śṛnóti$ 'слышит', др.-ирл. $ro-cluinethar < *ḱ^{[h]}l-n-u-fl^{[h]}ro$ (Marstrander 1924: 19 и след.);

Хет. $ternu-$ 'уменьшать', 'унижать' (ср. хет. $teru-$ 'малый'), др.-инд. $dabhnóti$ 'наносит вред', ср. ст.-слав. $roměnōti$ 'понимать', 'вспомнить' (из $*mṛ-n-eṣ-$);

$*-n-(a)H-$ (ср. др.-инд. класс IX):

Др.-инд. $mṛṇāti$ 'размалывает'; хет. $ṣatarnahḫ-$ 'сообщать', 'приказывать', 'свидетельствовать'; др.-инд. $krīṇāti$ 'покупает', др.-ирл. $crenaid$; др.-инд. $grṇāti$ 'глотает' (Burrow 1957: 140); вед. $puṇāti$ 'чистит', ср. вед. $pávate$ (Puhvel 1960: 21 и след.);

$R-II-III$

$*(e)-ṣḱ^{[h]}$:

Хет. $pešk-$, императив к $pai-$ 'давать', $nešk-$, императив к $nai-$ 'вести', $aršk-$ 'достигать' (Hatt. II 13, KBo III 4 III 70; KUB XIII 2 I 25); др.-инд. $ṛcchāti$ 'достигает'; $iščhāti$ 'ищет', ст.-слав. $iskati$ 'искать', др.-в.-нем. $eiscōn$ 'искать', 'требовать';

Др.-инд. $ṛcchāti$ 'спрашивает'; лат. $poscō$ 'прошу', $pāscō$ 'пасу', тох. В $pāsk-$ 'пасти', 'хранить';

$R-I-III$

$*-n-(e)ḱ^{[h]}$:

¹ хет. $tiḱanešk-$ ($tiḱaneškimi$ 'зашиваю', KUB VII 53 II 17, Goetze 1938: 77 и след.; Friedrich 1957: 21), $tarnešk-$, $tarnašk-$ (KUB XXX 28 I 27) от $tar-n-$ 'пускать, отпускать', ср. $taršik-$, KUB XXIII 72 II 41, $taršk-$, KUB XXIV 9 II 42.

Лат. *uincō* 'побеждаю', оск. *vinciter* 'convincitur', хет. *ḫarnink-* 'уничтожать', *ḫunink-* 'разрезать', 'вредить'¹, авест. *māraṇčaiti* 'повреждает', 'уничтожает' (**mṛ-n-ak-*, Kuiper 1937: 125).

Одноранговая структура основы образуется присоединением к корню элемента одного из трех возможных рангов:

R—I

*-*n-* (ср. Kuiper 1937; Strunk 1972a):

Хет. *tarna-* 'пускать, отпускать' (ср. хет. *taršk-* и *tarnešk-*), тох. А *tārnā-* 'пускать' (ср. тох. А *tār-k-*); лат. *in-unt* 'идут' (форма с *-n-* от глагола *i-* 'идти', ср. хет. *iḫannai-* 'постоянно ходить');

R—II

*-(*e*)*s-*:

Хет. *lukkeš-* 'светать', тох. *luk-s-* 'освещать';

Хет. *raḫš-* 'охранять, хранить, соблюдать', лат. *pāstum*, *pāstor* (ср. *pāscō* 'пасты'), тох. А *pās-*, ст.-слав. *pasti*; хет. *paš-* 'глотать' (ср. др.-инд. *pībati* 'пьет', греч. *πίβει* 'пей!');

Др.-инд. *naiṣ-*, *neṣ-* (ср. *nāya-* 'вести', хет. *nešk-*, *nai-* 'вести');

*-(*e*)*μ-*:

Греч. *χελεύω* 'направляю', 'двигаю' (ср. *τελ-εω-τή* 'конец', Schwyzer 1939, I: 683; Chantraine 1968-: 513); греч. *ἵαπαδαίω* 'иападаю'; хет. *tarḫ-u-* (*tarḫuzzi* 'побеждает', по-видимому, с нулевой огласовкой суффикса);

*-(*a*)*H-*:

Лат. *pouāre*, греч. *νεάζω*, хет. *necaḫḫ-* 'обновлять';

Хет. *armaḫḫ-* 'забеременеть' (ср. *arma-* 'луна');

R—III

*-(*e*)*k^[h]l-*:

Тох. А *tār-k-* 'отпускать' (ср. хет. *tar-na-*, *tar-šk-*).

В Ранге III при сочетании с элементами Ранга II или Ранга I, а также при присоединении непосредственно к корню, помимо указанного выше в схеме элемента *-(*e*)*k^[h]l-*, может выступать целый ряд других элементов, характеризующихся по традиционной терминологии как "расширители" или корневые детерминативы (*Wurzelerweiterung*) в широком смысле. В качестве таких "расширителей" представлены как велярные, так и дентальные и лабиальные элементы *-(*e*)*k^[h]l^o-*, *-(*e*)*d^[h]l-*, *-(*e*)*t^[h]l-*, *-(*e*)*g^[h]l-* и другие (ср. Schwyzer 1939, I: 701—706; Meïe 1938: 237; см. собрание примеров на большинство этих типов в позиции после носового элемента Ранга I, Kuiper 1937: 123—146).

Восстановление первоначальных функциональных значений рассмотренных выше суффиксов, поддающихся формальному описанию в терминах ранговой структуры, представляет значительные трудности ввиду множества их прямо не соотносимых функций, засвидетельствованных в исторических языках. Так, например, суффиксальное сочетание *-(*e*)*š-k^[h]l-*

¹ Хеттские формы восходят, очевидно, к последовательности суффиксов со вторым элементом в полной ступени и фонетическим повторением элемента *-n-*, ср. формы без *-n-* в позиции перед двумя согласными, *ḫar-nik-mi*, *ḫu-nik-ta* и др.

приобретает в хеттском итеративно-дуративную функцию (Bechtel 1936) и функцию множественности объекта, ср. выше, стр. 307 (а также субъекта, Dressler 1968), в тохарском — каузативное значение (Couvreur 1938; Krause 1952), в латинском — инкоативное.

То же самое можно сказать о функциях суффикса Ранга II **lels-*, образующего по языкам формы аориста (греческий, индо-иранский, Елизаренкова 1960, славянский, ср. также, возможно, формы прошедшего времени на *-s-* в хеттском и кельтском, Watkins 1962), модальные формы (индо-иранский прекатив, Burrow 1954), формы дезидератива (Puhvel 1960: 41 и след.), формы будущего времени (греческий, индо-иранский, латинский, балто-славянский), каузативные формы на *-s-* (тохарский).

Суффикс **-aH-* образует в ряде языков (хеттский, латинский, греческий, германские) отыменные глагольные основы; формально аналогичный суффикс выделяется и в модальных образованиях в итальянском и в формах прошедшего времени в балтийском и славянском.

Суффиксальное сочетание **-n^{le}u-* выражает в историческом хеттском каузативное значение, следы которого предполагаются и в других языках, тогда как в некоторых индоевропейских языках представлены следы как транзитивно-каузативного, так и интранзитивного и перфектного значения (Kuiper 1937: 202—228).

Все многообразие разнородных значений одних и тех же суффиксальных элементов, устанавливаемое в исторических индоевропейских диалектах, указывает на сравнительно позднее развитие этих функций уже в пределах отдельных индоевропейских диалектов. Исконное общее значение этих суффиксальных элементов на индоевропейском языковом уровне можно определить как словообразовательную функцию: с помощью их, очевидно, образовывались разнообразные глагольные основы с различными лексическими значениями. Такие лексические значения в дальнейшем в отдельных диалектах преобразуются в чисто грамматические значения, а выражающие их суффиксальные элементы — в единицы, несущие грамматические реляционные значения.

Уже в отдельных исторических индоевропейских диалектах такое развитие суффиксальных элементов в сторону выражения чисто реляционных значений приводит к перестройке первоначальной ранговой структуры соответствующих языковых образований и к появлению новых правил синтагматических комбинаций древних суффиксов.

Так, например, в хеттском языке существенно нарушена ранговая структура рассматриваемых суффиксов в той части элементов индоевропейских глагольных образований, которые остались продуктивными в хеттском, ср., например, ранговую структуру сформировавшегося в хеттском флективного суффикса *-šk-* (ср. такие образования, как *uškišk-* 'посматривать' при *ušk-* 'видеть', корень *au-*; *duškišk-* 'радоваться, наслаждаться', *šeškišk-* 'лежать' и др.), а также продуктивного суффикса каузатива *-ni-*, присоединяемого к любой глагольной основе: *ḥatk-eš-ni-* (с обратным по отношению к индоевропейскому порядку суффиксальных элементов), ср. вед. *bhiṣṇak-* 'исцелять' (встречается один раз

в "Ригведе", Kuiper 1937: 47) с обратной последовательностью по отношению к древней, совпадающей, впрочем, с собственно хеттской.

Реконструкция древнейших моделей распределения этих суффиксальных элементов в общеиндоевропейском становится возможной лишь на основе сопоставления архаичных глагольных образований в отдельных индоевропейских диалектах и путем внутренней реконструкции ряда глагольных структур.

5. СТРУКТУРНЫЕ ИМПЛИКАЦИИ ЯЗЫКА С МОДЕЛЬЮ ПРЕДЛОЖЕНИЯ SOV В СТРОЕНИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ИМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ

5.1. ПРЕПОЗИТИВНЫЕ АДЪЕКТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВСОЧЕТАНИЯХ И СЛОЖНЫХ СЛОВАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Согласно изложенным выше типологическим принципам языка структуры *OV*, синтаксические элементы, соотносимые исключительно с именной частью синтагмы, располагаются перед *O*, примыкая к левой стороне, свободной по отношению к именному элементу синтагмы. Следовательно, язык структуры *OV* должен характеризоваться препозицией определяющих именную часть синтагмы слов и конструкций. Такая синтаксическая особенность характеризует именно древнейшие индоевропейские адъективные синтагмы и генитивные конструкции.

Препозиция адъектива *AdN* в индоевропейском как нормальный тип древнейшей адъективной синтагмы выводится путем проецирования сложных лексических образований с адъективной составной частью на синтаксический уровень. В таких сложных лексических образованиях адъектив позиционно предшествует, как правило, существительному.

Типичными примерами подобных сложных лексических конструкций общеиндоевропейской эпохи могут служить древнеиндийские определительные композиты (*tatpuruṣa-*) типа *karma-dhāraya-*, то есть сочетание адъектив + существительное: *mahā-devā-* 'великий бог' (Шива), *priyāsakhi-* 'приятная (любезная) подруга', *svā-sthāna-* 'родина' (буквально: 'свое место'), греч. ἀκρόπολις 'акрополь' (из 'высокий город'), μεσόγαια 'внутренние области', ἀγρίαμπελος 'дикая лоза', лат. *angiportus* 'узкая улица, переулок'; ср. хет. *šallakart-* 'большесердый' (в производном глаголе *šallakartai-* 'причинять вред') (ср. о типах словосложения в хеттском Kammenhuber 1961); ср. гот. *armahairts* (при лат. *misericors*), ст.-слав. *milosrīdū* 'милосердный', рус. *половодье* при лат. *palūs*, род. п. *palūdis* 'болото' (Трубачев 1972), ср. также славянские сложные слова типа *Svetoplŭkŭ* 'Святополк' (имя собственное).

Предполагаемый уже на основании анализа этих сложных слов синтаксический порядок *AdN* в адъективной синтагме подтверждается и правилами построения свободных словосочетаний, засвидетельствованными в древнейших индоевропейских диалектах: ср. хет. *aššun šiyattan* 'хорошего дня' *вин. п.* при др.-инд. сложном слове типа *karma-dhāraya-*

с теми же основами; *su-dyút-* 'обладающий великолепным блеском', *RV* 140, 1; 143, 3; 643, 4; ср. формы на **(e)su-* типа *su-vīra-* 'герой' (буквально: 'хороший муж'), др.-перс. *uv-aspa-* '(имеющий) хороших лошадей', греч. *ὕγις* 'здоровый' (= 'хорошо живущий');

Ср. в древнехеттском адъективные синтагмы типа *šu-up-rí ma-a-tar* 'чистая вода', КВо XVII 1, Vs. I 14; *ḫUL-lu ut-tar* 'злое дело' (*Tel.*, 2 BoTU 23 A I 33); *aššu IGI^{HI.A}.KA* 'добрые глаза твои' (КВо VII 28 Vs. 11); *ḫa-tu-ga-uš la-lu-uš* 'страшные языки' (КВо XVII I, Vs. II 11).

В старославянском в тех случаях, когда не сказывается греческое влияние, обнаруживается древний порядок адъективного комплекса с препозицией адъектива: ст.-слав. *vĭsĭ mirŭ* 'весь мир' как эквивалент греч. *κόσμος* (*Meiĕ 1951 : 386; Meillet 1934 : § 547*), ср. вед. *Viśvāmitra-* (собственное имя, основанное на этимологически тождественном славянскому сочетанию, *Toporov 1968*), ср. также препозицию **mikṃā-* в таких реконструированных индо-иранских формулах, как **mikṃā *aghār/*aghān* 'все дни': *āhāni viśvā*, *RV* I, 52, 11, авест. *vīspā ayārē*, *Y* 43, 2, *Duchesne-Guillemin 1962; 33; *mikṃā *dhāman* 'всякое деяние': вед. *viśvā... dhāma*, *RV* VII, 87, 2, авест. *vīspanqm... dāmanqm*, *Y* 1, 16; **mikṃā- *mik-ā *mik-pati-* 'всех кланов вождь': вед. *viśvāsām... viśām pātīm*, *RV* I, 127, 8; авест. *vīspō viśō vīspatōiš*, *Yt* 16; ср. также *viśvā dvēṣānsi* 'всех врагов', *RV* IX, 111, 1, авест. *vīspā tbaēšā*, *Yt* 10, 34, *Schmitt 1967 : § 382*.

Нормальный порядок в древнеиндийской адъективной синтагме определяется как *адъектив + существительное*. Общим для индийского и греческого являются такие сочетания адъектива и следующего за ним существительного, как вед. *iṣirēṇa... mānasā* 'священным манасом', *RV* VIII, 48, 7, гом. *ἱερὸν μένος* 'священная сила', σ34 (*Schmitt 1967 : §§ 42, 43, 192*); вед. *purū dānsānsi* 'обильное искусство', *RV* V, 73, 2, греч. *πολύδηρα πολύβουλον* 'проницательный', *Гесихиῦ* (*Schmitt 1967 : § 308*); вед. *āsūrñ... sūryam* 'быстрое солнце', греч. *ὤχεος Ἥελιοιο*, *Mimnermos, fr. 11. 5. D* (*Schmitt 1967 : §§ 319, 320*); вед. *urú... sadas* 'просторное место', *RV* I, 85, 6, греч. *εὐρουδείης* (Π 635), *Schmitt 1967 : § 511*.

Общим не только для индо-иранского и греческого, но и для иллирийского является сочетание **mesu *kleves* 'добрая слава': др.-инд. вед. *vásu-śravas-*, *RV* V, 24, 2, авест. *vanhāu sravañi*, *Y* 30, 10 с, греч. *εὐκλεής*, иллир. *Vescleves*, *Schmitt 1967 : §§ 143, 146, 179¹*.

¹ Ввиду наличия столь широких параллелей для индоевропейского первичным и основным представляется именно рассматриваемый порядок слов, тогда как обратный по отношению к нему мог быть эмфатической инверсией, возможной в поэтическом языке (и находившей, вероятно, дополнительную опору в конечном положении адъективов, используемых предикативно), ср. известные примеры типа вед. *śrávo... ákṣitam* 'неувядаемая слава', *RV* I, 9, 7, греч. гом. *κλέος ἀφθιτον* (1 413), но ср. обратный порядок в вед. *ákṣiti śrávaḥ*, *RV* IX, 66, 7 (*Schmitt 1967 : §§ 2, 101*) и в греч. *ἀφθιτον ἕδωο* 'источник вод неиссякающий', Гес., *Wüst 1969*, ср. вед. *uru-gāyām... śrávo* 'широкая... слава', *RV* VI, 65, 6, др.-инд. *Uruśravas-* (в пуранах),

Препозиция адъектива по отношению к определяемому имени обнаруживается и в значительном числе общеиндо-иранских формул, ср. *ji-mas *asus 'живой дух': вед. *jīvo ásur*¹, RV I, 113, 16, авест. *juyo anhuš*, H. 2, 2; **draugha-* *mačas 'лживое слово': вед. *dróghāya vácasa*, RV VI, 62, 9, авест. *draoγəm vāčim*, Yt 19, 33 (авест. *draoγō.vāxš-*: вед. *droghavāc*, compositum от того же словосочетания); *surām *madhu 'винный напиток—мед': вед. *surām mādhu*, AV X, 6, 5, авест. *hurayā vā madāuš vā*, Vd 14, 17; **ḡhāranīa-* *mani 'золотой талисман': вед. *hīraṇyena maṇinā*, RV I, 33, 8, авест. *zaranyō.minam*, Yt 15, 57, ср. 14, 33²; **danstra-* + **maragh-* 'зубастый вепрь': вед. *áyodan-ṣṭrān... varāhūn*, авест. *tiži.dqstrahe... varāzahe*, Yt 10, 70; **satīa-* + **mantra-* 'истинное заклинание': вед. *satyo māntraḥ*, RV I, 152, 2, авест. *haiθim maθrəm*, Y 31, 6.

5.2. ПРЕПОЗИТИВНЫЕ ГЕНИТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Тот же препозитивный порядок характерен и для генитивных атрибутивных конструкций с нормальной позицией определяющего слова перед определяемым. Такой порядок генитивной синтаксической конструкции еще хорошо сохраняется в древнехеттском, а также древнеиндийском:

Ср. древнехеттское URU *Nešaš kurur eštu* 'города Несы враг он да будет' (2BoTU 7, 24—25, надпись Анитты); URU *Nešaš* KI TUG HI.A URU *Nešaš* TUG HI.A *ti-ja-mi* 'Несы ткани, Несы ткани принеси мне', BoTU 14, 13;

LUGAL-*an a-aš-ka* 'к воротам царя' (KBo VI 3 III 63);

LUGAL-*aš GĪR-ši* 'к царя ногам' (KBo XVIII 1 IV 28), LUGAL-(*u*)*aš* SAL.LUGAL-(*aš*)*ša iššaz-mit* 'из их — царя и царицы—рта' (KBo XVII I 18);

Ср. также хет. *ag-ga-an-na-aš* TI-*an-na-aš* UN-*aš eš* 'будь человеком смерти (и) жизни', KBo IV 14 III 9.

Порядок, при котором форма родительного падежа определяющего имени предшествует определяемому, реконструируется для целого ряда общеиндо-иранских форм, часть которых имеет соответствия в греческом и других индоевропейских языках:

Инд.-иран. **sū(r)ja(sīa)* *čakra 'солнца колесница': вед. *sūryasya... cakrāt*, RV V, 29, 10; греч. *ἥλιου κύκλος*, Эсхил, *Prom.* 91; др.-исл.

кельт. *Verucloetius* при греч. гом. *κύβος εὐρό*, α 344, Schmitt 1967: § 115; ср. также хет. *pattar-palhi-* 'ширококрылая'.

¹ Ср. об этом древнеиндийском слове и его лексической сочетаемости Schlerath 1968; этимологически оно соответствует герм. *ansuz 'бог-властелин' (Polomé 1953 и 1970), ср. хет. *haššu-* 'царь' < **Hṣ-eu-* (Иванов / Топоров 1974: 132), *haša-* 'жрица', *haš-* 'рождать'.

² В сочетаниях типа вед. *cakrāt hiraṇyāyam*, RV VI, 56, 3, авест. *čaxra zaganāna*, Yt 10, 136, порядок слов инвертированный, ср. сохранение архаического нормального порядка слов в сложных словах: вед. *hiraṇya-cakrān* 'златоколенный', RV I, 88, 5, авест. *zaranyō.čaxra-*, Yt 15, 57.

sunnu... hvél (Schmitt 1967 : §§ 324—332; ср. Иванов/Топоров 1965 : 135 и 230; 1974 : 22); вед. *Divás nápatā* 'Неба (=Бога) сыновья', по этимологии первого элемента и по семантике второго соответствующее греч. Διοσκούροι 'Диоскуры' (сыновья Зевса — бога ясного Неба, см. гомеровский гимн № 33), лит. *Diēvo sūnēliai* 'Бога сыновья', латыш. *Dieva dēli* 'Бога дети' (Ward 1968; Иванов 1972; Иванов/Топоров 1974: 20). К этому же типу по этимологии первого члена принадлежит греч. Διοκλῆς (E 542), вед. *Devásravā*, RV III, 23, 2, *devásya śrávasā* 'бога слава', RV IX, 70, 2 (Schmitt 1967 : §134); по семантике второго члена к типу *Divás nápatā* примыкает индо-иранское *apām napāt 'вод внук', реконструируемое на основании вед. *apām nápatam*, RV II, 35, 3, авест. *apam napā* (Schmitt 1967 : § 577). Ср. также общеиндо-иранские формулы **ṛtasja path(an)*- 'правды путь': вед. *ṛtasya pathā*, RV X, 31, 2; авест. *ašahyā.. padō*, Y 51, 13; **ṛtasja maḡhas-* 'правды колесница': вед. *ṛtasya vāhasā*, RV VIII, 6, 2; авест. *ašahyā važdrāng*, Y 46, 4, *ašavazah-*; **ksaitrasja pati-* 'господин населенного места, обжитого поля': вед. *ksētrasya pátih*, RV IV, 57, 3, авест. *šōiθrahe paitim*. Дополнительный довод в пользу древней препозиции генитива можно извлечь и из структуры генитива на *-s-jo, так как элемент -jo по закону Вакернагеля располагается на втором месте в синтагме.

Ср. также в ведийском: *bhúvanasya nābhiḥ* 'мира пуп' (RV I, 164, 35), *deváṛtasya rájā* 'богами созданных царь'.

Такая последовательность элементов в генитивной атрибутивной синтагме позволяет видеть в первом элементе детерминативных словосложений типа *nṛ-pati-* 'господин мужей', *bhū-pati-* 'господин земли' (= 'царь'), *artha-pati-* 'господин вещей', *tat-puruṣa-* 'его человек' (= 'слуга его') трансформы генитивной формы в сочетании с определяемым словом в качестве второго элемента композита. Порядок элементов в композитах этого типа отражает первоначальный синтагматический порядок элементов атрибутивного комплекса (ср. Бенвенист 1974 : 241 и след.).

Препозиция определяющего члена синтагмы в индоевропейских атрибутивных конструкциях отражена и в древних словосложениях типа др.-инд. *bahuvrīhi-*, которые можно рассматривать как трансформы препозитивных определяющих предложений (Jacobi 1897: 83 и след.): *ūrdhvā-bāhu-* 'тот, который поднял руку, поднявший руку', *dīvyá-rūpa-* 'имеющий божественный образ', *mahātman-* 'имеющий великую душу', *mahā-bhāga-* (эпич. санскр.) 'тот, который имеет большую долю' (= 'имеющий большую долю'), *mahā-yaśas-* 'большую славу имеющий', *bahú-vrīhi-* 'имеющий много риса' (Бенвенист 1974).

К тому же типу относятся такие словосложения, как греч. *ῥοδο-δάκτυλος* 'Ἦώς' 'розовоперстая Эос' = 'Эос, у которой персты розовы', *πολύμητις* 'Ὀδυσσεύς' 'многоумный (хитроумный) Одиссей', *μεγá-θυμος* 'мужественный, отважный', лат. *auri-comus* 'златовласый', *sicc-oculus* 'имеющий сухие глаза', *magn-animus* 'великодушный' и др.

5.3. ПРЕПОЗИЦИЯ РЕЛЯТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В ФУНКЦИИ ОПРЕДЕЛИТЕЛЕЙ

Начальная позиция определяющего члена в этих композитах и соответственно в индоевропейских определительных синтагмах предполагает первоначальную препозицию определяющей релятивной конструкции при определяемом слове¹. Такая предполагаемая для индоевропейского препозиция сложного определяющего комплекса в отношении определяемого слова засвидетельствована в хеттских сложных релятивных конструкциях, а отчасти и в конструкциях некоторых других индоевропейских диалектов.

Ср. древнехеттский: *ni ku-iš DUMU.SAL ḫa-an-te-iz-zi-iš* 'и которая дочь царя первая', Tel., 2 BoTU 23 A II 38, § 28, II 38—39; *kuiš dan pedaš DUMU* 'который второго ранга сын'; *ku-iš ša-ga-i-iš ki-i-ša-ri ta LUGAL-i SAL.LUGAL-ja ta-ru-e-ni* 'которого предзнаменование происходит, (о том) мы говорим царю и царице', КВо XVII 1 + Rs. IV 9.

Ср. в древнерусском конструкции типа 'которыми рёками суды ходятъ, и на тѣхъ рѣкахъ... плотинъ не делати'; ср. в латинском *resuniam quis nanxitur, habeto* 'деньги который находит (= тот, который находит деньги), пусть их держит', ср. также хет. *kuiš paprizzi* 'тот, который осквернит'; в оскско-умбрском: *T. B. 19—20: pis ceus Bantins fust* 'кто гражданин Бантия был'; *pid eisei thesavrei... eestit, C. A. 51—52* 'что бы ни было в этой сокровищнице'.

Совпадение конструкций с относительным неопределенным местоимением (*relativa indefinita*, *Wackernagel 1924: 66—67*) в латинском и оскско-умбрском дает основание считать, что и италийские языки должны были иметь препозитивную релятивную конструкцию².

Преобразование структуры *OV* в *VO* в ряде индоевропейских диалектов (греческий, латинский) приводит к трансформации препозитивных релятивных конструкций в релятивные предложения, следующие за антецедентом и увязываемые с ним релятивным местоимением **k^his* (в кельто-италийском, тохарском, как и в анатолийском) и **i-* (в греческом: $\delta\varsigma$, индо-иранском: *ya-*, балто-славянском, фригийском), то есть к типу, повсеместно распространенному в исторических индоевропейских диалектах, ср. *Schmitt-Brandt 1973*.

Но следы древнего употребления местоимений **k^his* и **i-* можно обнаружить в этих диалектах в конструкциях с препозитивным **k^his*, **i-* в номинативных предложениях типа греч. $\delta\varsigma \mu\acute{\epsilon}\gamma' \acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ 'который намного лучше' II 271 (*Benveniste 1974; Benveniste 1966a*); $\tau\epsilon\upsilon\chi\rho\acute{\omicron}\varsigma \theta'$, $\delta\varsigma \acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$

¹ Исходя из гипотезы о трудностях восприятия синтаксических структур с центральным вставлением (*center-embedding*), Кун о показал теоретически причины, в силу которых в языках SOV относительные предложения занимают первое место по отношению к главному (*Kuno 1974*).

² В свете этих данных представляется возможным поставить вопрос об архаизме конструкций типа гот. *hwas þiudans* 'кто в качестве царя', ранее рассматривавшихся как результат переосмысления греческого оригинала готским переводчиком (*Sturtevant A. 1947*).

Ἄχαιῶν 'Тевкр, который лучший из ахейцев' (N 313), ὅς κ' ἐπιδευής 'который неимущий' (E 481), ср. в древнеиндийском, вед. *yé jānitvāḥ* 'которые должны родиться' (RV IV, 18, 4), *yé sa devā... yé sa mātāḥ* 'и которые боги и которые смертные' (RV II, 27, 10), Бенвенист 1974; Benveniste 1966a; ср. авест. *azəm yō ahurō mazdā* 'я, который Ахура Mazda' (Y 19, 6); *təm daēnəm yā hātəm vahīštā* 'эту религию, которая лучшая из сущих' (Y 44, 10).

В таких конструкциях относительное местоимение уже выступает в функции определенного артикля (Бенвенист 1974: 233 и след.).

Релятивное местоимение в функции определенного артикля выступает уже в хеттском в постпозитивной позиции к определяемому слову. Функциональное различие элемента *kūiš* в хеттском, выступающего в качестве релятивного местоимения или определенного артикля, выражается соответственно в препозиции или постпозиции в конструкции: *kūiš raprizzi* 'который (неопределенный) осквернит', но *raprizzi kūiš* 'тот определенный (человек), который осквернит' (Held 1957), ср. Schmitt-Brandt 1973; ср. *armauanteš kūieš nu-za apija UL ḥaššiianzi* 'и те, которые беременны, (больше) в это время не рожают' (миф о Телепину, KUB XVII 10 I 14 след., Иванов 1965: 240).

Такое постпозитивное употребление относительного местоимения в функции определенного артикля представлено и в индо-иранских¹ и балтославянских (ср. Rosenkranz 1958a) языках: вед. *sā rātrī pāritakmyā yā* 'такая ночь, убывающая, та' (RV V, 30, 14).

В балто-славянском такое определительное *jo, еще не ставшее относительным (ср. Van Wijk 1935), сливается с предшествующим прилагательным в единую форму определенного прилагательного, ср. ст.-лит. *dam. n. ед. ч. м. р. giwamū-jem*, им. п. ед. ч. ж. р. *antroia, cziszcziausaija, paschlowintoie panna*, Zinkevičius 1957: 90; Зинкевичюс 1958: 51—52; Stang 1966: 271—274 (см. там же об аналогичном присоединении *-*jo* к существительным в старолитовском).

Окончание *-ja* в балтийских и славянских формах типа рус. *добрая* тождественно др.-инд. *yā* 'та, которая' (ср. выше примеры из "Ригведы"), Stang 1966: 273. Первоначально сложный характер определительных ("местоименных") прилагательных еще хорошо виден в старославянских формах типа *dobrajego < dobra + jego*, Кузнецов 1953: 149 и след.; 1959; ср. Wissemann 1957/8; Flier 1974.

Эти же элементы *h¹0e- и *-*jo*- используются в аналогичной синтаксической функции в качестве связок, соединяющих целые предложения или отдельные слова²: хет. *-ja*- 'и' (Rosenkranz 1973), тох. *-yo*

¹ Возможно, и в кельтских, ср. галл. *dugiiontiio* 'те, которые служат', Thurneysen 1946: 323, 364.

² Ср. типологически элемент *-c* в грузинском в качестве энклитической реляционной частицы (*romeli-c* 'который', *ra-c* 'что' и т. п.) и в функции синтаксической связки (*me-c* 'и я', *saxli-c* 'и дом' и др.), ср. об этой синтаксической параллели между индоевропейским и картвельским Shimotija 1973.

'и', мик. греч. *jo-* (ср. Bader 1975a); др.-инд. *-ca* 'и', мик. *-qe* > греч. *-te*, лат. *-que* 'и', см. ниже о синтаксисе частиц в предложении¹. Этого же происхождения и окончание индо-иранского и греческого форманта генитива *ед. ч. -s-jo* в тематических основах: др.-инд. *-asya*, греч. *-oio* < *osyo (ср. выше, стр. 270)².

Преобразование в большинстве исторических индоевропейских диалектов синтаксической структуры *OV* в структуру *VO* вызывает постепенную перестройку атрибутивных комплексов и релятивных конструкций в закономерные для структуры *VO* постпозитивные конструкции, которые уже характерны для большинства индоевропейских диалектов исторической эпохи (и прежде всего классических языков — греческого и латинского с преимущественно постпозитивным строем определительных конструкций).

5.4. СТРУКТУРА ДРЕВНЕЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Структура *OV*, характерная для древнейшего индоевропейского языкового состояния, проявляется также в компаративных адъективных конструкциях с препозицией существительного — “образца” при сравнении (ср. турецкую конструкцию *köpek kedi-den [daha] büyük* ‘собака кошки-от больше’, груз. *zayli k'at'aze didia* ‘собака кошки-на больше’), ср. Jensen 1934; Кацнельсон 1949: 226 и след. Эта конструкция, предполагаемая для древнейшего праиндоевропейского как языка строя *OV*, прослеживается на материале отдельных исторических индоевропейских диалектов:

Хет. *nu-ua-kán A.NA ERÍN^{MES}.KA ERÍN^{MES}.IA mekki* ‘и-де (по отношению) к твоему войску войско мое многочисленнее (больше)’, Friedrich 1960; Benveniste 1948: 115—143. Ср. также *namma-kan anzel huiš-ıanni [natta] anzel išhaš huišıatar nakki* ‘далее по отношению к нашей жизни нашего господина жизнь не более значительна’ (то есть ‘не менее важна, чем жизнь нашего господина’) KUB XXXI 42 II 18—19; *iškiš-šet-ašta iškiši šalli* ‘его спина велика по отношению к спине другого’ (то есть ‘больше спины другого’), Во 3263 I 23; ср. там же I, 22, Puhvel 1973.

¹ Такое **-k[h]e-* и **-jo-* в качестве связки между именным образованием реконструируется по данным многих индоевропейских диалектов (Gonda 1954; 1954a; Rysiewicz 1956: 318—322), ср. др.-инд. вед. *ca* как способ соединения двух существительных типа *śatam ekam ca* ‘сотня и единица’.

Общей для греческого и индо-иранского является конструкция, при которой за первым именем в форме звательного падежа следует приложение в именительном падеже +**-k[h]e-*: греч. *Ζεῦ πάτερ...* ‘*Ἡέλιος τε* ‘(о) Зевс-отец и бог солнца’, Г 276—277, Wackernagel 1924: 7.

² В свете указанных выше типологических сближений может представить интерес также и то, что в таких австралийских языках, как *Dyirbal*, показатель *nu* в генитивной или посессивной именной конструкции совпадает с окончанием глагола в относительном предложении (Dixon 1969). Это совпадает и с ситуацией в баскском (Wilbur 1970: 423), ср. совпадение и.-е. **-jo* как окончания генитива с *-jo* в предложениях типа приведенного галл. *dugiiontiio* ‘те, которые служат’.

Ср. тох. А: *maññāktaṣ lyutār luksanunt ṣomatñ* 'некоторые (кто) (более) блестящие от-луны' (более светящие, чем луна), *Thomas 1958*.

Следы бывшего распространения аналогичной конструкции в сравнительных оборотах видны в лат. *tē maior* 'тебя больше' и в особенности в ведийском в архаических конструкциях: *vācaḥ ghr̥tāt (abl.) svādīyo mādhu-inaś ca vocata* 'слово (что) масла-от (отлож. п.) сляще и меда (под. пад.), скажи' (*RV VIII, 24, 20*); *gaurād (abl.) vēdīyāñ avarānam indro* 'буйвола-от находящий лучшие воды Индра', то есть 'Индра, находящий лучше, чем буйвол, воды' (*RV VII, 98, 1*) (*Delbrück 1888; Lehmann 1972b: 985*); др.-исл. *sólo fegra* 'ярче солнца', др.-англ. *sunnan beorhtra* 'ярче солнца', *Lehmann 1972a: 170—171* и *1972c; 1974: 31, 246*.

Распространенный в большинстве исторических индоевропейских диалектов тип конструкции с постпозицией существительного-образца типа рус. *сляще меда* есть результат позднейшей перестройки синтаксической модели *OV* и трансформации ее в структуру *VO*, характерную для большинства диалектов (*Lehmann 1972a и b; 1974: 238 и след.*).

6. ВНУТРЕННИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СИНТАГМЕ СТРУКТУРЫ *OV* И *VO*

6.1. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ АДВЕРБОВ, ПОСЛЕЛОГОВ И ПРЕДЛОГОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

Выше были проанализированы морфологические и синтаксические структуры, определяемые характером синтагмы *-OV/-VO-* в зависимости от порядка их составляющих. Структура *OV* индуцирует суффиксальность глагольных показателей и препозицию определительных конструкций; структура *VO* индуцирует преимущественную префиксальность глагольных конструкций и постпозицию определительных конструкций.

Наличие смешанных типов языков в отношении этих грамматических показателей является свидетельством перехода языка от одного структурного типа к другому при возможном наличии рудиментарных конструкций, отражающих древний синтаксический структурный тип.

Синтаксические элементы, которые соотносятся как с составляющей *O*, так и с составляющей *V* в синтагме, в отличие от элементов, соотносимых только с одним из членов синтагмы, должны, естественно, расположиться в позиции между этими членами. Такие реляционные элементы *-p-* в синтагме *-OV-* или *-VO-* символизируют определенную синтаксическую связь между членами синтагмы, то есть между глагольной ее составляющей *V* и именной составляющей *O*: *-OpV-*, *-VpO-*.

Такой реляционный элемент *{-p-}* в синтагме структуры *-OpV-* выступает в грамматической функции "последелога" по отношению к составляющей *O* и в функции "преверба" по отношению к составляющей *V*. С другой стороны, тот же реляционный элемент *{-p-}* в синтагме *-VpO-* выступает в грамматической функции приглагольного "адверба" по отношению к составляющей *V* и "предлога" по отношению к составляющей *O*.

Действительно, в языке структуры *-OpV-* обнаруживаются реляционные элементы, являющиеся одновременно послелогоми по отношению к именной составляющей синтагмы и превербами по отношению к глагольной составляющей, ср. хет. *I.NA URUKar-ga-miš an-da-an i-ia-aḫ-ḫa-at* 'в город Кархемыш я вошел' (КВо IV 4=2 ВоТУ 48, Vs. II 67—69); *na-an-kán A.NA LUGAL iš-ši-iš-ši an-da pa-a-i* 'и его царю, в уста его, дает' (для вынесения приговора, KUB XIII 7 I 14);

na-aš-ta É-ir-za pa-ra-a pé-eš-ši-ja-an-du (Tel., 2 ВоТУ 23 В IV 18) 'из дома вон пусть выгонят';

A.NA DUTUŠI pa-ra-a pi-iḫ-ḫi 'царю передам' (KUB XIV 1, Rs. 22);

IŠ.TU GÍR še-er ar-ḫa ku-ir-zi (KUB XXXII 115 + I 31) 'и она (их) отрезает ножом';

nu-uš-ša-an A.NA IMa-ad-du-ua-at-ta še-er za-aḫ-ḫi-lil-ir 'и они сражались за Маддуватту' (KUB XII 1, Rs. 59);

ku-iš-ki ku-ru-ra-aš me-mi-an pi-ra-an pé-e-ḫu-te-ez-zi 'кто-нибудь вражды слово произнесет' (KUB XXXI 44 II 6);

nu-uš-ma-aš-kán LÚ IGI.NU.GÁL LÚ Ú.ḪUB pi-ra-an ar-ḫa [pé]-ḫu-da-an-zi 'и они ведут слепого и глухого перед собой' (КВо VI 34 III 2);

NA₄[i-ru-ni ka]t-ta-an še-eš-ta 'и он поспал со скалой', *Ull.*, KUB XXXIII 98 I + 96 I + Во 4746 I, 18.

Во всех этих конструкциях реляционные элементы *anda(n)* 'в; внутрь', *para* '(во) вне', 'вперед', *šer* 'относительно', 'вверх', 'на', *piran* '(в)перед', *kattan* 'вместе', 'вниз, под', 'с' являются одновременно как послелогоми, относящимися к именной компоненте парадигмы, так и превербами, относящимися к ее глагольной составляющей.

В отличие от языка структуры *-OpV-* язык структуры *-VpO-* характеризуется реляционным элементом *-p-*, являющимся одновременно предлогом в отношении именной компоненты синтагмы и постпозитивным адвербом в отношении вербальной компоненты. Такой тип языка представляет английский язык, в котором конструкции типа *to look at him* 'смотреть на него', *to run away from him* 'убежать от него' содержат реляционные элементы *at*, *away*, *from*, являющиеся одновременно предлогами, соотносящимися с именем, и адвербами, соотносящимися с глагольной формой, ср. конструкции типа *whom do you look at?* 'На кого ты смотришь?', *whom do you run away from?* 'От кого ты убегаешь?', ср.

*I want the moon to play with
and the sun to run away with
'Я хочу играть с луной
и умыкнуть солнце'*

являющееся трансформой предложений *I want to have the moon to play with it*, *I want to have the sun to run away with it*¹.

¹ Ср. *bemocked-at stabs* 'осмеянные палки' (Шекспир "The Tempest", Act II, Scene III).

Из рассмотренных выше схем языка структуры *-OpV-* и языка структуры *-VpO-* следует, что при возможном преобразовании структуры *-OpV-* в структуру *-VpO-* в истории определенного языка элемент *-p-* из послелога и преверба превращается в предлог и (постпозитивный) адверб:

$$OpV \Rightarrow VpO$$

$$\begin{array}{l} \text{послелог} \rightarrow \left\{ \begin{array}{l} \text{предлог} \\ \text{преверб} \end{array} \right\} \\ \text{преверб} \rightarrow \left\{ \begin{array}{l} \text{предлог} \\ \text{адверб} \end{array} \right\} \end{array}$$

Общеиндоевропейский язык, будучи системой *-OpV-*, характеризовался целой группой реляционных элементов, представляющих собой синтаксически одновременно послелоги и превербы, что и отражено наиболее полно в разобранных выше древнехеттских структурах. Об этом же свидетельствуют такие остаточные конструкции в отдельных индоевропейских языках, как лат. *portā ab iit* 'из двери вышел', позднее преобразовавшиеся в конструкции с предлогами (типа *ā portā* 'из двери').

О начавшемся процессе перестройки общеиндоевропейской структуры *-OpV-* в *-VpO-*, происшедшей в отдельных индоевропейских диалектах, свидетельствуют такие анатолийские конструкции с предлогами (ср. соответствующие древнехеттские конструкции с послелогами - превербами), как лув. *annan* 'под' в сочетании *an-na-a-an patanza* 'под ногами', КUB XXXV 39 III 29, лик. *ēnē* 'под'; лув. *šar-ri ka-ši-i ḫu-e-ḫu-i-ja* 'для посещения поспеши', ср. лик. предлог *hrppi*; ср. в функции *quasi*-предлогов отдельные хеттские послелоги - превербы типа: *ni šara nepiši atti-ši ḫalzaiš* 'и к небу, к отцу своему вверх воззвал' (КВо III 7 IV 27), Goetze 1963 : 100; хет. *šer* 'на' выступает в функции предлога в хетско-хаттской билингве о "Боге луны, упавшем с неба": *na-aš-kán še-ir KILAM-ni ma-uš-ta* 'и он упал на рынок' КUB XXVIII 3+XXVIII 4+ XXVIII 5 I 11, но это приписывается предполагаемому воздействию языка оригинала (хатти), ср. Kammenhuber 1955 : 115; ср. *ḫark-pe* 'держатъ', 'преподносить' при нормальном в хеттском *pe ḫark-* 'держатъ' (ср. преверб *pe-* в *peḫute-* 'уносить, уводить', *pedaḫḫi* 'уношу').

При перестройке структуры *-OpV-* в *-VpO-* высвобождается левая валентность глагольной структуры и возникает возможность присоединения к ней префиксальных элементов, которые и возникают из древних реляционных элементов при глаголе, а также из частиц и отдельных местоименных элементов. Таким образом следует объяснить появление на поздних этапах развития аугмента в качестве префиксального элемента при глагольных формах в древнеиндийском, греческом и армянском, ср. др.-инд. *á-bharat* 'он нес', греч. *ἔ-φερε*, арм. *e-ber*; а также появление германского префикса *ga-* с видовым значением (ср. лат. *com-*) и значением будущего времени: гот. *ga-þarban* 'воздерживаться', *ga-daiúrsan* 'сметъ' и т. д.; литовские возвратные приставочные глаголы: *pa-si-klausýti* 'слушаться', славянские приставочные видовые образования: ст.-слав. *iz-baviti*, *sŭ-dělati*, ирландские образования с приставкой *ro-* (< **pro-*), функ-

ционально соответствующие германским на *ga-* (Kuryłowicz 1960; 1965b: 245—247).

Сами реляционные элементы в подобных синтаксических конструкциях являются исторически независимыми именами, лишь позднее превратившимися в служебные грамматические реляционные элементы. Такое их происхождение явствует из функционирования древнехеттских послелогов - превербов в качестве имен существительных среднего рода с постпозитивными притяжательными местоимениями неотчуждаемой принадлежности, ср.:

MUŠEN_{haran[an]} ERĪN^{MEŠ}-an-a LUGAL-aš SAL-LUGAL-ašš-a šer-šemet цаһnumeni 'мы размахиваем орлом и воином над ними (буквально: размахиваем верх их), над царем и царицей', KUB XVII 1 II 34, 40, III 35;

šer-šet-ца šarnikmi 'я-де возьму за него' (X3, § 95, буквально: 'я возьму его верх');

[pi-]ra-am-mi-it ku-un-na-az e-ša-ri 'передо мной справа он садится', буквально: 'к передо моему справа он садится' (надпись Анитты, KBo III 22 I 79+KUB XXXVI 98 b, Rs.);

pi-e-ra-aš-še-et GIŠ^{zupari} harzi 'перед ним (буквально: 'к передо его') он факел держит' (KUB XVII 1 I 32 след.).

7. СТРУКТУРА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ

7.1. «ПРАВАЯ» И «ЛЕВАЯ» СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И РАНГОВАЯ СТРУКТУРА ЛЕВОЙ КОМПОНЕНТЫ

Проанализированная выше структура ядра предложения в индоевропейском, отображаемая моделью $S-O'-O-\{p\}-V$ (где O' и O дифференцируются как соответственно косвенный — дательный и прямой — аккузативный объекты), составляет лишь одну, правую в линейном порядке компоненту структуры простого предложения. Левую ее компоненту составляет цепочка частиц различных функций, соотносимых с единицами правой компоненты предложения. Каждую из этих компонент простого предложения в индоевропейском можно представить как некоторую последовательность ячеек с определенным элементом в каждой ячейке. Так, например, правую компоненту предложения можно представить в виде последовательности ячеек:

ТАБЛИЦА 2

S	O'	O	{p}	V
---	----	---	-----	---

Аналогичную последовательность ячеек представляет левая компонента простого предложения с элементами, находящимися в определенном синтаксическом отношении с соответствующими элементами ячеек правой компоненты.

Первую слева ячейку в такой последовательности элементов левой компоненты предложения занимает одна из частиц **nu//*no*, **tʰlo*, **so*, **e/*o*.

Реконструкция этих частиц в индоевропейском основывается на функциональном соответствии этимологически тождественных частиц в разных индоевропейских диалектах: др.-хет. *nu* в начале предложения, др.-ирл. *no-* в начале глагольного комплекса, вынесенного в начало предложения, ср. хет. *nu-mi* ^DISTAR.. *kaniššan ḫarta* 'и меня Иштар ... любила' (Hatt.), др.-ирл. *no-m Choimmdiu-coima* 'меня Господь любит' (Watkins 1962a: 114; 1963a: 13). В средневаллийском *neu-*, родственное др.-ирл. *no-*, служит для введения основного предложения (и не имеет никакого явного значения) (Thurneysen 1946: 348, § 538); ср. литовское *nu-* в начале приставочных возвратных глаголов, тох. *ne-* в начале глагольных комплексов типа тох. В *nesām* '(и) они суть' (ср. Vader 1975b); славянское **ny:* ст.-слав. *nŭ*, рус. *но*, сербо-хорв. *nǒ* в начале предложения (чаще в противопоставительной функции), а также греч. *v̄v̄*, лат. *nunc* 'теперь, ныне', ст.-слав. *nyně*.

Таковую же начальную позицию — крайне левую ячейку в предложении — могут занимать частицы **tʰlo* и **so//*su*, являющиеся функциональными эквивалентами **no//*nu* и находящиеся поэтому с ним в дополнительном распределении:

Ср. др.-хет. *ta-šši pai* 'и ему дает' (X3, § 47 A), *ta-an ištarnikzi* 'и его сделает больным' (X3, § 10); *ta-aš-ta e-di na-at-ta ne-e-a-ri* 'и потом в другую сторону она (гора) не склоняется', КВо III 40 (+КВо XIII 78 Vs.), Vs. 13', ср. греч. гом. *τό: τὸ δὲ καὶ τετελεσμένον ἔσται* (A 210) 'и вот что совершится'; ст.-слав. *to: to že mlǐčati jemu nužda bēaše* 'ему нужно было молчать', Супр. 240⁵;

Хет. *ša-* 'и': ^DID-*ja pa-it ša-aš p̄ar-ku-e-eš-ta* 'и к реке он пошел, и он очистился', КВо VIII 42, Rs. 9; *ša-an iš-pa-an-di na-ak-ki-it da-a-aḫ-ḫu-un* 'и его ночью силой я взял' (КВо III 22 47—48); *še-a e-ki-ir* 'и они умерли' КВо III 38, Rs. 29' (ср. Гамкрелидзе 1957), мик. греч. *o- = ho < *so* в сочетаниях типа *o-de-qa-a₂ = ho de q^a(e) aha*, ср. греч. **δ δε τε*, РУ 304 = Он 300, Ventris/Chadwick 1973: 423—424; ср. тождество комбинаций с энклитикой греч. *δε τε*, вед. *sá ca*, др.-ирл. *se-ch < *so + kʰlo*e, Watkins 1962a;

Ср. анализ славянских форм типа *сем(ка)* 'и это я...' Issatschenko 1970: 189—203.

В аналогичной функции выступает частица **e/*o*, занимающая такое же место в предложении и относящаяся тем самым к крайне левой ячейке: ср. лув. *a-* в начале предложения:

Лув. *a-an tijammaššiš* ^DUTU-*za daraḫiddu* 'и его земное солнце пусть поразит' (Laroche 1959a: 147);

Ср. интерпретацию начального мик. греч. *o-* по Р и шу (Risch 1967): *o-di-do-si du-ru-to-mo = o didōsi drotómoi* 'и дают дровосеки' (РУ Vn 10);

Ср. слав. *o-* и *e-* с последующими местоименными энклитиками: слав. **e-to*, рус. *э-то* из **и то* (ср. хет. *na-at* 'и то'), Issatschenko 1970:

194—195, ср. в древнерусской летописи в начале предложения *о то...*, *о се...*, в летописи под 970 г.: *во то вы есть* 'вот вы есть', *Issatschenko 1970* (отсюда рус. *вон, вот*).

Таким образом, крайне левое место в левой компоненте индоевропейского предложения занимает один из элементов ячейки {**nu/*no, t^ho, *so, *o/e*}.

За крайней левой ячейкой следует ряд ячеек с местоименными элементами, символизирующими субъектно-объектные отношения. При этом местоименные элементы располагаются в цепи в последовательности, отражающей последовательность актантов в правой компоненте предложения, выраженных полнозначными словами, то есть *субъектное местоимение + косвенно-объектное (дательное) местоимение + объектное (аккузативное) местоимение*.

Такой порядок местоименных элементов наилучшим образом сохраняется в хеттском (*Friedrich 1960*), с некоторыми изменениями в других анатолийских языках и в части других индоевропейских диалектов. Такие местоименные элементы как компоненты последовательности в левой части простого предложения реконструируются для 3-го лица ед. ч. в виде частиц **-os-* (им. п.), **-ot^hl-* (им.-вин. п. ср. р.), **-se-/*-si-* (дат. п.), **-om-* (вин. п.): ср. хет. *na-aš-ši* 'и он ему', *na-aš-an* 'и он его', ср. *na-aš-ši-at* 'и он ему то'.

Объектная частица может дифференцировать по лицам: 1 л. **-m-*, 2 л. **-t^hl-*, ср. хет. *ni-ti* 'и меня', 'и мне', *ni-tta* 'и тебя/тебе', *na-aš-ti* 'и он мне/меня', *na-aš-ta* 'и он тебе/тебя'. Такое соответствие находим в старолитовских образованиях: *Pa-mi-sakay to mi gaye*, *Stang 1966: 253*; ср. славянское **mi, *ti, *si* в конструкциях типа *сем(ка)*, рус. *авось < *a + d + si* 'и—это—ему', *Issatschenko 1970*, и в аналогичных древнеирландских формах типа *no-m... coima* 'и меня... любил', *no-t irdarcugub* 'и тебя я сделаю знаменитым'; в ведийских энклитических формах местоимений *me, te* (*Thumb/Hauschild 1959, II: 125*), ср. греч. *μοι, μου, με; σοι, σου, σε* в позиции энклитик или проклитик, которая характерна и для других индоевропейских синтаксических элементов, описываемых формулой Васильева-Долобко: "энклитики, они же проклитики" (*Дыбо 1971; ср. Jucquois 1970*).

Крайне правую ячейку в левой компоненте занимают частицы **k^hlom, *som, *p^hlot^hl* с определенным видовым или локальным значением, ср. хет. *-kan < *k^hlom, -šan < *som*.

Хет. *-kan* выступает в функции показателя завершенности действия, тогда как *-šan* означает предельность действия, направленного к цели (*Josephson 1972*), ср. аналогичные видовые значения в этимологически тождественных элементах: гот. *ga-* (совершенный вид), ст.-лат. *com-, con-* (в структурах типа *condō* 'сооружаю'); ср. также слав. **sū-* в значении совершенного вида и предельности.

К общеиндоевропейскому характеру частицы **-p^hlot^hl*, ср. хет. *-pat* в значении отождествляющей и эмфатической частицы: *ut-ne-e [ku-it k]u-it-pát a-ra-iš* 'какая бы страна ни восставала' (КВо III 22, 11—12,

Анитта), ср. др.-перс. *patiy* 'также', тох. А *pat* в сочетаниях типа *kus pat* (ср. хет. *kūiš-pat*), *pat nu* (ср. хет. *nu-pat*), лит. *pāt* в сочетаниях типа *niū-pat* 'и же'.

Таким образом, левая компонента индоевропейского простого предложения состоит из последовательности ячеек, заполняемых соответствующими частицами в строго определенном порядке¹. Крайне левая ячейка представлена вводящими частицами, крайне правая ячейка — частицами с видовой и локально-эмфатической семантикой. Между ними располагаются элементы, передающие субъектно-объектные отношения, в нормаль-

¹ Эта особенность общиндоевропейской синтаксической структуры была сохранена и развита в хеттском и других анатолийских языках. На основании выводов Лароша и Фридриха для хеттского строится следующая таблица (Hoffner 1973 : 521):

ТАБЛИЦА 3

Ранговый номер					
I	II	III	IV	V	VI
<i>nu</i>	<i>-u(r)-</i>	<i>-aš-</i>	<i>-mu-</i>	<i>-za-</i>	<i>-kan-</i>
<i>ta</i>		<i>-an-</i>	<i>-ta-</i>		<i>-šan-</i>
<i>šu</i>		<i>-at-</i>	<i>-du-</i>		<i>-(a)šta</i>
<i>-(i)a-</i>		<i>-e-</i>	<i>-ši-</i>		<i>-(a)pa</i>
<i>-ma-</i>		<i>-uš-</i>	<i>-naš-</i>		
			<i>-šmaš-</i>		

Ср. описание той же схемы в терминах правил переписывания порождающей грамматики (Иванов 1963: 167—169). Только второй ранг (представленный во всех древних анатолийских языках частицей типа хет. *-uar-* 'де') не имеет явных соответствий в других группах индоевропейских языков и может быть результатом вторичного развития в них конструкций с глаголом типа пал. *uer-* 'звать', хет. *ueri-ia-* (греч. *εἶρω* < *uer-iō, лат. *uer-bum*, нем. *Wort*, англ. *word* и т. п.), ср. рус. *мол* < *молвѣтъ*, *де* < *дееть* 'говорит' и т. п.

С чисто синхронной точки зрения (Hoffner 1973) Ранг II, как и Ранг V, также может быть выделен, ибо только в них осуществляется выбор из двух возможностей (*-uar-* или отсутствие частицы косвенной речи), тогда как в других рангах осуществляется выбор не менее, чем из четырех форм.

В пользу относительно более позднего характера Ранга II в анатолийском свидетельствует его семантика, поскольку формы, говорящие о "сообщении относительно сообщения" (*message about message*, Jakobson 1971b), развиваются в литературных языках со сравнительно развитой системой средств повествования.

Ранг V (хет. *-za*, лув. *-ta*) может иметь соответствия в частице **-d[h]* с медиальным значением, выделяемой в глагольных формах некоторых других индоевропейских языков.

Появление в анатолийском рефлексивной частицы **-l[h]*: хет. *-za-*, лув. *-ti* может быть связано с утерей медиальным спряжением семантики субъектной версии и рефлексивности, которая начала выражаться с помощью особой частицы, выносимой в начальную группу предложения; след ее древнего значения виден в ее употреблении в хеттском для обозначения посессивного отношения к объекту глагола (Hoffner 1973). Характерно, что рефлексивная частица *-za* находит широкое распространение в позднехеттском, при отсутствии ее в древнехеттских текстах (ср. Otten 1953: 60).

ной последовательности: субъектная частица {s}, косвенно-объектная частица {o'}, объектная аккузативная частица {o} (см. Табл. 4):

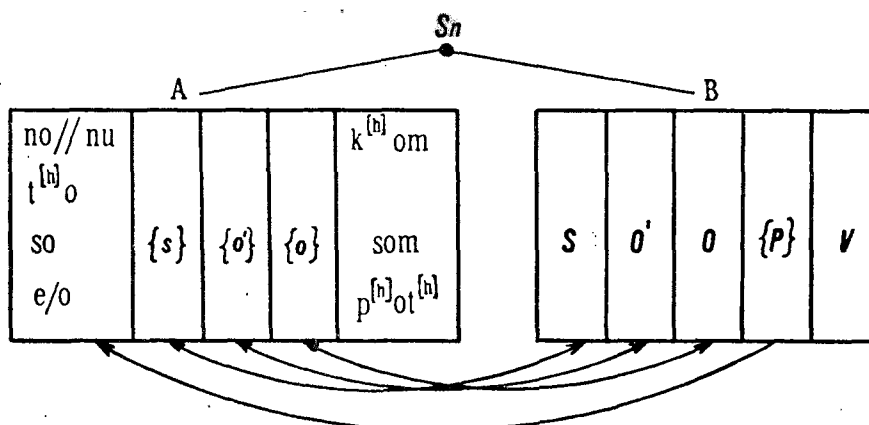
ТАБЛИЦА 4

no // nu	{s}	{o'}	{o}	k ^[h] om
t ^[h] o				som
so				
e/o				p ^[h] ot ^[h]

7.2. СОСТАВЛЯЮЩИЕ КОМПОНЕНТЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ И ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯЧЕЕК

Простое предложение S_n, состоящее из двух основных компонент— составляющих, разворачивается по следующей схеме, представленной на Табл. 5:

ТАБЛИЦА 5

Между ячейками {s}, {o'}, {o} компоненты A и соответственно ячейками S, O', O компоненты B существует дополнительная зависимость, поскольку они замещают друг друга в структуре предложения и не могут быть представлены одновременно в левой и правой частях, то есть наличие в предложении одного из элементов {s}, {o'} или {o} в левой части предполагает отсутствие соответственно элемента S, O', или O в правой — и наоборот (на схеме такая зависимость символизируется стрелками, идущими в обоих направлениях).

Такая взаимозависимость определенных ячеек в левой и правой частях индоевропейского предложения наиболее четко проявляется в структуре хеттского предложения, где энклитические местоименные частицы как бы замещают субъектно - объектные актанты при глагольной форме. При фигурировании субъектно - объектных актант в предложении в виде полнзначных слов в цепочке частиц естественно отсутствуют синтаксически соотносимые с ними субъектно - объектные частицы: Ср.

nu-kán ¹*Zi-da-an-ta-aš* ¹*Pi-še-ni-in* QA·DU DUMU^{MEŠ}·ŠU *ku-en-ta*
ḫa-an-te-ez-zi-uš-ša ¹IR^{MEŠ}·ŠU *ku-en-ta* (BoTU 23 C II 9) ‘и Циданта
(S) Писения (O) вместе с детьми его убил и главных слуг его убил’;
ср. с этим предложения с местоименными энклитическими частицами без
полнозначно выраженных субъектно - объектных актант:

na-an-kán *ku-en-zi* (KBo VI 3 IV 27) ‘и его (-an) убивает’; ср.
также: *ša-an* ^D*ḫal-ma-š[u-it-ti]* ^D*Ši-i-uš-mi-iš* *pa-ra-a* *pa-iš* (BoTU 7, 16)
‘и его (-an) Халмасунту (O') Бог-наш (S) отдал’ при DUMU·mi *la-ba-*
ar-ni ^E*ir* *pí-iḫ-ḫu-un* (BoTU 8 II 30) ‘Лабарне, сыну моему (O'), дом
(O) я дал’.

Субъектно - объектные актанты как полнозначные слова в правой
компоненте предложения могут присутствовать при одновременном нали-
чии в левой компоненте соответствующих субъектно - объектных частиц
(тем самым дублируя их) лишь в том случае, если они выступают в функ-
ции определителей, уточнителей последних.

В хеттских конструкциях в функции таких дублирующих слов-уточ-
нителей выступают, как правило, имена собственные: ср. в древнехеттс-
ком: *ma-na-aš-kán* ¹*A-aš-ka-li-ja-aš* *ku-i-en-zi* *ša-an* A·NA ^E·EN·NU·UN
da-iš (BoTU 12 A II 17) ‘он, Аскалия, мог бы и убить, но его поместил
в тюрьму’; *ša-an* *at-ta-aš-mi-iš* ¹*Ki-iz-zu-ya-an* *na-at-ta* *ḫu-uš-nu-ut*
(BoTU 10 18) ‘и его (-an), Киццуву (O), отец мой не оставил в живых’;
ka-ša-at-ta-aš-ma-aš ¹*Mur-ši-li-in* *pí-iḫ-ḫu-un* (KUB XXXI 115, 13)
‘вот тебя (-ta), Мурсили (O), им я отдал’.

Элементы {s}, {o'}, {o} и S, O', O, находящиеся во взаимообус-
ловленной зависимости, можно рассматривать как нулевые при наличии со-
ответствующего коррелята в правой или левой компоненте предложения.
Это в некотором смысле взаимообусловленные “нули”. Но могут быть
и необусловленные “нули” в случае, если отсутствует элемент S или O
при одновременном отсутствии их коррелятов {s}, {o} в левой компоненте
предложения. Такой “нуль” чаще всего представляет элемент S, а также
элемент O.

Подобные эллиптические конструкции засвидетельствованы в струк-
туре предложения отдельных индоевропейских диалектов, ср.

{s}, S → ∅:

na-an-kán *ku-na-an-zi* *ša-na-ap* *a-ta-an-zi* ‘и убивают его и едят его’
(BoTU 21 II 4);

nu ḫUL·lu *ut-t[ar i-e-e]r* *nu-k[án* ¹*Mur-ši-li-in* *ku-(en-nir)]* [(nu)]
e-eš-ḫar i-e-er ‘и злое дело совершили, и Мурсили убили, и кровь пролили’
(Tel., BoTU 23 A I 33);

{o}, O → ∅:

ta ḫarzi ‘и держит’ (= ‘и его держит’, X3, 47 A), *ta-šše pai* ‘и ему
дает’ (= ‘и ему его дает’, X3, § 47A, ср. новохеттский дубликат текста:
n-an-ši pai).

7.3. СТРУКТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯЧЕЕК — КОМПОНЕНТ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕРЕНОСА ЧЛЕНОВ ПРАВОЙ КОМПОНЕНТЫ В ЛЕВУЮ

В последовательности ячеек в правой и левой компонентах индоевропейского предложения обязательно заполнены крайняя левая ячейка (элементы **ni/*no*, **i^ho*, **so*, **e/*o*) и крайняя правая ячейка (элемент *V*). Иными словами, структура глагольного предложения должна характеризоваться с необходимостью глаголом - предикатом и маркером начала предложения в виде одного из элементов из крайне левой ячейки. Остальные структурные ячейки предложения могут быть представлены нулевыми показателями (в случае элементов *{s}*, *{o'}*, *{o}* и соответственно *S*, *O'*, *O*) или вовсе отсутствовать в структуре предложения (ячейка с элементами **k^hom*, **som*, **p^hot^h*) и ячейка с элементом *{-p-}*). Таким образом, крайне левая ячейка и крайне правая ячейка представляют некоторый структурный остов индоевропейского предложения, который может развернуться в более сложные последовательности структурных ячеек при появлении между этими элементами определенных структурных единиц.

При неполном заполнении ячеек предложения возникают определенные неполные структуры, в которых крайне правый элемент *V* оказывается в соседстве с теми или иными элементами из промежуточных ячеек или с элементами начальной ячейки предложения (при полном отсутствии сегментных элементов во всех промежуточных ячейках). Такая структура может быть иллюстрирована последовательностью одного из элементов крайне левой ячейки *+V*, ср. др.-хет. *numaltahhun* 'и я молился' (*Анимта*, КВо III 22, Rs. 59), *nuhucar[tahhun]* 'и я проклял' (*Анимта*, КУВ XXVI 71, 7).

Такие сочетания начального элемента предложения с глагольной формой могли дать в дальнейшем в результате слияния сложную глагольную форму с префиксальным наращением. Характерно, что такое *ni*—маркер начала предложения в древнехеттских текстах—представлено в слитном написании (*Otten 1953: 60 и след.*). Такого происхождения, по-видимому, префиксальные формы имперфекта в кельтском: *no tēigmis* (1 л. ед. ч.), *no feidtis* (3 л. мн. ч.), *Thurneysen 1946: 371*; ср. в ст.-слав. сочетания типа *ny-imatŭ*, Иоанн III 16, VIII 12, *Vaillant 1948*; *Vaijan 1952: 55 и 409*; рус. *но что, то творю* (Чудовский Новый Завет, ср. *Дыбо 1971*).

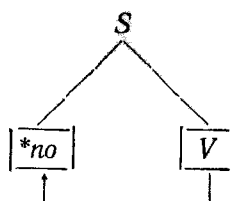
Аналогичного происхождения, очевидно, аугментные глагольные формы в древних индоевропейских языках. Аугментное префиксальное наращение **e-* есть результат слияния маркера начала предложения **e/*o* с непосредственно следующей за ней глагольной формой *V*: греч. *ε-φερε*, др.-инд. *á-bharat* 'принес', арм. *e-ber* и др. (ср. выше, стр. 357, ср. *Watkins 1962: 113; 1969: 40*).

При позиции глагольной формы в предложении непосредственно после элементов **k^hom* и **som*, то есть элементов крайне правой ячейки левой компоненты предложения, могли возникать слитные глагольные формы с **k^hom*, **som* в качестве префиксальных элементов. Такого происхождения, очевидно, формы с превербами *com-*, *con-* типа *condō* 'сооружаю'

в старолатинском, ср. хет. *-kan + dai-*, формы с превербами *ga-* в готском¹, форма с *sam-* типа др.-инд. *saṁ-dhā-* 'согласие', ст.-слав. *sqdū*², ср. хет. *-šan+dai-*, др.-инд. вед. *sám aranta* 'сошлись (=исцелили)', *RV IV, 19, 9*; др.-исл. *saman runninn* (Schmitt 1967: §55) при хет. *-šan+ar-* в таких сочетаниях, как ср.-хет. *LÜKÜR-šan kuedaš [ḥud]lak aršakiz-zi* '(города), в которые враг сразу приходит' (KUB XIII 2 III 23, Инструкция начальнику пограничных отрядов); *kuedani-ma-ššan URU-ri EGIR-pa arti* 'из <того> города, в который ты приходишь назад' (там же, III 29); ср. также др.-инд. **sam+vid:* вед. *pitṛbhiḥ ... sam-vid-* 'встреча с предками (в загробном мире)' (ср. этимологию названия Аида 'Αἴδης < ἄF-ιδ- < *sṃ-uid-, Schmitt 1967: §86, если не из *ṛ-uid-) при слав. **sǔ-+*vid-* (ср. рус. *свидеться* в значении 'встретиться' и т. п.).

Характерной структурной особенностью индоевропейского простого глагольного предложения является наличие структур с глагольной формой в начальной позиции. Такие структуры представляются результатом трансформации нормальной последовательности ячеек, выражающейся в переносе элемента *V* из крайне правой ячейки предложения в крайне левую, в которой она занимает место маркеров начала предложения:

ТАБЛИЦА 6

Такая трансформация переноса или транспозиции *V* дает новую структуру предложения с "инверсией" глагольной формы, занимающей начальное положение со следующими за ней элементами в установленном порядке. При такой транспозиции, однако, за глагольной формой может появляться связка **-io*, **-khl^oe* 'и'³, берущая на себя функцию маркера начала предложения вместо "вытесненных" глагольной формой элементов начальной ячейки. Такая "инверсионная" структура предложения отражена в целом ряде синтаксических структур древних индоевропейских диалек-

¹ В свете установленных для хеттского языка функций частицы *-kan*, являющейся одновременно и синтаксическим способом перфективации глаголов, и элементом, связанным с системой локальных превербов, представляется возможным считать архаическими обе соответствующие функции, установленные для древнегерманских языков, ср. о перфективирующей функции гот. *ga-* работы, развивающие концепцию В. Штрейтберга (Гухман 1966) о его локальном употреблении (Lindemann J. 1970).

² К этим же частицам **khl^oom*, **som* в сочетании с последующим объектом восходят славянские предлоги *kŭ*, *sŭ* в слитных комбинациях: *kŭnemŭ* 'к нему', *sŭnemŭ* 'с ним' и т. п.

³ Особенно часто в хеттском в аналогичной функции появляется частица *-ma:* *da-at-ta-ma-at* 'он уже взял это' (=деньги), *Ras Shamra*, 17, 109, *recto 4*; *ṣarpanzi-ma-ṣa-šmaš UL* 'они же-де не моются', *KUB XVI 34 I 28*, *unpanzi-ma-ṣar-aš paṣi* 'они же-де их еще не прогнали'.

тов, ср. ст.-лат. *dant-que eum* 'и дают его', хет. *kišat-ja-za* 'и стал', галл.-*jo* после глагола типа *dugiontiio* (Thurneysen 1946: 528).

Судя по синтаксическим данным древних индоевропейских диалектов, трансформация переноса в структуре индоевропейского предложения затрагивала и элемент {-p-}, переносившийся в начальную ячейку предложения с замещением в ней, как и в случае транспозиции V, маркеров начала предложения, см. Табл. 6. В таком случае после начального элемента {-p-} мог появляться заместительный маркер начала предложения *-jo, *-k^[h]o¹; ср. хет. *appa-ja-kán natta kuitki peššijazzi* 'и вон он ничего не выбрасывает' (KUB X 93 IV 2); *šer-a-šan ŠA GIŠ LUŠ artari* 'и на ней возница из дерева стоит', КВо V 1 II 49¹.

Такой транспозицией элемента {-p-} в структуре индоевропейского предложения объясняются, очевидно, структуры с тмезисом типа лат. *sub vos placō* 'вас умоляю' = *supplicō vos*; *prae tet tremonti*, ср. Watkins 1962a².

Помимо переноса этих членов предложения из правой компоненты в крайне левую ячейку левой можно постулировать случаи переноса и других членов правой компоненты предложения в крайне левую ячейку левой компоненты, то есть членов {S}, {O'} и {O} в зависимости от эмфазы в конкретном предложении.

Случаи такого перехода при эмфатическом ударении на определенных членах предложения обнаруживаются нередко в структуре древнехеттского предложения, ср., например, *zik-ua UR.BAR.RA-aš kištat* 'ты же стал волком', ХЗ, § 37 (перенос S);

kuit-ua-šši kuit eššaeni 'что мы ему ни делаем', НТ (перенос O);

GIŠ lu-ut-ta-an-za-at tar-na-u 'пусть из окна выпустит', KUB XIII 10 IV 10; ср. также *da-an-ku-ua-ja-ša ták-na-aš KAS-an pa-id-d[lu]* 'и путем темной земли пусть он пойдет', KUB XXXIII 3 III 6 (перенос O').

¹ Ср. в хеттском -*ta-* в той же функции, что и -*ja-* в предложениях типа *para-ta-aš-šan natta kuitki nai* 'он же ничего не прибавляет', KUB X 93 IV 1.

² В результате аналогичных преобразований исходной индоевропейской структуры возникают, очевидно, и осетинские (дигорские) конструкции с местоимениями и частицами, помещенными между провербами и глаголом (Миллер 1962: 136): *æra-sæ-farsta* 'выспрашивал их'; *is-min-æj-gær kodtaj nur* 'сказал ли ты мне это теперь?' (ср. также Schmidt 1970: 166).

Возникающие таким образом синтагматические структуры в индоевропейских диалектах находят типологическую аналогию н картвельских синтаксических конструкциях с тмезисом типа др.-груз. *tkyen še-ara-xwalt* 'вы не войдете', ср. Schmidt 1969: 96 и след.

Описанная структура простого предложения в индоевропейском наилучшим образом сохраняется в хеттском предложении, представляющем как бы развернутую модель общеиндоевропейской схемы предложения. В других индоевропейских языках, как, к примеру, в кельтских, сохраняются лишь отдельные фрагменты этой общей структуры.

Левая компонента предложения в хеттском, унаследованная непосредственно из индоевропейского состояния, осложняется новыми, собственно анатолийскими частицами (такими, как частица прямой речи хет. *-uar-*, лув. *-ua*; рефлексивности хет. *-za-*, лув. *-ti* и др.; ср. также соответствующие группы энклитик в древнегреческом языке). Такая левая компонента предложения в хеттском составляет уже длинную цепочку частиц, в которой фактически переданы по типу полисинтетических языков грамматические отношения, синтезируемые в глаголе¹.

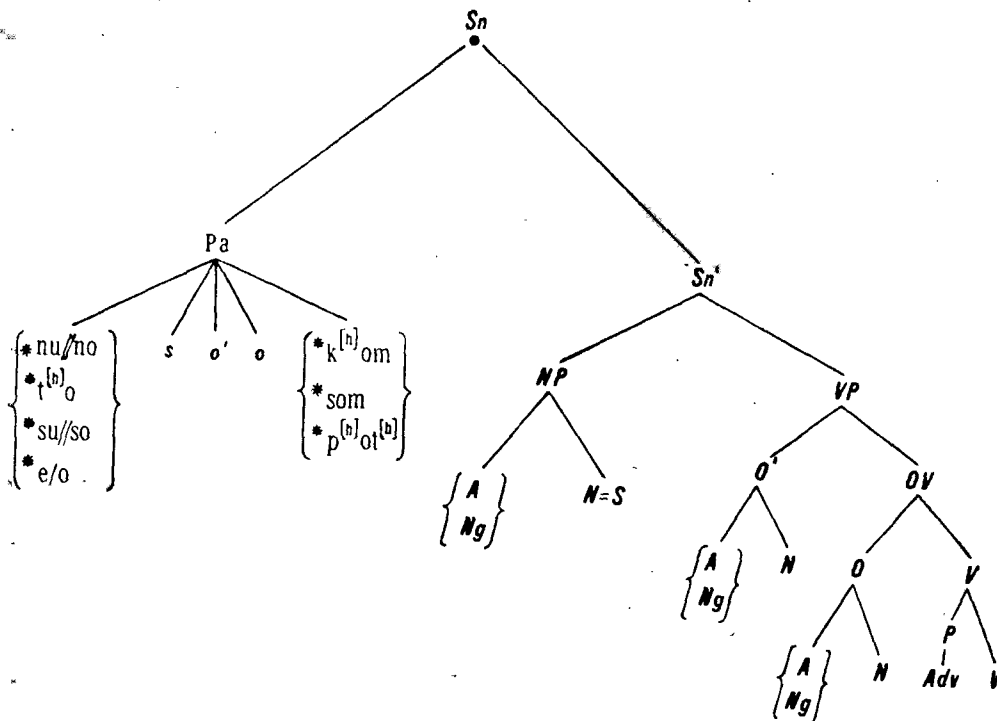
Таким образом, исторический тип хеттского предложения символизирует структуру простого предложения, предполагаемую для индоевропейского праязыка².

Структуру индоевропейского предложения можно представить в виде дерева зависимостей с постепенным развертыванием основных его узлов, см. *Схему 6*:

¹ Ср. в хеттском цепочки типа *nu-uar-aš-ši-ša-kán* 'и-де он ему в свою пользу (совершенным образом)'

² Типологически наиболее близкую аналогию к реконструированной индоевропейской и хеттской структуре предложения представляют североавстралийские языки с частицами, выражающими субъектно-объектные и некоторые другие отношения, которые помещаются после первого слова в предложении — чаще всего "катализатора", не имеющего самостоятельного значения, ср. в джи н ба предложение типа *ba-ndjan garm-e* 'и они идут', точно соответствующее хет. *n-at panzi* с тем же значением. Ср. об этих североавстралийских структурах *Capell 1972: 14—18*, а также *Dixon 1972*; любопытно, что в тех же языках (*Dyirbal*) обнаруживается и типологически сходная с индоевропейской связь относительных конструкций с генитивной, *Dixon 1969*. Наконец, именно в австралийских языках был обнаружен впервые наиболее близкий аналог активному строю общеиндоевропейского языка, ср. *Кацнельсон 1967*.

Схема 6

Сочетание $\left\{ \begin{matrix} A \\ Ng \end{matrix} \right\} N$ из узла O' может быть абсолютной конструкцией, относящейся ко всему предложению и соответственно помещаемой в линейной проекции в крайне левой части правой компоненты предложения.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

**АРЕАЛЬНЫЕ
СТРУКТУРЫ
ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО
ЯЗЫКА**

ЧЛЕНЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ

1. ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

1.1. ПРИНЦИПЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ИЗОГЛОСС РАЗНЫХ УРОВНЕЙ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ЯЗЫКА. ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

При исследовании членения индоевропейской языковой общности и установлении связей между отдельными диалектами, предполагающих их совместное развитие в течение определенного периода и в пределах определенного исторического ареала, особое внимание уделяется общим фонологическим, морфологическим и лексическим явлениям в этих диалектах, так называемым изоглоссам. Наличие пучка подобных изоглосс и считается явным признаком единства или совместного развития диалектов в пределах общего языка или же после начала их обособленного развития вне этого языка. Изоглосса предполагает общую инновацию в определенных диалектах, отражающую общность их развития, тогда как сходство, выражающееся в сохранении архаических черт, не может считаться признаком общности развития этих диалектов.

При этом в отношении любого изолированно взятого сходного фонологического явления в отдельных диалектах, являющегося инновацией, может встать вопрос об его независимом возникновении в каждом диалекте в отдельности в силу теоретически вероятного характера осуществления подобной фонологической инновации. В таком случае фонологическую инновацию нельзя будет считать показателем общности развития этих диалектов и рассматривать ее как изоглоссу, объединяющую данные диалекты или группы диалектов.

Так, например, переход $o \rightarrow a$ и слияние фонемы o с фонемой a или даже слияние трех гласных e, a, o в a (как это имело место в индоиранском или лувийском), осуществленное в разных диалектах общего языка, будучи типологически вероятным фонетическим процессом, не может в общем случае рассматриваться как изоглосса, объединяющая любые два родственных диалекта. Аналогичным образом, процесс палатализации типа развития $k' > \check{s}$, наблюдаемый в отдельных диалектах, не может быть вообще квалифицирован как изоглосса, дающая основание для допущения общности развития этих диалектов, поскольку подобный процесс является фонетически вероятной фреквенталией и может возникнуть независимо друг от друга в самых различных диалектах (ср. Серебряников 1974: 127 и след.).

В общем случае можно утверждать, что при реконструкции древнейших связей между диалектами изолированно взятый фонетический процесс, наблюдаемый в разных диалектах, не может еще служить достаточным основанием для рассмотрения его в качестве изоглоссы, исторически объединяющей эти диалекты; такой сходный фонетический процесс может иллюстрировать лишь возможность параллельного фонетического развития в двух диалектах независимо друг от друга.

Более показательным в этом отношении наличие в двух или нескольких родственных диалектах целого комплекса общих фонетических явлений, считающихся инновацией. Вероятность рассмотрения такого множества общих фонетических явлений в качестве изоглосс, объединяющих данные родственные диалекты, возрастает при необусловленности этих фонетических или фонологических явлений друг другом. Такой довольно обширный комплекс общих явлений и предполагается при установлении отношений между живыми диалектами в лингвистической географии.

Однако при реконструкции древних диалектных общностей и установлении соотношений между диалектами общего языка в родственных диалектах обычно обнаруживаются лишь единичные общие фонетические явления, что затрудняет рассмотрение их в качестве общих изоглосс или результатов независимого фонетического развития. Рассмотрение подобных фонетических явлений в качестве общих изоглосс и основанное на этом заключение об общности развития диалектов может, таким образом, и не отражать действительного положения вещей.

Поэтому явления фонологического порядка, которые могли бы предположительно быть отнесены к числу изоглосс, должны комбинироваться по необходимости с явлениями более высоких уровней—морфологическими (грамматическими) и лексическими, обладающими двумя планами—планом содержания и планом выражения.

Определенная группа инноваций в различных диалектах, совпадающая как по форме, так и по содержанию, является более надежным критерием для установления общности развития данных родственных диалектов на протяжении определенного времени и в пределах определенного исторического ареала. Даже небольшая группа таких инноваций, совпадающих как по форме, так и по содержанию, может оказаться достаточной для признания их изоглоссами, объединяющими определенные родственные диалекты в отличие от других диалектов.

Формально-функциональные инновации, наблюдаемые в определенной группе индоевропейских диалектов, дают возможность выделить в пределах общиндоевропейского языка некоторые диалектные ареалы, в определенном смысле “прадиалекты”, распад которых приводит к образованию исторических индоевропейских языков.

Тем самым удастся установить некоторую промежуточную ступень между общим языком - основой и отдельными историческими индоевропейскими диалектами, берущими начало от определенных ареальных диалектов общего языка.

Особое значение при этом приобретают морфологические инновации—изоглоссы, которые, не заимствуясь, как правило, из одного языка в другой, развиваются в общем направлении на основе исходных грамматических ресурсов и поэтому могут свидетельствовать о совместном развитии диалектов на протяжении определенного периода.

Несколько отличную картину обнаруживают лексические инновации—изоглоссы. Лексической изоглоссой следует считать как целую лексему, характерную для группы диалектов и отсутствующую во всех остальных родственных диалектах (и поэтому считающуюся возникшей из какого-то источника именно в этой группе диалектов), так и лексему, общую этимологически с другими диалектными ареалами, но имеющую особую семантику или формально-словообразовательные (возможно и индивидуальные фонетические) характеристики, присущие такой лексеме только в данной группе диалектов.

Наличие конкретного слова только в определенной группе диалектов и полное отсутствие их в другой может указывать на возникновение этого слова лишь в первой группе диалектов, что в свою очередь свидетельствует об общности их развития или наличии между ними тесных исторических контактов на протяжении определенного периода.

С другой стороны, такое наличие конкретного слова в определенной группе диалектов, при отсутствии его в другой группе, может указывать на утерю данного слова этой последней группой диалектов, что в свою очередь объединило бы эту последнюю группу диалектов в определенную общность в противоположность первой группе, сохранившей архаичное слово, которое было унаследовано от общего языкового состояния.

Решается этот вопрос в каждом отдельном случае особо при учете фонетических, морфологических и семантических факторов.

Устанавливаемые на основании морфологических и лексических изоглосс связи между диалектами окажутся тем убедительнее, чем больше они совпадают с устанавливаемыми общими фонетическими явлениями в тех же группах диалектов. Такое наложение друг на друга разноуровневых изоглосс может уже служить довольно надежным основанием для установления общности развития отдельных групп диалектов в пределах общего языка и их совместного развития на протяжении определенного периода после обособления.

Значимость фонологических, морфологических (грамматических) и лексических критериев для установления характера языковых явлений, общих для родственных диалектов, определяет последовательность, в которой дается рассмотрение изоглосс, объединяющих древние индоевропейские диалекты. Ниже будут последовательно рассмотрены морфологические (грамматические), фонологические и лексические явления, позволяющие считать их пересекающимися разноуровневыми изоглоссами, на основании которых объединяются и классифицируются отдельные диалектные группы в пределах индоевропейского языка и в период их обособленного развития вплоть до исторически засвидетельствованного периода.

2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ КАК СПОСОБ ГРУППИРОВКИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

2.1. ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА И СИСТЕМА ТРЕХ РОДОВ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

В именительном падеже противопоставление форм женского и мужского родов выразилось формально в использовании старых собирательных форм на *-ā, *-ī, *-ū из первоначальных слов активного класса с суффиксом *-s, то есть *-aH-s, *-iH-s, *-uH-s.

Закономерное фонетическое развитие этой последовательности в *-ā, *-ī, *-ū дало вначале собирательные формы типа греч. дор. φράτρα (ион. φρήτρα) 'род, фратрия', противопоставленного греч. φράτηρ 'брат'; φῦλη 'племя, фила', противопоставленного φύλον 'род' и др.

В дальнейшем собирательные формы на *-ā, *-ī, *-ū связываются со значением женского рода, и эти окончания становятся соответственно маркерами *им. п. ж. р.*, противопоставляемыми в основном маркерам *им. п. м. р.*

Такое противопоставление с соответствующими окончаниями переносится и на класс адъективов в силу принципа формального согласования адъективов с именем, что и вызывает формирование системы именного противопоставления по мужскому, женскому и среднему родам¹:

*-ā: др.-инд. *áśvā* 'кобыла', лит. *ašvā*, лат. *equa* 'кобыла' (ср. др.-инд. *áśvaḥ* 'жеребец', лат. *equus* 'жеребец', при архаическом греческом *ἵππος* 'жеребец; кобыла');

*-ī: др.-инд. *rātñī* 'госпожа', 'супруга', греч. *πότνια* 'госпожа' (мик. *po-ti-ni-ja*), авест. *-raθñī* (*ha-raθñī* 'побочная жена', *dātqñō-raθñī* 'хозяйка дома', ст.-лит. *viešpatni* 'госпожа', основа на -ī, ср. основу *м. р.* на -ī: др.-инд. *rātiḥ* 'господин', авест. *paiti* 'хозяин', греч. *πίσις* 'супруг', лит. *patīs* 'супруг', ср. *Szemerényi 1964: 337 и след.*);

*-ū: др.-инд. *śvaśráh* 'свекровь', ст.-слав. *svekry*, лат. *socrus*, др.-в.-нем. *swigur*, н.-е. **suek^[h]ruH*- (ср. *śvaśuraḥ* 'свекор', очевидно, с позднейшим переходом первоначальной основы **śvaśru*- в тематический тип *śvaśura*-, греч. гом. (F) *ἐκυρός*, лит. *šėšuras*, ср. о **suek^[h]ru-s* как форме *м. р.* *Kuryłowicz 1956: 129*, но ср. *Трубачев 1959: 121; Szemerényi 1964: 292 и след., 336*).

Возникшие таким образом показатели *ж. р.* *-ā, *-ī, *-ū от основ мужского рода на *-ō, *-ī, *-ū переосмысляются по языкам и становятся маркерами женского рода независимо от исходной основы мужского рода.

В основах мужского рода распространяется, в свою очередь, тематический тип на *-o, вытесняя более ранние образования на *-u и *-i (ср. **suek^[h]uro*- > др.-инд. *śvaśura-h* 'свекор' из **suek^[h]ru*-).

При этом обычным маркером соответствующей формы женского рода становится показатель *-ī, первоначально относившийся только к показателям *ж. р.* основ на *-i. Тем самым подчеркивается формальный конт-

¹ Формальное противопоставление по родам в номинативе естественно индуцирует противопоставление в других падежах, в частности генитиве.

раст между образованиями женского и мужского родов: ср. др.-инд. м. р. *deváh* 'бог' ~ ж. р. *devī* 'богиня'; м. р. *vṛkaḥ* 'волк' ~ ж. р. *vṛkī-* 'волчица', вместо исторически ожидаемого противопоставления *vṛkaḥ* ~ **vṛkā* (ср. лат. *lupus* 'волк', м. р. ~ *lupa* 'волчица', ж. р.), *deváh* ~ **devā*, пережиточно сохранившегося в древнеиндийском в противопоставлениях типа *áśvaḥ* 'конь', м. р. ~ *ásvā* 'кобыла', ж. р., и в значительном числе адъективов (в качестве архаизма в древнеиндийском).

Наличие суффиксов **-ī* и **-ā* в качестве синонимических показателей разных основ еще в значении собирательного имени, а не в качестве показателей женского рода приводит к тому, что они могли комбинироваться, выступая в составе сложного суффикса **-ijā* (< **ī + *ā*), ср. греч. *φρᾶτρια*, ст.-слав. *bratřija* 'фратрия'. В историческом греческом этот тип особенно продуктивен для атематических образований, подобных греч. *φέρουσα* 'несущая' < **φεροντιᾶ-*, ср. аналогичные образования в древнеиндийском типа *bharant-yā* 'несущая' (ст.-слав. *berqšta* < **berqt-ja* 'берущая') при гот. *frijōnd-i* 'подруга'.

Такое развитие форм номинатива м. и ж. р. характерно в первую очередь для древнеиндийского.

Многообразие именных форм им. пад. ед. ч. в исторических индоевропейских диалектах противопоставляется формальному единообразию их в хеттском и других анатолийских языках. В этом отражается осложнение именной классификации в индоевропейских диалектах первой группы по грамматическому роду, противопоставляющей именные образования мужского, женского и среднего родов и выражающей такое противопоставление особыми формальными средствами.

Хеттская классификация имен по общему и среднему роду обнаруживает все еще формально-семантическую связь с общеиндоевропейской классификацией имен на активные и инактивные образования.

Общая в индоевропейских диалектах тенденция к выражению оппозиции слов мужского, женского и среднего родов противопоставляет эту группу индоевропейских диалектов анатолийской группе, и в этом отношении анатолийскую группу индоевропейских диалектов, в частности хеттский язык, как сохранивший архаизм, можно считать противопоставленной всем остальным индоевропейским диалектам, обнаруживающим общую инновацию — образование системы трех родов.

Однако эта общая инновация в рассматриваемой группе индоевропейских диалектов проявляется в различных формальных категориях, что позволяет выделить особые морфологические изоглоссы и объединить по этому признаку определенные группы индоевропейских диалектов.

2.2. РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

Особые морфологические инновации, позволяющие выделить изоглоссы, которые дают объединение определенных групп индоевропейских диалектов, проявились при оформлении выражения оппозиции мужского и женского родов в именных образованиях родительного падежа.

Тематический тип именного образования мужского рода (имевший окончание *-o-s в именительном падеже) оформляется в генитиве отлично по сравнению с соответствующим образованием женского рода. При этом архаичный показатель родительного падежа *-(o)s сохраняется в форме генитива женского рода (ср. др.-инд. *devyāḥ*, род. пад. ед. ч., им. п. *devī* 'богиня'; греч. род. пад. *θεῶς*, им. п. *θεά* 'богиня'; ст.-лат. род. п. *familiās* в сочетании *pater familiās* 'отец — глава семейства', им. п. *familia* 'семья'; лит. *žiemōs*, род. пад. от *žiemà* 'зима'; гот. *gibōs*, род. пад. от *giba* 'дар'), а также и в атематических образованиях мужского рода (ср. др.-инд. род. пад. *pad-āḥ* от им. п. *pāt* 'нога', греч. лод.-*ός*, род. пад. от им. п. *πούς*, дор. *πός* 'нога', лат. *ped-is*, род. п. от *pēs* 'нога').

В генитиве женского рода формальное различие именительного и родительного падежей было унаследовано от общеиндоевропейской парадигмы (как и в номинативе и генитиве имен атематического типа), тогда как в тематическом типе имен мужского рода требовалась фонетическая модификация окончания генитива *-os для формальной дифференциации по отношению к окончанию именительного падежа *-os во избежание грамматической омонимии типа хеттского им. пад. *antuḫšaš* 'человек', род. пад. *antuḫšaš* 'человека'¹.

В отношении образования генитива тематических имен намечаются три основные изоглоссы:

- им. пад. *-os ~ род. пад. *-(o)s-jo
 им. пад. *-os ~ род. пад. *-ī
 им. пад. *-os ~ род. пад. *-ō

В соответствии с этими тремя изоглоссами выделяются индоевропейские диалекты, составляющие три основные диалектные группы:

- (1) **индо-ирано-греческо-армянская**
- (2) **тохаро-итало-кельто(-венето-мессапская)**
- (3) **балто-славяно(-германская)**

В группе (1) индоевропейских диалектов родительный падеж именных образований тематического типа характеризуется сложным окончанием *-(o)s+jo, восходящим к первичному показателю генитива с показателем синтаксической связки *-jo (см. выше, стр. 270):

Др.-инд. *devá-sya* 'бога': им. п. *deváh* 'бог'; авест. *ahurahyā* 'господина': от *ahura-* 'бог', 'господин'; др.-перс. *kāra-hyā* 'войска'; греч. гом.-*ἵππου* 'коня', 'лошади': им. п. *ἵππος*, *θεοῖο* 'бога': им. п. *θεός* 'бог'; др.-арм. *gorcoy* 'дела': им. п. *gorc* 'дело' (ср. греч. *Γέρον*), *orboy* 'сироты': им. п. *orb* 'сирота' (ср. греч. *ὀρφανός*), *mardoy* 'человека': им. п. *mard* 'человек'.

¹ Возможно, с этим связана в лувийском замена общеанатолийской формы род. пад. тематических имен на -aš особым адъективным образованием на -ašši-: лув. *tiḫammašši-* 'относящийся к земле' (= 'земли'), *maḫaššašši-* 'относящийся к ритуалу' (= 'ритуала'); семантически эквивалентно хеттскому генитиву, лув. *tiḫammaššiš* DUTU-za 'земное солнце' = хет. *taknaš Ištanuš* 'Эстан (бог Солнца) земли'.

Наличие в древнеиндийском образовании старого тематического типа на **(o)sjo* является явным указанием на существование в армянском в дописьменный период именного противопоставления форм мужского и женского родов, с чем в сущности и связано наличие особой формы тематического генитива в индоевропейских диалектах. В отношении древнеармянского языка следует говорить об утере противопоставления имени по грамматическому роду, в отличие от хеттского и других анатолийских языков, в которых не возникало противопоставления именных образований по трем грамматическим родам, чем и объясняется отсутствие в хеттском особых инноваций в образовании тематического генитива.

В группе (2) индоевропейских диалектов родительный падеж именных образований тематического типа характеризуется окончанием **-ī*, предполагающим этимологическую связь с адъективным показателем **-ī* (типа др.-инд. *rath-ī-* 'относящийся к колеснице', ср. выше, стр. 284). Первичное окончание *род. пад. *-os*, сохранившееся в атематических образованиях и в архаической форме женского рода, было, по-видимому, заменено в тематических образованиях генитива особым показателем **-ī*, чем и было достигнуто формальное противопоставление в родительном падеже форм женского и мужского родов и формы тематического номинатива¹:

Ср. лат. <i>род. пад. lup-ī</i>	: им. п. <i>lupus</i>	'волк'
<i>род. пад. Volcānī</i>	: им. п. <i>Volcānus</i>	'Вулкан'
<i>род. пад. dominī</i>	: им. п. <i>dominus</i>	'господин'
<i>род. пад. equī</i>	: им. п. <i>equus</i>	'конь'

Венет. *re.i.tii*, *род. пад.* собственного имени, но ср. *Polomé 1966* : 75;

Галл. *Equi*, *род. пад.* (название месяца, *Thurneysen 1946* : 181);

Segomari, *род. пад.* собственного имени, *им. пад. Σεγομαρος*;

Др.-ирл. *taqi* 'сына' (в надписях огамического письма);

Мессапские формы на *-i* менее ясны, ср. *Polomé 1966*: 75;

Ср. тохарские А формы *род. пад.* на *-i* от атематических основ типа *pāsci* 'отца', *ñi* 'меня', а также *lāñci* 'царский' от *lānt-* 'царь' и т. п.

В группе (3) индоевропейских диалектов родительный падеж именных образований тематического типа характеризуется окончанием **-ō*, возводимым обычно к древнему окончанию отложительного падежа: **-ot' > *-ōd*, ср. ст.-лат. *lupōd*, др.-инд. *vṛkāt* 'от волка' (ср. *Stang 1966*: 44 и 181). Наличие в хеттском языке творительного падежа на *-et/-it* (ср. хет. *kiššarit* 'рукой', *iššit* 'ртом', *kardit* 'сердцем' и др., с известными оговорками, связанными с характером синлабического клинообразного письма), сопоставимого с индоевропейским аблативом на **-ōd* (ср. др.-хет.

¹ Иногда к этим же формам относят и фалиские формы, образованные от собственных имен: *eko Kaisiosio* (в надписи на вазе), *Evotenosio* (*Schwyzler 1939*, I: 555; *Тронский 1960* : 146; *Watkins 1966*: 38), но толкование этих форм остается неясным (*Thumb/Hauschild 1959*, II : 33, примеч. 30).

šakiųat 'от глаз'), указывает на особую древность этого падежа в парадигме индоевропейского склонения:

Род. пад. лит. *diēvo* 'бога': им. п. *diēvas* 'бог'
 латыш. *dieva* 'бога': им. п. *dievs* 'бог'
 ст.-слав. *boga* 'бога': им. п. *bogŭ* 'бог'.

Особую инновацию формы род. пад. м. р. тематических основ показывают германские языки. В этой группе диалектов формант родительного падежа выделяется в виде **-o-so*, **-e-so*:

Род. пад. гот. *wulfis* 'волка': им. пад. *wulfs* 'волк'
 др.-исл. *ulfs* 'волка': им. пад. *ulfr* 'волк'

(-s в древнеисландском из более древнего -as < **-oso*, ср. род. пад. ед. ч. рун. *godagas*, имя собственное, Макаев 1965: 125);

Др.-англ. род. п. *dæges* 'дня': им. п. *dæg* 'день'.

Этот формант род. пад. слов мужского рода в германском может быть сопоставлен с прусским окончанием имен тематического типа и местоимений: прус. род. пад. *deiwas*¹ 'бога': им. п. *deiws* 'бог'.

Прусские местоименные формы с подобным окончанием род. пад. в образованиях неженского рода проявляют сходство с аналогичными германскими и славянскими местоименными формами:

Род. пад. прус. *stesse* 'этого': им. п. *stas* 'этот'
 гот. *þis* 'этого': им. п. *sa* 'этот'
 ст.-слав. *česo* 'чего': им. п. *čto* 'что'.

Ввиду наличия окончания **-eso/*-oso* в прономинальных образованиях в более широком круге индоевропейских диалектов, включающем в себя наряду с германскими языками также и балто-славянские языки, можно считать этот формант изоглоссой, характерной для некоторых индоевропейских диалектов общего ареала и отчасти параллельной собственно именным окончаниям родительного падежа слов мужского рода.

Особо следует рассмотреть местоименные формы родительного падежа в различных группах индоевропейских диалектов. В этой связи в первую очередь нужно привести латинские местоименные формы родительного падежа: *ēius* 'этого', род. пад. от *is* 'этот, тот', *cūius* 'чей' (рассматриваемый в качестве формы родительного падежа от *quis* 'кто'). Эти местоимения возводят иногда к формам с суффиксом **-sjo*, очевидно, ввиду соответствующих индийских и греческих форм: др.-инд. *tásya* 'того', род. пад. от *sá(h)* 'тот', греч. гом. *toŷo* 'этого, того; его', род. пад. от *ὁ* 'этот, тот, он'

¹ Сохранение **-a-* в форме родительного падежа предполагает наличие конечной гласной, позднее редуцировавшейся (Stang 1966: 10): *-as* < **-asa* < **-oso*. В отличие от этого, форма именительного падежа, в которой не предполагается формант с конечной гласной, закономерно редуцирует гласную перед s: *-s* < *-as*.

(ср. Тронский 1960 : 122, 146, 191)¹. Постулирование *-sjo в латинском наталкивается на трудности как фонетического², так и морфологического характера.

В условиях наличия особой формы родительного падежа слов мужского рода на *-(o)sjo в индоевропейском было бы непонятно появление в ряде диалектов (италийском, балто-славянском, германском) особой формы родительного падежа слов мужского рода, вытеснившей, если принять эту точку зрения, уже существовавшую форму на *-(o)sjo.

Италийские формы *ēius* и *cīius* можно было бы объяснить при допущении наращения на прономинальную основу частицы *-jo-: *ei-jo-, *kūi-jo-, наподобие славянских прономинальных форм с частицей -go: ст.-слав. *ko-go*, *če-go*, *to-go*.

Таким образом, по морфологическому признаку появления особой формы родительного падежа мужского рода, что было в основном индуцировано возникновением противопоставлений по грамматическому роду в индоевропейских диалектах, можно выделить формально четыре изоглоссы, которые дают классификацию диалектов по четырем группам:

Группа *-(o)sjo :	индо-ирано-греческо-армянская
Группа *-ō :	балто-славянская
Группа *-eloso :	германо(-славяно)-прусская
Группа *-ī :	тохаро-итало(-венето-мессано)-кельтская

Характерно, что изоглоссы пересекаются лишь в балто-славяно-германской группе при непересечении и взаимной дополнительности изоглосс этих диалектных групп с индо-ирано-греческо-армянской группой. Пересекающиеся изоглоссы в германо-балто-славянской группе свидетельствуют об особой близости этих диалектов по данному морфологическому признаку при их отличии от диалектов группы *-(o)sjo.

2.3. ФОРМЫ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ЕДИНСТВЕННОГО И МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА. ПАДЕЖИ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ *-j[ʰ] и *-m-

Использование древнего окончания отложительного-творительного падежа *-ot' в балто-славянском для выражения особого типа форм родительного падежа именных образований мужского рода связано в этих языках с появлением новых формантов для выражения функций творительного падежа. При этом в славянском в новых образованиях творительного падежа опять-таки наблюдается противопоставление форм по признаку мужского и женского рода. Принцип классификации по грамматическому роду становится, по-видимому, одним из основных факторов преобразования именной парадигмы, что прежде всего отразилось на функции новых форм именительного и винительного падежей, как было показано выше.

¹ Watkins 1966 : 38 предлагает вслед за Покорным сходное объяснение и для др.-ирл. *a 'ego'* (с леницией), ср.-валл. *eidaw* (ср. ту же точку зрения Льюис/Педерсен 1954 : 267); ср., однако, доводы против подобного объяснения Thurneysen 1946 : 285.

² Отсутствуют другие примеры развития *-sjo > -ijo в латинском. Такое развитие допускается ad hoc на основании именно этих двух форм.

Параллелизм в развитии творительного и именительного (и родительного) падежей, оформляемых в зависимости от грамматического рода, можно понять, учитывая их функционально-семантическую идентичность в связи с выражением семантического субъекта действия: субъект действия, выражаемый именительным падежом в активной конструкции, передается творительным падежом при трансформации активной конструкции в пассивную. Аналогичным образом, родительный падеж является выразителем субъекта действия при трансформации номинализации вербальной конструкции.

В славянском в качестве показателя творительного падежа именных образований мужского рода выступает элемент *-mĭ* < **-mī*: ст.-слав. твор. п. *vlĭko-mĭ* : им. п. *vlĭkŭ* 'волк', м. р.; твор. п. *synĭmĭ* : им. п. *synŭ* 'сын', м. р.; твор. п. *gostĭmĭ* : им. п. *gostĭ* 'гость', м. р.; ср. также форму ж. р. на *-ŭ*: твор. п. *roko* : им. п. *roka* 'рука', ж. р.; твор. п. *noštijŭ* : им. п. *noštŭ* 'ночь'.

По этой изоглоссе со славянскими языками объединяются языки балтийские при некоторых расхождениях в конкретном образовании тематических и атематических форм мужского и женского рода (ср. *Mažiulis* 1970):

Мужской род:

Тематический тип:

Лит. твор. п. *vėjŭ* 'ветром': им. п. *vėjas* 'ветер'; твор. п. *tėvi* 'отцом': им. п. *tėvas* 'отец'; твор. п. *vilki* 'волком': им. п. *vilkas* 'волк'.

Окончание *-u* сопоставляется с др.-инд. *-ā* в вед. *vṛkā* 'волком', авест. *vahrka*, др.-в.-нем. дат.-твор. *wolfu* (и.-е. **-ō*, окончание творительного падежа).

Основы женского рода на **-ā*:

Лит. твор. п. *rankà* : им. п. *rankà* 'рука'; твор. п. *galva* : им. п. *galvà* 'голова'.

Окончание твор. п. **-a* возводится к **-ān*, ср. слав. *-ŭ*;

Атематический тип (*мужской и женский род*):

Лит. твор. п. *vagi-mì* 'вором': им. п. *vagis* 'вор'; твор. п. *sūnu-mì* 'сыном': им. п. *sūnūs* 'сын'.

В качестве другой диалектной группы по изоглоссе творительного падежа единственного числа выступают греческий и армянский языки. Эту изоглоссу образует показатель **-b^hlī*, выступающий уже в микенском в качестве адвербиальной частицы, приобретающей функции синтаксического творительного падежа: греч. мик. *-pī*, греч. гом. *-φι*:

Мик. *e-ru-ta-ra-pi* 'красным, с красным' (= греч. *ἐρυθρᾶ-φι*), ср. *Morpurgo* 1963 : 100—101;

qe-to-ro-ro-pi 'с четвероногими', *Lejeune* 1958 : 159—184 (= греч. *τετράποδοι*);

Др.-арм. твор. п. на *-b//w*: твор. п. *dustr-b* : им. п. *dustr* 'дочь'; твор. п. *baniw* 'словом': им. п. *ban* 'слово'; твор. п. *gineaw* 'вином': им. п. *gini* 'вино'.

Окончание *-φι* в функции творительного падежа в греческом безразлично к числу: оно присоединяется к формам как единственного, так и

двойственного и множественного числа (ср. типологически творительный падеж на *-it* в хеттском, выражающий как единственное, так и множественное число).

В отличие от этого этимологически связанное с ним окончание **-b^hli* в индо-иранском выступает в форме *-bhis* в значении творительного падежа множественного числа¹:

Др.-инд. *paṇi-bhīḥ* 'кораблями, судами', твор. пад. мн. ч. от *paṇi* 'корабль' при греч. гом. *ναῦ-φι(ν)*, твор. пад. от *ναῦς* 'судно', 'суда, флот'; авест. твор. пад. *gaēdābiš* от *gaēdā-* 'существо'; твор. пад. *paḍabiš* от *paḍ-* 'нога'.

Тот же элемент **-b^hli* лежит в основе окончания дательного-отложительного падежа множественного числа в индо-иранском:

Др.-инд. дат.-отлож. пад. мн. ч. *devébhyaḥ*: им. пад. *devāḥ* 'бог'; авест. дат.-отлож. пад. *urvarābyas(-ča)* '(и) растениям': от *urvarā-* 'растение'.

Таким образом, на основании функционирования элемента **-b^hli* в качестве грамматической инновации для выражения творительного падежа единственного и множественного числа выделяется (как и в случае изоглоссы **(o)siō*) индо-ирано-греческо-армянская группа диалектов.

Индо-иранское окончание дательного-отложительного падежа **-b^hyas* < **-b^hlios* сопоставимо с окончанием **-b^hlos*, выражающим дательный и отложительный падежи множественного числа в италийском:

Ср. ст.-лат. *trebibus* 'трибам': им. н. ед. ч. *tribus*;

Лат. *rēgibus* 'царям': им. н. *rēx* 'царь';

hostibus 'гостям': им. н. *hostis* 'гость';

Венет. *oposo-φos* 'делаю' (|| 'operibus'), мессап. *-bas*, ср. Polomé 1966: 74.

То же окончание выделяется и в кельтских формах дательного падежа множественного числа:

Галл. дат. н. *matrebo* 'матерям' (= лат. *matribus*);

Др.-ирл. дат. н. *fer(a)ib* 'мужчинам': им. н. ед. ч. *fer*.

Несмотря на общность происхождения начального консонантного элемента этих окончаний в индо-ирано-греческо-армянской группе и итало-кельтской, они тем не менее формально не сводимы друг к другу и должны считаться разными по происхождению окончаниями.

Это дает основание считать итало-кельтское **-b^hlos* особой морфологической инновацией, отличной от индо-иранского **-b^hlios*, и ввиду этого можно выделить особую изоглоссу, объединяющую итало-венето-мессапо-кельтскую группу индоевропейских диалектов (как и в случае изоглоссы род. пад. ед. ч. на **-i*).

В качестве другой группы индоевропейских диалектов, объединяемых по признаку общности показателей дательного и творительного паде-

¹ Форма мн. ч. твор. н. на *-w-ē*, *-b-ē* в древнеармянском сопоставима с древнеиндийским *-bhiḥ* с той лишь разницей, что в индо-иранском окончание **-b^hli-*, осложненное показателем множественности **-s*, выступает только в формах множественного числа.

жей множественного числа, выделяются балто-славяно-германские диалекты. Они объединяются в такую диалектную группу по изоглоссе **-mis* (твор. п. мн. ч.), **-mus/*-mos*, дат. пад. мн. ч. (как и в случае изоглоссы род. пад. на **-ō* и **-eso*):

Лит. твор. п. мн. ч. *sūnumis* : им. п. *sūnūs* 'сын'; твор. п. мн. ч. *avimīs* : им. п. *avīs* 'овца';

Ст.-слав. твор. п. *gostīmi* : им. п. *gostī* 'гость'; твор. п. *kamenīmi* : им. п. *kamy* 'камень';

Лит. дат. п. мн. ч. *sūnumis* : им. п. *sūnūs* 'сын'; дат. п. мн. ч. *avims* : им. п. *avīs* 'овца';

Ст.-слав. дат. п. *gostīmŭ* : им. п. *gostī* 'гость'; дат. п. *kamenīmŭ* : им. п. *kamy* 'камень';

Герм. **-mz* : гот. *þrim*, др.-исл. *þrimr* 'трём, от трёх, тремя, у трёх'.

Таким образом, по изоглоссе морфологических показателей дательного и творительного падежей множественного числа выделяются фонетически те же диалектные группы, что и по показателю родительного падежа именных образований на **-o* мужского рода. В этом смысле рассматриваемые изоглоссы покрывают друг друга.

В качестве изоглоссы, охватывающей более широкий ареал индоевропейских диалектов, выступает показатель творительного падежа множественного числа тематических основ мужского рода **-ōis*. Эта морфологическая инновация охватила все группы индоевропейских диалектов за исключением анатолийской и связана с появлением дифференциации именных основ по признаку грамматического рода — с тенденцией, не затронувшей хеттский язык:

Др.-инд. *devāiḥ*, твор. п. мн. ч. от *devāḥ* 'бог';

Авест. *tašyaiš*, твор. п. мн. ч. от *taša* 'человек';

Лит. твор. п. мн. ч. *vilkaīs* : им. п. ед. ч. *vilkas* 'волк';

Лат. дат. пад. мн. ч. *lupīs* : им. п. ед. ч. *lupus* 'волк';

Оск. *pesimois* 'ближним', дат. п. мн. ч.

2.4. ФОРМА МЕСТНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Следующая изоглосса объединяет индоевропейские диалекты по форме образования местного падежа — локатива — множественного числа:

Др.-инд. *devēsu*, мест. п. мн. ч. от *devāḥ* 'бог';

Ст.-слав. *raběchŭ*, мест. п. мн. ч. от *rabŭ* 'раб';

Др.-инд. *sēnāsu*, мест. п. мн. ч. от *sēnā* 'войско';

Ст.-слав. *rokačŭ*, мест. п. мн. ч. от *roka* 'рука';

Ст.-лит. *rañkosu*, мест. п. мн. ч. от *rankà* 'рука';

Греч. φίλοισι, мест. п. мн. ч. от φίλος 'друг';

Греч. Ἀθήνησι, мест. п. мн. ч. 'в Афинах'.

По этой изоглоссе объединяются индоевропейский и балто-славянский и (по принципу построения) греческий. Собственно как показатель локатива выделяется конечный элемент **-u*, следующий за показателем множественного числа.

твенности *-s, которому, в свою очередь, предшествует общий показатель “локативности” *-i (в тематических основах *-oi, ср. др.-инд. *мест. п. ед. ч. devé*, греч. *οἶκος*, лат. *domi*). Такой “агглютинативный” принцип построения для локатива можно считать сравнительно поздним диалектным явлением (ср. полное отсутствие локатива *мн. ч.* в хеттском при наличии общего падежа на -i, в древнехеттском противопоставленного директиву на -a), объединяющим ряд индоевропейских диалектов. Такой же агглютинативный принцип построения локативного падежа множественного числа в греческом с конечным элементом -i вместо -u можно считать диалектным признаком, объединяющим этот последний с индо-ирано-балто-славянским.

Возникновение локатива *мн. ч.* агглютинативного строя в названных диалектах можно считать результатом проявления тенденции дифференцировать собственно локативный падеж и творительный падеж множественного числа, который восходит в конечном [счете к древнему локативу множественного числа. В этом отношении показательные соответствующие падежные формы в латинском, в котором локатив [и творительный падеж множественного числа отражают древнюю исходную диалектную форму без формального противопоставления творительного и локатива множественного числа (ср. лат. *equis*, *твор. пад. мн. ч.* от *equus* ‘конь’, *equis*, локатив от *equus*).

Такое развитие показателя локатива *мн. ч.* в индо-ирано-балто-славяно-греческом может представить определенный интерес с точки зрения диахронной типологии как факт переосмысления функции древнего форманта (то есть показателя локатива *-i) с появлением дополнительного показателя (в индо-иранском и балто-славянском -u, в древнегреческом -i), маркирующего утерянную старым формантом грамему.

2. 5. ФОРМЫ ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА. ПАРАДИГМА ЛИЧНОГО МЕСТОИМЕННИЯ 1 Л. ЕД. Ч.

Характерно, что те же диалекты, то есть индо-иранский и славянский, объединяются по образованию некоторых сравнительно поздних форм двойственного числа:

Ср. *род.-мест. п. дв. ч.* на *-os: др.-инд. *род.-мест. пад. дв. ч. agnyóh* от *agni-* ‘огонь’, ст.-слав. *poťiju* от *poťi* ‘путь’.

В этот же ряд становятся такие индо-ирано-славянские диалектные общие черты, как одинаковое оформление некоторых форм личных местоимений, как-то: *имен. п.* др.-инд. *ahám*, авест. *azám*, др.-перс. *adam*, ст.-слав. *azŭ* в противовес архаичной форме, лишенной частицы *-em, отражаемой в хет. *ik*, *ковс. п.* *amtik*, лат. *egō*, греч. *ἐγώ*, гот. *ik* и др.

В тех же диалектах совпадают и формы *род. пад.:* авест. *mana* ‘меня’, др.-перс. *manā* ‘меня’, ст.-слав. *tene* ‘меня’, *Bonfante 1931: 83; Порциг 1964: 243*, а также форма *вин. п.* (изоглосса, общая с албанским): др.-инд. *mām*, др.-перс. *mām* ‘меня’, прус. *mien* ‘меня’, ст.-слав. *me*, алб. *tua*, *tue* < *mēm (*Bonfante 1931: 83; Порциг 1964: 267*).

2.6. ФОРМЫ ДЕИКТИЧЕСКИХ МЕСТОИМЕННИЙ. ЭНКЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОИМЕННИА В АНАТОЛИЙСКОМ КАК АРХАИЧЕСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ ДЕИКСИСУ В ОСТАЛЬНЫХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Особую проблему составляет вопрос о соотношении форм деиктических местоимений, осмысленных позднее в качестве личных местоименных форм третьего лица в индоевропейских диалектах. По формам индо-иранского, греческого, готского и тохарских языков восстанавливается парадигма ед. ч. мужского и женского родов с чередующимися формами именительного и косвенного падежей при стабильной основе в парадигме, совпадающей с основой косвенных падежей:

	Единственное число		
	м. р.	ж. р.	ср. р.
Им. пад.	*so	*sā	*{h}o
Вин. пад.	*{h}om	*{h}ām	*{h}o
Др. -инд.	sá(h)	sā	tāt
	tām	tām	tāt
Тох. А	sām	sām	tām
	cam	tām	tām
Тох. В	se	sā	te
	ce	tā(k)	te
Греч.	δ	ή	τό
	τόν	τήν	τό
Гот.	sa	sō	þata
	þana	þō	þata

Из такой парадигмы можно объяснить, при допущении обобщения одной из чередующихся форм на всю парадигму, формы балто-славянских и кельто-италийских диалектов, мотивированные дальнейшей перестройкой родовой системы в указанных диалектах:

Диалекты с обобщением формы косвенного падежа на *-{h}l-:

Литовск.	м. р.	ж. р.	
им. п. ед. ч.	tās	tā	
вин. п.	tā	tā	
Ст.-слав.	м. р.	ж. р.	ср. р.
им. п. ед. ч.	tŭ	ta	to
вин. п.	tŭ	tŭ	tŭ

Диалекты с обобщением формы именительного падежа на *s-:

Ст.-лат.	м. р.	ж. р.
им. пад. ед. ч.		sa-psa
вин. пад. ед. ч.	sum	sam
Галл.		
вин. пад. ед. ч. ср. р.	so-sin,	so-sio

Приведенную выше систему указательных местоимений 3-го лица, постулируемую в свете данных ряда указанных диалектов, следует, очевидно, увязать этимологически с системой хеттских энклитических местоимений:

-aš (общий род, им. пад. ед. ч.), вин. пад. -an;

-at (средний род, им.-вин. пад. ед. ч.):

Ср. др.-хет. *na-aš a-ku* 'и он пусть умрет' (X3); *ta-aš a-ri* 'и он приходит' (КВо XVII 9 I 16'); *ša-aš* BA.UG₆ 'и он умер' (BoTU 12 A I 40); *ša-an iš-ra-an-di na-ak-ki-it da-a-aḫ-ḫu-un* 'и его ночью приступом я взял' (Анитта, КВо III 22 47—48); *ta-at e-ku-ut-ta* 'и его он выпил' (КВо XII 3 III 16'); *na-at-kán ša-an-ḫa-[an] e-eš-du* 'и оно пусть будет убраным' (BoTU 9).

Показательно, что формы множественного числа местоимения общего рода в древнехеттском характеризуются согласной *-t*, что собственно совпадает с парадигмой множественного числа рассмотренных выше других индоевропейских диалектов:

Ср., с одной стороны, хеттское *мн. ч. -at* 'они, оне'¹, лув. *-atta* 'они, оне', а с другой стороны, др.-инд. *мн. ч. м. р. té, ж. р. tāḥ*; греч. *мн. ч. м. р. τοί, ж. р. ται*; гот. *мн. ч. м. р. þai, ж. р. þōs*; тох. А *мн. ч. м. р. cai*, тох. В *мн. ч. м. р. set, ж. р. toñ*.

В качестве общего исходного архетипа для последней группы диалектов предполагается форма *мн. ч. м. р. *t^hoi* с основой на согласную *t^hl-.

Такое распределение основ на *-s- и *-t^hl- в формах единственного и множественного числа в вышеприведенной парадигме индоевропейских диалектов и в парадигме хеттского энклитического местоимения позволяет с большой уверенностью этимологически увязать эти индоевропейские диалектные формы с хеттским энклитическим местоимением *-aš, -at*.

Соотнесение хеттских энклитических местоимений *-aš, -at* с разобранный выше прономинальной парадигмой других индоевропейских диалектов позволяет реконструировать формальную схему общеиндоевропейской прономинальной парадигмы в виде *oso, *ot^ho с редукцией одной из гласных (начальной или конечной) в зависимости от отдельных индоевропейских диалектов; в хеттском сохраняются формы с усеченной конечной гласной при редукции начального *o- в других индоевропейских диалектах².

¹ Например, *ta-at... ḫa-aš-ši-i...ti-ḫa-an-zi* 'и они к очагу подходят' (KUB II 5 V 8).

² Структура местоименных основ формы VCV при позднейшем усечении одной из гласных—весьма распространенный тип прономинальных основ в индоевропейских диалектах, ср. греч. *ἐμέ, ἐμός*, гом. *ἐμεῖο*, арм. *im* при др.-инд., авест. *mā*, лат. *mē*, греч. *με*, др.-ирл. *mé* ('я'), др.-инд. *apa-* 'этот', авест. *apa-*, греч. *ἐνν*, лат. *enim*, умбр. *ene*, оск. *inim*, ст.-слав. *ono*, хет. *anniš*, отл. пад. *annaz* при др.-инд. *ná* 'как', лит. *ne*, ст.-слав. *ne-že* и др.

Семантика энклитических местоимений отражает, очевидно, раннее индоевропейское состояние, в котором проявляются следы древнейшего бинарного противопоставления актива—инактива, реинтерпретированного в хеттском как оппозиция общего рода с показателем *-aš* среднему роду с показателем *-at*. Та же основа на *-t* проявляется и в формах множественного числа.

Тем самым хеттский язык и анатолийская группа в целом противопоставляются всем остальным индоевропейским диалектам, в которых бинарная прономинальная система преобразуется в тернарную систему с противопоставлением мужского, женского и среднего родов, носящую в себе, однако, следы древнейшего бинарного противопоставления, которое сохранилось в преобразованном виде в хеттском.

Основа активного класса **oso* используется для выражения местоименной формы номинатива, основа инактивного класса **ot^[h]o* используется для выражения форм косвенных падежей, в первую очередь, аккумулятива, восходящего по своей семантике к синтаксическому инактиву (см. выше, стр. 275 и след.).

В парадигме множественного числа сохраняется та же основа, которая должна была быть характерна для древнейшего инактива¹.

В этом отношении все другие индоевропейские диалекты в противовес хеттскому обнаруживают общую инновацию, что позволяет объединить их в древнейшую диалектную группу, противопоставленную хеттскому (анатолийскому). Такая диалектная изоглосса совпадает в сущности с рассмотренными выше изоглоссами тернарного грамматического рода (мужской, женский, средний), проявляемого в номинальных и адъективных конструкциях.

Реконструируемые таким образом местоименные формы **oso*, **ot^[h]o* в качестве прономинальных форм активного и инактивного классов увязываются, очевидно, с соответствующими маркерами активного класса **-s* и инактивного класса **-t^[h]*, постулируемыми для древнейшего индоевропейского состояния в таких местоименных образованиях, как **k^[h]o¹⁰i-s*, **k^[h]o¹⁰i-t^[h]*, **io-s*, **io-t^[h]*, которые отразились во всех индоевропейских языках, включая и анатолийские, в качестве прономинальных форм соответственно мужского - женского (в анатолийском — общего) и среднего родов.

С другой стороны, индоевропейские местоимения **oso*, **ot^[h]o*, превратившиеся в большинстве индоевропейских языков в деиксис с функцией

¹ Такая этимология индоевропейского диалектного местоимения **so*, **sā*, **t^[h]o* исключает возможность предполагаемого Стертевантом непосредственного его соотнесения с синтаксическими соединительными частицами, засвидетельствованными в хеттском в формах *ša-*, *ta-*. Синтаксические особенности союзов *ša-* и *ta-* в хеттском языке не подтверждают предполагаемых Стертевантом функциональных характеристик этих элементов, с которыми он связывает чередующиеся формы индоевропейской местоименной системы (Гамкрелидзе 1957). В то же время соотнесение этих форм с энклитическими местоимениями в хеттском позволяет дать им удовлетворительное формальное и функциональное объяснение.

артикля¹ соответственно мужского - женского и среднего родов, преобразуются в хеттском (гесп. анатолийском) в энклитические местоимения (хет. *-aš, -at*), тогда как в качестве независимых местоимений третьего лица возникают новые формы (хет. *apaš, apat*) с теми же показателями в функции общего и среднего родов. И этой своей диалектной инновацией хеттский (гесп. анатолийский) противостоит всем остальным индоевропейским диалектам.

2.7. ФОРМЫ ОТНОСИТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Определенные диалектные группы в индоевропейских языках выделяются в зависимости от сохранения одной из местоименных форм $*k^{[h]o}is/*k^{[h]o}it^{[h]}$ или $*ios/*iot^{[h]}$ в функции относительного местоимения.

По этому признаку группируются вместе такие индоевропейские диалекты, как, с одной стороны, италийский, хеттский и тохарский, где сохраняется $*k^{[h]o}is/*k^{[h]o}it^{[h]}$ в функции относительного местоимения (лат. *quis, quid*, оск. *ris*, др.-ирл. *ci-*, тох. А *kus*, В *kuse*) и, с другой стороны, арийско-греческий, славянский и фригийский, где сохраняется $*ios/*iot^{[h]}$ в той же функции: др.-инд. *yá-h, yá, yá-d*, авест. *ya-*, греч. $\delta\text{-}\varsigma, \eta, \delta$, фриг. $\iota\omicron\varsigma$, ст.-слав. *i-že* (Порциг 1964: 256 и 282—283).

Следует иметь в виду, что группировка диалектов по общей изоглоссе, выражающейся в утере и переосмыслении определенных структурных элементов, не предполагает с необходимостью общего совместного развития этих диалектов. Такая изоглосса в некоторых случаях может отражать независимое развитие в отдельных диалектах структурных тенденций, заложенных в общем языке.

Структурные данные такого типа могут, очевидно, считаться основанием для диалектной группировки лишь в том случае, если другие более показательные изоглоссы дают основание для такой же ареальной классификации диалектов. В данном случае общая инновация арийско-греческого, фригийского и славянского, выразившаяся в утере $*k^{[h]o}is$ в функции относительного местоимения², вероятна в силу наличия целого ряда других более показательных изоглосс, дающих основание для постулирования исторического ареального единства этих диалектов.

2.8. ОБРАЗОВАНИЕ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Одной из основных морфологических изоглосс, объединяющих индоевропейские диалекты в определенные группы, являются морфологические типы образования степеней сравнения прилагательных.

¹ Ср. функции артикля у $*so, *t^{[h]o}$ в греческом, а также в готском и других германских языках.

² В этих диалектах $*k^{[h]o}is$ сохраняется лишь в функции вопросительного местоимения: авест. *čit*, греч. *τίς*, но не относительного местоимения, ср. аналогичное отражение в кельтском: др.-ирл. *cid* 'что?'

По этому признаку выделяется индо-ирано-греческая группа с изоглоссой, характеризуемой формой сравнительной степени на $*-t^{h}l^{e}rō-$ > др.-инд. *-tara-* (ср. *śúci-* 'чистый', *śúci-tara-* 'более чистый'), греч. *-τερο-* (ср. *πιστό-τερο-ς* 'наиболее верный', *ἀληθέσ-τερο-ς* 'наиболее истинный') и формой превосходной степени на $*-is-t^{h}lō-$ (образованной посредством сложения древних форм на $*iōs$ с суффиксом $*-t^{h}lō$, Benveniste 1948; Кацнельсон 1949), характеризующей также и германские языки:

Др.-инд. *-iṣṭha-*, ср. *svād-iṣṭha-* 'сладчайший' от *svādī-* 'сладкий'; греч. *-ιστο-*, ср. *ῥῆστο-ς* 'сладчайший', 'приятнейший' от *ῥῆδος*, гот. *-ist-*, ср. *bat-ista* 'лучший'.

Другая изоглосса охватывает кельто-италийскую группу диалектов, в которых превосходная степень образуется на $*-s-t^{h}mō-$: лат. *maximus* 'наибольший' (ср. *proximus* 'ближайший'), оск. *nessimas* 'ближайшие', др.-ирл. *nessam*, валл. *nessaf* 'ближайший', ср. Watkins 1966: 36—37.

2.9. ОБРАЗОВАНИЕ КАТЕГОРИИ АОРИСТА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ БИНАРНОЙ СИСТЕМЫ ГЛАГОЛА

Ясные изоглоссы для группировки индоевропейских диалектов в исторические ареальные единства дает и глагольная система.

По признаку формирования в глагольной системе противопоставления "настоящего" времени, аориста и имперфекта, сменившего более древнюю бинарную систему противопоставлений, характерную для общиндоевропейского языка, можно объединить арийско-греческо-армянскую группу диалектов, ср. Birwé 1956; Pisani 1957a. При этом новые системы временных противопоставлений в этой группе не только семантически изоморфны, но и соотносятся друг с другом в плане формально-сегментных соответствий.

Особенно наглядно указанное соответствие в инновациях, объединяющих глагольные системы этих диалектов, проявляется в новообразованиях, приведших к возникновению системы аориста в названной группе диалектов.

По типу корневого аориста в арийско-греческой группе образуются формы с аугментом (из древней синтаксической связки $*e-$, ср. выше стр. 357) и личными окончаниями ряда $*-m(i)$, переосмысляемыми в данных структурах как показатели особого видо-временного образования в противовес окончаниям ряда $*-Ha$ в этимологически соответствующих глагольных формах:

Др.-инд. *á-dā-m* 'я дал', 1 л. ед. ч. аор. (ср. греч. 1 л. мн. ч. аор. $\xi\text{-δο-μεν}$) при хет. *daḥḥi* 'беру', прош. вр. *daḥḥun*, иер. лув. *taḥa* 'я взял'; др.-инд. *á-dhā-m*, греч. $\xi\text{-θε-μεν}$ при хет. *teḥḥi* 'кладу', прош. вр. *teḥḥun*; др.-инд. *á-bhū-am* 'я стал', греч. $\xi\text{-φῦ-υ}$; др.-инд. *á-gā-m* 'я шел', греч. $\xi\text{-βη-υ}$, фриг. *e-daes*.

С тем же ареалом соотносится диалектная индоевропейская инновация, выражающаяся в образовании редуцированного презенса от этих

глагольных основ; в других диалектных ареалах такая редупликация в презенсе отсутствует:

Др.-инд. *dādā-mi* 'я даю', 1 л. ед. ч. наст. вр., греч. δίδωμι; др.-инд. *dādḥā-mi* 'я ставлю', греч. τίθημι.

С отмеченной инновацией в образовании атематического аориста связано и образование форм тематического аориста, возникших, очевидно, в том же диалектном ареале общиндоевропейского языка и давших закономерно соотносящиеся друг с другом продолжения в индо-иранском, греческом и армянском:

Др.-инд. *á-vid-a-t* 'он нашел', 3 л. ед. ч. аор., греч. ἔ-βιδ-ε 'он увидел', др.-арм. *e-git* 'нашел' (ср. Watkins 1969: § 43, 63—64; § 83, 101; Szemerényi 1970: 262); ср. также с редупликацией основы: др.-инд. *á-voṣ-a-m* < *a-va-uc-om 'я сказал', 1 л. ед. ч. аориста, греч. гом. ἔ(F)επ-ο-υ (Thumb/Hauschild 1959, II: 302, § 544)¹.

Образование категории аориста в рассмотренных индоевропейских диалектах связано с полной перестройкой всей унаследованной глагольной системы. С возникновением аориста древние безаугментные формы ряда **-mi* с вторичными окончаниями стали осмысляться как имперфект, в видовом отношении противопоставленный, с одной стороны, аористу, с другой стороны, унаследованным формам ряда **-Ha*, которые стали интерпретироваться как перфект в видо-временном значении.

¹ В отличие от рассмотренных типов атематического и тематического аориста так называемый сигматический аорист в индо-ирано-греческо-славянском (ср. др.-инд. *á-vāk-ṣ-am* 'я ехал', 1 л. ед. ч. аориста, ст.-слав. *věs-ŭ* 'я вез', греч. ἔδειξα 'я показал') является скорее новообразованием, возникшим в результате функционального переосмысления распространенных по всему индоевропейскому ареалу форм на *-s-* с изначально непрезентным значением, характерным для индоевропейского языка. Переосмысление образований на *-s-* с первоначальным непрезентным значением дает различные модальные и временные (непрезентные) значения по разным индоевропейским диалектам. Наряду с аористным значением в указанной диалектной группе образования на *-s* могут быть в отдельных исторических индоевропейских диалектах выразителями:

(a) прошедшего времени — в хеттском, тохарском, латинском, древнегерманском: хет. *temišta* 'он сказал', 3 л. ед. ч. прош. вр., тох. В *takāsta* 'ты был'; лат. *dixi* 'я сказал' (ср. формально соотносимое греч. ἔδειξα в аористном значении), лат. *iixi* 'я ехал' (ср. формально соотносимое др.-инд. *ávākṣam* в аористном значении); др.-ирл. *véss* 'он вез', *sáss* 'искал' (Watkins 1962);

(b) будущего времени — в оскско-умбрском, древнеирландском, греческом, древнеиндийском, литовском: оск. и умбр. *fast* 'он будет', ст.-лат. *facō* 'faciam', 'сделаю' (Плавт, *Truc. 643*), др.-ирл. *seiss* 'он сядет'. В ряде языков формы на **-s-* в функции будущего времени осложняются формантом **io-*, ср. др.-греч. *δειξω* 'укажу' < *deik-siō < **l'eik[h]-siō*, др.-инд. *dekṣyāmi* 'укажу, покажу', *dāsyāmi* 'дам', лит. *dūosiu* 'дам', *pláuksiu* 'поплыву';

(c) косвенных наклонений — сослагательное наклонение в кельтском, прекатив в древнеиндийском: др.-инд. *budhyāsam* 'пусть я проснусь' и т. д.

Эти структурно-семантические преобразования, имевшие место в отдельных индоевропейских диалектах, приводят к формированию сложной временной системы глагола, характерной для таких исторических индоевропейских диалектов, как, например, индо-иранские и греческий.

2.10. ОБРАЗОВАНИЕ ДВУХ ТИПОВ МЕДИАЛЬНЫХ ФОРМ НА *-(H)oi, *-moi И *-r В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ. ГРУППИРОВКА ДИАЛЕКТОВ ПО ЭТИМ ТИПАМ

Одной из основных инноваций в диалектах индоевропейского языка было возникновение медиальных форм в глагольной системе, противопоставленных по категории времени.

Категория медиальности возникает еще в общиндоевропейский период развития, естественно, после перестройки всей системы общиндоевропейского языка в направлении от активного строя к номинативно-аккузативному, который предполагает семантическую классификацию глаголов по переходности ~ непереходности.

Такая перестройка приводит к необходимости образования медиальных глагольных структур, противопоставленных переходно-активным структурам. При этом соотношение этой категории с временными противопоставлениями осуществляется по-разному в различных диалектных ареалах общиндоевропейского языка. В этом отношении выделяются два основных крупных ареала общиндоевропейского языка, в которых осуществляются различные материальные возможности в поверхностной структуре языка для выражения категории медиальности в ее соотношении с категорией времени.

В одном из ареалов медиальность выражается путем преобразования личных окончаний ряда *-mi и ряда *-Ha, которые имелись в морфологическом инвентаре, унаследованном от предшествующего периода (см. о таких формах подробнее выше):

1 л. ед. ч. *-oi/*-ai, *-moi

2 л. ед. ч. *-soi

3 л. ед. ч. *-tʰoi, мн. ч. *-ntʰoi

В другом ареале медиальность выражается путем присоединения элемента -r к особым окончаниям, развившимся из тех же двух рядов первоначальных личных окончаний:

1 л. ед. ч. *-Hor/*-mor

2 л. ед. ч. *-tʰHor

3 л. ед. ч. *-tʰor, мн. ч. *-ntʰor

К первому диалектному ареалу восходят такие исторические индоевропейские диалекты, как индо-иранский, греческий, по-видимому, балто-славянский и германский¹, ср.:

¹ В балто-славянском обнаруживаются явные следы окончаний, формально совпадающих с предполагаемыми для рассматриваемого диалектного ареала медиальными.

Др.-инд. *bruv-é*, авест. *mruy-ē* 'я говорю'; др.-северн. рун. *haite*, др.-исл. *heite* 'я зовусь' (*Birwé 1956: 41—51*); др.-инд. *bhára-se* 'ты несешь себе', греч. *φέρε-αι* (*φέρη*) 'я несу для себя'; др.-инд. *śéte* 'он лежит', греч. *κείται* 'он лежит'; др.-инд. *áste* 'он сидит', греч. *ἵσ-ται*; др.-инд. *bhára-te* 'он несет для себя', греч. *φέρε-ται* 'он несет'.

К другому диалектному ареалу восходят такие исторические диалекты, как хеттский, тохарский, италийские, кельтский, фригийский.

В хеттском языке выделяются следующие медиальные окончания, восходящие к постулированным выше индоевропейским окончаниям:

- 1 л. ед. ч. *-ḫaḫari*
 2 л. ед. ч. *-tati, -tari*
 3 л. ед. ч. *-tari//ari*, мн. ч. *-antari*

Следует отметить, что конечное *-i* в приводимых окончаниях является собственно хеттским нововведением, отсутствующим в близкородственных хеттскому других анатолийских языках (ср. появление конечного *-i*, маркирующего личные окончания настоящего времени в личных формах ряда **-Ha* в хеттском). В частности, в палайском и лувийском указанным хеттским окончаниям соответствуют окончания без *-i* в той же функции, ср. хет. *kittari* 'лежит', пал. *kittar*; ср. лув. *dadduḫar* 'кладите себе' (*Laroche 1959a: 89; Otten 1953a: 47*) при хет. 2 л. мн. ч. медиопасс. *-dumari* (1 л. мн. ч. *-ḫaḫari*).

В тохарских языках в медиальных структурах окончание *-r* обобщается на всю парадигму настоящего времени:

- 1 л. ед. ч. тох. А *-mār*, тох. В *-mar*, мн. ч. А *-mtār*, В *-mt(t)ār*
 2 л. ед. ч. тох. А *-tār*, тох. В *-tar*, мн. ч. А *-cār*, В *-tār*
 3 л. ед. ч. тох. А *-tār*, тох. В *-tār*, мн. ч. А *-ntār*, В *-ntār*

Соответствующие окончания медиальных форм можно выделить и в италийском и кельтском: ср.

- Лат. 1 л. ед. ч. *-ōr*   Др.-ирл. *-ur*
 2 л. ед. ч. *-re, -ris*   *-ther > -ter*

ми формами, но в несколько отличной функции, объясняемой возможной позднейшей утерей этой категории в балто-славянском и германском. В славянском сохраняется единственная форма, восходящая к постулируемой структуре, в словоформе ст.-слав. *vědě* 'я знаю'. Семантика данного слова 'знать' естественно увязывается с медиальностью глагольной формы, выразившей субъективную версию. Характерную типологическую аналогию можно найти в языках с морфологически выраженной субъектной версией, например, в грузинском (глагол *v-i-s-i* 'знаю' с этимологической "субъектной версией" на *-i*); ср. также о славянском Иванов 1968. Показательно также, что к старолитовским формам с окончаниями **-mai > *-mie* (ср. прус. *-mai*, 1 л. ед. ч.), *-ai* (2 л. ед. ч.) присоединяется рефлексивное местоимение, выражающее ту же семантику, что и медиопассив (лит. *vel-mie-s* 'я хочу', *Stang 1966: 137—139, 315, 406; Watkins 1969: 211*). Это может быть сопоставлено с таким же развитием в славянском и германском. Для древнегерманского предполагается отражение древних форм типа **-Hoi* в др.-северн. рун. *haite*, др.-исл. *heite* 'я называюсь, зовусь'.

Лат. 3 л. ед. ч. *-tur*, оск., умбр. *-ter* Др.-ирл. *-thar (-ar)*
 3 л. мн. ч. *-ntur*, оск., умбр. *-nter* *-tir*

Такой же тип представлен, по-видимому, во фригийском, ср. 3 л. ед. ч. *-тор*.

На основании таких новообразований медиальных глагольных структур в индоевропейских диалектах, характеризующих изначально два крупных ареала общиндоевропейского языка, можно предположить древнейшее диалектное членение общиндоевропейской языковой системы на два диалектных единства, объединявших, с одной стороны, позднейшие индоарийско-греческую и балто-славяно-германскую группы диалектов и, с другой стороны, хетто-тохаро-итало-кельтскую группу диалектов.

При анализе медиальных структур, оформлявшихся двумя различными способами в зависимости от диалектного ареала, выясняется, что такие структуры не отражают самого факта появления новой категории медиума в глагольной системе общиндоевропейского языка. Эта категория должна была появиться, по-видимому, еще до описанного диалектного членения и выразиться формантами, общими для всего индоевропейского ареала. Такое развитие прослеживается в наличии определенных общих формантов, обнаруживаемых в древнейших исторических диалектах обоих выделенных выше ареалов.

Общиндоевропейский формант **-[h]o-* с медиальной семантикой, не дифференцированный по категории времени, можно усмотреть в таких исторических образованиях, как хет. 3 л. ед. ч. наст. вр. *kitta* 'лежит' (ср. позднейшее *kittari*), хет. *cešta* 'одевается', вед. 3 л. ед. ч. имперф. *vāsta* 'оделся', греч. гом. 3 л. ед. ч. плюсквамперф. *ἔστο* (ср. Watkins 1969: 131, § 117). Характерный для этих форм разноречие в их соотношении с категорией времени при полном формальном совпадении может быть понят как отражение первоначальной медиальной семантики, неопределенной в плане времени. Временная дифференциация медиальной категории осуществляется уже, очевидно, позднее с помощью дополнительных формантов **-i* или **-r* в зависимости от диалектных ареалов, в соответствии с чем и формируются два описанных выше диалектных единства¹.

2.11. КОНЪЮНКТИВ НА ДОЛГИЙ ГЛАСНЫЙ

Примерно в той же группе диалектов (тохарский и итало-кельтский) проявляется морфологическая изоглосса, выражающаяся в образовании конъюнктивных глагольных форм на долгий гласный **-ā-* (**-ē-*): Ср.

¹ Сравнительно позднее выражение временной соотнесенности медиальных структур с помощью различных формантов в зависимости от диалектных ареалов в пределах общиндоевропейского ареала отражается, по-видимому, в парадигме тохарского медиума, где формы на *-r* обозначают медиум настоящего времени, как и в других диалектах соответствующего ареала, тогда как окончания на **-i* (1 л. ед. ч. тох. В *-mai*, А *-e*, *-we*, 2 л. ед. ч. В *-tai*, А *-te*) выражают медиальный претерит, в отличие от диалектов первого ареала, где окончания на *-i* указывают на значение настоящего времени.

Тох. В конъюнктив 3 л. ед. ч. *kārs-a-m* 'он знал бы' (-a- < *-ā-),
тох. А конъюнктив 1 л. ед. ч. *kalk-a-m* 'я пошел бы'; ср. также

- 1 л. ед. ч. лат. *feram*, др.-ирл. *bera*
2 л. ед. ч. лат. *ferās*, др.-ирл. *bere*
3 л. ед. ч. лат. *ferat*, др.-ирл. *berid*¹ (Льюис/Педерсен 1954 : 340).

2. 12. МОДАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА *-l-. МЕДИОПАССИВНЫЕ ПРИЧАСТИЯ НА *-mo-

К числу отдельных изоглосс раннего периода можно отнести общие показатели модальных образований в хеттском, тохарском, армянском и славянском. Такие хеттские образования, как *bar-ga-ni-la* 'которые должны быть сделаны высокими', *da-lu-uk-ni-la* 'которые должны быть сделаны длинными' (KUB XII 63 I 30—31, ср. Pedersen 1947: 60—64), могут быть сопоставлены с тохарскими формами типа *yokalle* 'то, что должно быть выпито', *šwālle* 'то, что должно быть съедено', и армянскими формами типа *sireli* 'то, что должно быть любимо' (Бенвенист 1959: 97); ср. славянские формы на -lŭ в модальном значении типа ст.-слав. *neslŭ* 'того, которого можно было бы нести' (причастие от *nesti*), Иванов 1968; Solta 1970.

К тому же типу изоглосс, объединяющих анатолийский с балтийским и славянским, следует отнести образования причастий настоящего времени медиопассива на *-mo-: лув. *keš-ama-* 'причесываемый', иер. лув. *asimi-* 'любимый' (ср. хет. *lalukkima-* 'лучезарный'), ср. тип рус. *любимый, видимый*, лит. *nešimas* 'несомый' и др. (Намп 1973).

3. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЭТАПОВ РАСЧЛЕНЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ ГРУПП ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

3.1. СООТНЕСЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС С ЭТАПАМИ ДИАЛЕКТНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Рассмотренные морфологические изоглоссы исторических индоевропейских диалектов представлены ниже в определенном порядке, отражающем последовательность, в которой они были разобраны (см. Табл. 1).

ТАБЛИЦА 1

Изоглосса	Диалектный ареал распространения
(1) Формы женского рода на *-ā-, *-ī, *-ū	Индоевропейские диалекты (исключая анатолийский)
(2) Генитив ед. ч. на *(o)siŋo	Индо-иранский, греческий, армянский
(2a) Генитив ед. ч. на *-ī	тохарский, италийский, кельтский, венетский, мессапский

¹ Формально совпадающие с этими структурами формы балто-славянских языков, выражающие семантику прошедшего времени, могут и не относиться к этой изоглоссе и отражать более широкий индоевропейский диалектный ареал, в котором категория прошедшего времени выражается формами на долгий гласный (греческий аорист на -η- с вторичными окончаниями, ср. Watkins 1969 : 214, § 206; Топоров 1961; 1963).

Изоглосса	Диалектный ареал распространения
(2b) Генитив ед. ч. на *-ō	Балтийский, славянский
(2c) Генитив ед. ч. на *-eso	Германский, балтийский
(3) Твор. пад. ед. ч. м. р. на *-ō	Индо-иранский, германский, балтийский
(4) Формы косвенных падежей ед. и мн. ч. на *-т	Балтийский, славянский, германский
(4a) Формы косвенных падежей на *-b[h]i-	Индо-иранский, греческий, армянский
(4b) Формы дат. пад. мн. ч. на *-b[h]os	Италийский, кельтский, венецкий, мессапский
(5) Твор. пад. мн. ч. м. р. на *-ōis	Индоевропейские диалекты (исключая анатолийский)
(6) Локатив на *-s-u // *-s-i	Индо-иранский, балтийский, славянский, (греческий)
(7) Формы род.-мест. пад. дв. ч. на *-os	Индо-иранский, славянский
(8) Формы личного местоимения 1 л. ед. ч. на *-em	Индо-иранский, славянский
(9) Независимое указательное местоимение *so, *sā, *t[h]o (мн. ч. *t[h]i-)	Индоевропейские диалекты (исключая анатолийский)
(10) Относительное местоимение *k[h]ois	Анатолийский, тохарский, италийский
(10a) Относительное местоимение *ios	Индо-иранский, греческий, славянский, фригийский
(11) Степени сравнения прилагательных на *-t[h]ero-, *-is-t[h]o-	Индо-иранский, греческий, (германский)
(12) Формы атематического и тематического аориста	Индо-иранский, греческий, армянский, фригийский
(13) Формы медиопассива на *-oi/*-toi	Индо-иранский, греческий, балтийский, славянский, германский
(13a) Формы медиопассива на *-r	Анатолийский, тохарский, италийский, кельтский, фригийский
(14) Конъюнктив на *-ā-, *-ē-	Тохарский, италийский, кельтский
(15) Модальные формы на *-l-	Анатолийский, тохарский, армянский, славянский
(16) Медиальное причастие наст. вр. на *-to-	Анатолийский, балтийский, славянский

При хронологической стратификации устанавливаемых в исторических индоевропейских диалектах изоглосс следует руководствоваться принципом наибольшего охвата рассматриваемыми изоглоссами всей области общиндоевропейской языковой системы.

В этом отношении выделяются изоглосса (13) (категория медиопассива) и изоглосса (10) (относительное местоимение), распределяющиеся при-

мерно по одинаковым диалектным ареалам, совокупность которых покрывает всю языковую общность общиндоевропейской системы. Тем самым неединообразное по диалектам развитие парадигмы медиальных структур на **-oi/*-ai*, **m-oi* и **(H)or*, а также появление относительных местоимений **k^hoi-* и **io-*, приведшее к разделению общей языковой области на два крупных диалектных ареала, можно считать самым ранним этапом диалектного членения общиндоевропейской языковой области, предполагаемого на основании сравнительной реконструкции.

Тем самым общиндоевропейская языковая область этого периода может быть представлена как состоящая из двух основных диалектных ареалов, включавших анатолийско-тохаро-итало-кельтскую область (ареал А), противопоставленную арийско-греческо-балто-славяно-германской области (ареал В)¹.

Изоглоссы (15) (модальные формы на **-l*) и (16) (медиальное причастие настоящего времени на **-to-*) объединяют исторические диалекты, которые по древнейшему бинарному диалектному членению оказываются в разных диалектных ареалах [ср. по изоглоссе (15) — с одной стороны, анатолийский, тохарский, с другой стороны — армянский и славянский; по изоглоссе (16) — с одной стороны, анатолийский, с другой стороны, балтийский и славянский].

Те ареалы, к которым восходят эти исторические диалекты, следует интерпретировать как географически смежные в пределах общиндоевропейской области, характеризуемой двумя крупными диалектными ареалами. Определенная структурная черта, возникшая где-то вблизи линии раздела двух крупных ареалов, распространяется через границу, затрагивая область, лежащую на некотором расстоянии по ту сторону такой границы.

Такое диалектное членение на два больших ареала, между отдельными частями которых возможно взаимодействие, ясно свидетельствует о географическом единстве индоевропейской языковой области, известные части которой были уже противопоставлены друг другу по определенным структурным признакам. Это все еще единая языковая система, подразделенная на взаимодействующие между собой диалектные области.

Первый исторически устанавливаемый разрыв диалектных связей в пределах индоевропейской языковой области можно видеть в выделении и разрыве контактов между определенной диалектной областью общиндоевропейского языка, из которой позднее возникают анатолийские языки, и остальной частью общиндоевропейского ареала.

Такой разрыв или выделение определенной диалектной части индо-

¹ Здесь и ниже подобные обозначения общиндоевропейских диалектных ареалов — чистая условность; они определяются наименованием тех позднейших исторически засвидетельствованных диалектов, сравнительный анализ которых и позволяет выявить соответствующие изоглоссы. Само собой разумеется, что в таких диалектных ареалах общиндоевропейского языка не предполагаются прасистемы определенных исторических индоевропейских диалектов, позднейшие наименования которых используются в условных обозначениях древних диалектных областей.

европейского ареала можно усмотреть в структурных инновациях, осуществленных всей индоевропейской областью в противовес анатолийским языкам. Именно в этом смысле следует интерпретировать изоглоссы (1) (формы женского рода на $*-\bar{a}$, $*-\bar{i}$, $*-\bar{u}$), (5) (твор. пад. мн. ч. м. р. на $*-\bar{o}i\bar{s}$), (9) (независимое указательное местоимение $*so$, $*s\bar{a}$, $*i^{[h]}o$), противопоставляющие анатолийские языки всем остальным индоевропейским диалектам, которые были затронуты общими инновациями, распространившимися по всей индоевропейской области и не коснувшимся анатолийских языков.

Такие структурные инновации, охватившие всю индоевропейскую языковую область после выделения анатолийского, предполагают длительный период совместного развития индоевропейской языковой области, уже расчлененной на определенные диалекты, до начала окончательного разделения ее на исторические диалекты.

Это, в свою очередь, указывает на длительный период независимого развития анатолийского без каких-либо взаимосвязей с диалектами общиндоевропейской области. Этим и можно объяснить резкое отличие анатолийского языкового типа от структурного типа ранее известных древних индоевропейских языков, которые в традиционных теориях служили моделью для постулирования общиндоевропейской языковой системы.

В отличие от трех указанных инноваций, затронувших всю индоевропейскую языковую область и распространившихся через границу основного бинарного диалектного членения, выделяются изоглоссы, которые позволяют проследить дальнейшее членение этих двух основных диалектных ареалов.

После выделения анатолийского из общиндоевропейской области и тем самым отделения его от ареала *A*, в этом последнем появляются определенные структурные инновации, объединяющие все его диалекты в отличие от диалектов всего ареала *B*. Наличие изоглоссы (2a) (генитив ед. ч. на $*-\bar{i}$) и изоглоссы (14) (конъюнктив на $*-\bar{a}$, $*-\bar{e}$) позволяет судить о выделении на этом этапе определенной тохаро-итало-кельтской диалектной общности, от которой позднее отделяется тохарский при сохранении итало-кельто-венето-мессапской диалектной общности, в которой возникает изоглосса (4b) (дат. пад. мн. ч. на $*-b^{[h]}los$).

В ареале *B* выделяются некоторые изоглоссы, охватывающие почти весь диалектный ареал: изоглосса (6) (локатив на $*-s-u//*-s-i$), а также изоглосса (3) (твор. п. ед. ч. на $*-\bar{o}$), которые предполагают некоторую общность индо-ирано-греко-германо-балто-славянских диалектов.

В дальнейшем этот диалектный ареал членится на более стабильные диалектные группы, объединяющие арийско-греческо-армянские диалекты в отличие от балто-славяно-германских диалектов. Полоса диалектного разделения явно отражается в распределении изоглоссы (4a) (формы косвенных падежей на $*-b^{[h]}i-$) и (4) (формы косвенных падежей на $*-t$), которые объединяют соответственно индо-ирано-греческо-армянский и балто-славяно-германский диалекты.

Греко-индо-ирано-армянскую диалектную общность на этом этапе членения первоначального диалектного ареала *B* можно предположить

также на основании изоглоссы (12) (*парадигмы атематического и тематического аориста*), а также изоглоссы (2) (*генитив ед. ч. на *-(o)sjo*), которые дают явно выраженный пучок изоглосс, четко очерчивающих определенную диалектную общность в пределах общиндоевропейского. Изоглосса (2) (*генитив ед. ч. на *-(o)sjo*) по своему распределению противопоставлена изоглоссам (2b) (*генитив ед. ч. на *-ō*) и (2c) (*генитив ед. ч. на *-eso*), объединяющим балто-славянский и германский.

Изоглоссы (7) (*формы род.-мест. п. дв. ч. на *-os*) и (8) (*формы личного местоимения I л. ед. ч. на *-et*), свидетельствующие о наличии общих структурных черт в диалектах ареала В, принадлежащих различным диалектным подгруппам (индо-иранский, с одной стороны, славянский, с другой), могут быть интерпретированы как отражение географически контактного распределения этих диалектов в пределах индоевропейской общности и результат распространения на определенной диалектной территории структурной черты, возникшей в одной из подгрупп [ср. аналогичную интерпретацию изоглоссы (15) для основных ареалов А и В]. Аналогичным образом следует интерпретировать изоглоссу (11) (*превосходная степень на *-is-^hlo-*), объединяющую индо-ирано-греческий и германский диалекты.

Разбор и интерпретация приведенных выше морфологических изоглосс диалектов общиндоевропейского языка позволяют расположить их в определенном порядке, отражающем хронологическую последовательность структурных преобразований, наслаивавшихся друг на друга и приведших к постепенному дроблению во времени и пространстве индоевропейской языковой общности на определенные диалектные группы.

Приводимый ниже (Табл. 2) хронологический порядок изоглосс сохраняет для удобства отождествления данную выше нумерацию арабскими цифрами, соответствующую порядку рассмотрения в предшествующем изложении, тогда как римскими цифрами обозначен предполагаемый нами хронологический ряд:

ТАБЛИЦА 2

РЕЛЯТИВНАЯ ХРОНОЛОГИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС

- I (13), (10): Деление индоевропейской общности на ареалы А и В
- II (15), (16): Взаимодействие на границе ареалов А и В
- III (1), (5), (9): Образование инноваций в ареалах А и В, исключая анатолийский
- IVa (2a), (14): Образование инноваций в ареале А, исключая анатолийский
- IVb (6), (3): Образование инноваций во всем ареале В
- Va (4b): Образование инноваций в первоначальном ареале А, исключая тохарский
- Vb (4a), (4), (12), (2), (2b), (2c): Деление ареала В на арийско-греческо-армянскую общность и балто-славяно-германскую общность.

Учитывая устанавливаемые изоглоссы и предложенную их интерпретацию, можно дать некоторую пространственную модель соотношения диалектных групп в пределах общеиндоевропейской языковой общности, см. *Схему 1*:

Схема 1

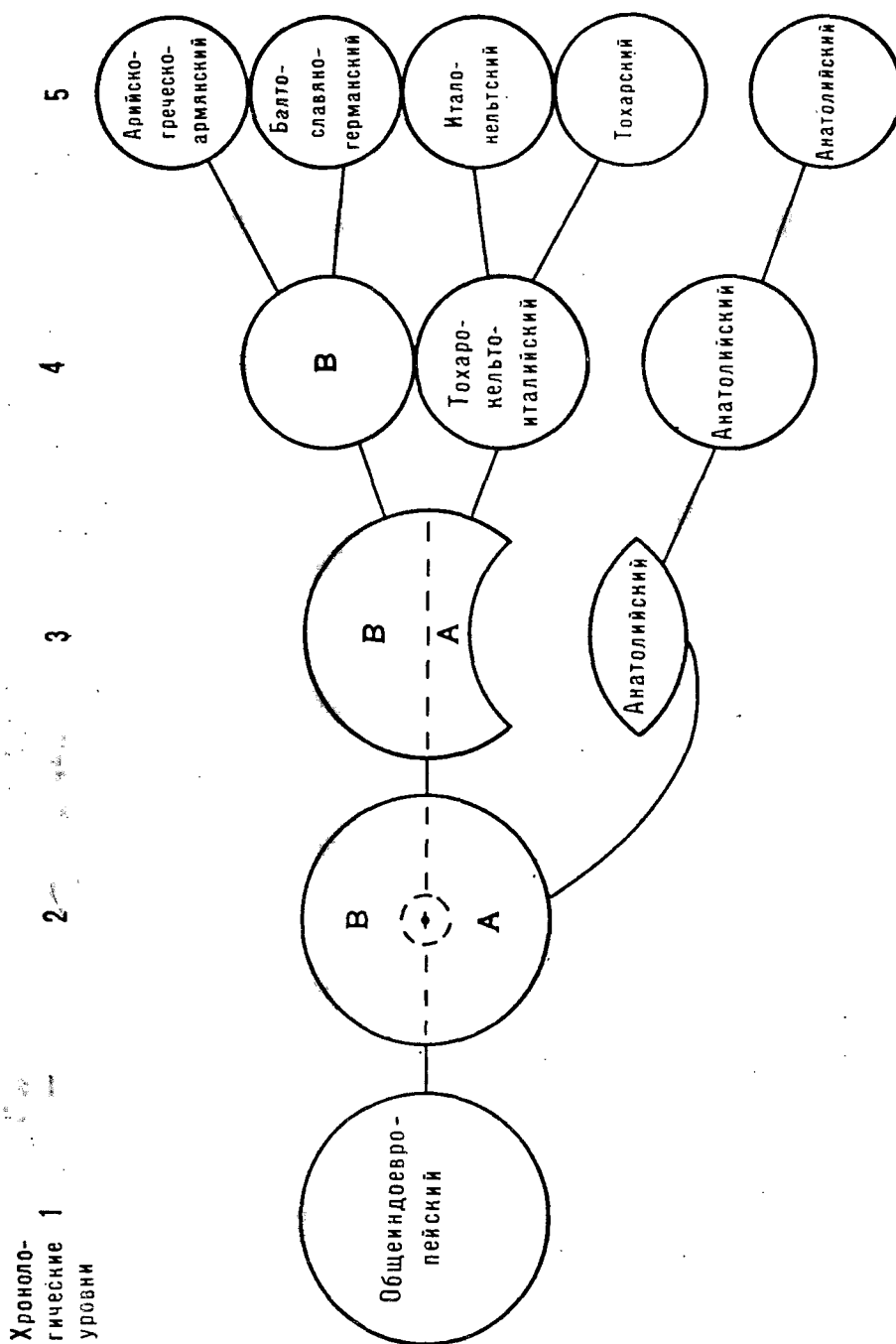
3.2. ДЕРИВАЦИОННО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ГРУПП

Диалектное членение общеиндоевропейского языка по хронологическим этапам, отраженным в порядке изоглосс (*Табл. 1*), можно представить также как деривационную модель, изображаемую в виде графа деривации индоевропейских диалектных общностей. Узлы такого дерева отображают хронологически сменяющие друг друга этапы или хронологические уровни расчленения общеиндоевропейского языка на отдельные ареальные единства, которые представляются в виде взаимодействующих между собой диалектных зон, что символизируется на схеме частично пересекающимися кругами.

Такую модель членения языка на хронологически сменяющие друг друга диалектные группы, представляющую собой некоторый синтез традиционного “родословного дерева” с географически взаимодействующими диалектными зонами в модели “волновой теории”, можно определить как “деривационно-пространственную модель”, которая ниже представлена графически в виде *Схемы 2*:

Схема 2

ДЕРИВАЦИОННО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ЧЛЕНЕНИЯ ОБЩИНДЕОЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ

4. ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ В СООТНЕСЕНИИ С ГРАММАТИЧЕСКИМИ ИЗОГЛОССАМИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЧЛЕНЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ

4.1. СООТНЕСЕНИЕ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС С ХРОНОЛОГИЧЕСКИМИ УРОВНЯМИ, УСТАНОВЛИВАЕМЫМИ ПО МОРФОЛОГИЧЕСКИМ ИЗОГЛОССАМ

Полученные на основании грамматических изоглосс хронологические группировки индоевропейских диалектных ареалов, позволяющие выделить пять последовательных хронологических этапов (см. *Схему 2*), подтверждаются в основном и фонологическими изоглоссами, полученными на основании сопоставления исторических индоевропейских диалектов¹. Более того, фонологические изоглоссы дают возможность проследить дальнейшее членение выделяемых на *Этапе 5* индоевропейских диалектных ареалов, вплоть до исторических диалектов или исторически восстанавливаемых конечных диалектных общностей.

4.2. РЕЛЯТИВНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ДИАЛЕКТНЫХ ГРУППАХ ТРЕХ СЕРИЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ

Особенно значительную перестройку унаследованной общиндоевропейской структуры в отдельных исторических индоевропейских диалектах претерпевает система консонантизма с тремя сериями смычных: I — глоттализированные, II — звонкие (придыхательные), III — глухие (придыхательные).

Языки, сохранившие серию I без последующего озвончения (германский, армянский, вероятно, анатолийский и тохарский), могут рассматриваться как сохранившие архаизм системы и близкие в этом отношении к исходной индоевропейской системе.

Характерно, что именно эти языки представляют в определенную историческую эпоху некоторые изолированные или периферийные области распространения индоевропейских диалектов. В этом смысле указанная особенность консонантизма этих диалектов находится в соответствии с универсально значимым принципом лингво-географии, по которому архаическая особенность сохраняется на периферии определенного ареала.

¹ Некоторые из сходных частных фонетических явлений в исторических индоевропейских диалектах дают возможность предположить диалектные взаимоотношения еще в пределах общиндоевропейской языковой области. Свидетельством этого могут служить некоторые схожие правила распределения фонем, связанные с концом слова. В частности, наблюдаемый в индоевропейских диалектах запрет на представление носового *-m в конце слова (нейтрализация противопоставления носовых сонантов в конце слова, где допускается только -n), характерный для всех индоевропейских диалектов кроме италийского и арийского, можно рассматривать как ареальную изоглоссу на хронологическом уровне 2 или ранее. Представляется, что такая фонетическая изоглосса возникла в результате появления в определенном ареале общиндоевропейского языка правила о замещении в слове конечного -m на -n, которое распространилось на всю общиндоевропейскую область, исключая, по всей видимости, периферийные зоны. Из последних в дальнейшем значительно позднее могли возникнуть индо-иранский и италийский ареалы.

Индоевропейские диалекты, в которых серия I претерпевает озвончение (индо-иранский, греческий, балто-славянский, албанский, итальянский, кельтский), не могут быть объединены по этому признаку в одну общую диалектную группу. Есть явные структурные свидетельства сравнительно позднего осуществления этого фонологического процесса независимо друг от друга в период формирования отдельных исторических диалектов или исторически восстанавливаемых общностей: индо-иранской, греческой, балто-славянской, кельтской, итальянской.

В частности, в греческом и итальянском, где в фонологически преобразованном виде сохраняются все три серии исходной системы индоевропейских смычных, можно предположить определенный хронологический порядок преобразования каждой из серий, согласно которому преобразование серии I, то есть озвончение глоттализированных, должно было следовать во времени за соответствующими преобразованиями серии III и серии II (см. выше, стр. 64 и след.), явно соотносящимися с поздним периодом оформления исторических индоевропейских диалектов или исторически восстанавливаемых общностей.

Характерно, что следы признака глоттализации фонем серии I можно проследить в тех же отдельных индоевропейских диалектах, в частности итальянских, в явлении, описываемом в латинском языке "законом Лахмана" (удлинение гласной в определенных структурах, см. выше, стр. 69 и след.).

О позднем преобразовании глоттализированных фонем серии I в отдельных исторических диалектах или исторически восстанавливаемых общностях свидетельствуют данные членения общеиндоевропейской языковой области по грамматическим изоглоссам, согласно которым в общие ареальные группы попадают диалектные единства как с сохранением фонем серии I в качестве незвонких, так и с преобразованием их в соответствующие звонкие фонемы (ср. такие две ареальные группы, как арийско-греческо-армянское единство и балто-славяно-германское единство).

Очевидно, что преобразование глоттализированных в звонкие могло произойти лишь при выделении из этих единств соответственно армянского и германского, сохранивших незвонкий характер фонем серии I.

Фонетические преобразования аллофонов фонем серии II в исторических индоевропейских диалектах показывают такое разнообразие (оглушение в греческом и итальянском, дезаспирация в балто-славянском и кельтском, спирализация в германском), которое несовместимо с предположением о соотношении этих преобразований с периодом диалектных общностей, включающих соответственно некоторые из перечисленных групп (балто-славяно-германский и т. п.). Более того, можно утверждать, что даже в тех случаях, когда конечные результаты фонетического развития единообразны, как в греческом и итальянском, с одной стороны, и кельтском и балто-славянском, с другой, структурные процессы, приведшие к этим результатам, могли существенно различаться.

Особенно показательно такое различие в развитии индоевропейской системы смычных в кельтском в сопоставлении с развитием, давшим аналогичные результаты в балто-славянском.

В кельтском процесс дезаспирации звонких придыхательных и слияние этой серии с рефлексами озвонченной серии I предполагает, очевидно, целый ряд сложных трансформаций в отдельных звеньях этих серий, приведших к оформлению системы исторических кельтских диалектов, которые схожи по отражению фонем серий I и II с балто-славянскими языками в исторический период (ср. выше, стр. 74 и след.).

Преобразование серии III индоевропейских смычных, несмотря на общность конечных результатов в ряде диалектов, также следует рассматривать как фонологический процесс дезаспирации, начавшийся в сравнительно поздний период развития исторических диалектов или исторически восстанавливаемых диалектных общностей.

Предполагая сравнительно позднее возникновение процесса дезаспирации серии III в италийском и балто-славянском уже после формирования этих диалектных объединений (ср. отличное отражение соответственно в кельтском — в противовес италийскому, и в германском — в противовес балто-славянскому), процесс дезаспирации серии III можно было бы считать общим во всяком случае для греческого и арийского ареалов, которые обнаруживают целый ряд общих грамматических изоглосс.

Однако не исключена также возможность независимого возникновения дезаспирации индоевропейских фонем серии III в греческом и индоиранском уже после их разделения на отдельные диалектные ареалы. При таком предположении эти процессы в рассматриваемых ареалах можно соотнести хронологически с аналогичными процессами дезаспирации в балто-славянском и италийском диалектных ареалах.

Таким образом, фонологические трансформации трех серий индоевропейских смычных в исторических индоевропейских диалектах можно рассматривать как сравнительно поздние процессы, возникшие на конечных этапах развития индоевропейских диалектов в период, предшествовавший непосредственно образованию исторических диалектов или исторически восстанавливаемых диалектных общностей.

В индоевропейских диалектах наблюдаются отдельные случаи отражения глухих фонем серии III в виде звонких смычных в таких формах, как др.-инд. *ṛibati* 'он пьет', лат. *bibō* 'пью', др.-ирл. *ibid* 'он пьет' при греч. $\pi\acute{\omicron}\theta\iota$ 'пей!', лат. *pōtus* 'питье', из и.-е. $*p^{[h]}oH-$; ср. также для итало-кельтского: др.-ирл. *ab* 'река', род. пад. *abae*, лат. *amnis* < **abnis* при прус. *ape*, лит. *ùpė* 'река', др.-инд. *āp-* 'поток'. Если такие единичные случаи отражения фонем индоевропейской серии III в виде звонких согласных, возникшие, вероятно, в определенных комбинаторных условиях, рассматривать как изоглоссу, то ее следует считать чрезвычайно древней, объединяющей целый ряд расчленившихся позднее диалектных ареалов (уровень 2 или 3). В таком случае звонкое $*b$ в системе следует рассматривать исторически как фонетический вариант лабиальной фонемы индоевропейской серии III. В дальнейшем, в период появления фонологической серии звонких неаспирированных смычных, такое $*b$ естественно сливается в этих диалектах с лабиальной фонемой серии звонких.

4.3. МОДЕЛИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СМЫЧНЫХ ФОНЕМ В СИНТАГМАТИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ. ДИАЛЕКТНАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ ЭТИХ МОДЕЛЕЙ

В непосредственной связи с фонологическими преобразованиями серий II и III в индоевропейских диалектах находится вопрос о распределении придыхательных и непридыхательных аллофонов фонемных единиц этих серий, то есть моделей распределения чистых звонких и звонких придыхательных, а также чистых глухих и глухих придыхательных как представителей индоевропейских фонем соответственно серии II и серии III.

Модели распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов индоевропейской серии III можно реконструировать в индоевропейских диалектах лишь частично — на основании показаний германских языков, армянского и кельтского, поскольку во всех других диалектах рефлексы придыхательных аллофонов индоевропейских фонем серии III представлены в виде дезаспирированного ряда глухих смычных (за исключением арийского и греческого, пережиточно сохранивших в определенных комбинаторных условиях рефлексы глухих придыхательных).

Пережиточно сохранившиеся формы распределения таких фонем в дистантной позиции в германском свидетельствуют, очевидно, о дистрибуции аллофонов в последовательности придыхательный ~ непридыхательный, ср. формы типа гот. *(af)hrarjan* 'потушить' (при греч. *καπνός* 'дым'), гот. *faiflōkun* 'они оплакивали' (при ст.-слав. *plakati* 'плакать'), см. выше, стр. 29—30.

В полном соответствии с таким распределением фонем серии III в дистантной последовательности находится их распределение в контактной последовательности в германском и, очевидно, кельтском. Германские формы типа гот. *ahtau* 'восемь', *nahts* 'ночь' и др., а также кельтские типа др.-ирл. *ocht n-* 'восемь', *in-nocht* 'сегодня ночью' (при греч. *ὄκτω* 'восемь', *νύξ*, р. н. *νυκτός* 'ночь', лат. *octō* 'восемь', *nox*, р. н. *noctis* 'ночь' и т. п.) дают основание для реконструкции последовательности *придыхательный ~ непридыхательный* в контактной позиции.

Поскольку модели распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов фонем серии III отражаются лишь в германских языках и отчасти в армянском и кельтском, не представляется возможным дать изолированно локализацию во времени и определить хронологический порядок этого явления. Иначе говоря, трудно установить, собственно ли германское, армянское и кельтское это явление, или модель, отражающая более ранние ареальные явления. Решение этой проблемы находится в зависимости от модели дистрибуции аллофонов фонем серии II, отражаемой в исторических диалектах, а также от позиционных взаимоотношений форм различных индоевропейских серий.

Германские и кельтские языки преобразовали фонемы серии II в таком направлении, что на основании исторических данных не представляется возможным реконструировать для этих диалектных групп древней-

шие модели распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов фонем этой серии и определить их порядок в дистантной последовательности.

В отличие от этого, данные италийских языков могут быть интерпретированы как факты, отражающие модель распределения двух фонем серии II в дистантной последовательности в порядке *придыхательный ~ непридыхательный*, что соответствует модели дистрибуции в контактной последовательности фонем серии III в германском и кельтском.

Принимая принцип изоморфности моделей распределения фонем серии II и серии III в контактной и дистантной последовательностях, можно с определенной долей вероятности постулировать аналогичную модель распределения фонем серии II и для того диалектного ареала, из которого возникают германский и кельтский, а для фонем серии III — для диалектного ареала, из которого позднее возникает италийский.

Отличную от этого картину распределения фонем серии II показывают индо-иранский и греческий. Для этого диалектного ареала реконструируется дистрибутивная модель *непридыхательный ~ придыхательный* со следами парадигматического чередования, позволяющего вывести общее правило распределения аллофонов звонких фонем индоевропейской серии II:

При двух звонких фонемах в корне одна из них проявляется в виде придыхательного аллофона, другая — в виде непридыхательного.

Выбор непридыхательного или придыхательного аллофона фонем этой серии в пределах основы определяется парадигматическими условиями чередования. При отсутствии особых позиционных условий фонема серии II проявляется обычно в виде придыхательного аллофона.

В свете этого правила, которое возводится к общиндоевропейскому состоянию, модель дистрибуции, реконструируемая для италийского, а также предполагаемая для кельтского и германского ареалов, может считаться некоторой инновацией, противопоставляющей эти ареалы по указанному признаку арийско-греческому. Такую инновацию можно считать результатом генерализации и распространения на всю парадигму одной из алломорф морфемы, с чередованием фонологических альтернантов по признаку аспирированности — неаспирированности.

В италийском и, вероятно, кельтском и германском ареалах, генерализуется на всю парадигму алломорфа с последовательностью вариантов *придыхательный ~ непридыхательный*, тогда как в индо-иранском и греческом, при сохранении архаического принципа чередования первоначально альтернирующих форм в случае позднейшей генерализации одной из двух альтернирующих форм, преобладает модель с последовательностью *непридыхательный ~ придыхательный* типа др.-инд. *babhrú-* 'коричневый' (при обратном распределении в лат. *fiber* 'бобер').

Предполагаемая инновация в модели распределения последовательности фонем серии II в италийском, кельтском и германском позволяет соотносить ее с периодом, когда было возможно формирование италийско-кельто-германских изоглосс, то есть с периодом нерасчлененного сущест-

вованья диалектных общностей А и В, — к хронологическому уровню 2 или вероятнее 3.

При отсутствии общеиндоевропейских корней структуры II—III или III—II, то есть корневых морфем, содержащих в себе одновременно фонемы серии II и серии III, особое значение приобретает взаимоотношение фонем этих серий на стыках морфем. Характерно при этом, что последовательность II—III (то есть [звонкая]+[незвонкая]) на стыках морфем преобразуется в результате фонетической ассимиляции в последовательность [звонкая]+[звонкая] (индо-иранский ареал) или [незвонкая]+[незвонкая] (германский, балто-славянский, кельтский и другие). То есть в данном случае в контактной последовательности произошли изменения ассимилятивного характера, аналогичные тем, которые предполагаются по внутренней реконструкции для раннего индоевропейского состояния в пределах корня с последовательностью фонем серий II—III или III—II, преобразованной в результате ассимиляции в общеиндоевропейские структуры II—II или III—III (см. выше, стр. 20).

Индоевропейская последовательность фонем $*d^{[h]}+*t^{[h]}$, реализовавшаяся на стыке морфем как $*dt^h$ (в соответствии с моделью распределения аллофонов фонем серии II или III в контактной последовательности в индо-иранском), преобразуется в дальнейшем в $-dd^h-$, с прогрессивной ассимиляцией по признаку звонкости (так называемый “закон Бартоломеэ”): $*bud^h- + *-tho- \rightarrow *bud-tho- \rightarrow$ др.-инд. $bud-dh\acute{a}-$.

Рассматриваемый ассимилятивный фонетический процесс следует считать явлением собственно индо-иранским, преобразившим последовательность [звонкая]+[глухая придыхательная] в характерную для индо-иранского последовательность [звонкая]+[звонкая придыхательная].

С другой стороны, такая же индоевропейская последовательность, то есть [звонкая (придыхательная)]+[глухая (придыхательная)], на стыках морфем предполагает реализацию ее в виде последовательности [придыхательная]+[непридыхательная] в таких диалектных ареалах, как германский, кельтский, италийский (в соответствии с моделью распределения аллофонов фонем серии II или III в контактной последовательности в этих диалектных ареалах). Позднее осуществляется регрессивная ассимиляция по признаку глухости: $*g^{[h]}+*t^{[h]} \rightarrow *g^ht \rightarrow *k^ht$; ср. гот. $daúhtar$ ‘дочь’, др.-в.-нем. $tohter$, лит. $duktė$; лат. $lectus$ ‘ложе’, др.-в.-нем. $lehter$ ‘послед’.

Специфическое фонетическое развитие в отдельных индоевропейских диалектах с регрессивной ассимиляцией по признаку глухости консонантных комплексов имеет место при стечении на стыке морфем дентальных смычных в комбинации серий II—III или I—III, то есть $*d^{[h]}+*t^{[h]}$ или $*t'+*t^{[h]}$. В таких случаях наблюдается единообразие при образовании таких комплексов в италийском, кельтском и германском, где развивается последовательность $-ss-$, с одной стороны, и в балто-славянском и греческом, в которых возникает последовательность $-st^{-1}$, с другой стороны:

¹ В славянском и некоторых из балтийских языков, а также в германском наблюдается также развитие группы $-str-<*sr-$: ст.-слав. $struja$ ‘струя’, $ostrovü$ ‘остров’

II—III:

Лат. *iussum*, *супин* к *iubeō* ‘приказываю’ (из *‘приводить в движение’)
Лит. *jūsti*, *инфинитив* к *jundū* ‘двигаться колеблясь’

Лат. *fīsus*, древняя причастная форма на *-*fhlō*- от *fīdō* ‘верю’
Греч. πιστός ‘надежный, верный’, πίστις ‘вопрос’ от πείθομαι; лит. *būsti*, *инфинитив* к *bundū* ‘пробуждать’; ст.-слав. *bljusti* ‘охранять’, *инфинитив*, ср. др.-инд. *buddhá-* ‘пробужденный’

I—III:

Лат. *uīsus*, причастие на *-*fhlō*- от *uideō* ‘вижу’, из *uit-*fhlōs* (ср. др.-инд. *vittá-*, *причастие*); др.-ирл. *fess* ‘известные’, ср. *fiss* ‘знание’, гот. *un-wiss* ‘неизвестный’, др.-англ. *wiss*, др.-в.-нем. *giwiss* ‘известный’
Греч. ἄ-(F)ιστος ‘неизвестный’, сербо-хорв. *věst* ‘весть’ (ср. рус. *известный*)

Лат. *ēsus* из *et-*fhlōs*, *прич.* на *-*fhlō* от *edō* ‘ем’, ср. др.-инд. *āste* ‘пища’
Лит. *ėstas* ‘съеденный’, ср.-болг. *ātti* ‘он ест’

Развитие этих комплексов в итало-кельтском и германском, с одной стороны, и греческом и балто-славянском, с другой, не следует, по всей видимости, возводить к весьма отдаленному периоду ареального единства этих двух диалектных групп. Его вероятнее рассматривать как результат независимого развития в отдельных уже сложившихся исторических индоевропейских диалектах. В этом случае такое развитие является одним из поздних процессов их фонологической эволюции, выразившимся в преобразовании дентальных комплексов, идентичных по ряду согласных.

Сравнительно поздний процесс преобразования дентального комплекса в латинском выводится и из закона Лахмана, выражающегося в удлинении предшествующего гласного под влиянием глоттализованной фонемы последующего комплекса (см. выше, стр. 69 и след.). Характерно, что подобное позднее преобразование дентального комплекса *tt > **-st*- наблюдается и в иранском (ср. авест. *vista-* при др.-инд. *vittá-* ‘известный’). По этому фонетическому признаку развитие в иранском можно сравнить с аналогичным развитием в греческом и балто-славянском.

Таким образом, развитие дентального комплекса в последовательности *-st-* и *-ss-* не отражает фонетических изоглосс, дающих основание

(‘омываемый водой’), латыш. *strāva* ‘поток’, др.-в.-нем. *stroum*, др.-исл. *straumr* ‘поток’, фрак. Στρώμων (название реки) при греч. ῥέω ‘теку’, др.-инд. *srāvati* ‘он течет’; рус. *струн*, *струнья* при греч. ῥύπος ‘грязь, нечистоты’; ст.-слав. *sestra* ‘сестра’, прус. *swestro* ‘сестра’, гот. *swistar*, *под. n. swistrs* ‘сестры’ при др.-инд. *svāsar-* ‘сестра’.

для особых ареальных группировок этих диалектов. Эти фонетические явления возникают в отдельных диалектах после описанных выше преобразований в исторических диалектах трех серий индоевропейских смычных.

4.4. РЕЛЯТИВНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ТРЕХ РЯДОВ ПОСТЕРИОРНЫХ СМЫЧНЫХ. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ ГРУППЫ *centum* И ГРУППЫ *satəm*

Группировка индоевропейских диалектов на языки типа *centum* и языки типа *satəm* является чисто классификационной. Она объединяет исторические индоевропейские диалекты в две большие группы по диахроническому признаку отражения в них палатализованного ряда индоевропейских фонем и не может сама по себе являться основанием для допущения ареального единства входящих в эти две группировки диалектов.

Обе эти классификационные группы индоевропейских языков с диахронической точки зрения возникают как результат преобразований в системе фонетически нестабильного палатализованного ряда смычных. Слияние этого ряда с велярным рядом смычных при сохранении лабиовелярного ряда характеризует так называемые *centum*-ные языки, тогда как переход фонетически нестабильного палатализованного ряда в аффрикаты и спиранты при последующем слиянии лабиовелярного ряда с велярным характеризует так называемые *satəm*-ные языки. Тем самым в обеих классификационных группах индоевропейских языков основным преобразованием, обусловившим цепь последующих структурных трансформаций, по которым классифицируются языки двух названных групп, является движение фонетически нестабильного палатализованного ряда в системе (см. выше, стр. 114 и след.).

При определении хронологической соотнесенности предполагаемых при таких преобразованиях фонемных трансформаций следует учитывать типологическую естественность подобных фонетических процессов, которые в принципе могут возникнуть независимо в различных языковых системах. Поэтому только такие структурные признаки, обнаруживаемые в названных классификационных группах языков, не могут служить надежным основанием для объединения их в исторические ареальные единства. Подобное ареальное единство можно предположить лишь при наличии целого ряда других общих структурных явлений, характеризующих данную группу помимо указанного основного классификационного признака.

При таком методологическом подходе к хронологическому соотнесению *centum*-ных и *satəm*-ных языков следует предположить независимость фонологических процессов слияния палатализованного ряда с велярным, осуществившихся в языках классификационной группы *centum*. Такие процессы могли происходить в определенных ареальных единствах независимо друг от друга на различных хронологических уровнях с характерными для каждого из таких единств специфическими особенностями фонетического развития.

4.5. ХРОНОЛОГИЯ «ДВИЖЕНИЯ» ПАЛАТАЛИЗОВАННОГО РЯДА В ДИАЛЕКТАХ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ ГРУППЫ CENTUM И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЛАБИОВЕЛЯРНЫХ

Слияние палатализованного ряда с велярным, предполагаемое для классификационной группы *centum*, объединяет все без исключения исторические индоевропейские языки, вышедшие из диалектного ареала *A*, и часть диалектов ареала *B*, что уже само по себе указывает на хронологическую одновременность этой фонологической трансформации в названных диалектах.

Каждая из этих диалектных областей, определяемых классификационной группой *centum*, характеризуется некоторыми специфическими фонетическими особенностями слияния палатализованного ряда с велярным, позволяющими судить об их обособленном с этой точки зрения развитии.

Уже в анатолийском обнаруживаются специфические особенности такого слияния, противопоставляющие анатолийский остальным *centum*-ным диалектам. В частности, в позиции перед *u* происходит не слияние палатализованной фонемы с велярной, а комбинаторно обусловленная ассимиляция палатализованной фонемы, переходящей в сибилантную фонему в формах типа хет. *šucci-* 'наполнять', иер. лув. *suwa-* 'наполнять' (см. выше, стр. 99 и след.). Уже это явление исключает соотнесение *centum*-ного перехода с периодом индоевропейской диалектной общности с двумя ареалами *A* и *B* — хронологические уровни 2 или 3.

Этот фонетический процесс в анатолийском свидетельствует о наличии еще в общеанатолийском палатализованного ряда, не слившегося полностью с велярным, и о начале такого слияния двух рядов в собственно анатолийском. Об этом же свидетельствует двойное отражение палатализованного $*g^{[h]}$ и велярного $*g^{[h]}$ в виде соответственно $\emptyset$ и *k* в лувийском: ср. лув. *iššari-* (лик. *izre* 'рука') при хет. *keššar* 'рука' и греч. $\chi\epsilon\acute{\iota}\rho$, др.-инд. *hāsta-* 'рука'.

Аналогичные анатолийскому фонетические факты остальных *centum*-ных языков должны служить свидетельством соотнесения *centum*-ного перехода с периодом их обособленного существования в качестве исторических диалектов или исторически восстанавливаемых диалектных общностей. Решающим фактором при этом является неединообразное в каждом из этих диалектов отражение следов палатализованного ряда. Это явно указывает на позднюю хронологию такого слияния в период уже сформировавшихся исторических диалектов или исторически восстанавливаемых диалектных общностей.

В тохарском следы палатализованного ряда особенно ясно обнаруживаются в различном отражении палатализованного $*g^{[h]}$ и велярного $*g^{[h]}$ в позиции палатализации (*Evangelisti 1950; Эванджелисти 1959: 116—117*), ср., с одной стороны, тох. *A tsar*, *B šar* 'рука', 'кисть' при греч. $\chi\epsilon\acute{\iota}\rho$ 'рука' и арм. *jeṛn*, алб. *dōrë* 'рука', др.-инд. *hāsta-* 'рука', и.-е. $*g^{[h]}\text{es-}r-$; с другой, тох. *A špāl* 'голова', гот. *gibla* 'фронтон', др.-в.-нем. *gebal* 'череп', греч. $\kappa\epsilon\varphi\alpha\lambda\acute{\eta}$ 'голова', и.-е. $*g^{[h]}\text{eb}^{[h]}-(e)l-$.

В итальянском различия в отражении палатализованного и велярного можно усмотреть в неединообразном отражении индоевропейского $*k^{h1}$ - $+u$ и $*k^{h1}$ - $+y$ соответственно в формах лат. *equus* 'конь' (ср. греч. ἵππος, др.-инд. *áśva-h*) и лат. *uapor* 'дым' (ср. греч. καπνός 'дым', лит. *kvāpas* и *cāseus*, ср. ст.-слав. *kvasŭ* 'квас', см. выше, стр. 101—102)¹.

В аналогичной позиции обнаруживается различие в отражении палатализованного и велярного и в греческом, относимом к классификационной группе *centum*. Это видно из приведенных выше форм—греч. ἵππος 'конь' (в диалектах ἵκκος), греч. καπνός 'дым, пар'.

Различия в фонетическом отражении следов палатализованного ряда в рассмотренных выше *centum*-ных языках, не сводимые к определенному исходному фонетическому типу, являются явным признаком наличия палатализованного ряда уже в период оформления этих языковых систем как определенных диалектных единств. Уже в дальнейшем, в период их обособленного развития, происходит окончательное слияние палатализованного ряда с велярным, что и характеризует классификационную группу *centum*.

Следовательно, предполагаемый процесс слияния палатализованного ряда с велярным, который привел в историческую эпоху к оформлению структурного типа диалектов *centum*, соотносится с периодом, последовавшим за хронологическим уровнем 5, когда, очевидно, уже формируются такие ареальные единства в качестве независимых диалектных групп, как греческий, германский, итальянский и кельтский (наряду с выделившимися ранее анатолийским и тохарским).

Уже позднее, в период независимого, обособленного существования отдельных *centum*-ных языков, происходит дальнейшая перестройка системы велярных с утерей фонетически нестойкого лабиовелярного ряда в силу универсально значимой тенденции к элиминации маркированного ряда в системе.

В греческом такая элиминация лабиовелярного ряда, характерного для греческой системы еще в микенскую эпоху (*Lejeune 1958 : 285—317*), происходит путем преобразования фонем этого ряда в лабиальные смычные β, φ, π или в денальные смычные δ, θ, τ в позициях палатализации.

В кельтском аналогичная тенденция приводит к частичному слиянию лабиовелярного ряда с чистым велярным, к переходу глоттализованного $*k^{h0} \rightarrow b$ и $*k^{h10} \rightarrow p$ в определенном ареале кельтских диалектов (см. выше, стр. 89—90).

Аналогичное развитие наблюдается и в оскско-умбромском, где итальянские лабиовелярные дают лабиальные фонемы с полной элиминацией маркированного лабиовелярного ряда; тенденция к преобразованию лабиове-

¹ Характерно, что при наличии общности комбинаторных условий проявления палатализованной и велярной смычных в анатолийском и итальянском конкретные результаты их фонетической реализации в этих системах различны, что указывает на отсутствие какой-либо исторической связи между этими процессами в рассматриваемых исторических индоевропейских диалектах.

лярных в лабиальные прослеживается в отдельных диалектных формах латинского языка типа *bōs* 'бык', *lupus* 'волк'.

Аналогичная тенденция обнаруживается и в германских формах типа гот. *fiṃf* 'пять', *wulfs* 'волк', *aſ-liſnan* 'оставаться' (с позднейшей прогрессивной ассимиляцией)¹.

В отличие от этого, в другой группе *centum*-ных диалектов позднейшая элиминация маркированного лабиовелярного ряда осуществляется путем разложения его на собственно велярный и лабиальный элемент *-w/-u-* в функции сонанта или гласной.

Такое "упрощение" лабиовелярного ряда, происшедшее, очевидно, независимо друг от друга в сравнительно поздний период истории каждого из этих диалектов, наблюдается в хеттском и тохарском, отчасти в греческом (в формах с отсутствием гласной в словах типа *χύκλος* 'колесо', *νύξ* 'ночь' и др.): ср. хет. *kuenzi* 3 л. ед. ч. 'он бьет, убивает', 3 л. мн. ч. *kuṇanzi* 'они убивают' при др.-инд. *hánti* 3 [л. ед. ч. 'он бьет', *ghnánti* 3 л. мн. ч., из и.-е. **g^[h]en-^[h]i*, **g^[h]on-on^[h]i*; ср. тох. А *yuk* 'конь' (В *yakwe* 'конь'), лат. *equus*, греч. ἵππος, др.-инд. *áśva-* (ср. van Brock 1972); А *kukäl* 'колесница' (В *kokale*, ср. такое же развитие в греч. *χύκλος* при др.-инд. *śakrá-* 'колесо'); А *kut-* 'приходить' (В *kām-*), ср. гот. *qiman* 'приходить', при греч. *βαίνω* 'иду', др.-инд. *gác-chāmi* 'иду' и др.

4.6. ХРОНОЛОГИЯ «ДВИЖЕНИЯ» ПАЛАТАЛИЗОВАННОГО РЯДА В ДИАЛЕКТАХ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ ГРУППЫ SATĀM. ВОЗНИКНОВЕНИЕ АФФРИКАТ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ ФРИКАТИВНЫХ

Примерно к тому же периоду, что и *centum*-ный переход в отдельных исторических диалектах, следует отнести *satām*-ный переход в другой группе диалектов, то есть элиминацию маркированного палатализованного ряда смычных в результате преобразования его в соответствующие аффрикаты или спиранты.

¹ Этому типу прогрессивной ассимиляции, обнаруживаемой в формах с лабиовелярными, преобразованными в лабиальные согласные, противостоит хронологически более древний пример регрессивного ассимилятивного перехода лабиальной фонемы в лабиовелярную, обнаруживаемого в итальянском (ср. *Pisani* 1957b) и кельтском: лат. *quinque* 'пять', др.-ирл. *cóic* 'пять' (из **p^[h]lenk^[h]e* 'пять', ср. др.-инд. *rāṅsa*, греч. *πέντε* 'пять'); лат. *coquō* 'стряпаю, варю' (из **p^[h]lek^[h]*-, ср. др.-инд. *rāsatī* 'варит, печет'); лат. *quercus* 'дуб' (из **p^[h]lerk^[h]*-, ср. лит. *perkūnas* 'гром', *perkūnija* 'гроза'). Этот процесс может отражать общую итало-кельтскую изоглоссу, относящуюся к эпохе сравнительно стабильного лабиовелярного ряда в системе, различавшей все три ряда постериорных еще до периода начала *centum*-ного перехода. Эти древние формы с ассимилятивно возникшими двумя лабиовелярными фонемами лежат в основе соответствующих позднейших форм типа оск.-умбр. **rompe-* 'пять' (оск. *rimpreias*, умбр. *rimpreias*), галл. *perle-*, др.-валл. *rimpr* 'пять', валл. *robi* 'печь, варить'. Таким образом, сходные по конечным результатам развития германские, оскско-умбрские и кельтские формы с лабиальными согласными отражают принципиально отличные друг от друга процессы эволюции этих согласных в рассматриваемых формах.

Целый ряд сопутствующих такому переходу фонетических новообразований, которые обнаруживают фонетическое сходство друг с другом в отдельных *satəm*-ных диалектах, может служить свидетельством для допущения ареальной общности диалектов, относимых к классификационной группе *satəm*, в отличие от *centum*-ной группы языков, которые осуществили *centum*-ный переход независимо друг от друга в определенный период развития этих диалектов.

Эти данные позволяют выделить в последовательности хронологических уровней членения индоевропейской языковой общности период, следовавший за уровнем 5. В этот период происходит членение на отдельные диалектные единства, в которых примерно в то же время осуществился *centum*-ный переход, и на взаимодействующие друг с другом арийско-армянский и балто-славянский, а также албанский диалектные ареалы, где осуществился *satəm*-ный переход.

Таким общим фонетическим новообразованием, сопутствующим *satəm*-ному переходу и свидетельствующим тем самым об ареальной общности этого перехода, то есть характерной фонетической инновацией, объединяющей все диалекты группы *satəm*, является совпадение сибилантного рефлекса палатализованной велярной фонемы с рефлексом одной из сибилантных фонем. Эта изоглосса объединяет по существу оба основных ареала диалектов группы *satəm* (см. выше, стр. 103 и след.).

4.7. ОТРАЖЕНИЕ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ПАЛАТАЛИЗОВАННОГО РЯДА ВЕЛЯРНЫХ В ДИАЛЕКТАХ ГРУППЫ SATƏM

Некоторые расхождения между отдельными ареалами диалектной группы *satəm* наблюдаются в выборе конкретных позиций нейтрализации противопоставления велярной и палатализованной фонем.

Засвидетельствованные в балтийском и отчасти славянском факты чередований этих фонем в одной и той же морфеме в исторических дублетах типа лит. *akmiõ* 'камень': *ašmiõ*, мн. ч. *āšmens* 'лезвие' (ср. греч. *ἄχμων* 'наковальня', др.-инд. *áśman-* 'камень'); лит. *kárvė* 'корова': *stirna* 'косуля' (из славянского по Трубачеву 1973 : 305), рус. *корова* : *серна* отражают, очевидно, в обобщенном виде древнее индоевропейское чередование палатализованной и велярной фонем в пределах единой парадигмы в особых комбинаторных условиях, не поддающихся более точному определению.

Такое чередование могло быть следствием нейтрализации противопоставления палатализованная ~ велярная в этих позициях. Следы этого общеиндоевропейского чередования можно усмотреть также в наличии в разных *satəm*-ных диалектах общих форм, различающихся по рефлексам либо палатализованной, либо велярной фонемы:

Ср. ст.-слав. *svěkry* 'свекровь' в противовес лит. *šėšuras* 'свекор', др.-инд. *śvaśrú-* 'свекровь', *śváśura-* 'свекор', арм. *skesur*;

Лит. *smākras* 'подбородок', алб. *mjékër*, арм. *mawruk*, др.-инд. *śmáśru-* 'борода' и др. (см. выше, стр. 112 и след.).

Такие формы следует рассматривать как обобщение на всю парадиг-

му одной из древних чередующихся в пределах парадигмы общеиндоевропейских форм (алломорф) с палатализованной или велярной фонемами.

Судя по отсутствию ассимиляции палатализованных в формах приведенного выше типа в языках группы *satəm*, в качестве такой позиции нейтрализации противопоставления палатализованный ~ велярный можно предположить позицию перед определенными сонантами — плавными *r, *l и носовыми *m, *n.

Следы этого общеиндоевропейского морфологического противопоставления остаточно сохранились в диалектах группы *satəm*, ассимилировавших рефлексы индоевропейских палатализованных фонем, и, естественно, полностью стерлись в *centum*-ных языках, в которых палатализованные сливаются с велярными (за исключением анатолийского, где в одной конкретной позиции — перед *u* — происходит аналогичная *satəm*-ной группе ассимиляция древней палатализованной фонемы).

В отмеченных выше позициях нейтрализации перед сонантами индоиранский показывает рефлекс палатализованной фонемы, что может быть интерпретировано как результат обобщения на всю парадигму именно формы с ассимилированной палатализованной, в отличие от других *satəm*-ных диалектов, которые сохраняют пережиточно чередующиеся формы или обобщают на всю парадигму форму с непалатализованной фонемой (в позиции нейтрализации).

Следы такой непалатализованной индоевропейской фонемы в позиции нейтрализации можно усмотреть в индо-иранском в формах типа др.-инд. *digdhāh* 'умощенный' при *deh-* 'умашивать', арм. *diz-anem* 'складываю' (ср. лат. *pingō* 'леплю', греч. *τείχος* 'стена' и др., и.-е. *d^heiǵ^h.¹); др.-инд. *aorist āvākṣam* 'я вез', 'я ехал' при *vāhati* 'он везет, едет' (ср. лат. *vehō* 'везу', и.-е. *ueǵ^h./*uog^h-s. ~ *ue/oG^h).

Таким образом, устанавливаемые в *satəm*-ных языках следы подобных морфологических чередований отражают древнейшую особенность индоевропейского языка периода общности исторических индоевропейских диалектов, включавших как позднейшие *satəm*-ные, так и *centum*-ные языки.

4.8. ХРОНОЛОГИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЛАБИОВЕЛЯРНОГО РЯДА В ЯЗЫКАХ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ ГРУППЫ SATƏM

Ассимиляция в *satəm*-ных языках палатализованного ряда должна была привести, как и в *centum*-ных языках, в результате слияния палатализованного ряда с велярным, к формированию системы с двумя рядами постериорных смычных — велярным и лабиовелярным.

В *centum*-ных языках, как было показано выше, такой лабиовелярный ряд элиминируется позднее в результате различных фонетических преобразований. Аналогичное фонетическое преобразование лабиовеляр-

¹ Строго говоря, индоевропейскую морфему следует восстанавливать в виде двух чередующихся в парадигме алломорф *d^heiǵ^h./*d^heiǵ^h или в общем случае *d^heiǵ^h (с допущением архифонемы *G^h в терминах Трубецкого).

ного ряда смычных следует предположить и в *satəm*-ной группе языков уже в период, непосредственно предшествовавший оформлению отдельных *satəm*-ных диалектов. Следы такого лабиовелярного ряда довольно явно прослеживаются в исторических *satəm*-ных диалектах, преобразовавших его различными фонетическими способами.

Прежде всего наличие в системе смычных *satəm*-ных языков особого ряда (восходящего к лабиовелярному), противостоящего собственно велярному ряду, можно усмотреть в неединообразном отражении фонем этих двух рядов в позициях палатализации.

В частности, в древнеиндийском отражение индоевропейских лабиовелярных в позициях палатализации в виде фонем *j* (ср. др.-инд. *jāni-ḥ* 'женщина', авест. *ǰaini-* при гот. *qinō*, греч. *γυνή* 'женщина'), *h* (ср. др.-инд. *hāras-* 'пыл' при греч. *ἔρος* 'лето'), *s* (др.-инд. *pāñca* 'пять', авест. *panča* при лат. *quinque*), отличных от фонем, отражающих рефлекс индоевропейских фонем собственно велярного ряда, является прямым свидетельством наличия двух противопоставленных рядов велярных еще в ранний период развития индо-иранского ареального единства.

Аналогичные различия в отражении этих двух рядов велярных в позиции палатализации наблюдаются в таких *satəm*-ных языках, как армянский (ср. арм. *ǰer* 'теплота', *ǰerm* 'теплый' при греч. *ἔρος* 'лето', *ἔερμος* 'теплый'; арм. *č'ork* 'четыре', лат. *quattuor* 'четыре', мик. греч. *qe-to-ro-* 'четыре'), албанский (ср. алб. *zōnjë* 'женщина' при гот. *qinō* 'женщина', алб. *ndez* 'зажигаю' при лат. *foeod* 'пылаю', см. выше, стр. 91 и след.).

Для установления фонологического характера этого ряда смычных, противостоявшего в системе *satəm*-ных языков собственно велярному ряду, и определения его хронологии существенное значение имеют факты вокализации слоговых сонантов в соседстве с согласными фонемами, восходящими к этим двум фонологически противопоставлявшимся рядам.

Вокализация рефлексов слоговых сонантов с окраской тембра *u* в соседстве с фонемами, восходящими к индоевропейским лабиовелярным в некоторых *satəm*-ных языках, является прямым отражением признака лабиализации при соседней согласной фонеме. Это дает основание считать лабиовелярный ряд существовавшим в системе *satəm*-ных диалектов и противостоявшим собственно велярному ряду еще в период вокализации слоговых сонантов. Такой след признака лабиализации при смычных фонемах можно усмотреть в древнеиндийских формах типа *gūrtá-* 'желанный' (из **k'ōṛṛ[h]*), ср. лат. *grātus* 'приятный', оск. *brateis*; др.-инд. *gurú-* 'тяжелый' (из **k'ōṛru-*), ср. лат. *gravis*, греч. *βαρύς* 'тяжелый' (см. выше, стр. 93).

Довольно ясные примеры аналогичной вокализации слоговых сонантов обнаруживаются в иранском: авест. *puxda-* (из **puk^oto-*, *van Brock 1972: 271*), ср. греч. *πέμπτος* 'пятый', оск. *promptis* 'quinqües', а также лит. *kūmstė* < **kūmpstė* < **pumk^oste* 'кулак' (ср. *Fraenkel 1962, I: 309—310*).

В свете вышеприведенных фактов можно утверждать, что в языках группы *satəm* после движения фонологически маркированного палатализо-

ванного ряда и образования в результате ассибиляции особых аффрикат и фрикативных фонем в системе оставались два противопоставленных друг другу ряда, унаследованных от общеиндоевропейского состояния: велярный ряд и лабиовелярный ряд.

В этом отношении *satəm*-ная система на определенном этапе развития совпадает структурно с *centum*-ной системой, в которой в группе смычных среди постериорных фонем также представлены два фонологически противопоставленных друг другу ряда — велярные, объединяющие индоевропейские собственно велярные и палатализованные, и лабиовелярные.

Дальнейшая эволюция подсистемы смычных в *centum*-ных и *satəm*-ных языках показывает в основном лишь хронологические различия.

В *satəm*-ных языках происходит дальнейшее слияние лабиовелярного ряда с велярным и оформление единого общего ряда велярных в результате утери признака лабиализации при лабиовелярных. Такой процесс имеет место в этих системах, очевидно, еще до оформления исторически засвидетельствованных языковых единств, относящихся к классификационной группе *satəm*. В исторических языках можно обнаружить лишь отдельные следы наличия такого ряда в системе.

В *centum*-ных языках процесс элиминации лабиовелярного ряда и формирования в системе единого ряда велярных осуществляется значительно позднее, уже в пределах истории отдельных *centum*-ных языков путем фонологизации признака лабиализации при лабиовелярных фонемах, их расщепления и упрощения исконных лабиовелярных фонем.

4.9. РЕФЛЕКСЫ СЛОГОВЫХ СОНАНТОВ В РАЗЛИЧНЫХ ДИАЛЕКТНЫХ ГРУППАХ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ ПРОЦЕССА ВОКАЛИЗАЦИИ СОНАНТОВ

Слияние лабиовелярного ряда с велярным в *satəm*-ных языках, происшедшее уже в доисторический (дописьменный) период развития отдельных *satəm*-ных диалектов, тем не менее локализуется во времени после периода вокализации слоговых сонантов, поскольку, как было показано выше, вокализация сонантов сохраняет следы наличия лабиовелярных фонем в *satəm*-ных диалектах.

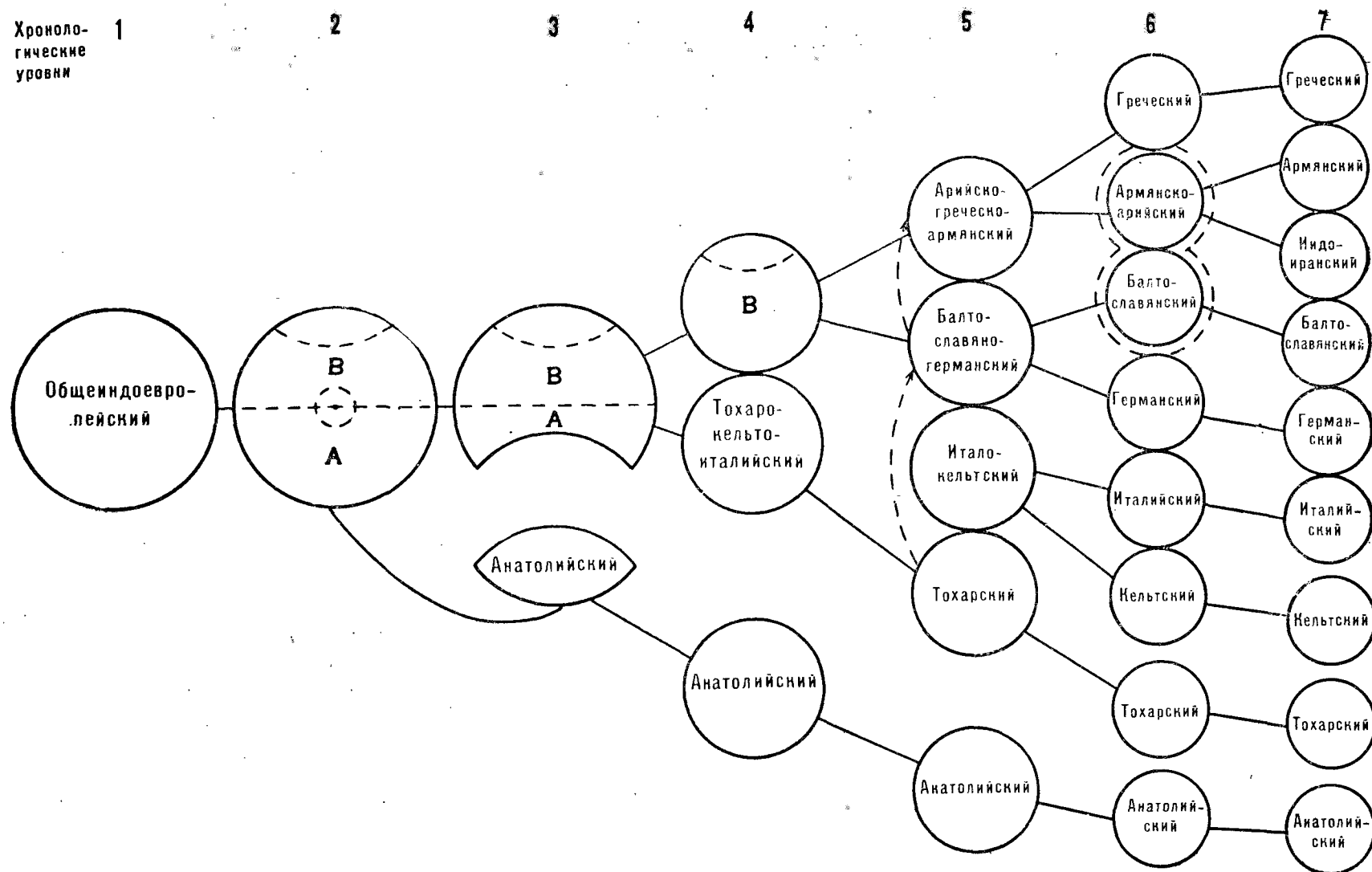
По характеру вокализации слоговых фонем и образования конкретных фонемных последовательностей в исторических индоевропейских диалектах можно выделить определенные диалектные ареалы со схожими фонетическими результатами вокализации кратких сонантов, а отчасти и долгих (см. выше, стр. 198—202; 204 и след.).

По этому признаку можно выделить четко отграниченные арийско-греческий, балто-славяно-германский, итало-кельтский, тохарский и анатолийский ареалы со специфическими, характерными для каждого из этих ареалов фонетическими рефлексам слоговых, что дает основание для предположения некоторой исторической диалектной общности развития этих ареалов в определенный период формирования индоевропейских диалектов.

Характерно, что выделяемые по признаку вокализации слоговых диалектные ареалы почти полностью совпадают с установленными по мор-

Хронологические уровни

ДЕРИВАЦИОННО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ЧЛЕНЕНИЯ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ И ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Схема 3

фонологическим признакам диалектными ареалами хронологического уровня 5, что может свидетельствовать в пользу рассмотрения этих фонетически схожих результатов развития вокализации слоговых в качестве ареальных фонетических изоглосс.

4.10. ВЫДЕЛЕНИЕ ЭТАПОВ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ КАК КОНЕЧНЫХ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ УРОВНЕЙ ПРОСТРАНСТВЕННО-ДЕРИВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ЧЛЕНЕНИЯ ОБЩЕИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ

Следствием хронологического приурочивания вокализации слоговых сонантов к хронологическому уровню 6 в развитии диалектов индоевропейского языка, является отнесение *satəm*-ного перехода палатализованного ряда и последующего слияния лабиализованного ряда с велярным к периоду, последовавшему за хронологическим уровнем 5, то есть к хронологическому уровню 6, на котором и выделяется *satəm*-ная изоглосса, объединяющая в некоторое ареальное единство индоевропейские диалекты группы *satəm*¹, или к еще более позднему уровню 7, когда исторические индоевропейские диалекты оформляются как языковые единства с возникающими новыми географическими взаимоотношениями и связями, приводящими к позднейшим языковым контактам (например, анатолийских языков и греческого, анатолийских языков и армянского и др.) и заимствованиям.

Рассмотренное выше ареальное хронологическое членение индоевропейской языковой области по фонологическим изоглоссам, объединенное с результатами анализа грамматических изоглосс, можно представить в виде деривационно-пространственной модели (см. *Схему 3*). Такая хронологическая модель членения диалектов представляет некоторое дополнение к ранее данной (см. *Схему 2*), доведенное до исторически засвидетельствованного этапа членения индоевропейских диалектов (уровня 7)².

5. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЧЛЕНЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

5.1. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ДИАЛЕКТНЫХ АРЕАЛОВ ПО ЛЕКСИЧЕСКИМ ИЗОГЛОССАМ В СООТНЕСЕНИИ С ГРАММАТИЧЕСКИМИ И ФОНОЛОГИЧЕСКИМИ ИЗОГЛОССАМИ

Устанавливаемые в исторических индоевропейских диалектах лексические изоглоссы (как и рассмотренные выше грамматические и фонологические изоглоссы) дают основание для предположения определенных ара-

¹ С этим же хронологическим уровнем можно, вероятно, соотнести и некоторые другие фонетические явления, как, например, изоглоссу, противопоставляющую арийско-балтийский ареал кельто-италийскому по долготе — краткости сонанта в формах типа др.-инд. *vīrá-* 'муж', лат. *uir* 'муж'.

² В моделях на конечных хронологических уровнях 6 и 7 не представлены такие индоевропейские диалекты, как албанский и некоторые древние балканские диалекты, данные которых учитываются, однако, при анализе изоглосс в историчес-

льных диалектных единств в истории развития общиндоевропейского языка, из которых в дальнейшем формируются исторические индоевропейские диалекты.

Особенно важным и показательным в этом отношении оказывается то, что выделяемые на основании лексических изоглосс ареальные единства на определенном хронологическом уровне развития индоевропейских диалектов совпадают в общем и целом с диалектными областями, выделенными на основании морфологических и фонологических изоглосс. Это обстоятельство является недвусмысленным свидетельством исторической реальности диалектных ареалов индоевропейского языка, выделяемых на основании согласующихся между собой показаний всего комплекса грамматических, фонологических и лексических данных.

5.2. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ В ПРЕДЕЛАХ ДИАЛЕКТНОЙ ОБЩНОСТИ SATAM-НЫХ ЯЗЫКОВ. АРИЙСКО-БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Сравнительно легко выделить по лексическим данным тесно взаимодействующие ареалы языков группы *satam*, совпадающие с армяно-арийским и балто-славянским ареалами на хронологическом уровне б (см. Схему 3), устанавливаемыми по фонологическим критериям. Выделяется целый ряд лексических форм, характерных только для этих групп индоевропейских диалектов:

Др.-инд. *śyāvā-* 'черно-бурый, гнедой, темный', авест. **syāva-* 'черный' (ср. личное имя *Siiāušāspi-* 'черноконный', ср. *Mayrhofer 1979 : 1/75*), лит. *šyvas* 'серо-белый', ст.-слав. *sivŭ* 'сивый, серый' (масть лошади);

Др.-инд. *kr̥ṣṇā-* 'черный', прус. *kirsnan*, ст.-слав. *črŭnŭ* 'черный', рус. *черный*;

Др.-инд. *māra-* 'смерть', лит. *māras*, ст.-слав. *morŭ* 'смерть' (обозначение смерти от эпидемии);

Др.-инд. *tucchyā-* 'пустой', лит. *tūščias*, ст.-слав. *tŭštŭ*, рус. *тощій*;

Др.-инд. *ati-réka-* 'остаток', лит. *ātlaikas*, ст.-слав. *otŭ-lěkŭ*;

Др.-инд. *dakṣiṇā-* 'правый', авест. *dašina-*, лит. *dėšinas*, ст.-слав. *desnŭ* 'правый' (при отличных от этого образованиях от той же основы в других индоевропейских диалектах: греч. *δεξιτερός* 'правый', лат. *dexter* 'правый', оск. *destrst* 'справа');

Др.-инд. *ajā-* 'козел', *ajīna-m* 'шкура', ср.-перс. *azak* 'козел', лит. *ožys* 'козел', *ožinis* 'козлиный', ст.-слав. *(j)azno* 'кожа', алб. *dhi* 'коза' (по лексическим, как и по фонологическим данным, албанский тесно примыкает к этой же диалектной области).

5.3. АРИЙСКО-ГРЕКО-АРМЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Особую группу лексических изоглосс составляют лексические единицы, позволяющие выделить ареальные общности, совпадающие с грам-

ских индоевропейских диалектах. Такое отсутствие албанского и других балканских диалектов в модели объясняется недостаточностью морфологических данных для определения их ареального места на предшествующих хронологических уровнях, см. *Pisani 1959a* и *b*.

матическими и фонологическими ареалами хронологического уровня 5.

В этой группе слов выделяются в основном тематические именные образования, в чем уже можно усмотреть сравнительно поздний ареальный характер этих слов, ср. Порциг 1964: 241—242:

Др.-инд. *hāras-* 'жар', *ghṛṇā-* 'жар, зной', греч. *θερος* 'лето', арм. *jer* 'тепло';

Др.-инд. *mārta-* 'смертный', 'человек', авест. *marata-* 'человек'; греч. *μортός· άνθρωπος, θνητός* 'человек', 'смертный' (*Гесихий*), арм. *mard* 'человек', ср. Thieme 1952;

Др.-инд. *jārant-* 'старый; старик', авест. *zarəta-* 'старый', 'немощный', осет. *zæronð* 'старый', греч. *γέρων, род. п. γέροντος* 'старик', арм. *ser* 'старый; старик';

Др.-инд. *stāna-* 'женская грудь', авест. *fštāna-*, греч. *στηνίον· στῆθος* 'женская грудь' (*Гесихий*), арм. *stin* 'женская грудь' (ср. группу *sp[^h]. в начале соответствующих слов в других диалектах: др.-англ. *spanu* и др., см. Pokorny 1959: 990);

Авест. *izəēna-* 'из кожи', греч. *αἴγ-* 'коза', арм. *auc* 'коза'.

5.4. БАЛТО-СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

К тому же хронологическому уровню 5 относятся лексические изоглоссы, совпадающие по морфологическим и фонологическим данным с диалектным единством балто-славяно-германского ареала, ср. Stang 1972:

Лит. *aldijà, eldijà* 'челн', ст.-слав. *aldi(ji), ladi(ji)* 'ладья', норв. диал. *olda*, др.-англ. *ealdop, aldaht* 'сосуд';

Лит. *birginti* 'жадничать, сберегать для себя', ст.-слав. *ne-bręq* 'пре-небрегаю', рус. *береечь*, гот. *baïrgan* 'сохранять';

Лит. *blandūs* 'нечистый, мутный', ст.-слав. *blędq* 'блуждаю', 'заблуждаюсь', *blędū* 'блуд', гот. *blandan sik* 'смешиваться', *blinds* 'слепой';

Лит. *dabà* 'природа, характер', *dabnūs* 'красивый', ст.-слав. *dobrū* 'добрый', гот. *gadaban* 'соответствовать';

Лит. *dailįti* 'делить', ст.-слав. *děliti* 'делить', гот. *dails* 'часть', *dailjan* 'делить';

Лит. *daūg* 'много', рус. *дюжий*, польск. *dużo* 'много', гот. *daug* 'достаток, достаточно', нем. *taugen* 'годиться';

Лит. *draūgas* 'друг', ст.-слав. *drugŭ* 'друг', рус. *друг, дружина*, гот. *driugan* 'служить в войске', *gadraūhts* 'воин';

Лит. *glėbti* 'обнимать', рус. *оглобля*, др.-исл. *klafi* 'ярмо для коров';

Латыш. *grebt* 'вырывать', ст.-слав. *po-grebq* 'δαπτειν', рус. *гребу, выгребая*;

Лит. *jaū* 'уже'; ст.-слав. *(j)u(že)*, гот. *ju* 'уже';

Прус. *kails* 'здравствуй!', *kailūstiskan* 'здоровье'; ст.-слав. *сѣлŭ* 'здоровый', 'целый', др.-англ. *hāl*, др.-исл. *heill*;

Прус. *satius* 'шмель', лит. *katānė*, рус. *шмель*, др.-в.-нем. *humbaf*;

Лит. *šeimà* 'семья', латыш. *sāime* 'большая семья'; рус. *семья*, гот. *haims* 'деревня', др.-англ. *hām* 'дом';

Лит. *liāudis* 'народ', рус. *люди, люди*, др.-в.-нем. *liut* 'народ';

Лит. *maišas* 'большой мешок', ст.-слав. *měchŭ* 'мешок', рус. *мех*, *мн. ч. мехи́, мехá*, др.-исл. *meiss* 'корзина';

Латыш. *nāve* 'смерть', рус. *навь* 'призрак мертвеца', гот. *naus* 'мертвец';

Ст.-слав. *pęstŭ* 'кулак', рус. *пясть*, др.-в.-нем. *fūst* 'кулак', нем. *Faust*, ср. лит. *kūmstė* < **pumk^ostė* 'кулак';

Лит. *rugiaĩ*, *мн. ч.* 'рожь', др.-рус. *ръжь*, рус. *рожь*, др.-исл. *rugr*;

Лит. *sidābras* 'серебро', рус. *серебро*, ст.-слав. *sŭrebro*, гот. *silubr* 'серебро';

Лит. *slābnas* 'слабый', ст.-слав. *slabŭ* 'слабый', др.-исл. *slápr* 'ленивый человек' (группа **sl-* отличает это диалектное слово от лат. *labor*);

Лит. *tūkstantis* 'тысяча', латыш. *tūkstuōts*, прус. *tūsimtons*, ст.-слав. *тысеŭти*, рус. *тысяча*, гот. *þūsundi*;

Лит. *želtas* 'золотой', латыш. *zēlts* 'золото', рус. *золото*, ст.-слав. *zlato*, гот. *gulþ* (суффикс **-f^hlō-* отличает это слово от др.-инд. *hīraṇya-* 'золото'), ср. также Порциг 1964: 209—210;

Лит. *įsnaiga*, *snaĩgala* 'снег', прус. *snaugis*, ст.-слав. *sněgŭ*, рус. *снег*, гот. *snaiws* 'снег' (огласовка корня **o* отличает это тематическое образование от форм с нулевой огласовкой в других индоевропейских диалектах, ср. лат. *nix* 'снег', греч. *вин. п. νίφα*), ср. Fraenkel 1962—1965, II: 851;

Лит. *gīrnos* 'жернова' (*мн. ч., ж. р.*), латыш. *dziřnus*, прус. *girnowis*, рус. *жернов*, ст.-слав. *žrŭny*.

5.5. ИТАЛО-КЕЛЬТСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Аналогичное объединение диалектов в ареальные единства, выделяемые на хронологическом уровне 5 по данным морфологических и фонологических изоглосс, можно предположить на основании лексических изоглосс и для итало-кельтского диалектного ареала. В отличие от лексических изоглосс, включающих тохарский и относимых к более ранним хронологическим уровням, такие изоглоссы объединяют только италийские и кельтские диалекты (ср. Порциг 1964: 150—158):

Лат. *terra* 'земля' (из **tersā*), *прилаг. terrestris* 'земной', оск. *teerŭm* 'земля', др.-ирл. *tír* 'область', валл. *tir* 'земля', этимологически 'суша', ср. и.-е. **f^hlers-* 'сушить', греч. *τέρσομαι* 'высушу', др.-инд. *tŕṣyati* 'он жаждет'. Развитие для этого слова значения 'земля' из родственной общиндоевропейской основы, означающей 'сушить', характерно только для итало-кельтских языков;

Лат. *uēlum* 'полотно', 'покрывало', уменьшит. *uexillum* 'знамя', др.-ирл. *figim* 'тку', валл. *gweu* 'ткать', др.-валл. *gweetic* 'textilis', 'ткаческий';

Лат. *solium* 'престол', 'трон', др.-ирл. *suide* 'сиденье', производное с суффиксом **-iō-* от корня **set-* 'сидеть' с огласовкой **o*: **sot'-iō-(m)*; значение 'сиденье', 'трон' в производном данного словообразовательного типа от этой основы наблюдается только в итало-кельтском;

Лат. *trāns* 'по ту сторону', умбр. *traf*, *tra* (из **trā*), валл. *tra-* (из **f^hlrāns*) 'по ту сторону', ср. др.-ирл. *tar* 'через (за пределы)'. Специфическое образование в итало-кельтском от индоевропейского корня

*^herH- с общим значением 'проходить', 'проникать', 'побеждать', сохранившимся в других индоевропейских диалектах, ср. др.-инд. *tárati* 'проникает';

Лат. *dē* 'от—вниз, от—прочь', др.-ирл. *dí*, др.-валл. *di*, корн. *the*, брет. *di* (Sommerfelt 1920). В такой семантической функции эти элементы характерны только для итало-кельтского.

Две последние изоглоссы особенно показательны, поскольку по своему характеру они являются лексико-грамматическими изоглоссами, отражающими как грамматические, так и семантические инновации в определенном диалектном ареале, в данном случае итало-кельтском, в отличие от других диалектных ареалов (ср. Watkins 1966: 35—36). К таким же лексико-грамматическим изоглоссам можно отнести и указанные выше образования формы превосходной степени;

Лат. *dē-sēs* 'ленивый, праздный' (<**dē-sed-*), др.-ирл. *deid* 'ленивый', *deëss* 'праздность'. Такое значение у этого древнего сложения с *dē представлено только в итало-кельтском;

Лат. *saeculum* 'век', 'поколение', валл. *hoedl*, др.-брет. *hoetl* 'век', 'жизнь';

Лат. *bilis* 'желчь', валл. *bustl*, др.-корн. *bistel*, брет. *bestl* 'желчь'.

5.6. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ, СООТНОСИМЫЕ С ОСНОВНЫМИ ДИАЛЕКТНЫМИ ГРУППАМИ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО УРОВНЯ 5

Приведенные выше лексические изоглоссы, которые свидетельствуют как о лексических новообразованиях в определенных диалектных ареалах, так и об общих семантических новообразованиях на базе унаследованной лексики, дают основание для отграничения друг от друга арийско-греко-армянского, балто-славяно-германского и итало-кельтского диалектных ареалов, соотносимых с хронологическим уровнем 5 в последовательности хронологических этапов диалектного членения общиндоевропейского языка.

Такая хронологическая соотношенность с уровнем 5 выделяемых диалектных ареалов полностью согласуется с позднейшим фонетическим отражением индоевропейских палатализованных фонем, представленных в рассмотренных выше фонетических изоглоссах арийско-греко-армянского и балто-славяно-германского диалектных ареалов.

Такие закономерные *centum* ~ *satəm*-ные соотношения, отраженные в рассмотренных выше изоглоссах, как, например, др.-инд. *járant-* 'старик', арм. *cer* 'старый', греч. *γέρων* или авест. *izaēna-* 'из кожи', арм. *auc* 'коза', греч. *αἴξ* 'коза', с одной стороны, и лит. *šeimà* 'семья', рус. *семья*, др.-англ. *hām* 'дом' или лит. *želtas* 'золотой', рус. *золото*, гот. *gulþ* 'золото', с другой, являются прямым свидетельством наличия палатализованного ряда смычных в период возникновения рассмотренных выше лексических инноваций в соответствующих диалектных ареалах.

Ассибиляция палатализованного ряда проводится, как было показано выше, на хронологическом уровне 6, что и служит основанием для соотношения постулируемых выше ареальных общностей с хронологическим уровнем 5, на котором выделяются, по совместному свидетельству морфологи-

ческих, фонетических, а также лексических изоглосс, такие диалектные единства, как арийско-греко-армянский, балто-славяно-германский, итало-кельтский и, очевидно, тохарский ареалы¹.

5.7. МЕЖАРЕАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДИАЛЕКТНЫМИ ГРУППАМИ, ВЫДЕЛЯЕМЫМИ НА ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ 5

Выделяемые на хронологическом уровне 5 диалектные ареалы представляют собой не изолированные друг от друга области, а диалектные единства, находившиеся в определенном взаимоотношении, отражаемом в наличии целого ряда общих лексических новообразований, характерных для каждого из этих диалектных единств.

Эти диалектные ареалы должны были находиться в определенный период развития индоевропейского языка в некотором пространственном соприкосновении друг с другом, указывающем, очевидно, на общность территории их распространения. Они представляются на данном хронологическом уровне отдельными диалектными единствами в пределах общей индоевропейской языковой области.

Свидетельством подобных “межареальных” взаимоотношений на хронологическом уровне 5 могут служить такие лексические изоглоссы, как тохаро-германо-балто-славянские, итало-кельто-германские, итало-кельто-германо-балто-славянские и т. п.

¹ Рассмотренные выше изоглоссы, которые соотносятся с до-*satəm*-ным периодом развития индоевропейских диалектов, то есть с хронологическим уровнем 5, можно противопоставить по этому фонетическому критерию тем лексическим новообразованиям, возникающим путем заимствования лексических форм из одного диалекта в другой, которые показывают *centum*-ные черты в *satəm*-ных диалектах и *satəm*-ные черты в *centum*-ных диалектах. Последние формы являются явным свидетельством позднего взаимоотношения диалектов после ассимиляции палатализованного ряда и осуществления *satəm*-ного перехода, то есть после хронологического уровня 6. Имеются в виду такие лексические формы, свидетельствующие о сравнительно позднем взаимоотношении отдельных диалектов, как, например, с одной стороны, лит. *kiēmas* ‘деревня’, ‘двор’, *káimas* ‘двор’, прус. *caymis* ‘деревня’ при гот. *haimis* ‘деревня’, др.-англ. *hām* ‘дом’, ‘двор’ (ср. приведенные выше формы от того же корня, отражающие более древние соотношения, предшествующие хронологическому уровню 6: лит. *šeimà* ‘семья’, ср. *Stang 1972 : 28* с другим объяснением) или лит. *pėkus*, прус. *pecki* ‘скот’ при гот. *faihu* ‘имущество’, др.-в.-нем. *fihu* ‘скот’, с другой стороны, греч. $\sigma\alpha\rho\sigma\alpha\iota$. $\delta\iota\alpha\zeta\alpha\iota$ (*Гесихий*), лат. *sarracum* ‘чужеземная повозка’ (ср. лат. *currus* < **k[h]rs-o-* с закономерным отражением индоевропейского палатализованного в *centum*-ном диалекте).

Легко видеть, что для подобных поздних взаимоотношений между отдельными индоевропейскими диалектами характерны *satəm*-ные формы в *centum*-ных диалектах и *centum*-ные формы в *satəm*-ных диалектах. Само собой разумеется, из подобного рассмотрения исключаются все те формы *satəm*-ных диалектов с неассимилированными палатализованными согласными типа балто-славянского слова, отраженного в лит. *kárvė* ‘корова’, рус. *корова* или лит. *akmiõ* ‘камень’, в которых предполагается нейтрализация противопоставления палатализованный — непалатализованный, что отражает древнее индоевропейское состояние периода существования трех рядов постериорных смычных (см. об этом выше, стр. 109 и след.).

5.8. БАЛТО-СЛАВЯНО-ГЕРМАНО-ИТАЛО-КЕЛЬТСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ

Особо тесные контакты обнаруживаются на хронологическом уровне 5 между балто-славяно-германским и итало-кельтским диалектными ареалами. Можно привести большой список соответствий с лексическими изоглоссами, отражающими тесные исторические взаимоотношения соответствующих диалектных ареалов, ср. *Meillet 1922 : 17 и след.*:

Лит. *raūdas* 'красный', ст.-слав. *rudŭ* 'красный', гот. *raufs*, лат. диал. *rūfus*, *rōbus*, умбр. *rofi* (вин. п. мн. ч.), др.-ирл. *rúad*, валл. *rhudd*. Как общая инновация для означенных ареалов выступает переход слова в тематическую основу без *-r-*, ср. греч. *ἔρυθρός*, тох. В *ratre*, др.-инд. *rudh-irá-* 'кровавый', отражающие общеиндоевропейскую основу на **-r-*;

Лит. *veikiù* 'работаю', *arveikiù* 'покоряю', ст.-слав. *věkŭ* 'сила', гот. *weihan* 'сражаться', др.-англ. *wīgan* 'сражаться', лат. *uincō* 'побеждаю', оск. *vincter* 'убеждает', др.-ирл. *fich-* 'бороться'; противостоит семантически тождественному слову арийско-греческого ареала: др.-инд. *jáyati* 'побеждает', греч. *βιά* 'насилие';

Лит. *žirnis*, м. р. 'зерно', прус. *syrne* 'зерно', ст.-слав. *zrŭno* 'зерно', рус. *зерно*, лат. *grānum* 'зерно', др.-ирл. *grán* 'зерно';

Прус. *mealde* 'молния', латыш. *milna* 'молот бога грозы Перкуна', ст.-слав. *mlŭnŭjŭ*, рус. *молния*, др.-исл. *mjöllnir* 'молот бога грозы Тора', валл. *mellt*, мн. ч. 'молния';

Лит. *óbuolas* 'яблоко', ст.-слав. *ablŭko* 'яблоко', др.-исл. *epli*, др.-ирл. *ubull*, ср. название оскского города *Abella* (*Verg. Aen. 7, 740*), *Stang 1972 : 68; Порциг 1964 : 290*;

Лит. *bedù* 'рыть, копать', ст.-слав. *bodŭ* 'жалить, колоть', гот. *badi* 'кровать', лат. *fodiō* 'копаю', *fossa* 'ров', галл. *bedo-* 'канал';

Лит. *mārēs*, мн. ч. 'болото', 'море', ст.-слав. *morje* 'море', гот. *marei*, лат. *mare*, др.-ирл. *muir*;

Лит. *barzdà* 'борода', ст.-слав. *brada* 'борода', др.-в.-нем. *bart*, лат. *barba* 'борода';

Лит. *vařdas* 'имя', латыш. *vārds* 'имя', 'слово', гот. *waúrd* 'слово', лат. *uerbum* 'слово';

Ст.-слав. *věra* 'вера', др.-в.-нем. *wār* 'истинный', лат. *uērus* 'истинный', др.-ирл. *fír* 'истинный';

Ст.-слав. *sěmę* 'семя', лит. *sėmenys* 'семя', др.-в.-нем. *sāmo* 'семя', лат. *sēmen* (именные образования с суффиксом **-men* от общеиндоевропейского корня **sē-* 'сеять', ср. хет. *šai-* 'вдавливать; сеять');

Рус. *борошно* 'род проса', гот. *barizeins* 'из ячменя', др.-англ. *bęre* 'ячмень', лат. *far* 'полба' (*Triticum spelta* L.), оск. *far* 'полба';

Рус. *пискарь*, польск. *piskorz* 'пескарь', гот. *fisks* 'рыба', лат. *piscis*, др.-ирл. *iasc* 'рыба'¹.

¹ В отличие от приведенной выше группы слов, общие лексемы, обнаруживаемые в двух исторических диалектах, например, итальянском и германском или германском и кельтском, составляют лексическую изоглоссу, которая может отражать

5.9. ТОХАРО-КЕЛЬТО-ИТАЛО-германо-балто-славянские изоглоссы

Тохарский ареал показывает целый ряд слов, общих в тохарском, итало-кельтском и балто-славяно-германском:

Тох. В *walo*, А *wäl*, косв. *lānt-* 'царь', др.-ирл. *fal-n-* 'господствовать, царствовать', *flaith* 'князь', валл. *gwlad*, брет. *gloat* 'страна', лат. *ua-jeō* 'являюсь сильным', оск. *ualaetom* 'лучший'. К этой изоглоссе примыкает основа, распространенная суффиксом **-dʰl-*: гот. *waldan* 'управлять', лит. *valdu* 'правлю', 'владею', ст.-слав. *vladq* 'владею';

Тох. *kronše* 'пчела': лат. *crābrō* 'шершень', наряду с др.-в.-нем. *hur-ſūz*, *hornaz* 'шершень', лит. *širšė* 'шершень', рус. *шершень*.

5.10. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ДИАЛЕКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ 3. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ, ОБЪЕДИНЯЮЩИЕ ТОХАРСКИЙ С ДИАЛЕКТАМИ АРИЙСКО-ГРЕКО-АРМЯНСКОГО И БАЛТО-СЛАВЯНО-германского АРЕАЛОВ

Тох. А *se* 'сын', В *soy* 'сын', греч. *υῖος* 'сын', гом. род. пад. *υῖος* (ср. арм. *ustr* 'сын' по аналогии с *dustr* 'дочь', Pokorny 1959 : 914; в таком случае данная изоглосса охватывает и армянскую область). Во всех остальных ареалах за исключением итало-кельтского возникает и форма с суффиксальным **-n-*: др.-инд. *sūnú-* 'сын' (при *sūtá-* 'сын'), авест. *huni-*, гот. *sunis* 'сын', лит. *sūniš*, ст.-слав. *synŭ*. Любопытно, что в итало-кельтском ареале полностью отсутствует эта форма со значением 'сын', которое выражается здесь производными от других корней: лат. *ſilius* 'сын' (умбр. *feliuf* 'сосущие грудь'), др.-ирл. *mac* 'сын';

Тох. А *orkām* 'мрак', греч. *δρῦνός* 'темный' при возможных более отдаленных связях с др.-инд. *rajanī* 'ночь', арм. *erek* 'вечер', гот. *rigis* 'темнота', Бенвенист 1959 : 104; Порциг 1964 : 269—270; Pokorny 1959 : 857.

5.11. ТОХАРО-ГРЕКО-ИНДО-ИРАНО-германо-балто-славянские лексические изоглоссы

Тох. А *kat*, В *kete* 'зуб', алб. *dhëmb*, латыш. *zūobs*, рус. *зуб* при др.-инд. *jāmbha-* 'большой коренной зуб (хищника)', греч. *γύμφος* 'гвоздь', др.-в.-нем. *kamb* 'гребень';

соотношение между этими конкретными диалектами на значительно более позднем хронологическом уровне, уже в эпоху их обособленного существования. К подобному типу изоглосс могут относиться такие лексические пары, как лат. *annus* 'год' (из **atʰnos*), оск. *akenei*, умбр. *asni* 'год' при гот. дат. п. мн. ч. *apnam* 'годам'; лат. *haedus* 'козел' при гот. *gaitis* 'козел'; лат. *labium* 'губа' при др.-англ. *lipra* 'губа'; лат. *tacere* 'молчать' при гот. *fahan* 'молчать' или галл. *rēda* 'четырёхколесная повозка', др.-ирл. *dériad* 'парокопная повозка' при др.-исл. *reið* 'езда верхом', 'повозка'; др.-ирл. *lár* 'пол (земляной)', 'гумно' при др.-исл. *flórr* 'пол коровьего хлева', др.-англ. *flōr* 'пол' и др. Наличие закономерных соответствий в составе консонантизма приведенных форм указывает на возникновение в этих исторических индоевропейских диалектах рассмотренных общих лексем в период до осуществления в исторических диалектах преобразования трех индоевропейских серий смычных, являющихся одним из последних фонетико-фонологических актов в процессе формирования исторически засвидетельствованных систем этих диалектов.

Тох. В *wār* 'ткать', алб. *venj* 'тку', греч. *ὄφαινω* 'тку', др.-в.-нем. *wēban* 'ткать' при др.-инд. *ubhnāti* 'он связывает';

Тох. А *swase*, В *swese* 'дождь', греч. *ὕα* 'идет дождь', алб. *shī* 'дождь', прус. *suge* 'дождь'.

При анализе лексических изоглосс, соотносимых с ареальными диалектными областями на хронологическом уровне 3, бросаются в глаза тесные взаимоотношения тохарского ареала с арийско-греко-армянским и балто-славяно-германским ареалами и отсутствие лексических связей тохарского ареала с итало-кельтским. Отсутствие лексических изоглосс между тохарским и итало-кельтским ареалами, которые на других хронологических уровнях составляют одну диалектную общность, следует объяснить, видимо, как свидетельство перемещения диалектных ареалов еще в пределах индоевропейской языковой общности на хронологическом уровне 3.

Более ранние диалектные связи, включающие и итало-кельтский ареал, отражают, очевидно, период до возникновения таких передвижений в пределах индоевропейской языковой общности:

Тох. В *tek-* 'трогать', лат. *tangō, tetigī, tāctum*, ст.-лат. *tagō* 'трогаю', 'касаюсь', др.-ирл. *tais* 'мягкий', др.-англ. *ðaccian* 'мягко прикасаться', греч. *τεταγών* 'ухватившийся';

Тох. А, В *plāk-* 'быть в согласии', А *plākām* 'разрешение', В *plāki* 'согласие', лат. *placēō* 'направляюсь', *placidus* 'ровный', 'мягкий', 'мирный', наряду с др.-исл. *flaga* 'тонкий слой земли', лит. *plākanas* 'ровный', 'плоский', греч. *πλαῖξ* 'равнина', 'плоскость';

Тох. А, В *āre* 'плуг', лат. *arō, arāre* 'пахать', др.-ирл. *airim* 'пашу' наряду с гот. *arjan* 'пахать', лит. *ariū* 'пашу', ст.-слав. *orjō* 'пашу', греч. *ἀρόω* 'пашу', арм. *arawr* 'плуг';

Тох. А *mañ* 'месяц', В *meñe* 'месяц', лат. *mēnsis* 'месяц', умбр. *menzne* 'mense', др.-ирл. *mí* (из **mēns*), род. пад. *mís* (из **mēnsos*) наряду с гот. *mēna* 'месяц', лит. *mėnuo* 'месяц', греч. ион. *μῆς*, дор. *μής* 'месяц' (из **mēns*), *μήνη*, арм. *amis* 'месяц' (из **mēnsos*), алб. *múaj* 'месяц' (< **mōn*-).

Характерно, что в таких изоглоссах не участвует анатолийский ареал. Это позволяет локализовать их на хронологическом уровне 3 в пределах общиндоевропейской общности при взаимодействии ареалов А и В с полностью обособленным диалектным ареалом, из которого позднее формируется анатолийский.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в этих лексических изоглоссах индо-иранских (арийских) лексем¹. Лексические инновации, возникающие, очевидно, в диалектной общности А и В на хронологическом уровне 3 или позднее, на хронологическом уровне 4, не распространяются на области ареала В, из которой значительно позднее вычленяется

¹ Засвидетельствованная в индо-иранском форма **mēs-* 'месяц' выглядит архаизмом по сравнению с основой **mēn-* или **mēns-* от того же корня, которая и распространяется на всю диалектную область с ареалами А и В, исключая арийский и, вероятно, славянский (ср. форму **mēs-η-ko-* → рус. *месяц* и т. п.).

индо-иранский, и, возможно, на некоторые другие смежные области. Это, очевидно, указывает на некоторую обособленность данной области уже в пределах индоевропейской общности с ареалами *A* и *B*.

Такая же обособленность собственно арийской области в пределах исторического ареала *B* проявляется в наличии специфических для позднейшего индо-иранского диалекта форм числительных женского рода типа др.-инд. *tisráh* 'три' (ж. р.), авест. *tišrō*, др.-инд. *cátasrah* 'четыре' (ж. р.), авест. *čatanrō* при др.-ирл. *téoir* 'три', *cethéoir* 'четыре', ж. р.

Эта изоглосса охватывает исключительно только арийский без греческого и армянского, что и делает маловероятным соотнесение ее с хронологическим уровнем 5, и отодвигает ее к хронологическому уровню 4 или 3 в период образования категории женского рода.

5.12. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ДИАЛЕКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРЕДЕЛАХ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ОБЛАСТИ НА ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ 2

Обособленность некоторой диалектной области, из которой в дальнейшем вычленяется индо-иранский, можно предположить для общеиндоевропейского диалектного ареала уже на хронологическом уровне 2.

Весьма показателен в этом смысле ряд лексических изоглосс, включающих наряду с остальными индоевропейскими диалектами и анатолийский, не затрагивающих, однако, индо-иранского:

Ср. лув. *u(ua)lant-* 'смерть', *ulantalli-* 'смертный' (ср. иер. лув. *walatali-* 'смертный', *Laroche 1959a: 104*); тох. *A wäl-* 'умирать', *walu* 'мертвый', др.-ирл. *fuil* 'кровь', валл. *gweli* 'рана', при др.-исл. *valr* 'сраженные на поле боя', лит. *vėlės* 'духи мертвых', *Stang 1972: 62*; ср. греч. Ἠλύσιον (πέδιον) 'Елисейские поля' (при аналогичном значении местопребывания умерших у других индоевропейских слов того же корня, ср. *Puhvel 1969*);

Хет. *lagari* 'он лежит', тох. *A lāk-* 'лежать', *lake* 'ложе', 'лагерь', *B leke*, лат. *lectus* 'ложе', др.-ирл. *lige* 'кровать', гот. *ligan* 'лежать', греч. λέχετα· κοιμάται (*Гесихий*), λέχτρον 'ложе', алб. *lāgje* 'квартал';

Хет. *ḫiçant-* 'ветер'; тох. *A want*, *B yente* 'ветер', лат. *uentus*, валл. *gwynt* 'ветер', гот. *winds* 'ветер' (образование на **-ni[th]-[o]*- с этим специализированным значением 'ветер' является инновацией для всего этого ареала, исключая арийский, где 'ветер' обозначается другим производным от того же корня, как и в балто-славянском: др.-инд. *vāta-h* 'ветер', лит. *vėtra* 'буря', ст.-слав. *větrŭ* 'ветер').

Соотнесение приведенных выше лексических изоглосс с хронологическим уровнем 2 выводится непосредственно из участия анатолийского в таких изоглоссах. Анатолийская лексема, показывающая закономерное соответствие с лексемой хотя бы одного индоевропейского диалекта, автоматически проецируется на хронологический уровень 2, то есть соотносится с системой общеиндоевропейского языка до полного вычленения анатолийского ареала (ср. хронологический уровень 3 на *Схеме 3*).

Этим фактором определяется значимость лексических данных анато-

лийских языков для реконструкции общиндоевропейского состояния периода общности всех индоевропейских диалектов.

Однако хронологический уровень 2, на который проецируются анатолийские лексические соответствия другим индоевропейским диалектам, не характеризуется по необходимости диалектным единообразием, что и было установлено при анализе грамматических изоглосс. Лексические единицы, реконструируемые при анализе хронологического уровня 2, показывают диалектные различия, которые в ряде случаев совпадают в общем с диалектным членением на ареалы А и В, однако иногда дают и специфические лексические группировки, отраженные в качестве архаизмов в исторических индоевропейских диалектах, см. детально у *Gusmani 1968*.

Диалектное объединение анатолийского с тохарским и некоторыми другими диалектами на хронологическом уровне 2, совпадающее в основном с диалектным ареалом А, можно усмотреть в ряде лексических изоглосс:

Хет. *ištark-* 'болеть', тох. В *sark* 'болезнь', др.-ирл. *serg* 'болезнь' наряду с лит. *sergù, siřgti* 'быть больным';

Хет. *eku-laku-* 'пить', тох. *yok-* 'пить', лат. *aqua* 'вода' наряду с гот. *alva* 'поток', 'воды'. Противопоставляется другой индоевропейской основе **r̥h¹oH-* с тем же значением, выступающей в основном в диалектах ареала В (исключая германский): др.-инд. *řibati* 'пьет', греч. *πίω* 'пью', арм. *տրեմ* 'пью', алб. *pi* 'пить', прус. *poieiti* 'пьет', ст.-слав. *pijq* 'пью' при параллельном использовании обеих основ в кельто-италийском: лат. *bibō* 'пью', др.-ирл. *ibid* 'пьет';

Хет.-лув. *tarna-* 'череп', тох. В *tarne* 'верхняя часть головы', 'макушка' (*Poetto 1976*).

Наряду с таким бинарным членением общиндоевропейской языковой области на два больших ареала А и В, устанавливаемым по комплексному свидетельству грамматических и лексических данных, можно предположить более дробные диалектные членения, охватывающие меньшие группы языков. Такие изоглоссы можно иллюстрировать отдельными соотношениями, как хет. *dalugašti-* 'длина' при польск. *długość* 'длина', чеш. *dlouhý* 'долгий' (ср. *Порциг 1964: 278—279*);

Хет. *-tala-* (суффикс имен деятеля) при общеслав. **-telī* (суффикс имен деятеля), противопоставленное суффиксу **-t^hler* в аналогичных образованиях других индоевропейских языков (ср. *Benveniste 1948*).

5.13. ГРАММАТИЧЕСКИЕ, ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ЧЛЕНЕНИЯ ИНДРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЛАСТИ

Грамматические, фонологические и лексические изоглоссы, устанавливаемые в исторических индоевропейских диалектах, позволяют восстановить путем сравнительной реконструкции определенные этапы членения общиндоевропейской языковой области на отдельные диалектные группы, развитие которых приводит к формированию исторических индоевропейских диалектов.

Картина такого развития восстанавливается путем ретроспективно-го движения от более поздних состояний к более ранним, вплоть до состояния, отражающего языковое единство, уже расчлененное на определенные диалектные группы. Дальнейший ход в глубь предшествующих языковых состояний можно осуществить уже путем внутренней реконструкции, что и было выше проделано для древних состояний праиндоевропейского языка в отношении его фонологической, морфологической и синтаксической структур.

5.14. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СООТНОШЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ И НЕИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ ЕВРАЗИИ

Описанное ареальное членение общендоевропейского языка на диалектные общности, распадающиеся в дальнейшем на обособленные диалекты, приводит в конечном счете к формированию отдельных индоевропейских языков, которые в историческую эпоху распространились на обширных территориях Евразийского континента.

Географическое распределение этих языков в отношении друг к другу и по отношению к языкам других генеалогических семей сложилось в результате сложных исторических процессов, приведших к перегруппировке первоначально ареально близких диалектов общендоевропейского языка.

По письменным памятникам этих языков можно установить их древнейшее размещение в Евразии в исторический период и представить общую картину географических взаимоотношений этих языков с неиндоевропейскими языками смежных ареалов (см. *Карту* размещения диалектов, стр. 427).

Предлагаемая языковая карта Евразии представляет основные группы индоевропейских языков и контактировавших с индоевропейскими языками других языковых семей, которые были распространены на Евразийском континенте в различные исторические периоды. Тем самым Карта дает не картину одновременного ареального распространения этих языковых групп в определенный исторический период, а представляет пространственную фиксацию рассматриваемых групп языков с точки зрения их исторического расположения в пределах Евразийского континента. В этом смысле предлагаемую карту следует рассматривать скорее как схему взаимного расположения языков (главным образом, протоязыковых образований) с проекцией их размещения, устанавливаемого для разных эпох, на единую пространственную плоскость. Тут как бы несколько карт, отражающих взаимное распределение языков в определенный исторический период, объединены в единую пространственно-временную схему.

Тамаз Валерианович Гамкrelидзе
Вячеслав Всеволодович Иванов

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ЯЗЫК И ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

Книга первая

INDO-EUROPEAN AND THE INDO-EUROPEANS

by

Thomas V. Gamkrelidze

&

Vjacheslav V. Ivanov

Part One

Редактор издательства М. Р. Ч х а и д з е

Художественный редактор И. К. Ч и к в и н и д з е

Технические редакторы: А. В. О м и а д з е
И. В. Х у ц и ш в и л и

Корректор Е. С. С у л х а н и ш в и л и

ИБ 325

Сдано в производство 13.12.79. Подписано в печать 15.12.83.

УЭ 01059. Бумага № 1. 70×108.

Усл. печ. л. 46,2. Уч.-изд. л. 40,28. Тираж 5000. Заказ 2011

Цена 4 р. 80 к.

Издательство Тбилисского университета,
Тбилиси, 380028, пр. И. Чавчавадзе, 14.
თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა,
თბილისი, 380028, ი. ჭავჭავაძის პროსპექტი, 14.

Набрано в типографии ТГУ,
Тбилиси, 380028, пр. Чавчавадзе, 1.

Отпечатано и переплетено в
Типографии АН ГССР,
Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა,
თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19